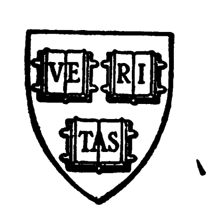
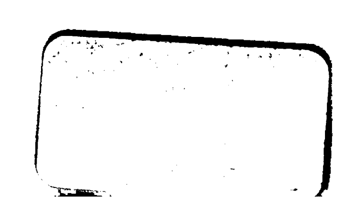
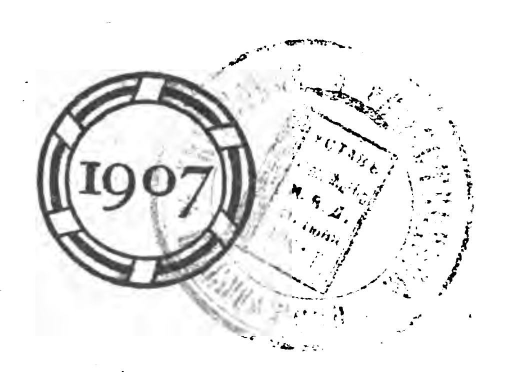

VE
RI
TAS

ОБРАЗОВАНІЕ

МАЙ.

Вслѣдствіе четырехнедѣльной забастовки въ типографіи майскій номеръ выходитъ съ значительнымъ опозданіемъ.

Содержаніе № 5.

XVI. 1907

ОБРАЗОВАНІЕ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Б. М. Вольфа, Невскій, 126
1907.

16 Іюня.

СОДЕРЖАНІЕ № 5.

Три дня.

Разсказъ **Дим. Крачковскаго.**

По тропинкѣ шелъ прохожій.

Прохожій своего вѣка, онъ былъ одѣтъ въ сѣрый, скучный костюмъ, и широкая шляпа, надвинутая на лобъ, закрывала отъ его глазъ лазурь неба и огненный блескъ солнца.

Когда прошелъ онъ много, много шаговъ по узкой тропинкѣ, по сторонамъ которой волновалась тощая, голодная рожь, когда солнце все настойчивѣе и настойчивѣе жгло его голову, а сѣрый, скучный костюмъ все мучительнѣе тяготилъ его тѣло, прохожій сѣлъ на камень, разстегнулъ у ворота сѣрый костюмъ, снялъ шляпу, поднялъ голову, ослѣпилъ себя огнемъ солнца, блескомъ небесной лазури, и сказалъ:

— Нельзя молчать, нельзя больше молчать. Мы молчали долгія, долгія столѣтія. Нельзя молчать. Мы приближаемся къ тому возрасту, когда надо говорить. Мы возмужали, у насъ огромныя, черныя бороды, и въ бородахъ нашихъ уже вьются серебряныя нити. И неужели даже тогда, когда вся наша борода посеребрится, мы, какъ и въ дѣтскіе годы, будемъ трепетать только передъ тѣмъ, что визжитъ и кричитъ, что надѣваетъ страшныя маски и своимъ открытымъ ужасомъ преслѣдуетъ насъ? Неужели даже въ старости мы не будемъ подслушивать тихихъ жалобъ одинокихъ страданій и рыданій убитыхъ надеждъ? Неужели даже въ старости мы не поймемъ, что основной лейтмотивъ пѣсни, которую пѣло человѣчество каждый день всѣхъ своихъ столѣтій, это было одно безконечное, какъ осенній дождь, рыданіе молчаливой надежды. Неужели мы не поймемъ, что это молчаніе было невыносимо, и люди, грудь которыхъ разрывало молчаніе, озлоблялись, точили свои мечи, и, оскаливъ зубы, набрасывались другъ на друга и истребляли одни другихъ?

Неужели мы не поймемъ, что пора намъ заглянуть въ

самый корень молчанія, пора открыть новый университетъ, и преподавать тамъ новую химію, которая разложила бы это молчаніе на шестьдесятъ шесть, а, можетъ быть, на сто шестьдесятъ шесть элементовъ и вскрыла всѣ тѣ страданія, которыя, какъ молекулы, входятъ въ составъ этого, вставшаго чернымъ призракомъ молчанія.

Пора, давно пора понять, что мы заперты въ комнатѣ, и стѣны комнаты—каменныя стѣны тюрьмы. Пора понять, что всѣ мы бьемся въ комнатѣ, страдаемъ и убиваемъ другъ друга только потому, что намъ душно, намъ тѣсно, насъ гложетъ черное молчаніе стѣнъ. Мы зажигаемъ огни, яркіе, какъ солнце, мы украшаемъ нашу комнату тканями и коврами, мы, озлобленные и тоскующіе, выдумываемъ игры и забавы. Но и птичка въ клѣткѣ перепрыгиваетъ съ ножки на ножку, но и у птички въ ея сердечкѣ дрожатъ слезы, и птичка, когда встаетъ весна и таютъ ледяныя сосульки, и шумитъ, и грохочетъ свободная вода, начинаетъ чахнуть, хирѣть, а потомъ ножки не поддерживаютъ вздрагивающаго тѣла, и птичка, какъ сѣренькій комочекъ, сваливается на желтый песокъ.

Пора, пора открыть новый университетъ, пора призвать новыхъ химиковъ съ новыми микроскопами, пора увеличить молчаливыя страданія людей въ тысячу, въ сто тысячъ разъ и пора, наконецъ, написать новое сочиненіе, назвать его Новымъ Евангеліемъ и положить его въ первомъ углу каждой лачуги и каждаго дворца.

Нельзя больше молчать. Надо узнать, кто мы? Пора опредѣлиться. Надо узнать, почему мы мечтаемъ, и почему, когда мечтаемъ, рыдаемъ, и слезы, какъ жемчужины, льются изъ нашихъ глазъ. Надо узнать, зачѣмъ мы убиваемъ, а потомъ прижимаемъ холодный трупъ къ своей груди и опять рыдаемъ, и опять, слезы какъ жемчужины, льются изъ нашихъ глазъ. Надо узнать, зачѣмъ мы пишемъ о птичкахъ, которыя щебечутъ на лафетахъ пушекъ и на перекладинахъ висѣлицы, а, когда читаемъ о щебечущихъ птичкахъ, рыдаемъ, и слезы, какъ жемчужины, льются изъ нашихъ глазъ.

Надо узнать, кто мы? Надо узнать, кто мы?

Прохожій всталъ и съ непокрытой головой пошелъ по тропинкѣ, гдѣ колыхалась и золотилась тощая рожь.

И приблизился онъ къ обрыву, взошелъ на высокую скалу и увидалъ въ безднѣ обрыва сверкающіе своей красотою лѣса, рощи, луга, озера, ручьи, низвергающіеся каскады, увидалъ, какъ волны легкаго водяного пара поднимались къ лазурному небу, сливались съ облаками неба, и

земля и небо улыбались другъ другу и цѣловались поцѣлуемъ своихъ облаковъ.

Онъ увидалъ, какъ лучи солнца огненными стрѣлами пронизали бѣлыя облака, и въ сіяніи пылающаго свѣтила озера, ручьи, каскады съ жемчужной пѣной горѣли словно брилліантами, и ослѣпляющій глаза блескъ разливался широкой волною, и море этого свѣта колыхалось въ легкомъ эфирѣ.

И взошелъ прохожій на самый высокій камень скалы, свѣсился надъ бездной, и увидалъ дни своего вѣка—прошедшіе, настоящіе и грядущіе.

Увидалъ онъ, какъ изъ чащи зеленыхъ лѣсовъ и рощъ, съ ковровъ полей и луговъ поднялись и улетѣли пчелы и робкія птички, эти пчелы и птички лицемѣрнаго покоя и благополучія будничныхъ дней; увидалъ онъ, какъ взвились голуби, эти бѣлыя птицы семейнаго мѣщанскаго благополучія; увидалъ черныхъ каркающихъ вороновъ, которые предвѣщаютъ непогоду, и увидалъ страшныхъ новыхъ орловъ съ бѣлыми и красными перьями, которые широко размахивали крыльями и своими немигающими зрачками оглядывали землю по всѣмъ ея направленіямъ.

Слѣдилъ внимательными глазами прохожій за полетомъ пчелъ и птицъ и казалось ему, что онъ летитъ вслѣдъ за пчелами и птицами и видитъ все то, что видятъ онѣ, и казалось ему, что передъ нимъ открываются необычайные подъемы и закаты солнца, и казалось ему, что, какъ самый сильный и могучій орелъ, онъ паритъ высоко надъ землею и видитъ, какъ медленно вскрывается молчаніе земли, и бурлитъ, и пѣнится, словно хлынувшая могучая рѣка. И смотрѣлъ онъ и задыхался въ головокружительномъ восторгѣ.

Поднимался легкій водяной паръ къ солнцу, соединялся съ облаками неба, окутывалъ высокую скалу, окружалъ ее облаками и скрывалъ скалу отъ глазъ лѣсовъ, луговъ, озеръ и каскадовъ.

Медленно, медленно передвигались облака по лазурному небу, соединялись въ караваны, разрывались, плыли одиночками, словно огромныя снѣжныя горы и сіяли дѣвственной чистотою.

И темнѣли они и просвѣтлялись, и опять темнѣли и опять просвѣтлялись. Сверкали облака бирюзою и сверкали алой краской, и опять чернѣли, и опять были чище снѣга. Передвигались облака одни за другими, и мало-по-малу разгорался день.

И въ блескѣ солнца, въ ожерельи разорвавшихся облаковъ на высокой скалѣ поднялся прохожій, поднялся, какъ

великанъ, и глазами орла посмотрѣлъ въ сторону востока, откуда шли старые дни и откуда придутъ новые.

I.

— Жу-жу-жу,—жужжатъ пчелки въ саду, собираютъ медъ душистый и приносятъ прозрачный нектаръ въ восковыя соты.

— Кюи-кюи,—щебечутъ птички, взлетаютъ на раму окна и смотрятъ на людей съ глазами, обращенными другъ на друга.

Этотъ взглядъ упрека и недоумѣнія—кто не знаетъ его?

Вотъ мужъ и жена.

Они давно уже все переговорили, они давно знаютъ всѣ свои привычки, манеру ѣсть, ходить, покачивать бедрами, размахивать руками, кашлять, сгибаться во время работы, обниматься въ любовной ласкѣ, считать деньги. Но знаютъ ли они, что говоритъ этотъ взглядъ упрека, этотъ взглядъ недоумѣнія, когда такъ хочется словъ живыхъ и яркихъ?

— Ты молчишь,—говоритъ жена.—Почему ты молчишь?

— Развѣ все перескажешь?—спрашиваетъ мужъ.

— Два слова, только два слова,—проситъ жена.—Тебѣ тяжело?

— Нѣтъ.

— Тебѣ грустно?

— Нѣтъ.

— Ну, что же, что же съ тобой?

Мужъ встаетъ съ мѣста, опускаетъ руки на плечи жены и говоритъ:

— Всего не перескажешь,—и цѣлуетъ ее.

Но въ кругу пріятелей, когда жена прислуживаетъ за веселымъ столомъ, мужъ говоритъ:

— Моя женка очень любопытна, а развѣ все перескажешь?

Всѣ пріятели громко хохочутъ, всѣ пріятели оставили въ своихъ домахъ женъ, которымъ мучительно хочется словъ мужей, и всѣ пріятели говорятъ:

— Нѣтъ, нѣтъ всего не перескажешь.

Они смотрятъ на дно шкаликовъ, и со дна шкаликовъ встаютъ веселыя мысли и гонятъ мрачныя.

И чудится имъ, что тѣ фабрики, которыя съѣдаютъ ихъ силу, остановились—не вертятся колеса, не стучатъ рычаги, не шипятъ ремни, чудится имъ, что изъ печатныхъ станковъ вылетаютъ листы бумаги, на которыхъ написано:

Пробудилась весна. Небо было голубое, какъ голубой

шелкъ, ползли облака, въ поляхъ распускались цвѣты, люди пѣли, радовались, любили другъ друга, и всѣ были заняты дѣломъ, такимъ радостнымъ и веселымъ.

Чудится имъ, что наглухо закрыты стальными дверьми темныя пещеры, куда они прятались, какъ кроты и стучали молотками, гдѣ шумѣла вода, а черные кони, напрягая свои мускулы, вывозили вагонетки съ мѣдью. Чудится имъ, что провалились узкіе колодцы, куда, какъ длинная сигара, опускалась желонга, потомъ взвивалась вверхъ и, какъ зеленое чудовище, разбрасывала во всѣ стороны брызги своей зеленой нефти и слѣпила глаза. Чудится имъ, что горы стоятъ безмолвныя, и въ глубинахъ ихъ лежитъ спокойная мѣдь, чудится имъ, что вся природа радуется безмятежному покою мѣди, чудится имъ, что нефть, какъ спокойное море, разливается въ своихъ подземныхъ берегахъ и живетъ таинственною жизнью.

— Нѣтъ, всего не перескажешь,—смѣются они, и молчаливый взглядъ одного встрѣчается съ молчаливымъ взглядомъ другого.

Пчелки жужжатъ-жу-жу-жу и летятъ къ новымъ лепесткамъ.

Птички глядятъ въ другое окно, перепрыгиваютъ съ ножки на ножку и кричатъ: кюи-кюи.

Высокая столовая, много воздуху, много свѣта, крѣпкіе стулья, крѣпкій дубовый буфетъ, столъ, покрытый бѣлой скатертью, и вокругъ стола сидитъ большая семья: отецъ, мать, дѣдуся, бабуся, тетя Варя, сыновья—инженеръ и студентъ, дочери—Соня, Катя, одна въ голубомъ, другая въ розовомъ, маленькіе Жоржикъ и Серафимочка.

И, когда подаютъ жаркое, всѣ умолкаютъ, наклоняютъ свои головы къ тарелкамъ, и вдругъ у Сонечки въ голубомъ краснѣетъ лицо, краснѣютъ уши и шея, а на глазахъ появляются слезы.

Нарушая молчаніе, дѣдуся говоритъ:

— Завтра святого Ильи.

Жоржикъ, съ торчащими ежикомъ волосами, вдругъ брызжетъ слюной и хохочетъ.

Тогда отецъ говоритъ:

— Сиди за столомъ прилично. Если не будешь сидѣть прилично, я выгоню тебя вонъ.

Жоржикъ перестаетъ смѣяться и закрываетъ ротъ рукою.

И опять молчаніе, долгое и мучительное.

Бабуся говоритъ:

— Есть народное повѣріе: на Илью всегда дождь.

Теперь хихикаетъ Серафимочка, и такъ хихикаетъ, что даже начинаетъ плакать.

Мать замѣчаетъ:

— Серафимочка, ты слыхала, что папа сказалъ Жоржику?

И опять молчаніе.

И въ груди у каждаго дрожатъ слова, сжатыя чернымъ молчаніемъ, дрожатъ, какъ крупныя, горячія слезы.

У Кати въ розовомъ есть женихъ, товарищъ брата, студентъ.

Вечеромъ, когда они сидятъ въ комнатѣ розовой, какъ платье Кати, онъ цѣлуетъ ея руки, она касается своими волосами его волосъ и слушаетъ его.

Онъ говоритъ важныя слова, такія слова, дальше которыхъ не шло еще человѣчество! Онъ говоритъ о подвигѣ, о вѣрѣ, о надеждѣ и о любви.

Онъ, молодой и сильный, весь въ будущемъ и зоветъ туда робкую Катю, такую неопытную и такую любящую.

Но если бы здѣсь за столомъ она повторила его слова, если бы за бѣлымъ столомъ, гдѣ сидитъ вся ея большая семья, нарушая тягостное молчаніе, она сказала:

— Я хочу страдать и жить такъ, какъ хочетъ страдать и жить мой любимый.

Что случилось бы тогда?

Тогда отецъ ударилъ бы кулакомъ по бѣлому столу и крикнулъ:

— Молчать!

Мать заплакала бы и сказала:

— О, Катичка, Катичка!

Дѣдуся и бабуся еще сильнѣе задрожали бы своими руками и губами и спросили другъ друга:

— Что она сказала, что она сказала?

Сестра Соня прошептала бы:

— Зачѣмъ ты сказала это?

Братья покраснѣли бы и начали кашлять.

Карапузъ Жоржикъ и Серафимочка залилась бы хохотомъ, а Жоржикъ, пожалуй, крикнулъ бы:

— Вотъ, дура!

А если бы Соня сказала:

— У меня есть дневникъ, на страницахъ котораго я ежедневно заношу свои мысли. Я говорю, что многому училась, ходила въ гимназію и все же чувствую себя не развитой и даже глупой, что папа всегда занятъ, не замѣчаетъ меня такъ же, какъ не замѣчаетъ и другихъ дѣтей, что мама очень любитъ разговаривать со знакомыми о шляпкахъ и платьяхъ, что я завидую Катѣ, такъ какъ у нея есть женихъ, а у меня нѣтъ жениха, и мнѣ мучительно хочется любить и я постоянно вижу сны, что меня кто-то

цѣлуетъ, а потомъ хожу больная весь день. Я говорю, что жизнь минутами представляется мнѣ пустой и ничтожной, потому что я слышу ничтожныя, мертвыя слова и всѣ люди мертвые.

Что случилось бы тогда?

А если бы сынъ инженеръ сказалъ:

— Отецъ, теперь, когда вся семья сидитъ за этимъ длиннымъ столомъ, намъ слѣдовало бы поговорить съ тобою кое-о-чемъ. Когда я былъ такимъ карапузомъ, какъ Жоржикъ, ты покупалъ мнѣ карандаши, линейки, книжки съ волками и овцами, ставилъ меня въ уголъ и оставлялъ безъ сладкаго. Потомъ ты отдалъ меня въ гимназію и, когда я получалъ двойки, ты ругалъ меня и поворачивался ко мнѣ спиною, а когда—пятерки, ты гладилъ меня по волосамъ и даже цѣловалъ. Днемъ и ночью я грезилъ о пятеркахъ, зубрилъ и окончилъ первымъ.

Ты сказалъ мнѣ:

— Будь инженеромъ и получай много денегъ.

Я инженеръ и получаю много денегъ.

Но часто вечеромъ, когда я гуляю по полотну желѣзной дороги, смотрю на звѣзды и слышу шепотъ вѣтра, я не хочу быть инженеромъ, не хочу, чтобы въ моихъ пальцахъ хрустѣли сторублевыя бумажки, не хочу съ чужими и отвратительными людьми пить водку въ буфетѣ. Я хочу уйти къ другимъ людямъ, хочу услыхать новыя слова и хочу понять, почему вѣтеръ такъ нѣжно освѣжаетъ мое лицо и любовно играетъ моими волосами, почему звенитъ проволока и передаетъ безсмысленныя и печальныя телеграммы, а не радостныя и значительныя, я хочу, чтобы возлѣ моего лица было другое лицо, честное и открытое, которое разсказало бы мнѣ все это. Я не хочу дворцовъ и сторублевыхъ бумажекъ.

Отецъ, ты исковеркалъ мою жизнь.

Что бы случилось тогда?

А если бы сынъ студентъ сказалъ:

— Всѣ вы, и дѣдуся, и бабуся, и папа, и мама, и молчаливыя сестры, и молчаливый братъ—всѣ вы для меня чужіе люди, словно люди холоднаго и далекаго Марса. Я одинокъ въ нашей большой семьѣ, и мои слова непонятны вамъ, а ваши мнѣ. Я иду къ своей звѣздѣ, всегда одинокій, всегда мучительно одинокій.

Что бы случилось тогда?

И молчитъ большая семья, а у Сони въ голубомъ пылаютъ щеки, шея и уши.

Подаютъ сладкое, а тетя Варя говоритъ:

— Есть народное повѣріе, что на Илью всегда дождь, но въ прошломъ году дождя не было.

Молчаніе виситъ въ комнатѣ, недоумѣвающіе глаза встрѣчаются одни съ другими и опускаются внизъ.

— Почему?—спрашиваютъ глаза.—Почему?

— Жу-жу-жу,—жужжатъ пчелки и пьютъ душистый нектаръ.

Маленькія птички заглядываютъ въ окно, трепещутъ крыльями, а потомъ летятъ къ облакамъ и ныряютъ въ лазури.

Сильный, молодой, красивый мужчина цѣлуетъ руки женщины, потомъ цѣлуетъ ея глаза, волосы, потомъ опускается на коверъ и припадаетъ къ ея колѣнямъ.

Въ окно смотритъ багряный вечеръ.

Все небо окуталось розовой пеленой, на западѣ поднялись золотыя горы — тамъ спряталось солнце, и розовое небо, и золотыя горы говорятъ о правдѣ, о вѣчности и хранятъ про себя великую тайну.

Розовый покровъ неба бросаетъ на матовое лицо женщины свои потухающія краски. преображаетъ его, и глаза, въ которые смотритъ тотъ, который стоитъ на колѣняхъ, глубокіе, огромные, какъ темное, бездонное озеро.

Эти глаза смотрѣли на него и вчера, и недѣлю тому назадъ, и мѣсяцъ, всегда серьезные, страдающіе, и что таилось тамъ—подъ невозмутимой гладью молчанія? Что?

— Любитъ ли она меня?—думалъ онъ, проснувшись ночью и вглядывался въ темноту.

Изъ темноты на него смотрѣли эти страдающіе глаза, и было такъ мучительно и больно, и рыдалъ онъ беззвучными слезами. Ежедневно онъ опускался на колѣни, ежедневно, опускаясь на колѣни, хотѣлъ умереть и хотѣлъ услыхать только одно ея настоящее слово.

Когда сгущались сумерки, она говорила:

— Я люблю васъ, — и глаза ея зажигались огромнымъ страданіемъ, ея губы сливались съ его губами, и вся она такая гибкая, такая эластичная, такая душистая и такая прекрасная отдавалась ему, дрожала въ могучей страсти, потомъ казалась безжизненной и мертвой, потомъ широкооткрытыми глазами долго, долго смотрѣла на него, потомъ рыдала и задыхалась въ рыданіяхъ, срывала свои брилліанты и перстни, ломала пальцы и закусывала до крови алыя губы.

И ежедневно она прижималась къ нему и ежедневно отталкивала его отъ себя. И ежедневно она говорила:

— Я люблю васъ,—а потомъ глаза казались стеклянными, ихъ касалась рука молчанія, и огромное, словно застывшее

страданіе, смотрѣло на него изъ прекрасныхъ глазъ и, какъ недосягаемое, бѣлое, чистое облако, она уплывала, уходила отъ него на тысячи, на сотни тысячъ верстъ.

Онъ жилъ только тогда, когда стоялъ рядомъ съ нею.

Развѣ его дѣло не такое дѣло, которое можно бросить сегодня и завтра промѣнять на другое? Развѣ, если онъ писатель, который пишетъ разсказы, повѣсти, романы, романы въ сотнѣ томовъ, тысячѣ томовъ, который пишетъ божественныя поэмы—великія и безсмертныя, развѣ связаны его руки и не вправѣ ли онъ сломать перо, вылить чернила, уйти въ поле, посмотрѣть на звѣзды, или сѣсть на берегу океана и разсказать про себя ту поэму, которую не выразить самыми безсмертными словами, самыми причудливыми и фантастическими образами? Если онъ строитель, не вправѣ ли онъ разорвать всѣ свои планы, выстроить воздушный замокъ, войти въ него и забыться? Если онъ творецъ, развѣ онъ не рыдаетъ надъ своимъ твореніемъ, которое отлилось въ самыя прекрасныя формы, развѣ не скорбитъ онъ и не мечтаетъ о другомъ твореніи, недосягаемомъ и мучительномъ въ своей недосягаемости?

А если онъ не творецъ, если онъ знаетъ только однѣ будни, знаетъ тарелки, на которыхъ ему подаютъ пищу, стаканы, въ которыхъ искрится вино, книги, всегда сжатыя такими узкими рамками, знаетъ семью родныхъ, кругъ друзей и пріятелей, — развѣ тогда эта любовь, ласка этихъ рукъ, поцѣлуй этихъ губъ не есть то недоговоренное, что терзаетъ его при созданіи поэмы, статуи, картины, что терзаетъ въ смѣхѣ пріятелей и въ дружбѣ друзей?

И вотъ, когда онъ подходитъ къ ней и стоитъ рядомъ съ нею, когда страданія длиннаго дня на порогѣ ея комнаты убѣгаютъ и скрываются, онъ видитъ огромные, молчаливые глаза и слышитъ рыданія.

И онъ говоритъ:

— Если я не разгадаю этихъ рыданій, я убью себя.

Опять онъ припадаетъ къ ея колѣнямъ, опять цѣлуетъ ея душистыя руки съ перстнями и опять видитъ ея темные глаза, какъ бездонное озеро, въ которыхъ дрожатъ слезы, а потомъ медленно скатываются одна за другой по щекамъ и спадаютъ на его руки.

И слезы ея въ пурпурѣ вечера кажутся кровавыми слезами, крупными, какъ рубины.

Золотыя горы распадаются, небо уже темно-голубое, сверкаютъ звѣзды и поднимается мѣсяцъ—такой холодный, блѣдно-золотой.

На широкихъ крыльяхъ спускается ночь.

Пчелки улетаютъ въ ульи и тамъ глухо жужжатъ: жу-жу-жу.

Стоятъ ульи на мшистой муравѣ подъ деревьями, и на разсвѣтѣ, съ первымъ лучомъ солнца, когда отъ воды поднимается бѣлый туманъ, пчелки полетятъ къ чашечкамъ цвѣтовъ и припадутъ къ бархатнымъ лепесткамъ.

Птички копошатся въ шатрѣ деревьевъ, и каждый листъ— словно изъ старой бронзы. Но темнѣютъ листы, чернѣютъ, и птички уже дремлютъ, запрятавъ головки подъ крылышки.

Изъ окна дѣтской полосы свѣта ложатся на зелень деревьевъ и она, фантастическая зелень, тихо шелеститъ своимъ покровомъ.

Въ кроваткѣ лежитъ мальчикъ.

Онъ, какъ и всѣ дѣти, передъ сномъ много думаетъ.

Онъ лежитъ въ чистой льняной сорочкѣ, сложилъ ручки на груди, перебираетъ пальцами, онъ тихо улыбается и мурлычетъ. Потомъ смотритъ на Бога, освѣщеннаго огонькомъ лампады, и лицо у Бога строгое, сѣрое.

Потомъ приподнимается на локоть, смотритъ на лампу съ темнымъ абажуромъ, на свои штанишки съ лифчикомъ, на чулки, смотритъ на дверь, и все молчитъ, и все не такое, какъ днемъ. Въ окнѣ молчатъ поникшія деревья, днемъ эти деревья вздрагиваютъ листьями, и каждый зеленый листъ золотой, и на листѣ протянулись жилки, а теперь деревья черныя, страшныя. И, можетъ быть, завтра утромъ онѣ опять будутъ черными, и, можетъ быть, завтра утромъ не взойдетъ солнце.

— Развѣ люди знаютъ, взойдетъ солнце или не взойдетъ? — думаетъ онъ.—И штанишки съ лифчикомъ лежатъ словно мертвые, очень смѣшные, а вѣдь сегодня днемъ штанишки были живые и коробились на моихъ ногахъ. И дверь не скрипитъ на своихъ петляхъ — притворили ее, и будетъ она молчать всегда, если не толкнуть. Все молчитъ. А я, если захочу, могу размахивать руками, мурлыкать и смотрѣть на сѣдого Бога, а, если не захочу, могу закрыть глаза и не смотрѣть.

И мальчикъ думаетъ, что у сѣдого Бога такіе же глаза, носъ и борода, какъ и у папы, но папа красивѣе Бога. У папы есть пенснэ, которое папа надѣваетъ, когда читаетъ книгу и пишетъ письма, а у Бога нѣтъ пенснэ. Но папа, какъ и эта комната ночью, молчитъ, и мама молчитъ, и няня молчитъ, и кухарка молчитъ, и дворникъ молчитъ, когда поливаетъ въ саду цвѣты водою.

— Почему они молчатъ?—думаетъ онъ.

Папа чаще всего молчитъ тогда, когда обѣдаетъ съ ма-

мой, но если приходятъ гости, папа разговариваетъ и улыбается. Папа всегда говоритъ мамѣ:

— Ты меня не понимаешь.

Но папа всегда говоритъ такія простыя слова, что даже я, маленькій мальчикъ, понимаю папу.

Я знаю: папа понимаетъ маму, но притворяется, мама понимаетъ папу и тоже притворяется. Если папа скажетъ, что обѣдъ приготовленъ удачно, мама отвѣтитъ, что неудачно, если мама замѣтитъ, что дворникъ лѣнтяй, папа скажетъ, что дворникъ прекрасный малый. И сейчасъ они начинаютъ спорить. Спорятъ часъ, два, а иногда весь вечеръ. Но мнѣ, маленькому мальчику, смѣшно слушать. Я знаю, что они спорятъ потому, что имъ хочется поговорить. Нельзя всегда молчать.

Иногда папа зѣваетъ, и тогда у него очень скучное лицо, а я знаю, что папѣ не хочется идти въ кабинетъ и заниматься своими дѣлами. Но папѣ нужно много работать, чтобы покупать мамѣ шляпу, манто и платить извозчику, когда мама ѣздитъ за покупками.

Папа очень бѣдный и даже несчастный человѣкъ. Я слыхалъ, какъ папа однажды сказалъ мамѣ:

— Я бѣднякъ, я нищій. Всѣ деньги я отдаю семьѣ.

И мама тоже несчастная. Она часто плачетъ, и незамѣтно вытираетъ свои слезы. Но я не люблю, когда мама старается незамѣтно ихъ вытереть. Если хочется плакать — надо плакать.

Папа, когда видитъ слезы мамы, самъ смѣшно моргаетъ глазами и говоритъ:

— Милая моя, почему ты плачешь? — потомъ цѣлуетъ маму.

Но мама вырывается изъ объятій папы и говоритъ:

— Оставь меня, я не плачу.

Не хорошо, что мама вырывается изъ объятій папы. Папа добрый и могъ бы сказать свои добрыя слова. Оба они — и папа, и мама — очень добрые, я это хорошо знаю.

Почему они спорятъ? Почему они молчатъ?

И всѣ люди такіе: какъ только я подбѣгу къ кому-нибудь, меня погладятъ по волосамъ, поцѣлуютъ, а потомъ забудутъ обо мнѣ и даже сердятся, если я напоминаю о себѣ. И всѣ думаютъ, думаютъ, и всѣ такіе умные, всѣ заняты, всѣ читаютъ книги и газеты. И никто не говоритъ о томъ, что онъ прочиталъ и что придумалъ. Вѣдь каждый человѣкъ, когда сидитъ въ креслѣ, размахиваетъ ногою и смотритъ въ потолокъ, что-нибудь въ это время уже придумалъ. И вотъ придумалъ, молчитъ и не говоритъ.

Я маленькій мальчикъ, я очень маленькій мальчикъ, но

все же, когда сумерки входятъ въ комнату, я вижу людей, которые стоятъ въ углахъ и знаю, что это тѣ люди, которые вечеромъ незамѣтно пробираются изъ сада, потому что имъ холодно въ саду и они хотятъ погрѣться. Я не молчу, я всѣмъ разсказываю, что вижу сѣрыхъ людей, и всѣ смѣются.

Въ солнечный день, когда я стану возлѣ чернаго забора и прищурю глаза, я вижу, какъ въ воздухѣ летаютъ маленькіе золотые ангелы, словно золотые жучки. И я опять не молчу, всѣмъ разсказываю о золотыхъ ангелочкахъ, и опять всѣ смѣются. Но пусть смѣются, если имъ хочется посмѣяться надъ маленькимъ мальчикомъ.

Я увѣренъ, что каждый человѣкъ, когда прижмется къ забору и прищуритъ глаза, видитъ ангеловъ, но притворяется и говоритъ, что не видитъ. Люди молчатъ и что-то думаютъ. Всѣ они притворяются. И кухарка притворяется, и дворникъ притворяется, и та дама, которая приходитъ къ мамѣ, притворяется, и она не веселая, а скучная, и тотъ худой господинъ, который приходитъ къ папѣ въ гости съ золотымъ широкимъ кольцомъ на пальцѣ, тоже притворяется, онъ не богатый, а бѣдный—я забрался рукою въ карманъ его пальто и увидалъ въ карманѣ большую, большую дыру. Всѣ они молчатъ, а я знаю, что они думаютъ.

Мальчикъ опять приподнимается на локоть, смотритъ на лампу съ темнымъ абажуромъ, на окно, гдѣ таинственно протягиваютъ свои вѣтви черныя деревья, днемъ зеленыя и трепещущія, смотритъ на штанишки, на молчаливую дверь, а потомъ вдругъ щуритъ глаза и говоритъ:

— Эй, ангелочки, вылетайте.—И ангелочки начинаютъ кружиться въ огнѣ лампы, какъ крошечныя козявки, они трепещутъ своими крылышками, и мальчику слышится шорохъ отъ трепета ихъ крылышекъ: шу-шу-шу.

Потомъ мальчикъ широко раскрываетъ глаза, ангелочки улетаютъ, а въ комнату входитъ огромное молчаніе, словно вкатывается черная карета или большой, какъ большая гора, клубокъ черной ваты, и дверь и штанишки уже большіе и злые, и какое-то чудовище смотритъ на мальчика и размахиваетъ своими лапами, какъ размахиваетъ ракъ клешнями.

Мальчикъ покрываетъ голову одѣяломъ, дрожитъ и думаетъ: что случится сейчасъ?

И молчаніе запускаетъ свои клешни подъ одѣяло, шаритъ и ищетъ мальчика.

Онъ потѣетъ, задыхается и шепчетъ слова молитвы.

Ночь все шире, шире распростираетъ свои крылья и

ярче зажигаются драгоцѣнныя звѣзды. Въ садахъ спятъ цвѣты, спятъ травы, спятъ листья.

На шелковистой муравѣ стоятъ ульи, какъ черные грибы, дремлютъ молчаливыя пчелы, угрюмо сидятъ на своихъ сотахъ, и одна какая-нибудь тяжело переползаетъ съ мѣста на мѣсто и вдругъ начинаетъ злиться и жужжать: жу-жу-жу.

Птицы слѣпыми глазами смотрятъ въ ту сторону, откуда вырываются волны свѣта, и, наивныя, легковѣрныя, принимаютъ огни ночи за огонь солнца, начинаютъ волноваться и кричать: кюи-кюи.

Но скоро онѣ понимаютъ свое заблужденіе, опять прячутъ головки въ пушокъ крыльевъ, засыпаютъ и вздрагиваютъ во снѣ.

Женщина стоитъ на тротуарѣ, глядитъ на черное небо, на рядъ фонарей, и желтые огни фонарей, тусклые и больные въ своей зловѣщей симметричности, убѣгаютъ въ темноту ночи, туда, къ бульварамъ съ чахлыми деревьями, съ гнилыми скамьями и окурками на пескѣ.

Вся улица живетъ темной, нездоровой жизнью ночи, и рысаки ночи съ развѣвающимися гривами и огненными глазами кажутся чудовищами ночи, и повозки ночи съ круглыми колесами и широкими кузовами кажутся повозками гробовщиковъ, на днѣ которыхъ лежатъ бѣлые трупы съ открытыми глазами, и люди ночи кажутся людьми, у которыхъ есть только бѣлые, острые, какъ у звѣрей, зубы, сверкающіе глаза, огромные карманы, въ которыхъ звенитъ золото, и сквозныя дыры въ томъ мѣстѣ, гдѣ у людей дня бьется сердце и трепещетъ душа.

Женщина въ яркомъ манто, въ яркой шляпѣ, съ яркимъ зонтомъ, въ высокихъ лакированныхъ ботинкахъ съ золотой шнуровкой, приподнимаетъ высоко свою юбку, показываетъ ботинки и чулки съ дырочками и идетъ туда, куда убѣгаютъ желтые огни фонарей и пропадаетъ въ чахлой зелени бульваровъ.

Она дѣлаетъ два-три шага и останавливается. Ей загораживаетъ дорогу мужчина и обнимаетъ ее. Они молча смотрятъ другъ на друга, и глаза у мужчины хищные, острые и эти глаза въ короткую секунду хотятъ раздѣть ее, обнажить, узнать упругость ея тѣла, упругость груди, бѣлизну шеи, узнать, свѣжій она товаръ или гнилой.

И опять она дѣлаетъ два-три шага и опять останавливается, опять глаза, глаза и глаза и руки на плечахъ и на груди. Она вырывается изъ мужскихъ объятій, она поднимаетъ яркій зонтикъ съ перламутровой ручкой, а вслѣдъ ей несется тяжелое ругательство.

Весь ея путь преграждается чьими-то руками, глазами, чьимъ-то дыханіемъ, чьимъ-то смѣхомъ, чьими-то шутками, и эти руки, эти шутки, эти объятія въ молчаніи ночи, какъ вспышки дьявольскихъ огней, жгутъ ея мозгъ и воспаляютъ сознаніе.

Она медленно идетъ, но идетъ не она, а идетъ холодное тѣло, въ которомъ дрожитъ смертельно раненая душа, тѣло одинокое, какъ само одиночество, тѣло, у котораго ржавчина улицы съѣла все дорогое, разрушила всѣ сокровища.

Она подходитъ къ рѣшеткѣ бульвара, и идетъ по аллеямъ съ черными деревьями. Подъ деревьями на скамьяхъ сидятъ женщины и мужчины, ноги мужчинъ на ногахъ женщинъ, руки мужчинъ треплютъ щеки женщинъ и въ темнотѣ сверкаютъ глаза, зубы, и мерзкія слова своею волною захлестываютъ ее.

Словно ребенокъ передъ экзаменомъ или чиновникъ на порогѣ комнаты своего начальства, она говоритъ:

— Надо смѣяться, надо смѣяться.

Ея лицо уже улыбается, глаза сверкаютъ лихорадочнымъ блескомъ и она говоритъ первому встрѣчному—старому, молодому, красивому, безобразному, стройному, хромому:

— Идемъ ко мнѣ.

И въ темнотѣ бульваровъ ее ощупываютъ, какъ товаръ на ярмаркѣ, соображаютъ, выгодно или не выгодно, спорятъ и торгуются, если сердятся—ударяютъ въ грудь, если радуются—щипаютъ и цѣлуютъ.

И вотъ кто-то чужой, отвратительный, дерзкій беретъ ее подъ руку и вмѣстѣ съ нею садится на пролетку извозчика.

Онъ прижимается къ ней и шаритъ своими руками по всему ея тѣлу. Она отстраняетъ его руки и пытается скрыть отъ этихъ рукъ послѣднюю частицу своей былой чистоты, самую послѣднюю частицу. Но онъ шаритъ все самоувѣреннѣе и самоувѣреннѣе, онъ всю ее ощупываетъ, онъ все крѣпче и крѣпче прижимается къ ней и, кажется, вотъ, вотъ его рука коснется послѣдняго сокровища, вырветъ его, и она останется голой нищей.

И, когда они поднимаются по лѣстницѣ, онъ спрашиваетъ, живы ли ея родные, отецъ, мать и сестры, а когда они входятъ въ комнату, запираютъ за собою дверь, онъ снимаетъ свои подтяжки и спрашиваетъ, почему разлюбилъ ее первый любовникъ и сколько лѣтъ тому назадъ она сошлась съ нимъ.

Она смѣется и рыдаетъ беззвучными слезами, она отдается и, отдаваясь, старается глубже скрыть свое послѣд-

нее сокровище и въ объятіяхъ чужого человѣка дрожитъ дрожью отвращенія и закусываетъ свои блѣдныя губы.

И когда онъ опять надѣваетъ подтяжки и звéнитъ серебромъ, а потомъ уходитъ, въ комнату вкатывается молчаніе, какъ черный огромный гробъ и воздвигаетъ свой тронъ посерединѣ комнаты съ искусственными цвѣтами и вазочками.

Она бросается ничкомъ на помятую постель и начинаетъ рыдать.

Все ея тѣло, одѣтое въ яркія тряпки, вздрагиваетъ и бьется. Вздрагиваютъ плечи, вздрагиваетъ спина, вздрагиваютъ ноги въ лакированныхъ ботинкахъ, руки комкаютъ маленькую подушку, а зубы вонзаются въ батистъ наволочки. И, если бы выжать эту мокрую наволочку, потекла бы струйка слезъ одинокой, истерзанной, молчаливой души.

Послѣднее сокровище несчастной души глубокой ночью тускнѣетъ, къ нему прикоснулись грязныя руки, и лежитъ она на постели, какъ тяжелое, мертвое тѣло. И слезы уже не струятся, уже грудь не вздрагиваетъ, уже руки не ломаютъ своихъ пальцевъ.

Она лежитъ мертвая, ее мертвую пожираетъ черное молчаніе, припавшее къ раскрытой груди, и пьетъ ея кровь.

Пчелки не жужжатъ.

Послѣдняя злюка дремлетъ на восковомъ сотѣ, смѣшно растопыривъ свои лапки.

И птицы спятъ. Ихъ кругленькія, сѣрыя тѣльца, словно сѣрые шарики, вздрагиваютъ во снѣ подъ листьями.

Спятъ всѣ окна, спятъ всѣ люди, переворачиваются на своихъ широкихъ постеляхъ съ боку на бокъ и снятся людямъ странные сны. Кажется всѣмъ имъ, худымъ и толстымъ, молодымъ и старымъ,—что кто-то властный и сильный говоритъ:

— Встань, проснись! За угломъ дома, тамъ, гдѣ сегодня утромъ играли твои дѣти, твои маленькіе братики и сестры и пересыпали въ рукахъ золотой песокъ, тамъ огромная лужа крови, черная во мракѣ ночи. Встань, проснись! Въ двухъ шагахъ отъ твоей спальни стоитъ кто-то правдивый и смотритъ глазами ужаса во мракъ ночи и на тебя, который спитъ и храпитъ. Встань! Кто-то искренній задыхается въ объятіяхъ чернаго молчанія, и въ то время, когда ты переворачиваешься съ праваго бока на лѣвый, онъ, быть можетъ, уже покачнулся, упалъ, ударился головою о столъ и стеклянными глазами посмотрѣлъ въ окно. Встань, скорѣе встань! Какой-то искренній музыкантъ поетъ свою послѣднюю лебединую пѣсню, называетъ твое имя и говоритъ, что умираетъ ради тебя. Не лѣнись, вставай, буди своихъ слугъ, зажигай

огни, выходи на лѣстницу, открывай замки, снимай желѣзные болты, пошире распахни свои двери и бѣги, бѣги туда, гдѣ звучитъ лебединая пѣсня, ухватись за бѣлую руку музыканта, вытри платкомъ своимъ его слезы, съ почетомъ приводи его въ свой домъ и положи на свою постель. Эй, не лѣнись, вставай! Ты спишь ежедневно. Ты спишь въ лунныя ночи, когда русалки плещутся въ рѣкѣ и, приподнявшись надъ кувшинками, смотрятъ на луну и тихо рыдаютъ. Ты спишь въ новогоднія ночи, когда съ высоты синяго полога сыпятся искры звѣздъ, и небо бросаетъ драгоцѣнные подарки. Ты спишь, когда пьяной весенней ночью дышитъ черемуха и своимъ запахомъ хочетъ вскружить твою голову и размягчить твое сердце. Эй, не лѣнись! Кровавое пятно на пескѣ черное во мракѣ ночи. Но встанетъ утро и будетъ оно красное и поднимется отъ него паръ дымящейся крови. Эй, не лѣнись! Слышишь: опять искренній музыкантъ поетъ лебединую пѣсню, называетъ твое имя и говоритъ, что умираетъ ради тебя.

И всѣ—худые и толстые, молодые и старые—переворачиваются съ боку на бокъ, силятся открыть свои глаза и не рѣшаются открыть ихъ, всѣ терзаются терзаніями безъ имени, всѣ стараются заглушить терзанія и не рѣшаются глушить ихъ. Всѣ крѣпко, крѣпко смежаютъ свои вѣки, но вѣки сами собою открываются, и словно въ кошмарѣ видятъ они:

Крѣпкія стѣны ихъ домовъ сверкаютъ, какъ хрустальныя и гдѣ-то далеко стоитъ искренній музыкантъ, смотритъ на деревья, на птичекъ и поетъ лебединую пѣсню. У него русые, волнистые волосы, мягкіе, какъ шелкъ, у него голубые глаза, какъ голубое небо, у него руки съ длинными пальцами и розовыми ногтями, а голосъ—подобный голосу ангеловъ. Онъ поетъ, смѣется, а слезы словно матовые опалы скользятъ по его щекамъ, падаютъ на подоконникъ и звенятъ:

— Дзинь, дзинь.

И смѣется онъ, и плачетъ, протягивая руки къ восходящему солнцу и называетъ ихъ имя, имя спящихъ.

Но называетъ очень странно.

Онъ говоритъ:

— О. мои несчастные! О, мои робкіе! О, мои молчаливые!

Но всѣ они знаютъ, что онъ говоритъ о нихъ, о спящихъ.

Потомъ онъ молчитъ, но они знаютъ, что онъ думаетъ о нихъ.

И жалѣютъ они его потому, что онъ стоитъ одинокій и не спитъ, а всѣ они спятъ и лежатъ въ пуховыхъ перинахъ.

И, когда они такъ думаютъ, онъ сердится и говоритъ:
— Вы одинокіе, вы одинокіе, а не я.

И вдругъ всѣ они замѣчаютъ, что хрустальныя стѣны сверкаютъ розовыми искрами, проснулись пчелы и птички, и встаетъ нѣжная, чистая заря.

А искренній музыкантъ тихо говоритъ:
— Я сейчасъ умру.

И вдругъ блѣднѣетъ онъ, золотыя кудри ниспадаютъ на лобъ, ноги подкашиваются и вдругъ опускается онъ на подоконникъ и глухо ударяется лбомъ о желтое дерево.

Всѣ они пытаются проснуться, пытаются бѣжать къ искреннему музыканту, но неожиданно засыпаютъ крѣпкимъ, утреннимъ сномъ и чудится имъ, что въ лучахъ солнца лицо искренняго музыканта смѣется новой радостью, чудится имъ, что кровавыя пятны на пескѣ не страшныя, а веселыя, чудится имъ, что подъ звонъ колоколовъ въ блескѣ восходящаго свѣтила несутся на серебряныхъ подносахъ куличи, бабы и торты. Всѣ они смѣются во снѣ и всѣ говорятъ:

— Ахъ, какъ это смѣшно, ахъ, какъ это смѣшно!

И всѣ они въ пурпурныхъ лучахъ пурпурнаго солнца храпятъ, широко раскрывши ротъ, шлепаются ихъ губы и дрожитъ носъ.

Встаетъ утро и бросаетъ каскады золота на русые кудри искренняго музыканта, голова котораго лежитъ на подоконникѣ, а изъ красной раны на груди, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сердце, сочится кровь, капля за каплей, капля за каплей, и собираются капли въ кровавое пятно.

II.

Выкатывается изъ-за горизонта круглое солнце, и зелень, темная ночью, играетъ своимъ изумрудомъ, а роса въ каждой слезинкѣ преломляетъ золотыя стрѣлы и разлагаетъ ихъ на семицвѣтные лучи.

Бѣгутъ каскады, переворачиваютъ глыбы камней, и черные камни умываются жемчужной пѣной. Бурлятъ ручьи, и сѣтка легкаго тумана, то розоваго, то голубого виситъ надъ камнями и водой.

Земля умывается, земля охорашивается, земля готовится къ жизни дня, и забываетъ она о томъ, что было ночью, что было тысячу лѣтъ тому назадъ, и хочетъ жить сегодняшнимъ днемъ, дышать ароматомъ лѣсовъ, сверкать лазурью неба, любить жаромъ полдня, задремать румянымъ вечеромъ, а потомъ уснуть темной ночью.

Сильная и здоровая, она хочетъ производить, рождать,

творить, она хочетъ не потерять этого дня, не потерять лучей солнца, влаги голубого тумана, она хочетъ одѣть себя новыми цвѣтами, она хочетъ, чтобы пѣли молодыя птички крикливыми голосами, она хочетъ, чтобы все, что можетъ любить, плодиться и размножаться—любило, плодилось и размножалось.

Сильная, она безжалостно забываетъ о томъ, что дряхляетъ, что умираетъ, что не можетъ ликующими голосами славить ее, и улыбкой своего неба, теплотою солнца она благословляетъ то, что еще молодо, что растетъ, что тянется къ жизни и трепещетъ въ радостномъ восторгѣ.

Всѣ жучки, всѣ козявки, бабочки и звѣрки съ восходомъ солнца разыгрываютъ всегда старую и всегда новую семейную пастораль, веселый танецъ которой сложился въ первую утреннюю зарю, когда разсѣялась вѣчная ночь и засіяло солнце.

Летятъ бѣлые голуби, эти всегда воркующія птицы, съ розовыми клювами и круглыми глазами, эти нѣжные супруги, которые всегда влюблены и всегда цѣлуются.

Летятъ бѣлые голуби, на крѣпкихъ крыльяхъ опускаются на дворъ, ждутъ, что встрѣтитъ ихъ женщина въ платкѣ—добрая кухарка, броситъ полную пригоршню хлѣбныхъ крошекъ и скажетъ:

— У-лю-лю у-лю-лю.

Но кухарка не встрѣчаетъ голубей.

Кухарка въ хлопотахъ—вѣдь сегодня свадьба младшей дочери ея господъ и работы по горло.

Позвали какихъ-то дѣвокъ, бабъ, стряпухъ, полотеровъ, и всѣ эти люди суетятся, сбиваютъ другъ друга съ ногъ, у всѣхъ растерянный видъ, полураскрытые рты, всѣ берутся за одно и тоже дѣло и всѣ мѣшаютъ одни другимъ. Хлопаютъ двери, падаютъ стулья, вездѣ корыта съ грязной водою и черными тряпками. Моютъ окна, моютъ двери и двери блестятъ, какъ окна, моютъ полы, и огромныя мыльныя лужи разлились по комнатамъ, всѣ скользятъ и ругаются. Перетираютъ посуду, вынимаютъ тарелки, вынимаютъ бокалы, пожелтѣвшіе отъ времени съ густымъ слоемъ пыли на днѣ, вынимаютъ салатники, графинчики для водки и ликера, вынимаютъ скатерти и салфетки, вынимаютъ платья изъ сундуковъ, обитыхъ жестью, а сундуки уносятъ въ чуланы, вынимаютъ зачѣмъ-то старыя шубы, мѣховыя шапочки, муфты, даже галоши и опять куда-то ихъ уносятъ, снимаютъ щеткой паутину съ потолка и стѣнъ, снимаютъ съ гвоздей лампы и канделябры, переставляютъ съ мѣста на мѣсто кресла, этажерки и громоздкіе шкапы, открываютъ всѣ окна, и бѣлыя занавѣски сиротливо бьются на вѣтрѣ.

И заняты люди всѣмъ этимъ потому, что выходитъ замужъ младшая дочь бѣднаго отца семейства, у котораго есть еще другіе дочери и сыновья.

И чтобы сдѣлать такое простое дѣло,—ввести дѣвушку въ домъ молодого человѣка, пришлось въ старомъ домѣ, гдѣ она жила двадцать лѣтъ, поднять пыль всѣхъ сундуковъ и шкаповъ и разбить десятокъ тарелокъ.

И потому, что отецъ семейства былъ бѣденъ, онъ хотѣлъ не ударить въ грязь лицомъ и заказалъ дорогіе торты, много фруктовъ, закусокъ, водокъ и винъ и взялъ взаймы у ростовщика подъ огромные проценты нѣсколько сотенъ рублей, а ростовщикъ, когда давалъ ему эти деньги, сказалъ:

— Конечно, я знаю васъ, и знаю, что вы честный человѣкъ, но все же...

И сѣдому отцу семейства потому, что его младшая дочь выходитъ замужъ, пришлось вмѣстѣ съ ростовщикомъ призадуматься надъ своею честностью.

Но солнце уже поднимается къ зениту, и въ домъ съ блестящими дверями несутъ все то, что отецъ заказалъ.

Несутъ торты, шоколадные, фисташковые, кофейные и еще какіе-то, и на всѣхъ этихъ тортахъ такіе же цѣлующіеся голубки, какъ и тѣ, которые ждутъ хлѣбныхъ крошекъ на дворѣ. Потомъ несутъ окорока красные, жирные, и на окорокахъ изъ сахарной патоки сдѣланы бѣлыя гирлянды цвѣтовъ съ именами жениха и невѣсты. Потомъ сыръ, потомъ сардины и кильки, потомъ яблоки, груши и апельсины, и отецъ семейства, когда смотритъ на эти груши и апельсины, думаетъ, что каждый апельсинъ стоитъ пятиалтынный, а груша—гривенникъ.

— Придетъ какой-нибудь бездѣльникъ,—думаетъ отецъ семейства,—и сразу проглотитъ желтый апельсинъ и сочную душистую грушу.

Потомъ несутъ посуду, взятую на прокатъ. Все это—тарелки, вилки и ножи странной формы, или очень тяжелые или очень легкіе, и отцу семейства непріятно, что на столѣ въ его домѣ стоятъ высокой горою чужія тарелки и лежатъ чужія вилки, и кажется отцу семейства, что эти тарелки и вилки онъ взялъ не на время, а укралъ.

И вотъ столъ покрываютъ бѣлой скатертью, которую вынули изъ какого-то сундука, обитаго жестью.

Этотъ столъ похожъ на тѣ столы, на которые кладутъ покойниковъ, и подобная непріятная мысль приходитъ въ голову каждому, кто смотритъ на этотъ столъ. Но всѣ прогоняютъ отъ себя эту мысль и улыбаются.

Потомъ на бѣлый столъ ставятъ торты, фисташковые,

кофейные, шоколадные съ голубками и ставятъ цѣлыя горы перемытыхъ тарелокъ. Все же прочее, что сейчасъ жарится, испекается, варится, рубится, все, что трещитъ, бурлитъ, клокочетъ, зарумянивается и сизымъ угаромъ плыветъ въ комнату съ брачнымъ столомъ, все это будетъ возлежать на столѣ вечеромъ, когда женихъ передъ зрителями поцѣлуетъ невѣсту, а невѣста опуститъ глаза.

Кто эта невѣста, кто этотъ женихъ?

Невѣста—это миловидная, худощавая дѣвушка съ голубыми глазами и русыми волосами.

Ея слабо развитая грудь слегка выдается подъ кружевомъ батистовой кофточки, и вся она такая худенькая и такая еще молодая, кажется, должна сломаться въ сильныхъ объятіяхъ мужчины.

Въ теченіе тѣхъ двадцати лѣтъ, которые она прожила на землѣ, она успѣла сдѣлать все то, что дѣлаетъ каждая дѣвушка. У нея было дѣтство, когда она играла съ сестрами, у нея были годы отрочества, когда она очень мило училась и, наконецъ, она подросла, развилась, всѣ сказали, что она хорошенькая дѣвушка, и она отдала свою руку мужской рукѣ.

Въ дѣтскіе годы она смотрѣла на небо, на облака и, маленькая, уже мечтала и скрывала свои мечты отъ другихъ.

Но развѣ ея отецъ вѣрилъ тому, что это маленькое существо въ коротенькой юбочкѣ съ золотистыми волосами что-то любитъ, о чемъ-то мечтаетъ и кое-что понимаетъ?

Она была дѣвочкой, и отцу казалось, что у дѣвочки, кромѣ голубой юбочки, золотистыхъ волосъ и вздернутаго носика, не должно и не можетъ быть дѣтскихъ желаній и дѣтскихъ страданій.

А мать? Мать кроила эти юбочки и сшивала ихъ нитками, а когда спускалась ночь, молилась, чтобы дѣвочка подросла и вышла замужъ.

Потомъ дѣвочка начала учиться, и съ книжками, въ коричневомъ платьѣ, утромъ, шла въ гимназію.

— Mademoiselle,—говорилъ учитель, — разскажите намъ что-нибудь о рычагахъ второго рода.

Въ классѣ было очень весело. Сидѣли милыя подруги, солнце играло своими зайчиками, и зайчики перепрыгивали съ мѣста на мѣсто, а у милаго учителя было доброе лицо и прекрасная черная борода.

И она, улыбаясь, разсказывала о рычагахъ второго рода, разсказывала совсѣмъ такъ, какъ было написано въ книгѣ. Милому учителю это очень нравилось. Онъ говорилъ:

— Mademoiselle, прекрасно,—и опускалъ перо въ чернильницу и ставилъ ей самый высокій баллъ.

— Mademoiselle,—говорилъ другой учитель,—разскажите намъ что-нибудь о клюнійской реформѣ.—И опять она очень мило разсказывала о монахахъ монастыря Клюни въ долинѣ рѣки Соны и разсказывала совсѣмъ такъ, какъ было написано въ книгѣ.

— Прекрасно, mademoiselle,—говорилъ учитель и ставилъ ей самый высокій баллъ.

Всѣ учителя говорили ей: прекрасно, всѣмъ она разсказывала такъ, какъ было написано въ книгѣ, и всѣ ставили ей самый высокій баллъ.

Но когда она переступала порогъ своего дома, она забывала и о рычагахъ, и о клюнійской реформѣ, бросалась на постель и читала романы, напечатанные на желтой газетной бумагѣ.

Передъ нею проходилъ цѣлый рядъ блестящихъ людей, очень красивыхъ и очень богатыхъ, и эти красивые, богатые люди совсѣмъ не интересовались рычагами второго рода и клюнійской реформой. Всѣ они думали и говорили о любви и говорили часто такъ загадочно, что ей по цѣлымъ часамъ приходилось думать о смыслѣ ихъ словъ. Ихъ слова были яркіе, какъ пурпуръ, и за этими словами скрывалась радость, живая радость жизни. И когда она закрывала книгу и дремала, эта живая радость снисходила на нее, и она видѣла себя величественной королевой, передъ которой склоняются чьи-то кудрявыя головы.

И, конечно, она уже ежедневно, ежечасно и ежесекундно любила кого-то, и этотъ кто-то всегда стоялъ рядомъ съ нею, неизвѣстный и прекрасный.

Но, такъ какъ всѣ тѣ мужчины, которыхъ она знала, были отдѣлены отъ нея стѣною мѣщанскихъ приличій ея семьи, она надѣляла ихъ тѣми качествами, которыхъ у нихъ не было. Если они были скучны, она думала, что они застѣнчивы, если они были глупы, она думала, что они наивны, если они были некрасивы, она думала, что они благородны.

И, когда, наконецъ, одинъ изъ этихъ мужчинъ нѣсколько разъ посмотрѣлъ на нее съ страннымъ выраженіемъ лица, она рѣшила, что этотъ мужчина тотъ, кого она должна полюбить—самый умный и самый прекрасный среди всѣхъ другихъ.

И вотъ она раскрыла книгу своего романа.

Она раздѣлила его на главы, она поставила вопросы, восклицательные знаки и многоточія, и мало-по-малу подошла къ тому эпилогу, который вмѣстѣ съ нею уже написали ея отецъ, мать, судомойки, бабы, дѣвки, полотеры,

услужливые кондитеры и колбасники, которые поставили на брачный столъ торты и окорока.

Уменъ ли ея женихъ, каково было его прошлое, свѣтлыя комнаты его дома или темныя, душистыя или зловонныя, мотъ онъ или скряга—она не знала.

Она знала, что у него высокіе воротнички, красный галстухъ съ золотой булавкой и жемчужиной, блестящія ботинки и черный сюртукъ. Онъ получаетъ нѣсколько золотыхъ въ мѣсяцъ, выпиваетъ рюмку водки за ужиномъ—не больше, умѣетъ разсказывать смѣшныя исторіи и говоритъ, что очень любитъ супъ съ пельменями.

И когда ночью, подъ своимъ дѣвичьимъ одѣяломъ, она мечтала о немъ, она мечтала, что къ нимъ въ гости будутъ приходить пріятели ея мужа—все веселые и занимательные люди, что у нихъ будутъ уютныя комнаты съ темнокоричневыми обоями въ гостинной, голубыми въ спальной, и она въ бѣломъ фартушкѣ будетъ приготовлять чудесный супъ съ пельменями, будетъ угощать мужа, а мужъ будетъ цѣловать ее въ губы.

Но утромъ ей было грустно и она спрашивала мать:

— Мама, онъ нравится тебѣ?

Мать отвѣчала:

— Онъ приличный человѣкъ.

Это ее не удовлетворяло.

Тогда она спрашивала отца:

— Папа, онъ нравится тебѣ?

— Достойный человѣкъ,—отвѣчалъ отецъ.

Ей было очень грустно.

Съ этимъ вопросомъ она обращалась къ сестрамъ и братьямъ, но сестры говорили, что у него прекрасные усы и черные глаза, а братья отвѣчали, что у него свѣжій галстухъ и хорошо сшитый сюртукъ.

И тогда, когда ей было уже очень, очень грустно, и она рѣшила не спѣшить, подождать, не встрѣтится ли ей умный нѣжный, открытый человѣкъ, она увидала его въ парадномъ сюртукѣ очень серьезнаго и надушеннаго, потомъ увидала его голову, наклонившуюся къ ея рукѣ, потомъ вся семья суетилась, шумѣла, смѣялась, и по всѣмъ комнатамъ, казалось, разносились два слова:

— Слава Богу, слава Богу.

И, начиная съ этого дня, она много плакала, и на желтыхъ листахъ романовъ, напечатанныхъ на газетной бумагѣ, были крупныя пятна ея соленыхъ слезъ. И всѣ герои этихъ романовъ были уже одѣты не въ бархатныя платья и шолковыя ткани, а въ рубища, сѣрыя и грязныя.

И совершилось: младшая дочь бѣднаго отца семейства сдѣлалась невѣстой.

Невѣста—это было такое тяжелое стопудовое слово, которое она, худощавая, хрупкая дѣвушка, съ трудомъ могла поддерживать на своихъ узкихъ плечахъ. Это было какое-то кошмарное слово, которое всѣ произносили съ улыбкой, прищуривъ глаза, со смѣхомъ, съ подмигиваніемъ. Это слово было у каждаго на языкѣ и, какъ ходячая монета, перебывавшая во всякихъ пальцахъ, грязнилось, тускнѣло и теряло свой первоначальный блескъ. Это слово предъявляло къ неопытной дѣвушкѣ какія-то требованія, которыхъ она не умѣла назвать, и дѣлало ее возбужденной и неискренней. Она не знала, смѣяться ей или плакать, шутить или быть задумчивой, сидѣть дома или гулять, читать или мечтать о женихѣ. Она уже насиловала свою волю, и смѣялась тогда, когда ей хотѣлось плакать и мечтала о женихѣ тогда, когда ей не хотѣлось мечтать. А этотъ женихъ, высокій, въ черномъ сюртукѣ, который ежедневно, какъ на службу, приходилъ въ старый домъ, уже тяготилъ ее своимъ присутствіемъ, и ей иногда думалось, что онъ не живой человѣкъ, а автоматъ, который аккуратно въ семь часовъ звонитъ у подъѣзда, снимаетъ пальто, цѣлуетъ ея руку, садится на диванъ и начинаетъ исполнять свои обязанности жениха.

Всѣ подслушивали, всѣ подглядывали и, казалось, что въ каждой щели, въ каждой замочной скважинѣ есть глаза, которые наблюдаютъ за нею и хотятъ, чтобы она разговаривала и улыбалась съ женихомъ такъ, какъ разговариваютъ и улыбаются другія невѣсты.

И она—пока невѣста, а не жена—уже тяготилась женихомъ, и ей казалось, что этотъ человѣкъ, который такъ скромно и почтительно сидитъ на диванѣ въ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, уже господинъ ея воли, и связалъ эту волю крѣпкими веревками-канатами.

И она плакала по цѣлымъ днямъ и ночамъ.

Но мать и отецъ не удивлялись слезамъ дочери, такъ какъ знали, что всѣ дѣвушки у преддверія новой жизни рыдаютъ и незамѣтно вытираютъ свои слезы маленькимъ платкомъ. Они объясняли все очень просто.

Но чтобы успокоить дочь и остановить потокъ этихъ слезъ, они на послѣдніе рубли заказали дорогое приданое.

Это были яркіе пенюары, въ которыхъ она упадетъ въ объятія мужа, это были тонкія рубашки, которыя она надѣнетъ въ первую брачную ночь, это были визитныя платья, въ которыхъ она поѣдетъ съ мужемъ къ знакомымъ и выставитъ на показъ всѣмъ свой союзъ съ мужемъ.

Эти пенюары, рубашки и визитныя платья, словно ея

недоброжелатели, забѣгали впередъ и, кривляясь, разсказывали всѣмъ—отцу, матери, братьямъ, сестрамъ, кухаркѣ, горничной, подругамъ, каждому, кто смотрѣлъ на нихъ, о томъ, что случится въ брачную ночь, и въ дни, слѣдующіе за брачной ночью. Казалось ей, что всѣ близкіе и чужіе люди украли у нея какое-то сокровище, выпытали у нея тайну и разнесли тайну по всему свѣту. Казалось, что она не можетъ любить, потому что любовь опозорена, и тамъ, гдѣ прежде была любовь, теперь куча мусора, и тамъ, гдѣ прежде были яркія грезы, теперь подозрѣніе, озлобленіе и раскаяніе.

Но раскаиваться было уже поздно.

Приданое несли, несли.

Ее раздѣвали, щупали, обнажали ея дѣвичью грудь, ея худенькія плечи, надѣвали розовыя рубашки, надѣвали черныя парадныя платья. Въ зеркалѣ стояло ея будущее, и, двадцатилѣтняя, она видала себя старухой и, молодая, оплакивала свою жизнь.

И тогда, когда всѣ рубашки и платья были готовы, когда женихъ истощилъ весь запасъ своихъ словъ и не говорилъ больше о супѣ съ пельменями, тогда объявили день свадьбы.

Передъ дѣвушкой открылся смыслъ жизни, открылись всѣ рычаги не перваго рода и не второго, а рода, который обозначается единицей со многими нулями, и этими рычагами управляла огромная пошлость.

Но уже ѣдутъ свадебныя кареты, уже зажигаются огни, уже все свареное и жареное выставляется на бѣломъ столѣ и уже на всѣхъ лицахъ написано окончательное торжество и кажется, что всѣ облегченно говорятъ:

— Слава Богу, слава Богу.

А потомъ, какъ и на похоронахъ, умолкаютъ, и молчаніе таится въ каждой комнатѣ.

Въ душномъ молчаніи пылаютъ щеки невѣсты и лихорадочно блестятъ ея глаза. Она стоитъ посрединѣ своей дѣвичьей комнаты и ее одѣваютъ.

Съ такою же торжественностью, съ какою впереди похоронной процессіи несутъ на плюшевой подушкѣ ордена того, кто мертвый вздрагиваетъ на черныхъ дрогахъ, съ такою же торжественностью надѣваютъ на худенькое тѣло невѣсты бѣлое платье, прикалываютъ бѣлую фату, а на ножки ея, такія стройныя, такія дѣвственныя и довѣрчивыя, надѣваютъ атласныя туфли съ узкими носками и высокими каблучками.

Вся въ бѣломъ, она пылаетъ краскою стыда, она хочетъ рыдать и биться головой о косякъ своей кровати, но слезы

иссякли, и тотъ тѣсный корсетъ, который сжалъ ея тѣло и слабо-развитую грудь, сжалъ ея душу, и блескъ застывшей души отражается въ синихъ глазахъ,—холодныхъ и остановившихся.

Храмъ съ золотыми куполами широко раскрылъ свои двери, коптятъ свѣчи и лампады, гудятъ колокола, а толстый попъ звенитъ своими рублями въ глубокой мошнѣ и думаетъ, что къ этимъ рублямъ скоро прибавятся другіе—круглые, тяжелые и блестящіе.

Больше веселыхъ словъ, больше!

Младшая дочь отца семейства выходитъ замужъ.

Полотеры, судомойки, кухарки, кондитеры, колбасники, нищіе—хромые и слѣпые—протягивайте свои руки, вамъ перепадетъ кое-что на черный день.

Больше веселыхъ словъ, больше!

Младшая дочь стараго отца семейства выходитъ замужъ.

Длинноволосые хористы, дисканты, альты, тенора и басы, потные, красные, въ грязныхъ сорочкахъ, кричите, изрыгайте ваши звуки, вамъ припасены пятаки и штофы зеленой водки, которую вы разопьете подъ церковнымъ крыльцомъ на ступенькахъ лѣстницы.

Больше веселыхъ словъ, больше!

Всѣ кумушки, горбатыя и кривыя дѣвы, всѣ сплетницы, салопницы, чиновницы, беззубыя красавицы, спѣшите въ церковь, не глядитесь больше въ складныя зеркальца съ цвѣточками, надѣвайте ваши шляпы съ попугаями, закрывайте на крючки ваши двери, сбѣгайте по ветхимъ ступенькамъ въ прюнелевыхъ башмакахъ съ дырами, кричите, сквернословьте, закусывайте ваши губы, и улочками, переулочками, и задними дворами спѣшите въ церковь, гдѣ попъ отрыгаетъ послѣ ботвиньи съ квасомъ.

Младшая дочь бѣднаго отца семейства выходитъ замужъ.

И съѣзжаются всѣ родственники жениха и невѣсты, съѣзжаются веселые сослуживцы, кокетливыя барышни и дѣтишки-лакомки.

Съѣзжаются тетки въ шаляхъ съ оранжевыми букетами и осанкой коронованныхъ повелительницъ. Онѣ оставили дома высокія перины и бѣлыя подушки, портреты князей въ золотыхъ рамкахъ, мопсовъ съ одышкой, коробочки съ пуговицами, тесемками, ниточками и крючками, глубокія кресла, въ которыхъ онѣ сидятъ ежедневно, смотрятъ на улицу и думаютъ, что каждый проходящій—воръ и мошенникъ. Съѣзжаются дяди съ желтыми пальцами и желтыми ногтями, у которыхъ табачный дымъ и днемъ и ночью всегда валитъ изъ глазъ, ушей и носа, которые кашляютъ, плюютъ, озираются по сторонамъ и думаютъ, что кто-то

наглый запускаетъ въ ихъ карманъ руку и вытаскиваетъ носовой платокъ, а, можетъ быть, даже серебряный двугривенный. Съѣзжаются чиновники, завзятые писаки, которые умѣютъ сдѣлать красивое колечко у „б", хвостикъ у „ц", которые съ закрытыми глазами двѣсти разъ подрядъ напишутъ—Ваше Превосходительство—и каждая буква будетъ аккуратненькая и промежутки между буквами будутъ вездѣ одни и тѣ же, писаки съ развратомъ на цѣлковый, съ закуской на пятачокъ, съ любовью подъ свиннымъ хлѣвомъ и мечтами о первомъ чинѣ, и о новыхъ брюкахъ, которыя они заказали въ кредитъ.

Съѣзжаются подруги, которыя подъ каждымъ деревомъ бульвара видятъ красавца-мужчину и смотрятъ на него съ грустной томностью, которыя, какъ бабочки, бьются на огнѣ лампъ магазиновъ, любуются шелковыми чулками, перчатками и шляпами со страусовыми перьями, а, вернувшись домой, повѣряютъ кухаркѣ всѣ свои секреты, и въ щель двери наблюдаютъ, какъ ночью на печку взбирается солдатъ, щекочетъ кухарку и цѣлуетъ ее звонкимъ поцѣлуемъ.

Всѣ эти люди стоятъ вокругъ бѣлаго стола, съ тортами, окороками, апельсинами и соображаютъ, сколько отецъ семейства выбросилъ ассигнацій, чтобы убрать этотъ столъ.

И вотъ открываются двери. Входитъ невѣста, вся въ бѣломъ съ опущенной головою, за нею мать съ платкомъ у глазъ и отецъ, смѣшной и грустный.

И среди чужихъ людей, холодныхъ и мертвыхъ, невѣста открываетъ одну изъ самыхъ мучительныхъ и фальшивыхъ страницъ эпилога своего романа.

Она опускается на колѣни, какіе-то услужливые писаки передаютъ въ руки отца и матери тяжелыя золотыя иконы, эти иконы своимъ деревомъ касаются ея склоненной головы, и вдругъ на глазахъ дядей, тетокъ, канцеляристовъ, дѣвицъ и ребятъ въ бархатныхъ штанишкахъ прорываются ея слезы, и одна за другою, одна за другою скатываются по щекамъ и падаютъ на коверъ.

Но встаетъ невѣста, и нѣтъ уже больше слезъ. Послѣдняя слезинка, словно замерзшая, дрожитъ на ея рѣсницахъ. Но и она мало-по-малу замерзаетъ.

И всѣ тѣ, которые стоятъ вокругъ, потираютъ руки и радуются, что нѣтъ больше слезъ, что невѣста смѣется, и что слезы претворились въ ихъ ледяной смѣхъ—и пошлость, наконецъ, смѣло вошла въ свои законныя права.

Отъ подъѣзда дома отъѣзжаютъ экипажи одни за другими, а впереди экипажей гремитъ своими колесами тяжелая карета, гдѣ, съежившись, сидитъ хрупкая невѣста и большими глазами смотритъ въ окно.

Всѣ встрѣчные останавливаются, скалятъ зубы и взглядомъ своимъ стараются проникнуть за окно кареты и увидать тотъ зрѣлый дѣвственный плодъ, который сорветъ сейчасъ один счастливецъ. А уличные мальчишки показываютъ языкъ, кричатъ, пронзительно свистятъ и свистъ ихъ разносится по глухимъ улицамъ и лаютъ всѣ косматые, со взъерошенной шерстью, псы.

Невѣсту на паперти церкви встрѣчаетъ женихъ.

Все, что онъ еще не растерялъ за послѣдніе дни передъ свадьбой,—нѣкоторую мягкость, нѣкоторое вниманіе и нѣкоторую заботливость, все это здѣсь на паперти церкви окончательно покидаетъ его, и онъ остается въ черномъ фракѣ—очень худой, очень длинный и, какъ думаетъ невѣста, очень глупый.

И та гордая осанка, съ которой онъ вводитъ невѣсту во храмъ, и та гордая осанка, съ которой онъ оправляетъ фалдочки фрака и ставитъ врозь носки своихъ лакированныхъ ботинокъ, и та серьезность, съ которой онъ смотритъ въ полуоборотъ на невѣсту,—все это уже вполнѣ искренно смѣшитъ невѣсту и подтверждаетъ ея догадку, что онъ неразвитъ и глупъ.

И здѣсь на розовомъ шелкѣ, касаясь своею рукою руки жениха, невѣста чувствуетъ, что рядомъ съ нею стоитъ какой-то совсѣмъ чужой человѣкъ, за фракомъ, жилетомъ, гофрированной сорочкой и воротничками котораго она еще ни разу не видала живой и дѣятельной души.

Но думать о его душѣ, рыдать или заливаться хохотомъ она уже не можетъ.

Уже рычатъ басы, кричатъ дисканты, альты гнусавятъ, тенора рыдаютъ слащавымъ рыданіемъ, уже священникъ читаетъ молитвы, а дьяконъ расчесываетъ волосы, уже коптятъ свѣчи, раскачиваются изъ стороны въ сторону мѣдныя лампады, а облака фиміама поднимаются къ куполу храма и окутываютъ куполъ темно-синимъ дымчатымъ флеромъ.

И спускается изъ глубины огромнаго купола на невѣсту страшное молчаніе и разсказываетъ ей, что она одна, одна во всемъ мірѣ, что слезъ ея и рыданіе никто не хочетъ знать и не долженъ знать, что она можетъ биться головой о каменныя стѣны и валяться по полу, но она должна биться головой и валяться по полу тогда, когда нѣтъ по сторонамъ равнодушныхъ глазъ, заперевъ всѣ двери на крѣпкіе замки.

И, какъ бабочка, которая сбрасываетъ съ себя сѣрую личинку, такъ и она растетъ, растетъ и съ каждымъ словомъ священника ея мысль дѣлается крѣпкой и могучей. И понимаетъ она, что тотъ человѣкъ, который стоитъ рядомъ

съ нею, будетъ ея мужемъ, но не будетъ другомъ, понимаетъ она, что тѣ родители, которые остались въ старомъ домѣ, никогда не были ея друзьями и растили, одѣвали и учили ее, такъ же механически, какъ механически говоритъ священникъ, какъ механически кричитъ дьяконъ и механически поетъ пьяный хоръ.

Но толстый попъ уже подноситъ къ ея губамъ холодный крестъ, говоритъ любезность, въ которой чувствуется зловоніе капусты, кваса, рыбы, а потомъ идетъ за иконостасъ и по пути встряхиваетъ глубокой мошною и прислушивается къ звону новыхъ рублей. Уже приближаются родственники и знакомые, говорятъ свои любезности, подъ которыми— хитрость, зависть, скупость и подозрѣніе, скрывается все то гнилое и разлагающееся, что таятъ въ своей душѣ чиновники съ гусинымъ перомъ за ухомъ, дѣвушки, влюбленныя въ этихъ чиновниковъ, всѣ ихъ отцы, матери, дяди и тетки.

И близится конецъ веселаго эпилога.

Всѣ ощупываютъ свои животы, стараются узнать, много ли вмѣстятъ эти животы твердаго, жидкаго, холоднаго, горячаго, спиртного, и всѣмъ дядямъ и теткамъ, племянникамъ и племянницамъ уже здѣсь, въ церкви, улыбаются индюшки, окорока, поросята съ подрумяненной, поджаренной и хрустящей кожицей, улыбаются яблоки, груши, апельсины и мило киваютъ своими головками бутылки съ яркими этикетками.

Всѣмъ весело, всѣмъ хочется болтать, смѣяться, хочется хорошо поѣсть, хорошо выпить, потомъ хорошо поспать, однимъ словомъ всѣмъ хочется этотъ вечеръ отпраздновать на славу.

И даже старые дяди такъ щедрятся, что протягиваютъ нищимъ, которые стоятъ на паперти, каждому по копеечкѣ, а жены ихъ качаютъ головами и спрашиваютъ слѣпыхъ— почему они слѣпы, хромыхъ—почему они хромы, а когда и слѣпые и хромые протягиваютъ свои руки, тетки дарятъ однимъ по грошику, а другимъ говорятъ:

— Богъ дастъ.

Кони Гименея стоятъ, понуря голову, за церковной оградой, спятъ и о чемъ-то грезятъ во снѣ.

О, жалкіе, жалкіе кони Гименея! За два десятка столѣтій вы выродились въ косматыхъ, худыхъ, хромыхъ; какихъ-то вислоухихъ клячъ и сдѣлались совершенными дегенератами.

О, жалкіе, жалкіе кони!

Но кучеръ стегаетъ коней кнутомъ, они открываютъ глаза, кашляютъ, словно зѣваютъ, входятъ грудью въ старую упряжь, и вотъ колеса кареты и экипажей уже вертятся на

своихъ осяхъ, стучатъ рессоры, звенятъ ржавые винты. И опять впереди свадебнаго кортежа ныряетъ въ ухабахъ черная карета, а за каретой ныряютъ экипажи съ дядями, изъ ушей и глазъ которыхъ валитъ табачный дымъ, съ тетками въ бѣлыхъ чулкахъ и въ грязныхъ подвязкахъ.

А подъ церковнымъ крыльцомъ на лѣстницѣ пьютъ водку басы и тенора, сквернословятъ, ругаютъ невѣсту—хрупкую и нѣжную, ругаютъ жениха, ругаютъ всѣхъ тѣхъ, кто купилъ имъ эту водку и выбросилъ мѣдные пятаки.

Больше веселыхъ словъ, больше!

Невѣста уже жена худого съ тщательно причесанными волосами и двумя фалдочками сзади человѣка. Онъ—мужъ, онъ—хозяинъ этого грустнаго тѣла, онъ—канцеляристъ, который въ число своихъ дѣлъ зарегистровалъ тѣло, а душу просмотрѣлъ, и забылъ приложить къ дѣлу, завтра, вернувшись со службы, надѣнетъ халатъ, туфли, ляжетъ на диванъ, начнетъ храпѣть, а красивые усы его будутъ вздрагивать и смѣяться своими колечками.

А жена его? Жена будетъ прислушиваться къ храпу мужа и свистящій храпъ будетъ отвѣтомъ на всѣ ея вопросы, на всѣ ея сомнѣнія. И на томъ брачномъ ложѣ, на которомъ вся жизнь начинаетъ зажигаться новыми искрами, словно это ложе—хрустальная призма, преломляющая жизнь на семицвѣтные огни, когда душу охватываетъ испугъ, а тѣло вздрагиваетъ и трепещетъ, она услышитъ храпъ, сочный и безмятежный.

Больше веселыхъ словъ, больше!

Невѣста уже жена, уже всѣ сидятъ вокругъ брачнаго стола и жуятъ, пьютъ, кричатъ, смѣются и вытираютъ слезы, которыя выжимаетъ изъ ихъ глазъ пища, поднявшаяся къ самой груди.

О, эти жующіе рты, эти бѣлые зубы, о, эти руки съ толстыми пальцами и широкими, массивными обручальными кольцами, о, эти горла съ кадыками, черезъ которыя легко проскальзываютъ сардины, шпроты, крылышки дичи, хрустящія корочки, о, эти желудки, которые могутъ вмѣстить въ себѣ цѣлые бочонки пива, вина и водки, о, эти головы съ низкими лбами, круглыми плѣшами и торчащими, какъ у совъ ушами—хмѣльные и веселые.

Зеленый хмѣль, какъ зеленый шутъ, уже стоитъ за стуломъ каждаго, показываетъ языкъ и гремитъ своими побрякушками. Онъ развязываетъ языки, онъ вселяетъ въ эти головы нелѣпыя мысли, а въ грудь—похотливыя желанія, и огромная непристойность, огромная пошлость уже сидитъ за брачнымъ столомъ, кладетъ свои ноги на бѣлую скатерть и вмѣстѣ съ хоромъ пьяныхъ канцеляристовъ кричитъ:

— Ура!

Вотъ они эти веселыя слова.

— Ура!

На невѣсту и жениха смотрятъ окорока и поросята подмигиваютъ имъ своими глазами.

— Ура!

Пьяная толпа ворвалась въ комнату, гдѣ прячется любовь, открыла всѣ двери, зажгла огни, кричитъ и свиститъ.

— Ура! Ура!

Но невѣста широко открытыми, трезвыми глазами смотритъ на это веселое сборище пьяныхъ канцеляристовъ, она смотритъ на хмѣльного, зеленаго шута, на почетную гостью— огромную пошлость, которая сидитъ за столомъ, положивъ ноги на бѣлую скатерть, и хочется невѣстѣ разорвать свои брачныя одежды, сорвать кольца, браслеты и серьги, швырнуть ихъ въ пьяныя, красныя лица, убѣжать и спрятаться подъ своимъ дѣвичьимъ одѣяломъ.

Но вдругъ всѣ встаютъ, протягиваютъ къ ней свои руки съ бокалами, смѣются, кричатъ и тѣснымъ кольцомъ окружаютъ ее. И чудится невѣстѣ, что всѣ сговорились причинить ей послѣднюю, острую боль, что всѣ раздѣваютъ ее, снимаютъ бѣлое платье и фату, голую ставятъ на возвышеніе и своими грязными руками касаются ея чистаго тѣла. Она видитъ, что къ ея лицу приближается лицо жениха, она видитъ его губы, щеки, волосы, рѣсницы, и вдругъ двѣ холодныхъ губы прикасаются къ ея губамъ, и при гробовомъ молчаніи она чувствуетъ, что кто-то чужой цѣлуетъ ее мертвымъ поцѣлуемъ.

Зеленый шутъ доволенъ.

Онъ хлопаетъ въ ладоши, звенитъ побрякушками и прыгаетъ вокругъ брачнаго стола, поднимая высоко свои ноги.

Невѣста опускаетъ голову и опускаетъ глаза. Она видитъ носки своихъ атласныхъ туфелекъ, и ножки ея такія довѣрчивыя и такія бѣдненькія—холодныя, холодныя. Она вздрагиваетъ, и ея зубы начинаютъ стучать.

Ей наливаютъ стаканъ вина, она жадно припадаетъ губами къ стакану и пьетъ вино большими глотками.

И когда женихъ съ кѣмъ-то начинаетъ разговаривать о входящихъ и исходящихъ, она незамѣтно проходитъ въ свою комнату, рыдаетъ, опускается на колѣни и молится Великому Христу передъ золотой иконою съ лампадой.

Здѣсь царитъ безмолвіе.

Здѣсь нѣтъ зеленыхъ шутовъ, почетной пошлости, лысыхъ головъ и свиныхъ окороковъ.

Она стоитъ на колѣняхъ и проситъ Великаго Христа,

чтобы онъ раскрылъ передъ ея очами глубину жизни, чтобы онъ подарилъ ей крошечную крупицу счастья и освѣтилъ хотя бы самый маленькій, маленькій уголокъ того дома, куда она войдетъ сегодня на разсвѣтѣ.

И она возвращается назадъ.

Зеленый шутъ усталъ. Онъ опустилъ голову на столъ и дремлетъ. Но иногда поднимаетъ руку, размахиваетъ ею и сбрасываетъ на полъ тарелки и бокалы. Вдребезги разбиваются хрустальные бокалы, и осколки ихъ разлетаются во всѣ стороны.

Почетная гостья—огромная пошлость—тоже устала, дремлетъ, положивъ ноги на столъ. Она сыта, и пища радостно переваривается въ ея животѣ.

Всѣ дяди, тетки, всѣ канцеляристы и дѣвицы зѣваютъ, прикрывая ротъ рукой. Ихъ ждетъ послѣднее, самое высокое наслажденіе. Это—сонъ на пуховыхъ перинахъ, это—храпъ на бѣлыхъ подушкахъ, и грезы о сдобныхъ пирогахъ о и лишней звѣздочкѣ въ петлицѣ.

Облокотившись рукою на столъ съ апельсинными корками, пустыми бутылками и грязными салфетками, стоитъ женихъ и смотритъ на невѣсту.

Она видитъ его черные глаза, его бѣлый галстукъ и думаетъ:

— Кончено.

Онъ—этотъ рыцарь, скромный и робкій,—теперь самоувѣренъ, онъ уже что-то знаетъ, что-то приказываетъ и протягиваетъ свои руки къ невѣстѣ, чтобы снять корону съ головы худенькой королевы, и смотритъ на нее, какъ законный супругъ на законную супругу.

Ночь приближается къ разсвѣту.

Пыль въ домѣ отца семейства, которую онъ поднялъ изъ сундуковъ и шкаповъ для того, чтобы выдать младшую дочь замужъ, мало-по-малу опять проникаетъ въ сундуки и шкапы.

Но постучитъ въ дверь новый женихъ, выйдетъ вторая дочь замужъ, и опять пыль начнетъ кружиться въ воздухѣ, опять придутъ бабы и дѣвки съ мокрыми тряпками, и опять услужливые кондитеры и колбасники поставятъ на брачный столъ торты съ цѣлующимися голубками и свиные окорока, красные и жирные.

III.

Заря, розовая и чистая, румянитъ небо, гонитъ отъ себя темноту ночи, и темнота, какъ черная птица, улетаетъ куда-то на западъ.

Опять бѣгутъ ручьи, опять низвергаются каскады и черные камни умываются жемчужной пѣной, опять сѣтка водяного пара виситъ надъ водою, сѣтка, какъ паутина.

И опять встаетъ утро.

Козявки, жучки, стрекозы и божьи коровки опять разыгрываютъ свою семейную пастораль, такую искреннюю и такую веселую.

Они не посылаютъ гонцовъ за каретами, они не разсылаютъ пригласительныхъ билетовъ дядямъ и теткамъ, они не украшаютъ своихъ листьевъ батистомъ, атласомъ или шелкомъ. По золотой паутинѣ они взбираются на изумрудные листочки, раскачиваются въ зеленыхъ кареткахъ, щекочутъ усиками другъ дружку, сверкаютъ перламутромъ своихъ крылышекъ, а потомъ женихи и невѣсты мчатся въ свое брачное путешествіе къ цвѣтамъ, къ жемчужной пѣнѣ каскадовъ, къ самымъ облакамъ и пурпурному солнцу. Они радостно порхаютъ въ легкомъ эфирѣ, цѣлуются, когда имъ хочется цѣловаться, любятъ, когда имъ хочется любить, а когда надоѣдаютъ одни другимъ, разлетаются въ противоположныя стороны, не лгутъ и не брюзжатъ.

Милыя насѣкомыя, почему вы не трепещите своими крылышками возлѣ оконъ тѣхъ комнатъ, гдѣ стоятъ брачныя постели людей, почему вы не жужжите насмѣшкой и укоромъ, почему не жалите своими жалами въ то мѣсто, гдѣ у людей скрыта правда и не обагрите ее гнойной кровью, прогнившей на правдѣ и вздувшейся гнойнымъ пузыремъ? Почему?

Почему вы не трубите въ свои милыя трубки и не кричите:

— О, люди, люди, о, смѣшные супруги въ ночныхъ колпакахъ и бѣлыхъ кофточкахъ! О, люди, люди, какъ безобразны ваши колпаки при яркомъ свѣтѣ дня!

Почему вы своими мечами не разорвете страшное молчаніе супруговъ и не закричите:

— О, вы, смѣшные герои смѣшной пасторали, посмотрите на лохмотья вашего молчанія при блескѣ жемчужной пѣны каскадовъ и въ лазури горячаго дня! Посмотрите! Посмотрите!

Встаетъ яркое утро.

Въ сіяніи утра летятъ черные вороны и кричатъ: кра-кра-кра, мы что-то знаемъ, мы что-то знаемъ!

Лѣса стоятъ зеленые, трепетные, и на каждомъ листочкѣ съ золотыми жилками дрожатъ капли росы и спадаютъ на сочную мураву.

Солнце пышетъ своимъ огнемъ, и крылья вороновъ въ огнѣ солнца кажутся черными, какъ черная сталь.

Поля пестрѣютъ своими цвѣтами, синими, красными, бѣлыми и желтыми, но вороны летятъ надъ полями, опускаются, а потомъ разгуливаютъ по цвѣточному ковру, какъ черные важные генералы.

— Кра-кра,—кричатъ вороны и предвѣщаютъ непогоду.

И скоро, скоро нагромождаются тучи одна на другую и идетъ дождь.

Холодный и мерзлый, онъ сѣрой пеленой закрываетъ небо и солнце, тускнѣетъ зелень, блекнутъ цвѣты, а въ черной разрыхленной землѣ словно обнажаются корни страшнаго молчанія.

Идетъ дождь.

И когда капли его равномѣрно одна за другою сочатся на усталую землю, когда такъ скучно, такъ грустно и такъ жутко, все неясное становится яснымъ, все несправедливое дѣлается выпуклымъ и зловѣщимъ, и бѣдные люди, такіе усталые и такіе запуганные, оглядываются назадъ и видятъ, какъ обнажается все то, что еще недавно сверкало фальшивой позолотой солнца и въ блескѣ небесной лазури.

Идетъ дождь.

Вороны широко размахиваютъ крыльями и кричатъ:

— Кра-кра, мы что-то знаемъ, мы что-то знаемъ.

Робкія птички прячутся подъ навѣсами крышъ и дрожатъ, слушая краканье вороновъ.

— Ты молчишь,—говоритъ жена,—ты молчишь. О, какъ ужасно твое молчаніе!—и грязнымъ фартукомъ вытираетъ свои слезы.

Мужъ опускаетъ руки на плечи жены и говоритъ:

— Всего не перескажешь.

Слышно, какъ реветъ гудокъ фабрики. Онъ реветъ своимъ ревомъ полминуты, минуту, двѣ, три, а изъ окна флигеля, гдѣ стоитъ мужъ, опустившій свои руки на плечи жены, видно, какъ струя бѣлаго пара вырывается изъ трубки и расплывается облакомъ въ воздухѣ.

Мужъ говоритъ:

— Реветъ гудокъ. Всего не перескажешь.

Жена поднимается съ мѣста и горячо проситъ:

— Два слова, только два слова. Я все знаю. Скажи мнѣ настоящую правду, и мы уйдемъ въ другое мѣсто, мы начнемъ новую жизнь.

Мужъ сверкаетъ глазами и говоритъ:

— Слышишь ты—не нужно словъ, слышишь—не нужно. Слова—наша смерть. Они насъ губятъ. Я не уйду отсюда, я пропаду, околѣю здѣсь, но не выброшу тебя и дѣтей на улицу. Помни разъ навсегда: мнѣ весело въ копоти и огнѣ, мнѣ весело въ подземельяхъ, мнѣ весело, когда вытяги-

ваются мои мускулы и горбится спина. Помни — мнѣ весело.

Но жена падаетъ на колѣни, ухватывается за руку мужа и рыдаетъ:

— Я хочу правды. Сегодня день правды. Слышишь, сегодня день правды. Сегодня я все понимаю, сегодня я все понимаю!

Но мужъ отталкиваетъ жену отъ себя и говоритъ:

— Нѣтъ, сегодняшній день — не день правды. День правды впереди,—и мужъ надѣваетъ фуфайку, куртку, войлочную шапку и выходитъ изъ флигеля.

Жена, послѣ ухода мужа, сидитъ мертвая и застывшая и смотритъ немигающими глазами въ окно. Она—словно изваяна изъ бѣлаго гипса, она холодная, какъ бѣлый гипсъ.

И открывается передъ нею все то, что еще вчера было закрыто. Она понимаетъ все то, что вчера еще было непонятно. Она понимаетъ, что все то, что совершалось и совершается на землѣ, можетъ быть или немножко лучше, или немножко хуже, что спина мужа можетъ быть сгорбленной, какъ у верблюда, или менѣе сгорбленной, она понимаетъ, что если у нея будетъ лишняя серебряная монета, она купитъ красный платокъ, а если придется промѣнять серебряную монету на черный хлѣбъ, тогда она не купитъ краснаго платка. Но понимаетъ она, а это самое главное, что Богъ совсѣмъ покинулъ людей и сказалъ:

— Думайте сами о себѣ, думайте сами о себѣ.

И понимаетъ она, что бѣдные люди должны что-нибудь придумать. А если они ничего не придумаютъ, то всѣ бѣдные люди въ концѣ концовъ совсѣмъ поблѣднѣютъ, совсѣмъ устанутъ и всѣ умрутъ. Они могутъ меньше работать и имѣть больше денегъ; они могутъ покупать красные платки, сапоги съ высокими голенищами и каждый день ѣсть горячій супъ съ кореньями и жирнымъ мясомъ, но если они всегда будутъ кому-то подчиняться и молчать въ этомъ подчиненіи, если они будутъ разговаривать и смѣяться только въ кабакахъ, если они будутъ цѣловать женъ только послѣ денежной получки съ серебромъ въ карманѣ, тогда въ концѣ концовъ случится что-то страшное, что-то необычайное, глаза у всѣхъ людей выкатятся изъ орбитъ, всѣ они перебѣсятся и сойдутъ съ ума.

— Я понимаю, что новый красный платокъ не сдѣлаетъ меня здоровой, красивой и молодой. Я это очень хорошо понимаю.

А мужъ въ часъ обѣда говоритъ:

— Моя жонка очень любопытна. Развѣ все перескажешь?

Но никто не смѣется, никто не повторяетъ его словъ:

— Конечно, не перескажешь, конечно.

Кто-то волосатый, черный и угрюмый поднимается съ мѣста, плюетъ и говоритъ:

— Нѣтъ перескажешь, перескажешь.

И всѣ подхватываютъ его слова и хоромъ кричатъ:

— Перескажешь, все перескажешь! Баста! будетъ!

Этотъ крикъ широкой волною прокатывается далеко, далеко, и эхо его звучитъ въ подземныхъ бассейнахъ и, кажется, что зеленая нефть всколыхнулась, и волны ея набѣгаютъ на подземные берега, кажется, что длинная желонга, которая опускается на дно нефтяного моря, остановилась и кажется, что мѣдь звучитъ гулкимъ звономъ, горы содрогаются, а въ долинахъ горъ разносится вздохъ облегченія, кто-то рыдаетъ, и горы не курятся черными облаками.

А за веселымъ столомъ, когда жены прислуживаютъ мужьямъ, мужья кричатъ:

— Эй, жонки, оставьте насъ, не мѣшайте намъ!

И они пытаются пересказать все то, что давно имъ нужно было и хотѣлось пересказать.

И тотъ же мужъ, который кричалъ женѣ:

— Эй, жена, помни, что я люблю сгибать свою спину, люблю горѣть въ огнѣ—помни!—тотъ же мужъ теперь говоритъ:

— Богъ оставилъ насъ, и сказалъ намъ: думайте сами о себѣ. Вы слышите—тамъ пищатъ наши дѣти, наши крошечныя дѣти. И мы были дѣтьми—и они будутъ взрослыми. И у дѣтей нашихъ будутъ свои дѣти, а у этихъ дѣтей — еще дѣти, и такъ дальше, и такъ дальше. У насъ блѣдныя лица, а у дѣтей нашихъ совсѣмъ блѣдныя. Что же будетъ потомъ? Что же будетъ потомъ? Хорошо, когда все непонятное дѣлается понятнымъ. Хорошо, когда хочется поговорить съ толкомъ, а не молчать и пьянствовать. Это хорошо, правда, хорошо.

И всѣ подхватываютъ его слова и говорятъ:

— Это хорошо, это очень хорошо!

И эхо ихъ криковъ опять звучитъ въ подземныхъ бассейнахъ и въ толщинѣ гулкой мѣди.

И опять чудится, что кто-то облегченно вздыхаетъ, что кто-то рыдаетъ и гдѣ-то скатываются чьи-то слезы.

Но это, вѣроятно, рыдаетъ ребенокъ въ корзинкѣ, прикрѣпленной веревками къ потолку, которую раскачиваетъ его мать рукою, словно изъ бѣлаго гипса и на глазахъ у матери дрожатъ свои слезы, и не знаетъ она, какія это слезы—радости или страха.

— Кра-кра,—кричатъ вороны,—мы что-то знаемъ, мы что-то знаемъ,—и зловѣще размахиваютъ своими крыльями.

— Кюи-кюи,—щебечутъ глупыя маленькія птички, которыя ничего не знаютъ, сидятъ нахохлившись и озираются по сторонамъ.

Сѣрый покровъ обложилъ все небо и та столовая, гдѣ недавно было такъ свѣтло, гдѣ сквозь бѣлыя шторы проскальзывали лучи солнца, теперь мрачная и сѣрая, какъ покровъ неба.

За столомъ опять сидитъ большая семья—дѣдуся, бабуся, отецъ, мать, тетя Варя, Соня въ голубомъ, Катя въ розовомъ, сыновья—инженеръ, студентъ, маленькіе—Серафимочка и Жоржикъ.

И опять вся семья звенитъ ножами, ложками и тарелками, опять всѣ ѣдятъ, опустивъ головы, всѣ молчатъ, и нарушая молчаніе, дѣдуся говоритъ:

— Есть народное повѣрье, что на Илью всегда дождь. Сегодня, кажется, день Ильи, и дождь сочится съ утра.

Бабуся замѣчаетъ:

— И нѣтъ надежды, чтобы онъ прекратился къ вечеру.

И опять молчаніе своею пеленою протягивается между стариками, молодыми и дѣтьми.

Вдругъ Сонечка, лицо, шея, щеки и уши которой все наливаются и наливаются кровью, не выдерживаетъ напряженія этого молчанія, вдругъ изъ ея груди вырывается странный смѣшокъ, этотъ смѣшокъ переходитъ въ хохотъ, потомъ въ хохотъ вплетаются слезы, икота, и вдругъ страшный вопль, крикъ наболѣвшей души потрясаетъ молчаніе и разрываетъ его.

Она выпускаетъ изъ рукъ ложку, ложка со звономъ падаетъ въ тарелку, Сонечка быстро встаетъ съ мѣста и улыбающаяся и рыдающая со слезами, которыя, какъ горошины, скатываются по пылающимъ щекамъ, убѣгаетъ въ свою комнату, бросается на кровать и начинаетъ рыдать.

— Что случилось?—спрашиваетъ дѣдуся, дрожатъ его губы, дрожатъ руки, дрожитъ носъ, а салфетка, которая завязана вокругъ его старой шеи, смѣшно коробится.

— Ахъ, бѣдная Сонечка, что такое?—дрожитъ бабуся, и въ уголкахъ ея безцвѣтныхъ глазъ появляются слезы.

— Соня очень нервная,—говоритъ тетя Варя и опускаетъ глаза.

Но отецъ вдругъ краснѣетъ, стучитъ кулакомъ по столу, высоко поднимаетъ свою голову, глаза его кажутся вдвое больше и отецъ кричитъ:

— Позвать ее сюда! Позвать!—и онъ опять стучитъ

кулакомъ, звенятъ тарелки, два стакана сталкиваются одинъ съ другимъ и тихо звякаютъ:

Дзинь...

И этотъ рѣзкій звонъ столкнувшихся стакановъ больно отзывается въ дѣтскихъ душахъ Жоржика и Серафимочки, и Жоржикъ и Серафимочка уже не улыбаются и не закрываютъ ротъ рукою, а знаютъ, что назрѣваетъ что-то страшное и неизбѣжное.

И когда отецъ стучитъ кулакомъ въ третій разъ и опять сталкиваются стаканы, а дѣдуся и бабуся дѣлаются совсѣмъ молчаливые и сгорбившіеся, вдругъ Катичка смѣется и рыдаетъ такъ, какъ минуту тому назадъ рыдала Сонечка, вдругъ она жалко, жалко улыбается и вдругъ въ тарелку со щами скатываются ея слезы, и она, нѣжная Катичка, вся въ розовомъ, убѣгаетъ въ ту же дверь, въ какую убѣжала Сонечка, бросается на постель, которая стоитъ рядомъ съ постелью Сонечки и рыдаетъ такими же рыданіями, какими рыдаетъ Сонечка.

Въ столовой стоятъ два пустыхъ стула, гдѣ сидѣли двѣ дѣвушки, одна въ розовомъ, другая въ голубомъ, и эти пустые стулья упрекаютъ тѣхъ, кто смотритъ на нихъ.

Назрѣваетъ потребность объясниться, высказаться, приблизиться роднымъ людямъ другъ къ другу, порицать и прощать; назрѣваетъ потребность у молодыхъ сказать свои слова старымъ, а у старыхъ—прислушаться къ словамъ молодыхъ.

Отецъ уже больше не стучитъ кулакомъ, онъ молчитъ, а потомъ поднимаетъ голову и говоритъ:

— Подавайте второе.

Но сынъ инженеръ говоритъ:

— Я не хочу обѣдать,—и онъ встаетъ съ мѣста.

Вслѣдъ за нимъ встаетъ студентъ и тоже говоритъ:

— Я не хочу обѣдать,—и братья поворачиваются спиной къ родителямъ и направляются къ двери.

Глаза у отца дѣлаются безпокойными, очень выпуклыми, и онъ говоритъ:

— Стойте!

Сыновья поворачиваются и смотрятъ въ упоръ на отца.

— Что случилось?—спрашиваетъ отецъ.

— Ты самъ знаешь, что случилось,—отвѣчаютъ сыновья.

Отецъ пристально вглядывается въ глаза дѣтей и спрашиваетъ:

— Почему вчера еще вы обѣдали со мною и съ матерью, а сегодня не хотите обѣдать?

— Вчера мы обѣдали, а сегодня не хотимъ обѣдать,— говорятъ сыновья.

— Почему онѣ плачутъ?—и отецъ указываетъ рукой на дверь, куда убѣжали дѣвушки.

— Ты знаешь, почему онѣ плачутъ, — отвѣчаютъ сыновья.—Ты знаешь, что у нихъ всегда такія лица, словно онѣ хотятъ разрыдаться.

— Слѣдовательно, виноватъ я?—Отецъ опять стучитъ кулакомъ, а потомъ откидывается на спинку стула и хохочетъ.

— Это не смѣшно, отецъ,—говоритъ сынъ инженеръ, — это трагично. Слышишь, отецъ, это трагично.

Но отецъ уже встаетъ съ мѣста и спрашиваетъ:

— Что случилось? Отвѣчайте мнѣ толкомъ, что случилось?

— Ты знаешь, что случилось, и смѣшно намъ объяснять тебѣ это.

— Нѣтъ, не знаю.

— Нѣтъ, знаешь.

— Я знаю,—говоритъ отецъ,—что всѣ вы сумасшедшіе, злобные и скрытные, всѣ вы чортъ знаетъ, о чемъ думаете— вотъ, что я знаю.

— А знаешь ли ты, отецъ, что ты исковеркалъ нашу жизнь? — спрашиваетъ сынъ инженеръ и смотритъ на отца.

Онъ произнесъ тѣ слова, которыхъ такъ боялись и Жоржикъ, и Серафимочка, и два старика, которые дрожатъ надъ своими тарелками. И сразу обнаруживается, словно въ огнѣ фейерверка, все то мучительное, что пряталось и таилось въ большой столовой съ дубовыми стульями и дубовымъ буфетомъ.

— Вотъ, какъ ты говоришь?! Вотъ какъ?!—и на лбу отца протягивается складка, а подъ глазами раздуваются мѣшки.

— Я говорю то, что давно долженъ сказать тебѣ,—замѣчаетъ сынъ.—Ты, одинъ ты виноватъ, что дѣвочки плачутъ, ты одинъ виноватъ, что я всегда не удовлетворенъ, ты одинъ виноватъ, что въ ранніе, дѣтскіе годы заморозилъ наши души, и онѣ вянутъ, вянутъ всю жизнь. Гдѣ твои слова, какія были твои слова? Я хочу твоихъ словъ.

Отецъ смотритъ на мать и спрашиваетъ ее:

— Не правда ли, онъ сумасшедшій?

Но мать молчитъ.

— Слышишь, отецъ, часто, вечеромъ, гуляя по полотну желѣзной дороги, я думалъ о тебѣ, о братѣ, о сестрахъ, о всей нашей несчастной семьѣ. Я думалъ, что въ каждомъ изъ насъ скрыты большія способности и заложена прекрас-

ная душа. Но такъ какъ ты такой отецъ, какъ и другіе отцы, такъ какъ ты слѣпой и глухой, ты не видалъ нашей души, нашихъ способностей и воспитывалъ насъ ощупью. Душа наша, одинокая, безъ всякой поддержки, что-то придумывала, о чемъ-то мечтала. Но погоди, отецъ, погоди! Настанутъ другіе дни, когда такихъ отцовъ, какъ ты, будутъ судить общественнымъ судомъ. Погоди, отецъ, придутъ новые дни, когда за столомъ, гдѣ собирается большая семья, не будутъ молчать, тяжело дышать, не будутъ убѣгать отъ стола и рыдать на порогѣ столовой, а будутъ смѣяться, шутить, пить искристое вино, отцы будутъ чокаться съ сыновьями и будутъ говорить:

— За твое здоровье, сынъ мой! Будь веселъ, свободенъ, отваженъ, оригиналенъ и мудръ!—А сыновья скажутъ:

— За твое здоровье, отецъ! Спасибо за пищу, за теплый кровъ, спасибо за воспитаніе, которое научило меня уважать веселый трудъ и уважать тебя, моего воспитателя,

— Слышишь, отецъ, грядетъ такой день, слышишь! отецъ, уже покрываютъ новый, веселый столъ новой скатертью и ставятъ новое вино.

Часто вечеромъ, гуляя по полотну желѣзной дороги, я думалъ о всей нашей несчастной семьѣ, думалъ и молчалъ. Но нельзя всегда молчать, нельзя молчать, когда рыдаютъ сестры, а ты стучишь кулакомъ. Я не хочу обѣдать съ тобою.

Сынъ студентъ повторяетъ слова брата и тоже говоритъ:

— Я не хочу обѣдать,—и оба они выходятъ въ ту дверь, въ которую убѣжали сестры.

Серафимочка плачетъ, а Жоржикъ широко-открытыми глазами смотритъ на отца и мать, словно въ чемъ-то ихъ упрекаетъ.

Тетя Варя, покраснѣвшая и возбужденная, замѣчаетъ:

— Ахъ, нервы, нервы.

Отецъ говоритъ:

— Это не нервы, а что-то другое.—И всѣ понимаютъ, что отцу стыдно и онъ думаетъ тяжелыя новыя мысли.

Изъ спальни дѣвушекъ все доносится ихъ рыданіе. Тихій упрекъ дрожитъ въ этихъ рыданіяхъ. Но мало-помалу упрекъ претворяется въ примиреніе, примиреніе—въ радость, и всѣ улыбаются, всѣ счастливы, что всколыхнулось мучительное однообразіе обѣдовъ большой семьи, всколыхнулось и нѣтъ уже его.

— Мы что-то знаемъ, мы что-то знаемъ,—кра-кра,—кричатъ вороны и летятъ стаями, какъ черныя тучи. Въ сгустившихся сумеркахъ эти спустившіяся на крыши и на за-

боры птицы кажутся важными генералами, которые что-то знаютъ, но не хотятъ открыть то, что знаютъ и кричатъ:

— Мы что-то знаемъ, мы что-то знаемъ.

Смѣшныя птички спрятались въ шатры деревьевъ и тамъ онѣ дремлютъ всегда наивныя, всегда беззаботныя и спокойно созерцаютъ открытый ужасъ и даже щебечутъ по сторонамъ этого ужаса.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Завѣтъ.

Онъ разослалъ своихъ шпіоновъ
Въ подполья каменныхъ столицъ,
Въ разгулъ вертеповъ и притоновъ,
Въ громады тюремъ и больницъ.

И далъ завѣтъ имъ: „Лицемѣрьте,
Убейте, лгите—умеръ Богъ.
Ищите всѣ Царицу Смерти,
Найдя, ведите въ мой чертогъ“.

И привели къ нему увѣчныхъ,
Слѣпыхъ, смердящихъ духа зла,
Но въ домъ Царя безчеловѣчныхъ
Царица Смерти не вошла.

И задрожалъ Владыка темныхъ,
И, кинувъ крики въ высоту,
Ушелъ со сворой слугъ наемныхъ
Искать безсмертную мечту.

Онъ обошелъ лѣса и степи,
Всходилъ на грани сѣрыхъ скалъ,
И въ лунный часъ въ забытомъ склепѣ
Онъ встрѣтилъ ту, кого искалъ.

И отдалъ онъ Царицу Смерти
Навѣки въ жены палачу.
И рѣчь его была: „Измѣрьте
Терпѣнье преданныхъ бичу.

Вотъ вамъ завѣтъ: плетите петли
Для женщинъ, юныхъ и дѣтей,
Гасите свѣтъ, ищите, нѣтъ ли
Мнѣ непокорныхъ межъ людей.

Когда же смолкнутъ въ мірѣ крики
И станетъ трупомъ жалкій міръ,—
Я позову васъ: у Владыки
Васъ будетъ ждать послѣдній пиръ".

Кабаки, и дома, и дворцы
Обезсилены праздничнымъ хмелемъ.
Люди дремлютъ по грязнымъ постелямъ.
Затихая, звенятъ бубенцы.

Были веселы въ пьяной толпѣ,
Но въ веселости мало веселья.
Жизнь—для каждаго тѣсная келья,
Но не каждый молчитъ на столпѣ.

Люди дремлютъ, и снится имъ—мракъ.
Завтра встанутъ—угрюмы, не рады,
Бросятъ въ сторону съ жестомъ досады
Свой вчерашній дурацкій колпакъ.

Равнодушно землѣ отдадутъ
Позабытые праздникомъ трупы.
Будутъ взгляды понуры и тупы.
Полусонно возьмутся за трудъ.

Каждый будетъ вдали отъ толпы,
Какъ всегда, одиночествомъ боленъ.
Позовутъ ихъ къ себѣ съ колоколенъ
Плохо спавшіе ночью попы...

Люди дремлютъ по темнымъ угламъ.
Ночь темнѣе, свѣжей и туманнѣй.
Кто-то выросъ надъ кровлями зданій
И разрѣзалъ туманъ пополамъ.

Всталъ огромной и грязной стѣной
На туманно-больномъ небосклонѣ—
Въ колпакѣ, въ шутовскомъ балахонѣ,
Нарумяненный, толстый, смѣшной.

Наклонясь, на дома и дворцы
Опускается саваномъ рванымъ,
И, смолкая, надъ городомъ пьянымъ
Тихимъ смѣхомъ звенятъ бубенцы.

Е. Тарасовъ.

Больная жизнь.

Разсказъ **А. Премірова**.

Когда нѣтъ настоящей жизни,
то живутъ миражами.

А. Чеховъ.

I.

Мягкія зимнія сумерки проникали въ окна вагона, и темныя фигуры пассажировъ растворялись въ сѣроватой мглѣ. Поѣздъ бѣжалъ, и съ нимъ бѣжали сумерки, онѣ сгущались, и такъ казалось, будто поѣздъ несется изъ царства свѣта въ страну неподвижной, печальной ночи.

Вагонъ былъ занятъ студентами. Развязные, молодые голоса звучали непрерывно, вспыхивалъ смѣхъ, рождалась пѣсня и тутъ же гасла, фигуры копошились въ углахъ, какъ призрачныя тѣни.

На верхнемъ мѣстѣ ближе къ дверямъ лежалъ студентъ Алексѣй Крайневъ съ развернутой книгой на груди и задумчиво смотрѣлъ передъ собой. Читать надоѣло—читалъ съ утра—и теперь хотѣлось мечтать. Подъ ритмическій гулъ колесъ мечты проходили стройной музыкальной вереницей, и ихъ сопровождала ревниво-нѣжная и странная печаль. Какъ будто то, что оставалось назади, въ странѣ веселаго свѣта, теперь погребалось подъ темнотой наступающей ночи, и было грустно и жаль умершаго дня, который никогда не повторится.

Еще вчера онъ блуждалъ по свѣтлымъ улицамъ Москвы, съ любопытствомъ провинціала любуясь окружающимъ, а кажется,—съ тѣхъ поръ протекли длинныя, длинныя недѣли. И то, что наполняло улицы столицы, теперь отодвинулось въ глубь прошедшаго и тамъ стояло, расцвѣченное грезой, какъ милая страница прошлаго.

Неумолкаемый шумъ напряженной жизни, нервная суетливость пѣшеходовъ, вечерніе яркіе огни, красивыя женскія

лица и тонкая, ядовитая, трепетная власть раскиданной повсюду роскоши,—все претворялось теперь въ неясный ликъ изящной одухотворенной красоты.

Крайневъ лежалъ съ открытыми глазами, и по лицу его скользила улыбка, какъ будто передъ нимъ были не стѣны вагона, затканныя пеленой сумерекъ, а дивная картина новой жизни.

Но все, что привлекало, что претворялось въ чудесную сказку,—все оставалось тамъ, назади, а впереди вставала ночь, долгая, гнетущая, одинокая ночь.

При мысли о близкомъ будущемъ брови его сдвигались, улыбка сбѣгала прочь, и губы сжимались въ страдальчески-строгую складку. Онъ зналъ, что принесетъ ему это близкое будущее...

— Алешка, спишь?

Крайневъ вздрогнулъ, очнулся.

Снизу къ нему тянулось широкое добродушное лицо съ растрепанными сивыми усами, и ротъ пережевывалъ что-то.

— Нѣтъ,—съ неудовольствіемъ отвѣтилъ Крайневъ.

— Не надоѣло валяться?—продолжалъ землякъ.

— А что же дѣлать иначе?

Крайневъ повернулся на бокъ и заглянулъ въ окно. Тамъ быстро проплывала мимо безконечная голубовато-бѣлая снѣжная лента.

— Скверно... въ три часа пересадка, — заговорилъ онъ хмуро.—Только разоспишься, а тутъ какъ разъ проклятый Валкъ... Какъ я ненавижу этотъ Валкъ!

— Да,—дополнилъ Дьяконовъ.—Это граница. За нимъ начнется царство кулей [1]). Сразу окунешься въ атмосферу куле-туле...

Зажгли фонари, и блѣдная полоска свѣта упала на грязный полъ.

Поѣздъ замедлилъ ходъ, дернулся на стрѣлкѣ каждымъ звеномъ своего длиннаго тѣла и тихо подкатился къ станціи. Стало свѣтло и шумно.

Въ окнахъ повисли ослѣпительно-бѣлые шары. Платформа, облитая свѣтомъ, кишѣла суетящейся толпой.

— Что это, Псковъ?—спросилъ товарища Крайневъ.

— Псковъ... Идемъ хватимъ по рюмочкѣ?

— Нѣтъ, не хочется.

— Ну, чортъ съ тобой! Я хвачу...

Дьяконовъ надѣлъ фуражку и безъ пальто въ одной тужуркѣ вышелъ изъ вагона.

Хлопала безпрерывно дверь, и облачные клубы мороз-

---

[1]) Такъ студенты шутливо зовутъ эстонцевъ.

наго воздуха врывались снаружи, катились по полу и, подымаясь, таяли безслѣдно. Входили псковскіе, но ихъ встрѣчалъ увѣренный окрикъ студента-охранителя, добровольно ставшаго у дверей:

— Здѣсь для учащихся. Проходите дальше!

Тѣ проходили.

Крайневъ спрыгнулъ, накинулъ на плечи пальто и вышелъ на площадку вагона.

Въ морозномъ воздухѣ, напитанномъ бѣлымъ свѣтомъ, искрилась радужная пыль, ныряли звонкіе возгласы, и озабоченныя лица мелькали мимо, исчезая и вновь появляясь. Среди тревожно-суетливыхъ фигуръ спокойно проходили, очевидно, гуляющіе праздные псковитяне.

Крайневъ всматривался въ лица, сливаясь на мгновеніе со взглядами неторопливыхъ женщинъ, и въ груди его тихо струилось тревожно-радостное чувство. Эта гирлянда лицъ, сплетавшаяся въ бѣломъ свѣтѣ, такъ живо напоминала пестрыя, шумныя улицы Москвы...—А завтра Юрьевъ,—пронеслось въ головѣ Крайнева.—Проклятый Юрьевъ... Проклятое одиночество...

Сердце заныло, какъ будто холодъ ночи приникъ къ груди. И все вокругъ потускнѣло, подернулось траурной тканью.

Онъ повернулся и, злобно хлопнувъ дверью, вошелъ въ вагонъ.

Тамъ было оживленно. Студенты входили, выходили, гремѣли дорожными чайниками, располагаясь ужинать. Въ сумеречныхъ углахъ копошились фигуры; вотъ характерно хлопнула выбитая пробка, забулькала жидкость изъ горла бутылки...

Смѣхъ и громкій говоръ...

Крайневъ забрался наверхъ и легъ, намѣреваясь задремать. Хотѣлось забыться и грезить подъ качку вагона, грезить о чемъ-то, чего не было вокругъ.

— Эй, сонуля!—грубо-радушно окликнулъ Дьяконовъ.— Иди пить чай. Я заварилъ.

— Не хочу...

— А я пропустилъ парочку... Важно! Иди, хвати, ей-Богу, хорошо будетъ!

— Ахъ, ну тебя! Оставь! Я спать хочу...

Крайневъ закрылся съ головой пальто и ждалъ, когда двинется поѣздъ. Эта непривычная неподвижность и рѣзкій, незатушеванный говоръ раздражали...

Поѣздъ шелъ, но ему не спалось. Въ груди не прекращалась слабая ноющая боль, и такъ мерещилось, будто

тянется сѣрая нить, все тянется, тянется, тянется, безнадежная, какъ отчаяніе, и нѣтъ этой нити конца...

Но вотъ она обвилась вокругъ, спаялась въ неразрывное кольцо, и онъ очутился въ центрѣ круга.

А тамъ, за гранью круга, повисла живая гирлянда лицъ. Прекрасныя женскія лица, улыбаясь, кружились въ игривомъ танцѣ, и глаза ихъ бросали лукавые взгляды, полные нѣмого обѣщанія. Они тревожили, мучили, били и, растворяясь во мглѣ, уносили съ собой частицы его сердца. И сердце дрожало, терзалось, рвалось впередъ — за грань окаяннаго кольца. Онъ страстно бросался туда, но члены не двигались, скованные невѣдомой силой, и онъ оставался недвижимъ. А мимо въ веселомъ танцѣ жизни проносились молодыя счастливыя пары, и музыка струилась, какъ сверкающій знойный каскадъ, и ласковые яркіе лучи дробились въ складкахъ цвѣтныхъ одеждъ.

Онъ же стоялъ и томился, маленькій, несчастный и одинокій, и душа, лишенная простора, рождала ему туманныхъ призраковъ. Они окружали его, затѣняя блестящую жизнь, что кипѣла за гранью кольца, онъ улыбался имъ, но призраки таяли безслѣдно... И вновь рождались, блѣдные, больные, и вновь онъ рвался впередъ, но порывы были безплодны,—ихъ рвалъ на части, душилъ и отбрасывалъ прочь жестокій заколдованный кругъ...

II.

Едва лишь Крайневъ ступилъ на почву Дерпта, какъ тотчасъ же съ безстрастной суровостью его охватила знакомая гнетущая атмосфера отчужденности и одиночества, и казалось, что онъ не выѣзжалъ отсюда.

Въ темномъ холодномъ корридорѣ университета, куда онъ зашелъ явиться, было пусто и академически-скучно. Столѣтнее зданіе, угрюмое и непривѣтливое, полное призраковъ старины, всегда рождало въ душѣ Крайнева желаніе уйти отсюда, убѣжать на просторъ и свободу, подальше отъ старыхъ каменныхъ стѣнъ, почти поросшихъ сырою плѣсенью и давящихъ и угнетающихъ всякую яркую мысль и всякое живое чувство. Точно намѣренно это зданіе воздвигнуто было для изсохшей науки, блѣдныхъ и мертвыхъ словъ и цифръ, кропотливыхъ и скучныхъ изысканій и вычисленій, изъѣденныхъ молью аксіомъ и истинъ, равно далекихъ отъ горячей, быстротекучей, трепетной и переливчатой жизни.

Крайневъ торопливо прошелъ корридоръ, поднялся во второй этажъ и, здѣсь раздѣвшись, вошелъ въ залу пра-

вленія съ древними темными картинами на стѣнахъ и безконечнымъ столомъ по рединѣ, накрытымъ краснымъ сукномъ.

Субъ-инспекторъ, сидящій у стола, поздоровался съ нимъ изысканно-любезно и, принявши билетъ, произнесъ обычную фразу:

— Когда найдете квартиру, потрудитесь записать адресъ въ педельной.

Крайневъ поклонился и вышелъ. Былъ полдень, и онъ рѣшилъ пойти обѣдать.

Студенческая столовая „Конкордія“, убѣжище демократовъ и радикаловъ, гдѣ Крайневъ обѣдалъ по трехлѣтней привычкѣ, занимала довольно просторную квартиру, но по причинѣ большого числа абонентовъ въ ней всегда было тѣсно до толкотни. И теперь едва лишь пробило 12, какъ уже выстроился рядъ студентовъ, по очереди подходившихъ къ кассиру для покупки обѣденныхъ марокъ. Крайневъ всталъ въ хвостѣ вереницы и всматривался въ лица, отыскивая знакомыхъ. Но знакомыхъ не было.

— Къ чему такъ рано пріѣхалъ?—съ досадой думалъ онъ.—Чего я не видалъ здѣсь? Этой грязи?..

Одѣваясь послѣ обѣда въ тѣсной передней, Крайневъ столкнулся съ землякомъ Снѣгиревымъ.

— А, Алексисъ!—крикнулъ Снѣгиревъ.—Давно ли?

— Сегодня... А ты? Ахъ, да, вѣдь ты оставался... Ну, что, какъ провелъ святки?

Товарищи вышли на улицу.

— Воображаю всѣ прелести здѣшней жизни, — продолжалъ Крайневъ.

Снѣгиревъ издалъ сочувственный звукъ.

— Пьянствовалъ, поди?

— Было... все было. А въ общемъ скука... ну, и скука! Тебя бы, Алексисъ, засадить...

— Я удавился бы.

Снѣгиревъ засмѣялся.

— А я претерпѣлъ... Науку двигалъ слегка...

Они остановились на перекресткѣ.

— Гдѣ поселился? Или нигдѣ еще?

— На старой квартирѣ,—отвѣтилъ Крайневъ.—Заходи.

— Зайду какъ-нибудь... Кто еще пріѣхалъ изъ нашихъ?

— Дьяконовъ.

— Что васъ черти такъ рано пригнали?

— Такъ себѣ... Собственно зубрить надо...

Снѣгиревъ разсмѣялся съ искренней веселостью.

— Ого-го! Зубрить! Ты ли, Алексисъ? И, главное, съ серьезной физіономіей... Ну, до свиданья!

Вечеромъ Крайневъ сидѣлъ въ своей маленькой студенческой комнатѣ съ низкимъ скошеннымъ потолкомъ, двумя столами, ободраннымъ старымъ комодомъ, деревянной кроватью и съ тремя разносортными стульями, подозрительно кряхтѣвшими всякій разъ, когда на нихъ рѣшались садиться.

Онъ разобрался съ вещами и теперь сидѣлъ безъ дѣла, не зная, чѣмъ заполнить вечеръ. Въ головѣ скользили отрывки воспоминаній, скучныя мысли о будущемъ—о томъ, что надо „двигать науку", что въ этомъ семестрѣ у него пять экзаменовъ, что денегъ мало, и неизвѣстно, какъ проживетъ онъ до весны, что впереди цѣлый рядъ длинныхъ, тоскливыхъ дней, однообразныхъ и одинокихъ, безъ искры радости, ласки, привѣта...

— О, чортъ!—съ тоскливымъ озлобленіемъ крикнулъ онъ и вскочилъ со стула. — Выпить, что ли? — бродило въ головѣ.

Крайневъ взглянулъ на часы. Былъ десятый въ началѣ. Онъ рѣшилъ достать пива и, торопливо одѣвшись, вышелъ на улицу.

Черезъ полчаса онъ сидѣлъ за столомъ и писалъ письмо, отрываясь по временамъ, чтобы выпить стаканъ, неторопливо, смакуя, дорожа каждой каплей.

Письмо начиналось такъ:

„Здравствуй, милая, славная Надя!

Сегодня пріѣхалъ. Сижу одинъ на своемъ проклятомъ чердакѣ и скучаю. Тишина, точно все вымерло, весь міръ. Ни звука... Какъ живешь? Забыла, поди, своего Лельку? Какъ бы я радъ былъ, если бъ ты пріѣхала сюда. Если можешь, пріѣзжай поскорѣе, пріѣзжай. Слышишь, Надя? Пріѣзжай непремѣнно"...

Крайневъ бросилъ письмо и задумался.

Передъ нимъ проплывали картины, безпорядочныя, разорванныя, угарныя, то привлекательныя, жгуче-манящія чаднымъ разгуломъ и сладострастьемъ, то отталкивающія, нелѣпыя, кошмарныя, сверлящія мозгъ острымъ стыдомъ, отъ котораго болѣзненно сокращались лицевыя мышцы, и кровь палила щеки огнемъ.

Онъ познакомился и близко сошелся съ Надей въ прошломъ семестрѣ, когда закутилъ на недѣлю—пилъ безъ перерыва ежедневно и почти каждую ночь проводилъ въ публичномъ домѣ, гдѣ жила Надя. Припоминая теперь обстоятельства сближенія, онъ не могъ точно возстановить событій, и въ памяти всплыли лишь безсистемныя, отрывочныя сцены.

Вотъ онъ сидитъ одинъ за столикомъ въ углу просторной залы съ кабацкой обстановкой, мрачно смотритъ передъ

собой и пьетъ пиво стаканъ за стаканомъ, торопясь залить тупую боль въ душѣ. Рѣзкіе скачущіе звуки рояля, дикіе танцы, пѣсни, крикъ, женскій визгъ и визгливый смѣхъ, циничные фразы и жесты,—все, какъ нелѣпый сонъ больного, какъ сказочная адская пляска. Къ нему подходитъ женщина въ черномъ шелковомъ платьѣ съ длиннымъ шикарнымъ трэномъ, съ высокой уродливой прической, садится напротивъ и что-то говоритъ. Онъ близко видитъ ея блѣдное лицо съ подведенными глазами и доброй блуждающей улыбкой, и что-то теплое и обманчиво-ясное, тѣнь чистаго чувства, рождается въ его душѣ. И въ глазахъ женщины онъ замѣчаетъ нѣчто, чего до сихъ поръ не замѣчалъ у ней подобныхъ. И это нѣчто, располагающее и манящее, какъ любовный призывъ, какъ ласковый привѣтъ, сулитъ ему невѣдомую радость.

Черезъ день послѣ первой бесѣды онъ ночевалъ у Нади, и ея жадные, торопливые поцѣлуи еще и теперь ощущаются имъ.

— Я никого не цѣловала такъ, какъ тебя,—сказала она, и Крайневъ зналъ, что это—правда, что публичная женщина съ подкрашенными глазами и доброй блуждающей улыбкой, дѣйствительно, не цѣловала такъ никого.

И чувство женщины, продающей свое тѣло и симмулирующей любовь, тогда поразило его, неопытнаго и наивнаго, еще незнакомаго съ женской душой, и онъ отвѣтно привязался къ ней, забывая о томъ, кто—она, и не чувствуя брезгливости къ ея тѣлу, еще молодому, еще неуспѣвшему износиться.

Крайневъ продолжалъ письмо.

„...Я писалъ тебѣ изъ Энска. Не знаю, получила ли ты. Послѣ твоего отъѣзда въ Ригу я покинулъ Дерптъ черезъ два дня и только дорогой вспомнилъ, что, взявши твой адресъ, забылъ сообщить тебѣ свой... Въ Энскѣ скучалъ безъ тебя“...

Крайневъ остановился и замеръ. Что-то колючее, палящее, какъ мимолетный укоръ стыда, коснулось его сердца—какое-то воспоминаніе, сопоставленіе, неясное и отдаленное, точно печаль о поруганномъ идеалѣ. Но это было мгновеніе. Онъ допилъ бутылку и продолжалъ писать. И по мѣрѣ того, какъ писалъ, нѣжное чувство, дрожавшее въ груди, все разросталось и ширилось, и жажда словъ, горячихъ и ласковыхъ, зовущихъ и сильныхъ, затопила сознаніе. Онъ исписалъ всю страницу одними нѣжными словами, но это не удовлетворило, а лишь разожгло сильнѣе неутомимую жажду горячихъ словъ.

Неожиданно онъ подумалъ о томъ, что Надя, быть мо-

жетъ, писала ему, и что письмо „до востребованія“ ждетъ его на почтѣ. Крайневъ рѣшилъ сходить въ почтамтъ и узнать.

Онъ не ошибся. На утро, справившись въ конторѣ, онъ получилъ письмо.

Безграмотнымъ, но тщательнымъ дѣтскимъ почеркомъ Надя писала:

„Милый Леликъ!

Сейчасъ я получила твое письмо. О, мой восторгъ! Моя радость! Дорогой дуська, ты не знаешь, какъ я радуюсь твоему письму! Вѣдь я такъ страдала, я думала, что ты забылъ меня или просто не хочешь писать. Подумай, какъ долго заставилъ ждать—цѣлыхъ двѣ недѣли! Это для меня точно два мѣсяца. Но я тебѣ прощаю, мой милый котикъ! Ты меня тоже прости, что такъ плохо думала о тебѣ. Я гадкая, нехорошая. Какъ я смѣла такъ думать? Ты добрый, славный, ты не измѣнишь своему слову. Дорогой Леликъ! Я обижаюсь на тебя, какъ ты могъ думать, что я забуду тебя? Нѣтъ, нѣтъ ты ошибаешься. Я не въ силахъ забыть тебя, мой милый Леликъ, скорѣе умру, чѣмъ тебя забуду. Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя узнала, я сердце и душу отдала тебѣ, любви еще не понимала, а тебя полюбила всей душой. Твой образъ всюду предо мной, какъ призракъ, онъ слѣдитъ за мной и смотритъ на меня тѣмъ взглядомъ, какимъ ты смотрѣлъ на меня, когда мы были съ тобой наединѣ. Я не знаю, что ты тогда думалъ, но я дрожала отъ твоего взгляда, ты не замѣчалъ это, но я не забуду его, этотъ взглядъ. Разстались мы, но твой портретъ я на груди моей храню, какъ блѣдный призракъ лучшихъ дней, онъ душу радуетъ мою. Милый мой Леликъ! Ты не думай, что я здѣсь живу и эти ежедневныя развлеченія на меня дѣйствуютъ, для меня они—ничто, они только скуку на меня нагоняютъ. Милый другъ! Мнѣ все это гадко, противно, такъ мнѣ все надоѣло. Я жить больше не хочу, я такъ страдаю! Если бы ты зналъ, ты пожалѣлъ бы меня. Я знаю, ты такой добрый, ты пожалѣешь меня, бѣдную дѣвушку. Да, Леликъ! Я бѣдная, я потеряла свой спокой и мнѣ не найти его больше. Я страдаю, мучусь, сама не знаю, почему. Я раньше жила, ни надъ чѣмъ не задумывалась, — надѣялась, желала, чтобы у меня все было, главное, наряды. Теперь мнѣ ничего не надо. Мнѣ все не мило, даже Божій свѣтъ не милъ. Да! Я хочу умереть, но не раньше, чѣмъ тебя увидѣть, чувствовать на своей груди твое дыханіе и цѣловать, цѣловать тебя и тогда умереть въ сладкихъ грезахъ. Ахъ, эти грезы, мечты и слезы... Ахъ! Я слишкомъ разболталась, сама не знаю, что пишу, мысли путаются, голова

кругомъ идетъ. Леликъ! Спасибо за участіе, но я вѣдь не пью много. Если только это время больше пила, потому что мнѣ очень грустно, чтобы немного забыться, но я обѣщаю тебѣ не пить. Книги я не читаю. Во-первыхъ, нѣтъ хорошихъ, во-вторыхъ, не расположена книги читать, пробовала, но мысли далеко, и ничего не понимаю, что читаю, лучше и совсѣмъ не читать. Прошу тебя, Леликъ, пожалуйста, уничтожь эту пошлую карточку, гдѣ я голая, сдѣлай милость! Меня возмущаетъ, какъ я осмѣлилась передъ тобой такъ сняться. Ради Бога, уничтожь весь снимокъ, чтобы не было у тебя такой карточки. Я жду съ нетерпѣніемъ, когда ты вернешься въ Юрьевъ. Тогда напиши мнѣ, и я пріѣду. Цѣлую тебя, милый, милый! Твоя Надя".

Крайневъ болѣзненно морщился, ахалъ и стоналъ, точно отъ ударовъ, читая письмо. Его коробилъ альбомно-бульварный тонъ—эти специфически нѣжныя слова: „дуська, котикъ"‥, эта безпорядочная смѣсь своего и чужого.

— Фу! Что такое?.. Ахъ...—вырвалось у Крайнева, когда онъ дочиталъ до конца. Онъ корчился весь не то отъ стыда, не то отъ смутнаго отвращенія или мучительной жалости.— Вѣроятно, цѣлый день сочиняла,—подумалъ онъ.—Мучилась, мучилась, бѣдняжка, и вотъ—въ результатѣ...

Онъ долго сидѣлъ въ глубокой неопредѣленной задумчивости.

Потомъ сталъ перечитывать и въ нелѣпыхъ, шаблонныхъ фразахъ письма, затасканныхъ и смѣшныхъ, теперь онъ чуялъ то непосредственное чувство искалѣченной души, которое скрывалось подъ пошлыми словами, какъ подъ грязной корой. И видѣлъ теперь, какъ много въ этихъ жалкихъ словахъ,—единственно доступныхъ ихъ автору,—какъ много разлито въ нихъ жажды красоты, мучительнаго стремленія къ лучшей, новой жизни...

— Въ сущности, подлецъ я!—неожиданно для себя сказалъ онъ громко и со странной пугливостью осмотрѣлся вокругъ.

Но онъ былъ одинъ. Никто не проникъ въ сокровенное его души.

III.

Крайневъ пилъ вечерній чай, когда въ дверь постучали. Стукъ былъ громкій, нетерпѣливый, порывистый.

— Herein! — крикнулъ онъ по усвоенной мѣстной привычкѣ.

Дверь широко распахнулась, и показалась фигура женщины въ темнозеленомъ модномъ пальто „гейшѣ" и огромной эксцентричной шляпѣ.

— Ага, явилась! — произнесъ Крайневъ, отрадно пораженный.

Надя стояла посреди комнаты, съ нервной торопливостью сдергивая перчатки, смотрѣла на него широко открытыми глазами и смѣялась нервнымъ, радостнымъ смѣхомъ, не будучи въ силахъ выговорить слова. Сбросила шляпу, порывисто обняла Крайнева и молча начала цѣловать, не то смѣясь, не то плача отъ счастливаго возбужденія.

— Ну, что? Какъ? Давно ли пріѣхала? Сегодня? Получила письмо?—бросалъ вопросы Крайневъ.

— Да,— коротко отвѣтила Надя. Посмотрѣла въ глаза тѣмъ покорно-восторженнымъ взглядомъ, который всякій разъ немного смущалъ Крайнева и, бросивши фразу:

— Какой же ты милый!—прижалась головой къ его груди, все еще нервно негромко смѣясь.

Черезъ нѣсколько минутъ, когда поулеглось волненіе первыхъ мгновеній свиданья, Надя сидѣла за столомъ съ кипящей Thel-maschin'ой, и Крайневъ, смущенный убожествомъ угощенія, предлагалъ ей чай изъ своего единственнаго стакана.

— Я думала, слушай, ты совсѣмъ забылъ меня,—говорила Надя,—такъ долго не писалъ, такъ долго... А! Какъ я плакала!—воскликнула она съ неожиданнымъ наивнымъ изумленіемъ, взглянула Крайневу въ глаза и разсмѣялась.— Такъ было все противно, понимаешь, только и думала объ одномъ... А ты? Что тамъ дѣлалъ? Хорошо веселился? Ухаживалъ за барышнями?

Она, улыбаясь, смотрѣла на него, а въ глазахъ трепетало затаенное безпокойство.

— Ого! Какъ еще ухаживалъ! Предложеніе сдѣлалъ...

Они разсмѣялись.

— Ерунда!—сказалъ серьезно Крайневъ.—Ближе тебя у меня нѣтъ никого.

Надя отвѣтила благодарно-ласковымъ взглядомъ.

— Какъ я скучалъ здѣсь,—жаловался Крайневъ.—Тоска, одиночество, тишина мертвая. Нѣтъ никого. Ни одинъ сукинъ сынъ не заглянетъ... Гдѣ поселилась? Опять въ восемнадцатомъ номерѣ?

— Нѣтъ. Въ „Фантазіи“.

— Развѣ тамъ лучше?

— Нѣтъ, что же... вездѣ одинаково,—съ неудовольствіемъ сказала Надя. Потомъ заболтала оживленно и громко.

— Знаешь? У насъ была елка. Мадамъ устроила. Гостей не принимали, однѣ дѣвочки. Понавѣшали конфектъ, вѣера, бутылку шампанскаго, ха-ха!.. Угощенье было хорошее отъ мадамъ. Я напилась, знаешь...

— Къ чему?

— Такъ... скучно было мнѣ... невесело... А Женя набуянила, выпивши тоже. Такой скандалъ, знаешь. Ругалась съ мадамъ... а! а! какъ ругалась! Окно бутылкой поколотила, потомъ убѣжала изъ дому...

— Какая Женя?

— Дѣвочка тоже... Черезъ два дня пришла, у студентовъ кутила. Она всегда такъ, слушай. Пьянствуетъ, понимаешь, потомъ придетъ, вернется. И мадамъ ничего... Очень она красивая.

— Кто? Мадамъ?

— Нѣту, Женя. Много студентовъ ходятъ за ней... У насъ въ Ригѣ студенты очень красиво одѣваются, знаешь. Богатые. Здѣсь не то уже, совсѣмъ не то. Неправда?

Крайневъ кивнулъ головой.

— И все богатое, слушай. Которые по сотельной оставляютъ за ночь. И пьютъ шампанское. Здѣсь студенты никогда не пьютъ шампанское. Неправда?

Крайневъ засмѣялся.

Надя продолжала болтать наивно и возбужденно, потомъ внезапно оборвала, долго молча смотрѣла на Крайнева, какъ бы оцѣнивая значеніе минуты и потянулась къ нему съ отуманеннымъ взглядомъ и блуждающей, ищущей улыбкой на поблѣднѣвшемъ лицѣ.

— У меня ночуешь?—осторожно спрашивалъ Крайневъ, разожженный близостью ея послушнаго тѣла.

Надя молча кивнула головой.

— Сказалась?

— А, нѣтъ... Я на время спросилась. Чортъ съ ней! Пускай ругается...

— Постой, задушишь!—смѣясь, говорилъ Крайневъ, съ трудомъ уклоняясь отъ ея ласкъ.

Онъ бросилъ тайный взглядъ на часы. Было еще рано, но страстное желаніе, опьяняющее и властное, поработило его. Онъ осторожно освободился изъ объятій женщины, всталъ и молча повернулъ ключъ въ двери. Надя наблюдала за нимъ со смущенной и радостной улыбкой. По необходимости откровенная съ мужчинами, она чувствовала по отношенію къ Крайневу странную, заброшенную съ юности и потому отрадную стыдливость, и страсть ея всегда боролась съ цѣломудріемъ первой и чистой любви. Крайневъ чуялъ это и самъ отвѣтно былъ цѣломудренъ, робокъ и деликатенъ съ ней...

— Вѣдь вотъ съ тобой только лежать, такъ и то какъ пріятно,—съ несознаннымъ наивнымъ цинизмомъ обнажая свои ощущенія, говорила Надя въ срединѣ ночи.—Замучаю

я тебя, слушай...—Она помолчала.—Съ другимъ лежишь... противно, а!.. Все думаю о тебѣ. Вотъ, думаю, если бы онъ тутъ былъ со мной... Леликъ, Леликъ, Леликъ мой! Зналъ бы ты, какъ люблю тебя... А! Господи! И страдала же я! Не знаю, что ты надо мной сдѣлалъ...—Она тихо засмѣялась.—Помнишь двадцатое число ноября? Ты плакалъ тогда... Надъ чѣмъ ты плакалъ, слушай? А! И мучилъ ты меня, знаешь. Въ то время я и полюбила тебя, съ той ночи... Право... какъ это все случилось... Ты говорилъ про одну дѣвушку, слушай, и плакалъ. Помнишь?

— Ну?

— Что она?

— Пьянъ я былъ. Никакой дѣвушки нѣтъ у меня. Ты одна близкая мнѣ.

— Ахъ, Леликъ, Леликъ, Леликъ, Леликъ! Если бы ты чуть-чуточку любилъ меня... немножечко, слушай, капельку, ну? Охъ, не любишь меня, да? Развѣ неправда?

— Перестань,—недовольно бросилъ Крайневъ.

Надя продолжала бередить свою рану сомнѣнія.

— Я некрасивая, я... Ну, скажи, пожалуйста, за что любить меня? Развѣ меня можно любить?

— А меня за что любишь?—смѣясь, спросилъ Крайневъ.

— Ахъ, оставь!—протестующе недовольно сказала Надя. Потомъ прибавила послѣ молчанія:—Ты же одинъ такой...

И снова начала ревниво выпытывать Крайнева.

— А ну, разскажи о ней, слушай.

— О комъ?

— Ахъ, оставь, Лелька! Что притворяешься? У каждаго студента есть дѣвушка. Что ты мнѣ говоришь! Неправда?

Крайневъ невольно разсмѣялся.

— Вотъ уже ты смѣешься,—съ неожиданными слезами въ голосѣ заговорила Надя.—Я глупая, я ничего не знаю. Скучно со мной. О чемъ со мной говорить? Я смѣшная. Развѣ неправда?

— Да брось же, Надя! Ну что ты говоришь?

— Разумѣется, что тамъ...—продолжала Надя.—Я же знаю. Ты вотъ лежишь со мной и думаешь: „Ахъ, если бы такъ она лежала со мной!“ Цѣлуешь и думаешь о ней. А ну скажи, о чемъ все думаешь? А! разумѣется, о ней. Неправда?

— Я сказалъ тебѣ разъ,—съ легкимъ раздраженіемъ заговорилъ Крайневъ,—сказалъ, что никого никогда не любилъ и не люблю. А къ тебѣ привязался. И вотъ это правда и это все...

Онъ рѣзкимъ движеніемъ отвернулся отъ Нади и молча лежалъ съ широко открытыми глазами. На черной ночной

пеленѣ въ теплой и душной атмосферѣ разгоряченныхъ тѣлъ передъ нимъ медленно скользили и расплывались бѣлыя безформенныя пятна. И въ тишинѣ глубокой ночи болѣзненно-капризныя слова женщины, лежавшей съ нимъ, звучали одиноко и странно, какъ жалоба забитаго ребенка.

— Ты сердишься, я надоѣла тебѣ,—шептала женщина,—ты молчишь... Такъ вотъ же и я не люблю тебя! Слышишь? И ты думаешь, я люблю тебя? Хха-ха! Не воображай, пожалуйста...

Крайневъ шумно перевернулся на бокъ спиною къ ней и лежалъ, притаившись, со странною горечью въ душѣ, близкою къ нервнымъ слезамъ.

И такъ лежали они другъ возлѣ друга неподвижно и молчаливо, онъ—одинокій, какъ она, она—одинокая, какъ онъ.

Въ тишинѣ пробѣгали минуты.

И внезапно Крайневъ почувствовалъ, какъ Надя порывисто прижалась къ нему горячимъ тѣломъ и робко шепнула надъ ухомъ:

— Лелька!

Крайневъ не отозвался.

— Лелька! Я люблю тебя, слушай...

Отвѣта не было. Обидно-капризное чувство еще не угасло въ душѣ Крайнева, и хотѣлось ему помучить Надю.

— Милый, я же пошутила... Видишь, люблю...—шептала Надя, порывисто и жадно лаская его голову. — Ну, что же молчишь? Леликъ! Ты точно мертвый. Обойми же... а ну скорѣе... обойми меня...

Хмурое утро смотрѣлось въ окно, когда Крайневъ проснулся и съ непривычнымъ и страннымъ ощущеніемъ почувствовалъ женщину съ собой.

Надя спала съ утомленнымъ блѣднымъ лицомъ и глянцевитыми разметанными волосами, и Крайневъ, всмотрѣвшись въ ея лицо со слѣдами пудры и дурно стертою тушью въ уголкахъ глазъ, впервые почувствовалъ нежеланное, спрятавшееся въ глубинѣ души, ощущеніе легкой брезгливости. Осторожно отстранившись, чтобы не потревожить женщины, онъ неподвижно лежалъ на спинѣ и въ безпредметной задумчивости смотрѣлъ передъ собой.

На стулѣ безпорядочной грудой лежало платье — его и Нади, перемѣшанное, на полу у кровати валялись шпильки, гребенки, булавки... Крайневъ смотрѣлъ на безпорядокъ, на этотъ чуждый элементъ женской одежды, и безпокойное чувство чего-то сторонняго, непривычнаго и чужого, что ворвалось внезапно въ его одинокую, аскетически-холодную

жизнь, глухо шевелилось въ его душѣ. И, пресыщенный плотскою близостью къ женщинѣ, онъ уже въ тайнѣ желалъ вернуть свое одиночество, безстрастное, чистое и безмятежное, какъ отвлеченная мысль.

Онъ взглянулъ на часы и вспомнилъ, что скоро должна придти прислуга.—Что же, чортъ возьми, дѣлать? — отчетливо подумалъ онъ и тутъ же рѣшилъ:—Не впущу.

Онъ всталъ съ кровати, выставилъ въ сѣни тее-машину и снова заперъ дверь на ключъ.

Было неловко и стыдно передъ прислугой женщиной, которая, конечно, обо всемъ догагается, и Крайневъ съ нервнымъ напряженіемъ, граничившимъ съ чувствомъ боязни, вслушивался въ тишину, ожидая звука шаговъ.

Вотъ заскрипѣла лѣстница подъ чьими-то дѣловитыми шагами, и Крайневъ замеръ, затаивши дыханіе. Но Auzverterin не постучалась, загремѣла жестянымъ самоваромъ и ушла.

— Фу, чортъ! Какая ерунда!—съ досадой на себя подумалъ Крайневъ.—Чего боюсь?

Онъ осторожно, торопливо одѣлся, стѣсняясь показаться Надѣ въ одномъ бѣльѣ.

Черезъ полчаса постучали въ дверь, и Крайневъ крикнулъ:

— Stellen Sie dort. Ich werde nehmen...

Надя зашевелилась и открыла глаза.

— Что ты тамъ говоришь?—съ лѣнивой улыбкой спросила она.

— Вставай. Чай готовъ,—веселымъ голосомъ отвѣтилъ Крайневъ.

Надя вдругъ заторопилась домой и, вскочивши съ постели, наскоро небрежно одѣлась.

— Я пойду, мадамъ браниться будетъ, — сказала она, прощаясь.

— Когда придешь?

— Не знаю... приду...

Съ тягостнымъ чувствомъ неловкости Крайневъ досталъ монету и, подавая, сказалъ намѣренно-небрежнымъ тономъ:

— Вотъ передай своей мадамъ.

— Или денегъ много? — спросила Надя и, улыбаясь, взглянула на него.

Крайневъ отвѣтилъ усмѣшкой.

— Спрячь. Тебѣ же надо.

— А не будетъ браниться мадамъ?

— А! что тамъ...

— Ну, ладно,—сказалъ Крайневъ и сунулъ монету въ карманъ, смущенный, но втайнѣ довольный фактомъ.

Надя торопливо поцѣловала его нѣсколько разъ и ушла.

Крайневъ остался одинъ среди безпорядочныхъ слѣдовъ минувшей ночи. Съ ощущеніемъ душевной пустоты, безъ думъ и желаній, онъ тупо смотрѣлъ въ окно.

На дворѣ была оттепель. Шелъ мелкій скучный дождь.

IV.

Жизнь протекала однообразно и тускло.

Крайневъ выходилъ лишь въ „Конкордію", встрѣчалъ тамъ земляковъ, обмѣнивался нѣсколькими фразами, прочитывалъ тамъ же газету и возвращался въ свою скучную комнату, гдѣ все ему надоѣло. Онъ старался подбодрить себя, вспоминалъ объ экзаменахъ, которые стояли впереди, какъ тяжкая, пугающая и ненавистная необходимость, садился за лекціи и съ болью въ душѣ и съ нервнымъ содроганіемъ передъ вынужденнымъ скучнымъ занятіемъ принимался за чтеніе.

Почти регулярно дважды въ недѣлю—по вторникамъ и пятницамъ послѣ осмотра—приходила Надя. Она ласкалась съ неугасающей страстностью и иногда сама наталкивала Крайнева на то, чего ненасытно просило ея тѣло и чего Крайневъ теперь избѣгалъ, охладѣвшій и пресыщенный. Онъ привыкъ къ этой женщинѣ и, долго не видя, скучалъ и желалъ ее видѣть, лелѣя въ душѣ неясное, обманчивое ожиданіе чего-то милаго, родного, что внесетъ свѣтъ и радость въ его одинокую, сѣрую жизнь. Но приходила Надя, и Крайневъ, обманутый въ своихъ исканіяхъ, лѣниво и равнодушно, лишь изрѣдка возбуждаясь, принималъ ея ласки, втайнѣ тяготясь ими. Съ появленіемъ женщины вторгалось въ его жизнь что-то чуждое и нечистое, являлось опасеніе передъ возможностью болѣзни, ровное теченіе дня съ наладившимся было занятіями внезапно нарушалось, настроеніе портилось, и потомъ трудно было войти опять въ колею.

И не было покоя, довольства жизнью, не было радостей, а были призраки, ложь и тоска. И такъ же страстно, какъ раньше до сближенія съ женщиной, такъ же мучительно и жадно, какъ всегда, манило къ жизни, невѣдомой и многоцвѣтной, мечталось о женщинѣ, красивой, понимающей, чистой, хотѣлось свѣжести, сильнаго чувства, сліянія душъ...

Въ безплодныхъ мечтаніяхъ проходили дни. Крайневъ изнемогалъ, разслабляющая тоска переходила въ злобу—въ слѣпую злобу на жизнь, на людей, на міръ. Давило одиночество, стѣны какъ будто сдвигались, насмѣшливо дразнили синіе обои, и становилось страшно,—тянуло бѣжать на просторъ. Крайневъ бросалъ свои книги и долго бродилъ по улицамъ, оживленнымъ и свѣтлымъ, заглядывая въ окна

магазиновъ, въ лица нарядныхъ женщинъ... И передъ нимъ проходили фантастической вереницей яркія безумныя мечты. Онъ уже видѣлъ себя прекраснымъ, сильнымъ, всепокоряющимъ, и передъ нимъ уже склонялись горделивыя головки изящныхъ женщинъ. То представлялъ себя трибуномъ, которому жадно внимаетъ несчастная рабья толпа, то музыкантомъ, пѣвцомъ, поэтомъ... Но скоро мечты разбивались, какъ хрупкіе хрустальные цвѣты, и снова онъ былъ одинъ—бѣдный и жалкій студентъ, одинъ въ зачарованномъ кругу, за гранью котораго проносилась чужая проклятая жизнь...

Какъ-то разъ, проходя по Рыцарской, онъ встрѣтилъ товарища Маркова.

Давно когда-то, еще въ энской семинаріи, они были друзьями, но за послѣдніе два года незамѣтно и постепенно разошлись, чувствуя, что души ихъ не пара. Однако, въ силу старой привычки при встрѣчахъ бесѣдовали, какъ настоящіе друзья, прощались ласково и расходились, не унося въ душѣ отъ этой встрѣчи ни тѣни, ни луча.

— Поздравь, Алеша!—пріятельски заговорилъ Марковъ, шагая рядомъ съ Крайневымъ по мокрымъ каменнымъ плитамъ.—Женился...

Онъ засмѣялся, самодовольный.

— То есть какъ это?—спросилъ, недоумѣвая, Крайневъ.

— Помнишь, въ прошломъ семестрѣ были мы съ тобой въ восемнадцатомъ номерѣ на Бобовой?

— Ну?

— Помнишь, была тамъ маленькая такая... котенокъ... Еще влюбились мы оба, стрѣляться хотѣли...

Крайневъ ясно представилъ миніатюрную, изящную фигурку женщины, съ классическимъ профилемъ и граціей разнѣжившейся кошки, въ откровенномъ балетномъ костюмѣ. Помнится, онъ цѣловалъ ея руки и покупалъ шоколадъ, но Марковъ побѣдилъ.

— Ну?

— Ну вотъ... Я взялъ ее къ себѣ.

— Врешь?

— Чего врать! На-дняхъ перебралась со всѣмъ своимъ скарбомъ, всю требушину приволокла. Приходи-ка, увидишь, какъ мы живемъ теперь... по-семейному!

— А жрать что будете?

— Жрать найдемъ. 25—стипендія да 25 братъ присылаетъ—подковалъ я его,—вотъ тебѣ 50. На 50 можно жить. Не унываю. Хозяйкѣ вексель сунулъ на 60 цѣлковыхъ—

должна она оставалась,—выправилъ ей чистый билетъ у полиціймейстера... Гуляй теперь!

— А не наскучитъ?—осторожно замѣтилъ Крайневъ.

— Ну, объ этомъ рано загадывать. Наскучитъ, дамъ расчетъ,—онъ засмѣялся, но быстро спохватился и добавилъ:—Пристрою куда-нибудь. Назадъ-то не уйдетъ во всякомъ случаѣ. Баста. Двери закрыты... Пріучу къ какой-нибудь работѣ, почитывать будетъ, а тамъ увидимъ... А любитъ-то, милый, какъ! Молится! Ей-же Богу... Такъ-то, милый ты мой!.. Ну, а ты что подѣлываешь? Зудишь?

Крайневъ отвѣтилъ.

— Заходи. Увидишь, какъ мы устроились.

Они разошлись.

Крайневъ вошелъ къ себѣ, зажегъ огонь и сѣлъ за рабочій столъ.

Желтый, лукаво-трагическій ликъ черепа, лежавшій передъ нимъ, улыбнулся ему беззубой улыбкой.

— И я стану такимъ, — подползла ядовитая мысль.— Вотъ все, къ чему идетъ живой...

Страстная тоска нахлынула бичующей волной.

— Ахъ... — простоналъ глухо Крайневъ, какъ будто въ сердце его вонзили ножъ.

Вскочилъ со стула и зашагалъ торопливо и безпорядочно, точно отыскивая что-то, чего не было вокругъ.

Не отыскавши, сѣлъ, взялъ въ руки черепъ и склонился надъ нимъ.

Двое смотрѣли другъ на друга—живой и мертвый, страдающій и мертвый...

V.

Ближе другихъ земляковъ былъ Крайневу Снѣгиревъ. Они не стѣснялись повѣрять другъ другу даже сокровенныя мысли, и было много общаго въ ихъ взглядахъ и настроеніяхъ. Снѣгиревъ заходилъ къ Крайневу, ложился на кроватъ и они перебрасывались фразами, а въ паузахъ насвистывали, вздыхали, бунчали знакомые обрывки арій.

Иногда Снѣгиревъ, войдя, говорилъ:

— Полбутылочку...

И это означало, что онъ не въ духѣ, что тяготится одиночествомъ, измученъ блѣдной жизнью и ищетъ забвенья.

— Знаю, какова эта полбутылочка,—съ улыбкой возражалъ Крайневъ, намекая на прежнія попойки, почти всегда начинавшіяся столько же скромнымъ количествомъ водки или бутылкой пива. Но Снѣгиревъ успокаивалъ, клялся, что

дальше не пойдутъ, кстати, въ карманѣ пусто, и Крайневъ обычно соглашался. Они покупали водки, брали на закуску въ ближайшей мелочной лавкѣ дешевую сельдь, садились къ столу и пили изъ фарфоровой химической ступки.

И когда легкій туманъ заволакивалъ мозгъ и хотѣлось откровенной и дружеской тихой бесѣды, они говорили. Чаще всего вспоминали прошедшее лѣто, проведенное тамъ, въ родныхъ мѣстахъ, гдѣ жизнь протекала ярче, чище, свѣтлѣе, нежели здѣсь—въ неуютномъ и чуждомъ городѣ,—гдѣ были родныя лица, были дѣвушки, и было что-то близкое къ любви и счастью. И, вспоминая прошедшее, съ тоской и непріязнью отзывались о настоящемъ, не находя въ немъ ничего, достойнаго хорошихъ словъ.

— Знаешь, что? — начиналъ задумчиво Крайневъ. — Я убѣжденъ теперь, что университетъ не далъ мнѣ ровнымъ счетомъ ничего. Я знаю нѣсколько учебниковъ—и только. Если что и развиваетъ здѣсь, такъ это среда, а не лекціи, духъ этотъ самый свободный. Сначала, когда поступилъ, было что-то похожее на интересъ. Наука представлялась великой, заманчивой, и могъ бы, пожалуй, увлечься... Но въ томъ-то и дѣло, что никто не раздулъ этой искры, не вдохновилъ, не раскрылъ всей привлекательности знанія. И вотъ искра погасла. Осталось одно отвращеніе. Учебники противны. Читаешь съ проклятьемъ и ждешь—не дождешься конца...

Крайневъ вспыхивалъ вдругъ, подвигался къ товарищу и торопливо-тревожно изливалъ свои жалобы.

— Вѣдь мы страшно неразвиты, страшно неразвиты! Скажу о себѣ. Я знаю и понимаю Чехова, знаю Горькаго, Гауптмана, Ибсена, люблю оперы Чайковскаго, картины Левитана, Айвазовскаго, но я никогда не рѣшался прочесть сполна Добролюбова, Бѣлинскаго, Писарева, Успенскаго, Бокля... А ихъ читаетъ и знаетъ теперь любой гимназистъ. Я знаю о нихъ больше по наслышкѣ, изъ другихъ современныхъ книгъ... Смутно представляю, что такое марксизмъ, кооперація, конституція, парламентъ... Не знаю, каковы задачи земства, не имѣю представленія о мелкой земской единицѣ... А между тѣмъ я уже три года въ университетѣ, скоро кончу и выйду въ жизнь. Заполнять пробѣлы некогда, жизнь идетъ впередъ, и только впору не отставать. Некогда будетъ и въ жизни... И такъ вотъ и умру, не прочитавши Бѣлинскаго...

И грустно умолкалъ.

Когда выпивалась водка, они разставались неудовлетворенные. И жажда иной красивой жизни, жажда счастья и нѣжныхъ гармоничныхъ звуковъ женской рѣчи не умирала,

чего искали они, напротивъ, обострялась, жгла и томила. И оттого, что не было возможности имѣть желанное, хотѣлось пить еще, пить безъ конца, пить до тѣхъ поръ, пока не погаснетъ сознаніе, и пьяный мертвый сонъ не задавитъ тоски безсильныхъ желаній.

Съ мучительнымъ, злымъ, разъѣдающимъ чувствомъ ложился Крайневъ въ постель, съ ненавистью думалъ о томъ, что онъ пролетарій и долженъ считать каждый грошъ, и долго лежалъ безъ сна. Слабо кружилась голова, въ ушахъ звенѣла кровь, а гдѣ-то тамъ въ груди, гдѣ было сердце, не прекращалась ноющая боль.

И являлось желаніе крикнуть и крикомъ громкимъ и протестующимъ разбудить безучастную, бездушную слѣпую тишину, что тѣсно спеленала человѣка и не даетъ свободно дышать, и не говорить никогда ничего...

VI.

Давно не приходила къ Крайневу Надя.

При воспоминаніи о ней его охватывало безпокойство,—являлось подозрѣніе, не лежитъ ли она въ больницѣ, и не течетъ ли въ его жилахъ уже зараженная ядовитая кровь.

Однажды вечеромъ, когда Крайневъ лежалъ на кровати и въ мягкихъ сумеркахъ, заполнившихъ комнату, мечталъ о чемъ-то отрадномъ, что будетъ впереди,—въ дверь постучали. Крайневъ отозвался, и въ комнату вступила фигура женщины, знакомая до послѣдняго контура, до мельчайшей линіи одежды.

— Надя, ты?—воскликнулъ Крайневъ и вскочилъ съ кровати, чувствуя желаніе обнять ту женщину, что отдавала ему все свое лучшее, все человѣческое, что было въ ней.

Онъ взялъ ея руки и въ полумракѣ, обнимавшемъ ихъ, старался заглянуть въ ея лицо.

Но лицо Нади почему-то клонилось внизъ, а широкія поля нелѣпой шляпы совсѣмъ скрывали его. Она молчала.

— Почему долго не была?—журящимъ тономъ спрашивалъ Крайневъ.—Веселилась очень?

— Такъ,—необычно холодно бросила Надя.—Некогда... Я на минутку... Иду въ городъ... въ магазинъ...

— Да что съ тобой?—безпокойно спрашивалъ Крайневъ, заглядывая въ ея лицо, непріятно пораженный ея холоднымъ безучастіемъ.

Онъ зажегъ лампу и пытливо взглянулъ на женщину.

Надя смотрѣла въ сторону, избѣгая глазъ Крайнева, и

съ блѣднымъ замкнутымъ лицомъ стояла среди комнаты, нервно обрывая шерстинки муфты.

— Что со мной...—заговорила Надя, и въ голосѣ ея дрожало что-то новое, неслыханное Крайневымъ, раздраженное, горькое, точно отзвукъ глубокой обиды.—Со мной ничего... Какая была, такой и осталась. Что же можетъ быть со мной?..

Она говорила, постепенно возбуждаясь, и было ясно, какъ назрѣваетъ въ ея душѣ какая-то тяжелая и мутная волна.

— Ну, сядь же. Посиди со мной,—мягко говорилъ Крайневъ.—Ты такъ давно не была. Вѣдь я соскучился... А почему не раздѣваешься?—спохватился онъ и подошелъ, чтобы помочь ей снять одежду.

— А! не нужно,—волнуясь, запротестовала Надя.—Я на минуту. Мнѣ же нѣтъ времени... Нѣтъ, нѣтъ, не нужно!..

— Ерунда!—говорилъ Крайневъ, волнуясь, какъ и она.—Еще успѣешь въ магазинъ. Что за вздоръ! Раздѣнься. Будемъ пить чай, сейчасъ принесутъ...

Надя, наконецъ, раздѣлась, уже покорная и тихая.

За чаемъ, когда они сидѣли рядомъ, Крайневъ обнялъ ее, попрежнему послушную и молчаливую, и неожиданно почувствовалъ, какъ трепетный и страстный токъ промчался по тѣлу Нади и какъ крѣпко до боли она впилась въ его губы своимъ поцѣлуемъ. Точно прощалась навсегда, запечатлѣвая въ себѣ все то блаженное и ясное, что приносила любовь.

Распаленный ея страстнымъ порывомъ, съ дрожащими руками и отуманеннымъ взоромъ, покорный властному желанію, Крайневъ схватилъ въ объятіе Надю и лихорадочнымъ движеніемъ привлекъ къ постели.

— А! Нѣтъ! Нѣтъ!—съ тоской и ужасомъ залепетала Надя, защищаясь отъ его дерзкихъ прыгающихъ рукъ.—Оставь же... не надо... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... не надо...

— Надя! Что такое? Что съ тобой? Скажи ради Бога. Отчего ты такая странная?—твердилъ безпокойно Крайневъ, смущенный и озадаченный, нервно ломая пальцы и заглядывая ей въ лицо.

Не отвѣчая, сидѣла Надя на кровати, и по лицу ея пробѣгали быстрыя тѣни страдальческой и необычной борьбы и губы вздрагивали, затаивши рыданіе. Она не смотрѣла на Крайнева и то дѣлала движеніе заговорить, то снова плотно сжимала губы, боясь зарыдать. И вдругъ она заговорила страстно, порывисто, выкрикивая фразы, какъ обиженный взрослымъ ребенокъ.

— Ты брезгуешь мной, ты боишься... да, да! Я уже

знаю теперь. Ты самъ сказавши Петѣ Снѣгиреву, я знаю. Позавчера онъ былъ у насъ и передалъ мнѣ... развѣ неправда? Скажи, неправда? Уже лучше не говорилъ бы ничего и выгналъ бы меня, чѣмъ такъ... Я ни въ чемъ не обвиняю тебя, пожалуйста, не думай... Сама я виновата. Я сама, сама глупая, глупая... думала... вѣрила... такая дура...

Она оборвала и замолчала.

— Послушай, Надя! Что такое ты говоришь?—опасливо началъ Крайневъ.—Я совершенно ничего не понимаю. Что я говорилъ Снѣгиреву?

— Ну-да, разумѣется!—закричала Надя тономъ обиды и страстной жалобы.—Ты самъ сказавши, что ты...—голосъ ея упалъ,—что никогда... что боишься заразиться...

Она бросилась въ подушку лицомъ и истерично зарыдала, тщетно пытаясь задержать мучительныя спазмы слезъ.

Крайневъ стоялъ надъ нею, растерянный и блѣдный, и, страдая, искалъ то средство, которое утѣшило бы Надю и возвратило прежнее—то, что разбилось вдребезги отъ одной лишь случайной фразы, сорвавшейся съ его губъ въ минуту пьяной откровенности. Теперь онъ проклиналъ себя за эту фразу, за трусость раба и вора, нагло крадущаго и въ то же время трепещущаго ада.

Страстно хотѣлъ бы онъ вернуть назадъ несчастную минуту, лишь бы не видѣть вздымающихся судорожно плечъ, лишь бы не слышать мучительныхъ рыданій.

— Надя, перестань же... Ну, что такое...—растерянно бормоталъ Крайневъ, прикасаясь рукою къ ея плечу.—Оставь... пустое... Ты видишь, я тотъ же... Надя!

Онъ совсѣмъ не зналъ, чѣмъ можно было успокоить Надю, ибо никогда до сихъ поръ не приходилось ему видѣть такъ близко, такъ дѣйственно близко обильныхъ женскихъ слезъ, женскаго горя, несдержаннаго, рвущагося наружу, пугающаго своею громкостью.

Онъ предложилъ ей воды, но Надя рѣшительно приподнялась и, еще вздрагивая и судорожно вздыхая, принялась торопливо одѣваться.

— Я провожу тебя,—сказалъ ей Крайневъ, не зная, что дѣлать и что говорить.

Они вышли на улицу и долго шли молча.

— Послушай, Надя!—прервалъ молчаніе Крайневъ.—Неужели ты не придешь?

— Ну что жъ... я буду заходить,—тихо отвѣтила Надя, не договаривая того, что было понятно безъ словъ.

Они опять замолчали, сознавая съ печалью, что тѣсная связь порвалась и что хотя отъ нихъ зависитъ вновь сое-

динить звенья порванной цѣпи, но что они уже не сдѣлаютъ шага назадъ, не могутъ сдѣлать, и погребенное не воскреснетъ.

У гладкой бѣлой двери, сливающейся со стѣной двухэтажнаго дома, за которымъ уже не было города, а начинались поля, они остановились.

— Итакъ, ты больше... не жена?—пытливо и печально спрашивалъ Крайневъ, всматриваясь при скудномъ свѣтѣ фонаря въ ея лицо, такое близкое, привычное, родное. И жадно ждалъ, не отразится ли на этомъ блѣдномъ лицѣ тотъ лучъ нѣжной преданности, что скользилъ по лицу въ минуты ихъ единенія.

— Нѣтъ уже...—медленно, точно колеблясь, отвѣтила Надя и быстро отвернулась.

— Прощай...

Они поцѣловались, и Надя скрылась за бѣлой дверью.

Крайневъ вернулся домой. Тамъ усѣлся за лекціи, и когда глаза механически пробѣгали по строчкамъ, мысль въ то же самое время упорно вертѣлась вокругъ одного, все вокругъ одного.

Болѣзненная жалость неумолимой рукой сжимала сердце, страстно и до страданія хотѣлось сознавать, что не было этой нелѣпой сцены, толкало сдѣлать что-то, немедленно, той же минутой, предпринять то, что измѣнило бы дѣйствительность и возвратило миръ душѣ, стыдъ за себя пригонялъ кровь къ лицу, и не было возможности забыть происшедшее хотя бы на минуту. И это сложное чувство, больнѣе котораго онъ не испытывалъ никогда за всю свою жизнь, какъ когти хищника, рьяно и неотступно терзало его грудь.

— Такъ вотъ она—совѣсть!—съ изумленіемъ передъ силой страданія воскликнулъ Крайневъ.—Вотъ она—совѣсть! Когтистый звѣрь, скребящій сердце...

Онъ отшвырнулъ учебникъ, вскочилъ и забѣгалъ по комнатѣ, сжимая руками виски.—Несчастная! Несчастная!—билось въ мятущемся мозгу.—Что она должна была перестрадать! Какое ужасное нечеловѣческое положеніе! Сколько нелѣпаго, кошмарнаго! Сколько мученій! Сколько мученій! Сколько мученій!...

Онъ круто остановился передъ кроватью. На смятой бѣлой подушкѣ было замѣтно сырое пятно—слѣды слезъ. На полу сверкала разорванная грудная цѣпь...

Крайневъ вдругъ быстро нагнулся, поднялъ цѣпь и прижалъ къ губамъ холодный блестящій металлъ...

VII.

— Нѣтъ, необходимо что-нибудь сдѣлать,—сказалъ себѣ Крайневъ,—развлечься какъ-нибудь, иначе чортъ знаетъ, до чего дойдешь...

Отъ безпрерывнаго волненія онъ заболѣлъ. Въ пищеводѣ образовалось что-то, что причиняло при проглатываніи пищи острую боль, и обѣдъ доставлялъ страданіе и сдѣлался тяжелой необходимостью. Врачъ сказалъ, что болѣзнь нервнаго происхожденія, и прописалъ бромистый натръ.

Крайневъ почти совсѣмъ забросилъ занятія. Докучливая мысль о Надѣ не давала возможности сосредоточиться на книгѣ и, покоривши мозгъ, сжимала сердце ноющей болью. Онъ принуждалъ себя, съ великимъ напряженіемъ прочитывалъ страницу, какъ будто понималъ и какъ будто усваивалъ, но, оторвавшись отъ книги, не могъ повторить ни слова изъ того, что прочелъ передъ тѣмъ. Холодная волна отчаянія заливала грудь, онъ отбрасывалъ книгу, вскакивалъ точно въ припадкѣ безумія и бѣгалъ по комнатѣ или замиралъ неподвижно на мѣстѣ, устремивши невидящій взглядъ въ одну точку. И тогда казалось, что уже все потеряно въ жизни, что онъ ничтожество, что жить мучительно трудно, и нѣтъ, въ сущности, ничего такого, изъ-за чего бы стоило преодолѣвать препятствія, разставленныя жизнью на каждомъ шагу.

Отчаяніе смѣнялось безучастіемъ, тянуло бросить все и ни о чемъ не заботиться, и ни о чемъ не думать, хотѣлось одного—тишины и покоя, покоя и тишины.

Крайневъ бросался на кровать и замиралъ, уткнувшись лицомъ въ подушку, но мысль не умирала, а мятежная, неугомонная, все билась въ мозгу, какъ птица въ клѣткѣ въ безплодныхъ поискахъ выхода. Послѣдняя сцена съ Надей воскресала передъ нимъ, живая и яркая, и жгла стыдомъ, томила запоздалымъ раскаяніемъ, и не было силы, не было власти похоронить прошедшее.

Такъ проходили дни въ постоянной тревогѣ, и Крайневъ сознался, наконецъ, что необходимо предпринять что-либо, что оживило бы душу наплывомъ свѣжихъ впечатлѣній и отодвинуло бы эту муку подальше назадъ къ безднѣ забвенья.

Обозрѣвая афиши, онъ натолкнулся на фамилію Долиной, напечатанную крупнѣйшимъ шрифтомъ. Оказывалось, что на сегодня назначенъ концертъ.

Вечеромъ въ назначенный часъ онъ входилъ въ „Бюргермуссе“. Внизу въ передней толпилась масса студентовъ, до вѣшалки можно было добраться лишь послѣ долгихъ

ожиданій, и Крайневъ, пробиваясь впередъ, раздраженный и нервный, уже готовъ былъ бросить все и уйти.

— Алексисъ!—прозвучало надъ ухомъ.—И ты пожаловалъ, Алексисъ! Шарманъ, шарманъ... Се тре бьень!.. Какъ поживаешь, Алексисъ?

Крайневъ обернулся. Передъ нимъ стоялъ землякъ Моревъ, баронъ, какъ звали его еще въ семинаріи, и ждалъ своей очереди съ пальто въ рукахъ. Крайневъ встрѣчался съ барономъ рѣдко и никогда не былъ съ нимъ близокъ. Онъ холодно пожалъ его руку и безучастно отвѣтилъ:

— Живу... такъ себѣ...

— Солистку его величества желаешь послушать?—продолжалъ Моревъ, растягивая и ломая слова съ забавной претензіей на „хорошій тонъ“.—Превосходно! Я тоже хочу воспользоваться случаемъ. Не мѣшаетъ развлечься. Слишкомъ однообразна жизнь. Не правда ли?

Сдали, наконецъ, одежду и поднялись наверхъ. Всюду тѣснились студенты. Посторонней публики было совсѣмъ немного. На площадкѣ лѣстницы, прилѣпившись къ периламъ, стояли любители всяческихъ овацій и терпѣливо ожидали появленія знаменитости.

Крайневъ прошелъ въ курильню. Тамъ стояла толпа, надъ нею плавали облака дыма.

— И ты здѣсь!—окликнулъ Снѣгиревъ.—Всѣ наши собрались.

— Кто еще?—отозвался Крайневъ.

— Вотъ всѣ тутъ.

Крайневъ осмотрѣлся. Тутъ были Дьяконовъ, Козмодемьянскій, Калашниковъ. Они курили и болтали.

— Наше вамъ, фонъ-херръ баронъ!—съ иронической почтительностью раскланивался Снѣгиревъ.—Какъ себя носите?

— Н-недурно,—подхватывая иронію, въ тонъ отвѣтилъ баронъ.

Наверху зашумѣли, раздался грохотъ апплодисментовъ,—встрѣчали, должно быть, пѣвицу.

Всѣ потянулись въ залу.

Крайневъ отыскалъ свое мѣсто и сѣлъ, равнодушный и хмурый.

Онъ слушалъ пѣніе, смотрѣлъ на массивную фигуру пѣвицы въ роскошномъ костюмѣ съ полуоткрытой ожирѣвшей грудью, на ея ротъ, некрасиво округлявшійся на высокихъ нотахъ,—и скучалъ, и думалъ о томъ, что въ пѣніи этой извѣстности, въ сущности, нѣтъ ничего такого, что захватило бы слушателя всесильной и сладкой волной восторга и унесло бы въ область чистыхъ наслажденій. Бурные

взрывы рукоплесканій казались ему фальшивой фразой, съ недоброй усмѣшкой оглядывался онъ назадъ, гдѣ бѣсновалась галлерея, и не могъ никакъ понять, къ чему эти неистовые вопли и бѣшеный топотъ и не есть ли все это одинъ пустой, шаблонный обрядъ?

Только прозрачная, нѣжная и властно покоряющая мелодія скрипки взволновала Крайнева и дала ему нѣсколько минутъ волшебнаго забвенья. Плѣненнымъ взглядомъ смотрѣлъ онъ на сцену, гдѣ стояла у рояля высокая, тонкая дѣвушка, видѣлъ, какъ быстро неуловимо скакали пальцы по грифу скрипки, какъ скользилъ по струнамъ послушно-прикованный смычокъ,—и съ напряженнымъ и блѣднымъ лицомъ, съ нервною дрожью наслажденія впитывалъ въ себя непрерывную струю пѣвучихъ звуковъ. Безконечно-печальная, могучая и ласковая, какъ мечта, плыла мелодія скрипки, и сердце отвѣтно вздрагивало и ширилось, и билось въ униссонъ звукамъ, и болѣло, и плакало, какъ и они. И все въ этой музыкѣ было такъ близко-понятно и такъ тревожно-отрадно, какъ будто раскрывалась дверь въ желанный и прекрасный міръ, въ который мучительно и страстно рвалась вѣчно живая мечта.

Но вотъ умолкла скрипка, захлопнулась дверь въ волшебный міръ, и наступила тишина. Но въ этой тишинѣ все еще дрожали слезы и все еще чудились звуки, печальные и тревожные, какъ ласка одинокой матери...

Долго не утихали грохотъ и гулъ. Студенты столпились у сцены и когда Долина выходила и кланялась съ привычной механической улыбкой, они бросали къ ея ногамъ фуражки. Потомъ вошли въ экстазъ и полѣзли на сцену. Со сцены пробрались за кулисы и тамъ окружили исполнительницъ плотной стѣной. Посыпались выраженія благодарности, шутки, остроты. Пѣвица отвѣчала студентамъ съ утомленной, блѣдной улыбкой. Когда одѣвалась, ей помогали наперерывъ, счастливые подать ротонду, ботики, перчатки...

Случилось такъ, что всѣ шестеро земляковъ вышли одновременно. Темная улица, до сихъ поръ молчаливая и пустая, теперь внезапно оживилась. Группы людей расходились съ говоромъ и смѣхомъ и сновали съ шумомъ экипажи.

Земляки подвигались плотною группой, перебрасываясь замѣчаніями и шутками. Крайневъ шелъ молча позади всѣхъ. Въ душѣ его горѣло пламя, заженное скрипкой. Все, что дремало въ душѣ, что было покрыто наносной пылью житейскихъ мелочей и повседневныхъ дрязгъ, теперь всколыхнулось и рвалось на свободу, и требовало свѣта, счастья и красоты. Но оттого, что не было свѣта, счастья и не

было красоты, а была темная, одинокая и печальная ночь,— сердце тоскливо сжималось и просило хотя бы иллюзій, хотя бы жалкихъ поддѣлокъ.

— Недурно бы бутылочку пивца,—бросилъ въ пространство Снѣгиревъ, когда земляки проходили по Рыцарской.

— Н-да,—отозвался баронъ.—Зайдемъ, месье, къ Обраму?

— По бутылочкѣ можно... но не больше,—поддержалъ Дьяковъ.

— Не понимаю, господа!—заговорилъ Козмодемьянскій.— Какъ не противна вамъ кабацкая обстановка послѣ всего... послѣ музыки?

Козмодемьянскій возмущался. Онъ искренно вѣрилъ, что знаетъ и понимаетъ музыку и всякій разъ раскисалъ, когда приходилось послушать концертъ. И оттого, что восторги его были странно сентиментальны, а отзывы преувеличенно похвальны, онъ казался смѣшнымъ и наивнымъ.

— Ничего не значитъ, одно другому не мѣшаетъ,—сказалъ Снѣгиревъ.

Послѣ нѣкотораго колебанія всѣ шестеро вошли въ трактиръ. Это былъ маленькій и тихій нѣмецкій кабачокъ, и вся обстановка носила особенный характеръ, свойственный только нѣмецкому. Стѣны были расписаны наивными сюжетами, лейтмотивомъ которыхъ служила пивная кружка. Вверху подъ потолкомъ и надъ дверьми чернѣли нѣмецкія надписи гостепріимно-гастрономическаго содержанія.

Земляки сѣли за свободный столъ и на первый разъ потребовали пива. Кругомъ звучала нѣмецкая рѣчь. По близости пили корпоранты, корректные и элегантные. Здѣсь же, по обыкновенію, присутствовалъ хозяинъ съ краснымъ, точно кирпичъ, лицомъ, насквозь пропитанный пивомъ, и, окруженный бутылками, мирно бесѣдовалъ съ друзьями. Въ укромномъ углу у дверей полускрывались двое русскихъ студентовъ съ тупыми, скучными лицами и утомительно-однообразно говорили о лекціяхъ, о профессорахъ, объ экзаменахъ...

Крайневъ пилъ торопливо и съ жадностью, пренебрегая болью въ пищеводѣ. Обостренная неудовлетворенность томила и жгла. Хотѣлось напиться и въ пьяномъ безразличіи похоронить толпу желаній.

Козмодемьянскій и Калашниковъ скоро ушли домой.

Снѣгиревъ посмотрѣлъ имъ во слѣдъ и сказалъ:

— Не понимаю. Что особеннаго? Послушали концертъ недурно. Выпьемъ вотъ—тоже недурно. Къ чему же мелодрама?

— Смѣшной этотъ Васька,—говорилъ Дьяконовъ.—Уди-

вляюсь, какъ онъ согласился идти на концертъ. Зовешь иной разъ, не идетъ. Почему? „Не могу, говоритъ, не стоитъ выходить изъ колеи. Послѣ съ недѣлю буду мучиться“... Сегодня насилу уломалъ. Долго будетъ вздыхать...

— Эстетъ,—протянулъ баронъ.

— Баронъ фонъ-херъ!—разсѣянно крикнулъ Снѣгиревъ по привычкѣ и по привычкѣ запѣлъ:

Баронъ, садитесь на диванъ.
Салибинъ—салибанъ,
Салибили—булибанъ...

— А недурна эта Долина,—процѣдилъ невозмутимый баронъ.—Я слышалъ ее лѣтъ пять назадъ въ Петербургѣ...

— Врешь, баронъ!—оборвалъ Снѣгиревъ.

— Н-нѣтъ, не вру.

— Ты и не бывалъ въ Петербургѣ.

— Ошибаешься, мсье, бывалъ не разъ.

— Ну, гни,—отмахнулся Снѣгиревъ.

Баронъ началъ разсказывать о петербургскихъ театрахъ, но Снѣгиревъ пренебрежительно оборвалъ разсказъ:

— Лопать захотѣлось. Цвибель-клопсъ развѣ? Какъ вы, ребята?

Послѣ обѣда пили опять и въ концѣ концовъ напились. И когда уже тушили огни, они вышли на улицу, безпорядочно и дико запѣли пѣсню и съ пѣсней шли, третируя городовыхъ. Одинъ изъ нихъ неторопливо приблизился и сталъ просить затрудненнымъ русскимъ языкомъ прекратить безобразіе. Они окружили его. Снѣгиревъ смотрѣлъ ему въ лицо и говорилъ убѣдительнымъ тономъ:

— Кавалеръ! Позвольте вамъ закрутить усы! Усы—важная вещь. А ваши усы должны гармонировать съ общей тенденціей устрашенія и пресѣченія. Позвольте, кавалеръ!— и тянулъ руку къ его лицу.

Массивный и добродушный эстонецъ лѣниво отмахивался отъ приставаній, потомъ махнулъ рукой и отошелъ.

А земляки опять запѣли и отправились дальше. Какъ-то вышло само собой, что всѣ четверо, не уговариваясь и не высказывая своихъ плановъ, свернули на Бобовую и здѣсь остановились у сѣрыхъ крѣпкихъ воротъ, на столбѣ которыхъ въ массивной желѣзной клѣткѣ тускло горѣлъ фонарь.

VIII.

Въ залѣ было пусто и скучно. Только въ углу за столикомъ сидѣли трое мужчинъ нѣмцевъ, уже немолодыхъ, и съ ними одна изъ дѣвицъ. При входѣ земляковъ таперъ

встрепенулся и, съ размаха ударивши по клавишамъ, заигралъ что-то оглушительное. Вошли двѣ женщины и стали прохаживаться по залѣ, бросая искоса взгляды на новоприбывшихъ. За буфетомъ сидѣла хозяйка, пожилая красивая нѣмка. Она съ пренебреженіемъ взглянула на гостей и тотчасъ отвернулась.

— Фрау, видишь ли, изволитъ презирать насъ, русскихъ студентовъ.—Ich verachte...—сказалъ Крайневъ, кивая въ сторону хозяйки.

— Ея презрѣніе я презираю,—отвѣтилъ Снѣгиревъ.

Сѣли за одинъ изъ столовъ, разбросанныхъ по залѣ.

— Эй, фрейлейнъ! Пожалуйте сюда!

Обѣ женщины небрежно подошли.

— Setzen Sie sich!—пригласилъ Снѣгиревъ.—Prosit!

Онъ налилъ пива и чокнулся съ ними. Одна, высокая и худощавая—не то нѣмка, не то эстонка—съ неподвижнымъ, деревяннымъ лицомъ молча взяла стаканъ и стала пить. Другая—полная съ бѣлымъ вульгарнымъ, но красивымъ лицомъ, очевидно, русская, улыбнулась и сказала:

— А вы, коллега, угостили бы коньячкомъ!

Крайневъ смотрѣлъ на обстановку залы, такой знакомой, будившей воспоминанія, и въ сердце закрадывалась щемящая тоска. Все, пережитое съ Надей въ этихъ стѣнахъ, все то угарное и молодое, что захватило его тогда, теперь вставало въ мозгу въ туманныхъ формахъ, обвѣянныхъ безотчетной прелестью прошлаго.

И было странно жаль чего-то, быть можетъ, чистоты и ясности, которыхъ не было ни тогда, ни теперь.

Онъ крикнулъ:

— Полонезъ Огинскаго!

Таперъ заигралъ.

Крайневъ слушалъ давно знакомую и вѣчно волнующую мелодію, и въ груди закипали полупьяныя слезы. Хотѣлось склониться головой къ колѣнямъ близкой женщины и чуять на волосахъ теплую, нѣжную руку.

Снѣгиревъ отбивалъ тактъ ногой и громко припѣвалъ. Женщины сидѣли скучныя и о чемъ-то лѣниво шептались.

Когда заиграли вальсъ, Дьяконовъ пригласилъ одну изъ нихъ, русскую, и пошелъ танцовать. Нѣмецъ пригласилъ другую.

Раз-скажите вы е-ей,
Акули-инѣ мое-ей...

напѣвалъ баронъ съ блаженнымъ идіотскимъ лицомъ, и когда танцы прекратились, всталъ въ позу, заказалъ аккомпаниментъ и фальшиво и скверно запѣлъ:

Ми-ло-сердный пра-вды Бо-огъ,
Ты ус-лышь мо-ою-ю мольбу-у...

— Баронъ, баронъ!—дергалъ его Снѣгиревъ.—Не срамись, перестань! Ну тебя къ дьяволу!

Но тотъ не обращалъ вниманія.

— Вотъ идіотъ!—съ досадой выругался Снѣгиревъ и грубо толкнулъ барона въ спину.

Баронъ споткнулся и замолчалъ.

Крайнева сосалъ червякъ.

Онъ лицемѣрно вступился за барона и съ ироническимъ лицомъ, издѣваясь, сталъ восхищаться его пѣніемъ.

— Удивительно! Удивительно!—приговаривалъ онъ, склонившись къ лицу барона.—Прямо таки талантъ! Отчего ты не въ консерваторіи?

Наивный баронъ серьезно объяснялъ:

— А-а... видишь ли, Алексисъ! Я пропилъ, знаешь, голосъ, Алексисъ! У меня былъ раньше голосъ... да, былъ раньше... Вотъ я спою тебѣ...

И онъ опять запѣлъ. Крайневъ увлекъ барона къ роялю и тамъ, ставши передъ нимъ, дирижировалъ съ серьезнымъ лицомъ.

Женщины отошли, и земляки сидѣли одни.

Вошелъ новый гость, студентъ-корпорантъ, высокій, здоровый буршъ въ цвѣтной корпорантской шапочкѣ. Онъ нагло осмотрѣлся вокругъ, сѣлъ на стойку, заложилъ руки въ карманы брюкъ и, болтая ногами, крикнулъ повелительно и дерзко:

— Кельнеръ! Eh, pst!..

Подскочилъ слуга.

— Рюмка коньякъ... живо! Eins, zwei, drei...

Баронъ оборвалъ пѣніе и принялся за пиво.

— Смотри!—кивнулъ на нѣмца Дьяконовъ.

— Барончикъ какой-нибудь, — сказалъ Снѣгиревъ. — Вродѣ тебя,—взглянулъ на Морева.

Зазвенѣло стекло,—нѣмецъ швырнулъ на полъ стаканъ. Никто не обратилъ вниманія, только кельнеръ поспѣшно бросился подбирать осколки. Но въ этотъ моментъ къ его ногамъ подскочилъ новый стаканъ и обдалъ его брызгами стекла.

— Мерзавецъ! — вспыхнулъ Крайневъ, съ ненавистью оглядывая нѣмца.

— Вотъ тебѣ культурная нація, — говорилъ Снѣгиревъ.—Чѣмъ этотъ буршъ отличается отъ нашихъ саврасовъ безъ узды?

— Я вздую его,—заявилъ Крайневъ.

— Онъ тебѣ вздуетъ!—сказалъ Снѣгиревъ.

— Я брошу ему въ морду перчатку,—важно проговорилъ баронъ.

Буршъ подозвалъ одну изъ женщинъ, ту полную съ вульгарнымъ лицомъ и. продолжая сидѣть на стойкѣ, вскидывалъ ногами, почти касаясь его лица.

Крайневъ вскочилъ и сжалъ кулаки.

— Нѣтъ! Я убью его!—проговорилъ онъ, дѣлая движеніе впередъ.

— Сиди, несчастный!—охладилъ его Снѣгиревъ.—Куда тебѣ? Онъ тебя въ порошокъ изотретъ...

Крайневъ сѣлъ, но продолжалъ порываться впередъ, въ глубинѣ души твердо увѣренный, что никогда не рѣшится напасть на нѣмца.

Буршъ поднялъ вазу со сластями, стоявшую на стойкѣ, и опрокинулъ ее на голову женщины. Она заискивающе засмѣялась. Кельнеръ, робѣя, подошелъ и неувѣреннымъ тономъ попросилъ заплатить. Буршъ вынулъ кошелекъ, досталъ золотой и швырнулъ его на полъ. Потомъ схватилъ женщину поперекъ тѣла, поднялъ на воздухъ, опрокинулъ и, держа за талію, встряхивалъ сильными руками подъ тактъ музыки.

Лицо женщины мгновенно налилось кровью и стало багровымъ и страшнымъ. Она визжала и хохотала, и когда ее поставили на ноги, она, смѣясь и шатаясь, какъ пьяная, смотрѣла на нѣмца, довольная его исключительнымъ вниманіемъ.

— Чортъ знаетъ, что такое! Я уйду,—сказалъ Крайневъ.

— Ну! Пускай бѣснуются. Мѣшаетъ онъ тебѣ?—сказалъ Снѣгиревъ.—Пей вотъ...

Разбивши еще нѣсколько стакановъ и отшвырнувши сдачу, поданную кельнеромъ, такъ что монеты разлетѣлись въ разныя стороны, буршъ ушелъ. Ушли и нѣмцы, сидѣвшіе за столикомъ въ углу, и послѣ нихъ на мягкой скамьѣ осталась лежать безчувственно-пьяная женщина.

Крайневъ приблизился къ ней. Женщина лежала въ нелѣпой, неудобной позѣ, закинувъ голову назадъ и свѣсивъ руки внизъ. Крайневъ поправилъ ей голову и съ дрожью вожделѣнія остановился взглядомъ на глубоко открытой груди, высокой и бѣлой.

— Месье, месье! Nach Hause! — призывалъ Снѣгиревъ.

По дорогѣ домой зашли въ „Фантазію“ и неожиданно наткнулись на дикую сцену.

Среди залы бѣсновалась пьяная женщина. Съ краснымъ искаженнымъ лицомъ она выкрикивала охрипшимъ отъ напряженія голосомъ скверныя ругательства и порывалась

бить хозяйку. Ее удерживали подруги и кельнеръ. Хозяйка что-то быстро, быстро лопотала, не то ругаясь, не то успокаивая женщину.

— Сволочь вы! Живодеры!—вопила женщина.—Подите же всѣ къ чорту! Я же васъ, мать вашу...

Она начала срывать съ себя платье, сбросила блузку, порвала въ клочки сорочку и обнажилась до пояса.

— Фу, мерзость! — проговорилъ Крайневъ, воровато и алчно подстерегая взглядомъ наглыя формы оголенныхъ грудей.

Земляки стояли у дверей, не рѣшаясь что-либо предпринять.

— Это Шурка-полька,—сказалъ Снѣгиревъ.—Она вѣчно скандалитъ.—Шурка!—позвалъ онъ негромко.

Женщина обернулась, увидѣла студентовъ и вдругъ порывисто бросилась къ Снѣгиреву, припала къ груди и зарыдала въ пьяномъ отчаяніи. Снѣгиревъ увлекъ ее куда-то, и стало тихо.

— А ваша Надя съ гостями,—ласково сообщила Крайневу одна изъ женщинъ, улыбаясь глазами.—Сказать ей?

— Не надо,—рѣзко отвѣтилъ Крайневъ.

Женщина отошла.

— И чортъ ихъ знаетъ!—раздраженно жаловался Крайневъ, сѣвши къ столу рядомъ съ Дьяконовымъ.—Едва появлюсь, сейчасъ: „А Надя васъ ждетъ... А Надя спитъ... А Надя занята"... — Онъ выругался. — Никакъ не могу напиться...

— Бываетъ,—сказалъ Дьяконовъ.—Кельнеръ! парочку...

Въ сторонѣ сидѣли женщины и разговаривали. Доносились оборванныя фразы:

— ...скакаютъ съ лодки въ лодку...

— ...у насъ были съ ней костюмы, знаешь, матроски...

— ...два года, какъ разошлись...

— Больше... пстъ!.. что ты, милая!

— Какого-то коллегу встрѣтила. „Слушай, душечка, пойдемъ ко мнѣ спать", говоритъ. Нѣтъ, говорю, я замерзла...

Крайневъ пилъ и молчалъ. Было досадно и горько, что Надя не выходитъ къ нему, какъ бывало раньше, а гдѣ-то тамъ съ другимъ. Оскорбленное самолюбіе давило грудь, и въ горлѣ закипали слезы. Тянуло крикнуть, громко выругаться, разбить бутылку...

— Кельнеръ! — позвалъ онъ рѣзко и грубо. — Рюмку коньяку... двѣ!

— Ты не форси больно,—предупредилъ Дьяконовъ.

— Къ чорту!—отвѣтилъ Крайнезъ.

— А Петра-то застрялъ... А Петра-то застрялъ...—глупо ухмыляясь, твердилъ захмѣлѣвшій баронъ.

Вошли студенты, трое грузинъ и русскій. Совершенно пьяный русскій сѣлъ въ сторонѣ, привлекъ на колѣни женщину и сталъ угощать папиросами.

Грузины, шумные и дерзкіе, поставили столъ на середину залы, усѣлись кругомъ и пили. Потомъ запѣли.

Къ Крайневу подошла хозяйка — она была русская— и, какъ съ добрымъ знакомымъ, повела разсудительный разговоръ.

— А Петра-то застрялъ,—твердилъ, хихикая, баронъ.— А Петра-то застрялъ...

— Перестань ты, идіотъ!—свирѣпо крикнулъ Крайневъ и, вскочивъ съ мѣста, отошелъ въ отдаленный уголъ залы.

— Здравствуй, Лелька!—прозвучало назади.

Онъ повернулся. Надя стояла передъ нимъ, веселая, возбужденная виномъ и, улыбаясь, спокойно смотрѣла ему въ лицо.

— Здравствуй,—хмуро поздоровался Крайневъ.

Надя коротко поцѣловалась и, улыбнувшись странной, какъ будто виноватой улыбкой и замедливши на секунду, скрылась въ дверяхъ кабинета.

Крайневъ вернулся къ своимъ. Тамъ уже были женщины. Одна что-то разсказывала барону, сидя у него на колѣняхъ:

— Коллега! Ты послушай, послушай, коллега!

— Ну, какой я тебѣ коллега! — протестовалъ баронъ, безсмысленными глазами смотря на женщину.

И опять слышалось:

— Коллега, погоди же...

— Коллега, ха-ха... коллега... Слушай, Алексисъ! Она зоветъ меня коллегой, ха-ха...

За столомъ, гдѣ сидѣли грузины, раздались шумъ, крики, визгъ... Женщина вырвалась изъ рукъ одного и, обиженная, отошла въ сторону, поправляя прическу. Хозяйка, стоявшая за буфетомъ и наблюдавшая за происходившимъ вокругъ, мгновенно вспыхнула, заволновалась и, подскочивши къ столу, закричала:

— Не смѣйте бить дѣвочку! Я не позволю обижать своихъ дѣвочекъ!..

Она кричала хриплымъ, озлобленнымъ голосомъ, а на глазахъ стояли слезы..

Грузины равнодушно смотрѣли на нее и вдругъ оглушительно запѣли, потомъ вскочили съ мѣстъ, и начался нелѣпый танецъ. Схвативши за руки женщинъ, они, раскачиваясь, подымали ноги, прыгали и вертѣлись и женщины подражали имъ.

Крайневъ неожиданно сорвался съ мѣста и пустился плясать, толкая другихъ и опрокидывая стулья. Передъ нимъ бѣшено вертѣлись лица, зеркала, буфетная стойка съ цвѣтами, рояль и стѣны залы. Въ безумномъ пьяномъ экстазѣ онъ безобразно выбрасывалъ ноги, кружился волчкомъ и вдругъ съ размаха налетѣлъ на столъ и опрокинулъ. Потомъ усѣлся на полъ и заплакалъ...

Тушили огни, и зала опустѣла, когда Крайневъ и Дьяконовъ вышли изъ дома. Свѣтало, и было тихо, безлюдно и странно. Пьяный чадъ испарялся, и въ души вползала ядовитая, тоскливая змѣя.

IX.

Крайневъ сидѣлъ за столомъ и читалъ учебникъ кристаллографіи. Былъ вечеръ, передъ нимъ стояла горящая лампа, и вокругъ застыло мертвое молчаніе. Уже болѣе часа читалъ онъ сухія страницы одну за другой, ежеминутно подымая голову и погружая задумчивый взглядъ въ окно, гдѣ на черномъ фонѣ блестѣли звѣзды далекихъ городскихъ огней. Передъ нимъ проплывали слова, неуклюжія и странныя, фигуры, чертежи, формулы, разбираться въ которыхъ было мучительно скучно. Громадныхъ усилій стоило сосредоточиться, но едва удавалось это сдѣлать, какъ подвижная мысль уже опять своевольно вырывалась изъ путъ. Взглядъ отрывался отъ строчекъ, бродилъ по столу, покрытому розовымъ листомъ пропускной бумаги, сплошь исчерченнымъ фигурами и изреченьями, упадалъ на обои съ синими нелѣпыми цвѣтами, останавливался на фотографіи старика-отца, висѣвшей надъ кроватью, вонзался въ окно—въ темноту ночи, окутавшей городъ, и тамъ блуждалъ среди неясныхъ, причудливыхъ контуровъ зданій и блѣдныхъ, далекихъ огней. И стоило лишь на мгновеніе оторваться отъ книги, какъ книга тотчасъ забывалась, а неугомонная мечта уже чертила что-то, что-то далекое отъ мертвыхъ книгъ, живое и привѣтливое, зовущее къ себѣ безотчетно и властно.

Крайневъ безсознательно бралъ карандашъ, чертилъ бумагу, затѣмъ, спохватившись, придвигалъ къ себѣ книгу, но на глаза какъ разъ попадалась пробирка, крайне интересная именно теперь, въ эту минуту! Онъ бралъ пробирку, вертѣлъ въ рукахъ, разсматривалъ внимательно и съ любопытствомъ, точно видѣлъ впервые. А минуты бѣжали. Очнувшись, смотрѣлъ на часы и съ удивленіемъ и ужасомъ открывалъ, что пробирка отняла цѣлыхъ 10 минутъ. Злобно бросалъ пробирку, садился плотнѣе и, опершись о столъ и стиснувши голову руками, продолжалъ читать.

И снова сквозь холодныя строчки скучной книги пробивалась неясная горячая мечта. Она стояла въ отдаленіи, улыбалась лукаво и ласково, манила, какъ милая женщина, какъ дорогое далекое прошедшее.

И страсть нетерпѣнія, невыносимо ѣдкая, пронизывала Крайнева насквозь, и онъ отбрасывалъ книгу, вскакивалъ съ мѣста и, отчаянно заломивши руки, шагалъ по комнатѣ съ мятежной быстротой.

Бѣжали минуты. Часы съ будильникомъ, стоявшіе на комодѣ, выстукивали торопливо, съ ехиднымъ холоднымъ безстрастіемъ. Казалось, смѣялись надъ нимъ, надъ его расколотой душой, надъ его волей, безсильной и жалкой, кѣмъ-то закованной, которая не можетъ порвать цѣпей. Онъ подскочилъ къ столу, присѣлъ и, стиснувъ голову руками, заткнувши уши, какъ дѣлалъ въ дѣтствѣ, торопливо и гнѣвно сталъ читать.

Но мысли шли своимъ путемъ, своенравныя, упругія, блестящія, и то, что было въ книгѣ, не проникало въ мозгъ, а падало въ черную бездну—мимо, мимо.

Крайневъ внезапно вскочилъ, схватилъ учебникъ и съ блѣднымъ отъ гнѣва лицомъ, весь содрогаясь, швырнулъ далеко отъ себя. Книга ударилась о стѣну и грузно упала на полъ. Онъ злобно смотрѣлъ на книгу, какъ на живое ненавистное существо, терзавшее своимъ деспотизмомъ, тупымъ и наглымъ.

— Къ чорту!—вырвалось у него сквозь зубы.

И тотчасъ вокругъ измѣнилось. Стало уютно, свѣтло и привѣтливо. Казалось, кто-то ушелъ, чей мрачный образъ бросалъ на все тоскливую тѣнь, кто-то ушелъ, и всѣ предметы разсмѣялись.

Разсмѣялся и Крайневъ. Было легко и свободно. Какъ будто сбросилъ чужой надоѣдливый грузъ. Теперь онъ знаетъ, что нужно сдѣлать. Онъ устроитъ маленькій праздникъ, маленькій пиръ. Сегодня онъ устроитъ пиръ!

Безъ колебанія, рѣшительно и быстро Крайневъ одѣлъ пальто, опустилъ въ лампѣ фитель и вышелъ вонъ, заперевъ комнату на ключъ.

Винная лавка была закрыта. Пришлось идти въ ресторанъ, но это не раздражало, напротивъ, было пріятно пройтись по морознымъ и гулкимъ улицамъ послѣ долгихъ минутъ, проведенныхъ въ комнатѣ.

Купивши водки, Крайневъ вернулся и сталъ готовиться къ „пиршеству“.

Сегодня онъ устроитъ праздникъ, маленькій праздникъ! Надо же, наконецъ, отдохнуть! Эта проклятая кристаллографія, которая—онъ знаетъ—ему никогда не пригодится,

способна свести съ ума. Къ чорту науку! Сегодня онъ далъ себѣ свободу, онъ будетъ отдыхать и наслаждаться.

Наслаждаться... Вѣдь это такъ просто достижимо, лишь стоитъ захотѣть. Вотъ эта влага, цѣна которой нѣсколько грошей,—она хранитъ въ себѣ много блаженныхъ мгновеній. Въ ней все. Она всемогуща. Она исцѣляетъ грудь, разбитую разладомъ, спаиваетъ крѣпкимъ цементомъ всѣ силы души, вытравляетъ изъ сердца страданья и печали, воскрешаетъ умершіе моменты, воплощаетъ прекрасныя мечты. Она всемогуща, какъ Богъ!

Крайневъ приготовилъ закуску, налилъ водки въ стаканъ и, взявши книжку Чехова, улыбаясь усѣлся за столъ. Онъ предвкушалъ наслажденіе.

Выпилъ, сплюнулъ, понюхалъ хлѣбъ и закусилъ. Потомъ развернулъ книгу и сталъ читать. Давно знакомые лица и образцы, родные и милые, обступили его, и онъ улыбался имъ, точно привѣтствовалъ и, отрываясь по временамъ отъ книги, съ лукавою гримасой выпивалъ, какъ будто сидѣлъ среди пріятной, давно знакомой компаніи близкихъ. И по мѣрѣ того, какъ содержимое бутылки уменьшалось, на сердцѣ Крайнева становилось теплѣй и печальнѣй. Печаль была нѣжная, сладкая и желанная, и казалось, кто-то потерянный нашелся, прильнулъ къ груди и тихо плачетъ о прошломъ.

И въ груди нарождалась боль, такая свѣтлая, звонкая, стоголосая, такъ глубоко проникла въ душу, что чудилось,—она разроетъ все, что тамъ хранится, и становилось страшно. Какъ будто все, что жило давно, что живетъ теперь, что будетъ жить потомъ,—въ этотъ моментъ подступило разомъ къ его обнаженной душѣ, смотритъ въ ея глубину и дергаетъ живыя струны, и струны отзываются томительнымъ и страстнымъ отголоскомъ.

Крайневъ откладывалъ книгу, замиралъ на мгновеніе, вслушиваясь въ хоръ голосовъ, пѣвшихъ тоскливый гимнъ въ душѣ, и, вздохнувши, хватался за водку. Чаще и чаще выпивалъ—хотѣлось скорѣе отойти отъ этой обнаженности мозга, облечься въ ткань забвенья и не страдать.

Постепенно онъ достигалъ. Боль отступала все дальше, дальше, и мягкій шелкъ обволакивалъ грудь. Движенья стали легкими, точными, живыми, будто кто-то посторонній руководилъ его тѣломъ, двигая мышцами рукъ и ногъ. И все вокругъ оживало—столъ, лампа, часы—все тихо, сочувственно смѣялось, ласкало взглядъ и стройно говорило.

И даже тамъ, наружи, на отдаленныхъ улицахъ города что-то отзывчиво смѣялось протяжнымъ, гармоничнымъ смѣхомъ. Что это тамъ смѣялось?

Крайневъ поднялся, прислушался. Тягучій звонкій призывъ плылъ въ отдаленіи властный, строго предупреждающій. Ему отвѣтилъ ближе такой же звонкій, тягучій призывъ. И вотъ уже въ разныхъ мѣстахъ плывутъ томительныя, трепетныя ноты, обрываются, снова несутся. Крайневъ понялъ. Это выли тревожные рога. Гдѣ-то пожаръ, но гдѣ?

Онъ подошелъ къ окну и заглянулъ. Нигдѣ не видно было огня, черная ночь стояла тамъ и только мирныя точки фонарей оживляли мракъ.

— Пускай горитъ! Это меня не касается,—проговорилъ онъ громко и выпилъ водки.

Теперь уже не было тоски. Было спокойно, легко и пріятно. Мягкая истома спеленала тѣло, и мозгъ лѣниво дремалъ, и образы рождались туманные, красивые и стройные и медленно проходили.

Крайневъ приблизился къ комоду. Висѣвшее на стѣнѣ зеркало улыбнулось ему блаженнымъ блѣднымъ лицомъ.

— Здравствуйте, Алексѣй Викторовичъ!—вѣжливо произнесъ Крайневъ и поклонился. Потомъ приблизилъ съ стеклу лицо и сдѣлалъ гримасу. Разсмѣялся. Измѣнилъ выраженіе, строго сдвинулъ брови и погрозилъ пальцемъ. Опять расхохотался. Смотрѣлъ на отраженіе и хохоталъ все сильнѣе и сильнѣе безумнымъ, беззвучнымъ смѣхомъ.

А на улицахъ выли рога. Густые, тягучіе звуки носились въ темнотѣ, а гдѣ-то въ отдаленіи, одинокій, бился маленькій колоколъ.

Крайневъ хохоталъ. Сдѣлалось удивительно весело. Подошелъ къ столу, налилъ водки и выпилъ, какъ воду. Не торопясь, закусилъ, закурилъ папироску и снова приблизился къ зеркалу. И вдругъ склонился, придвинулъ лампу—въ волосахъ онъ замѣтилъ серебряныя нити. Да, несомнѣнно, серебряныя нити.

Рано, однако, началъ сидѣть!

Лицо его стало серьезнымъ и печальнымъ.

— Не видя жизни, посѣдѣлъ! — пронеслось въ головѣ.

Но вдругъ онъ исказилъ лицо въ безобразную маску и разсмѣялся. Грозился въ зеркало и беззвучно смѣялся долго, долго.

Блуждающій взглядъ упалъ на открытку, поставленную въ рамкѣ на комодъ. Нагая красивая женщина стояла прямо, съ безстыдной смѣлостью бросая въ глаза свое роскошное стройное тѣло. Крайневъ взялъ изображеніе въ руки и приблизилъ къ нему лицо. Ему казалось, онъ видѣлъ фигуру впервые, — такъ поражала взглядъ ея кричащая обнаженность. Долго смотрѣлъ, то приближая къ себѣ то удаляя, и вдругъ замѣтилъ, что фигура живетъ. Да, не-

сомнѣнно, живетъ. Тихо, истомно шевелится, открываетъ глаза, ласкаетъ ими, ласкаетъ и призываетъ... Дрогнули бедра, заволновалась грудь...

— Фу, чертовщина!—выругался Крайневъ и бросилъ открытку на комодъ.

Онъ сѣлъ къ столу и не двигался. Жгучая, острая струйка пробивалась въ грудь. Неясное, зовущее томленіе рождалось тамъ. Въ розовомъ тепломъ туманѣ, стоявшемъ въ мозгу, колыхаясь, плыли желанные властные образы. И тихо ускользали, дразня оголенностью формъ, жемчужно-бѣлыхъ, наглыхъ и горячихъ. Вотъ блѣдное прекрасное лицо съ томными влюбленными глазами придвигается ближе и ближе. Улыбка покорности и сладострастной нѣги застыла на губахъ.

Твердыя дѣвственныя груди касаются его груди и дышутъ сжигающимъ тепломъ. Нѣжныя тонкія руки легли ему на плечи. Жадно прильнувшее тѣло, тѣло женщины, дрожитъ въ его объятьяхъ.

Тѣло женщины? Да, несомнѣнно. Онъ хотѣлъ тѣла женщины. Онъ хотѣлъ обладанія. Неотразимое желаніе владѣло имъ. Мозгъ горѣлъ, какъ будто милліоны искръ пробѣгали въ немъ. Руки слегка дрожали, и въ бедрахъ и ногахъ переливалась теплая истомная разслабленность.

Онъ продолжалъ сидѣть. Не торопился. Было пріятно ожидать чего-то, что, близкое, стояло передъ нимъ, что волновало и томило, мутило мысль и орошало сердце горящими алыми каплями. Онъ пойдетъ и достигнетъ. И дерзкая ядовитая мечта вдругъ станетъ плотью, живою, яркой плотью.

Съ нимъ будетъ женщина, голая, сверкающая женщина! Онъ разорветъ гнилыя узы, узы стыда и страха, и въ знойномъ ураганѣ упоеній погаситъ мысль. И пусть восторжествуетъ божественное вѣчное безстыдство! Скорѣй! Вѣдь онъ свободенъ и одинокъ. Ничто не свяжетъ его. Онъ вырветъ у жизни все, что лишь захочетъ! Онъ воплотитъ въ себѣ ея великое безсмертное безуміе! Скорѣй!

Торопливо, дрожащими руками Крайневъ одѣлся и вышелъ на улицу.

Холодная черная ночь прилегла и дразнила. Вѣдь она понимала все и веселилась, какъ соучастникъ. Она вѣдь знала, что̀ за огонь горитъ въ его груди. Этотъ огонь зажгла она, безумная черная ночь.

Крайневъ достигъ Рыцарской. Улица была пустынна и сумрачна. Лишь на углахъ полузадушеннымъ огнемъ горѣли газовые фонари. Быстро, упругими звѣриными шагами про-

шелъ онъ улицу и никого не встрѣтилъ. Неужели такъ поздно? Вернулся, пошелъ обратно.

Въ таинственной мглѣ впереди колыхалась фигура, подвигаясь навстрѣчу Крайневу. Онъ ускорилъ шаги. Фигура стала яснѣй. Теперь онъ видѣлъ,—шла женщина, медленно шла, ковыляя.

— Елена!—сверкающимъ, радостнымъ лучомъ скользнула въ головѣ догадка. Онъ поравнялся съ женщиной и осторожно окликнулъ:

— Елена!

Женщина отбросила шаль съ лица и близко, пытливо склонилась къ Крайневу. Большой одинокій глазъ сверкнулъ въ полумракѣ. Другой былъ скрытъ за бѣлой плотной повязкой.

— А, здравствуй! — нечистымъ языкомъ быстро заговорила Елена. — А я пошелъ немножко разгулять. Больной быль, krank, дома лежаль... Здравствуй...

— Пойдемъ. Я радъ, что встрѣтилъ тебя, — перебилъ Крайневъ.

— Пойдемъ, — согласилась женщина.—Фурманъ надо. Далеко живешь?

— Подожди, я куплю водки,—сказалъ Крайневъ.—Подождешь?

— Ja, ja... Будемъ подождать...

Онъ забѣжалъ въ кабачокъ Обрама и взялъ бутылку. Потомъ они сѣли вдвоемъ на извозчика. Обнявши рукою женщину, Крайневъ что-то болталъ, болтала и она, пересыпая ломаную русскую рѣчь нѣмецкими словами. Ожиданіе сладострастной ночи дрожало въ его груди, и было весело, жутко и сладко. Лукавая мечта стала реальнымъ фактомъ, она осуществилась—съ нимъ женщина!

— Гдѣ ты была?—спрашивалъ Крайневъ, склонившись къ ней.—Съ прошлаго года я не встрѣчалъ тебя.

— Въ тюрьма сидѣль, — охотно лопотала Елена. — Drei мѣсяцъ сидѣль. Очень нехорошо сидѣть въ тюрьма. Очень скучно въ тюрьма. У штудента бываль, шкандаль дѣлалъ и въ тюрьма сидѣлъ...

Она продолжала разсказывать, но было трудно понимать наполовину нѣмецкую рѣчь. Крайневъ почти не слушалъ, былъ полонъ своимъ — горячимъ уносящимъ вихремъ, крутившимся въ груди.

Пріѣхали. Крайневъ подхватилъ женщину подъ руку и, ласково предупреждая, повелъ по лѣстницѣ вверхъ. Она подымалась съ трудомъ, пугливая и хромая, часто замирала на мѣстѣ, боязливо вслушивалась въ тишину и быстро шептала что-то, прижавшись къ Крайневу.

Вошли, и Крайневъ зажегъ огонь. Елена сняла неуклюжую старую жакетку и ветхую рваную шаль и сѣла на стулъ къ столу. Она была полная, мягкая, съ увядающимъ, еще красивымъ лицомъ. Но теперь безобразная, нечистая повязка скрывала лѣвый глазъ и большую половину лба.

Крайневъ хлопоталъ съ закуской, Елена болтала все также торопливо и охотно.

— Это что у тебя?—указалъ Крайневъ на повязку.

— Штудентъ бутылька бросалъ меня на лобъ. Разбиль очень глазъ. Сволочь! На Квистенталь браль меня компаніи штудентъ. Пиль очень много пиво, коньякъ, шкандалиль. Бутылька кидаль. Къ докторъ ходилъ я gestern, сказаль, скоро заживайтъ...

— А, ну покажи,—прервалъ ее Крайневъ.

Елена развязала повязку. Надъ бровью чернѣла разсѣченная, уже покрывшаяся коркою рана, подъ глазомъ былъ кровоподтекъ, огромный, страшный, и глазъ смотрѣлъ изумленно и пугливо.

— Ай, какъ тебя раздѣлали! Больно?

— Nein. Уже не больно. Теперь не больно. Тогда быль больно, очень больно...

— Ну, пей.

Крайневъ поставилъ передъ ней бутылку.

Елена налила стаканъ наполовину и выпила водку мелкими глотками. Судорога отвращенія пробѣжала по ея лицу, она сплюнула въ сторону и закусила хлѣбомъ и лукомъ.

Потомъ улыбнулась, охватила рукою шею Крайнева и притянула къ себѣ.

— Давно не видаль тебя, красивый мой! Mein lieber!— зашептала она, прижимая къ рыхлой груди его голову.— Очень скучаль за тобой. Люблю немножко тебя...—Она засмѣялась. — Jch liebe... На твой шейка быль платочекъ красный, очень красивый... такъ я немножко любиль тебя...

Стала цѣловать распущенно-жадно съ голой, наивной похотливостью.

— Ты подаришь мнѣ, милый, два рублей и сорокъ копейкенъ, mein lieber Knabe? Я галошъ буду покупайтъ. Два рублей и сорокъ копейкенъ? Надо покупайтъ галошъ, башмаки худой очень... да?

Она шептала вкрадчиво, прижимаясь къ нему горячимъ, мягкимъ тѣломъ.

— Хорошо, я дамъ тебѣ,—тотчасъ согласился Крайневъ. Досталъ кошелекъ и вынулъ деньги. Елена спрятала ихъ куда-то въ платье.

Онъ потушилъ огонь, раздѣлся и легъ въ постель. Елена сунула подъ его шею руку, обняла и продолжала болтать о томъ, какъ сидѣла въ тюрьмѣ, какъ кутила со студендентами-корпорантами, и какъ ее ранили, и она плакала, потому что ей было очень больно.

Замолчала, прижалась и стала цѣловать Крайнева въ губы долгими всасывающимися поцѣлуями...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Внизъ и вверхъ.

Время—камни. Жизнь—вѣсы.
Люди дѣлаютъ случайное.
А исторію—часы.
Чтобъ сродниться съ правдой вѣчною,
Чтобъ смѣяться на зарѣ,
Чтобъ въ душѣ унынья не было,
Нужно жить тамъ, на горѣ.
Люди жили на горѣ.
Часто жили и опять
Будутъ жить и ликовать.
Камни падаютъ упрямо съ неба внизъ,
Въ чашу звонкую измѣнчивыхъ вѣсовъ.
И подъ тяжестью камней, камней—часовъ
Чаша жизни поворачиваетъ внизъ.
Незамѣтно. Но все внизъ.
Это рокъ, законъ, капризъ.
Солнце истины туманомъ заслоняется.
Красный глазъ его сверкаетъ, какъ укоръ.
Человѣчество въ долины опускается
Съ дикихъ горъ.
Съ каждымъ днемъ все ниже, ниже,
Съ каждымъ днемъ къ покою ближе.
Гаснетъ солнце. И о немъ
Память гаснетъ съ каждымъ днемъ.
Грузъ столѣтій давитъ душу человѣчества.
Нѣтъ въ немъ дерзости. Завяли въ немъ мечты.
И привычками, законами и пошлостью
Замѣнилась геніальность простоты.
Люди молятся богамъ, которыхъ создали,
Вѣрятъ власти денегъ, судей и царей.
Ходятъ въ перьяхъ, съ барабанами, со шпорами.
И смѣются надъ свободой дикарей.
Правда гибнетъ. Гидра рабства расползается,
Жретъ свободу мысли, дѣла и любви.
Эй! Пророкъ, понявшій правду силой генія,

Это стадо за собою не зови.
Часъ не тотъ. Они не виноваты.
Низко чаша міровыхъ вѣсовъ.
Ты близъ солнца, на горѣ, они въ долинѣ,
Ихъ загналъ туда великій грузъ часовъ.
Чаша жизни наклонилась.
Чаша жизни тяжела.
Близко дно долины темной.
Дно. Болото. Смерть и мгла.
Вотъ еще, еще немного,
Вотъ еще милльонъ часовъ...
Вотъ коснулась дна долины
Чаша жизненныхъ вѣсовъ.
Покачнулась. Пахнетъ трупомъ
Жизнь послѣднихъ черныхъ дней...
Вдругъ наполнилась долина
Дикимъ грохотомъ камней.
Часъ насталъ. Задѣто дно. И онъ разсыпался,
Грузъ столѣтій изъ камней, камней—часовъ.
Зазвенѣла... Вверхъ рванулась
Чаша жизненныхъ вѣсовъ.
Горы! Солнце! И ликуютъ обновленные.
Ихъ чуть видно. Вонъ они толпой стоятъ.
Что тамъ дѣлаютъ? Сжигаютъ мертвыхъ идоловъ,
А живыхъ казнятъ.
Сброшенъ въ пропасть грузъ часовъ.
Мы смѣемся на зарѣ.
Чаша жизненныхъ вѣсовъ
На горѣ.

. . . .

Иванъ Рукавишниковъ.

ДВА МІРА.

Романъ Корнеліи Гюйгенсъ.

Переводъ съ нѣмецкаго В. Величкиной.

(Продолженіе).

Въ началѣ октября Меріаны возвратились обратно въ городъ, гдѣ теперь начались приготовленія къ свадьбѣ Іоганна, которая должна была состояться ранней весной.

Отецъ Алиды купилъ одинъ изъ самыхъ большихъ домовъ на набережной и отдѣлалъ его для молодыхъ. Благодаря почти княжеской роскоши, съ какой все было устроено и по сравненію съ которой Меріаны жили слишкомъ просто, а также благодаря тѣмъ неоцѣнимымъ преимуществамъ, которыя получалъ Іоганнъ посредствомъ этого брака, Карла стала относиться къ нему мягче, чѣмъ до сихъ поръ. Такъ какъ она всей своей душой стремилась къ тому, чѣмъ онъ будетъ обладать теперь и хорошо знала, что онъ можетъ купить на это все,—почетъ, уваженіе, вліяніе и многое другое, чего она сама добивалась во что бы то ни стало,—она подчасъ прощала ему то, что онъ поддался этому искушенію. Она ясно видѣла, что состояніе Меріановъ даже и приблизительно не могло равняться съ пріобрѣтенными въ Индіи милліонами отца Алиды, и это обстоятельство существенно смягчало въ ея глазахъ его поступокъ. Но зато ея безсильная злоба тѣмъ сильнѣе направилась противъ самой Алиды. Она отдала бы цѣлые годы своей жизни за то, чтобы рано или поздно еще разъ обладать властью и отомстить этой „дочери выскочки" за все то горе, которое доставлялъ ей видъ этого безстыднаго счастья.

А Алида безсознательно еще больше раздувала пламя этой невидимой ненависти. Ей доставляло огромное удовольствіе раскладывать всѣ свои прекрасныя вещи передъ глазами тѣхъ, кто никогда не могъ имѣть ничего подобнаго. Ничего злостнаго, однако, въ этой чертѣ ея характера не

было. Она просто унаслѣдовала отъ своей матери-индуски настоящую страсть къ золотымъ вещамъ и драгоцѣннымъ камнямъ и ко всему, что блестѣло, переливалось красками или стоило много денегъ. Ей только тогда нравилась какая-нибудь вещь, если она стоила, дѣйствительно, дорого. Понятіе о красивомъ и некрасивомъ соотвѣтствовало у ней той цѣнѣ, которую нужно было заплатить. И такъ ей льстили восклицанія удивленія со стороны тѣхъ, кому недоступны были подобныя вещи! Она не давала себѣ никакого отчета въ этихъ ощущеніяхъ и дѣйствовала абсолютно наивно.

Она считала добрымъ дѣломъ съ своей стороны дать кому-либо возможность полюбоваться драгоцѣнными вещами. Однажды, слѣдуя внезапному порыву, она даже надѣла на Карлу роскошное жемчужное ожерелье и при этомъ прибавила:

— Посмотри, какъ чудно къ тебѣ идетъ это при твоей ослѣпительно бѣлой кожѣ! Это самый крупный жемчугъ, какой только можно получить въ настоящую минуту. Папа заказалъ его у одного парижскаго ювелира, и тотъ сначала совершенно не зналъ, гдѣ его достать. Въ концѣ концовъ, онъ поѣхалъ въ Италію, чтобы собрать его тамъ.

По его словамъ, такой величины жемчугъ имѣется еще только у германской императрицы.—Онъ, въ самомъ дѣлѣ, восхитительно идетъ къ тебѣ, Карла!

Съ этими словами она отстегнула у нея колье и положила его назадъ въ голубой бархатный футляръ и заперла его въ свою шкатулку для драгоцѣнностей, вполнѣ убѣжденная, что сказала Карлѣ что-то очень пріятное.

— Посмотри-ка,—прибавила она улыбаясь,—этотъ футляръ уже едва входитъ сюда! Если я получу еще что-нибудь,—а на свадьбу мнѣ, навѣрное, еще много подарятъ мои дяди и тетки,—мнѣ, во всякомъ случаѣ, придется завести вторую шкатулку.

— Жаль только, что тебѣ приходится держать ихъ постоянно запертыми... — ѣдко замѣтила Карла. — Хорошо, если бы ты могла какъ-нибудь выставить ихъ на показъ!

Алида совсѣмъ не замѣтила ироніи въ ея словахъ.

— Я, во всякомъ случаѣ, могу выставить ихъ на моей свадьбѣ. Вѣроятно, все мое приданое, — ты представить просто не можешь себѣ, какое оно роскошное,—будетъ выставлено въ залѣ вмѣстѣ со всѣми подарками для нашихъ знакомыхъ. Папа, правда, считаетъ это глупостью и слышать объ этомъ не хочетъ, но мама настаиваетъ. Да и почему такъ не сдѣлать? По крайней мѣрѣ, и другіе получатъ удовольствіе.

— Разумѣется, ты должна непремѣнно этого добиться,— сказала Карла.—Весь городъ долженъ знать, что у тебя самыя красивыя драгоцѣнности и самое роскошное приданое.

Она зашла уже слишкомъ далеко, такъ что даже Алида съ удивленіемъ взглянула на нее, но затѣмъ милая улыбка Карлы снова совершенно успокоила ее.

— Ты, значитъ, тоже такъ думаешь? Я увѣрена, что и папа въ концѣ концовъ согласится съ этимъ планомъ,— сказала она своимъ добродушно-наивнымъ тономъ.

Іоганнъ никогда не присутствовалъ при такихъ разговорахъ. Его очень удивляли дружескія отношенія между его невѣстой и Карлой. Тщеславіе его было нѣсколько задѣто тѣмъ, какъ Карла съ перваго же дня отнеслась къ его помолвкѣ. Но во всякомъ случаѣ этотъ исходъ былъ всего удобнѣе для него. Вспоминая свой разговоръ съ отцомъ, который такъ преувеличивалъ вещи, не имѣющія, въ сущности, никакого значенія, Іоганнъ невольно пожималъ плечами.

Но какъ она все-таки хороша, несмотря на все! И со дня на день она все какъ-будто хорошѣетъ. Чьей только женой она будетъ? Если она еще долго такъ останется, то, можетъ быть, впослѣдствіи какъ-нибудь...

— Я думала, что ты былъ влюбленъ въ Карлу, а не въ Алиду,—какъ-то разъ сказала ему Бэби, которая иногда могла быть настоящимъ enfant terrible.—Мнѣ-то это все равно... потому что я люблю и Алиду, но я всегда думала, что ты къ ней равнодушенъ.

— Влюбленъ!.. Развѣ это слово годится для маленькихъ дѣтей!—поддразнилъ онъ ее.—Ты еще совсѣмъ не должна знать, что оно собственно означаетъ. Играй лучше съ своими куклами и не болтай глупостей!

— Что же ты думаешь! Развѣ ты не знаешь, что мнѣ уже шестнадцать лѣтъ и что я тоже могу быть помолвлена!— сказала она, съ достоинствомъ выпрямляясь во весь ростъ.— Очень нерѣдко выходятъ замужъ въ семнадцать лѣтъ, а Карла разсказывала мнѣ, что одна бельгійская принцесса обвѣнчалась, когда ей даже не было еще семнадцати.

— Въ самомъ дѣлѣ... этого я, конечно, не зналъ. Тогда дѣло, разумѣется, обстоитъ иначе,—отвѣтилъ Іоганнъ съ притворной важностью,—въ такомъ случаѣ и мы постараемся найти какого-нибудь принца для нашей маленькой принцессы. Только сначала мы устроимъ кукольную свадьбу. Это будетъ нисколько не хуже настоящей.

— Противный дразнилка!—крикнула Бэби, разсердив-

шись.—Ты можешь болтать себѣ, что угодно... но я все-таки остаюсь при своемъ мнѣніи!—важно прибавила она.

— Какое же у тебя, вообще, можетъ быть мнѣніе, малютка? Скажи же мнѣ все, что ты знаешь и чего ты не знаешь,—сказалъ Іоганнъ, нѣсколько заинтересовавшись, но все еще продолжая дразнить сестру. Онъ очень любилъ свою хорошенькую сестренку, но ему всегда ужасно нравилось дразнить ее, потому что тогда еще ярче проявлялась ея дѣтски-наивная натура.

Бэби готова была уже разболтать, что, по ея мнѣнію, и Карла была влюблена въ него, но ея просыпающійся женскій инстинктъ удержалъ ее отъ этого. Да и кромѣ того, она слишкомъ теперь сердилась на Іоганна, чтобы разсказать ему то, что могло бы ему быть пріятно, а что можетъ быть пріятнѣе, какъ узнать, что кто-нибудь влюбленъ въ тебя! На этомъ основаніи Бэби сжала свои губки и молчала.

— Видишь, ты ничего и не знаешь!—снова началъ Іоганнъ, но какъ разъ въ эту минуту вошла мать.

— Мама, правда или нѣтъ, что въ шестнадцать лѣтъ можно выйти замужъ?—тотчасъ же спросила Бэби.

— Что ты на это скажешь, мама, что дѣвочка уже мечтаетъ о томъ, чтобы выйти замужъ?—замѣтилъ Іоганнъ.

— Что за глупости! — засмѣялась мать. — Иди лучше наверхъ, Бэби, и учи свои уроки... Это будетъ гораздо лучше, чѣмъ болтать такіе пустяки!

Глубоко обиженная, Бэби вышла изъ комнаты.

— Это нехорошо съ твоей стороны, Іоганнъ, мучить сестру такими разговорами,—сказала госпожа Меріанъ.

— Увѣряю тебя, мама, что это совсѣмъ не я началъ его. Повидимому, ея голова полна подобными вещами... Можетъ быть, Карла имѣетъ на нее дурное вліяніе. Вѣдь французскія дѣвушки воспитываются совершенно иначе. Можетъ быть, она разговариваетъ съ ребенкомъ о неподходящихъ вещахъ.

— Я этого не думаю,—возразила госпожа Маріанъ съ своимъ спокойнымъ оптимизмомъ,—и я никогда не замѣчала ничего подобнаго. Вѣроятно, она заинтересована всѣмъ этимъ, потому что постоянно видитъ вмѣстѣ тебя съ Алидой. Впослѣдствіи у нея это, конечно, пройдетъ.

Іоганнъ съ сомнѣніемъ покачалъ головой. Общая симпатія всѣхъ членовъ семьи къ Карлѣ становилась ему все болѣе и болѣе непріятна. Поэтому онъ постарался воспользоваться случаемъ, чтобы посѣять недовѣріе въ душѣ матери, но его стараніе осталось совершенно безрезультатнымъ. Послѣ того, какъ госпожа Меріанъ, спустя долгое время,

привыкла къ Карлѣ, которая своей внимательностью и предупредительностью сдѣлалась ей даже необходимой, ея оптимистическая и консервативная натура склонилась къ поддержанію установившагося уже порядка, и ей казалось хорошимъ все, какъ оно было.

Замѣтивъ это, Іоганнъ отказался отъ своей идеи. Въ сущности, ему и самому было неясно, что ему было бы пріятнѣе всего относительно Карлы. Иногда онъ питалъ всевозможныя иллюзіи на будущее, но часто онъ многое далъ бы за то, чтобы она тотчасъ же и навсегда исчезла съ его горизонта. Эта перемѣна его настроенія большей частью зависѣла отъ его поведенія по отношенію къ нему. Онъ, будущій супругъ Алиды Мольтенъ, не разъ ловилъ себя на вопросѣ, что, можетъ быть, она играла съ нимъ, а не онъ съ ней. И вопросъ этотъ былъ ему крайне непріятенъ. Если Алида въ присутствіи всѣхъ проявляла къ нему особенную нѣжность, то на губахъ Карлы часто играла тогда своеобразная торжествующая улыбка. И эта улыбка такъ задѣвала его, что онъ съ нѣкоторой рѣзкостью отворачивался отъ своей невѣсты и весь вечеръ такъ холодно держалъ себя, что это бросалось въ глаза. Тогда въ немъ поднимались всевозможныя дерзкія мысли, поскольку онъ, вообще, былъ способенъ на нихъ, и въ такія минуты онъ съ удовольствіемъ прогналъ бы Карлу, какъ простую прислугу, если бы только имѣлъ на это право. Но въ концѣ концовъ нѣкоторая прирожденная ему инертность чувства, большей частью, брала верхъ.

Поэтому онъ ничуть и не пытался вступать въ борьбу съ Карлой или какъ-либо не видѣть ее больше, но счелъ болѣе для себя удобнымъ предоставить всему идти своимъ обычнымъ порядкомъ.

* * *

Бертольдъ вернулся въ Дельфтъ и, ко всеобщему удивленію, сталъ вести себя совершенно иначе, чѣмъ въ прошломъ году. Онъ держался теперь возможно дальше отъ тѣхъ товарищей, которые продолжали вести свой прежвій разгульный образъ жизни, и все болѣе и болѣе сближаясь съ серьезно работающими группами студентовъ, познакомился съ такими лицами, о существованіи которыхъ онъ и не подозрѣвалъ до сихъ поръ; лица эти производили на него отчасти отталкивающее впечатлѣніе, отчасти привлекали его къ себѣ и давали много новаго матеріала для разговоровъ съ Робертомъ. Дружба между обоими товарищами продолжалась попрежнему и только съ однимъ Робертомъ могъ онъ говорить о Карлѣ. Безъ этого предохранитель-

наго клапана для своего чувства, можетъ быть, онъ и не могъ бы такъ тщательно скрывать свою тайну при своихъ частыхъ воскресныхъ поѣздкахъ въ Амстердамъ.

Истинный экстазъ, въ который пришелъ Робертъ при видѣ эмалеваго портрета Карлы, доставилъ ему глубокое наслажденіе.

— Чортъ возьми, да вѣдь это настоящая красавица!— воскликнулъ онъ, и затѣмъ съ наивнымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на своего друга, какъ бы пытаясь найти въ его серьезномъ, мечтательномъ лицѣ разъясненіе неразрѣшимой загадки.—Въ ней есть что-то чуждое магнетическое... что-то слишкомъ загадочное, можно даже сказать. Эти золотистые волосы и эти удивительно-темные глаза! Ты вѣдь не шутишь надо мной.. или, можетъ быть, художникъ жестоко польстилъ ей? Такихъ волосъ вообще не встрѣчается въ нашихъ болотахъ. Господи Боже мой, если въ стѣнахъ нашего почтеннаго Гаарлема еще имѣются такія сирены, то я завтра же отправляюсь въ путь! Но кто же нарисовалъ этотъ портретъ? Я здѣсь абсолютно никого не знаю, кто бы это могъ сдѣлать. Онъ во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ мнѣ женскіе портреты Бенжамена Констана. Но дѣйствительно ли это твоя невѣста или просто фантастическая картинка?

— Не знаю... Возможность говоритъ за это! Ты можешь это видѣть по жалкому предмету ея любви.

Бертольдъ улыбнулся отъ сознанія своего счастья, и лицо его все сіяло отъ радости. Его прямо приводило въ восторгъ, что Карла не придаетъ большое значеніе внѣшности, какъ другія дѣвушки.

Робертъ пожалъ плечами.—Почему ты говоришь всегда такой вздоръ про себя? Тебѣ давно должно было бы быть извѣстно, что такъ называемые красивые мужчины обыкновенно только тогда пользуются особеннымъ вниманіемъ своихъ женъ, когда эти послѣднія мало развиты въ умственномъ отношеніи. И давно уже всѣми установлено, что некрасивые мужчины вызываютъ гораздо больше страсти къ себѣ, чѣмъ красивые.

— Это я тоже слышалъ, — сказалъ Бертольдъ, — но всегда считалъ пустой болтовней.

— Наоборотъ, это фактъ, который просто основывается на томъ, что красивый мужчина такъ же, какъ и красивая женщина, безсознательно склонны заставлять поклоняться себѣ. Его страсть нравиться обращаетъ его вниманіе гораздо больше на самого себя, чѣмъ на жену, и это каждая женщина инстинктивно чувствуетъ. Некрасивый же мужчина, напротивъ, всѣми силами старается нравиться своей женѣ,

и всякое средство ему пригодно для этой цѣли. Онъ пользуется даже такимъ оружіемъ, отъ котораго отказывается красивый мужчина, такъ какъ оно разсчитано на женское тщеславіе. Однимъ словомъ, онъ кокетничаетъ и нерѣдко съ такимъ искусствомъ, какого не встрѣтишь даже у женскаго пола. Разумѣется, это не относится къ тебѣ, такъ какъ тщеславіе и желаніе нравиться отнюдь не являются чертами твоего характера. Если бы ты обладалъ хотя сколько-нибудь большей дозой ихъ, тогда твоя жизнь несомнѣнно была бы гораздо счастливѣе.

— Я не думаю, чтобы я когда-либо кокетничалъ съ ней,—замѣтилъ, улыбаясь, Бертольдъ,—но во всякомъ случаѣ она меня не меньше любитъ изъ-за этого. Если же во мнѣ проявится склонность къ тщеславію, то ты долженъ будешь серьезно указать мнѣ на это.

— Итакъ, эта дама дѣйствительно твоя невѣста втайнѣ? Въ такомъ случаѣ, я не могу удержаться отъ выраженія моего искренняго удивленія тебѣ, такъ какъ нужно большое искусство, чтобы достать изъ гнѣзда такую чудную птичку. Но она смотритъ старше тебя, много старше.

— Между тѣмъ между нами только полтора года разницы. Когда же рисовался этотъ портретъ однимъ изъ учениковъ Бенжамена Констана, то ей какъ разъ было 20 лѣтъ.

— Я во всякомъ случаѣ счелъ бы ее гораздо старше... но неужели она дѣйствительно родомъ изъ Гаарлема?

Этотъ вопросъ заставилъ Бертольда откровенно разсказать ему все, что онъ зналъ о ней: ея потерю общественнаго положенія и всего состоянія, трагическій конецъ отца и ея зависимое положеніе. Робертъ внимательно слушалъ его и пока воздерживался высказывать свое мнѣніе. Такъ какъ между ними уже давно было рѣшено, что Бертольдъ представитъ своего друга родителямъ, то онъ надѣялся вскорѣ лично познакомиться съ ней въ окружающей ее обстановкѣ. На этомъ основаніи онъ ограничивался тѣмъ, что терпѣливо выслушивалъ Бертольда, когда тотъ чувствовалъ потребность поговорить о Карлѣ, воздерживаясь отъ всякихъ дальнѣйшихъ выраженій своего удивленія; въ то же время онъ съ удовольствіемъ констатировалъ тотъ фактъ, что Бертольдъ, благодаря своему новому положенію, самымъ усерднымъ образомъ старался по возможности быстрѣе наверстать то, въ чемъ онъ до сихъ поръ отсталъ въ своей работѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ теперь посвящалъ почти все свое время исключительно своимъ научнымъ занятіямъ, благодаря чему настроеніе его постепенно измѣнилось, и онъ

сталъ больше отдавать теперь вниманія предметамъ и лицамъ, относящимся къ сферѣ его лекцій. Въ одной изъ отдѣльныхъ группъ, не принадлежащихъ къ всеобщему студенческому ферейну, его вниманіе обратилъ одинъ студентъ, казавшійся старше всѣхъ остальныхъ и соединявшій въ себѣ, вмѣстѣ съ явно-аристократическими манерами, почти совершенно недоступную замкнутость. Студентъ этотъ звался Марталисъ, и это было все, что Бертольдъ зналъ о немъ, потому что студенты, состоящіе въ ферейнѣ, обыкновенно держались, точно отдѣленные цѣлой пропастью отъ тѣхъ, кто находился внѣ его. Повидимому, Марталисъ былъ центромъ какой-то тоже незнакомой ему группы и имѣлъ тамъ сильное вліяніе. Онъ былъ блондинъ, высокаго роста и хрупкаго сложенія. Въ его тонкихъ чертахъ лица ясно выражалось недовѣріе къ людямъ и гордость. Когда его свѣтло-сѣрые глаза безцѣльно блуждали по аудиторіи, они свѣтились почти враждебно; когда же онъ болталъ съ кѣмъ-либо изъ своихъ друзей или смѣялся, они принимали необыкновенно кроткое выраженіе. Не сознавая самъ, почему, Бертольдъ сталъ чувствовать къ нему симпатію. Высокій, бѣлокурый, аристократическаго вида юноша все болѣе и болѣе возбуждалъ его интересъ. Чѣмъ больше онъ наблюдалъ его, тѣмъ больше любопытства возбуждало въ немъ его необыкновенно развитое чувство собственнаго достоинства, которое, повидимому, отнюдь не было у него искусственной позой, а вполнѣ отвѣчало его внутреннему содержанію.

Мало-по-малу Бертольду стало казаться, что онъ видѣлъ въ немъ многое изъ своего собственнаго прошлаго, которое онъ утерялъ подъ вліяніемъ Роберта и благодаря своему шумному образу жизни и которое одно только и казалось ему подчасъ необходимымъ. Его наивное высокомѣріе имѣло для него нѣкогда то же самое значеніе, какъ роговая оболочка для черепахи,—она составляла для него щитъ противъ болѣзненныхъ ударовъ жизни, по отношенію къ которымъ онъ чувствовалъ себя теперь совершенно обезоруженнымъ. Марталисъ, повидимому, еще сохранилъ свою оболочку. Что же, какъ не высокомѣріе, могло скрываться за этимъ холоднымъ, властнымъ взглядомъ, который невольно напоминалъ о какой-то скрытой душевной тайнѣ и отталкивалъ всякаго, кто безъ зова хотѣлъ приблизиться къ нему?

— Но,—спрашивалъ себя Бертольдъ,—не обманываетъ ли его собственное воображеніе? Можетъ быть, за надменно-замкнутой маской не кроется ничего иного, кромѣ міросозерцанія Роберта Конта или личнаго тщеславія? Или, можетъ

быть, и его жизненнымъ импульсомъ является любовь?—Но какъ только Бертольдъ, съ безсознательной горечью, ставилъ этотъ послѣдній вопросъ, всякій разъ ему казалось, какъ будто тысяча голосовъ кричала ему: *нѣтъ*. Искать разъясненія для своебразно-горделивой натуры этого человѣка въ привязанности къ женщинѣ было просто невозможно.

Онъ вспоминалъ тогда о своемъ отцѣ, которому тоже всегда была свойственна спокойная и твердая воля. На чемъ же основывалось у его отца умѣнье принимать жизнь такъ, какъ она есть, не чувствуя отвращенія къ мелочному, себялюбивому, банальному человѣческому существованію, къ пошлости и вульгарности людей и къ ограниченности часто даже своихъ собственныхъ мыслей, стремленій и чувствъ?

Онъ вполнѣ былъ убѣжденъ, что любовная страсть никогда не имѣла абсолютной власти надъ нимъ, во всякомъ случаѣ настолько, чтобы придать опредѣленную форму его жизни. Достаточнымъ доказательствомъ этому была большая нравственная крѣпость его отца и спокойное, супружеское счастье обоихъ родителей.

Итакъ, на чемъ же собственно концентрировались его желанія?

— Можетъ быть, на постоянномъ расширеніи его торговыхъ сношеній и на увеличеніи его богатствъ, чтобы возможно больше оставить дѣтямъ?

Это, во всякомъ случаѣ, была цѣль жизни, которую онъ долженъ былъ уважать, даже если бы она не могла одушевлять его самого. Съ неустаннымъ напряженіемъ бороться съ другими, одинаковыми съ собой существами въ самомъ огнѣ человѣческой несправедливости и подлости, безъ всякой надежды на просвѣтлѣніе,—какое значеніе могло это имѣть въ концѣ концовъ?

Несмотря на Карлу и несмотря на новый импульсъ къ работѣ, старыя размышленія снова явились на сцену съ слѣдующими за ними вопросительными знаками. Онъ попрежнему страстно жаждалъ красоты жизни и чѣмъ больше стремился онъ къ ней, тѣмъ больше безобразія открывалось передъ нимъ. И когда онъ нѣсколько недѣль проводилъ въ Дельфтѣ и единственную его душевную пищу составляли коротенькія письма Карлы, то старыя сомнѣнія охватывали его съ прежней силой и онъ иногда впадалъ въ тяжелую тоску.

„Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы ты какъ-нибудь пріѣхалъ сюда,—писала Карла въ послѣднемъ письмѣ.—Здѣсь такъ тихо и скучно. Какъ тебѣ извѣстно, у Алиды умеръ дядя въ Леерварденѣ. Поэтому она не можетъ выѣзжать, и мы, ея будущіе родственники, тоже должны отчасти раздѣлять

ея трауръ. Изъ-за этого мы теперь не ходимъ даже въ концертъ. Мое новое платье, которое тебѣ такъ нравится,— помнишь, то, со многими бантиками,—со времени твоего послѣдняго посѣщенія такъ и не вынималось изъ шкафа.

Что ты скажешь, если я, вообще, сниму черное платье на время свадебныхъ праздниковъ? Прежде я совсѣмъ не хотѣла снимать траура, но госпожа Кордуро хочетъ прислать мнѣ нѣсколько очень хорошенькихъ костюмовъ... и въ нихъ я буду очень красива,—красивѣе всѣхъ другихъ, чтобы ты могъ гордиться мною. Свадебныя приготовленія постоянно напоминаютъ мнѣ о нашей будущей свадьбѣ. Иногда мнѣ хочется заснуть глубокимъ сномъ и проснуться снова только въ тотъ день, когда ты поведешь меня къ алтарю въ бѣломъ вѣнчальномъ нарядѣ. Обручальное кольцо, которое ты подарилъ мнѣ, къ счастью, еще никто не замѣтилъ. Я никогда не снимаю его съ пальца... такъ какъ вѣдь это приноситъ несчастье. Наконецъ, я должна кончить мою болтовню, потому что уже нѣтъ больше мѣста. Пріѣзжай же скорѣе къ намъ".

Всѣ четыре странички атласнаго, розоваго листка были добросовѣстно исписаны ея аккуратнымъ, круглымъ англійскимъ почеркомъ и оканчивались подписью: „Твоя Карла." Онъ еще разъ перечелъ письмо и съ листкомъ въ рукѣ продолжалъ неподвижно сидѣть въ креслѣ, устремивъ свои грустные, мечтательные глаза на сухіе скелеты деревьевъ, которые за окномъ колебалъ во всѣ стороны вѣтеръ.

Запахъ тонкихъ духовъ, долетѣвшій до него, снова привелъ его въ сознаніе и онъ прижалъ письмо къ губамъ, вдыхая хорошо ему знакомое благоуханіе, которое цѣликомъ воспроизводило въ его воображеніи дорогія ему черты. Цѣлуя благоухающій листокъ, онъ снова переживалъ въ воспоминаніи короткія минуты почти безумнаго экстаза, когда онъ готовъ былъ пойти въ адъ за одну увѣренность, что она когда-нибудь будетъ принадлежать ему. Въ такія минуты онъ прямо не зналъ, чего ему еще желать въ жизни и на что надѣяться, кромѣ одного этого, составляющаго для него все.

Онъ еще разъ медленно перечиталъ письмо, улыбаясь и буквально любуясь каждымъ его словомъ.

— Настоящее еще дитя по своему образу мыслей и въ то же время вполнѣ женщина, цѣликомъ отдающаяся своей любви,—прошепталъ онъ про себя, и съ радостной гордостью положилъ письмо къ цѣлому пакетику такихъ же писемъ, которыя были у него заперты въ отдѣльномъ ящикѣ письменнаго стола.

Да, онъ собирался это воскресенье домой. Если онъ

часто оставался на праздники въ Дельфтѣ, то это происходило только оттого, что впечатлѣніе короткаго свиданія слишкомъ долго еще дѣйствовало на него, а онъ хотѣлъ чтобы голова его была свободна для работы. Онъ прямо опасался того разслабленія, которое обыкновенно слѣдовало за этими воскресеньями. Нерѣдко онъ ни на одну секунду не могъ остаться наединѣ съ ней, и тогда онъ въ самомъ раздраженномъ состояніи возвращался обратно въ Дельфтъ. Иногда же счастье благопріятствовало ему, и тогда уже воспоминанія мѣшали ему работать. Въ обоихъ случаяхъ занятія его страдали послѣ его поѣздокъ въ Амстердамъ. Въ то же время въ немъ возникали серьезныя сомнѣнія въ прославленномъ Робертомъ цѣлительномъ средствѣ. Но онъ никогда не говорилъ съ нимъ больше о своемъ такъ называемомъ болѣзненномъ состояніи. Онъ тщательно скрывалъ его, какъ какую-нибудь тайную болѣзнь, и считалъ все, что съ нимъ происходитъ, за ненормальное, болѣзненное состояніе духа. Чѣмъ больше развивался онъ, тѣмъ болѣе склонялся онъ къ этому взгляду, такъ какъ ему все болѣе и болѣе становилось яснымъ все вѣчно-относительное въ сущности явленій и вѣчно-субъективное въ чувствахъ и понятіяхъ, а также и безсиліе личности относительно воздѣйствія окружающаго міра и детерминизма природы.

* * *

Съ нѣкотораго времени Бертольдъ сталъ посѣщать лекціи профессора Деннерса по государственному праву и по политической экономіи,—спеціальные предметы, которые были необязательны для технолога, но благодаря исключительному таланту профессора лекціи его усердно посѣщались всѣми студентами. Иногда студенты говорили между собой объ еженедѣльныхъ дискуссіяхъ, которыя этотъ профессоръ частнымъ образомъ устраивалъ у себя на дому. Это заинтересовало Бертольда. Его личныя отношенія къ дельфтскимъ профессорамъ ограничивались до сихъ поръ исключительно тѣми, которые читали его главные предметы; и въ одинъ изъ вторниковъ онъ, наконецъ, рѣшился пойти туда съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ, который не разъ уже говорилъ ему объ этихъ собраніяхъ. Но на это его рѣшеніе больше повліяла потребность выразить свою симпатію профессору, который ему лично нравился, чѣмъ самый интересъ къ собраніямъ. Недавно ему сообщили, что эти собранія носили политическій характеръ, и въ этомъ отношеніи вліяніе отца имѣло для него еще такое большое значеніе, что уже одно слово „политика“ или „соціальный вопросъ“ вызывало его отвращеніе. Споры по поводу общественныхъ вопросовъ

онъ считалъ совершенно излишними, такъ какъ человѣческое общество, послѣ долгой борьбы вступило, наконецъ, въ фазу свободнаго развитія и индивидуумъ въ религіозномъ и общественномъ отношеніи можетъ свободно вращаться въ предѣлахъ, правда, необходимой, но все-таки ограниченной конституціи. По убѣжденію отца, это было послѣднимъ словомъ человѣческой цивилизаціи, и этого своего убѣжденія онъ придерживался съ непоколебимой твердостью. Относительно свободы человѣка въ общественномъ смыслѣ не къ къ чему уже больше стремиться. Теперь нужно было, слѣдовательно, только морально совершенствовать общественно свободнаго человѣка, чтобы эта свобода послужила на пользу ему самому и окружающимъ.

Въ пылу борьбы религіозныхъ и политическихъ партій и среди постоянно мучившихъ его вопросовъ жизни Бертольду доставляла нѣкоторое успокоеніе возможность соглашаться съ авторитетнымъ для него мнѣніемъ отца, что несмотря на постоянно бушующія человѣческія страсти и на невѣроятную грубость и испорченность человѣчества, все-таки современныя твердыя основы общественной и экономической жизни въ Западной Европѣ устоятъ противъ самыхъ сильныхъ натисковъ со стороны честолюбивыхъ авантюристовъ и безсовѣстныхъ партійныхъ вождей. Либеральный принципъ,—это завоеваніе Великой революціи,—былъ окончательнымъ тріумфомъ человѣческаго интеллекта, и вся политическая смута кругомъ этого грандіознаго памятника свободы вѣковъ могла вызывать только улыбку у серьезно мыслящаго человѣка.

Когда Бертольдъ въ назначенный вторникъ, вечеромъ, вошелъ, наконецъ, въ гостиную профессора государственнаго права, хозяинъ и его жена ласково встрѣтили его. Но онъ все таки замѣтилъ, что они были нѣсколько удивлены, какъ-будто его тамъ совсѣмъ не ждали. Это впечатлѣніе еще болѣе усилилось, когда онъ поздоровался съ нѣсколькими студентами, которые въ большомъ количествѣ собрались въ обѣихъ пріемныхъ комнатахъ, и со всѣхъ сторонъ послышались удивленные вопросы: „Какъ? и ты здѣсь, Меріанъ?“ или: „Какъ это ты сюда попалъ?“ Однако, онъ приписалъ это удивленіе тому обстоятельству, что обычные посѣтители въ первый разъ видѣли его въ этомъ кругу и, не задумываясь больше надъ этимъ, сталъ внимательнѣе разглядывать общество. Большинство присутствовавшихъ здѣсь студентовъ было ему знакомо только по виду.

Когда онъ вошелъ, хозяинъ дома, кромѣ своей жены, представилъ его еще другой дамѣ, усердно хлопотавшей кругомъ чайнаго стола; юноша почти не обратилъ никакого

вниманія на нее. Ему во многихъ отношеніяхъ еще не хватало свѣтскаго лоска, и въ немъ отчасти все еще сидѣлъ прежній застѣнчивый мальчикъ, который хорошо сознавалъ свою неловкость и непривѣтливость и съ трудомъ могъ подавить свое смущеніе въ незнакомой ему обстановкѣ. Обмѣнявшись нѣсколькими словами кое-съ-кѣмъ изъ своихъ знакомыхъ, онъ немного успокоился и могъ дать себѣ отчетъ въ своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ.

Съ немалымъ удивленіемъ замѣтилъ онъ теперь, что дама, разливавшая чай, была молодой дѣвушкой, и онъ нашелъ это не только оригинальнымъ, но даже прямо неприличнымъ. Если тутъ присутствовала хозяйка дома, то это было бы еще ничего, но чтобы такой человѣкъ, какъ Деннерсъ, могъ терпѣть присутствіе своей дочери (по ихъ сходству онъ ясно видѣлъ, что это была его дочь) въ собраніи студентовъ,—это совершенно выходило изъ рамокъ его понятій. Госпожа Деннерсъ, еще красивая дама, съ снѣжно-бѣлыми волосами, показалась ему очень пріятной и воспитанной особой. Какимъ же образомъ она, какъ мать, не видѣла этого неприличія?

Полная непринужденность, съ какой молодая дама переходила отъ одной группы къ другой и болтала со студентами, какъ-будто она совершенно не сознавала разницу ихъ пола, вызвала въ немъ еще больше отвращенія. На его взглядъ ей было около двадцати лѣтъ. Она была свѣжей, довольно полной блондинкой и носила короткіе волосы. Несмотря на ихъ красивый цвѣтъ, онъ находилъ все-таки отвратительной ея круглую головку со стоящими щеткой волосами.

Въ остальномъ она ему нравилась и своимъ ласковымъ выраженіемъ лица, а также и большими, смотрящими кверху, голубыми глазами напоминала ему старую гравюру, висѣвшую дома въ дѣтской и изображавшую святую Цецилію. Тѣмъ не менѣе, ему были все-таки очень непріятны и ея коротко-обрѣзанные волосы, и ея поведеніе, весь ея разговоръ и вообще ея присутствіе. Съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, онъ могъ слышать ея разговоръ по вопросу, который интересовалъ и Бертольда; но то обстоятельство, что въ подобныя вещи вмѣшивается женщина, помѣшало ему принять участіе въ дискуссіи. Поэтому онъ отвернулся и подошелъ къ другой женщинѣ. Въ какую странную среду попалъ онъ здѣсь, подумалъ юноша и невольно вспомнилъ свою сестру и другихъ дѣвушекъ, которыхъ онъ зналъ въ Амстердамѣ, а также и благородную сдержанность своей Карлы.

И какъ странно, что остальные студенты, повидимому,

не чувствовали никакого отвращенія къ происходившимъ здѣсь ненормальностямъ.

— Господинъ Меріанъ!—услышалъ онъ вдругъ сзади себя пріятный женскій голосъ и, быстро повернувшись, съ изумленіемъ увидѣлъ, что передъ нимъ стояла сама молодая дѣвушка и что, слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи здѣсь роли перемѣнились, и дамы первыя заговариваютъ съ мужчинами.

— Я думаю, что вамъ будетъ очень интересно сегодня... И такъ какъ вы въ первый разъ у насъ, то это меня тѣмъ болѣе радуетъ. Вы, можетъ быть, уже знаете...

Тутъ ее о чемъ-то спросила мать, и она отвѣтила ей, кивнувъ головой:—Я объ этомъ уже позаботилась, мама!— Затѣмъ она снова повернулась къ Бертольду и такъ какъ она, очевидно, потеряла нить разговора, то онъ поспѣшилъ придти къ ней на помощь и сказалъ:

— Я уже и раньше часто слыхалъ о вторникахъ въ этомъ домѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросила она со смѣхомъ.—Въ такомъ случаѣ по вашему присутствію здѣсь можно вывести заключеніе, что вы слышали не много плохого.

— Нѣтъ, конечно нѣтъ,—отвѣтилъ онъ чопорно и неловко, и самъ тотчасъ же почувствовалъ это.—Дѣвушки, носящія короткіе волосы и заговаривающія съ мужчинами, могутъ кого угодно сбить съ толку,—сердито подумалъ онъ, стараясь подыскать какую-нибудь подходящую фразу, но она предупредила его.

— Итакъ, я хотѣла разсказать вамъ, что мы сегодня вечеромъ въ первый разъ будемъ правильно дебатировать одинъ общественный вопросъ. Сюда, конечно, собираются люди самыхъ различныхъ политическихъ взглядовъ. Одни изъ нихъ—чрезвычайно передовые люди, другіе, напротивъ, ультра-реакціонеры... и между этими двумя крайностями встрѣчается много либераловъ и радикаловъ. Между этими различными направленіями часто возникали очень серьезные и въ высшей степени интересные дебаты, но такъ какъ за ними никто не сдѣлалъ, то они не приводили ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Это навело папу на мысль предложить всѣмъ выбрать для опыта на нынѣшній вечеръ какой-нибудь опредѣленный предметъ дискуссій, по которому сначала будетъ прочитанъ рефератъ и затѣмъ уже послѣдуютъ дебаты. Это будетъ, навѣрное, очень интересно. Папа будетъ предсѣдателемъ, а затѣмъ у насъ есть и секретарь, чтобы вести протоколъ.

Бертольдъ молча смотрѣлъ на нее и не могъ произне-

сти ни слова отъ смущенія. Но вдругъ онъ подумалъ, что она можетъ замѣтить все неприличіе его поведенія.

— Вы говорите объ этомъ такъ,—замѣтилъ онъ,—какъ-будто вы намѣрены сами присутствовать при этихъ дебатахъ. Я думаю, что это врядъ ли можетъ вамъ доставить удовольствіе.

— Я не только буду при этомъ присутствовать, но я даже... откровенно говоря, являюсь секретаремъ здѣсь. Такъ какъ я изучаю стенографію, то я надѣюсь, что это мнѣ сильно облегчитъ составленіе протокола.

— Вы являетесь секретаремъ!..—началъ было Бертольдъ, но она съ улыбкой прервала его.

— Прежде чѣмъ мы будемъ дальше говорить о политикѣ, я хочу предложить вамъ чашку чаю. Вы вѣдь еще не пили чаю, не правда ли? Въ такомъ случаѣ, я должна васъ познакомить съ правилами нашего дома. Для каждаго, кто сюда приходитъ, тамъ у мамы, на столикѣ, стоитъ чашка чая. Кто же хочетъ выпить другую и третью, тотъ долженъ самъ спросить ее себѣ, иначе онъ ничего не получитъ. Какъ видите, мы не особенно любезны. Но, какъ новичокъ, вы пользуетесь нѣкоторымъ преимуществомъ, и поэтому я сама принесу вамъ.

Бертольдъ нашелъ ея послѣднія слова чисто по-женски милыми, но тѣмъ не менѣе онъ съ едва скрытымъ отвращеніемъ смотрѣлъ на изящную фигурку дѣвушки.

Итакъ, это синій чулокъ! Въ первый разъ въ своей жизни онъ непосредственно сталкивался съ синимъ чулкомъ. Онъ хорошо зналъ, что на свѣтѣ существуютъ такія ненормальныя созданія и притомъ не только въ Америкѣ или въ сѣверныхъ странахъ, но также и въ Голландіи, и въ самой столицѣ. Но среди его знакомыхъ, въ старой, патриціанской части Амстердама ихъ, къ счастью, не было; во всякомъ случаѣ, онъ еще ни одной не встрѣчалъ и вдругъ,—даже политическій синій чулокъ! Какая ошибка со стороны такого выдающагося ученаго, какъ профессоръ Деннерсъ, дать дочери такое уродливое воспитаніе!

Между тѣмъ она возвращалась къ нему съ чашкою чая, и онъ поспѣшилъ къ ней навстрѣчу. Онъ рѣшилъ теперь смотрѣть на дѣло съ юмористической стороны и въ этомъ смыслѣ продолжать дальше разговоръ, хотя бы только затѣмъ, чтобы посмотрѣть, до чего она въ концѣ концовъ можетъ дойти. Поэтому онъ совершенно серьезнымъ тономъ спросилъ ее, кто же изъ присутствующихъ выступаетъ референтомъ и какое политическое направленіе будетъ онъ защищать.

— Его только одного мы и ждемъ еще,—отвѣтила она,

оглядываясь кругомъ.—Его зовутъ Марталисъ, Франкъ Марталисъ. Развѣ вы не знаете его?

— Марталисъ...—удивленно повторилъ Бертольдъ.

— Да, Марталисъ,—сказала она, нѣсколько озадаченная его тономъ,—близкій другъ нашего дома.

— Имя его я, конечно, слыхалъ, но съ нимъ самимъ я незнакомъ. Я думаю, что онъ мало съ кѣмъ знакомъ лично.

— Это весьма вѣроятно,—сказала она, улыбаясь.—Онъ—не членъ всеобщаго ферейна и не особенно общителенъ по натурѣ. У насъ онъ другъ дома, и всѣ, кто здѣсь бываетъ, хорошо знаютъ его. Вонъ онъ какъ разъ идетъ. Извините, я должна теперь пойти привести въ порядокъ предсѣдательскій столъ.

Она ушла, а Бертольдъ съ большимъ интересомъ сталъ разсматривать вошедшаго. Нѣсколько человѣкъ дружески привѣтствовали его, а съ остальными онъ раскланялся очень сдержанно, причемъ онъ здѣсь казался еще высокомѣрнѣе, чѣмъ на лекціяхъ. Онъ все время держался отдѣльно отъ всего общества, сохраняя въ то же время безупречную, хотя и оффиціальную, учтивость. Бертольдъ, какъ всегда, чувствовалъ симпатію къ нему и напряженно ждалъ случая заглянуть какъ-нибудь за его всегда замкнутую маску.

— Слушай, Нефлеръ!—спросилъ онъ одного стоявшаго рядомъ съ нимъ студента.—Мнѣ только-что сказали, что вонъ тотъ, который только-что вошелъ,—Марталисъ, кажется, его зовутъ,—будетъ читать рефератъ и затѣмъ начнетъ такъ называемые политическіе дебаты... Къ какому же направленію принадлежитъ онъ? Навѣрное, къ либераламъ?

— Марталисъ... либералъ!—отвѣтилъ тотъ, почти разсердившись.—Что это тебѣ пришло въ голову? Другъ дома Деннерсовъ—и либералъ! Онъ—самый чистый красный, коммунаръ... самый неподдѣльный соціалъ-демократъ.

Бертольдъ взглянулъ на него, словно приговоренный къ смерти.

— Соціалъ-демократъ... Марталисъ, который стоитъ вонъ тамъ?

— Конечно, тотъ самый Марталисъ, который стоитъ вонъ тамъ, и котораго, по виду, можно принять даже за вполнѣ порядочнаго человѣка,—сказалъ Нефлеръ, съ ироніей взглянувъ на своего собесѣдника.

— И онъ другъ Деннерсовъ?

— Развѣ тебя удивляетъ это? Развѣ же ты не знаешь, что Деннерсъ принадлежитъ къ самому крайнему направленію? Въ оффиціальныхъ сферахъ это уже всѣмъ давно извѣстно, но такъ какъ онъ такой прекрасный профессоръ,

то на это закрываютъ глаза. На лекціяхъ онъ, разумѣется, держитъ себя строго нейтрально, а все остальное для насъ въ концѣ концовъ совершенно безразлично.

— Но откуда же ты знаешь, что Марталисъ дѣйствительно...—Бертольдъ прямо боялся произнести это слово,— что онъ—соціалистъ? Самъ онъ, навѣрное, не признается въ этомъ?

— Онъ въ этомъ не признается!.. Это его почетный титулъ, дорогой мой Меріанъ! Въ его глазахъ мы—ничто иное, какъ презрѣнные буржуа, которыхъ всѣхъ нужно отправить на гильотину.

— Но почему же никто мнѣ объ этомъ ничего до сихъ поръ не сказалъ? Такъ какъ его внѣшность меня въ высшей степени заинтересовала, то я не разъ спрашивалъ о немъ то того, то другого.

— Такъ широко это, разумѣется, еще не распространилось. Такъ какъ онъ ни съ кѣмъ не знакомъ здѣсь въ Дельфтѣ, то его знаютъ только тѣ, кто бываетъ въ этомъ домѣ. Говорятъ, что онъ хорошаго и даже стариннаго дворянскаго происхожденія, но только отказался отъ своего титула. Нужно же сдѣлать что-нибудь демократическое. Въ своемъ истинномъ видѣ онъ начинаетъ проявляться пока только своимъ выступленіемъ въ этомъ домѣ.

— А о чемъ онъ будетъ говорить сегодня?

— Разумѣется, о своемъ невозможномъ будущемъ строѣ... гдѣ всѣ люди будутъ жить по-братски, подобно Адаму и Евѣ въ раю до ихъ грѣхопаденія!

— И профессоръ Деннерсъ, человѣкъ строго-научнаго міросозерцанія, можетъ терпѣть, чтобы въ его домѣ говорились подобныя пошлости?—спросилъ Бертольдъ, внезапно разсердившись.—Предположить только, что разумные люди будутъ слушать такія нелѣпости! Я, дѣйствительно, очень жалѣю, что пришелъ сюда, и мнѣ очень хотѣлось бы незамѣтно уйти.

Нефлеръ отъ всей души расхохотался и съ нескрываемымъ злорадствомъ смотрѣлъ на него.

— Да, твоимъ консервативно-аристократическимъ ушамъ не мало придется пострадать сегодня,—это я могу тебѣ заранѣе сказать. Вѣроятно, тотъ, кто привелъ тебя сюда, хотѣлъ тебѣ основательно насолить... Кто же это сдѣлалъ?

— Я пришелъ сюда съ Варренсомъ. Но почему ты зовешь меня консерваторомъ, когда я принадлежу къ либеральному теченію?

— Знаемъ мы этотъ застывшій либерализмъ, который хуже всякой реакціи! Но пойми же меня... хотя я до самой смерти всегда останусь либераломъ, но я все-таки составляю

полную противоположность этому коммунару, съ его отрицаніемъ частной собственности и съ его теоріями дѣленія.— Съ этими словами онъ указалъ на противоположный уголъ комнаты, гдѣ былъ поставленъ предсѣдательскій столъ съ традиціоннымъ зеленымъ сукномъ, за которымъ уже сидѣлъ референтъ и молодая дѣвушка со всѣми необходимыми письменными принадлежностями.

— Взгляни, пожалуйста, на эту дѣвушку!—съ ужасомъ сказалъ Бертольдъ.—Развѣ можно на это спокойно смотрѣть!

— Меня нисколько не стѣсняетъ бѣлокурая дѣвичья головка, и соціалистическій болтунъ тоже не выбьетъ меня изъ колеи, но я его основательно потомъ срѣжу. Но какимъ образомъ ты, чистокровный амстердамецъ, имѣешь видъ такого провинціала, какъ будто ты пріѣхалъ изъ Гренландіи?

Тонъ его голоса звучалъ саркастически. Хотя онъ былъ очень состоятельнымъ человѣкомъ, но, какъ сынъ parvenu, его не принимали въ интимныхъ кругахъ аристократической молодежи, и такъ какъ Меріанъ считался въ Дельфтѣ „недоступнымъ аристократомъ“, то Нефлеръ постарался не упустить на этотъ разъ случая подтрунить надъ сословными предразсудками „амстердамскаго аристократишки“. Его слова попали-таки въ цѣль, и Бертольдъ вспыхнулъ.

— Амстердамецъ прежде всего заботится о томъ, чтобы не тратить безполезно своего времени,—ѣдко отвѣтилъ онъ.— Мнѣ оно, дѣйствительно, дорого, чтобы терять такимъ образомъ цѣлый вечеръ.

Въ эту минуту раздался громкій стукъ молотка предсѣдателя и сразу положилъ конецъ разговорамъ; и Бертольдъ, которому очень не хотѣлось возбуждать общаго вниманія своимъ уходомъ, остался противъ своей воли, какъ ему казалось, но на самомъ дѣлѣ потому, что его любопытство было сильнѣе всего остального.

Въ нѣсколькихъ словахъ предсѣдатель сообщилъ то, что Бертольдъ зналъ уже отъ его дочери. Затѣмъ онъ далъ слово „господину Марталису“, который согласился, въ качествѣ референта, открыть дискуссію по намѣченному раньше вопросу: „Наслѣдственность и общественная нравственность“, и затѣмъ вопросъ этотъ будетъ представленъ на всеобщее обсужденіе.

— Какъ это просто звучитъ!—шепнулъ Нефлеръ своему сосѣду.—И какъ невинно смотритъ нашъ якобинецъ!

Бертольдъ одобрительно кивнулъ ему головой и затѣмъ отвернулся, чтобы не слушать дальнѣйшихъ замѣчаній. Все его вниманіе было направлено теперь на Марталиса, который, вставая, приводилъ еще въ порядокъ свои бумаги съ замѣтками. Теперь всѣ тѣсно столпились въ одной изъ ком-

натъ. Другая, меньшая комната, совершенно опустѣла, и даже госпожа Деннерсъ усѣлась на кресло, недалеко отъ стола референта. Большая часть лицъ выражала самый живѣйшій интересъ. Кое у кого были въ рукахъ карандаши и записныя книжки.

Между тѣмъ Марталисъ обвелъ комнату холоднымъ взглядомъ своихъ глазъ, но затѣмъ, когда онъ началъ говорить, онъ устремилъ свой взоръ поверхъ слушателей въ одну точку, какъ-будто читая тамъ тѣ слова, которыя онъ произносилъ.

Онъ началъ свой рефератъ краткимъ обзоромъ ученія о наслѣдственности, какъ оно представлено въ этомъ столѣтіи корифеями естественныхъ наукъ и какъ оно возникло изъ эволюціоннаго ученія Спенсера, изъ біологическихъ изслѣдованій Тиндаля, происхожденія видовъ Дарвина и монизма Геккеля. Широкими штрихами нарисовалъ онъ картину, какъ научная революція нащего времени нарушила сладкій покой добродушныхъ оптимистовъ и вѣрующихъ, придерживающихся еще сверхъестественныхъ разъясненій, и освободила истину, опутанную религіозными традиціями и умозрительной философіей, отъ всѣхъ ея оболочекъ.

Затѣмъ онъ разъяснилъ, что результаты этого великаго переворота, ограничивавшіеся сначала только идеями и стремленіями высшихъ жрецовъ науки, мало-по-малу распространяются на всѣхъ людей, овладѣваютъ ихъ чувствами и мыслями и проникаютъ всѣ общественныя и этическія отношенія. Только наука благодаря своему знанію причинъ и проникновенію въ тайны природы, можетъ успѣшно вести борьбу противъ тѣхъ ужасныхъ золъ, которыя, несмотря на идеалистовъ всѣхъ временъ и на великихъ основателей религій въ древности, безпрерывно продолжаютъ развиваться въ человѣческомъ организмѣ.

Самые могучіе мыслители и философы прежнихъ вѣковъ, строившіе свои спасательныя теоріи на чисто-идеальномъ основаніи, великіе реформаторы всѣхъ временъ, съ дѣтской наивностью измышлявшіе прекрасныя общественныя теоріи, были безсильны въ своемъ невѣжествѣ противъ всемогущества природы и самой натуры человѣка. Они благоговѣйно прислушивались къ проявленію своей души, не зная самаго происхожденія человѣческой души; и даже самъ Христосъ не избѣжалъ этого. Въ своемъ могучемъ, побѣдившемъ буддизмъ, идеализмѣ, проводившемъ понятіе о личной отвѣтственности до самыхъ его крайнихъ выводовъ, онъ пытался словеснымъ оружіемъ возбудить волю къ добру.

— Намъ всѣмъ извѣстно,—продолжалъ ораторъ,—какъ тщетны были стремленія Христа, какъ прекрасное ученіе, но-

сящее его имя, послужило поводомъ къ самымъ невѣроятнымъ ужасамъ, которые только знаетъ исторія; и мы знаемъ также, что ученіе его, даже въ своихъ благихъ послѣдствіяхъ, не перешло идеалистическихъ границъ, что оно никогда не проникло повседневной жизни, области борьбы и дѣятельности развивающагося общественнаго организма. Поэтому, единственно послѣдовательные христіане—это тѣ, которые среди ужаснаго и кроваваго мірового хаоса создали себѣ въ своихъ монастыряхъ обстановку, давшую имъ возможность жить по правиламъ ихъ ученія. И, послѣ Христа, отцы церкви, схоластики, гумманисты, реформаторы, и, наконецъ, позднѣе утописты въ Англіи и во Франціи пытались осуществить, каждый на свой ладъ, свои высшіе общественные идеалы. Послѣдніе принялись даже измышлять всевозможныя фантастическія системы, такъ какъ тогда еще не понимали, что человѣческое общество есть все возрастающій и все измѣняющійся организмъ, который нельзя составлять механически. Эти позднѣйшіе утописты, Фурье, Прудонъ, С.-Симонъ, Анфантэнъ, Овенъ,—я вамъ называю только самыхъ выдающихся изъ нихъ,—на нѣкоторое время обратили общее вниманіе и привлекли на сторону своихъ иллюзій родственные имъ умы. Такъ же и передовые умы французской революціи, со своимъ девизомъ: „свобода, равенство и братство“, совершенно серьезно вѣрили, что догматы, доказательства и новыя законоположенія,—устраненіе стараго авторитета и укрѣпленіе вновь народившихся элементовъ,—въ состояніи были сдѣлать людей братьями и невозможное возможнымъ, такъ какъ тогда еще не подозрѣвали о существованіи законовъ, регулирующихъ этотъ процессъ, а наука только теперь занялась изслѣдованіемъ и разъясненіемъ ихъ.

Точно также и этика недавно еще считалась частью философіи. На основаніи абстрактнаго представленія, безъ всякаго твердаго базиса, строили дальше на простой гипотезѣ, даже и отдаленно не подозрѣвая о взаимоотношеніяхъ между этикой и общественными условіями и между нравственной и экономической жизнью народовъ. Начиная съ Герберта Спенсера, этика все болѣе становилась самостоятельнымъ, идеальнымъ понятіемъ красоты, для которой человѣческій духъ можетъ быть такъ же воспріимчивъ или нѣтъ, какъ, напримѣръ, къ музыкальной гармоніи; но тогда еще не знали, что этика можетъ расти и развиваться только на почвѣ реальныхъ отношеній. Поэтому и оставались безплодными всѣ старанія философовъ и основателей религіи, которые хотѣли сдѣлать этику отдѣльно дѣйствующимъ началомъ, особеннымъ элементомъ человѣческой жизни.

Отсюда и происходитъ упадокъ духа, усталость жизни

и пессимизмъ у тѣхъ, кто тщетно искалъ красоты на землѣ и у людей, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Леопарди, Шопенгауэръ и Гартманъ возвели даже пессимизмъ почти до степени науки и 20 лѣтъ тому назадъ имѣли много адептовъ. Въ отрицаніи всего и въ ясномъ сознаніи мрачной пропасти жизни и относительности всѣхъ явленій все-таки было нѣкоторое горькое утѣшеніе для выше стоящаго и болѣе интенсивно чувствующаго индивидуума. Стали обращаться къ буддизму, и Нирвана снова заняла почетное мѣсто. Энтузіазмъ идеалистовъ и общественныхъ реформаторовъ могъ вызвать у этого рода мыслителей только сострадательное пожатіе плечъ и замѣчаніе, что все это уже бывало! Если, напримѣръ, имъ приходилось слышать провозглашеніе соціалистическихъ теорій, то они тотчасъ же были готовы указать на подобное же явленіе въ Китаѣ, 7000 лѣтъ тому назадъ. Если они слышали что-нибудь о коммунизмѣ, то они начинали вспоминать о коммунѣ инковъ въ Перу, объ общественномъ землевладѣніи у древнихъ германцевъ и о существующей еще въ Россіи общинѣ. Прекрасныя, жизнеспособныя идеи, правда, прокладываютъ себѣ путь,—говорили они,—но все это уже существовало и въ древней Элладѣ, нѣсколько вѣковъ до нашей эры, и въ гораздо болѣе прекрасной формѣ. Въ концѣ концовъ они соглашались съ тѣмъ, что несмотря на все, человѣчество все-таки идетъ впередъ и что возрастающее вліяніе образованія отрицать нельзя и притомъ они приводили въ примѣръ культуру древнихъ египтянъ и уничтоженную арабами александринскую библіотеку, съ которой погибли такія научныя богатства, до какихъ міръ и теперь еще, можетъ быть, не дошелъ.

И они были правы. Ихъ пессимизмъ, ихъ духовное разочарованіе было доказательствомъ высшаго развитія ихъ чувства. Хотя они и позабыли, что если исторія и повторяется, то при этомъ все-таки всегда принимаетъ новыя формы; но тѣмъ не менѣе они имѣли полное право сомнѣваться во всѣхъ идеалистическихъ мечтахъ о будущемъ, такъ мечты эти висѣли въ воздухѣ, а пессимизмъ ихъ имѣлъ исходнымъ пунктомъ всю исторію міра. Ихъ раздражала сизифова работа одного за другимъ слѣдующихъ поколѣній, которая не затрагиваетъ дикой, некультурной природы трехъ четвертей человѣчества. Они ясно видѣли, что при всемъ матеріальномъ и промышленномъ прогрессѣ все-таки въ углахъ и закоулкахъ нашихъ большихъ городовъ постоянно скопляется общественный осадокъ и все увеличивается, несмотря на всѣ старанія филантроповъ.

Между тѣмъ, естествоиспытатели съ неистощимымъ тер-

цѣніемъ и страстной любовью къ наукѣ все продолжали свои изслѣдованія, можетъ быть, даже сами не сознавая тѣхъ огромныхъ послѣдствій, которыя они принесутъ человѣчеству и, можетъ быть, не давая себѣ также отчета, что они и только одни они, представители точнаго знанія, въ своихъ изслѣдованіяхъ нашей планеты собрали такія богатыя сокровища для будущаго. Они открыли также, что безпрерывное развитіе соціальнаго инстинкта объясняетъ и развитіе совѣсти, и что грубая, безсердечная, антисоціальная сторона человѣческой натуры является еще остаткомъ животнаго происхожденія человѣка. На этомъ-то основаніи у болѣе индивидуально-сильныхъ и у выше развитыхъ въ духовномъ отношеніи людей сильнѣе всего преобладаетъ понятіе солидарности.

Мы знаемъ также, что человѣкъ есть продуктъ наслѣдственности, окружающихъ его условій и вѣяній своего времени въ связи съ своими симпатіями и своими индивидуальными особенностями и что, съ своей стороны, и онъ затѣмъ вліяетъ, какъ причина, на то, что приходитъ послѣ него.

Благодаря тому свѣту, который пролила наука во вторую половину дѣвятнадцатаго столѣтія, мы можемъ не только опредѣлить себѣ размѣры ужаснаго общественнаго зла,— это уже дѣлали до насъ сотни поколѣній,—но мы знаемъ теперь и средства къ спасенію. Мы знаемъ теперь, что мы сами, развитые, привилегированные, имущіе, обладающіе силой и вліяніемъ люди,—что мы сами вызываемъ и увеличиваемъ на днѣ человѣческій осадокъ, который иногда, подобно потоку человѣческихъ нечистотъ, поднимается, точно изъ какой-то клоаки и внушаетъ намъ ужасъ.

Мы знаемъ или, по крайней мѣрѣ, мы можемъ знать, что мы сами заботливо выращиваемъ зародыши разрушенія, которые грозятъ гибелью всему нашему обществу.

Мы знаемъ, что милліоны человѣческихъ жизней скучены въ тѣсныхъ лачугахъ нашихъ городскихъ окраинъ и что мы, сознательно дѣйствующіе и мыслящіе люди, систематически осуждаемъ ихъ на животное существованіе и на производство такихъ же поколѣній, которымъ чуждо все человѣческое. И по истинѣ, не нужно было быть идеалистомъ, чтобы сообразить, что самое элементарное понятіе о самозащитѣ требуетъ другого метода жизни, чѣмъ тотъ, которому слѣдовали до сихъ поръ.

До сихъ поръ строили церкви, чтобы нравственно возвышать систематически превращаемыхъ въ животныхъ людей, и серьезно вѣрили, что возможно одними только словами искоренить унаслѣдованныя и пріобрѣтенныя склонности тѣла и духа и нѣсколькими риторическими фразами

уничтожить логическій и неумолимый естественный процессъ.

До сихъ поръ организовывали конгрессы борьбы противъ пьянства и проституціи, тогда какъ вся общественная система направлена на то, чтобы возможно болѣе содѣйствовать обоимъ общественнымъ недугамъ, и государство само усердно заботится о томъ, чтобы извлечь возможно больше пользы изъ деморализаціи народа.

До сихъ поръ основывали филантропическія общества и все умножали ихъ въ той же самой пропорціи, въ какой регулярно продолжали увеличивать слои общественныхъ отбросовъ.

И это переливанье вѣкъ за вѣкомъ воды въ бочки Данаидъ было слѣдствіемъ человѣческаго невѣжества въ области физическихъ и біологическихъ законовъ и въ вопросѣ о наслѣдственномъ происхожденіи человѣческихъ склонностей, желаній, потребностей, слабостей и другихъ сторонъ человѣческой природы, которыя до сихъ поръ пытались урегулировать религіозными догматами и этическими формулами.

Но жрецы естественныхъ наукъ не знали отдыха; они все продолжали искать въ темныхъ дебряхъ природы волшебнаго цвѣтка, подъ которымъ скрытъ золотой ключъ къ познанію всего. И при этомъ исканіи они нашли драгоцѣнныя сѣмена, которыя, посѣянныя на общественной почвѣ, расцвѣтутъ въ невиданной еще красотѣ на пользу борющагося человѣчества. Естествоиспытатели показали намъ, что индивидуумъ не является игрушкой капризной судьбы или мстительнаго Провидѣнія, судьбы котораго неисповѣдимы, но продуктомъ наслѣдственности и условій жизни.

Они показали намъ человѣка, какъ результатъ причины и дѣйствія, и, слѣдовательно, въ общемъ господиномъ своей судьбы, а въ будущемъ—и властителемъ природы, которая, какъ Сампсонъ, открываетъ черезъ Далилу-науку свои тайны, дающія возможность наложить на нее оковы.

И такимъ образомъ и нравственность, эта до сихъ поръ пустая, неуловимая мечта человѣка, спускается съ облаковъ отвлеченной мысли и, подобно Мессіи, поселяется среди насъ. людей, чтобы принести намъ радостную вѣсть о царствѣ науки на землѣ.

И этой нравственности, дѣтищу науки, мы будемъ поклоняться съ восторженностью Іоанна. Мы будемъ слѣдовать за ней, какъ нѣкогда апостолы послѣдовали за Христомъ въ Галилею. И если она взойдетъ тогда на высоту и соберетъ кругомъ себя толпы народа, то она скажетъ имъ приблизительно такъ:

„Блаженны вы, нищіе, потому что наступаетъ мое царство.

„Блаженны алчущіе нынѣ, потому что они насытятся.

„Блаженны вы, когда васъ будутъ поносить и гнать и всячески неправедно злословить за то, что вы имѣете мужество свидѣтельствовать о вашей вѣрѣ въ меня.

„Радуйтесь и веселитесь, потому что велика ваша награда. Васъ будутъ распинать, но царство Божіе близко.

„Но горе вамъ, слѣпые и глупые нынѣ и отрицающіе мое существованіе, потому что вы сами лишаете себя утѣшенія.

„Горе вамъ, просыщенные нынѣ, ибо вы взалчете. Горе вамъ, смѣющіеся нынѣ, ибо восплачете и возрыдаете!

„Горе вамъ, когда всѣ люди будутъ говорить о васъ хорошо, ибо такъ поступали съ лжепророками отцы ихъ.

„Но вамъ, слушающимъ, говорю: любите враговъ вашихъ, благотворите ненавидящимъ васъ, потому что ненависть ихъ есть невѣжество.

„Прощайте проклинающихъ и обижающихъ васъ, потому что ихъ проклятія и обиды являются безсильнымъ оружіемъ невѣжества, которое не можетъ причинить вамъ зло.

„Учите враговъ вашихъ новому свѣту, учите ихъ закону причины и слѣдствія, чтобы они поняли, что нѣтъ причины безъ слѣдствія и нѣтъ слѣдствія безъ причины.

„Знайте, что до седьмого колѣна будутъ отомщены грѣхи родителей на ихъ дѣтяхъ и грѣхи общества на его членахъ.

„Нѣтъ добраго дерева, которое приносило бы худые плоды такъ же, какъ нѣтъ здороваго тѣла, страдающаго злокачественными язвами.

„И кто всегда бросаетъ грязь въ свой колодецъ, тотъ не долженъ ставить ему въ упрекъ, если онъ, вмѣсто чистой воды, доставляетъ только грязь.

„Точно также и тотъ, кто кладетъ дѣтей своихъ съ самаго рожденія въ свиное стойло и кормитъ ихъ изъ свиного корыта, не можетъ обвинять ихъ въ томъ, что они поступаютъ, какъ свиньи.

„Потому что дѣти подобны плодамъ дерева, а каждое дерево познается по его плодамъ; потому что не собираютъ смоквъ съ терновника и не снимаютъ винограда съ кустарника.

„И не можетъ также свинья породить человѣка; только рожденный человѣкомъ и живущій, какъ человѣкъ, можетъ быть истиннымъ человѣкомъ.

„Кто приходитъ ко мнѣ, слушаетъ слова мои, поступаетъ по нимъ и перестаетъ унижать дѣтей своихъ до свиного стойла, тому только покажу я, чему онъ подобенъ.

„Онъ подобенъ человѣку, строющему домъ, который копалъ, углубился и положилъ основаніе на камнѣ; почему, когда случилось наводненіе и вода наперла на этотъ домъ, то не могла поколебать его, потому что онъ основанъ былъ на камнѣ.

„А слушающій и неисполняющій подобенъ человѣку, построившему домъ на землѣ безъ основанія, который, когда наперла на него вода, тотчасъ обрушился; и разрушеніе дома сего было великое.

„И случилось, что когда нравственность, это благородное дитя науки, окончила свою рѣчь, толпы народа пришли въ ужасъ отъ ея ученія; потому что она учила, какъ власть имѣющая, а не какъ книжники и фарисеи.

„И толпа закидала ее камнями, какъ все еще закидывала тѣхъ, кто отваживался провозглашать силу *знанія*".

Когда Галилей разбилъ существовавшую тогда философію и обосновалъ современную науку, его осудила инквизиція.

И въ наше время инквизиція реакціи всегда на-сторожѣ и всегда готова осуждать на пытку дѣятелей прогресса и распинать современныхъ Галилеевъ.

Но она не можетъ больше заглушить ихъ голосъ, потому что въ славномъ девятнадцатомъ столѣтіи существуетъ не одинъ только Мессія, не одинъ революціонный геній, котораго можно распять, не одинъ основатель религіи, вліяніе котораго можно разрушить. Хотя и есть еще много слабыхъ духомъ, много слѣпыхъ и калѣкъ, которые съ тоской призываютъ къ себѣ пророка, но тѣмъ не менѣе доступная всѣмъ наука окончательно уничтожила пророчество.

Теперь все человѣчество, съ жаждой знанія, поднимается къ свѣту. Теперь уже не *одинъ* человѣкъ, но все человѣчество установитъ новую религію,—религію, основанннную не на обѣщаніяхъ и наградахъ, но на знаніи прошлаго, на законахъ развитія и на раціональномъ совмѣстномъ дѣйствіи съ природой.

По отношенію къ титаническимъ силамъ космическаго процесса мы уже не будемъ больше жалкими пигмеями, не умѣющими отличить причины отъ слѣдствія. Слѣдствія подчинены твердымъ законамъ, которые все болѣе и болѣе разъясняются наукой. Поэтому и борьба не является больше неравной.

Природа можетъ быть теперь скована ею же самой выкованными цѣпями, которыми людямъ-пигмеямъ, силою своего разума, удалось оплести ее.

Кто же съ полнымъ сознаніемъ можетъ вести эту работу? Разумѣется, не современные фарисеи, книжники и

священники,—потомки тѣхъ, которые нѣкогда предали палачамъ великаго революціонера.

И не тѣ, конечно, кто, какъ говорится въ нагорной проповѣди, „теперь пресыщены... смѣются теперь“ и о которыхъ всѣ хорошо говорятъ, потому что они, подобно своимъ отцамъ, всегда поклонялись лжепророкамъ.

И не тѣ также, кто ничего не сдѣлалъ ради истины и отрекаются отъ всякаго исканія истины.

Нѣтъ ни малѣйшаго повода вести высокоблагородное существованіе тому, кто видитъ счастье въ пошломъ, жалкомъ существованіи. Никто не можетъ наслаждаться счастьемъ, стоящимъ выше его потребностей. И справедливо говоритъ Карлейль: „Какое бы огромное значеніе ни имѣла какая-нибудь книга для каждаго человѣка, но собака предпочтетъ ей все-таки обглоданную кость“. И мы, конечно не станемъ упрекать въ этомъ собаку.

Всеблагая этика учитъ, что подобно тому, какъ собаку нельзя упрекать въ томъ, что она—собака, такъ и безсердечному буржуа нельзя ставить въ упрекъ его безсердечіе или идіоту—недостатокъ разума. Есть свойства, которыя хотя и присущи въ скрытомъ видѣ всѣмъ людямъ, но тѣмъ не менѣе должны быть тщательно воспитаны изъ поколѣнія въ поколѣніе, чтобы быть пригодными къ продуктивной дѣятельности. Если же всѣ болѣе благородныя, высшія склонности будутъ подавлены окружающей обстановкой или гнетомъ нужды, то они такъ же мало могутъ нормально развиться, какъ и сдавленная съ рожденія часть тѣла.

Наши общественныя и экономическія отношенія въ настоящее время могутъ воспитывать только эгоизмъ, безсердечіе, жадность, зависть, страхъ и человѣконенавистничество; и ничего иного нельзя ожидать отъ людей въ результатѣ этого вліянія. Природа, непостижимыми какъ будто путями, рабски подчиняется своимъ собственнымъ закономъ.

Поэтому въ будущемъ и нашей этикой будетъ наука. И эта этика составитъ квинтъ-эссенцію высшаго представленія объ индивидуальности,—потребность съ полнымъ сознаніемъ вернуть человѣчеству весь нашъ эгоизмъ, какъ результатъ работы безчисленныхъ поколѣній, служить ему съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ и, несмотря на священное чувство солидарности, все-таки оставаться человѣкомъ, отдѣльной личностью, цѣлымъ міромъ для самого себя.

Dixi.

Громкіе апплодисменты со стороны отдѣльныхъ лицъ раздались по окончаніи реферата. Но большая часть присут-

ствующихъ воздержалась, однако, отъ всякаго знака одобренія.

Предсѣдатель объявилъ небольшой перерывъ, послѣ котораго должны были начаться дебаты. Начались громкіе и возбужденные разговоры, и энергичные жесты ясно говорили о той страстности, съ какой будутъ вестись предстоящіе дебаты. Записалось уже шесть студентовъ, и первымъ Нефлеръ, все время дѣлавшій замѣтки во время реферата.

Референтъ сидѣлъ довольно спокойно и часто наклонялся къ секретаршѣ, которая, повидимому, его все время о чемъ-то спрашивала и затѣмъ заполняла лежавшій передъ ней протоколъ. Минутъ десять спустя нѣсколько сильныхъ ударовъ молоткомъ предсѣдателя заставили смолкнуть все усиливавшійся шумъ разговора, и Нефлеръ первый получилъ слово.

Во время короткаго перерыва, когда громкіе разговоры и хаотическій шумъ голосовъ смѣнили равномѣрную рѣчь оратора, Бертольдъ намѣренно забрался въ темный уголъ, гдѣ онъ, незамѣтно для остального общества, стоялъ, прислонившись къ большому книжному шкафу.

Думать въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова онъ уже не могъ. Въ данную минуту у него не было другого желанія, какъ только уклониться отъ всякаго разговора. Какъ всегда, при всякомъ сильномъ впечатлѣніи, у него не было словъ. Онъ не могъ формулировать ни одного изъ тѣхъ дикихъ, безпорядочныхъ впечатлѣній, которыя жгли его мозгъ. Точно очарованный, онъ не спускалъ глазъ съ сидѣвшаго за президентскимъ столикомъ референта. Марталисъ съ карандашомъ въ рукѣ приготовился записывать возраженія своихъ противниковъ.

Между тѣмъ началъ говорить Нефлеръ. Сначала онъ нѣсколько волновался и постоянно заглядывалъ на свои замѣтки, но затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ онъ выдвигалъ аргументъ за аргументомъ, рѣчь его полилась спокойнѣе и увѣреннѣе.

Въ началѣ своей рѣчи онъ выразилъ свое удивленіе по поводу того, что референтъ, считающій себя общественнымъ реформаторомъ и даже соціалистомъ, не избѣжалъ свойственной, впрочемъ, и многимъ его единомышленникамъ ошибки основывать свои взгляды на ученіи Дарвина. Пользоваться дарвинизмомъ и, вообще, естественными науками, какъ исходнымъ пунктомъ соціалистическихъ теорій или идеаловъ, абсолютно нелогично. Онъ ничего не имѣетъ противъ того, что люди воодушевляются различными идеалами, и ему даже

очень симпатично, что пылкія натуры не хотятъ спокойно мириться съ пошлостью окружающаго міра. Но онъ серьезно долженъ протестовать, когда они начинаютъ высокомѣрно утверждать, что ихъ утопіи покоятся на научномъ основаніи.

Дарвинизмъ, если на него смотрѣть, какъ на многообѣщающую гипотезу, составляющую новую эру въ исторіи естественно-научныхъ открытій, самымъ рѣзкимъ образомъ обрушивался противъ всѣхъ утопій міровыхъ реформаторовъ съ ихъ идеями равенства и коммунистическими иллюзіями. Первое и послѣднее слово природы есть какъ разъ борьба,—борьба безпощадная, гдѣ падаютъ слабые и побѣждаютъ сильные,—борьба, составляющая единственное условіе прогресса, развитія видовъ, а также и человѣческой расы со всѣми ея физическими и умственными свойствами.

„The survival of the fittest",—переживаніе наиболѣе приспособленнаго къ жизни,—этотъ угловой камень ученія Дарвина, является какъ разъ самымъ блестящимъ оправданіемъ либеральной системы общественной свободы, противъ которой референтъ возражалъ на основаніи именно этого ученія. Такъ какъ различные организмы одного вида слишкомъ быстро распространяются въ природѣ, то только тѣ, индивидуумы имѣютъ шансы остаться въ живыхъ, которые обладаютъ наибольшей силой сопротивленія. И какъ разъ это явленіе природы—переживаніе наиболѣе приспособленнаго—и повело къ постепенному развитію къ болѣе высшимъ организмамъ, къ постоянной специализаціи органовъ и ко все болѣе тонкому преобразованію отдѣльныхъ частей. Безъ этого соревнованія,—воплощающагося въ конкурренцію въ общественной жизни,—безъ этой яростной, поглощающей всѣ силы борьбы за существованіе на свѣтѣ прекратился бы всякій прогрессъ.

Если бы стремленія всѣхъ міровыхъ реформаторовъ прошлаго и настоящаго какъ-нибудь исполнились бы, если бы всѣ люди стали проявлять самопожертвованіе и любовь къ ближнему, и слабые, менѣе приспособленные, индивидуумы изъ состраданія поддерживались бы искусственными средствами въ человѣческомъ обществѣ, а тѣ, кого референтъ назвалъ общественнымъ осадкомъ, поднялись бы вверхъ,—разумѣется, насчетъ остальныхъ, сохраненіе и развитіе вида которыхъ указано самой природой,—то вся человѣческая энергія, человѣческій интеллектъ и вообще все, чѣмъ мы обязаны яростной борьбѣ за существованіе, въ нѣсколько столѣтій погибнетъ безвозвратно, потому что въ природѣ всякая остановка означаетъ шагъ назадъ. Природа только потому такъ расточительна въ своей безпримѣрной

жаждѣ творчества, что она постоянно стремится къ совершенству, и изъ милліардовъ зародышей только немногіе предназначены для развитія.

Можно сколько-угодно осуждать природу за ея безсердечіе, такъ какъ она санкціонируетъ право сильнаго и побѣду наилучше вооруженнаго въ борьбѣ, но необходимость этого еще никѣмъ серьезно не оспаривалась.

По мѣрѣ того, какъ люди начинаютъ все больше слушать и понимать природу, тѣмъ все болѣе и болѣе открывается она намъ, какъ воплощеніе понятія индивидуальности, и чѣмъ выше займетъ мѣсто въ природѣ человѣкъ, чѣмъ сильнѣе выдвинутся индивидуальныя различія, тѣмъ больше мы удалимся также и отъ идеала равенства и коммунизма современныхъ утопистовъ.

Затѣмъ ораторъ напомнилъ, что въ древности, когда общинное чувство особенно воспитывалось въ большихъ, семейныхъ организаціяхъ, въ которыхъ жили люди, индивидуумы мало отличались другъ отъ друга, потому что въ то время почти не существовало раздѣленія труда. Товарный обмѣнъ былъ тогда еще слабо развитъ и во всякомъ случаѣ недостаточно, чтобы содѣйствовать развитію различныхъ свойствъ характера. Только въ средніе вѣка расцвѣло ремесло и другія отрасли промышленности и началась обмѣнная торговля. Поэтому возрастающее дифференцированіе человѣческихъ способностей и органовъ и раздѣленіе труда шли параллельно другъ другу. Само собой разумѣется, что въ тѣ времена люди были еще очень далеки отъ пониманія высшихъ задачъ природы. Чистый принципъ индивидуальности могъ существовать тогда только въ эмбріональной формѣ. До конца прошлаго столѣтія феодальныя и городскія права и привилегіи на каждомъ шагу стѣсняли промышленность и торговлю. Много препятствій ставили имъ гильдіи своими тираническими уставами. Свобода иниціативы была совершенно скована. Борющійся за свое освобожденіе индивидуализмъ такъ долго угнетался, пока, наконецъ, его сдавленная сила не освободилась насильственно ужаснымъ взрывомъ, и все сбросившее свои оковы общество получило въ то же время такой могучій толчокъ, который вообще когда-либо отмѣчался исторіей. И изъ борьбы, которая казалась хаосомъ только сентиментальнымъ и близорукимъ людямъ, вылилась гармонія, какъ послѣдній призъ побѣды.

Порядокъ и гармонія постепенно овладѣвали массовыми дѣйствіями. Но свобода все-таки осталась лозунгомъ. Если для нѣкоторыхъ, слишкомъ грубыхъ сравнительно съ развивающейся культурой элементовъ и пришлось ограничить

свободу государственной властью, то все-таки со столькими страданіями завоеванный у тьмы вѣковъ принципъ индивидуальности держится твердо, потому что только въ немъ одномъ и заключается необходимое предварительное условіе дальнѣйшаго развитія.

Поэтому, продолжалъ ораторъ, обязанность всякаго научно-мыслящаго человѣка—защищать созданные французской революціей порядки противъ сентиментальныхъ порывовъ добродушныхъ реформаторовъ, которые своими коллективистскими теоріями хотятъ вернуть насъ къ первобытному рабству. Всѣ эти отвлеченно-придуманныя средства спасенія, которымъ не хватаетъ твердаго фундамента дѣйствительныхъ условій, всѣ пустыя мечты міровыхъ усовершенствователей, политическую близорукость которыхъ можно объяснить единственно только ихъ полнымъ недостаткомъ историческаго пониманія, и аргументы которыхъ стоятъ въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣмъ, что можно назвать основными законами природы,—всѣ эти мечты стары такъ же, какъ и самъ міръ. Самыя могучія и обширныя попытки въ этомъ отношеніи исходили отъ великихъ основателей религіи. Если бы наука двадцать вѣковъ тому назадъ стояла на теперешней высотѣ, то нагорная проповѣдь, разумѣется, звучала бы совершенно иначе. Въ Христѣ, какъ и въ большинствѣ моралистовъ, говорилъ исключительно человѣкъ чувства, потому что потокъ чувства тогда еще не былъ введенъ въ спокойное русло знаніемъ міровыхъ законовъ. Но замѣчательно, что и теперь, въ концѣ девятнадцатаго столѣтія, разные идеалисты совершенно игнорируютъ прошлое, и говорятъ и думаютъ еще почти такъ же, какъ во времена апостоловъ, и что они вполнѣ серьезно хотятъ увѣрить насъ, что въ основѣ ихъ пустыхъ теорій лежитъ истинная наука.

Если бы эти человѣколюбцы довольствовались бы только тѣмъ, что ратовали бы за справедливость въ обществѣ, если бы они ограничивались бы только своей собственной областью,—областью альтруистической морали, а не предъявляли бы права на экономическое и соціологическое пониманіе, то задача ихъ была бы прекрасной и благодарной.

Но теперь теорія ихъ не только безполезна, но и прямо опасна. Изложеніе ихъ пустыхъ фантазій, перечисленіе преимуществъ воображаемаго ими будущаго строя, въ которомъ у нихъ нѣтъ мѣста чисто-человѣческимъ слабостямъ, можетъ только возбуждающе дѣйствовать на невѣжественную массу и, вмѣсто крѣпкаго, жизнерадостнаго рабочаго народа, создавать только мечтателей и недовольныхъ, всегда готовыхъ къ возстанію элементовъ.

Кто въ современной фазѣ общественнаго развитія еще не видитъ, что свобода есть первое и послѣднее, чему насъ учитъ исторія міра, тотъ принадлежитъ къ гуманнымъ, но непрактичнымъ индивидуумамъ, которые еще не выучили политической азбуки.

Къ счастью, заканчивалъ свою рѣчь ораторъ, всюду, гдѣ свобода проложила себѣ путь, возвратъ къ прошлому уже болѣе невозможенъ. Каждый шагъ, сдѣланный культурой, приближаетъ насъ теперь къ окончательному торжеству принципа индивидуальности, который, въ основѣ и по существу, совершенно отрицаетъ и исключаетъ ненаучныя уравнительныя теоріи коллективистскихъ вождей и соціальныхъ утопистовъ.

Нефлеръ постепенно повышалъ голосъ къ концу своей рѣчи, и общіе бурные апплодисменты были ему отвѣтомъ. Вслѣдъ затѣмъ снова поднялся шумъ голосовъ, и еще громче, чѣмъ раньше. На многихъ лицахъ замѣтно было нѣкоторое удовлетвореніе и, послѣ послѣднихъ словъ оратора, присутствующіе, очевидно, облегченно вздохнули. Президентъ, между тѣмъ, обратился, повидимому, къ Марталису съ какимъ-то вопросомъ, на который тотъ утвердительно кивнулъ головой. Послѣ этого было заявлено, что референтъ желаетъ отвѣчать отдѣльно каждому своему оппоненту, и затѣмъ ему было дано слово для возраженія.

Когда Марталисъ всталъ среди внезапно наступившей тишины, на губахъ его играла улыбка, смягчавшая суровую серьезность его лица. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе присутствующихъ на то обстоятельство, что г. Нефлеръ возражалъ противъ того, о чемъ онъ (референтъ) совсѣмъ и не говорилъ; и, наоборотъ, онъ обошелъ полнымъ молчаніемъ собственный предметъ дискуссіи „Наслѣдственность и общественная нравственность". Можетъ быть, изъ этого слѣдуетъ заключить, что ораторъ ничего не имѣетъ возразить противъ его (референта) доводовъ. И хотя оппонентъ и говорилъ все время не на тему порядка дня, но, если собраніе будетъ согласно, онъ охотно послѣдуетъ за нимъ въ новую область и съ удовольствіемъ отвѣтитъ на его рѣчь, главную мысль которой можно выразить въ слѣдующихъ словахъ: „Противорѣчіе соціализма съ дарвинизмомъ".

Онъ на минуту остановился и вопросительно посмотрѣлъ кругомъ; со всѣхъ сторонъ раздались одобрительные возгласы.

— Я просто приперъ его къ стѣнѣ,—шепнулъ Нефлеръ своему ближайшему сосѣду.—Онъ всегда ходилъ кругомъ, да около... замѣтилъ ты это? Если онъ и теперь сумѣетъ

выпутаться, то онъ долженъ быть необыкновенно ловкимъ субъектомъ.

Сосѣдъ одобрительно кивнулъ головой и сказалъ:

— Разумѣется, ты совершенно правильно возражалъ ему. Я хотѣлъ сказать приблизительно то же самое и теперь могу спокойно отказаться отъ своего слова.

— Итакъ, свобода и борьба... — началъ Марталисъ, — право сильнаго... является, по мнѣнію либераловъ, согласно ученію Дарвина, главнымъ условіемъ для дальнѣйшаго развитія и культуры человѣческаго общества.

Вѣроятно, я могу предположить, что ни одинъ изъ присутствующихъ не скажетъ мнѣ, что перевѣсъ на сторонѣ физическаго большинства нашего общества, потому что въ такомъ случаѣ самый геніальный человѣкъ, физическія силы котораго, можетъ быть, слабы, долженъ неминуемо погибнуть въ борьбѣ за существованіе съ первымъ встрѣчнымъ землекопомъ.

Итакъ, слѣдовательно, въ нашемъ обществѣ остаются еще интеллектуальныя и финансовыя силы борьбы. Навѣрное, никто серьезно не станетъ отождествлять финансовыя силы съ теоріей Дарвина, никто не станетъ смотрѣть на... деньги, на средство обмѣна, которое служитъ только затѣмъ, чтобы удобнѣе приводить въ движеніе безчисленные колесики нашей сложной общественной системы,—какъ на базисъ естественнаго права на существованіе. Слѣдовательно, остается только интеллектуальная борьба, которая ведется духовнымъ оружіемъ,—единственнымъ, которымъ еще можно пользоваться въ современномъ обществѣ, единственнымъ, которое законы и полиція не запрещаютъ употреблять противъ нашихъ собратьевъ.

Кулачное право отслужило свой вѣкъ, по крайней мѣрѣ, среди членовъ одного и того же общества. Борьба и соревнованіе проявляются теперь совершенно въ иныхъ формахъ. Мы не боремся теперь за добычу, какъ собаки на улицѣ за кость, чтобы утолить нашъ голодъ, или за кошелекъ съ деньгами, чтобы купить на него хлѣба. Слѣдовательно, конкурренція, эта ежедневная борьба за существованіе, и свобода для всѣхъ принимать участіе въ этой борьбѣ распространяются на духовные элементы нашей природы. Для насъ, разумныхъ созданій и продуктовъ общественнаго развитія многихъ столѣтій, право сильнаго можетъ относиться къ умственной и духовной области, и въ этой области и я, какъ соціалистъ, требую, на основаніи открытыхъ наукой законовъ природы, признанія естественнаго неравенства индивидуумовъ, и я требую свободы и борьбы для всѣхъ.

Здѣсь ораторъ на минуту остановился. Въ первый разъ

въ этотъ вечеръ голосъ его повысился и слегка задрожалъ отъ волненія, несмотря на все его желаніе не терять спокойствія передъ этой враждебно къ нему настроенной аудиторіей. Онъ испытующе обвелъ глазами присутствующихъ, какъ-будто отыскивая въ обращенныхъ къ нему лицахъ хотя бы слабаго отблеска его собственныхъ бурныхъ ощущеній.

— И я тоже требую борьбы, но борьбы для *всѣхъ*,— продолжалъ онъ.—Борьба есть жизнь, и—если она ведется въ области мысли—борьба есть высшее проявленіе человѣческаго существованія. И именно потому, что въ нашемъ обществѣ великая борьба, ведущая ко все высшему образованію и развитію, недоступна тремъ четвертямъ человѣчества, именно поэтому-то общество въ современной фазѣ эволюціи и является поруганіемъ приведенной моимъ оппонентомъ теоріи Дарвина. „The curvival of the fittest"—девизъ ея. Наиболѣе приспособленные и наиболѣе одаренные индивидуумы должны подняться кверху, а наиболѣе слабые— пасть. Такъ хочетъ этого сама природа въ своемъ стремленіи къ совершенству.

А что дѣлаетъ наше больное, противоестественное общество? Оно уже отъ самаго рожденія осуждаетъ на гибель большую половину человѣчества. Оно уничтожаетъ, разрушаетъ и бросаетъ въ грязь милліоны нарождающихся силъ, предназначенныхъ природой принять участіе въ великой борьбѣ и въ тоже самое время оно съ необыкновенной нѣжностью поднимаетъ слабыхъ, больныхъ и безвольныхъ, выродившихся отъ роскоши, праздности и распутства и заботливо холитъ и лелѣетъ имѣющуюся у тѣлесно и физически слабыхъ искру жизни. И это называется торжествомъ индивидуализма!..

Словами *индивидуализмъ* и *свобода* борются, не понимая ихъ истиннаго значенія; объ нихъ продолжаютъ спорить въ то время, какъ человѣческое общество производитъ три четверти своихъ сочленовъ въ такихъ норахъ, гдѣ нѣтъ самыхъ необходимыхъ физическихъ и духовныхъ условій существованія, и безжалостно губитъ ихъ такъ, какъ этого никогда не дѣлаетъ прозванная моимъ оппонентномъ безсердечной природа даже по отношенію къ самымъ низшимъ существамъ.

Вліяніе внѣшнихъ условій жизни на формированіе индивидуума, слѣдовательно, просто отрицается. Одинъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ эволюціонной теоріи—приспособленіе къ образу жизни и условіямъ и развитіе необходимыхъ въ борьбѣ органовъ насчетъ остальныхъ, этотъ центръ тяжести ученія Дарвина,—просто оставляется безъ вниманія

тамъ, гдѣ дѣло идетъ о человѣкѣ. Свобода и индивидуализмъ въ обществѣ, въ широкихъ слояхъ котораго едва рожденное, безпомощное дитя,—какія бы силы и способности въ немъ ни были заложены,—лишено всѣхъ главныхъ условій существованія: свѣта, воздуха, ухода и питанія!

Свобода и индивидуализмъ въ обществѣ, въ которомъ только случай рожденія, а именно, финансовая сила или безсиліе даютъ перевѣсъ, въ которомъ въ каждой строго отдѣленной человѣческой категоріи проводится искусственное противоестественное равенство и систематически отвергается всякое естественное, индивидуальное неравенство, потому что денежный идолъ, нарушая всякую философію природы, съ слѣпымъ произволомъ все нивеллируетъ, срѣзаетъ все, что поднимается кверху, возвышаетъ слабыхъ, парализуетъ вновь нарождающіеся, свѣжіе элементы и беретъ подъ свою защиту исключительно немногихъ любимцевъ, какъ бы слабы ни были ихъ физическія и умственныя дарованія!

Въ своемъ стремленіи къ совершенству природа хочетъ создать для своихъ твореній такія условія жизни, которыя дѣлали бы возможнымъ переживаніе наиболѣе сильныхъ и способныхъ; но наша общественная жизнь дѣйствуетъ прямо противоположно этому стремленію, мѣшаетъ ея намѣреніямъ, кладетъ человѣка на прокрустово ложе и превращаетъ гармонію ея законовъ въ отвратительный хаосъ. Наша общественная система открываетъ только немногимъ предназначенную для всѣхъ жизненную арену; для огромнаго же большинства она плотно замыкаетъ ее и передаетъ его изъ поколѣнія въ поколѣніе въ атмосферу нравственнаго гніенія, въ атмосферу, гдѣ жизненными импульсами могутъ быть только низшіе животные инстинкты. И въ сознаніи своего превосходства, тѣ, которымъ благопріятствовалъ случай, закрывали свои глаза и уши, чтобы быть слѣпыми и глухими по отношенію къ низшимъ слоямъ человѣчества, называемымъ обыкновенно чернью и замурованнымъ въ мрачной темницѣ жизни.

И эта замурованная, отдѣленная отъ истинной жизни, по рукамъ и по ногамъ скованная чернь, большей частью еще выставляется причиной многихъ общественныхъ болѣзней, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ она сама—только слѣдствіе ихъ.

И подобная система свободы должна продолжать свое существованіе, да еще во имя той естественно-исторической теоріи, которой сегодня вечеромъ аргументировали противъ соціалъ-демократической науки, тогда какъ эта послѣдняя именно въ ней-то и видитъ свою точку опоры!

Откуда же эта безнадежная путаница понятій, которая

все еще царитъ среди единомышленниковъ г. Нефлера? На мой взглядъ, причина этого явленія совершенно ясна. Кто хочетъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ бороться съ какимъ-нибудь взглядомъ или направленіемъ, нужно начать съ того, чтобы ознакомиться съ самой сущностью этого направленія. Кто этого не сдѣлаетъ, тотъ будетъ бороться только съ вѣтряными мельницами своей собственной фантазіи, что, дѣйствительно, и случилось съ моимъ противникомъ. Его рѣчь является прямымъ доказательствомъ того, что ему еще совершенно неизвѣстны самые основные элементы соціалъ-демократическаго ученія. Съ истинно-дѣтской наивностью воображеніе его построило своеобразное, состоящее изъ ангеловъ и управляющееся принципомъ равенства общество, окрестило его „будущимъ строемъ", и затѣмъ, чувствуя до нѣкоторой степени справедливое отвращеніе къ своему произведенію, онъ призвалъ на помощь естественныя науки, чтобы убить это чудовище.

Какъ часто приходится еще повторять, что современная соціалъ-демократія не знаетъ другихъ законовъ, кромѣ тѣхъ, которые до сихъ поръ открыли естественныя науки. Мы не пытаемся, подобно какимъ-нибудь догматикамъ, втиснуть экономическіе результаты въ узкія рамки заранѣе намѣченныхъ понятій и стремленій; но мы наблюдаемъ наше больное, лихорадочно-живущее общество въ его неустанной борьбѣ съ реакціей, идемъ къ нему навстрѣчу и поддерживаемъ его въ этой грандіозной борьбѣ, помогая неимовѣрно-задавленнымъ маммономъ человѣческимъ существамъ и пытаясь спасти, сколько возможно, ихъ богато развивающіяся силы отъ предназначенной имъ участи быть раздавленными колесницей Джагернаута. Мы помогаемъ постоянно растущему и измѣняющемуся общественному организму, охраняя и развивая его до сихъ поръ заброшенныя части, поскольку онѣ еще доступны развитію и оздоровленію.

Для насъ общество является не механизмомъ, не продуктомъ человѣческаго мозга и сознательной человѣческой воли, но комплексомъ безсознательно взаимодѣйствующихъ силъ, вліяній, дѣйствій и явленій, по отношенію къ которымъ человѣкъ, какъ хотящій индивидуумъ, чувствуетъ себя безсильнымъ. Если онъ нерѣдко, отчасти сознательно, отчасти безсознательно и приводитъ въ движеніе эти вліянія и своими стремленіями и духовными потребностями, а особенно своими изслѣдованіями и открытіями и вызываетъ силы, которыя овладѣваютъ общественнымъ ростомъ, то самъ онъ, въ сущности, все-таки остается больше орудіемъ, чѣмъ волей.

Такъ же мало, какъ въ свое время изобрѣтатель паровой

машины могъ себѣ представить обширныя слѣдствія своего изобрѣтенія, вызванную имъ промышленную революцію, раскованныя титаническія силы, развитіе капитализма, который съ своей стороны тоже даетъ необходимую подготовку для высшей организаціи,—также мало можетъ современный намъ человѣческій родъ набросать программу будущаго и хотя бы только приблизительно предсказать тѣ вліянія и слѣдствія, которыя будутъ имѣть позднѣйшія открытія и изобрѣтенія на сложный человѣческій организмъ. Очень возможно, что будетъ открытъ новый производительный факторъ, который еще радикальнѣе, чѣмъ это могъ сдѣлать паръ, революціонизируетъ экономическія условія.

Можетъ быть, электричество будетъ призвано выполнить эту роль, но, можетъ быть, мы стоимъ на порогѣ и еще болѣе важныхъ открытій. Что же тогда будетъ дѣлать современный индивидуумъ съ своимъ выдуманнымъ, утопическимъ міромъ,—плодомъ современныхъ вліяній, — передъ вновь раскрытыми міровыми силами?

Поэтому научно-подготовленный и обладающій правильнымъ взглядомъ на исторію человѣкъ отнюдь не пытается втиснуть развивающійся организмъ въ узкія рамки традиціи или въ еще болѣе узкіе тиски своего собственнаго измышленія, но стремится работать въ направленіи, указанномъ эволюціонными силами и экономическими явленіями.

Онъ знаетъ, что всякій характерный періодъ въ исторіи является только преходящей фазой мірового развитія. И онъ ясно видитъ теперь, что капиталистическій періодъ со своими безграничными привилегіями собственности и убійственной конкурренціей достигъ уже своей высшей точки и естественнымъ образомъ превращается въ періодъ промышленнаго развитія, который въ общихъ интересахъ требуетъ коллективнаго обладанія землей и средствами производства и соединенія капитала съ трудомъ.

Обобществленный, основанный на совмѣстномъ дѣйствіи способъ производства будетъ въ то же время имѣть своимъ слѣдствіемъ переворотъ въ общественныхъ формахъ жизни и въ общественной морали; и эти вліянія будутъ, — благодаря способности человѣка приспособлять,—такъ же могуче дѣйствовать на индивидуума, какъ на него въ свое время дѣйствовали лихорадка собственности и борьба конкурренціи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что послѣ періода коллективнаго промышленнаго труда въ теченіе столѣтій опять разовьются новыя условія. Условія эти, само собой разумѣется, абсолютно нельзя предсказать заранѣе, но они во всякомъ случаѣ будутъ естественными и неотвратимыми слѣдствіями экономическихъ и соціальныхъ силъ.

Всѣ эти указанія составляютъ въ краткихъ чертахъ картину того, что намъ возвѣстили великіе учители соціальной науки и что вполнѣ можно назвать ученіемъ общественной революціи. Прошлое и традиція имѣютъ здѣсь только то значеніе, что они составляютъ почву, на которой выросло настоящее, причемъ традиція въ то же время служитъ къ тому, чтобы распознать предстоящія намъ новыя формы жизни и высшія ступени развитія. Мы рѣзче чувствуемъ окружающій насъ мракъ, если намъ впереди свѣтитъ яркій свѣтъ. И точно также мы только тогда вполнѣ ясно поймемъ, сколько темноты и варварства заключается въ настоящихъ порядкахъ, когда передъ нашимъ умственнымъ взоромъ будетъ восходить новое солнце.

Въ восемнадцатомъ столѣтіи, передъ Великой революціей, привилегированныя сословія—дворянство и духовенство—считали свою тиранническую власть вполнѣ въ порядкѣ вещей. Когда третье сословіе стряхнуло, наконецъ, то рабство и вся цивилизованная Европа почувствовала возвратный ударъ ужасной катастрофы, еще никто не думалъ тогда о низшихъ классахъ; эта задача была завѣщана позднѣйшему періоду, а именно, современному намъ. Теперь предстоитъ освобожденіе четвертаго сословія, но человѣчество все еще не можетъ окончательно отдѣлаться отъ идеи рабства и крѣпостничества.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ южно-американскіе рабовладѣльцы такъ же мало сознавали безнравственность ихъ системы рабства, какъ и современные капиталисты не сознаютъ безнравственность капиталистической системы рабства. Слѣдовательно, нравственность мѣняется вмѣстѣ съ условіями.

Въ Южной Америкѣ, тѣ, кто были на сторонѣ рабовъ и работали въ пользу ихъ освобожденія, публично клеймились врагами порядка, права и нравственности; съ ними обращались, какъ съ паріями, подобно тому, какъ теперь въ 1893 году обращаются съ тѣми, кто открыто объявляетъ себя соціалистомъ. Сторонники рабства составляли въ то время партію господствующей власти, господствующей морали и традиціоннаго преклоненія передъ собственностью, передъ догматами церкви и передъ всѣмъ, что санкціонируетъ прошлое.

Въ глазахъ мелкихъ, дюжинныхъ людей всякое отступленіе отъ господствующихъ взглядовъ и обыденной морали есть всегда преступленіе. Реформаторовъ и піонеровъ культуры, помогавшихъ обществу при его рожденіи, какъ. напримѣръ, Сократа и Христа, они осуждали на смерть, пока, наконецъ, взгляды этихъ послѣднихъ и ученіе ихъ не сдѣлались сами господствующей моралью.

И отсталые, придерживающіеся старины люди, въ своемъ наивномъ невѣжествѣ, обыкновенно не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о революціонныхъ процессахъ и не подозрѣваютъ, что и они тоже выполняютъ историческую задачу и притомъ совсѣмъ не малую. Какъ сторонники и защитники реакціи, именно они-то и вызываютъ тѣ изумительныя, титаническія дѣйствія, тѣ могучія, міровыя потрясенія, которыя часто равняются полустолѣтію постепеннаго развитія. Къ революціямъ приводятъ до сихъ поръ еще не прогрессивныя партіи, а какъ разъ наиболѣе отсталыя. Препятствія и сопротивленіе всегда составляютъ сильное, возбуждающее средство для могучихъ, энергичныхъ натуръ, а о наличности такого средства реакція всегда уже, конечно, позаботится.

Кажется,—говоритъ Цельнеръ въ предисловіи къ одному изъ своихъ произведеній,—что какъ будто въ самой природѣ вещей лежитъ законъ, по которому всякая новая идея, какъ въ области соціальной жизни, такъ и въ области всеобщей, человѣческой культуры, можетъ явиться на свѣтъ, какъ жизнеспособная истина, только въ предсмертныхъ судорогахъ двухъ борющихся партій".

И такимъ образомъ, въ слѣдующіе за нами вѣка догматики той системы собственности и производства, которая будетъ тогда господствовать, станутъ, конечно, такими же ярыми противниками позднѣйшихъ общественныхъ діагностовъ, какими являются современные либералы по отношенію къ соціалистамъ и коллективистамъ девятнадцатаго столѣтія, и въ то же время дадутъ имъ необходимый импульсъ къ высшему развитію.

Ко многимъ ложнымъ представленіямъ, касающимся соціалистическаго чувствованія и мышленія, относится также и высказанный здѣсь раньше взглядъ, что общественная форма, основывающаяся на коллективистическомъ производствѣ, должна состоять изъ чистыхъ ангеловъ. Съ этой теоріей ангеловъ дѣло обстоитъ совершенно такъ же, какъ съ теоріей равенства. Подобно тому, какъ соціальная эволюція открытіемъ жизненной арены для пользованія всѣхъ приводитъ къ обостренію естественнаго неравенства между людьми, въ противоположность къ современному искусственному нивеллированію членовъ въ каждой отдѣльной кастѣ,—точно также наша соціальная наука принимаетъ во вниманіе въ человѣкѣ прежде всего его чисто-человѣческія свойства. Общественные утописты всѣхъ временъ, — Томасъ Моръ и особенно позднѣйшіе французскіе теоретики населяли ангелами свои выдуманные миніатюрные міры. Фантастическій міръ естественно соединялся съ фантастическими фигурами,

а въ этомъ отношеніи у нихъ было вполнѣ свободное поле дѣйствій.

Соціалъ-демократическое же ученіе, напротивъ, коренится въ твердой почвѣ историческихъ фактовъ. На основаніи исторіи оно разсматриваетъ общество, какъ комплексъ вліяній, результатомъ которыхъ, а не причиной, является человѣкъ.

Вмѣсто того, чтобы строить воздушные замки, оно ограничивается тѣмъ, что наблюдаетъ реальныя отношенія и ихъ теченіе, проводитъ ихъ дальше въ указанномъ направленіи и отстраняетъ то, что препятствуетъ естественному ходу развитія.

Въ нашемъ обществѣ, которое до такой степени основано на эгоизмѣ, что послѣдовательное примѣненіе христіанскаго ученія остановило бы весь общественный механизмъ, и соціалъ-демократическое ученіе не проповѣдуетъ альтруизма. Оно не морализируетъ и не идеализируетъ, но только прислушивается къ лихорадочно-бьющемуся пульсу соціальной и экономической жизни. Оно знаетъ, что человѣкъ будущаго тоже будетъ только человѣкомъ или, другими словами, продуктомъ того времени и тѣхъ условій, въ которыхъ онъ живетъ. Оно знаетъ, что пока будетъ существовать міръ, человѣкъ будетъ постоянно измѣняться и приспособляться къ тоже измѣняющимся соціальнымъ и экономическимъ условіямъ, и что и нравственность должна такъ же сообразоваться съ обычаями и законами тѣхъ или другихъ періодовъ.

Вспомните только о многихъ выдающихся умахъ древности,—о какомъ-нибудь Платонѣ, который не могъ стать выше своего времени и считалъ даже рабство необходимымъ въ своемъ идельномъ государствѣ; вспомните Сократа, уважавшаго такіе обычаи, которые мы теперь считаемъ отвратительными и зловредными. Въ такой же степени и мы въ девятнадцатомъ столѣтіи являемся продуктами нашего времени и рабскими сторонниками, господствующей морали, господствующихъ взглядовъ и идей.

Мнѣніе, что соціалистически-мыслящій человѣкъ долженъ обладать приписываемыми ангеламъ свойствами непремѣнно въ высшей степени, чѣмъ тѣ, кто еще скованъ рамками традиціи, рѣшительно ничѣмъ не оправдывается, и, если онъ, вообще, могъ бы возникнуть въ мозгу мыслящаго человѣка, то факты ежедневно опровергаютъ его. Современное соціалистическое движеніе, придавая намъ своими партійными раздорами, взаимными подозрѣніями, своей ненавистью и завистью такой непріятный оттѣнокъ, представляетъ собой достаточно ясное доказательство, что человѣкъ все-таки

остается продуктомъ нашихъ современныхъ, безнравственныхъ, варварскихъ общественныхъ условій даже въ томъ случаѣ, если онъ живетъ самыми благородными идеалами и всѣмъ своимъ существомъ стремится служить цѣли, которая абсолютно противорѣчитъ его личнымъ интересамъ. Въ человѣческомъ мозгу могутъ широко развиться гуманныя идеи, но все-таки только новыя условія, новыя общественныя требованія могутъ медленно измѣнить человѣческую душу, преобразовать ее и приспособить къ новому строю.

Но мы этимъ отнюдь не хотимъ сказать, что человѣческія страсти будутъ играть меньшую роль въ будущемъ, соціалистически организованномъ обществѣ, чѣмъ теперь; наоборотъ, въ немъ во многихъ отношеніяхъ скорѣе нужно ждать обостренія ихъ. Если наша безграничная жадность и лихорадочная страсть къ пріобрѣтенію исчезнетъ, потому что не будетъ существовать ни личнаго, ни наслѣдственнаго владѣнія, то тѣмъ рѣзче тогда, вѣроятно, выдвинется честолюбіе, хотя, можетъ быть, и совершенно въ иной формѣ, чѣмъ теперь,—въ формѣ, которая можетъ послужить только на пользу человѣческой культурѣ. И вообще нужно ожидать большой разницы именно въ томъ способѣ, въ какомъ будутъ проявляться человѣческія страсти и склонности.

Если интересы индивидуума будутъ вполнѣ совпадать съ интересами общества, вмѣсто того, чтобы, какъ теперь, постоянно вступать съ ними въ конфликтъ, если какія-нибудь другія причины, а не страсть къ золоту и денежная конкурренція будутъ давать пищу честолюбію, тогда даже эгоизмъ станетъ не проклятіемъ, а благословеніемъ, тогда всѣ страсти человѣка проявятся въ неизвѣстныхъ еще теперь формахъ.

Какъ только трудъ и капиталъ соединятся послѣ ихъ теперешней борьбы на жизнь и на смерть, вмѣсто того, чтобы ежедневно повторять старый миѳъ о Кадмѣ и драконовскихъ зубахъ, тогда такъ тщетно бичуемое церковными проповѣдниками себялюбіе сдѣлается могучимъ импульсомъ развитія.

Если мало-по-малу сдѣлается яснымъ, что небрежное отношеніе къ самымъ важнымъ частямъ организма ведетъ за собой гибель всего организма, и если общество увидитъ, что отрицаніемъ самыхъ элементарныхъ законовъ природы, отрицаніемъ абсолютно необходимыхъ условій жизни для своихъ членовъ оно только санкціонируетъ грубое, безсмысленное и оскорбляющее цивилизацію господство маммона,—тогда несомнѣнно осуществится очень многое изъ того, что уже угадали и предсказали заранѣе современные представители соціальной науки.

Какъ же мы должны помочь подготовить эту новую фазу развитія въ исторіи человѣчества?

Во всякомъ случаѣ не тѣмъ, что мы будемъ выдумывать нелѣпыя программы будущаго строя или возлагать свои надежды на современныхъ фарисеевъ, которые пользуются своими преимуществами, рабствомъ и невѣжествомъ черни и, шагъ за шагомъ, пытаются отстоять свое золото противъ возрастающей волны эволюціи.

Но мы разсчитываемъ на содѣйствіе и на жажду свободы самой этой массы рабовъ. Имъ возвѣстимъ мы великую и единственно-истинную идею самоосвобожденія и постараемся воодушевить ихъ ею. Посредствомъ развитія знанія и чувства гордости мы сдѣлаемъ способными къ борьбѣ и сопротивленію эти инертныя, заброшенныя массы, которыя въ настоящее время охватываютъ три четверти человѣчества и точно свинцовыя гири тянутъ насъ внизъ при каждомъ нашемъ возвышенномъ полетѣ. Особенно займемся мы гибнущими теперь физически и морально дѣтьми рабовъ, будемъ воспитывать и развивать ихъ тѣлесно и духовно и такимъ образомъ всѣми силами работать для грядущаго послѣ насъ поколѣнія.

Процессъ развитія общества требуетъ,—какъ учитъ насъ исторія,—вѣкового терпѣнія. Въ немъ нѣтъ скачковъ и произвольныхъ переходовъ, но одно всегда выростаетъ изъ другого. Революціонныхъ ударовъ можно ожидать только тогда, когда постепенно развивающіяся теченія силой подавляются реакціей и грубые, разнузданные и безсмысленные инстинкты того, что слишкомъ преждевременно осуждено на гибель, сразу прокладываютъ себѣ путь среди общей эволюціи.

Никто не долженъ удивляться тому, что въ обществѣ, которое покровительствуетъ только отдѣльнымъ сословіямъ и воспитываетъ больше звѣрскіе инстинкты, чѣмъ человѣческіе, при первомъ удобномъ случаѣ прорываются грубыя, дикія силы. И тѣ, кто во время нашихъ безпорядочныхъ, уличныхъ столкновеній, съ отвращеніемъ и удивленіемъ говоритъ о „черти", можетъ быть, даже и не подозрѣваютъ, что они одни только и отвѣтственны за неразумныя дѣйствія своихъ рабовъ. Если бы они сами были рождены, вскормлены и воспитаны въ такихъ же норахъ и лачугахъ и дышали въ такой же умственной и нравственной атмосферѣ, то ни одинъ изъ тѣхъ, кто теперь съ отвращеніемъ отворачивается отъ „плебса", ни на волосъ не поднялся бы надъ уровнемъ этого плебса.

Каждое общество живетъ только въ тѣхъ условіяхъ, какихъ оно заслуживаетъ. Когда оно научится отличать *силу* отъ *насилія;* когда оно пойметъ, что силу міровой революціи нельзя одолѣть насиліемъ штыковъ и пуль; когда оно научится воспитывать людей, въ истинномъ, высокомъ смыслѣ

этого слова,—только тогда ему нечего будетъ опасаться никакого рѣзкаго взрыва отъ дѣйствія эволюціи; тогда біологическій процессъ, который нельзя остановить, приметъ свое нормальное теченіе и у людей, и тогда будутъ окончательно побѣждены бурные, вулканическіе взрывы, которые стоятъ потоковъ крови и замедляютъ прогрессъ. Тогда и пушечныя ядра будутъ замѣнены болѣе благороднымъ оружіемъ, и тогда только и индивидуализмъ, являющійся въ настоящее время однимъ пустымъ звукомъ, осуществится въ самомъ своемъ священномъ смыслѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Христу.

Тебя, Христосъ, я—сильный—не пріемлю,
И много насъ, которые придутъ,
Чтобъ кровью и огнемъ очистить землю...

—

Да! Судъ нашъ близокъ—страшный, красный судъ.
Всѣ немощные духомъ или тѣломъ
За ихъ безсилье кару понесутъ.

—

Я не хочу, какъ ты, казаться бѣлымъ,—
Я до конца мой свитокъ разверну
И дамъ его читать безумно-смѣлымъ.

—

Души раба собой не обману,
Въ душѣ раба не буду распинаться,
А самъ его за то, что рабъ, распну.

—

Желѣзному ли сердцу колебаться,
Желѣзной ли рукѣ, вознесшей мечъ,
Въ послѣдній мигъ щадить и содрогаться?

—

Вы, что за мной,—въ пылу кровавыхъ встрѣчъ
Не медлите, въ соблазнахъ состраданья:
Сумѣйте гордость сильнаго сберечь.

—

Христосъ, Христосъ, твой щитъ—твое молчанье,
Но я, какъ ты, хитро не умолчу:
Что истина? Скажу во всепризнанье:

—

Она во мнѣ, она—мое „Хочу“.

Александръ Рославлевъ.

Поль Веренъ.

Fêtes galantes.

Лунный свѣтъ.

Съ изысканно-убраннымъ садомъ
Сравнилъ бы я душу твою.
Я вижу въ немъ масокъ семью,
Прикрытую чуднымъ нарядомъ.

Съ собой они лютни несутъ,
Одѣты красиво и пышно,
Но смѣха межъ ними не слышно,
Хоть пляшутъ они и поютъ.

О томъ, что любовь побѣждаетъ,
Что есть беззаботные дни,
Поютъ безпрестанно они,
Но пѣсня ихъ грусть навѣваетъ.

Ѳедоръ Сологубъ.

Безправная.

(„Una Donna“).

Романъ Сибиллы Алерамо.

Переводъ съ итальянскаго Е. Лазаревской.

(Продолженіе).

По торжественному небу двигались облака, всѣ окутанныя свѣтомъ солнца, измѣнчивыя и безпрерывныя; площади, фонтаны, каменные дома и куполы, и рѣка, и вырисовывающіеся на горизонтѣ лѣса пиній, и пустыня Кампаньи, и далекія горы,—все, казалось, слѣдовало за медленнымъ шествіемъ облаковъ, все было, какъ они, погружено въ волшебный, удивительный свѣтъ и казалось, какъ они, подвижнымъ и вѣчнымъ.

И я тоже уже проходила подъ этимъ небомъ, на которое смотрѣла теперь; и при томъ моемъ мимолетномъ пребываніи здѣсь въ юношествѣ моя душа чувствовала себя расширяющейся при созерцаніи этой безконечной лазури. Развѣ я не была еще та же? Не начиналась ли теперь молодость? Римъ принадлежитъ духу, съ твердой волей желающему его, и исполняетъ все, что отъ него просятъ съ силой духа. И, можетъ быть, не такъ далекъ день, когда я обойму однимъ взглядомъ несравненный городъ, почувствую его весь въ біеніи моего сердца?.. А покамѣстъ,—что за наслажденіе и что за восторгъ присутствовать съ моимъ сыномъ при долгихъ пламенныхъ закатахъ на террасѣ нашей квартирки, съ рѣкою и холмомъ Маріо передъ глазами, проработавъ нѣсколько часовъ въ тиши моего высоко гнѣздящагося кабинетика!

Мнѣ не сумѣть разсказать первыхъ мѣсяцевъ моей римской жизни, какъ не могла я разсказать и моего дѣтства. Смѣну впечатлѣній, жизнь, бьющуюся воздѣйствіемъ внѣшнихъ воспріятій, сверканіе образовъ, отголоски звуковъ—ничего этого мнѣ не возстановить...

Городъ восторга и покоя!

Рѣшивъ такъ постепенно, понемногу проникать въ красоту и величіе священныхъ мѣстъ, я весело изслѣдовала новыя части города, видъ которыхъ возвращалъ мнѣ бывавшее у меня въ дѣтствѣ живое ощущеніе человѣческой энергіи. Но отъ сутолоки и отъ шума лихорадочно кипѣвшей жизни я на каждомъ шагу оказывалась внезапно перенесенной къ картинамъ тишины и сна, далеко, въ эпохи, почти невѣдомыя, развѣ только въ легендахъ. Вставали передо мной также и болѣе недавнія, болѣе близкія моему духу цивилизаціи, являлось иногда ощущеніе присутствія еще не угасшихъ великихъ душъ, еще не далекихъ отъ земли, на которой остался отъ нихъ такой глубокій слѣдъ.

Если я бывала одна или только съ ребенкомъ, и ничто постороннее не мѣшало мнѣ, меня охватывало иногда такое сильное волненіе, что къ горлу подступало рыданіе. Будуще заволакивалось туманомъ, уходило вдаль; настоящее становилось болѣе непроницаемымъ. И я, маленькая, съ моимъ ребенкомъ подлѣ меня, почти исчезала изъ собственнаго сознанія.

Меня пробуждали смутныя предчувствія еще иного слова, которое долженъ былъ сказать мнѣ великій городъ. Я знала, что вокругъ каменныхъ центровъ, олицетворявшихъ великія воспоминанія или посредственную современность, существовали пояса нищеты, гдѣ жили скученныя массы людей,—и общество дѣлало видъ, что не знаетъ объ ихъ существованіи, а между тѣмъ тамъ зарождалась и зрѣла тайна завтрашняго дня...

Кто такъ скоро заговорилъ со мной объ этомъ? То были вы, добрая мать моя, мать всѣхъ, кого вы встрѣчали въ жизни! Въ тотъ первый день, когда я обняла васъ, вы были въ вашемъ уединенномъ пріютѣ на Яникульскомъ холмѣ. Знаменитые и неизвѣстные портреты на стѣнахъ, портреты великихъ людей и дѣтей. Большой письменный столъ, заваленный бумагами. Довольно полная и нѣсколько сгорбленная женщина съ чѣмъ-то въ чертахъ лица, что напоминало мою мать... Вы сразу назвали меня дочерью и взяли къ себѣ на колѣна моего ребенка и долго смотрѣли на насъ обоихъ вашими кроткими глазами, съ задумчивымъ выраженіемъ, словно желая понять въ насъ тайну нашего единства, настолько тѣснаго, что, казалось, маленькое существо еще неразрывно связано со мною. Что разгадали вы? Никогда не чувствовала я въ молчаніи столько внезапнаго проникновенія. И, когда вы заговорили, стали разсказывать мнѣ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, созданныхъ вашей уди-

вительной волей въ теченіе многихъ лѣтъ стремленія къ справедливости, мнѣ показалось, что моя душа только что молчаливо бесѣдовала съ вами...

Потомъ меня захватилъ механизмъ работы. Контора „Mulier“ помѣщалась около Испанской площади. Я ходила туда два или три раза въ недѣлю, но работу свою, какъ было условлено, дѣлала дома; она состояла въ переводѣ статей изъ иностранныхъ періодическихъ изданій, въ извлеченіяхъ изъ нихъ и въ отчетахъ о тѣхъ или другихъ книгахъ. Редакторша приняла меня сердечно и была очень удивлена моей молодостью: пишетъ такія серьезныя вещи съ видомъ юной мадонны!

Я скоро поняла, что ея имя было для журнала главнымъ образомъ драгоцѣнной рекламой, что въ дѣйствительности всѣмъ въ дѣлѣ распоряжался издатель, краснолицый, живой человѣчекъ. Знаменитая писательница, не старая еще женщина, лѣтъ сорока съ небольшимъ, дѣлила свое время между своими романами, семьей и гостиной. Слава ея создалась лѣтъ пятнадцать тому назадъ, и теперь она находилась въ томъ критическомъ періодѣ жизненнаго пути, когда человѣкъ сознаетъ, что его искусство скоро будетъ превзойдено другими, и начинаетъ бояться, что его забудутъ. Возможно, что она поэтому сочла умѣстнымъ не пренебрегать этимъ представлявшимся ей новымъ средствомъ снова привлечь къ себѣ вниманіе публики. Нѣсколько страницъ, дѣйствительно геніальныхъ по наблюдательности и силѣ выраженія, составляли цѣнность ея дѣятельности, слишкомъ обильной и мало продуманной. Въ послѣднее время она, правда, приняла нѣкоторыя изъ новыхъ идей, но не увлекалась ими. Въ ней совершенно отсутствовало всякое проповѣдническое стремленіе, и она не возмущалась поэтому, видя, что ея журналъ становится явно коммерческимъ предпріятіемъ. И рядомъ съ ея безпечностью дѣятельная энергичность издателя являлась для меня олицетвореніемъ цѣлой группы интересовъ, для которыхъ оказывались угрожающими новыя стремленія женщины. Этотъ маленькій буржуазный человѣчекъ, едва ли не жалкій на видъ, въ поношенной одеждѣ, всегда сидѣвшій въ пыльной каморкѣ рядомъ съ пріемной редакторши, былъ однимъ изъ представителей торгашей, обогащающихся на счетъ женскаго тщеславія и женской суетности: онъ помѣщалъ рекламы этихъ торговцевъ среди произведеній художницъ, убѣжденій двигательницъ эмансипаціи, воззваній утѣшительницъ—матерей общества.

Примѣръ этого пришелъ изъ Франціи, какъ и модели шляпокъ. Тамъ редакторши и ловкость издателя соединен-

ными усиліями создавали нѣкоторую связь между разрозненнымъ матерьяломъ, составлявшимъ содержаніе журнала. Такимъ образомъ, онъ могъ проникать въ самыя разнообразныя обстановки; и если серьезно развитой женщинѣ онъ не могъ доставить болѣе, чѣмъ полчаса развлеченія, то милымъ бездѣльницамъ онъ способенъ былъ, можетъ быть, между любопытными для нихъ свѣдѣніями вселить смутное представленіе о болѣе серьезной жизни, идущей параллельно съ ихъ жизнью, а также темное и тревожное ощущеніе зарожденія цѣлаго новаго міра.

Это было не слишкомъ близко къ программѣ, написанной редакторшей въ минуту увлеченія. Первые дни я чувствовала себя униженной, и только ради того, чтобы не вызвать насмѣшекъ мужа, съ усердіемъ взялась за свою работу, въ сущности довольно трудную для начинающей. Мужъ не прощалъ мнѣ, что я уговорила его броситься въ городскую сутолоку, и вяло принимался за свое предпріятіе; ему столько лѣтъ привычна была методичная, подчиненная работа, свобода и отвѣтственность оказывались для него теперь стѣснительными; онъ не умѣлъ составить для себя распредѣленіе дня и недоброжелательно наблюдалъ за мною, несомнѣнно намѣреваясь дать мнѣ почувствовать свою власть при первомъ намекѣ на независимость.

Главнымъ преимуществомъ моей новой должности было для меня большое количество поступавшихъ въ редакцію изданій всѣхъ странъ, которыя я могла носить къ себѣ домой для прочтенія. На второе мѣсто я ставила возможность изучить въ этой своеобразной средѣ кое-какіе характерные женскіе типы: одна женщина—докторъ медицины—давала свѣдѣнія по гигіенѣ, среди которыхъ издатель вставлялъ адреса парфюмеровъ, корсетницъ, „докторовъ красоты", высокая свѣтло бѣлокурая норвержка со вздернутымъ носикомъ и спокойными голубыми глазами иллюстрировала повѣсти и сочиняла для дѣтей сказки въ картинкахъ; одной молодой дамѣ, которой семейныя обстоятельства не давали возможности инымъ образомъ достойно использовать свой титулъ и свое утонченное воспитаніе, была поручена хроника свѣтской жизни. Въ салонѣ редакторши, который мужъ позволялъ мнѣ посѣщать отъ времени до времени при условіи, чтобы я избѣгала завязывать отношенія, встрѣчались люди разнаго достоинства. Изъ уголка, никѣмъ не наблюдаемая, я могла пріобрѣтать то представленіе о дѣйствительности, которое нельзя извлечь изъ однѣхъ книгъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ я принялась за работу, я пошла посмотрѣть типографію, гдѣ печатался журналъ; проводникомъ моимъ былъ издатель, со своей

всегдашней слегка подсмѣивающейся улыбкой на толстыхъ губахъ; у одного рабочаго лежалъ на ящикѣ наборъ моей замѣтки—слѣдовало прибавить нѣсколько словъ для удобства верстки; и я увидѣла подъ грохотъ большихъ машинъ, какъ наборщикъ немедленно перевелъ на шрифтъ еще невысохшія слова; сердце сильно забилось у меня въ груди, и глаза застлались туманомъ...

Возвращалось, стало быть, время бодраго труда, когда я весело и съ увлеченіемъ занималась среди рабочихъ моего отца? Не сонъ ли былъ этотъ долгій перерывъ, дни затворничества тамъ въ душной комнатѣ вдвоемъ съ ребенкомъ, съ душой, переполненной трагическими фантазіями?

Римская осень развертывала кругомъ свое великолѣпіе. Я продолжала свои странствованія по городу, впитывая въ себя все таинственное очарованіе открывавшихся передо мною полныхъ значенія картинъ. Иногда мимо меня быстро, подобно привидѣніямъ, проходили, мимолетно взглядывая на меня, серьезныя и своеобразныя фигуры, можетъ быть, ученые, можетъ быть, иностранцы, которымъ солнце Италіи освѣщало ихъ духовную правду, можетъ быть, утописты, которымъ было родиной будущее. Я еще оставалась романтикомъ, и не горевала объ этомъ: то прошлое, слѣды котораго я видѣла, содержало въ себѣ такъ много, что я вполнѣ могла представлять въ будущемъ счастливѣйшія возможности для человѣчества.

И вижу я себя сидящей въ моемъ кабинетикѣ, въ послѣполуденный часъ поздняго ноября; солнце свѣтитъ такъ ярко, что мнѣ приходится заслонять отъ него рукою глаза. Противъ меня сидитъ блѣдный, исхудалый человѣкъ съ черными, большими, горящими глазами; у него красивая голова, ясное и въ то же время нервное лицо, нижняя часть котораго выражаетъ твердую волю, а высокій лобъ—величавое спокойствіе. Онъ прерываетъ отъ времени до времени свою рѣчь, чтобы нагнутся къ лежащему на коврѣ около насъ ребенку, и проводитъ блѣдной, нѣжной рукой по его кудрямъ. За спиной у меня мой мужъ разсѣянно перелистываетъ книгу. Говорящій нѣсколько дней тому назадъ былъ мнѣ представленъ другомъ моимъ, доброй старушкой. Онъ былъ уже раньше знакомъ мнѣ подъ своимъ выразительнымъ псевдонимомъ, какъ авторъ нѣсколькихъ брошюръ, вызвавшихъ много разговоровъ и обсужденій; я знала, что подъ этимъ псевдонимомъ скрывается человѣкъ, занимавшій прежде высокій постъ на правительственной службѣ и ушедшій въ отставку, чтобы имѣть возможность свободно защищать правду; живя въ суровой бѣдности, онъ писалъ теперь большое философское сочиненіе. Его непри-

нужденная, доброжелательная улыбка сразу совершенно завоевала меня и дала мнѣ храбрость пригласить его къ себѣ, несмотря на подозрительность мужа.

Многое говорилъ онъ мнѣ своимъ горячимъ, сердечнымъ голосомъ, которому южный акцентъ придаетъ особую мягкость. Говоритъ спокойно, безъ приподнятости, какъ будто прислушиваясь къ какому то внутреннему голосу: о женщинѣ, о законахъ, обычаяхъ, выражаетъ то, что я сама думаю, съ недостающей мнѣ силой и простотой; но когда онъ говоритъ о наукѣ, о пользующихся теперь успѣхомъ системахъ соціальнаго преобразованія, его слова становятся странными по ироніи, по презрѣнію; онъ совѣтуетъ мнѣ считать себя счастливой тѣмъ, что я мало занималась наукой; сухо разрушаетъ основы тщетныхъ и горделивыхъ исканій, по пути которыхъ идетъ человѣчество; внезапно онъ встаетъ на ноги, кажется, что передъ его душой возникло какое то великое видѣніе, видимое только ему одному. И сейчасъ же затѣмъ перестаетъ говорить о заблужденіяхъ, о безуміяхъ, о жертвахъ; снова ласкаетъ ребенка, упоминаетъ о собственномъ безпризорномъ дѣтствѣ, быстрымъ движеніемъ пожимаетъ мнѣ руку, какъ будто заключая какой то договоръ. Уходитъ со своей тайной...

Мой мужъ молчитъ, черезъ минуту тоже уходитъ; малютка мой видитъ, что я погружена въ мысли, и продолжаетъ разсматривать картинки въ толстой книгѣ. Я думаю о моемъ отцѣ, о волненіи, съ которымъ слушала иногда его слова въ тѣ далекіе годы, когда воспринимала отъ него жизнь духа. Съ тѣхъ поръ я не встрѣчала до этого дня человѣка, который обнаружилъ бы себя передъ мною свободной личностью, толкователемъ истины, учителемъ. Я думала, что время пророковъ прошло,—а, стало быть, нѣтъ?

На мгновеніе у меня дѣлается головокруженіе. Затѣмъ спокойствіе возвращается. Развѣ не готова я встрѣтить лицомъ къ лицу какое бы то ни было откровеніе? И прежде чѣмъ вернуться къ моей скромной работѣ журналиста, я смотрю съ террасы на ослѣпительный дискъ солнца надъ кипарисами холма Маріо и на двѣ пересѣкающія его огненныя полосы, заливающія краснымъ заревомъ горизонтъ. И мнѣ кажется, что этотъ закатъ навсегда будетъ запечатлѣнъ въ моемъ воспоминаніи.

XV.

Пришло Рождество съ деревцами омелы, покрытыми красными ягодами, на ступеняхъ церкви Trinità dei Monti, съ изображеніями младенца Христа въ ясляхъ въ пещерѣ на

площади Навона,—предметами восторговъ для моего малютки; пришло время театровъ и публичныхъ лекцій, и февраль съ первыми цвѣтущими вѣтвями. Толпы высокихъ, бѣлокурыхъ улыбающихся иностранокъ проходили по улицамъ съ облаками бѣлоснѣжныхъ лепестковъ на рукахъ. Иногда и мы съ ребенкомъ приносили домой эти первые нѣжные дары весны. Нѣсколько фотографій на стѣнахъ,—сикстинскія Сибиллы, трагическій и нѣжный Гвидарелло на своемъ каменномъ изголовьи; гравюра—спящія Эринніи, подарокъ художницы-норвежки; нѣсколько портретовъ: Леопарди, Жоржъ Зандъ съ гроздьями черныхъ кудрей, Эмерсонъ, Ибсенъ, фигуры геніевъ и символовъ,—казалось, оживлялись, окрашивались живыми красками отъ свѣтлаго отраженія цвѣтовъ. Отъ нихъ изливалось какъ будто бы ободреніе труду и надеждѣ. Ребенокъ выбѣгалъ играть на террасу. Я садилась работать, а въ душѣ у меня продолжали смутно вѣять мысли и картины, воспринятыя во время прогулки среди луговъ Виллы Боргезе или по пустыннымъ отмелямъ Тибра.

Несоотвѣтствіе между этими мыслями и моей болѣе или менѣе механической работой было велико. Но это не огорчало меня. Теперь мои честолюбивыя стремленія къ писательству были далеки; я находила нѣкоторую прелесть и въ незамѣтной работѣ выборки новыхъ свѣдѣній, и въ подборѣ фактическихъ данныхъ около наиболѣе важныхъ для меня доводовъ. И я возмущалась, видя во множествѣ поступавшими въ редакцію плохія книги, подписанныя женскими именами, истинныя пародіи на пользующіяся наибольшимъ успѣхомъ книги мужчинъ, пародіи, продиктованныя еще болѣе неумнымъ тщеславіемъ, чѣмъ тщеславіе свѣтскихъ куколокъ, чьи убранства жилищъ въ новомъ стилѣ издатель помѣщалъ въ фотографическихъ снимкахъ у себя въ журналѣ. Какъ это всѣ эти „интеллигентныя женщины“ не понимали, что женщина не можетъ оправдать свое вступленіе въ и безъ того слишкомъ густо заполненное поле литературы и искусства не чѣмъ инымъ, какъ только произведеніями, носящими въ сильной степени собственный ея, личный отпечатокъ?

Я высказывала редакторшѣ кое-что изъ этихъ соображеній, волнуясь при этомъ отъ привычки къ тишинѣ и застѣнчивости. Редакторша взглядывала на меня, улыбаясь своими близорукими глазами, вздыхала, и какъ будто легкая тѣнь мелькала въ этихъ глазахъ. Я почти раскаявалась, что высказала эти замѣчанія: она думала, можетъ быть, что незнакомая маленькая женщина, какою я была для нея, ея „Перуджино“, какъ она меня называла, смѣла критиковать и ея дѣятельность?

Дѣятельностью этой она не была вполнѣ удовлетворена, я это знала; и личная, семейная жизнь тоже, должно быть, мало радовала ее. Ея мужъ, солидный юристъ, не былъ для нея подходящимъ спутникомъ жизни, хотя былъ уменъ, образованъ, обладалъ утонченнымъ вкусомъ и казался всѣмъ примѣрнымъ мужемъ и отцомъ. Онъ никогда ничѣмъ не мѣшалъ стремленіямъ жены. Они уважали другъ друга, продолжали жить вмѣстѣ ради своихъ двухъ дочерей и хотѣли, чтобы ихъ считали счастливыми. Но старшая, восемнадцатилѣтняя дочь, какъ будто бы начинала о чемъ-то догадываться; въ ней видна была уже сильная личность, и подъ прекраснымъ лбомъ ея съ голубыми жилками зрѣло, должно быть, гордое намѣреніе согласовать свою жизнь съ идеаломъ. Она была—будущее. Съ нею я въ первый разъ почувствовала, что есть люди моложе меня, которые могли бы унаслѣдовать отъ меня какую-нибудь искру и, усовершенствовавъ, передать ее будущимъ временамъ.

Но проявится ли когда-либо изъ моей души какое-нибудь выраженіе внутренняго огня?

Тотъ же вопросъ читала я иногда, казалось мнѣ, во взглядѣ доброй старой матери сирыхъ, когда, сидя на скамеечкѣ у ея ногъ въ ея уединенномъ жилищѣ, я слушала ея разсказы объ ея удивительной жизни. Если дочь редакторши олицетворяла для меня надежду будущаго, образованіе новаго женскаго человѣчества, болѣе сознательнаго и болѣе достойнаго,—эта женщина съ челомъ, сіявшимъ подъ бѣлоснѣжными волосами, была, конечно, символомъ женскаго генія, проявляющагося въ немногихъ рѣдкихъ личностяхъ, оказывающихся сильнѣе всякаго давленія законовъ и обычаевъ. Горячая послѣдовательница Мадзини въ своей ранней малодости, она скоро перенесла свою революціонную силу на соціальное поле дѣятельности. Ея темпераментъ толкалъ ее къ непосредственному дѣйствію, а не къ пропагандѣ. Тридцать лѣтъ тому назадъ она пріѣхала изъ Ломбардіи въ столицу и около того же времени вступила въ свободный жизненный союзъ съ однимъ знаменитымъ скульпторомъ; труды ея, направленные къ уменьшенію несчастій, были въ теченіе этихъ тридцати лѣтъ непрестанны и неисчислимы. Терпѣніе, съ которымъ она добивалась частичныхъ улучшеній, преобразованія благотворительныхъ учрежденій, помощи отъ общества, стойкость, съ которой стучалась въ двери къ богатымъ за незначительной милостыней, страннымъ образомъ противорѣчили ея вѣрованію въ необходимость въ концѣ концовъ стряхнуть при помощи огня и желѣза давящую массу учрежденій, созданныхъ господствующими классами. Проглядывала ли у нея когда-нибудь эта

страшная мысль передъ кѣмъ-либо изъ молодыхъ рабочихъ, слушавшихъ ее въ учрежденной ею народной школѣ? Ея богатая природа соединяла дѣятельную любовь къ человѣческой жизни съ негодующимъ теоретическимъ возмущеніемъ противъ подгнившаго порядка, и никто не чувствовалъ такъ сильно, какъ она, трагическую красоту нашей эпохи съ ея отдѣльными соціальными попытками, съ ея предчувствіями обновляющихъ научныхъ откровеній и съ исканіемъ новыхъ сверхчеловѣческихъ идеаловъ. Въ артистической и разноплеменной средѣ, создававшейся вокругъ ея жизненнаго спутника, и въ изучаемой ею средѣ простого народа она знавала за эти долгіе годы великихъ поэтовъ и бывшихъ каторжниковъ, несчастныхъ женщинъ и женщинъ развратныхъ, государственныхъ людей и бездомныхъ дѣтей. И еще теперь въ ея рабочей комнатѣ появлялись женщины и мужчины различныхъ національностей, и казалось, что такимъ образомъ передъ нею проходило человѣчество, разнообразное и единое. Эти посѣтители говорили иногда еще и о другихъ людяхъ, о далекихъ множествахъ людей, имѣющихъ иное, непонятное для насъ представленіе о жизни и вселенной. И мысль о нашей цивилизаціи, пробивающей себѣ путь на такой маленькой части нашей планеты, вставала передо мной, вызывая чувство ужаса. И опять уѣзжали эти пилигримы, у которыхъ было такъ много общихъ стремленій, и которымъ не дано было увидѣть какого-нибудь общаго дѣла, озареннаго этимъ сердцемъ міра, Римомъ, идеальнымъ центромъ, общей родиной избранныхъ родовъ.

Во мнѣ постоянно происходила смѣна подъемовъ и упадка духа. Когда я въ первый разъ пошла съ моимъ старымъ другомъ въ нѣкоторые дома квартала Санъ-Лоренцо, я почувствовала внезапно, какъ у меня въ крови загорается темный инстинктъ разрушенія... На улицахъ ярко сверкало солнце; Тибуртійскіе холмы возвышались вдалекѣ, какъ страна какой-то отрады. Но уже подъ сводами входовъ забывалось солнце; мы поднимались по темнымъ лѣстницамъ, покрытымъ лужами воды; по бокамъ ихъ площадокъ открывались темные корридоры, и изъ нихъ выходили женщины съ растрепанными волосами, въ грязныхъ рубашкахъ, плохо прикрывавшихъ грудь, съ враждебными взглядами... Изъ глубины какихъ ужасовъ вставали эти страшныя видѣнія? Глухіе голоса ихъ не просили ни о чемъ, онѣ равнодушно сообщали о болѣзняхъ, о рожденіяхъ, о вынужденномъ бездѣльи, о пораненіяхъ. Появилась, спускаясь сверху, молоденькая бѣлокурая дѣвочка еще розовенькая, еще съ улыбкой, изгибавшей чистую линію губъ, и исчезла. Изъ растворенныхъ комнатъ неслись невыносимые запахи, и по всему большому

зданію, внизу, вверху раздавались громкіе крики, жалобы, стенанія, зовъ...

О, эта страна отрады, еще вырисовывавшаяся на горизонтѣ, когда я снова вышла на улицу! Скрыться тамъ среди зелени и водъ, забыть, что человѣческія существа, подобныя мнѣ, моему сыну, этой святой женщинѣ, моей руководительницѣ, живутъ, окутанныя лохмотьями, лишенныя возможности глубокаго дыханія, съ холодными членами, не зная даже, какая желѣзная рука держитъ ихъ заключенными въ этихъ вертепахъ!

Долгъ былъ тутъ, въ борьбѣ среди этой толпы, передъ лицомъ этой ужасающей дѣйствительности. И туда надо было привести всѣхъ тѣхъ, что наслаждаются свѣтомъ, чистымъ воздухомъ, хорошими вещами,—простыми ли, или утонченными, необходимыми или излишними; всѣхъ тѣхъ, что гуляютъ, улыбаясь, среди дворцовъ и фонтановъ, что сбѣгаются толпами на зрѣлища, толкаются при проѣздѣ какого-нибудь князя, при открытіи какой нибудь безполезной статуи. Силой привести ихъ сюда. А если они смогутъ и опять забыть,—пусть же пробьетъ тогда часъ катастрофы!

Одинъ только человѣкъ казался мнѣ стоящимъ выше этого долга, захватывалъ меня и приподнималъ мнѣ душу внѣ всякихъ представленій о добрѣ и злѣ. Тотъ таинственный человѣкъ, казавшійся обладавшимъ какой то великой тайной жизни, „пророкъ“, какъ называла его, улыбаясь, редакторша „Mulier“. Мой мужъ дѣлалъ для него исключеніе, позволяя мнѣ принимать его: слава аскета, установившаяся объ этомъ человѣкѣ, успокаивала его подозрительность. Но его посѣщенія бывали рѣдки и коротки. Иногда мы встрѣчались на улицѣ, и онъ недалеко провожалъ меня тогда; онъ жилъ, какъ и мы, въ кварталѣ Фламиньо. Мой мальчикъ охотно протягивалъ ему при встрѣчахъ свою ручонку. Что соединяло все ближе со мной и моимъ сыномъ этого одинокаго, загадочнаго, можетъ быть, больного человѣка? У него являлась отъ времени до времени безсознательная потребность высказываться, говорить, давать проглядывать иногда проблеску того міра, въ которомъ онъ жилъ одинъ... И онъ находилъ меня способной слушать его. Но то, что я видѣла, было даже не проблескъ: я знала опредѣленно только одно,—что въ сочиненіи, надъ которымъ онъ работалъ, должно было содержаться слово откровенія, въ высшей степени для людей благодѣтельное...

Сначала я со страхомъ спросила себя, не мистикъ ли, не безумецъ ли онъ. Мало-по-малу пугающее впечатлѣніе исчезло. Я никогда прежде не осмѣливалась даже и пытаться проникнуть въ изученіе человѣческой психики, сознавая,

впрочемъ, что это своего рода умственная застѣнчивость; теперь же я замѣчала въ себѣ, что почти готова допустить предположеніе, что этотъ человѣкъ можетъ открыть мнѣ что то, во что я повѣрю воздѣйствіемъ какой то тайной силы.

Онъ говорилъ о тайнѣ, объ усиліяхъ, совершаемыхъ человѣчествомъ, чтобы найти утвердительный отвѣтъ о своемъ неземномъ происхожденіи и назначеніи. Меня охватывало очарованіе, и я готова была краснѣть, вспоминая легкость, съ которою разрѣшила для себя религіозное сомнѣніе въ самый важный часъ моего прошлаго. Этотъ человѣкъ давалъ мнѣ представленіе о возможности такой силы умственнаго страданія, какою я,—я должна была въ томъ сознаться,—не обладала. Страданія, можетъ быть, безплоднаго. Но не заключалось ли въ этомъ мучительномъ напряженіи высочайшее благородство человѣка, стремящагося превзойти себя самого?

И во мнѣ расцвѣтало какое то смиренное чувство къ этому человѣку, одновременно и материнское, и дочернее, совершенно новое въ моей жизни. Меня привлекали суровость его образа жизни и эта удивительная сила характера, благодаря которой онъ никогда не разрѣшалъ себѣ довѣрчивой откровенности, а также и его внѣшній обликъ, такой слабый и въ то же время такой гордый. Замѣчалъ ли онъ это? Я не задавалась этимъ вопросомъ. Во всякомъ случаѣ съ моей стороны не проявлялось никакого увлеченія, и даже мужъ мой не подвергалъ обсужденію нашихъ отношеній.

Онъ мало говорилъ о себѣ, точно ото всѣхъ должна была быть скрытой его жизнь, полная лишеній, его стоическое удаленіе ото всего, что можетъ быть въ жизни отраднаго. Казалось, что все, что отъ времени до времени еще дѣлала для него доступнымъ судьба,—улыбки дѣтей, преданность женщинъ, благодѣтельное тепло солнца,—что онъ относился ко всему этому, какъ къ чему то, обращенному къ нѣкоторой незначительной части своего существа, еще способной испытывать отраду, но не имѣющей вліянія на его духъ и его волю.

Онъ, вѣроятно, очень много страдалъ прежде въ жизни. Можетъ быть онъ нашелъ исцѣленіе въ анализѣ, въ самонаблюденіи; убѣдился, вѣроятно, что люди страдаютъ отъ мелочныхъ причинъ. Матерьяльныя и душевныя лишенія, недостатокъ питанія, благополучія, заботливости, привязанности,—все это заставляетъ человѣка страдать. Но тотъ человѣкъ великъ, который привыкаетъ обходиться безо всего этого, который можетъ жить одинъ, находить пищу въ самомъ себѣ, удаляться отъ человѣчества и отъ жизни...

И къ такому состоянію онъ хотѣлъ привести насъ всѣхъ? Это было недопустимо. Но тогда, что значилъ туманный совѣтъ ждать, который онъ повторялъ мнѣ отъ времени до времени?

Я говорила о немъ съ доброй моей старушкой. Она знала его уже нѣсколько времени и относилась къ нему съ особой нѣжностью. Водила ли она его когда-нибудь съ собой, чтобы показать ему чудовищныя проявленія нищеты?

Да. А кромѣ того, онъ видѣтъ это и въ иныхъ мѣстахъ, далеко,—въ Лондонѣ, въ Нью-Іоркѣ.

— Видишь ли, дочка: онъ, должно быть, всегда твердитъ себѣ, что всѣ попытки соціальнаго обновленія являются дѣтской затѣей безъ помощи той новой вѣры, которую онъ хочетъ дать людямъ. Онъ ищетъ абсолютнаго, а нѣтъ ничего болѣе безполезнаго, даже болѣе гибельнаго... чѣмъ абсолютное, когда мы знаемъ, что все мѣняется, и что есть смерть... Онъ ищетъ, вѣроятно, новаго доказательства безсмертія души, такъ какъ старыя уже больше не годятся. Но люди вѣрили до сегодняшняго дня въ это безсмертіе и не стали лучшими...

Ея глаза застлались слезами.

— Никто сильнѣе меня не желалъ бы утѣшенія встрѣтить послѣ смерти того, кого любилъ! Я столько лѣтъ надѣялась, что судьба не заставитъ меня пережить моего спутника. Вышло иначе... Но отрадность нашего союза еще и теперь, въ воспоминаніи, охватываетъ меня и даетъ мнѣ силы идти эту послѣднюю часть пути одной... Я получила мою долю счастья. Дорогая моя, надо сдѣлать, чтобы человѣкъ любилъ жизнь, поскольку она можетъ быть прекрасна *для всѣхъ*, матерью по отношенію *ко всѣмъ*. И не устремленіемъ взора по ту сторону смерти возможно достиженіе этой цѣли.

Мнѣ вспомнились всѣ тѣ случаи, когда я чувствовала этого человѣка оторваннымъ отъ міра, далекимъ. У него даже не было послѣдователей; никому изъ множества молодыхъ людей, толпившихся въ редакціяхъ большихъ журналовъ и взывавшихъ въ стихахъ къ „ожидаемому", не приходило въ голову разспросить его, вывѣдать его тайну.

— Но онъ, дѣйствительно, единственный въ своемъ родѣ,—продолжала съ прояснившимся лицомъ старая женщина,—и я радуюсь подчасъ этому небольшому количеству эстетичности, очутившейся у меня передъ глазами. Это, въ сущности, стыдно, потому что въ глубинѣ души онъ возбуждаетъ во мнѣ большое состраданіе... А ты, малютка, уже захвачена его очарованіемъ? Женщины никогда не остаются нечувствительными къ мистическимъ проявленіямъ...

Если позволить себѣ сослаться на свой примѣръ, то я скажу тебѣ, что и я вѣрю въ тайну, что и у меня, какъ говорится, открыты окна въ сторону тайны. Но я не могу стоять цѣлый день у окошка,—такъ много дѣла въ домѣ!

Она улыбалась съ ироніей, скрывающей горячую нѣжность. Какъ осторожно прикасалась она къ душамъ! Смогу ли я когда-нибудь излить ей всю мою? Я чувствовала медленно поднимавшуюся во мнѣ тревогу. Для этого благороднаго существа жизнь была—любовь; а если любовь все въ жизни, я еще не знала жизни...

Насталъ конецъ февраля; въ городѣ свирѣпствовала инфлуэнца, и захворалъ мой сынъ. Сначала не было серьезныхъ признаковъ, но затѣмъ быстро возникла и стала расти опасность. Никогда до того не былъ боленъ этотъ ребенокъ! Въ тѣ, ужасные, незабвенные, но неясные въ воспоминаніи дни я дѣйствовала, точно руководимая какой-то посторонней силой. Помню я одну только ночь. Страшные нервные припадки съ галлюцинаціями и мгновеніями бѣшенства, при которыхъ дорогое личико, такъ недавно еще смѣявшееся съ беззаботностью своихъ пяти лѣтъ, становилось неузнаваемымъ, страшнымъ,—заставили возникнуть у меня и другихъ присутствующихъ зловѣщую мысль: воспаленіе мозга... Эти слова танцовали у меня въ мозгу, наполняли его. Ждали женщину-врача. Трясясь въ капотѣ отъ ночного холода и лихорадки, уже три дня дававшей себя чувствовать и у меня въ крови, я стояла, нагнувшись надъ ребенкомъ, который то отталкивалъ меня, то, ослабѣвъ, смотрѣлъ на меня, не узнавая; я бросалась на диванъ рядомъ съ нимъ, опять вскакивала. Въ продолженіе часа или двухъ я считала сына потеряннымъ, сосредоточилась на этой мысли, чувствуя высыхающими слезы, неудержимо лившіяся при видѣ дѣтскихъ мученій, задавалась вопросомъ: удастся ли мнѣ сразу найти, какъ умереть, или придется хитрить, чтобы обойти надзоръ окружающихъ? Не было ничего, что бы удерживало меня въ жизни, если она кончалась для моего сына, ради котораго одного я, примиряясь съ судьбою, открыла вновь глаза въ другую трагическую ночь...

Нервный кризисъ былъ побѣжденъ. Около сорока часовъ изъ воспаленныхъ губокъ не раздавалось ни одного слова, продиктованнаго волей или сознаніемъ; онѣ судорожно сводились упорной, горькой складкой; расширившіеся глаза, казалось, спрашивали о томъ, что происходитъ, и тревожились, что не могутъ понять... Меня ломала лихорадка, я была не въ состояніи отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что происходило во мнѣ, и рѣзавшія душу впеча-

тлѣнія, сливаясь, слѣдовали одно за другимъ. Зато какъ отчетливо помню я дивную минуту, когда онъ пришелъ въ себя: улыбку, едва намѣтившуюся на этихъ бѣдненькихъ губкахъ, освѣтившую личико въ то время, какъ слабый, новый,—и въ то же время опять прежній—голосокъ отвѣчалъ докторшѣ, спрашивавшей у него его имя... О имя, имя моего сына, ставшее для меня съ того часа лозунгомъ жизни!

Болѣзнь пошла своимъ обычнымъ ходомъ; малютка былъ послушенъ и, казалось, самъ озабоченъ тѣмъ, чтобы выздоровѣть; не приходилось бороться для исполненія докторскихъ предписаній. Въ минуты, когда ему бывало легче, онъ спрашивалъ:—Мама, что со мной было тогда ночью?.. Такое красное было въ глазахъ... тебя не было...—И маленькая ручонка поднималась приласкать мнѣ лицо.

Былъ мартъ мѣсяцъ. Въ послѣполуденные часы небольшая комнатка бывала погружена въ фіолетовый полусвѣтъ въ то время, какъ небо по ту сторону террасы заполнялось золотистыми облаками. Потомъ его смѣняла темнота, и текли одинъ за другимъ долгіе ночные часы. Я одна сидѣла подлѣ сына до разсвѣта.

Иногда ночью появлялась сумрачная фигура мужа; я сидѣла, прикованная взглядомъ къ неопредѣленнымъ нѣжнымъ линіямъ дорогой головки, откинувшейся на подушкѣ. Во время остраго періода болѣзни нашего сына я видѣла мужа искренно разстроеннымъ. Это ни на минуту не тронуло меня, замкнутую въ трагическій кругъ моихъ материнскихъ чувствъ. Какъ два чужихъ человѣка, на мгновеніе сближенныхъ несчастьемъ, стояли мы по обѣимъ сторонамъ постельки, и ни разу, ни на мгновеніе не было у насъ ни малѣйшаго движенія души, ни одного жеста другъ къ другу...

...Обожаемая жизнь была спасена, снова обращена къ будущему. Я смотрѣла на нее теперь спокойно, съ той же увѣренной энергіей, съ какой смотрѣла на возможность ея конца. Она была лучшей частью меня, отдыхавшей и возстанавливавшей теперь свои силы, дѣвственной, невѣдущей, сильной частью, имѣющей силы преодолѣть всякое посягательство на нее, какъ только что одолѣла смерть. Но другая часть моего существа, — личность бодрствующая, волнуемая воспоминаніями и предчувствіями, слабая и неувѣренная въ своей горестной опытности? Она жила такой напряженной жизнью, какъ никогда, безрезультатно старалась разгадать окружающій мракъ и боялась,—можетъ быть, впервые съ такой искренностью,—самой себя и своей судьбы...

Отчего я такъ естественно подумала о смерти, когда мой сынъ былъ въ опасности? Я, значитъ, совершенно не существовала независимо отъ него, не имѣла, кромѣ обязанности воспитать его, кромѣ радости заботиться о немъ, иныхъ моихъ личныхъ, настолько же настоятельныхъ обязанностей?

Около трехъ лѣтъ прошло послѣ моей неудавшейся попытки разстаться съ жизнью. Въ теченіе не прекращавшагося затѣмъ подъема я хотѣла убѣдить себя и убѣждать другихъ перомъ и примѣромъ, что жизнь живется во имя болѣе широкой цѣли, чѣмъ цѣль личнаго счастья, что всякое отреченіе становится легкимъ, когда достигнешь того, что почувствуешь необходимость связи людей между собою. Сколько разъ я приходила въ восторженное восхищеніе отъ этой мысли, заключавшей въ себѣ смѣсь аскетизма и языческаго міровоззрѣнія, возвеличивавшей одновременно дѣятельность и созерцаніе. Безъ надеждъ милосердной вѣры я почувствовала съ себѣ силы, которыхъ не подозрѣвала, и которыя оказались способными смирить голоса чувства и сердца.

Обольщеніе! Ложь! Я, проповѣдовавшая силу жизни, я нѣсколько дней тому назадъ почувствовала эту силу гаснущею, какъ по волшебству, вмѣстѣ со звукомъ слабѣющаго дѣтскаго голоса. Мой идеалъ внутренняго совершенствованія падалъ передъ реальностью этого факта; одно только, и теперь, какъ три года назадъ, было, дѣйствительно, живо во мнѣ, живо и сильно,—связь материнства.

XVI.

Выздоровленіе малютки шло медленно; въ началѣ апрѣля мы уѣхали съ нимъ вдвоемъ, чтобы провести нѣсколько дней въ Нэми. Среди возрождающейся зелени лѣсовъ дорогой ребенокъ вновь пріобрѣлъ наконецъ всю свою живость. Какъ невыразимо отрадно было это наше одиночество около голубого тихаго озерка! Глаза моего сына казались послѣ болѣзни еще болѣе глубокими и задумчивыми, улыбка была полна болѣе оживленной горячей нѣжности. Онъ былъ теперь уже не малюткой, воспоминанія должны были уже теперь начинать складываться въ его сердцѣ. Для него, для него!... Поддержитъ ли меня сознаніе, теперь уже вполнѣ ясное, что я вся посвящена ему?

Я снова взялась за работу. Всѣ мои сотрудницы проявили мнѣ необычайное сочувствіе и вниманіе, и какъ издатель, такъ и редакторша снисходительно отнеслись къ моему продолжительному отсутствію.

Я любила пробѣгать ежедневно, какъ и всякая работ-

ница, какая бы ни была погода, недлинный путь отъ моего дома до конторы журнала, борясь съ сирокко, или съ сѣвернымъ вѣтромъ. Придя въ редакцію, съ слегка разгорѣвшимся отъ скорой ходьбы лицомъ, я садилась, разрѣзала страницы только что полученныхъ журналовъ, новыхъ книгъ. Это была маленькая рекогносцировка въ страну культуры, гдѣ для меня всегда были неизвѣданныя области, кое-какія перемѣны поля дѣйствія, иногда внезапныя открытія. Я размѣчала, что прочесть, во что углубиться, что только просмотрѣть. И мнѣ хотѣлось всегда сейчасъ же унести все домой, быть наединѣ съ моими постоянно обновлявшимися сокровищами; но издатель выходилъ изъ своей каморки, въ свою очередь проглядывалъ, обращалъ мое вниманіе на глупѣйшія рекламы, указывалъ пальцемъ на интервью, на хроники литературныхъ сплетенъ. Борьба романистовъ-католиковъ съ папскимъ индексомъ книгъ, образъ жизни папы, каждый пріемъ представителей интеллигентнаго міра у королевы-матери, — бѣда нечаянно пропустить что-нибудь изъ этого. Мы, редакторши, съ кляузническимъ придирствомъ сваливали другъ на друга эти темы; самыя скучныя иногда добродушно брала на себя редакторша. Она обладала такимъ богатствомъ образовъ и прилагательныхъ, что въ одну минуту сбывала эту работу. Она всегда находила оправданіе для издателя: „При желаніи всякую вещь можно облечь въ приличную форму; если быть вѣжливымъ, милый Перуджино, можно похвалить и страуса, поставщика дамскихъ шляпокъ, и покровителя брака, святого Антонія". И такимъ образомъ она шуточкой разрѣшала каждый вопросъ.

Сама она какъ была вѣжлива! Норвежка-художница нарисовала цѣлую серію каррикатуръ на эту вѣжливость редакторши. Славное существо! Когда я въ первый разъ пришла въ ея маленькую студію на Паріоли, она подала мнѣ въ руки, съ особой манерой, спеціально свойственной сѣверянкамъ,— смѣсью простодушія и лукавства, — листы картона, на которыхъ я съ величайшимъ изумленіемъ увидѣла себя въ различныхъ видахъ, изъ которыхъ нѣкоторые были мнѣ лестны, другіе изумили, третьи больно и глубоко задѣли меня. Это было точно зеркало, котораго я не замѣчала передъ собою, и которое воспроизвело меня, когда я всего меньше этого ожидала. Кажется, я въ первый разъ задумалась тутъ о юморѣ, этомъ горькомъ плодѣ жестокихъ разочарованій, котораго во мнѣ не было, и, пожалуй, никогда не будетъ, потому что я никогда не стану совершенно разочарованной, благодаря тому, что мой идеалъ лежитъ далеко, внѣ моей короткой жизни.

Когда она принесла ко мнѣ на домъ нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ,—она приходила ко мнѣ часто со времени болѣзни ребенка, къ которому относилась съ дѣйствительной любовью, — мой мужъ непріятно расхохотался надъ ними. Мнѣ стало немного досадно на пріятельницу: вѣдь она должна была уже догадываться, какія отношенія существовали между нимъ и мною.

Чтобы завоевать мое довѣріе, она разсказала мнѣ свою исторію. Родители ея отдали ее шестнадцати лѣтъ за пастора ихъ городка.—„А, что за скука, малютка моя, что за скука!"—Я поняла наконецъ истинное значеніе этихъ словъ, вѣчно повторявшихся ею, часто какъ будто бы некстати. Видѣть ее разсказывающею своими подвижными, всегда улыбающимися губами, — улыбающимися улыбкой всевозможныхъ оттѣнковъ, отъ радостной до горькой, — съ контрастомъ этихъ невозмутимо ясныхъ лазоревыхъ глазъ, свою пятилѣтнюю жизнь съ этимъ святымъ тюремщикомъ— было для меня откровеніемъ естественнаго и глубокаго великаго искусства, съ которымъ мнѣ пришлось потомъ познакомиться въ произведеніяхъ талантовъ сѣвера.

— Онъ любилъ меня, знаешь! Мы были двое слугъ Господа, и онъ любилъ меня, какъ товарища по служенію. И при всѣхъ занятіяхъ, во всѣ часы, во всѣхъ уголкахъ онъ непрестанно упоминалъ имя Бога. А, что за скука, что за скука!

Однажды она откровенно сказала ему, что хотѣла бы „уйти дальше отъ Бога!" Произошла ссора. Онъ любилъ „прежде всего Бога, потомъ ее". Она сказала ему, чтобы онъ выбиралъ...

— Богъ итальянцевъ пріятнѣе, — прибавила она, — ему можно служить, не изнуряя себя; потому что вѣдь въ глубинѣ души мы не увѣрены, что Онъ замѣчаетъ насъ. Когда нужно, Его призывыютъ, потомъ идутъ дѣлать свое дѣло.

И она уѣхала одна въ Италію, о которой мечтала съ дѣтства. Сначала давала уроки, рисовала для модныхъ журналовъ; успѣхъ первыхъ ея попытокъ въ области ея оригинальнаго искусства побудилъ ее окончательно посвятить себя ему.

— Иногда ко мнѣ являлась съ визитомъ одна дама... госпожа Голодухина, — разсказывало мужественное созданіе.—Довольно она, знаешь, была непріятная!

Съ нею въ мой домъ вливалась волна веселья. Она умѣла заставить меня смѣяться, какъ я не смѣялась съ дѣтскихъ лѣтъ; ея умъ оживлялъ меня. Даже мужъ, слушая ее, хмурился немного менѣе обыкновеннаго. Его сначала шокировали ея развязныя и безсознательно вызывающія ма-

неры женщины артистки, знающей привлекательность своей личности и своихъ позъ; но потомъ его, вѣроятно, обезоружила эта веселая женская жизнерадостность, а также и своеобразное изящество ея одежды, длинныхъ, волнистыхъ, граціозно драпировавшихъ ее платьевъ. Онъ не возражалъ противъ нашей все возраставшей близости, сопровождалъ насъ иногда куда-нибудь въ театръ, когда не былъ слишкомъ озабоченъ трудностями своего дѣла; иногда онъ позволялъ себѣ какую-нибудь шутку. Она допускала эти шутки за ихъ экзотическій характеръ, отвѣчая тонкимъ подсмѣиваньемъ. Тогда мой мужъ возбуждался выше мѣры. Однажды, когда она, посмѣиваясь съ легкимъ оттѣнкомъ пренебреженія, нѣсколькими чертами набросала на него ужасную каррикатуру, онъ потомъ два дня преслѣдовалъ меня грубымъ обращеніемъ, пока она не успокоила его при слѣдующемъ посѣщеніи нѣсколькими милыми словами.

Журналъ отпраздновалъ раутомъ свою первую годовщину. Художница устроила при этомъ маленькую выставку blanc et noir, въ которой на первомъ мѣстѣ выставлена была серія прелестныхъ эскизовъ, изображавшихъ эпизоды изъ выздоровленія моего ребенка, который и лично присутствовалъ на праздникѣ, вызывая восхищенія. Моя подруга изготовила мнѣ для этого случая платье,—простѣйшую бѣлую тунику, подчеркивавшую типъ моей наружности, который находили типомъ пятнадцатаго вѣка.

Редакторша переходила отъ одной группы къ другой, окруженная ухаживаньемъ дамъ. Я въ первый разъ видѣла вблизи и нарядно одѣтыми аристократичныя фигуры, которымъ одна изъ коллегъ писала хвалебные гимны въ хроникѣ пріемовъ, увеселительныхъ прогулокъ, лисьихъ охотъ: необыкновенно лелѣемые тепличные цвѣты,—одни хрупкіе, другіе пышные, иные болѣзненные. Изъ нихъ я познакомилась съ двумя писательницами; одна, поэтесса, изображала въ очень красивыхъ стихахъ утонченную чувственность, почти отталкивающую для человѣка, чувствующаго сколько-нибудь возвышенно; другая,—романистка-католичка, была мастеромъ въ анализѣ любовныхъ адюльтеровъ, вѣнчаемыхъ раскаяніемъ и превозношеніемъ нерасторжимаго брака. Эти двѣ женщины, столь сходныя темпераментами, ненавидѣли одна другую и улыбались другъ другу, между тѣмъ, какъ ихъ мужья, два римскихъ князя, участвовавшіе въ борьбѣ, одинъ среди гвельфовъ, другой въ партіи радикаловъ, обмѣнивались холодными любезностями.

Высокая фигура художницы, выше почти всѣхъ въ залѣ, въ широкомъ одѣяніи смѣлаго желтаго цвѣта, надъ которымъ ея бѣлокурая голова возвышалась, словно колосъ, на-

тибалась къ дамамъ, какъ къ милымъ куколкамъ, и казалась точно принадлежащей къ какому-то другому человѣчеству. Къ ней подошла на минуту видная и величественная пожилая женщина, почти семидесятилѣтняя трагическая актриса. Какъ разъ въ это время мужъ одной изъ коллегъ, профессовъ, занимавшійся вопросами дидактики, педантичнымъ тономъ спрашивалъ меня:—Какъ вы опредѣлите,—это царство mulier или femina?—Я не могла возразить ему на его латынь, но, указавъ на этихъ двухъ, сказала:—Вотъ двѣ женщины!

Я познакомилась съ артисткой у моей старой революціонерки: онѣ были близки уже болѣе полустолѣтія; въ ихъ бесѣдахъ проходили фигуры героевъ національной независимости. Горячая республиканка, какъ и ея великій учитель, Густаво Модена, старая женщина слышала теперь, какъ трубы славы усердно гремѣли артисткамъ, движимымъ не столько душой, сколько нервами; она никогда въ своей жизни не заискивала ни передъ ложами, ни передъ партеромъ и до сихъ поръ считала, что театръ есть служеніе высокому.

Рядомъ съ нею всѣ бывшіе въ залѣ показались мнѣ какими-то минутными явленіями. Какъ были рѣдки и какъ въ сторонѣ отъ другихъ истинныя женщины!

Ко мнѣ подошла норвежка въ сопровожденіи молодого человѣка, такого же высокаго, какъ она, съ симпатичной наружностью ученаго, и представила мнѣ его. Это былъ одинъ физіологъ, уже пользовавшійся извѣстностью хорошего ученаго. Онъ проявилъ мнѣ сразу большое дружелюбіе, причемъ мнѣ казалось, что художница поощряла его. Несомнѣнно, его пріязненное отношеніе ко мнѣ было только отраженіемъ расположенія, видимо связывавшаго его съ моей подругой; смотря на нихъ, когда они обмѣнивались общими замѣчаніями, было не трудно почувствовать, что что-то, какъ бы нѣкоторое задушевное единодушіе объединяло ихъ во время ихъ молчанія.

Мой мужъ сидѣлъ въ сторонѣ, чувствуя себя несвободно и не умѣя скрыть свое непріятное самочувствіе, проясняясь только тогда, когда художница, которую призывали на всѣ стороны, подходила къ нему. Я подвела ему ребенка, чтобы онъ не былъ одинъ и могъ быть чѣмъ-нибудь занятымъ,—онъ оттолкнулъ его:—Хочешь отъ него отдѣлаться, чтобы блистать на свободѣ!

Боль и негодованіе вскипѣли во мнѣ. Я сказала коллегамъ, что мнѣ нездоровится, и мы уѣхали. Ни на улицѣ, ни дома я не сказала ни слова. Къ чему? Это не ревность была у него,—эта была темная злоба, это была обида за свое при-

ниженное самочувствіе, это была манія какъ бы съ вызовомъ выдвигать себя на первый планъ при видѣ проявленія возможности моей независимости. И я не смѣла ни на мгновеніе пріостановиться и взглянуть на горькую комичность моего положенія... Почему я почти до ужаса боялась, чтобы другіе не догадались о немъ? Мнѣ казалось, что изъ глубины моей какой-то голосъ укорялъ меня не только въ малодушіи, но и въ лицемѣріи...

Разрозненная и утомительная работа, которую я дѣлала, не была для меня особымъ утѣшеніемъ за внутреннія мои потери и пораженія.

Я начинала понимать, почему въ Италіи не существовало центра, который упорядочивалъ бы попытки и проявленія стремленія женщинъ къ независимости. Солидарности женщинъ внѣ религіи еще не существовало. Зато католицизмъ, всегда внушавшій женщинѣ самоотверженность, допускалъ теперь для нея нѣкоторую дѣятельность, но подъ его надзоромъ! И не было никого, кто бы возставалъ противъ этой опасности. Даже наоборотъ,—какъ правильно указывала мнѣ моя старая пріятельница,—свободомыслящіе изъ Монтечиторіо посылали своихъ дочерей въ институты, управляемые монахинями, подобно тому, какъ жители мѣстечка, откуда мы выѣхали, посылали своихъ женъ въ исповѣдальни.

— Феминизмъ! — восклицала она.—Организація работницъ, рабочее законодательство, эманципація путемъ преобразованія законовъ, разводъ, право голоса въ управленіи и въ политикѣ... все это несомнѣнно задачи огромной важности, но это только внѣшняя сторона. Необходимо преобразовать совѣсть мужчины и создать совѣсть женщины!

И добрая старая женщина, энергія которой побѣдно боролась съ болѣзненными физическими тягостями, вела меня съ собой смотрѣть ея новыя или обновляемыя дѣла.— Дѣйствовать! вотъ настоящая пропаганда!

Она открыла недавно рядомъ съ женскимъ отдѣленіемъ сифилитической больницы, гдѣ была завѣдующей, подобіе школы для этихъ несчастныхъ; въ этой большой бѣлой комнатѣ больныя могли пріобрѣтать кое-какія начальныя знанія, читать книги, слышать слова, поднимавшія изъ глубины ихъ бѣднаго попраннаго существа жажду обновленія и спасенія. Однажды была и я тамъ. Нѣтъ, я не буду, горькія сестры мои, вызывать ваши тѣни на этихъ страницахъ! Я должна увидѣть еще васъ, я должна узнать отъ васъ больше, чѣмъ могла въ ту единственную и далекую уже теперь встрѣчу. Это обѣтъ, котораго я еще не исполнила, но который дала съ того дня, когда вернулась домой

и прижала къ сердцу моего сына, и съ ужасомъ спросила себя—въ первый разъ!—могу ли я сохранить этотъ цвѣтокъ жизни и привести его нетронутымъ и свободнымъ на встрѣчу его жизненной спутницы...

Между двумя фазисами женской жизни, между дѣвушкой и матерью стоитъ чудовищное, противоестественное существо, созданное звѣрскимъ эгоизмомъ мужчины, и безсознательно мститъ за себя. Въ этомъ роковой моментъ борьбы половъ. Невѣдущая, полная мечтаній, дѣвушка находитъ у мужа печальное сердце и изсохшее чувство; ставъ женщиной и пріобрѣтя опытъ, она понимаетъ, что ея любовь была звѣрски грубо предвосхищена.

Между двумя часто вторгается чужая тѣнь, и одно воспоминаніе о ней оскверняетъ каждый ихъ поцѣлуй.

Мой сынъ! Кто откроетъ ему свято тайну? Буду ли я имѣть возможность сказать ему когда-нибудь, чѣмъ онъ долженъ быть для женщины, которую назоветъ своею?

Кругомъ было столько скептицизма, столько низости. Не присутствовала ли я на одномъ засѣданіи палаты депутатовъ, во время котораго запросъ о торговлѣ бѣлыми рабынями былъ съ непринужденностью въ пять минутъ „ликвидированъ“ министромъ, заявившимъ, что итальянское законодательство по этому вопросу значительно совершеннѣе законодательствъ другихъ странъ, между тѣмъ, какъ въ обезлюдѣвшей залѣ засѣданій нѣкоторые депутаты проглядывали свою корреспонденцію или болтали, не слушая? Одинъ клерикальный депутатъ зловѣще простоналъ о необходимости этого „предохранительнаго клапана брака“, причемъ былъ прерванъ депутатомъ, который ставилъ запросъ, назвавшимъ бракъ идоломъ, которому приносятся человѣческія жертвы. Два помощника секретаря, рисуясь, уставили свои бинокли на ложу, гдѣ сидѣли дамы. Потомъ палата перешла къ вопросамъ смѣты...

Мнѣ казалось страннымъ, недопустимымъ, чтобы культурные люди придавали такъ мало значенія соціальному разрѣшенію вопроса любви. Вѣдь не потому это, чтобы мужчины были мало заняты женщиной,—наоборотъ, женщины казались ихъ главнымъ или почти главнымъ интересомъ. Поэты и романисты продолжали повторять изображеніе вѣчныхъ дуэтовъ и тріо, разнообразя сентиментальныя осложненія или извращенія чувства. Но ни одинъ однако не сумѣлъ создать великой женской фигуры.

Мысль объ этомъ дала мнѣ идею написать открытое письмо одному молодому поэту, только что напечатавшему въ тѣ дни похвальное слово женскимъ фигурамъ итальянской поэзіи. Эта смѣлая попытка вышла удачной, на нее

замѣтно отозвались въ газетахъ, и она заставила говорить о „Mulier", къ видимому удовольствію издателя. Я писала въ ней, что почти всѣ наши поэты воспѣвали до сихъ поръ женщину, созданную ихъ воображеніемъ, что Беатриче— символъ, а Лаура—іероглифъ, и что если какая-нибудь женщина удостаивалась воспѣванія нашихъ поэтовъ,—это была та, которою имъ не дано было обладать: о той, которая имъ принадлежала и дала имъ дѣтей, они даже и не упоминали. Для чего продолжать вѣчно созерцать въ стихахъ метафизическую женщину, а въ прозѣ имѣть дѣло со служанкой, хотя бы и пріобрѣтенной законнымъ бракомъ? Зачѣмъ это неестественное дѣленіе любви? Развѣ не должны были бы поэты первые хотѣть жить благородной жизнью, полной и не боящейся солнечнаго свѣта?

Другое чрезвычайно свойственное итальянцамъ противорѣчіе: почти мистическое чувство, съ которымъ мужчина относится къ своей матери, такъ мало уважая въ то же время всѣхъ остальныхъ женщинъ.

Все это было названо во многихъ газетахъ парадоксами, но нѣсколько писемъ отъ молодыхъ людей показали мнѣ, что я дотронулась до живой струны.

Однажды въ театрѣ старая артистка, съ которою я была въ ложѣ, замѣтила у меня на глазахъ слезы. Я еще никогда не плакала отъ художественныхъ вымысловъ. На сценѣ бѣдная куколка изъ крови и нервовъ отдавала себѣ отчетъ въ своей несостоятельности и собиралась стать человѣкомъ, уходя для этого отъ мужа и дѣтей, для которыхъ ея присутствіе было только развлеченіемъ и забавой. Двадцать лѣтъ назадъ эта символическая исторія родилась у мощнаго сѣвернаго ума, и съ тѣхъ поръ неизмѣнно публика, восхищаясь впродолженіе трехъ актовъ, съ чистосердечнымъ рвеніемъ возмущалась при послѣдней сценѣ, Никто, никто не хотѣлъ посмотрѣть въ лицо простой, яркой правдѣ!

— Если бы мнѣ на четверть вѣка меньше!—воскликнула великая артистка своимъ еще чарующимъ голосомъ,—я бы заставила ихъ понять!

И я болѣе чѣмъ когда либо увѣрилась, что женщинѣ надо самой отстоять себя, что она одна можетъ раскрыть истинную сущность своей психики, состоящей,—да, несомнѣнно,—изъ любви, и материнства, и милосердія, но точно также и изъ человѣческаго достоинства!

Настало лѣто; два жаркихъ мѣсяца, смутныхъ въ воспоминаніи. Женщины, съ которыми я подружилась, „пророкъ",— всѣ были внѣ Рима. Работы у меня было больше благодаря отсутствію редакторши, уѣхавшей въ горы за свѣжимъ воздухомъ и за новой темой для романа. Тѣмъ не менѣе я

каждый день находила время, чтобы ходить съ ребенкомъ въ садъ Виллы Боргезе, и въ то время какъ онъ, со свойственной его возрасту счастливой способностью къ развлеченіямъ, часами игралъ съ вновь пріобрѣтенными товарищами, я читала, отдыхая иногда глазами на мелодичныхъ линіяхъ высокихъ пиній.

Мой мужъ? У меня нѣтъ о немъ яснаго воспоминанія, сохранилось только представленіе о его слегка хрипломъ голосѣ, ежеминутно готовомъ ворчать и оскорблять, его нахмуренномъ лбѣ, посреди котораго появлялась новая глубокая, прямая морщина въ минуты бѣшенства, и сильнѣе выступали тогда на его лицѣ скулы и челюсти. Въ немъ все больше и больше возрастала плохо сдерживаемая враждебность. Ночи были, должно быть, все прежнія; не помню; могла бы даже подумать, что не была тревожима, еслибы не помнила, что онъ не былъ способенъ относиться съ уважительностью къ принадлежащей ему женщинѣ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда она была разбита нездоровьемъ или усталостью.

А я дѣйствительно не хорошо себя чувствовала; съ нѣкотораго времени у меня усилилось недомоганье, которое я испытывала съ первыхъ временъ моего материнства, указывавшее на серьезное разстройство моего организма; и иногда у меня являлось опасеніе, что причиной его является что-то неизвѣстное, пугающее.. Докторша, товарищъ мой по журналу, разговаривая со мною однажды, сказала, что существуютъ сотни тысячъ женщинъ, не знающихъ, что являются обязанными своимъ мужьямъ медленными и темными заболѣваніями. Я не посмѣла опредѣленнѣе разспросить ее; не посмѣла этого и тогда, когда къ концу этого лѣта почувствовала себя настолько больной, что болѣе недѣли должна была пролежать въ постели. Встала я совершенно разбитая, съ смертельной усталостью во всѣхъ членахъ.

Тѣмъ временемъ я получала печальныя письма отъ моихъ сестеръ. Отецъ былъ въ состояніи остраго раздраженія, такъ какъ рабочіе, сильно сорганизованные, грозили стачками. Дома онъ находилъ, должно быть, настолько же враждебную атмосферу, несомнѣнно увеличивавшую его озлобленіе. И мой братъ также посѣщалъ мѣстныхъ соціалистовъ и вмѣстѣ съ сестрами жадно слушалъ рѣчи молодого инженера, обладавшаго странной силой обаянія. Нѣжныя души моихъ меньшихъ всѣ подчинились ей, и страхъ передъ отцомъ почти исчезъ въ общеніи съ этимъ пламеннымъ теоретическимъ умомъ. Уже два года невѣста жила этой запрещаемой любовью. Я думала объ ея гордыхъ и нѣжныхъ темныхъ глазахъ, говорившихъ о чарахъ расцвѣтавшей у нея въ сердцѣ

мечты. Была ли она счастлива? Несомнѣнно, несмотря на слезы, которыя проливала изъ-за вражды, возраставшей между отцомъ и любимымъ человѣкомъ. Зимою ей долженъ былъ исполниться двадцать одинъ годъ; тогда она намѣревалась оставить свой домъ для дома мужа Это было ея твердое рѣшеніе. Но ее заботила судьба другой сестренки: сможетъ-ли братъ замѣнить ей всѣ привязанности, мало-помалу отнимавшіяся у нея?

А между тѣмъ положеніе на фабрикѣ становилось невыносимымъ. Отецъ поступалъ относительно рабочихъ вызывающимъ образомъ и грозилъ, что навсегда броситъ дѣло, которому столько лѣтъ отдавалъ свои силы. Онъ не могъ допустить контроля, воли, исходящей отъ его подчиненныхъ!

Онъ осуществилъ эту угрозу. Въ началѣ осени онъ заявилъ владѣльцу, что не возобновляетъ контрактъ, давъ ему мѣсяцъ времени для того, чтобы найти новаго директора. Сестра извѣстила меня объ этомъ въ страшномъ волненіи, опасаясь, что придется уѣхать изъ мѣстечка прежде, чѣмъ можно будетъ совершиться ея свадьбѣ.

Я съ горькой улыбкой сказала мужу:—Теперь должны бы тебя пригласить... Ты согласился бы?

Онъ былъ мгновеніе въ нерѣшимости. Потомъ отвѣтилъ усталымъ „нѣтъ“ и прервалъ разговоръ.

На слѣдующее утро телеграмма отъ золовки принесла сообщеніе, что владѣлецъ фабрики, путемъ уступокъ пришедшій къ соглашенію съ рабочими, называлъ моего мужа, какъ кандидата на мѣсто директора.

Мнѣ кажется, я еще слышу взрывъ смѣха, которымъ я разразилась, узнавъ содержаніе желтаго листка. Уѣхать, вернуться туда, видѣть мужа на мѣстѣ моего отца... Какая насмѣшка!

Онъ молчалъ. Онъ былъ смущенъ. Я посмотрѣла на него, и мнѣ показалось, что лицо его невольно складывалось въ новое выраженіе важнаго достоинства, какъ будто того обстоятельства, что онъ былъ сочтенъ заслуживающимъ такого назначенія, было достаточно, чтобы убѣдить его самого въ собственной цѣнности, которой никогда раньше не подозрѣвалъ въ себѣ. И моя веселость вдругъ упала.

„Нѣтъ“, произнесенное вчера вечеромъ, вернулось мнѣ въ память. Безутѣшная неувѣренность охватила меня. Передъ молчаливымъ вопросомъ моего взгляда онъ почувствовалъ потребность притвориться, показать равнодушіе. И моя мучительная тревога возросла.

Вечеромъ пришло письмо отъ золовки съ подробностями относительно сообщеннаго въ телеграммѣ; въ немъ подчеркивалась увѣренность въ нашемъ возвращеніи „на родину“

и говорилось, между прочимъ:—„Помнишь, я съ той Пасхи говорила тебѣ“...—Онъ уже ждалъ, кто знаетъ, сколько времени!

Черезъ два дня пришло предложеніе. Условія были очень хорошія. Это было обезпеченное существованіе, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—полный достатокъ, со временемъ, можетъ быть, богатство. Я должна была бы радоваться по тому остатку гордости, который еще былъ во мнѣ: въ глазахъ другихъ неожиданно возвышался тотъ, который раньше заставилъ относиться ко мнѣ съ соболѣзнованіемъ... Я должна была бы также чувствовать себя удовлетворенной, говоря себѣ, что въ сущности все-таки еще мнѣ и моему отцу обязанъ былъ этотъ человѣкъ своимъ благополучіемъ,—дѣйствительно, это отецъ далъ мысль пригласить въ директоры своего бывшаго подчиненнаго и предоставлялъ въ его пользу свой залогъ въ нѣсколько тысячъ франковъ. Отчего такъ измѣнилось его отношеніе? Можетъ быть, онъ сдѣлалъ это просто для того, чтобы установить связь со своимъ замѣстителемъ, чтобы не быть совершенно оторваннымъ отъ своего созданія.

Все мое существо возставало, словно ему угрожала чудовищная опасность, требовало жизни, свободы. Я закрывала глаза и уши на доводы о чужихъ требованіяхъ, чужихъ правахъ и потребностяхъ,—мною владѣло и меня убивало одно. Вотъ,—передо мною съ жестокой грубостью закрывался путь къ будущему, меня снова вели въ пустыню. И со мной моего сына, котораго я хотѣла спасти отъ вліяній среды, въ которой онъ родился... Мы будемъ снова оба тамъ, на годы, можетъ быть, на всю жизнь, со связанными руками и молчаніемъ на устахъ, передъ лицомъ нищаго населенія рабочихъ, полнаго ненависти...

XVIII.

Когда переговоры были закончены, мой мужъ впалъ въ глубочайшую мрачность. Можетъ быть, онъ поспѣшилъ съ рѣшеніемъ, чтобы сразу предупредить всякую попытку несогласія съ моей стороны. И чтобы не присутствовать при проявленіяхъ изумленія, можетъ быть, при упрекахъ моихъ пріятельницъ и знакомыхъ, при моемъ горѣ во время приготовленій къ переѣзду, онъ счелъ умѣстнымъ проявить великодушіе: объявилъ, что уѣзжаетъ пока одинъ и разрѣшаетъ мнѣ остаться съ ребенкомъ и служанкой еще на нѣсколько недѣль въ городѣ, ожидая, чтобы мой отецъ, переѣзжавшій жить въ Миланъ, освободилъ предназначенный для насъ директорскій домъ: тогда онъ вернется за нами.

Но въ день, когда онъ рѣшилъ ѣхать, онъ не выходилъ изъ дому и молча, недовольный, сидѣлъ у письменнаго стола за писаньемъ какихъ-то проектовъ; слѣдующіе дни онъ бродилъ по городу, одинъ, словно охваченный внезапно безумной любовью къ этой головокружительной жизни, съ которою собирался разставаться. Вечеромъ пришла художница, только что вернувшаяся съ дачи. Разговоръ не клеился, и постоянно, словно припѣвъ, возвращался вопросъ: „зачѣмъ уѣзжать?“ Она казалась охваченной непреодолимой меланхоліей, говорила о времени, когда останется снова одна, о томъ, что не можетъ примириться съ мыслью представить меня далекой отъ нея. Мужъ смотрѣлъ на нее, какъ зачарованный.

Однажды ночью, — на слѣдующій день былъ назначенъ его отъѣздъ, — я проснулась и услышала, что онъ томится, поминутно переворачивается въ постели; онъ произнесъ какое-то невнятное слово. Я зажгла огонь; у него былъ жаръ. Онъ отказался отъ всякой помощи, закрываясь одѣяломъ съ жестомъ отчаянія. Когда мнѣ показалось, что онъ успокоился, можетъ быть, и уснулъ, я вернулась въ темнотѣ въ постель. Немного спустя, я услышала, что онъ въ бреду произнесъ имя мой подруги...

Бѣдный, бѣдный!... этотъ примитивно-грубый человѣкъ боролся, противъ страшной силы, которой онъ никогда не зналъ, не допускалъ, — противъ любви? Съ какихъ поръ? Можетъ быть, онъ понялъ правду только въ послѣдніе дни, послѣ того, какъ рѣшилъ отъѣздъ? Можетъ быть, онъ еще не допускалъ ея, считалъ себя ослабѣвшимъ, больнымъ...

Было ли это возмездіе?

Художница догадалась, можетъ быть, первая. И, можетъ быть, отчасти въ надеждѣ, что черезъ меня узнаетъ и мой мужъ, она повѣрила мнѣ по возвращеніи своемъ съ дачи одну свою тайну. Она любила молодого физіолога, съ которымъ познакомила меня на раутѣ редакціи „Mulier“. Но послѣднему надо было убѣдить своихъ старыхъ родителей, что было трудно и могло стать возможнымъ только со временемъ. Строить же свое счастье, создавая горе родителямъ, казалось ему эгоизмомъ.

Мужъ, вѣроятно, замѣчалъ вниманіе, съ которымъ я невольно наблюдала его теперь, и это бѣсило его. Онъ чувствовалъ необходимость удержать положеніе превосходства надо мною. Между тѣмъ, я сознавала, что моему самолюбію нанесенъ ударъ. Какъ объяснить то обстоятельство, что я никогда не могла подчинить этого человѣка, десять лѣтъ уже однако дышавшаго однимъ со мной воздухомъ, и, наоборотъ, довольно было серебристаго смѣха иностранки, чтобы

взволновать всѣ его чувства? И мнѣ страстно хотѣлось понять, что же такое сущность любви, понять, былъ ли опять этотъ человѣкъ жертвою своей чувственности, или же это прелестное существо очаровало его какой-то тайной силой, которою я не обладала... И откуда-то издалека вставалъ вопросъ: „Могу ли я вообще быть любимой“?

Онъ уѣхалъ. Подруга моя была рада. Впродолженіе нѣсколькихъ дней мы почти все время были съ нею вмѣстѣ и чувствовали себя необыкновенно отрадно. Мы ходили по улицамъ, въ садахъ, въ поляхъ, съ малюткой между нами, безотчетно забываясь иногда, подчасъ почти счастливыя. Она вынимала свой альбомъ и быстро набрасывала въ него различныя позы молодыхъ матерей, нянь, дѣтей. Часами сидѣли мы въ ея студіи, не имѣвшей для меня тайнъ. Это была большая бѣлая комната, чистая, какъ зеркало, съ немногочисленной совершенно простой меблировкой изъ бѣлаго дерева, со свѣтлыми занавѣсками и двумя большими окнами. выходившими на Кампанію, въ сторону долины Тибра, видимую до Сораттэ. За студіей была полутемная комнатка, въ которой стояли только кровать и стулъ. Вдова, жившая съ четырьмя дѣтьми въ мансардѣ напротивъ нея, прибирала ея комнаты и стряпала для нея разъ въ день; чай, составлявшій для нея ужинъ, она приготовляла сама.

Въ первый разъ происходило со мной, что я, почти не замѣчая того, изливала цѣликомъ свои мысли, передавала медлительными и точными словами представленія, которыя одни только сквозь всякія превратности судьбы, заставляли жизнь казаться мнѣ стоющей того, чтобы быть прожитой. Она слушала меня, улыбаясь.

При упоминаніяхъ о будушемъ мои глаза затуманивались; а она, моя дорогая, брала меня за руку,—только этимъ движеніемъ и могла выразить мнѣ пожеланіе мужества.

И для нея также будущее представлялось неяснымъ; она находила, должно быть, невозможнымъ соединиться съ любимымъ человѣкомъ и уединиться съ нимъ, не заботясь объ обществѣ. Одна, одна,—до какихъ поръ будетъ такъ?

Мужъ наивно писалъ мнѣ по пріѣздѣ въ мѣстечко, что чувствуетъ себя потерявшимся, что, можетъ быть, это не мѣсто для насъ, что ему неудержимо, безумно хочется вернуться... Я отвѣтила ему однажды со всей бывшей во мнѣ силой человѣческаго сочувствія, стараясь объяснить ему, что, только смотря вмѣстѣ прямо въ лицо правдѣ, мы могли бы почувствовать себя способными жить той жизнью, какую намъ приготовила судьба. Пусть онъ признаетъ это! Пусть признаетъ, что наши пути различны, и что нашъ союзъ является цѣпью и для него!...

Я вся дрожала, когда писала это: это былъ, дѣйствительно, вопросъ невѣдомому.

Онъ тотчасъ же отвѣтилъ тѣмъ дерзкимъ тономъ, который я знала у него уже столько лѣтъ. Онъ отрицалъ, ставя точки на *i*, отрицалъ и обвинялъ...

Это не разстроило меня... Мною, наконецъ, владѣла дѣйствительность. Я чувствовала смутно, что необходимо дѣйствовать, еще не зная, какъ именно. Въ душѣ неумолчно звучало: „Ты свободна, свободна!“

Я ясно видѣла, какая роль ждала меня въ домѣ мужа... Человѣкъ, заклинавшій меня когда-то, чтобы я жила, теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь, станетъ искать во мнѣ одного только опьяненія чувства, забвенія. А я, въ сознаніи этого единственнаго основанія для нашей совмѣстной жизни, я буду чувствовать, какъ во мнѣ растетъ презрѣніе къ себѣ... Нѣтъ, нѣтъ!

Не помню, сколько времени—дня два, три?—окружающая жизнь не выводила меня изъ моихъ размышленій. По журналу у меня больше почти не было работы; издатель искалъ, кѣмъ замѣнить меня; онъ выразилъ неудовольствіе, что теряетъ меня: „Такъ трудно найти человѣка, который бы безпристрастно читалъ книги, написанныя женщинами!“ — Редакторша со своей всегдашней полулюбезной, полуразсѣянной манерой сказала мнѣ, что надѣется, что я буду продолжать сотрудничать у нея и оттуда. Не думала ли я когда-нибудь о творчествѣ въ области фантазіи?

Норвежка была въ постели съ инфекціоннымъ ревматизмомъ, не казавшимся серьезнымъ. Я каждый день ходила къ ней на нѣсколько часовъ. Каждый день приходилъ также навѣщать ее и ея другъ профессоръ. Когда я въ первый разъ увидѣла молодого человѣка склонившимся надъ нею, во мнѣ укрѣпилась нѣжная увѣренность въ ихъ любви.

Въ полутемной комнаткѣ не было достаточно воздуха. Когда онъ убѣдилъ ее въ необходимости перенести кроватъ въ студію, ея лицо омрачилось, хотя онъ и утверждалъ, что это вопросъ только нѣсколькихъ дней.

Я торопила мысленно возвращеніе мужа, намѣреваясь предложить ему дружелюбно разъѣхаться. Я могла жить на свой заработокъ и на то, что продолжалъ давать мнѣ мой отецъ. Ребенокъ могъ бы учиться при мнѣ, а на время вакацій ѣздить къ отцу.

Почему бы ему не согласиться? Онъ находился въ одномъ изъ тѣхъ психологическихъ моментовъ, когда человѣкъ можетъ понять наиболѣе противорѣчащіе его природѣ поступки; все должно было представляться ему подъ новымъ угломъ зрѣнія...

Но я боялась какъ-нибудь сразу повредить своей попыткѣ. У кого спросить совѣта? Добрая моя старушка, къ которой я относилась, какъ къ матери, еще не вернулась изъ Ломбардіи. А другому я никому не могла бы довѣриться въ этотъ рѣшительный часъ. Но съ нѣкотораго времени передо мною все съ возраставшей настойчивостью вставалъ одинъ образъ; вѣдь былъ на свѣтѣ человѣкъ, говорившій, что обладаетъ истиной. Отъ него я могла бы получить силу.

Я не видѣла его уже нѣсколько недѣль. Я написала ему записку, прося придти ко мнѣ, чтобы я могла поговорить съ нимъ о важныхъ для меня обстоятельствахъ.

Онъ пришелъ на слѣдующій вечеръ въ то время, какъ я собиралась укладывать спать ребенка, поговорилъ нѣсколько минутъ съ маленькимъ другомъ, смотрѣвшимъ на него большими довѣрчивыми глазами; потомъ тотъ пошелъ ложиться.

Я заговорила, охваченная сильнѣйшей внутренней дрожью. Онъ слушалъ меня совершенно спокойно. Возможно, что онъ уже зналъ. Онъ, сидѣлъ, немного нагнувшись ко мнѣ, въ позѣ, выражавшей поощрительное вниманіе.

Мало-по-малу я ободрилась: его отчетливые вопросы направляли и расчленяли мой нѣсколько запутанный разсказъ. Я не говорила о далекомъ прошломъ, о моей погубленной юности; говорила только объ отцѣ и матери, о моемъ замужествѣ, о долгомъ періодѣ, втеченіе котораго, сознавая свое личное отношеніе, я считала долгомъ оставаться съ человѣкомъ, который, какъ я считала, любилъ меня, и которому, какъ я воображала, мое присутствіе могло быть благотворнымъ; упомянула объ открытомъ мною у мужа новомъ чувствѣ, о наполнившемъ меня недавно миражѣ свободы... Дѣйствительно, страстная жажда свободной и дѣятельной жизни, согласной съ моими убѣжденіями, обнаруживалась мною въ себѣ яснѣе, чѣмъ когда-либо. Каждое мое слово, казалось, освѣщало мнѣ самой самую глубину моей души. И наполнявшее меня удивленіе смѣшивалось съ яснымъ опьяненіемъ мысли, нашедшей, наконецъ, умѣнье выразиться.

Онъ спокойно смотрѣлъ на меня, потомъ сталъ говорить. Онъ находилъ не нужнымъ обсуждать неудержимое рѣшеніе моей совѣсти. Готова ли я нести всѣ послѣдствія этого рѣшенія? Онъ можетъ только сказать мнѣ, что все въ мірѣ, въ томъ числѣ и нравственные вопросы, возбуждаемые нашей гордостью, въ сущности ничто иное, какъ тѣни. Для руководства въ жизни нужно немного,—я когда-

нибудь пойму это; но во всякомъ случаѣ, ему нравится моя искренняя и логичная озабоченность.

Онъ всталъ и началъ ходить, потрогивая книги и фотографіи. Я тоже встала и стояла посреди комнаты, прислонившись къ столу; онъ подошелъ ко мнѣ. Онъ былъ мало больше меня ростомъ. Онъ снова тихимъ голосомъ заговорилъ. И въ его прошломъ были темные часы; онъ вѣрилъ въ законъ, въ прогрессъ; онъ судилъ людей во имя непреклонной абсолютности, онъ осуждалъ... Потомъ ужасное горе—почти одновременная смерть отца и матери—вернуло его къ сознанію того, насколько человѣкъ ничтоженъ, и въ первый разъ наполнило его мучительнымъ желаніемъ устремить взглядъ за грань жизни. Прошли годы и годы, онъ порвалъ всѣ нити, связывавшія его съ человѣчествомъ, и уму его открылся свѣтъ, да, свѣтъ. Онъ думалъ, что можетъ объяснить теперь загадку нашей сущности, нашей безсмертной сущности. И то слово должно дать людямъ великій миръ, руководство для благотворнаго употребленія своей воли во время короткаго пребыванія на землѣ. Онъ не можетъ еще ничего изъ этого объяснить мнѣ. Но скоро... Буду ли я вблизи. или далеко, пусть я продолжаю надѣяться, вѣрить въ его обѣщаніе.

Съ улицы отъ времени до времени доносился завывающій гудокъ электрическаго трамвая, производя впечатлѣніе вѣтра на берегу моря въ бурную ночь. Я дѣйствительно чувствовала себя окружаемой свѣжей, холодной атмосферой, успокаивавшей, уничтожавшей даже всякій порывъ личной жизни, вызывавшей какія-то бѣлыя видѣнія, въ которыхъ терялся взоръ.

Когда я осталась вновь одна въ своемъ кабинетикѣ, изъ котораго огонекъ лампы свѣтилъ, казалось, надъ всѣмъ городомъ, меня охватила незнакомая мнѣ до сихъ поръ радость. Что это было, что это было? Я не хотѣла этого знать, какъ не тревожила меня и тайна, которой обладалъ, по его словамъ, этотъ человѣкъ. Но прежняя душа, возстававшая противъ всякаго ига, пришедшая къ тому, что возненавидѣла любовь изъ презрѣнія къ покорности, предавалась отрадному чувству сознанія, что ее понимаютъ, что ей сочувствуетъ другая душа...

Молчаливое ликованіе, въ которомъ я почти не признавалась себѣ, продолжалось нѣсколько дней. Мой другъ приходилъ еще раза два, три, по вечерамъ; онъ попросилъ меня переписать ему рукопись одной его новой брошюры, которую надо было сдавать въ печать; нѣкоторыя страницы, почти совершенно неразборчивыя изъ-за вставокъ и помарокъ, требовали его объясненій. Онъ давалъ ихъ мнѣ съ

догматической увѣренностью, устранявшей всякое возраженіе. Брошюра эта была рѣзкой сатирой, къ которой я не могла не присоединиться; она предвозвѣщала, но отнюдь не раскрывала главную мысль автора, тайный выводъ, созданный его умомъ. Въ ней смущала меня только манера изложенія, — сложная, спутанная, часто нелогичная; еще болѣе смущали меня иногда нѣкоторыя фразы, которыя онъ говорилъ мнѣ,—темныя фразы, напоминавшія мнѣ первыя времена нашего знакомства, когда я смотрѣла на этого страннаго человѣка, какъ на страшнаго посланника тайны, непонятнаго, можетъ быть, самому себѣ. И я и теперь еще не имѣла силы составить себѣ точное представленіе объ его личности; теперь меньше, чѣмъ когда-либо. Возможно даже, что я, не отдавая себѣ въ томъ отчета, избѣгала разбираться въ немъ. Я видѣла его блѣднымъ, исхудалымъ,— тѣнью живого человѣка, съ улыбкою, становившейся все болѣе загадочной, на блѣдныхъ губахъ, окруженныхъ короткой черной бородкой, съ жестами болѣзненнаго, чуткаго и преждевременно развившагося ребенка, предвидящаго все, въ чемъ ему откажетъ жизнь... И мнѣ было страшно за него. Вмѣстѣ съ тѣмъ при всей его слабой и жалкой наружности онъ казался мнѣ достойнымъ восхищенія: въ немъ была сила, которой я не умѣла опредѣлить, но которую находила болѣе великой, чѣмъ какая бы то ни было другая: онъ олицетворялъ для меня неустанное и страшное усиліе человѣчества въ стремленіи къ божественному. И когда въ моемъ мозгу вставало слово „безуміе", я чувствовала, что у меня душа разрывается.

Но онъ былъ увѣренъ въ моей вѣрѣ въ него; мнѣ казалось, что едва замѣтный блескъ мелькалъ у него во взглядѣ, когда онъ видѣлъ меня внимательно слушающей его, погруженной въ его рѣчи. Онъ несомнѣнно никогда не встрѣчалъ такой пламенной преданности въ настолько свободной и молодой душѣ...

Я говорила о немъ моей больной, у постели которой проводила теперь по-многу часовъ: ея болѣзнь осложнилась, инфекція затронула сердце, и оно, бѣдное, съ каждымъ днемъ все больше расширялось, билось, какъ безумное, грозило навсегда остановиться. Докторъ, старый профессоръ, учитель ея жениха, уже сообщилъ мнѣ, что положеніе опасно: онъ боролся, но былъ неувѣренъ въ исходѣ. Молодой физіологъ нѣжно улыбался ей, но бросалъ мнѣ иногда раздирающіе взгляды. Больная ничего не подозрѣвала; къ себѣ она, кромѣ любимаго человѣка и меня, допускала только вдову сосѣдку. Она строила планы на время выздоровленія, повторяя:—что за скука, что за скука!

Неожиданный ужасный кризисъ ускорилъ ходъ болѣзни и привелъ больную въ отчаянное состояніе. Я провела двѣ ночи около страдальческаго ложа, съ рукою, судорожно сжатою въ ея рукѣ, полная безконечной муки, что не могу ничего сдѣлать противъ таинственной силы, повергавшей ее во прахъ. Втеченіе нѣсколькихъ часовъ я ждала, что вотъ, вотъ наступитъ конецъ. Я написала мужу пару строкъ, извѣщая его, что мнѣ необходимо ради больной остаться еще нѣсколько дней въ Римѣ.

На третій день безумное сердцебіеніе слегка уменьшилось, и опасность отдалилась. Молодой человѣкъ, тоже проведшій безъ сна три мучительныхъ ночи, пошелъ немного отдохнуть. Я не чувствовала усталости, и улыбка, которою моя дорогая больная приняла мое рѣшеніе остаться съ нею, заставила меня не жалѣть о моихъ мирныхъ комнаткахъ, о сладостномъ дыханіи уснувшаго на моихъ глазахъ ребенка. Надежда вновь расцвѣтала.

Когда стало свѣтать, я оставила больную на попеченіи вдовы и отправилась домой. Пройдя нѣсколько шаговъ по пустой, бѣлѣющей улицѣ, я встрѣтила мужа. Онъ шелъ, опустивъ голову, вздрогнулъ, не могъ найти словъ, словно стыдясь. Я почувствовала жалость и въ то же время презрѣніе.

Когда я успокоила его относительно положенія больной, онъ началъ было объяснять и оправдывать свой непредвидѣнный пріѣздъ. Я прервала его, я не хотѣла разговора, могущаго быть оскорбительнымъ для моей дорогой страдалицы.

Мы молчали и дома. Немного спустя, я вернулась къ подругѣ. Послѣ полудня мой мужъ пришелъ спросить, не можетъ ли увидѣть ее на минуту. Я внимательно смотрѣла на него. Но та, которая смутила его, которая едва не побѣдила въ немъ жаднаго влеченія къ желанному назначенію, не обладала уже физическимъ очарованіемъ, приворожившимъ его, она была бѣднымъ поблекшимъ существомъ....

Она заговорила съ нимъ обо мнѣ, говоря, что я была святой по отношенію къ ней.—Поди теперь немного домой, дорогая, поди. Мнѣ хорошо, я буду отдыхать. Завтра вѣдь придешь, да?

Бѣдная женщина! Я должна была исполнить ея желаніе. Но между мужемъ и мною стояло тягостное молчаніе. Только вечеромъ, послѣ ужина, когда ребенокъ былъ уложенъ, наши души раскрылись,—моя съ жаромъ, его съ нѣкоторой опасливостью. Онъ стоялъ на томъ, чтобы оправдать свой образъ дѣйствій. Я хотѣла, чтобы часъ этотъ не прошелъ напрасно, чтобы не продолжалась еще дальше ложь. И, под-

держиваемая, можетъ быть, нервнымъ возбужденіемъ столькихъ дней, я заговорила, какъ никогда не думала бы, что могу говорить. Я говорила съ нимъ, какъ говорила бы съ моимъ сыномъ, ставшимъ взрослымъ; онъ не могъ возражать и въ концѣ концовъ согласился молча съ тѣмъ, что я ему приписывала. Онъ выслушалъ также мои слова, когда я кончила указаніемъ, что намъ обоимъ необходимо освободиться отъ угнетавшихъ насъ узъ.

Онъ теперь спрашивалъ меня съ сомнѣніемъ:—Ты думаешь, въ самомъ дѣлѣ? Ты думаешь, мы никогда не сможемъ жить дружно?..—И у меня явилась надежда, что мнѣ удастся убѣдить его.

Въ это время у входа раздался звонокъ. Это былъ „пророкъ", котораго я не видѣла уже нѣсколько дней. Я сказала мужу утромъ объ его посѣщеніяхъ, о работѣ, которую онъ попросилъ меня сдѣлать. Но когда онъ увидѣлъ того пришедшимъ такъ, послѣ восьми часовъ вечера, это, видимо, вновь вызвало въ его растревоженной душѣ всю нездоровую злобу, на какую онъ былъ способенъ. Онъ съ трудомъ сдержалъ ее, и разговоръ поддерживался кое-какъ нѣсколько минутъ, пока другъ не рѣшилъ, наконецъ, уйти, выразивъ мнѣ рукопожатіемъ пожеланіе мужества.

Я почувствовала, что дѣло проиграно. Мужъ сначала сталъ грубо, насмѣшливо допрашивать меня: Я предоставляла ему говорить, надѣясь, что такимъ образомъ истощится, какъ это бывало иногда, ярость, заставлявшая его скрежетать зубами... Но, вмѣсто того, мой миролюбивый видъ ухудшилъ положеніе. Раздражаемый звукомъ собственнаго голоса, онъ обвинялъ меня, оскорблялъ моего друга, выкрикивалъ позорныя слова, наконецъ устремился на меня, бросилъ меня на колѣно, сталъ бить меня, между тѣмъ какъ я въ свою очередь отбивалась въ припадкѣ судорожной ярости. Изъ сосѣдней комнаты проснувшійся ребенокъ, перепуганный, звалъ меня. Мнѣ удалось наконецъ вырваться, и я безъ памяти бросилась къ его постелькѣ. Маленькія ручонки моего сына трогали мое залитое слезами и воспламененное лицо, дрожащій голосокъ шепталъ: — Не хочу, мама, не хочу... Не ходи больше къ папѣ; будь здѣсь; ложись въ постель, я не хочу, чтобы ты плакала...

Ахъ да, послушаться, послушаться этого жалобнаго голоска! Теперь уже были не тѣ ужасныя ночи прошлаго, когда униженная душа безъ возмущенія допускала всякій позоръ и не слышала никакого призыва отъ жизни... Мой сынъ теперь приготовлялся защищать меня, требовалъ меня для себя, чувствовалъ меня доброй, чистой и возмущался противъ несправедливаго страданія, впервые обнаруживавшагося ему.

Мужъ бросился на диванъ въ столовой; я взяла къ себѣ въ постель ребенка и еще разъ безъ сна дождалась зари.

Когда я встала, старая служанка робко обратилась ко мнѣ съ тревожными разспросами. Что она слышала изъ своей комнаты? Она смотрѣла на меня съ настойчивой жалостью, взяла мои руки, поцѣловала красные знаки около кистей. Вспоминались ли и ей часы страданій? Въ ея глазахъ часто бывало выраженіе нѣмого укора мучимыхъ животныхъ.

Въ полдень за столомъ, не помню, какъ разыгралась новая сцена: знаю только, что мой сынъ оказался у меня на груди, крѣпко охватывающимъ меня, а мужъ пытался оторвать его отъ меня, приказывая ему, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ, что они уѣдутъ вмѣстѣ, оставивъ меня одну съ моими безумствами... Въ отвѣтъ на повторенное мною предложеніе разойтись онъ разсмѣялся: я властна оставаться и зарабатывать себѣ жизнь, какъ мнѣ угодно, но сынъ послѣдуетъ за нимъ,—о! куда бы то ни было!

Малютка испуганно и растерянно смотрѣлъ на меня. А, дитя, дитя мое!.. Вѣдь я умру, если этотъ человѣкъ отниметъ его у меня. Вѣдь это плоть моя, моя жизнь, моя вѣра, этотъ маленькій теплый комочекъ, дрожавшій у меня въ рукахъ...

Я съ ужасающимъ усиліемъ отвергла то, что мнѣ приказывала неумолимо ясная совѣсть. Я не хотѣла умирать, а чтобы жить, я должна была сдаться.

Онъ почувствовалъ, что побѣдилъ, понизилъ тонъ голоса, умѣрилъ потокъ отвратительныхъ словъ. Можетъ быть, онъ за ночь взвѣсилъ положеніе, намѣтилъ себѣ линію поведенія, почувствовалъ, что исчезла сентиментальная дымка чувства, въ которой онъ жилъ послѣдніе мѣсяцы, и вновь былъ готовъ безъ стѣсненія вырывать у жизни одни только матеріальныя блага,—для него достаточныя. Можетъ быть, онъ заранѣе былъ увѣренъ, что угроза отнять у меня сына заставитъ меня смириться. Онъ успокоился. Наконецъ даже слегка улыбнулся произошедшимъ сценамъ, какъ слабости; кажется, и прощенья просилъ. Было условлено, что я останусь въ городѣ еще нѣсколько дней, до тѣхъ поръ, пока больная не будетъ внѣ опасности.

XIX.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда мужа, я встрѣтила на улицѣ „пророка“; я была съ сыномъ. Онъ шелъ среди толпы, погруженный въ мысли, слегка сгорбленный, и внезапно при видѣ насъ весь преобразился сіяющей улыбкой. Мы были для него отрадной встрѣчей?

Онъ взялъ моего сына за руку, обратился къ нему съ однимъ изъ тѣхъ вопросовъ, полныхъ серьезной ласковости, отъ которыхъ радостно бьется дѣтское сердце, и которые такъ мало, кто умѣетъ найти. Передо мною встала недавняя сцена, и приливъ негодованія отнялъ у меня силу сказать что-либо. И только когда онъ спросилъ меня, — и тогда я могла только намекнуть о зародившейся у моего мужа ревности, о томъ, что мнѣ больше невозможно видѣть его у себя дома. Онъ догадывался объ этомъ, но когда услышалъ подтвержденіе, у него вырвался жестъ негодованія. Потомъ, когда я сказала ему, что отказалась отъ плановъ на независимость, что для того, чтобы не быть разлученной съ сыномъ, я рѣшилась вернуться къ ничтожной и лживой жизни, онъ посмотрѣлъ на меня печальнымъ и почти братскимъ взглядомъ, но не промолвилъ ни слова. Не сознаваясь себѣ въ томъ ясно, я была разочарована: мнѣ казалось, что проявленіе сострадания, хотя бы пренебрежительнаго, или выраженіе неодобренія, укоръ, больше утѣшили бы меня.

Вечеромъ, послѣ ужина, въ то время какъ ребенокъ игралъ на коврѣ около печки, со мной случился страшный упадокъ нервовъ...

...Я сидѣла за письменнымъ столомъ, и внезапно схватилась руками за голову; грудь рвалась неистовыми рыданіями, лицо залилось слезами. Ребенокъ минуту былъ ошеломленъ; онъ, конечно, не помнилъ, чтобы я когда-нибудь плакала, будучи съ нимъ вдвоемъ. Напрасно прижимался онъ къ моимъ колѣнямъ, ласкалъ мнѣ лицо, говорилъ мнѣ свои наивныя любовныя слова, чтобы остановить мои слезы. Наконецъ онъ схватилъ со стола перо, положилъ мнѣ его въ помертвѣлые пальцы: — Мама, мама, не плачь; пиши, мама, пиши.... я вѣдь умный, не плачь!

О, эта горькая складка на этихъ цвѣтущихъ губкахъ, преждевременная пристальность полнаго слезъ взгляда. Онъ дѣйствительно принималъ участіе вь моемъ горѣ, со всѣмъ мужествомъ своей маленькой любящей души. А я только и могла, что принимать и его жертву, я, его мать, мечтавшая для него обо всѣхъ радостяхъ, обо всѣхъ побѣдахъ...

Писать? Дорогое маленькое сердечко понимало и это, — большую, чѣмъ когда-либо необходимость для меня окунуться въ работу и мечту. Онъ не былъ ревнивъ, мой сынъ, не былъ требовательнымъ эгоистомъ въ своей любви: онъ думалъ о моемъ спасеніи, о темныхъ для него требованіяхъ моего непонятнаго для него въ своей сложности существа, не претендовалъ на то, чтобы одному заполнять всю мою жизнь.

Но какъ мнѣ взяться за это перо, поданное мнѣ розовыми пальчиками? Что писать? Мое отчаяніе отражалось и на моихъ мечтахъ, которыя превращались въ несостоятельныя утопіи, полныя насмѣшливыхъ противорѣчій...

Мои мысли естественно обращались къ другу. Онъ не сумѣлъ дать мнѣ совѣта. Что я была для него? Онъ смотрѣлъ на всѣхъ, въ томъ числѣ и на меня, какъ дѣлаетъ прохожій, нагибающійся на минуту къ ребенку и предоставляющій ему затѣмъ пугаться или плакать отъ какой-нибудь невзгоды, которую онъ легко могъ бы отстранить. Могъ бы? Ребенокъ почти увѣренъ въ этомъ. Я тоже почти было этому повѣрила.

Въ первый разъ я спросила себя, не является ли его жизнь, вмѣсто того, чтобы быть жизнью очищенія и совершенствованія, полной, наоборотъ, холодности и безполезной жестокости... Какое живое слово можетъ родиться изъ этого?

Онъ считалъ, что пришелъ часъ передать это слово міру; не хватало только еще необходимыхъ подготовленій...

И въ то время, какъ онъ приготовлялъ свое священнодѣйствіе, я шла ко дну, моя душа была въ агоніи; могла бы и я умереть! Не было ли въ этомъ чего то чудовищнаго?

Я легла. Сонъ не приходилъ. Я переживала часъ яснаго сознанія. Съ тѣхъ поръ, какъ я, прижавъ моего сына къ груди, отреклась отъ плановъ на свободу, я еще не спросила себя отчетливо, чего же мнѣ теперь ждать. И вотъ, отвѣты теперь являлись, перекрещиваясь, противорѣча другъ другу, повергая меня въ ужасъ. Я презирала себя за свою слабость... Чувствовала себя низкой, малодушной... Я страдала безъ цѣли, безъ утѣшенія, безъ пользы ни для себя, ни для моего сына... А я жаждала радости, какъ и онъ въ непосредственности своихъ шести лѣтъ... И я предчувствовала всю ту муку, которую онъ испытаетъ, когда узнаетъ, что былъ цѣною низости своей матери...

И внезапно втѣснился новый вопросъ:—„Если бы „*онъ*" сказалъ тебѣ, чтобы ты не уступала, если бы онъ попросилъ, чтобы ты оставила своего сына, если бы онъ предложилъ тебѣ слѣдовать за нимъ, служить ему, внести въ его жизнь гармонію, которой въ ней не достаетъ"?

Онъ! Значитъ такъ наполняетъ меня этотъ человѣкъ? Онъ, значитъ, для меня другое, чѣмъ руководитель, примѣръ, поддержка?

И еще быстрый, какъ молнія, вопросъ: „Ты его полюбила"?

Потомъ еще: „Оставила ли бы ты все для него"?

Я видѣла его передъ собою, какимъ видѣла однажды,—

обрадованнымъ, что встрѣтилъ меня въ незнакомой толпѣ. Былъ ли онъ когда-нибудь любимъ? Или никогда не зналъ отдохновенія на груди женщины, которая понимала бы его и охраняла его отъ страшныхъ тѣней тайны?

Онъ назвалъ меня сестрой... Но у сестры во власти нѣтъ ничего. Онъ встрѣчалъ, вѣроятно, другихъ женщинъ, и ни одна не могла указать ему пути къ счастью. А онъ, онъ упрямо хотѣлъ сказать людямъ слово отреченія, увѣрить ихъ, что этотъ путь внѣ земли...

Медленно слѣдовали одинъ за другимъ отвѣты. Да, если бы онъ позвалъ меня нѣсколько времени назадъ, когда я *вѣрила въ него*,—я пошла бы за нимъ, да, *для него* я, можетъ быть, могла бы жить безъ моего сына. Эта огромная перемѣна произошла во мнѣ въ короткое время. Немного мѣсяцевъ раньше, когда я боялась, что мой сынъ умретъ, никакой образъ не вставалъ передъ моимъ мысленнымъ взоромъ, чтобы сказать мнѣ, что я могла бы еще жить для другого человѣка.

И все же, это не была любовь, то, что я испытывала къ этому человѣку; это не могло быть любовью, я ничего не хотѣла отъ него для себя, я чувствовала даже, что если-бы онъ посвятилъ себя мнѣ, это уменьшило бы его въ моихъ глазахъ. Я не могла бы чувствовать себя счастливою отъ его поцѣлуя.

Но опуститься передъ нимъ на колѣни, обожать его таинственную душу... служить ему, отдать ему мой умъ, мое перо, мою жизнь, — это могло бы случиться, если-бы онъ захотѣлъ... И мой сынъ не могъ бы счесть себя обиженнымъ.

Моей больной черезъ недѣлю внезапно опять стало хуже. Женихъ въ этотъ разъ ничего не сказалъ мнѣ; онъ посмотрѣлъ на меня, какъ будто бы взывая ко мнѣ за словомъ ободренія; и я поняла: наша дорогая была обречена, безнадежна... бѣдное сердце должно было съ минуты на минуту, не завтра, такъ черезъ нѣсколько дней, внезапно остановиться...

Зачѣмъ же тогда продолжать эту непрерывную борьбу, зачѣмъ всѣ эти лѣкарства, всѣ эти заботы, направленныя не только къ тому, чтобы облегчить больную, но и на борьбу съ болѣзнью?

О, да вѣдь невозможно въ самомъ дѣлѣ повѣрить наукѣ, предрекающей смерть тѣлу, въ которомъ трепещетъ жизнь! Скорѣе вѣришь въ чудо, въ чье то невѣдомое вмѣшательство. Надѣешься вплоть до конца.

И мы надѣялись. Профессоръ, съ провалившимися и воспаленными глазами подъ очками на молодомъ и строго

суровомъ лицѣ, и я, старѣе умирающей съ виду, утомленная и поблѣднѣвшая въ твердомъ хотѣніи бороться, часами стояли съ двухъ сторонъ изголовья и часами надѣялись.

Она почти сливала насъ воедино, какъ бы въ охраняющую ее и вѣрную атмосферу. Во время припадковъ она сжимала намъ пальцы, какъ клещами. Бѣдные страдающіе лазоревые глаза, бѣдное розовое лицо подъ волосами цвѣта пшеничнаго колоса! Въ промежутки между припадками она старалась вырвать у насъ тайну своей судьбы, чтобы приготовиться къ ней. Но она не думала, что умираетъ, не могла вѣрить этому и продолжала, съ перерывами, строить планы за планами. Она говорила о далекой странѣ, бѣлой отъ снѣга. Сколько времени она уже не видала снѣга! Они поѣдутъ вмѣстѣ въ фіорды. И скоро, раннимъ лѣтомъ! А я караулила страшное сообщеніе на лицѣ молодого человѣка, когда онъ выпрямлялся, выслушавъ въ бѣдной блѣдной груди ея біеніе, подобное ударамъ огромнаго поршня. Его лицо напрягалось въ неподвижности, чтобы скрыть муку.

Сколько времени длилось это?.. Не знаю; мнѣ оно казалось безконечнымъ, но было, должно быть, наоборотъ, очень коротко.

Въ одно утро служанка принесла мнѣ на квартиру больной открытое письмо отъ мужа, почти оскорбительное по отношенію ко мнѣ, адресованное ребенку. Всѣ его письма были теперь холодны и язвительны, полны горькихъ ядовитыхъ намековъ на „пророка“; онъ даже не спрашивалъ меня больше о здоровьи умиравшей подруги.

Та увидѣла, что я поблѣднѣла.—Это отъ твоего мужа?..— И съ особымъ смѣлымъ движеніемъ головы, которое я часто видывала у нея въ ея хорошіе дни, она прибавила:—Ни за какую цѣну... слышишь, не возвращайся туда...

Я молча, нѣжно поцѣловала ее.—Если у тебя отнимутъ ребенка?.. — добавила она чуть слышно. И ея глаза напряженно смотрѣли на меня, словно стремясь вселить въ меня сильную волю.

Докторъ убѣдилъ меня пойти лечь спать на нѣсколько часовъ и потомъ прогуляться съ ребенкомъ по солнцу, чтобы имѣть силы провести еще ночь на ногахъ.

Едва придя домой, я схватила на руки сына и долго держала его въ объятіяхъ. Спать я не легла, не могла. Я вышла съ нимъ, сѣла въ трамвай, идущій къ собору св. Петра. Я хотѣла повидать моего друга — старушку, недавно вернувшуюся. На почти пустынной площади коллонада со своимъ вѣнцомъ статуй въ развѣвающихся одеждахъ казалась вся трепещущею жизнью въ живительномъ воздухѣ среди царившей тишины.

Мы пошли пѣшкомъ къ кварталу Святого Духа, прошли вдоль стѣны больницы; оборваныя дѣти и женщины, прерывая свои игры и болтовню, смотрѣли на меня съ противоположной стороны улицы, принимая меня за иностранку и протягивая руку за милостыней. Лохмотья, развѣшанныя по стѣнамъ, гнилой, спертый воздухъ. Вдоль подъема къ церкви св. Онуфрія еще лохмотья, еще кувыркающіяся дѣти, еще окна благотворительныхъ учрежденій, огражденныя рѣшетками. Сверху спускалась группа учащихся дѣвушекъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ монахинь. На вершинѣ Яникульскаго холма мы остановились, нѣсколько задыхаясь отъ подъема. Легендарная фигура Гарибальди, вырисовывавшаяся на лазури, спокойно смотрѣла на громадный куполъ влѣво отъ себя.

Тѣсная масса домовъ, башенъ, деревьевъ, разстилавшаяся у меня передъ глазами, сверкала ярко, почти невыносимо для глазъ. Въ глубинѣ выдѣлялись на небѣ синія горы, и бѣлоснѣжныя пятна Замковъ по склонамъ ихъ тоже ярко сверкали. Между горами и Римомъ—равнина, громадное пространство Кампаньи.

Римъ! Можетъ быть, тутъ, на вершинѣ холма, каждый день кто-нибудь чувствовалъ въ себѣ приливъ мощной энергіи, отчетливо видѣлъ передъ собою, что должно дѣлать среди этого удивительнаго нагроможденія камней, до такой степени различныхъ по времени своего возникновенія, но одинаково сверкающихъ и полныхъ значенія. Когда-нибудь, быть можетъ, кому либо видѣлся Римъ будущаго, въ которомъ исчезли съ теченіемъ времени всякое насиліе и все уродливое, въ которомъ гармоничныя линіи земли и неба не нарушались больше нестройнымъ волненіемъ чуждыхъ другъ другу, непонятыхъ, враждующихъ людей...

Мой сынъ говорилъ безъ умолку, счастливый тѣмъ, что былъ со мною, указывалъ мнѣ на деревья, полныя птичьимъ щебетаньемъ, протягивалъ ручонку по направленію къ отдѣльнымъ точкамъ на горизонтѣ, какъ много разъ видѣлъ дѣлающею меня, говорилъ: — Смотри, смотри, мама, какое красивое облако надъ рощей пиній! А тамъ, тамъ, это какое такое мѣсто?

Старушка-революціонерка была дома, но у нея были другіе посѣтители, въ томъ числѣ редакторша „Mulier“ со старшей дочерью и одинъ молодой человѣкъ, археологъ, объявленный недавно женихомъ молодой дѣвушки; красивая пара сіяла радостью и увѣренностью. Молодая женщина будетъ, вѣроятно, помогать мужу при изданіи его трудовъ, сказала мнѣ романистка;—и кромѣ силы любви, это дѣло будетъ ей облегчено и вѣяніемъ поэзіи, которымъ онъ оживляетъ свои розыски среди развалинъ и могилъ...

Молодые люди слушали, улыбаясь; ея лазоревые и его черные глаза полнымъ взглядомъ смотрѣли другъ въ друга. Никогда, никогда не видѣла я двѣ жизни, которыя такъ отдавались бы другъ другу, такъ переплетались.

На минуту тепло этого зрѣлища отрадно согрѣло меня. Потомъ я подумала о молодомъ ученомъ, склонившемся надъ своей умирающей, и меня повлекло скорѣе вернуться къ нимъ.

У входа ко мнѣ въ домъ я встрѣтила искавшую меня женщину:—Уже два часа, какъ синьора...

Она умерла. На глазахъ вдовы она склонилась на грудь молодого человѣка въ то время, какъ тотъ подавалъ ей ложку лѣкарства, съ полураскрытыми устами, не договорившими „благодарю“.

„Благодарю“!—Бѣдная женщина не знала глубокой красоты этого слова! Я не жалѣла, что ушла и дала ей умереть на рукахъ любимаго человѣка.

Она лежала уже прибранная, на постели. Это была уже не она. Прибѣжало нѣсколько пріятельницъ, нѣсколько сотрудницъ по журналу. Посѣтительницы слѣдовали одна за другой. Я не могла оставаться въ студіи, спряталась въ маленькую заднюю комнатку; профессоръ послѣдовалъ за мной. Я забыла свое страданіе, протянула ему руку. Да, его горе могло изливаться передо мною: мы одни любили ее.

И мы одни провели подлѣ нея двѣ ночи, говоря о ней, о томъ, чѣмъ она была. Прекрасное нѣжно розовое лицо, окаймленное волосами цвѣта выцвѣтшаго золота, казалось теперь выточеннымъ изъ слоновой кости и мѣнялось съ часу на часъ, становясь все болѣе строгимъ, все болѣе наполнялось тѣнями... Кончено, кончено!.. Я думала о *немъ*, думавшемъ, что знаетъ тайну, почему онъ не открывалъ мнѣ ея въ этотъ часъ? Почему, главное, зная, что моя подруга обречена на смерть, не пришелъ онъ принести слово свѣта?

О, какъ падаетъ передъ лицомъ конца всякая надежда на то, чтобъ вызвать и одолѣть Невѣдомое!

Какъ чувствуется, что не по силамъ эта задача человѣчеству, предназначенному къ мимолетному пребыванію на землѣ безъ пониманія цѣли его! Но въ то же самое время наша внутренняя сущность достигаетъ высочайшаго сознанія своей цѣнности: Жизнь, пріостанавливающаяся для созерцанія Смерти, понимаетъ героическое благородство своего упорства въ стремленіи къ возвышенію и къ нескончаемому своему продолженію во мракѣ... И сегодняшній человѣкъ слышитъ смутный призывъ,—то, можетъ быть, человѣкъ далекаго будущаго зоветъ его, поощряетъ его идти

впередъ,—тотъ человѣкъ, въ которомъ засіяетъ все то, что сегодня темно, и съ которымъ начнется новое время, время освобожденнаго духа?..

Часы, проведенные у праха того, кого мы любили, не дѣлаютъ насъ ясновидящими, но и не лишаютъ насъ душевныхъ силъ, не отнимаютъ отъ насъ ощущенія продолжающагося въ насъ существованія. Кажется, что въ это время наслѣдуешь вмѣстѣ съ обязанностями также и качества того, кто насъ покинулъ, находишь себя болѣе богатымъ,—или энергіей, или идеалами, или любовью. Ощущаешь въ себѣ солидарность, кромѣ умершихъ, и съ живыми.

Мысль, что я сдѣлала все, что было въ моей власти, чтобы облегчить моей любимой послѣднія страданія, давала мнѣ какъ бы нѣкоторое тихое утѣшеніе. Ея короткая и тревожная жизнь закончилась подъ охраной оберегающей любви; она унесла съ собой, умирая, увѣренность, что была понята и что будетъ жить въ воспоминаніяхъ и въ горѣ объ ея утратѣ.

И я ловила себя на мысли, что буду, весьма вѣроятно, менѣе счастлива... Тамъ, въ этомъ мѣстечкѣ, разрушенная черезъ немного лѣтъ безотрадной жизнью,—кто улыбнется мнѣ передъ смертью, кто закроетъ глаза мнѣ? Около моей постели въ послѣдніе часы будетъ только мой сынъ, безсознательный... одинъ... одинъ...

Я высказала это, или, скорѣе, дала понять въ утро похоронъ моему другу старушкѣ, пришедшей поклониться дорогой усопшей, уже убранной теперь цвѣтами.

Мы стояли подлѣ окна, уединившись на минуту отъ длинной вереницы знакомыхъ, и обѣ ясными взорами смотрѣли на неопредѣленный обликъ, окутанный бѣлымъ, на живыя изображенія, которыми она съ неистощимымъ вдохновеніемъ заполнила стѣны студіи, на Кампанью и на далекій Саратто. Какъ хорошо отдыхать! Нѣжное, благородное существо заслуживало этого отдохновенія...

А голосъ старой женщины тихо, но полный чувства, повторялъ мнѣ:—Но зачѣмъ ты уѣзжаешь? Вѣдь знаешь, что покорность судьбѣ не добродѣтель!

Я прошептала имя моего сына, и она смолкла, нѣсколько разъ легко проведя мнѣ рукой по лбу.

— Не возвращайся туда!

И уснувшая сказала мнѣ то же прежде, чѣмъ на вѣкъ закрыть глаза.

Во время похоронъ, сзади усыпанной цвѣтами колесницы, среди множества дамъ и журналистовъ я увидѣла励 мелькомъ „пророка". Нѣсколько дней спустя, проходя мимо того мѣста, гдѣ онъ жилъ, я была внезапно охвачена желаніемъ

придти къ нему неожиданно туда, гдѣ онъ жилъ своей отшельнической жизнью, проститься съ нимъ тамъ,—такъ какъ скоро я уже буду далеко.

Я поспѣшно поднялась по лѣстницѣ стараго сырого дома.

Смеркалось; въ комнатѣ уже зажжена была свѣча, въ углу виднѣлась низкая убогая кровать. На глиняной печкѣ лежало два испеченыхъ въ золѣ яблока. Около окна столъ, заваленный бумагами, и стулья, на которыхъ лежали книги; строгое лицо старой женщины на стѣнѣ; его мать? И посрединѣ комнаты его худая фигура съ нѣсколько неувѣреннымъ видомъ, протягивающая руку, чтобы попросить меня сѣсть.

Что мы сказали другъ другу? Не могу хорошо припомнить. Онъ извинялся за холодъ въ комнатѣ, спрашивалъ меня о ребенкѣ, объ отъѣздѣ... Я смотрѣла на него,—его губы ни разу не дрогнули. Я указала на ящикъ стола. Тамъ былъ его трудъ? Онъ отвѣтилъ неопредѣленнымъ утвердительнымъ жестомъ. И, не знаю, какъ, я показала ему, должно быть, мое недовѣріе... Болѣе, чѣмъ мои прерывистыя, какъ рыданія, слова, мои глаза говорили ему, несомнѣнно, о пораженіи моего увлеченія и горечи моей вновь снова свободной души.

При наступившемъ затѣмъ молчаніи я въ первый и въ послѣдній разъ увидѣла, что это лицо, всегда освященное какъ бы какимъ то созерцаемымъ имъ внутреннимъ видѣніемъ, омрачилось, стало разстроеннымъ, выразило самое человѣчное изъ страданій: простое, глубокое горе человѣка, чувствующаго себя покинутымъ... Но это было только нѣсколько мгновеній. Спокойствіе снова осѣнило его чело упорной печатью недосягаемаго превосходства.

Втеченіе двухъ дней маленькія комнаты были вновь загромождены ящиками,—гробами, въ которыхъ я погребала вмѣстѣ съ вещами и книгами мои мечты и мои живыя стремленія. Мужъ настойчиво заявлялъ письмомъ требованіе, чтобы я была при немъ; бѣдная умершая была отвержена: онъ догадался объ ея любви къ молодому ученому, и гордость заглушала въ немъ всякій остатокъ чувства.

Была еще минута, что я опять попыталась вырвать у него мою свободу, но—только крѣпче заковала цѣпь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Индивидуализмъ и революціонное движеніе.

I.

Одна и та же идея—на улицѣ и въ кабинетѣ теоретика—оказывается совершенно различной. Будучи въ теоріи рѣзко опредѣленной, выкристаллизовавшейся, непримиримо ясной въ своемъ послѣднемъ логическомъ выводѣ, та же идея на улицѣ претерпѣваетъ нѣчто подобное тому, что бываетъ съ обломкомъ скалы, попавшимъ въ сильное водное теченіе. Разливъ рѣки превращаетъ обломокъ въ „валунъ“, обтачиваетъ, округляетъ, сглаживаетъ его, измѣняя до неузнаваемости. Чистая, выношенная въ теоретическомъ затворничествѣ, идея, попадая въ шумящій потокъ уличнаго движенія, подвергается въ этомъ неправильномъ зигзагообразномъ движеніи усиленному „тренію“, сглаживающему, обтачивающему ее, приноровляющему ко всѣмъ неровностямъ жизненнаго русла. Въ результатѣ—идея становится выполнимой, „жизненной“, направляющей собирательную массовую энергію по извѣстному пути. Но во что обращается эта идея? Насколько остается она сама собой, въ ея чистомъ первоначальномъ видѣ?

Такой вопросъ о соотношеніи между идеей первоначальной, теоретически-цѣльной, и идеей производной, приспособленной къ условіямъ существованія, представляется при попыткѣ выяснить психологически связь двухъ ученій—индивидуализма и анархизма. Взятый въ его чистомъ и по существу абстрактномъ видѣ, индивидуализмъ предполагаетъ, какъ самоцѣль, замкнутую въ предѣлахъ личнаго „я“ и имъ опредѣляющуюся высоту индивидуальнаго существованія. Бездна, отдѣляющая индивидуализмъ отъ анархизма, лежитъ въ томъ, что этотъ послѣдній, принимая въ себя идею роста и возвышенія личности, игнорируетъ идею интимной внутренней абсолютности, отъединенности личности, совершающей этотъ подъемъ и восхожденіе глубоко изнутри себя. Въ ученіи индивидуализма нераздѣлимо слиты эти двѣ идеи. Анархизмъ считается лишь съ первой изъ нихъ. Половинчатый, не охватывающій все внутреннее, анархизмъ вливается

въ массы, связываетъ внѣшнее съ внѣшнимъ, исповѣдуемый въ одномъ опредѣленномъ видѣ коллективно, общно. Между тѣмъ, какъ коренная основа индивидуализма необходимо предполагаетъ исповѣданіе этого ученія лишь въ единственномъ, лично своеобразномъ видѣ. Индивидуализмъ это то, что разъединяетъ. Анархизмъ это то, что соединяетъ. Въ силу своей сущности индивидуализмъ чуждъ, глубоко, внутренно чуждъ тѣмъ массовымъ подъемамъ, тѣмъ общимъ движеніямъ и вспышкамъ, для которыхъ побудительной, дѣйственной силой можетъ служить зажигающее слово проповѣдуемой анархіи.

Было-бы смѣшно задаваться здѣсь цѣлью встать на защиту какого-либо изъ двухъ ученія. Но прослѣдить ихъ связь, прослѣдить, повторяю, психологически, вглядываясь въ душу ихъ, въ жизненную сущность этихъ ученій, въ то, какъ опредѣляетъ исповѣданіе ихъ внутренній складъ человѣка и его жизненное русло,—вотъ, что хотѣлъ бы я здѣсь сдѣлать, сжато, говоря объ основномъ, считаясь съ основой, съ истоками этихъ ученій, а не съ многоразличными развѣтвленіями ихъ. Мнѣ думается, что подобная попытка должна привести къ холодному и чистому обнаруженію для однихъ безотраднаго, для другихъ величественнаго представленія объ индивидуализмѣ, какъ объ ученіи, предполагающемъ ту довременную и хаотическую пустынность, не закрываемую всѣми тысячелѣтіями общественной культуры, въ которой есть только отрѣшенное, замкнутое въ себѣ и какъ цѣль и какъ средство—„я"—лицомъ къ лицу съ вѣчными стихіями существованія. И это должно обнаружить еще, что индивидуализмъ рязнится отъ анархизма, какъ обломокъ скалы отъ обточеннаго волнами валуна.

Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ событій, насытившихъ общественный воздухъ энергіей революціоннаго подъема, самые крайніе индивидуалисты, упорно твердившіе въ стихахъ, статьяхъ и повѣстяхъ — я, я, я! — схватились за попытку примирить и сблизить это оторвавшееся, ушедшее въ глубь самого себя „я" съ красиво разбушевавшейся стихіей народной жизни. И поэтому можетъ показаться чрезвычайно странной попытка обнаружить глубокую яму между анархизмомъ и индивидуализмомъ, которую многіе—и талантливѣе всѣхъ Штирнеръ—пытались засыпать. У насъ вѣдь даже въ послѣдніе дни появился цѣлый рядъ статей и брошюръ авторовъ, стремящихся уравнять пропасть между индивидуализмомъ и соціализмомъ. И свою задачу они чрезвычайно легко рѣшаютъ, адресуясь къ самому здравому смыслу: въ самомъ дѣлѣ, кто же не знаетъ, что и соціализмъ, и индивидуализмъ одинаково стремятся къ освобожденію человѣка? Слѣдовательно, почему бы имъ не идти рука объ руку?

Но всѣ эти попытки начинались только потому, что вмѣсто истинной сущности ученія, вмѣсто мощной скалы въ ея перво-

бытномъ видѣ брался обточенный и сглаженный валунъ, съ которымъ не трудно было справиться.

Этимъ валуномъ часто являлся по существу именно анархизмъ, ученіе, которое при всей его непримиримости съ общественными организаціями, въ своей исходной точкѣ противорѣчитъ самой основѣ индивидуализма, ибо, ставя боевымъ лозунгомъ— свобода человѣческаго „я“ вообще, оно этой идеей нивеллирующаго равенства уничтожаетъ тотъ принципъ культа unicum'а, аристократизаціи духа, на которомъ построенъ индивидуализмъ и Ницше, и Л. Н. Толстого, и датчанина Киркергардта, и Карлейля, и Уайльда, и Рескина, и Бодлера...

Для анархиста, утверждающаго свое „я“ среди другихъ „я“, стихія, родственная ему—море головъ, море отдѣльныхъ человѣческихъ энергій и мыслей; для индивидуалиста—двѣ, три возвышенности среди лежащей вокругъ плоскости. Индивидуалистъ мыслитъ одинъ; его ростъ, его развитіе замкнуто въ томъ кругу личныхъ переживаній, куда можетъ, какъ матеріалъ, попасть результатъ творческой работы изъ окружающей среды, но гдѣ этотъ матеріалъ будетъ такъ *переработанъ и лично усвоенъ и перевоплощенъ*, что станетъ чѣмъ-то своимъ. Анархистъ же Штирнеръ говоритъ: „Постоянно одинъ будетъ искать другого, приноравливаться къ другому, ибо это будетъ нужно“.

Горящіе идеей справедливости и народнаго блага проповѣдники анархизма, какъ П. Кропоткинъ, Малатеста, Гравъ, Маккай, Бакунинъ, Прудонъ, Штирнеръ (даже Штирнеръ вмѣстѣ съ утвержденіемъ своего „я“, заботливо возводящій на принципѣ безграничной индивидуальной свободы зданіе массовой жизни),— отъ лица кого всѣ они говорятъ? Отъ лица массъ, отъ лица человѣчества. Къ кому направлено ихъ зажигающее слово? Къ массамъ. Что служитъ цѣлью ихъ усилій? Массы. Между тѣмъ, согласно духу индивидуализма, мысль и слово направляются отъ одного для и ради одного. Для индивидуализма— весь міръ, религіозно-философское Все воплощается въ одномъ— „я“, разъ оно только является носителемъ той творческой мудрости и совершеннаго безкорыстія, которыя достаточно сильны для осуществленія высшихъ замысловъ, создающихъ самое мощное, законченно-гармоническое и прекрасное.

Воплощеніе въ жизни идей индивидуализма и анархизма, если принять послѣдній, какъ нѣчто самостоятельное (имѣя въ виду, конечно, не революціонное движеніе, а чисто-философское ученіе) должно совершиться совершенно различно. Какъ? На это съ достаточной опредѣленностью отвѣтили теоретики различнаго толка анархизма и индивидуализма. Тѣ, кто проводятъ чуждое подлинному духу послѣдняго ученіе, строятъ теоріи свободнаго существованія единицъ, не подчиненныхъ насильственности какихъ-либо общественныхъ организацій, заботясь исключительно о формахъ, въ

какія отольется будущее свободное существованіе массъ. Не внутреннее содержаніе индивидуальной жизни, а внѣшнія формы соотношеній индивидуумовъ интересуютъ ихъ, этихъ индивидуалистовъ. Пусть это находитъ себѣ оправданіе и объясненіе въ чемъ угодно, пусть только это и можетъ служить дѣлу жизни всѣхъ считающихся со своей совѣстью, пусть правъ П. Крапоткинъ, утверждая въ своемъ воззваніи къ молодежи, что при данныхъ соціальныхъ условіяхъ никакая интеллигентная профессія, никакой трудъ художника и артиста не могутъ явиться ничѣмъ, кромѣ жалкаго фарисейства и компромисса съ царящей пошлостью... Но все-таки при чемъ тутъ индивидуализмъ? И что общаго между такого рода анархизмомъ, построеннымъ на альтруистическихъ чувствахъ любви къ людямъ, и индивидуализмомъ?

Обратимся къ другимъ теоретикамъ анархизма. Прудонъ выходитъ со своей теоріей нормальнаго права и договора, который уже заключаетъ въ себѣ обязательство, принужденіе, противорѣчащее принципу безграничной индивидуальной свободы. Штирнеръ, выдвигая вмѣсто ненавистныхъ союзовъ и организацій идею простого соединенія и сосуществованія, основываетъ свободу личнаго расцвѣта не на внутренней полнотѣ существованія каждаго, но на этихъ новыхъ формахъ все той же общности, все того же иначе принятаго коллективизма. Въ самомъ дѣлѣ, рѣчь идетъ о томъ, чтобы укладъ жизни опредѣлялся опять-таки отношеніемъ одной единицы къ тысячамъ и милліонамъ другихъ, но не той свободной силой личной жизненной энергіи, на которой основывается индивидуализмъ и которую совершенно стираетъ анархизмъ, не принимающій ее въ разсчетъ, какъ орудіе созиданія самыхъ формъ жизни и этимъ приводящій какъ бы къ идеѣ безсилія внутренней энергіи личности.

Остановимся на секунду на индивидуальномъ содержаніи жизни по Штирнеру. О какомъ расцвѣтѣ личнаго существованія среди освободившихся и ликующихъ милліоновъ единицъ говоритъ онъ? Не о Рубенсовскомъ ли праздникѣ тѣла, свободѣ всѣхъ побужденій, всѣхъ хотѣній въ каждую данную минуту? Полнота растительныхъ наслажденій, опьяненныхъ ими толпъ (какъ собранія единицъ)—это противорѣчитъ задачѣ уединеннаго роста и просвѣтленія у Ницше и Толстого. Анархизмъ—противъ уединенія, которое выдвигаетъ, какъ требованіе, индивидуализмъ. Анархизмъ говоритъ: дышите свободой всѣ вмѣстѣ и каждый для себя. Но говорить о личной свободѣ, имѣя въ виду ряды и ряды единицъ, составляющихъ массы и движимыхъ одной и той же идеей, хотя бы и свободнаго праздника жизни, — значитъ забыть основной принципъ индивидуализма, утверждающій *личное своеобразіе* жизненныхъ путей и разрѣшенія всѣхъ задачъ существованія. Развѣ общая свобода принесетъ и нивеллировку всѣхъ, сливая единицы въ массы? Развѣ мы индивидуальны

только лишь до того момента, когда разобьются желѣзныя ворота тюремъ и оттуда хлынутъ на вольный просторъ освобожденныя массы народа?

Для индивидуалиста здѣсь возможенъ только одинъ ясно предрѣшающійся отвѣтъ.

Что касается П. Кропоткина, этого вождя одного изъ теченій современнаго анархизма и талантливаго его теоретика, то онъ обращается къ слушателю со словами, имѣющими полное сродство по духу съ евангельскими завѣтами. Недостаетъ только идеи небеснаго возмездія, но вся система общественныхъ отношеній истекаетъ изъ ясно понятыхъ и глубоко воспринятыхъ идей альтруизма, причемъ самый импульсъ къ труду, борьбѣ и усиліямъ за совершенное будущее рождается той же идеей. Кропоткинъ, приступая къ выясненію своей теоріи, останавливаетъ вниманіе собранной имъ аудиторіи слушателей на подвалахъ нищеты, на ужасахъ человѣческой бѣдности, позора и грязи, на гибели массъ и гнусности паразитствующаго меньшинства. Онъ все содержаніе индивидуальной дѣятельности направляетъ въ сторону труда и борьбы за другихъ, и не говоря уже о прикладныхъ отрасляхъ знанія, но даже области человѣческаго творчества—наука и искусство—мыслятся имъ, какъ нѣчто непосредственно-полезное, идущее немедленно на удовлетвореніе нуждъ бѣдствующихъ массъ. Встрѣчаясь съ мыслью о самодовлѣющей, безотносительной цѣнности творчества, онъ гнѣвно ее отвергаетъ. Онъ полонъ тоски и ужаса за людей. Для него сильнѣе всѣхъ созвучій—диссонансы насилія. Во имя этой душевной муки индивидуалистъ порабощаетъ, сжимаетъ свое „я“, закрывая отъ него всѣ тѣ области, въ которыхъ заключены чисто личныя, замкнуто-индивидуальныя переживанія, и отдаетъ свое „я“ на службу анархизму, подымающему свое черное знамя бунта и возмущенія противъ всѣхъ видовъ насилія.

Всѣ перечисленные вожди и теоретики анархизма (включая сюда и Бакунина съ его теоріей стихійной дезорганизаціи обществъ и стихійныхъ движеній массъ) стояли на почвѣ непосредственно практической массовой дѣятельности. Ихъ лозунгомъ было: для того, чтобы создать свободнаго человѣка, создайте свободныя массы. Совершенно противоположно звучитъ лозунгъ теоретиковъ чистаго индивидуализма; они говорятъ: для того, чтобы создать свободныя массы, необходимо создать свободнаго человѣка. Но сдѣлать это по отношенію къ извѣстному „я“ можетъ лишь носитель этого „я“ и никакая иная сила.

Совершенно иная позиція индивидуалистовъ. Л. Н. Толстой—одинъ изъ тѣхъ немногихъ индивидуалистовъ, которые выдвигаютъ и заботу о массахъ. Но, тѣмъ не менѣе, мысль о пересозданіи человѣка путемъ измѣненія соціальныхъ условій звучитъ для него ересью. Я не знаю, останавливался ли кто-нибудь на

той картинѣ будущаго тихаго и свѣтлаго существованія массъ, являющихся суммой сознательныхъ и сильныхъ волей единицъ, которая легкими штрихами набрасывается въ его „Евангеліи", напоминая по нѣжности и легкости тоновъ картину жизни св. Франциска или укладъ христіанъ апостольскихъ временъ. Въ этой картинѣ чувствуется красота той освобожденной религіозности, въ которой нѣтъ и слѣда темнаго фанатизма, грубой узости и слѣпой нетерпимости. Здѣсь міросозерцанія—художника-пантеиста и утонченнаго христіанина-спиритуалиста—сливаются въ одно. Это было бы очень похоже на мірокъ монашествующаго поэта Франциска изъ Ассизи, если бы въ просвѣтленную радость чувства міра и свѣтлаго существованія въ немъ не вливалась темной струей та идея Высшей Силы, которая опредѣленный и ясно очерченный обликъ Христа замѣнила смутнымъ представленіемъ Первопричины, абстрактнаго Логоса, чистой отвлеченности, которую Толстой называетъ Богомъ.

Итакъ, авторъ новаго Евангелія, подобно теоретикамъ анархизма, выдвигалъ на первый планъ заботу живого и свободнаго устроенія массъ. Точно такъ же, какъ и Штирнеръ, онъ утверждалъ идею установленія свободныхъ формъ общежитій путемъ простого сосуществованія индивидуумовъ, путемъ тѣхъ соглашеній, которыя насильственные и мертвые союзы и организаціи замѣняютъ простымъ и свободнымъ отъ всякихъ законодательныхъ путъ соединеніемъ. Но здѣсь же есть и существеннѣйшее различіе между средствами осуществленія этой свободы. По Штирнеру эти формы должны осуществляться путемъ самаго соединенія, т. е. чисто внѣшнимъ образомъ, для чего требуется разрушеніе старыхъ рабскихъ формъ и установленіе внѣшней личной свободы. По Л. Н. Толстому самое соединеніе достигается лишь той высотой духовной культуры личности, которая обусловливаетъ возможность этихъ соединеній.

Толстой такимъ образомъ остается на почвѣ строгаго индивидуализма, принимая силу личнаго внутренняго „я", какъ само орудіе освобожденія, между тѣмъ какъ у Штирнера, Кропоткина и всѣхъ другихъ индивидуалистовъ-анархистовъ освобожденіе индивидуальности человѣческой достигается тѣмъ разрушительнымъ движеніемъ массъ, которое подготовляется предварительной работой организаціи бунта. Само слово организація противорѣчитъ, повидимому, понятію анархизма, а между тѣмъ именно то, противъ чего анархизмъ поднимаетъ свое черное знамя бунта, т. е. союзы, организаціи, подчиненіе личности коллективнымъ цѣлямъ,—все это необходимо предполагается партіей „прямыхъ дѣйствій". Въ конечномъ счетѣ анархизмъ базируется на коллективизмѣ, на идейной сплоченности широкихъ массъ, нивеллированныхъ общей идеей, сближаясь въ этомъ съ соціализмомъ. Это спасаетъ анархизмъ отъ той оторванности отъ соціальной и обще-политической

борьбы, которая характеризуетъ носителей идей индивидуализма, вносящаго утонченный ядъ скепсиса по отношенію ко всѣмъ планамъ массовыхъ осуществленій. Чѣмъ дальше анархизмъ отъ индивидуализма, тѣмъ больше онъ выигрываетъ, какъ непосредственно-практическое ученіе, тѣмъ онъ жизнеспособнѣй въ этомъ отношеніи. И, наоборотъ, чѣмъ больше хотятъ его сблизить съ индивидуализмомъ, тѣмъ ярче оттѣняютъ бездну противорѣчій, стоящихъ на этомъ пути. Быть можетъ, именно потому эту послѣднюю попытку дѣлаютъ не вожди анархизма, а лишь сочувствующіе друзья его, которые часто бываютъ опаснѣе враговъ. За исключеніемъ одного Штирнера, и Годвинъ, и Прудонъ, и Бакунинъ, и Кропоткинъ—всѣ говорятъ не объ индивидуальности, а о массахъ. Они ратуютъ за свободное человѣческое „я“ въ массахъ, имѣя въ виду совокупность этихъ „я“, освобожденныхъ отъ тѣхъ путъ всяческихъ общественныхъ обязательствъ, которыя предполагаетъ соціализмъ. Но что такое для нихъ человѣческое „я“ вообще? Придаютъ ли ему самодовлѣющую, безотносительную, духовно-творческую цѣнность, которая является таковой не какъ человѣческое „я“ вообще, единица среди такихъ же единицъ, но какъ „я“, носителя высшей культуры и безконечнаго роста въ потенціи?

Различіе взглядовъ на человѣческое „я“—еще одна черта, углубляющая бездну между индивидуализмомъ и анархизмомъ. Для альтруистически-настроенныхъ теоретиковъ анархизма человѣческая индивидуальность есть именно одна изъ единицъ въ ряду милліоновъ другихъ единицъ, составляющихъ человѣческія массы. Ихъ объектъ—человѣческое „я“, каково бы оно ни было, и его право на абсолютную свободу. Объектъ индивидуализма—творческое „я“, не только вопіющее о своемъ правѣ на удовлетвореніе „Рубенсовскаго“ грубо-растительнаго аппетита, но, наоборотъ, полагающее весь центръ тяжести своего труда и усилій въ достиженіи новыхъ и новыхъ ступеней сознанія и силы. Для анархиста центръ существованія—его настоящее „я“ въ каждую данную минуту и секунду. Для индивидуалиста этотъ центръ переносится въ будущее, въ будущія достиженія, въ будущія созиданія.

Здѣсь нуженъ примѣръ. И, кромѣ ученія Л. Н. Толстого, переносящаго основу всего въ это личное внутреннее творчество, есть еще великолѣпный примѣръ. Это—Ницше, у котораго человѣкъ и его „я“—лишь мостъ для перехода къ сверхъ-человѣку; Ницше, выше всего цѣнившій въ эгоистическомъ героѣ своихъ книгъ и въ человѣческомъ „я“ ту силу безкорыстія, которая ради будущаго, въ цѣляхъ роста и возвышенія, заставляетъ обрекать себя на жертву, дѣлая это „я“ лишь переходомъ и уничтоженіемъ.

Вслѣдствіе той вульгаризаціи идей индивидуализма, которой такъ боялся Ницше, нерѣдко можно встрѣтить стоящіе рядомъ

выводы одного и того же порядка, сдѣланные изъ книгъ Штирнера и Ницше, съ цѣлью обосновать какое-либо положеніе индивидуализма. А между тѣмъ, несмотря на сходство ихъ въ отдѣльныхъ взглядахъ, какъ, напр., на христіанство въ его враждебности свободной полнотѣ жизненныхъ проявленій, Ницше и Штирнеръ расходятся между собою именно такъ, какъ должны разойтись теоретикъ-индивидуалистъ и стоящій на пути къ практицизму анархистъ. То, что вѣнчаетъ зданіе индивидуалистической системы, являясь въ то же время ея сердцевиной, ея основой,—*опредѣленное* содержаніе индивидуальнаго творчества, духовное строительство, питающееся матеріалами, добытыми изъ жизни личнаго „я", именно это отсутствуетъ въ ученіи Штирнера. Онъ ратовалъ за свободу человѣческаго „я", но во имя чего? Толстой и Вл. Соловьевъ во имя „оправданія добра", Ницше и Достоевскій во имя идеи того Высшаго человѣка, котораго Ницше называлъ сверхъ-человѣкомъ. Что же было цѣлью Штирнера? Не свобода ли для свободы, какъ есть искусство для искусства?

Штирнеръ, какъ и всѣ теоретики анархизма, совершилъ два величайшихъ грѣха противъ индивидуализма: 1) онъ взялъ, какъ объектъ своихъ требованій, какъ основу своей системы—среднее типическое человѣческое—„я", вырванное изъ милліоновъ такихъ же, ибо ему нужна была не индивидуальность въ смыслѣ своеобразія и личной силы, а индивидуумъ просто, какъ носитель извѣстнаго „я"; 2) въ основу своего воинственнаго индивидуализма онъ не полагалъ никакой творческой цѣли, никакого духовно-трудового содержанія, которое оправдывало бы требованіе свободы и создавало самый импульсъ къ мощной борьбѣ за нее и вдохновенной созидательной растратѣ силъ.

А этотъ мощный импульсъ чувствуется въ каждой строкѣ Ницше. Напрасно стали бы указывать на то, что авторъ книги о Заратустрѣ прославляетъ самый избытокъ животнаго здоровья у „бѣлокураго звѣря", опьяненность стихійно растительнымъ процессомъ жизни, указывая этимъ на самоцѣнность грубой и сильной свободы жизни. Сравнивая „моргающаго человѣка" современности съ „бѣлокурымъ звѣремъ", Ницше видитъ во второмъ ту жизненную красивую силу, необходимую, какъ матеріалъ для его строительства, которой совершенно нѣтъ у перваго. На почвѣ этой здоровой жизненности можно построить утонченное зданіе будущаго сверхъ-человѣчества. Духовность, задавившая непосредственную жизненность, сама истощается и скудѣетъ, превращаясь въ безплодную почву, годную для „тарантуловъ", проповѣдующихъ скопчество и отреченіе. Видя въ этомъ безсиліе, Ницше прославляетъ нетронутую силу инстинктовъ и еще совсѣмъ сохранившую свою гибкость и мощную стремительность волю древняго германца. Какъ зодчій любуется красотой каменныхъ глыбъ, которыя лягутъ въ основаніе высокаго зданія, такъ Ницше, среди

безчисленныхъ примѣровъ истощенности, болѣзненности, дряблости, указываетъ на „бѣлокураго звѣря“, обладателя ярко-красной крови, желѣзныхъ мускуловъ, отваги и радостнаго стремленія жить.

Не будемъ касаться другихъ примѣровъ, обнаруживающихъ бездну, лежащую между анархизмомъ и индивидуализмомъ. Ярче всего это показываетъ параллель между такими характерными представителями обоихъ ученій, какъ Штирнеръ и Ницше. Обнаруживающееся же различіе между этими ученіями диктуетъ намъ слѣдующій, необходимый для дальнѣйшаго выводъ: связь между революціоннымъ движеніемъ и индивидуализмомъ, въ той формѣ, какую принялъ онъ въ анархизмѣ, оказывается совершенно не опредѣляющей истинныхъ взаимоотношеній революціи и индивидуалистическаго ученія, ибо метаморфоза, какую вынесло послѣднее въ своемъ процессѣ превращенія въ анархизмъ, создала въ результатѣ нѣчто самостоятельное и чуждое первоначальному ученію. Анархизмъ—не синонимъ индивидуализма; анархистъ—не индивидуалистъ. Легче сблизить, какъ индивидуалистовъ, христіанскаго аскета и Ницше, чѣмъ П. Кропоткина или Прудона и Ницше.

Итакъ, вопросъ освобождается отъ осложнявшихъ его частностей. Теперь передъ нами онъ въ чистомъ видѣ: каково взаимоотношеніе между индивидуализмомъ подлиннымъ и революціоннымъ движеніемъ? Мы перейдемъ къ нему, выдѣливъ именно ту черту индивидуализма, которая опредѣляетъ рознь между нимъ и анархизмомъ и является въ то же время мѣриломъ отношеній непосредственной жизни къ индивидуализму и наоборотъ.

II.

Для послѣдовательнаго индивидуалиста, не боящагося самыхъ крайнихъ выводовъ изъ своего ученія, глядящаго прямо въ глаза той уединенной оторванности отъ массоваго существованія, которую предполагаетъ индивидуализмъ, видящаго средства и путь къ нему въ жизненно-творческомъ „*самопитаніи*“, являющимся необходимымъ принципомъ индивидуализма, для такого индивидуалиста принципъ солидарности Бакунина, принципъ соединенія Штирнера, анархическаго коммунизма однихъ и коллективизма другихъ эпигоновъ анархизма,—совершенно чуждъ и непріемлемъ. Для индивидуалиста задача всей жизни есть задача его личнаго „я“. Анархистъ же утверждаетъ не свое личное, опредѣленной ндивидуальное „я“, но человѣческое „я“ вообще.

Но есть, повидимому, одна существенная точка соприкосновенія индивидуализма и анархизма, между прочимъ, формулированная г. В. Кранихфельдомъ. Онъ говоритъ: „У всѣхъ адептовъ анархизма изъ огромнаго пространства, которое отдѣляетъ человѣка

отъ человѣчества, выпали всѣ промежуточныя звенья. Исчезло государство, исчезли борющіеся внутри его классы и человѣкъ оказался поставленнымъ лицомъ къ лицу съ огромной стихіей неорганизованнаго человѣчества". („Литер. отклики". „Совр. Міръ". № 1. 1906). Эта формулировка такъ и просится для индивидуалиста, который именно мыслитъ свое самодовлѣющее и самоутверждающееся „я" внѣ всякихъ связей, внѣ всякихъ перегородокъ, устраиваемыхъ жизнью массъ, лицомъ къ лицу съ вѣчными стихіями существованія,

Въ настоящемъ видѣ эта формулировка, несомнѣнно, сближаетъ оба ученія, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой анархизмъ входитъ въ ученіе индивидуализма, нося въ себѣ начатки этого послѣдняго. Если же формулу эту расширить всѣми истекающими изъ нея слѣдствіями и индивидуальное самоутвержденіе изъ границъ человѣческой стихіи вывести до границъ космическихъ, поставивъ данное „я" лицомъ къ лицу не только съ дезорганизованной стихіей человѣчества, но со стихіями міра вообще, упразднить всю сложность отношеній человѣческой особи къ массамъ, предполагающихся даже анархизмомъ,—то получимъ въ результатѣ именно ту упрощенную форму жизни, которая человѣческое „я" оставляетъ наединѣ съ міромъ, какъ таковымъ. Но здѣсь въ этой въ одно и то же время и упрощенной, и расширенной формулѣ помѣстится только лишь индивидуализмъ. Такого „оголенія" человѣческаго „я", такой пустынности, образовавшейся вокругъ него, убоится и анархизмъ. У него нѣтъ содержанія для такой индивидуализаціи жизни. Мнѣ скажутъ, что анархизмъ и не безпокоится объ этомъ, потому что онъ является лишь той частью общаго ученія индивидуализма, которая разрабатываетъ вопросы тактики и вообще занимается лишь путями практическаго проведенія въ жизнь и осуществленія въ ней начальныхъ принциповъ индивидуализма. Но, во-первыхъ, анархизмъ существуетъ и какъ самостоятельное философское ученіе, обоснованное такими блестящими теоретиками, какъ Штирнеръ, Годвинъ, Прудонъ, выдержанное этими послѣдними именно въ томъ его духѣ, который и раскрываетъ противорѣчія между собой и индивидуализмомъ, и въ данномъ случаѣ мы считаемся съ анархизмомъ въ его теоретической обосновкѣ. Во-вторыхъ же, если даже принять его, какъ тактическую часть индивидуализма, то все же нельзя не замѣтить, что практическіе пути анархизма ведутъ къ той цѣли, которая враждебна сущности индивидуализма, ибо въ основу ихъ не положенъ принципъ личнаго внутренняго самоутвержденія.

О томъ, что этотъ недостатокъ спасаетъ анархизмъ въ его практическомъ жизненно-боевомъ значеніи, уже упоминалось. Но въ какія отношенія съ живой непосредственной жизнью ставитъ индивидуализмъ эта присущая ему въ основѣ черта?

Намъ хотѣлось бы единственно лишь прослѣдить тотъ вы-

водъ, который возникаетъ изъ сопоставленія выдвинутой здѣсь сущности индивидуализма съ задачами, стремленіями и цѣлями шумно бѣгущаго, разнообразно окрашеннаго то въ мутный, то въ алый цвѣтъ потока жизни.

Индивидуализмъ въ томъ его голомъ и „страшномъ“ видѣ, въ какомъ онъ мыслился Ницше, какимъ чувствуется онъ въ послѣднихъ слѣдствіяхъ ученія Киргергардта и въ міросозерцаніи художниковъ-индивидуалистовъ—Эдм. Гарокура, Уайльда и др., основывавшихъ жезнестроительство на ростѣ силъ утонченнаго и творческаго „я“,—этотъ индивидуализмъ чуждъ не только идеямъ равенства и солидарности, но даже идеѣ справедливости, въ обычно принятомъ ея пониманіи. Ренанъ и Ницше, глядя въ глаза этому обнаженному, открытому во весь ростъ индивидуализму, сошлись на признаніи необходимости того „нижняго пласта“ людей, который во имя ихъ индивидуалистической справедливости, во имя ихъ носящей ту же окраску идеи права долженъ былъ нести всю тяжесть физической борьбы съ природой за нихъ,—на вершинѣ стоящихъ аристократовъ духа. Но при чемъ же тутъ справедливость?—спросятъ у индивидуалиста. Вѣдь этотъ аргументъ относительно аристократизма такъ сходенъ съ тѣми, которые выдвигаютъ вожди реакціоннаго насилія вмѣстѣ съ грубой силой бронированнаго кулака. Если индивидуалистъ отвѣтитъ, что здѣсь центръ тяжести лежитъ не въ эгоизмѣ взобравшихся по чужимъ спинамъ на вершину спокойствія и мудрости, а въ оправданіи жизненной идеи, носителями которой они являются, то не трудно убѣдиться въ полной возможности оперировать этими аргументами и для жирнѣйшаго мракобѣса. Именно индивидуалисту, до конца проникнутому истиной своего ученія и сохраняющему на немъ спокойную устойчивость, здѣсь представляется только одинъ отвѣтъ.—Да, обскурантизмъ и индивидуализмъ здѣсь аргументируютъ одинаковымъ образомъ. Тѣ, кто хотятъ и могутъ видѣть настоящій базисъ того и другого, тѣ, конечно, увидятъ подъ зданіемъ индивидуализма бѣлыя глыбы чистаго мрамора, а подъ постройкой обскурантизма въ національномъ вкусѣ—жидкую грязь. Но если касаться только аргументаціи, то не слѣдуетъ закрывать глаза на то, что есть.

Необходимо продолжить нашу параллель, выводящую на настоящую дорогу относительно вопроса о взаимоотношеніи общечеловѣческой жизни и индивидуализма.

Обскурантизмъ и индивидуализмъ—оба отводятъ индивидуальную человѣческую волю отъ тѣхъ формъ политической и соціальной борьбы, въ которыя выливается общее массовое напряженіе энергіи и ума. Обскурантизмъ и индивидуализмъ въ этомъ смыслѣ одинаково оставляютъ раба рабомъ и узника узникомъ. Обскурантизмъ самъ накладываетъ цѣпи. Индивидуализмъ же заявляетъ: человѣкъ—какъ живая творческая сила—есть

цѣль, но человѣкъ лишь, какъ узникъ, какъ рабъ—цѣлью служить не можетъ. Идти въ борьбу потому, что одни другого бросили за запертую дверь,—это для индивидуалиста „человѣческое, слишкомъ человѣческое“. Индивидуалистъ не можетъ опредѣлять своею цѣлью то, что не ведетъ его за кругъ узко, специфически-человѣческой жизни. И если анархизмъ заявляетъ: моя цѣль—свобода каждаго сознательнаго „я“, то индивидуализмъ, наоборотъ, говоритъ: моя цѣль—творческая работа свободнаго „я“. Индивидуализмъ вырываетъ изъ текущаго круговорота существованія; „ищущее и задумчивое „я“ обнимаетъ поле зрѣнія, въ которомъ кипящій бой—одинъ уголокъ картины“. И если узникъ, о которомъ шла рѣчь, есть только узникъ, существо, сломленное желѣзной мощью насилія и, слѣдовательно, ослабленное въ жизненныхъ силахъ, то—„падающаго толкни!“ (Ницше). Вонъ изъ жизни то, что не можетъ служить орудіемъ для безличнаго по существу, выходящаго за предѣлы человѣческаго міра осуществленія! Другой же индивидуалистъ въ иной формѣ даетъ то же толкованіе.—Не разбивай тюремныхъ дверей, скажетъ онъ, подойди къ тюремщику, стань подлѣ него, говори съ нимъ, живи близъ него—и ты побѣдишь его и онъ откроетъ двери тюрьмы. Но чѣмъ можно здѣсь побѣдить? Л. Н. Толстой отвѣтитъ: внутреннимъ индивидуальнымъ ростомъ создай въ себѣ эту силу—и ты побѣдишь міръ.

Здѣсь, какъ и прежде, въ основаніяхъ индивидуализмъ безконечно отходитъ отъ обскурантизма. Глазамъ сегодняшняго раба, глазамъ сегодняшняго узника индивидуализмъ широко распахиваетъ двери въ міръ, въ свободу, въ свою истину, открывая то ученіе, которое всѣхъ зоветъ къ силѣ и свободѣ, всѣхъ, кто можетъ его принять. Но передъ голосомъ скорби и муки, передъ ужасомъ насилія индивидуализмъ—какъ таковой—мертвъ.—Будь сильнымъ! говоритъ онъ. Но слабому, умирающему, замученному онъ не говоритъ ничего. Для него существуетъ только мощный и радостно-живущій.

И въ то же время есть у индивидуализма черта, роднящая его съ христіанствомъ. Эта черта—отреченіе.

Не только ученіе Л. Н. Толстого, но индивидуализмъ Ницше, индивидуализмъ Бодлера и Уайльда (въ томъ тюремномъ періодѣ жизни этого послѣдняго, когда онъ проникся индивидуализмомъ Христа) выставляетъ, какъ требованіе, отреченіе. Выставляетъ его именно потому, что для всѣхъ индивидуалистовъ личное „я“ есть только тотъ мостъ, который служитъ „переходомъ“, и который по исполненіи своей задачи подлежитъ, какъ это формулировалъ Ницше, уничтоженію. Въ жертву идеи индивидуальнаго творчества обрекается личное „я“. Человѣкъ Ницше дѣлаетъ себя мостомъ для сверхчеловѣка. Толстовецъ говоритъ: пусть кончится родъ человѣческій, но осуществится черезъ насъ идея

высшей мудрости и добра. Это ли не принципъ отреченія, и можно ли сравнивать рубенсовскій эвдемонизмъ Штирнера съ этимъ подлиннымъ индивидуализмомъ?

Но все-таки индивидуализмъ, какъ и обскурантизмъ, пассивенъ по отношенію къ проявленію насилій. Да, индивидуализмъ не подвинетъ своего адепта на „прямое дѣйствіе"; для того, чтобы сдѣлать это, онъ долженъ измѣниться въ анархизмъ.

Намъ приведутъ примѣръ: за стѣной тюрьмы—человѣкъ огромной воли и свѣтлаго ума—Сократъ. Ему грозитъ смерть. А онъ ли не является орудіемъ жизненно-творческой силы, какъ бы ни ненавидѣлъ его Ницше за холодную „сократическую" силу ума? Какъ-же быть въ данномъ случаѣ?

Индивидуалистъ спроситъ: отдалъ ли онъ жизни все, что творчески развилъ въ себѣ на основѣ, заложенной природой? Оставилъ-ли онъ въ жизни свое ученіе, свою мысль, отпечаталъ ли на ней сильный и созидательный свой обликъ? Если да, онъ могъ умереть.

А если нѣтъ? Мало ли Сократовъ погибало, не обнаруживъ себя, не отдавъ жизни свое творчество! Это было и есть и еще долго будетъ. Но все-таки, отвѣтитъ индивидуалистъ, никакая тоска или безуміе гнѣва и муки не можетъ закрыть глаза на то, что освобождающая и творческая сила есть только одна—индивидуальной мощи, творчества живущаго въ себѣ самомъ „я".

Пусть эта сила послужитъ въ рукахъ каждаго молотомъ, разбивающимъ цѣпи. Какъ въ скандинавской сказкѣ о Торѣ, здѣсь предлагается каждому испробовать свои силы и замахнуться молотомъ. Кто безсиленъ, тотъ молота и не подниметъ. А кто не подниметъ молота, молота духовнаго созиданія, жизненнаго строительства, творческаго возвышенія, тотъ не послужитъ дѣлу жизни, тотъ создастъ въ ней лишь поэму пошлаго, животнаго прозябанія, лишеннаго и жизнерадостности, и жизненной красоты. Зачѣмъ же, спрашиваетъ индивидуалистъ, эта слѣпая общность Просперо и Калибана? (См. драму Ренана „Калибанъ"). И въ лицѣ Ренана индивидуализмъ даже восклицаетъ: цѣпей для Калибана! Ибо животность побѣдитъ владычество духа красоты и разума. А Ницше обосновываетъ это требованіе своей теоріей морали „господъ и рабовъ".

Индивидуализмъ не можетъ и не хочетъ видѣть то общее человѣческое „я" въ толпѣ, въ массѣ, которое создаетъ цѣнность и знаніе массовой энергіи. Нѣтъ, индивидуализмъ не вѣритъ прекраснымъ словамъ о человѣчествѣ вообще, о царствующемъ въ немъ духѣ добра и свободы, предполагая въ каждой толпѣ бокъ-о-бокъ Просперо, и Калибана, Патрокла и Терсита.

Для индивидуализма существуютъ только двѣ человѣческихъ руки, которыми управляютъ индивидуальные разумъ и воля. И онъ указываетъ на лежащій на землѣ молотъ Бога-Тора, кото-

рымъ каждый долженъ дробить скалы и создать зданія жизни. Если же на общій зовъ пойдутъ и Калибанъ, и Просперо, то вѣдь результатъ получится только тотъ, что животная, или просто средняя, тупая сила обременитъ собой творческую руку строителя. Отсюда выводъ: призывъ индивидуализма направленъ только къ уединенно живущему Просперо, сила и мудрость котораго опредѣляются жизнью его единственнаго, его индивидуальнаго „я". Впрочемъ, призывъ индивидуализма, скажутъ его адепты, Калибанъ и не услышитъ: онъ глухъ для этого.

И грѣхъ, и добродѣтель индивидуализма, на взглядъ его враговъ и друзей, заключается именно въ этомъ недовѣріи къ человѣку, который не представляется ему ни абсолютной цѣнностью, ни самоцѣлью; черты, выставляемыя имъ, какъ требованіе высшей культуры, индивидуализмъ видитъ не во всѣхъ, но въ немногихъ; человѣкъ же вообще не можетъ быть его задачей, хотя-бы уже потому, что въ общей массѣ людей онъ найдетъ живущаго на землѣ, строющаго тюрьмы, обагряющаго руки въ крови жирнаго Калибана, принявшаго теперь и обликъ палача. Разъ есть борьба, разъ эта борьба за идеалы человѣчества дѣлитъ то же самое человѣчество на рядъ враждующихъ полчищъ, то ясно—одно изъ этихъ полчищъ воплощаетъ въ себѣ Калибана. А разъ Калибанъ существуетъ, то надо считаться съ нимъ.

Это въ данный, по крайней мѣрѣ, мигъ разрушаетъ понятіе человѣчества, ибо въ противномъ случаѣ оно обойметъ собою и Калибана. Но формы, въ которыя отливается „калибанизмъ", различны,—и спасеніе отъ всѣхъ его видовъ только въ мѣрилѣ, выдвигаемомъ индивидуализмомъ, который вообще въ оцѣнкѣ созидательной дѣятельности руководствуется принципомъ, по которому полезнымъ и необходимымъ камнемъ для зданія жизни будетъ только лишь сработанный въ горнилѣ замкнутой личнотворческой работы, въ каждой частицѣ ея носящей отпечатокъ индивидуальности творца, какъ это давно уже указано Рескинымъ на примѣрахъ дорафаэлитовъ-примитовъ и прерафаэлитовъ.

Но индивидуализмъ преграждаетъ дорогу своему адепту въ общее русло массоваго подъема не только логическими доводами, но и непосредственнымъ чувствомъ. Глядя на гущу массоваго существованія съ нѣкой высоты, созданной для себя ученіемъ, индивидуалистъ подвергается тому воздѣйствію исповѣдуемой имъ философской уединяющей религіи, которая, какъ уже было въ началѣ сказано, воспитываетъ въ немъ отчужденность и отвращеніе къ этому потоку жизни и кипящей въ ней борьбѣ. Онъ видитъ здѣсь затертымъ и почти уничтоженнымъ то, что ставится имъ въ уголъ своего зданія жизни – индивидуальное, личное начало человѣческихъ единицъ, затеривающейся въ массѣ, какъ ничтожная песчинка. И не все ли равно—будетъ ли это масса соціалистовъ или масса анархистовъ?

Все это опредѣляетъ собою взаимоотношеніе индивидуализма и революціоннаго движенія, на пути котораго первый не можетъ не стоять каменной и мертвой глыбой. Индивидуализмъ не въ примитивной его формѣ, въ каковой сливается онъ съ идеей общественной борьбы, а взятый, какъ ученіе въ чистой его сущности, стоитъ въ сторонѣ отъ кипящаго движенія и каждаго, кто оглянется на него въ пылу борьбы, обливаетъ холодомъ отчужденія, смѣняя горячку борьбы тишиной глубокой и внимательной пытливости, работы тихаго исканія, не лишенной экстатической бурной силы напряженія. Если даже представить себѣ индивидуалиста на баррикадѣ, то во взглядѣ, которымъ онъ окинетъ и улицу, и баррикады, и товарищей, и себя самого, неизмѣнно будетъ та внимательность холоднаго какъ будто со стороны прислушиванія, которая является основной чертой индивидуалиста. Уже самая способность *оглянуться* на себя самого, стоящаго на баррикадѣ, говоритъ не о захватѣ идеей общей борьбы, а той непрерывной нити индивидуальной внутренней работы, которая прядется въ головѣ неизмѣнно вездѣ и всегда. Нѣтъ, индивидуалистъ—плохой революціонеръ! Сидя въ каменныхъ толщахъ тюрьмы, исполняя отвѣтственную партійную работу, онъ будетъ прислушиваться къ самому себѣ, къ внутреннимъ голосамъ ума и души. Онъ уже взятъ, захваченъ работой жизни, которая врядъ-ли совмѣстится съ другой ея задачей.

Съ точки зрѣнія живой „сегодняшней“ жизни это страшно принижаетъ индивидуализмъ, какъ ученіе жизни, а не смерти. Съ точки зрѣнія человѣка чистой осуществляющейся идеи, это возвеличиваетъ то же ученіе. Рамки статьи не даютъ намъ стать на точку зрѣнія того или иного утвержденія. Намъ важно только одно: правиленъ или нѣтъ выводъ враждебности индивидуализма революціи, которая поглощаетъ и стираетъ въ своемъ массовомъ движеніи объектъ ученія?

А выводъ этотъ въ одно и то же время—и общее мѣсто, и парадоксъ. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ эпоху полнаго владычества реакціи, теоретикъ политической борьбы считалъ своею обязанностью бороться съ просачивающимися въ нашу художественную и философскую литературу теченіями индивидуализма, ибо видѣлъ въ нихъ именно средство *отвлеченія* отъ задачъ момента и боялся эпидеміи этихъ идей. Но когда революція вторгнулась стихійной волной въ жизнь, власть *ея* идей сочли непобѣдимой. И, дѣйствительно, какая теорія можетъ спорить со стихійной непосредственностью жизненныхъ проявленій! И вотъ на нашихъ глазахъ индивидуализмъ погнали на службу революціи. И уже не одинъ изумленный голосъ мы слышали:—Смотрите! Индивидуализмъ и революція слились!

Такъ многіе восклицаютъ, и для нихъ-то нашъ выводъ — парадоксъ. Но они не замѣтили главнаго, что не индивидуализмъ,

а двѣ-три идеи этого ученія, не существенныя для него, слились съ общей массой освободительныхъ идей.

Индивидуализмъ же во всей его полнотѣ и цѣлостности чуждъ революціи, ибо основная его цѣль разрываетъ рамки политическихъ, соціальныхъ и вообще, такъ сказать, „мѣстныхъ“ цѣлей и задачъ, на которыхъ основывается освободительный подъемъ массъ и лежитъ „по ту сторону ихъ“, какъ выразился Ницше. Наука, искусство, умъ, творчество, воля, энергія и сила— все это служитъ не человѣчеству, а той отвлеченной идеѣ познанія и развитія, носителемъ которой является индивидуальное „я“. И высшая радость, и вся полнота жизни этого „я“ заключается въ достиженіи высшихъ ступеней этого личнаго осуществленія. На этихъ ступеняхъ индивидуальное „я“ перерастаетъ самыя утонченныя рамки культурнаго общежитія, полагая, какъ цѣли жизни, такъ и пути къ нимъ—въ себѣ самомъ, и тѣмъ самымъ видитъ себя свободнымъ отъ условій массоваго существованія и чуждымъ имъ. Такъ говоритъ индивидуализмъ — и ни прибавить къ нему, ни убавить отъ него въ чистой его формулѣ ничего нельзя.

Н. Я. Абрамовичъ.

Карлъ Марксъ и его время.

Очеркъ третій[1]).

Положеніе Германіи въ сороковыхъ годахъ. Недифференцированность общественныхъ направленій. Рѣшительный переходъ Маркса къ реалистическому соціализму. Критика субъективизма. Отношеніе къ нѣмецкому народничеству. Полемика съ радикалами.

Германія начала сороковыхъ годовъ XIX вѣка находилась въ послѣднихъ градусахъ абсолютизма. Исторія уже произнесла свой смертный приговоръ нѣмецкому самодержавію, но дѣятелямъ сороковыхъ годовъ надо было привести этотъ приговоръ въ исполненіе, а это было не легко сдѣлать, такъ какъ абсолютизмъ еще располагалъ огромною силою исторической инерціи и освободительное движеніе еще не охватило широкихъ народныхъ низовъ.

Отсутствіе широкихъ народныхъ движеній, крайняя недифференцированность соціальныхъ условій и отношеній и наличность одного общаго политическаго врага—абсолютизма, вели къ тому, что въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ освободительное движеніе носило въ Германіи политически сравнительно однородный характеръ, удерживая въ однихъ и тѣхъ же берегахъ общественные элементы, которые вскорѣ разошлись по совершенно различнымъ и враждующимъ направленіямъ.

Уже въ тридцатыхъ годахъ стала раздаваться въ Германіи проповѣдь соціализма и призывы порвать всякій союзъ съ либералами, но эта проповѣдь широкаго успѣха не имѣла и лишь нѣсколькими годами позже она сумѣла увлечь за собою значительную часть нѣмецкой передовой интеллигенціи.

Въ концѣ же тридцатыхъ и самомъ началѣ сороковыхъ годовъ тѣ общественные элементы, которые вскорѣ обособились въ от-

---

[1]) Въ этомъ и второмъ очеркѣ пришлось *частью* воспользоваться тѣмъ фактическимъ матеріаломъ, который въ другой связи былъ нами подробно обработанъ въ книгѣ „Германія наканунѣ революціи 1848 г." Спб. 1906. Это замѣчаніе относится къ характеристикѣ соціалистическихъ теченій въ Германіи сороковыхъ годовъ и полемики съ ними Маркса.

дѣльныя теченія—либеральное, радикальное и соціалистическое—вливались въ одно общее русло.

Когда Марксъ выступилъ впервые на литературное поприще, всѣ эти теченія уже были въ зачаточномъ видѣ представлены въ нѣмецкой литературѣ въ произведеніяхъ отдѣльныхъ писателей, но въ жизни они еще не обособились сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ. Первые органы, въ которыхъ сотрудничалъ Марксъ — „Нѣмецкіе Ежегодники“, „Anekdota“, „Рейнская Газета“,—относятся къ этому періоду еще не дифференцировавшихся политическихъ теченій. Всѣ эти органы были проникнуты боевымъ оппозиціоннымъ духомъ и они объединяли въ одной освободительной арміи и соціалистовъ, и радикаловъ, и либераловъ. Даже когда Марксъ переѣхалъ въ Парижъ и окончательно порвалъ съ мыслью о возможности дозволенной цензурою борьбы съ правительствомъ, даже и тогда еще не произошло отмежеванія основныхъ типовъ политическихъ движеній. Въ числѣ ближайшихъ сотрудниковъ „Нѣмецко-Французскихъ Ежегодниковъ“ мы встрѣчаемъ и радикала Руге, и анархиста Бакунина, и соціалиста Маркса, и гуманиста Фейербаха.

Но эти „Нѣмецко-Французскіе Ежегодники“ (вышедшіе въ 1844 г.) были послѣднимъ органомъ, въ которомъ мы находимъ подобную недифференцированность основныхъ теченій политической мысли. Ниже мы дадимъ общую характеристику тѣхъ объективныхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ съ 1844 года начинается въ Германіи рѣзкое размежеваніе общественныхъ направленій, а теперь мы лишь отмѣтимъ, что Марксъ лично именно въ это время перешелъ отъ философствующаго радикализма къ дѣйственному соціализму.

Мы уже знаемъ, что въ своей статьѣ, помѣщенной въ „Нѣмецко-Французскихъ Ежегодникахъ“, Марксъ всѣ свои надежды возлагаетъ на пролетаріатъ и его историческое призваніе. Но въ этой статьѣ соціализмъ Маркса еще пропитанъ фейербаховскимъ гуманизмомъ и свой окончательный переходъ къ реалистическому соціализму Марксъ завершилъ во время своего пребыванія въ Парижѣ и Брюсселѣ, въ теченіе 1844—1846 гг.

Пребываніе въ Парижѣ оказало на Маркса огромное вліяніе. Несравненно болѣе развитыя, чѣмъ въ Германіи, соціальныя отношенія, несравненно болѣе обостренная, чѣмъ въ Германіи, классовая борьба и замѣчательный расцвѣтъ въ тогдашней Франціи соціалистической литературы,—все это вмѣстѣ взятое обнажило передъ испытующимъ взглядомъ Маркса основные пружины и двигатели общественной жизни. Какъ извѣстно, іюльская монархія съ особенною ясностью обнажила двигательные нервы капиталистическаго организма. Іюльская революція возвела на тронъ финансовую аристократію. Политическій переворотъ, происшедшій во Франціи и такъ дорого стоившій рабочимъ, своими жал-

скими результатами вызвалъ сильнѣйшее озлобленіе въ низшихъ слояхъ населенія и жгучую ненависть къ торжествующей буржуазіи. Завладѣвъ властью, французская крупная буржуазія жадно эксплюатировала ее для своего обогащенія. Промышленность Франціи сильно развивалась.

Въ 1831 году Франція вывозила товаровъ на 1131 милліонъ франковъ, а къ 1847 году эта цифра поднялась уже до 2613 милліоновъ. Французскія суда перевезли въ 1831 г. 1.782.000 тоннъ груза, а въ 1847 г.—уже 2.627.000 тоннъ. За соотвѣтствующій періодъ времени количество хлопчатой бумаги, потребляемой французскими фабриками, повысилось съ 30 милліоновъ киллограммовъ до 64 милліоновъ. Повсюду кипѣла напряженная и быстро разрастающаяся промышленная дѣятельность. Росли города, фабрики и ихъ обороты, густѣла желѣзнодорожная сѣть, но въ то же самое время положеніе рабочаго класса становилось все болѣе тяжелымъ и на ихъ долю не только не перепадала часть быстро возраставшаго національнаго богатства, но ихъ положеніе становилось хуже, чѣмъ было раньше. По сравненію съ двадцатыми и тридцатыми годами, заработокъ французскихъ рабочихъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности уменьшился вдвое и втрое. Разорявшіеся мѣщане и крестьяне переполняли города и вызывали паденіе заработной платы; число безработныхъ повсюду было очень велико. Города кишѣли нищими, больными и спившимися людьми. Каково было общее матеріальное положеніе рабочихъ въ тогдашней Франціи, видно хотя бы изъ того, что въ 1845 г. на всю страну насчитывали всего 134.836 рабочихъ, которые дѣлали кое-какія сбереженія на черный день.

Рабочій классъ былъ охваченъ сильнымъ броженіемъ, то и дѣло вспыхивавшимъ стачкой, которая тогда—запрещенная закономъ—по необходимости принимала революціонный характеръ. Какъ разъ въ то время, когда Марксъ былъ въ Парижѣ, произошла крупная стачка въ каменоломняхъ, закончившаяся вооруженнымъ столкновеніемъ стачечниковъ съ войсками.

Іюльская монархія, добытая кровью рабочихъ, павшихъ въ іюльской революціи; крупная буржуазія, возведенная на тронъ, умножавшая свои богатства со сказочною быстротою, весело прожигавшая роскошную жизнь и жестоко эксплоатировавшая рабочихъ; рабочій классъ, совершившій революцію и теперь гибнущій въ нищетѣ,—все это вызвало во Франціи сороковыхъ годовъ необычайный расцвѣтъ соціалистической проповѣди во всѣхъ ея оттѣнкахъ и направленіяхъ.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должна была произвести эта обстановка и атмосфера соціально-политической жизни Франціи на такого человѣка, какъ Марксъ, пріѣхавшаго изъ тихой Германіи, съ ея отсталымъ экономическимъ строемъ, патріархальностью классовыхъ отношеній и наивною вѣрою либераловъ

во власть петицій и резолюцій, а интеллигентовъ — во власть философскихъ формулъ.

Франція очень скоро отучила Маркса отъ его вывезеннаго изъ Германіи гегельянскаго взгляда на государство, какъ на „нравственный организмъ", величаво возвышающійся надъ борьбою общественныхъ классовъ. Въ Парижѣ Марксъ, наблюдая все болѣе обостряющуюся и обнажающуюся классовую борьбу, постоянно встрѣчаясь съ выдающимися представителями соціализма, проводя ночи напролетъ надъ изученіемъ соціалистическихъ системъ, не только окончательно перешелъ на сторону соціализма, но и въ самый соціализмъ внесъ новое реалистическое направленіе. „Нѣмецко-Французскіе Ежегодники", какъ мы уже упомянули, были послѣднимъ органомъ, въ которомъ Марксъ сотрудничалъ въ періодъ своего переходнаго состоянія отъ утопизма къ реализму. „Нѣмецко-Французскіе Ежегодники" вышли всего въ одномъ, двойномъ, выпускѣ, а затѣмъ прекратили свое существованіе, отчасти изъ-за недостатка средствъ, а отчасти потому, что къ этому времени обнаружились уже серьезныя разногласія между редакторомъ, радикаломъ Руге, и соціалистомъ—Марксомъ.

Къ самой срединѣ сороковыхъ годовъ рука объ руку съ быстрымъ обостреніемъ соціальной борьбы между различными классами нѣмецкаго общества стало обнаруживаться стремленіе къ политическому размежеванію. Радикалы стали отдѣляться отъ либераловъ, соціалисты отъ радикаловъ. Марксъ къ этому времени уже окончательно примкнулъ къ соціализму, а въ области послѣдняго уже сдѣлалъ главные шаги отъ утопизма къ реализму. Онъ жилъ въ это время въ Парижѣ, дѣля свое время между усиленными научными занятіями и страстными спорами съ выдающимися соціалистическими дѣятелями и мыслителями тогдашней Франціи. Изъ всей Германіи стекались въ Парижъ наиболѣе „неблагонадежные" и боевые элементы. Тысячи нѣмецкихъ интеллигентовъ, ремесленниковъ и рабочихъ покидали свою родину и уѣзжали въ Парижъ, чтобы хотя на короткое время подышать свободнымъ воздухомъ и почувствовать себя свободнымъ отъ докучливой полицейской опеки. Въ Парижѣ кипѣла интенсивная политическая жизнь и напряженно работала соціально-политическая мысль, охваченная лихорадочнымъ исканіемъ новыхъ общественныхъ идеаловъ. Нѣмецкая колонія, насчитывавшая нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, была захвачена этою повышенною интеллектуальною жизнью Парижа и жадно прислушивалась къ яркимъ и сильнымъ лозунгамъ многочисленныхъ соціалистическихъ ученій. Нѣмецкіе ремесленники и интеллигенты устраивали многолюдныя и многошумныя собранія, гдѣ произносились страстныя рѣчи и давались торжественныя аннибаловы клятвы положить свой животъ за освобожденіе родной Германіи. На этихъ собраніяхъ выступалъ со своими страстными рѣчами

Людвигъ Берне, посѣщалъ ихъ и Гейне, котораго ужасно коробили и крѣпкій запахъ дешеваго табаку, и горькій вкусъ дешеваго пива, и смѣлость колченогихъ и оборванныхъ портныхъ, смѣло закраивавшихъ новыя общественныя формы. Но при этомъ Гейне, съ утрированнымъ отвращеніемъ говорившій о тяжеломъ запахѣ этихъ собраній, отлично уловилъ тотъ свѣтлый духъ, который рѣялъ надъ ними и понялъ его непобѣдимость. Какъ мы увидимъ ниже, въ это же самое время и въ самой Германіи стало вспыхивать пламя ожесточенной соціальной борьбы.

Подъ вліяніемъ этихъ благопріятныхъ условій времени и мѣста созрѣваніе соціалистическаго реализма въ головѣ Карла Маркса шло съ замѣчательною быстротою и въ теченіе какихъ-нибудь двухъ лѣтъ (1844—1846 гг.) К. Марксъ успѣлъ не только усвоить себѣ основательно соціалистическое міросозерцаніе, но и внести въ него новую строго реалистическую струю. Процессъ обоснованія своего ученія шелъ у Маркса рука объ руку съ процессомъ энергичной литературной борьбы со всѣми видами и формами отечественнаго нѣмецкаго утопизма, дань которому въ свое время уплатилъ и самъ К. Марксъ. Этой критической работой было заполнено первое время пребыванія Маркса за границей (въ Парижѣ и Брюсселѣ), когда Марксъ въ блестящихъ и ѣдкихъ памфлетахъ бичевалъ нѣмецкихъ утопистовъ.

Журнальная дѣятельность Маркса свелась въ это время почти на нѣтъ. Кромѣ двухъ, уже знакомыхъ намъ статей въ „Нѣмецко-Французскихъ Ежегодникахъ“, Марксъ во время своей жизни въ Парижѣ принималъ участіе лишь въ издававшейся въ Парижѣ нѣмецкой революціонной газетѣ „Впередъ“ („Vorwärt's“). Газета эта вначалѣ была основана нѣкіемъ Бёрнштейномъ въ качествѣ небольшой газетки, лишенной какихъ бы то ни было революціонныхъ намѣреній. Несмотря на то, что газетка эта вначалѣ велась въ духѣ самаго дешеваго и беззлобнаго либерализма, нѣмецкое правительство запретило ее въ Германіи. Тогда Бёрнштейнъ, разъ уже газета все равно запрещена, рѣшилъ придать ей революціонный характеръ и пригласилъ въ число ея сотрудниковъ Генриха Гейне, Гервега, Маркса, Энгельса, Бакунина, Руге и др. „Впередъ“ заговорилъ рѣзкимъ и насмѣшливымъ языкомъ. Онъ сталъ проповѣдывать неутомимую, лютую борьбу съ нѣмецкимъ абсолютизмомъ, борьбу, не останавливающуюся ни передъ какими средствами, до террора включительно.

Когда въ 1844 г. нѣкій Чехъ произвелъ неудачное покушеніе на Фридриха-Вильгельма IV, то парижскій „Впередъ“ помѣстилъ статью, въ которой доказывалъ, что „въ Германіи покушеніе на нѣмецкаго короля есть единственное средство доказать непригодность нѣмецкаго абсолютизма... Абсолютизмъ, разъ на него оказывается возможнымъ покушеніе, теряетъ свой божественный безпорочный характеръ. Необходимо было на примѣрѣ нѣмецкаго ко-

роля доказать, что абсолютизмъ можетъ быть предметомъ покушенія, такъ какъ казнь Карла I и Людовика XVI и многочисленныя покушенія на Людовика-Филиппа, очевидно, не научили Германіи. Нѣмецкій король можетъ грабить и убивать, производить любыя насилія, мучить людей, обезчещивать ихъ и продавать и при всемъ этомъ безбоязненно давать своему грѣшному тѣлу отдыхъ въ любой избѣ. Теперь это уже невозможно, теперь и нѣмцы поняли, что и королю можно отмстить".

Съ столь же грозными предупрежденіями обращался „Впередъ" и къ семи прусскимъ министрамъ: „Пусть семь нечистыхъ духовъ, дающихъ совѣты наслѣднику великаго Фридриха, знаютъ, что задолго до того, какъ пала королевская голова британскаго Стюарта, поплатился жизнью его министръ и руководитель, графъ Страффордъ. Пусть эти жалкіе прусскіе министры подумаютъ о своемъ будущемъ!"

Очень рѣзкій и смѣлый тонъ, въ которомъ „Впередъ" говорилъ о нѣмецкомъ правительствѣ, чрезвычайно злилъ и безпокоилъ послѣднее. Несмотря на всѣ пограничныя рогатки, „Впередъ" провозился въ Германію и здѣсь вызывалъ сильную сенсацію. Его вліяніе быстро возрастало, и нѣмецкое правительство рѣшило во что бы то ни стало добиться его закрытія. Для этого было лишь одно средство: побудить къ этому шагу французское правительство. Нѣмецкое правительство сдѣлало соотвѣтствующее представленіе министерству Гизо. Послѣднее, однако, побоялось, въ виду общественнаго скандала, закрыть газету, а предпочло привлечь ее къ суду за нарушеніе тогдашняго французскаго закона о печати, обязывавшаго всѣ политическіе органы вносить соотвѣтствующій денежный залогъ. „Впередъ" этого залога не внесъ, и его редакторъ былъ приговоренъ за нарушеніе этого закона къ денежному штрафу и двухмѣсячному тюремному заключенію. Съ 1-го января 1845 года „Впередъ" долженъ былъ превратиться въ ежемѣсячный журналъ, для котораго по тогдашнимъ французскимъ законамъ не требовалось денежнаго залога, но какъ разъ перваго января 1845 г. всѣ ближайшіе сотрудники „Впередъ", и въ ихъ числѣ и Марксъ, получили отъ Гизо приказъ покинуть Парижъ въ теченіе 24 часовъ. Марксъ уѣхалъ тогда въ Брюссель.

Сотрудничество Маркса въ „Впередъ", поскольку рѣчь идетъ о крупныхъ статьяхъ, ограничилось всего одною статьею, представляющею собою критику статьи Арнольда Руге „Прусскій король и соціальная реформа". Ниже, въ другой связи, намъ еще придется вернуться къ этой статьѣ Маркса, а пока мы должны будемъ обратиться къ тому окончательному разрыву съ утопическимъ прошлымъ и той общей критикѣ нѣмецкихъ утопистовъ, которые относятся къ 1845 г., когда Марксъ, покинувъ Парижъ, переселился въ Брюссель.

Въ Брюсселѣ же Марксъ впервые отъ обсужденія и изложенія соціально-политическихъ вопросовъ перешелъ къ практической дѣятельности. Но прежде, чѣмъ говорить объ этой послѣдней, остановимся на періодѣ окончательнаго теоретическаго разрыва Маркса съ нѣмецкими утопистами.

Прежде всего Марксъ подвергъ жестокой и насмѣшливой критикѣ нѣмецкихъ субъективистовъ-индивидуалистовъ, съ Бруно Бауеромъ во главѣ. Нѣкогда Марксъ былъ связанъ съ Бруно Бауеромъ узами самой тѣсной дружбы. Они очень усердно переписывались, были другъ съ другомъ на „ты“ и одно время носились съ планомъ совмѣстнаго изданія радикальнаго журнала. Это показываетъ, что въ то время между Бауеромъ и Марксомъ еще были точки тѣснаго идейнаго соприкосновенія. Общею почвою послужило имъ ученіе Гегеля, изъ котораго оба они дѣлали „лѣвые“, въ общественномъ смыслѣ, выводы. Марксъ въ эту эпоху еще всецѣло стоялъ на гегелевской точкѣ зрѣнія и очень мало занимался соціально-политическими вопросами. Все вниманіе тогдашней передовой нѣмецкой интеллигенціи было поглощено философско-религіозными теоріями, изъ которыхъ попросту „выводились“ соціально-политическія примѣненія. А въ области религіозно-философскихъ вопросовъ Бр. Бауеръ былъ въ началѣ сороковыхъ годовъ одною изъ самыхъ крупныхъ величинъ. Его критика религіозныхъ суевѣрій и предразсудковъ христіанства навлекла на него гоненія правительства и привлекла къ нему широкія симпатіи нѣмецкой интеллигенціи. Бруно Бауеръ велъ неутомимую и побѣдоносную борьбу съ религіознымъ фанатизмомъ, фарисействомъ и суевѣріемъ.

Бр. Бауеръ и кучка его послѣдователей чувствовали себя могущественными критически-мыслящими личностями, въ лицѣ которыхъ міръ пришелъ къ своему самосознанію и избралъ ихъ орудіемъ разрушенія всего стараго филистерскаго міра. Пока Бр. Бауеръ во имя „самосознанія“ велъ веселую и побѣдоносную войну съ темнымъ царствомъ филистеровъ и фарисеевъ, между нимъ и Марксомъ существовала самая тѣсная идейная дружба. Бр. Бауеръ стоялъ въ первыхъ рядахъ нѣмецкаго общественнаго движенія. Но это движеніе съ начала сороковыхъ годовъ быстро росло и вширь, и вглубь. Марксъ, какъ мы знаемъ, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ лѣтъ совершилъ громадную идейную эволюцію отъ интеллигентски-отвлеченной точки зрѣнія къ реалистически-дѣйственной. А Бр. Бауеръ не двигался впередъ и благодаря этому все болѣе и болѣе оставался позади. Пока на борьбу со старымъ нѣмецкимъ порядкомъ жидкими и разрозненными рядами выходили лишь кучки интеллигентовъ, пока эта борьба велась лишь въ области философской и религіозной теоріи, до этихъ поръ ученіе Бауера о „самосознаніи“, какъ единственной движущей силѣ исторіи, было прогрессивнымъ идеологическимъ сти-

мулом. Но когда общественная борьба сумѣла мобилизовать уже и извѣстные слои народа, когда въ самомъ народѣ начали просыпаться освободительныя стремленія, когда народная масса начинала уже не формулировать въ теоріи, а добывать на практикѣ новыя условія свободной жизни, тогда ученіе Бауера о проникнутыхъ самосознаніемъ одинокихъ личностяхъ, какъ о единственномъ двигателѣ прогресса, тогда это ученіе изъ революціонной критической формулы превратилось въ тормазъ дальнѣйшаго движенія. Бр. Бауеръ и его немногочисленные послѣдователи изъ передовыхъ бойцовъ очень скоро превратились въ злобствующихъ критиковъ и ненавистниковъ широкаго народнаго движенія, которое переросло философскія формулы, выкроенныя для одинокихъ нѣмецкихъ интеллигентовъ, вырабатывающихъ въ тиши кабинета свое „самосознаніе".

Бр. Бауеръ и его послѣдователи относились съ глубокимъ и нескрываемымъ недовольствомъ къ освободительному движенію, въ которомъ принимала участіе „масса". Участіе „массы", по утвержденію Бр. Бауера, лишь опошляетъ и губитъ всякое освободительное движеніе. Всѣ крупныя историческія событія лишь потому оказались безплодными, что въ нихъ принимала участіе масса. Нѣмецкіе индивидуалисты рѣзко противопоставили „критическій духъ", какъ двигатель прогресса, съ одной стороны, и „массу", какъ инертное, косное начало исторіи—съ другой. Человѣческій духъ, заявляли они, „знаетъ теперь, гдѣ онъ долженъ искать своихъ единственныхъ враговъ, этими врагами являются фразы, самообманъ и мягкотѣлость массы".

Бруно Бауеръ и его послѣдователи имѣли свой собственный литературный органъ — „Литературную Газету" („Litteraturzeitung"), въ которой они горделиво заявляли свои права на званіе единственныхъ двигателей историческаго прогресса и изощрялись въ насмѣшкахъ надъ „массой", толпой и ея тупою реакціонностью. Успѣха эта газета не имѣла, но редакція только гордилась этимъ, такъ какъ была убѣждена, что критически мыслящія личности могутъ только унизиться, если онѣ встрѣтятъ поддержку въ массѣ, либо масса способна лишь къ воспріятію пошлыхъ заблужденій. Указывая на полный неуспѣхъ „Литературной Газеты", одинъ изъ ея сотрудниковъ присовокуплялъ: „Вы видите, такимъ образомъ, что „Литературная Газета" достигла своей цѣли, т. е., что она не нашла себѣ никакого отзвука. Сочувствіе она могла бы встрѣтить только въ томъ случаѣ, если бы она вторила безсмысленности, если бы впереди нея гордо шли янычары съ музыкой ходячихъ понятій и гремящихъ фразъ".

Къ общественной дѣятельности критическія личности относились съ презрѣніемъ. Одинъ изъ видныхъ послѣдователей Бруно Бауера, Спелига, писалъ, что „критики не должны лично вмѣшиваться въ общественныя дѣла", „истинный и чистый критикъ

никогда самъ не принимаетъ непосредственнаго участія въ дѣлѣ, онъ не является человѣкомъ дѣла".

Отношенія между Марксомъ и Бауеромъ уже въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ приняли характеръ натянутости и въ 1843 г. личныя отношенія между ними окончательно оборвались. Чѣмъ рѣшительнѣе Марксъ переходилъ на точку зрѣнія соціальнаго реализма, тѣмъ рѣзче расходился онъ съ Бауеромъ. Насколько Бауеръ видѣлъ въ „массѣ", въ народѣ, инертное начало, погубившее всѣ широкія начинанія критическихъ личностей, настолько же Марксъ все болѣе и болѣе убѣждался, что только движенія массы способны произвести крупный историческій переворотъ. Насколько Бруно Бауеръ рѣзко противопоставлялъ критическія идеи косности массы, насколько онъ считалъ великія идеи погибшими, разъ за ихъ осуществленіе возьмется масса, настолько же Марксъ уже въ 1845 г. убѣдился, что только тогда идеи сильны, когда ихъ усвоитъ масса.

Въ Брюсселѣ Марксъ написалъ обширный памфлетъ „Святое семейство или критика критической критики" („Die Heilige Familie oder die Kritik der Kritischen Kritik", въ которомъ подвелъ итоги своего непримиримаго разногласія со своимъ бывшимъ другомъ Бруно Бауеромъ и его послѣдователями.

Мы уже указывали, что въ своей статьѣ „Къ критикѣ гегелевской философіи права" Марксъ великую историческую освободительную миссію возлагаетъ на пролетаріатъ, причемъ уже здѣсь Марксъ писалъ, что „революціи нуждаются въ пассивномъ элементѣ, въ матеріальной основѣ. Въ каждомъ народѣ теорія осуществляется лишь постольку, поскольку она представляетъ собою осуществленіе его потребностей... Мало того, чтобы мысль стремилась къ осуществленію, необходимо, чтобы сама дѣйствительность стремилась навстрѣчу мысли".

Эмансипація Германіи, уже въ 1844 г. писалъ Марксъ, произойдетъ только тогда, когда молнія мысли основательно ударитъ въ доселѣ наивную и дѣвственную массу пролетаріата.

Въ памфлетѣ противъ Бауера Марксъ даетъ этимъ идеямъ соціальнаго реализма дальнѣйшее блестящее развитіе. Въ полную противоположность Бруно Бауеру и его послѣдователямъ, Марксъ доказываетъ въ „Святомъ Семействѣ", что „идея скандалится каждый разъ, какъ только она отдѣляетъ себя отъ „интереса" [1]). На примѣрѣ Великой французской революціи Марксъ превосходно показываетъ, какую великую историческую роль играетъ „масса" и въ какомъ взаимоотношеніи находятся интересы и идеи людей. Чѣмъ шире народная масса, принимающая участіе въ данномъ историческомъ событіи, говоритъ Марксъ, тѣмъ глубже будетъ

---

[1]) Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx. Zw. Bd. Stuttgart. 1902. 182 стр.

дѣйствіе этого событія, тѣмъ могущественнѣе его роль. Наиболѣе сильное и неутолимое стремленіе къ справедливости и знанію, говоритъ Марксъ, живетъ не въ рядахъ интеллигенціи, а въ рядахъ рабочихъ. „Надо быть знакомымъ съ жаждою знанія, съ нравственной энергіей, съ неустаннымъ стремленіемъ къ развитію англійскаго и французскаго рабочаго, чтобы составить себѣ представленіе о духовномъ благородствѣ массоваго движенія“ [1]).

Рисуя величественное историческое призваніе пролетаріата, Марксъ, однако, протестуетъ противъ утвержденія Бр. Бауера, будто соціалисты провозглашаютъ пролетаріевъ какими-то новыми богами. Пролетаріи—не боги, говоритъ Марксъ, а обыкновенные люди, поставленные, однако, въ такія соціальныя условія, что они поневолѣ *должны* со временемъ взяться за эмансипацію всего человѣчества. Пролетаріатъ, говоритъ Марксъ, и только самъ можетъ добиться своего освобожденія. „Но онъ не можетъ освободить себя, не уничтоживъ предварительно условій своего существованія. Но онъ не можетъ уничтожить условій своего существованія, не уничтоживъ предварительно *всѣхъ* безчеловѣчныхъ условій существованія современнаго общества... Дѣло идетъ не о томъ, что въ данную минуту *воображаетъ* своею цѣлью тотъ или иной пролетарій или даже весь пролетаріатъ. Вопросъ заключается въ томъ, что представляетъ собою пролетаріатъ и какую историческую роль онъ вынужденъ играть въ силу своего положенія“ [2]).

„Святое Семейство“ Маркса означало такимъ образомъ полный разрывъ съ нѣмецкимъ субъективизмомъ сороковыхъ годовъ. Но оно направлялось не только противъ субъективистовъ, а и противъ нѣмецкихъ утопистовъ-соціалистовъ, наивно учившихъ, что въ Германіи, въ полную противоположность „западнымъ странамъ“ (Франціи и Англіи), носителями соціалистическихъ идей являются не рабочіе, „заинтересованные“ въ нихъ, а интеллигенты, безкорыстно увлекшіеся ими.

Въ началѣ своего развитія соціалистическое движеніе носило въ Германіи наносный, импортированный характеръ, оно было ввезено туда изъ Франціи, сильно обогнавшей Германію по своему соціально-политическому развитію. Въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ пролетаріатъ, какъ обособленный соціальный классъ, едва только нарождался въ Германіи. Правда, уже съ тридцатыхъ годовъ въ Германіи стали попадаться единичные рабочіе (или вѣрнѣе ремесленики), которые беззавѣтно увлекались соціалистическими идеями, но это были лишь случайные и разроз-

1) Ср. Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx. Zweiter Band. Stuttgart. 1902. Стр. 185.

2) Ibid. Стр. 133.

ненные элементы. Но въ то самое время, когда нѣмецкія крайне отсталыя соціально-политическія условія еще не взростили въ Германіи самостоятельнаго рабочаго движенія, а съ нимъ и соціалистическаго, въ сосѣдней Франціи и рабочее, и соціалистическое движеніе успѣли уже принять широкіе размѣры. Благодаря этому нѣмецкая интеллигенція, всегда жадно перенимавшая у Франціи всѣ новыя слова, получила возможность усвоить себѣ соціалистическія идеи,—во Франціи явившіяся продуктомъ сложныхъ и развитыхъ соціальныхъ условій,—живя въ то же время въ странѣ, объективныя соціальныя условія которой были крайне отсталы и не могли еще самостоятельно породить рабочее и соціальное движеніе. Благодаря этому, у передовой нѣмецкой интеллигенціи, увлекшейся соціалистическими идеями, родилась горделивая иллюзія, что нѣмецкій „народъ мыслителей и поэтовъ" въ противоположность грубому Западу увлекается соціализмомъ изъ чисто идеалистическихъ увлеченій и отвлеченныхъ соображеній и что въ Германіи, въ противоположность Франціи, соціалистическій переворотъ произойдетъ мирнымъ путемъ не съ помощью жестокой классовой борьбы, а благодаря идейному увлеченію соціализмомъ.

При этомъ нѣмецкіе соціалисты переводили французскій, слишкомъ жесткій и боевой для нихъ соціализмъ, на свои мягкіе интеллигентскіе нравы и соединили его съ фейербаховскимъ гуманизмомъ. Этотъ-то передѣланный на нѣмецкіе нравы французскій соціализмъ усердно проповѣдывали подъ именемъ истиннаго соціализма въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ нѣмецкіе интеллигенты.

Однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей этого истиннаго соціализма былъ Мозесъ Гессъ. Во Франціи, пишетъ Гессъ въ одной изъ своихъ статей, „бѣдные рабочіе стремятся осуществить ту цѣль, къ которой у насъ стремятся преимущественно высшія и образованныя сословія. Причиною этого явленія надо считать поверхностное умственное развитіе имущихъ классовъ и глубокую сердечность неимущихъ классовъ по ту сторону Рейна. И во Франціи имущіе классы отнюдь не безучастно относятся къ бѣдствіямъ современнаго общества; лишь по сравненію съ французскимъ пролетаріатомъ и нѣмецкой буржуазіей все, что предлагаетъ имущій классъ во Франціи для устраненія общественной нужды, кажется поверхностнымъ и ничтожнымъ.

„И развѣ то обстоятельство, что имущій классъ въ Германіи послѣ того, какъ онъ всего едва лишь два года занимался общественными вопросами, въ существенномъ сошелся въ своихъ воззрѣніяхъ съ неимущимъ классомъ Франціи, будучи въ одинаковой съ нимъ степени глубоко и живо охваченъ соціальнымъ движеніемъ, развѣ это обстоятельство не достаточно доказываетъ, что

ни первый, ни второй изъ этихъ классовъ не является причиною существованія и развитія нашихъ многочисленныхъ бѣдствій“ [1]).

„Если въ Германіи,—говоритъ Гессъ въ другомъ мѣстѣ,—не существуетъ широкаго соціально-политическаго движенія, то оно возмѣщается движеніемъ духовнымъ“. И если во Франціи только массовое движеніе можетъ добиться соціальной справедливости, то въ Германіи эту роль сыграетъ образованное меньшинство. „Во Франціи,—писалъ Гессъ,—гуманизмъ представленъ пролетаріатомъ, а въ Германіи—духовной аристократіей“ [2]).

Въ 1842 г. Лоренцъ Штейнъ выпустилъ свою книгу „Соціализмъ и коммунизмъ въ современной Франціи“, въ которой хотя и заявлялъ, что въ Германіи не существуетъ пролетаріата, но по отношенію къ Франціи доказывалъ, что соціалистическое движеніе создается и поддерживается классовыми интересами пролетаріата. Нѣмецкіе истинные соціалисты съ М. Гессомъ и Карломъ Грюномъ во главѣ встрѣтили этотъ реализмъ Штейна взрывомъ нравственнаго негодованія.

„Нѣкоторые люди,—говоритъ М. Гессъ по адресу Штейна,—будучи не въ состояніи преобразовать дѣйствительность сообразно съ своимъ самосознаніемъ, направляютъ свое орудіе противъ самихъ же себя и дѣлаютъ самоубійственную попытку сформировать свое собственное сознаніе сообразно со скверною дѣйствительностью. Къ этимъ людямъ принадлежитъ и Штейнъ“ [3]).

„Ошибочно думать,—пишетъ Гессъ въ другомъ мѣстѣ,—и эта ошибка является продуктомъ эгоистической ограниченности, неспособной подняться до гуманности и распространяется реакціонерами и въ частности Штейномъ, — что соціализмъ порождается только пролетаріатомъ, а у послѣдняго вызывается потребностями желудка. Французы не подали никакого повода для подобнаго рода ошибки. Правда, французскій соціализмъ возникъ не изъ логической необходимости, не изъ потребности головы, но и не изъ потребности желудка: онъ возникъ изъ потребности сердца, изъ сочувствія къ страданію человѣчества... Французы, правда, только благодаря страданію человѣчества, дошли до соціалистическихъ принциповъ, но отнюдь не собственныя страданія заставили французскій пролетаріатъ съ такимъ прекраснымъ воодушевленіемъ отдаться соціалистическому принципу“ [4]).

---

[1]) Ср. „Die gesellschaftliche Zustände der zivilisirten Welt“. Herausg. von M. Hess. Elberfeld und Iserlohn. 1846. Bd. I. Стр. I.

[2]) Ср. „Neue Anekdota“. Herausgegeben von Karl Grün. Darmstadt. 1845. Стр. 225.

[3]) Ср. статью (анонимную) Гесса: „Socialismus und Communismus. Vom Verfasser der Europäischen Triarchie“ въ сборникѣ „Ein und zwanzig Bogen aus der Schweiz“. Herausg. von G. Herwegh. Er. Theil. Zürich und Winterthur. 1843. Стр. 75.

[4]) Ср. статью Гесса: „Die vereinigten Bestrebungen въ сборникѣ „Neue Anekdota“. Herausg. von K. Grün. Darmstadt. 1845. Стр. 220.

„Но если,—продолжаетъ Гессъ,—по отношенію къ Франціи ошибочно думать, что величайшая идея нашего времени, да и всѣхъ временъ вообще, т. е. идея соціализма, источникомъ своего происхожденія имѣетъ желудокъ, то по отношенію къ Германіи подобное воззрѣніе, если это только возможно, еще ошибочнѣе. Даже та посредническая роль, которую сыграли физическія страданія при возникновеніи соціалистическихъ идей во Франціи, здѣсь въ Германіи едва ли имѣетъ какое-либо существенное значеніе. Соціалистическая пропаганда, проникшая къ намъ изъ Франціи, только потому не имѣла успѣха въ Германіи, что она исходила отъ людей, аппелировавшихъ только къ сочувствію и не сумѣвшихъ стать на точку зрѣнія идеи гуманизма и подняться къ гуманистической практикѣ".

„Денежная аристократія, отъ которой исходитъ движеніе во Франціи, имѣетъ своего антипода въ лицѣ пролетаріата, посягающаго на ея наслѣдіе и на устраненіе самой денежной аристократіи; духовная же аристократія, отъ которой исходитъ движеніе въ Германіи, имѣетъ противоположность лишь въ самой себѣ, и она стремится устранить это противорѣчіе, выражающееся въ противорѣчіи съ дѣйствительностью, путемъ распространенія на всѣхъ привилегіи образованія и путемъ устраненія черни. Французскій пролетаріатъ тогда только можетъ въ дѣйствительности устранить денежную аристократію, когда онъ предварительно теоретически преодолѣетъ всякую безчеловѣчность; тогда какъ нѣмецкая духовная аристократія только тогда сумѣетъ устранить существованіе черни, когда она сама практически преодолѣетъ вѣчную безчеловѣчность. Такимъ образомъ, различіе исходныхъ точекъ у обѣихъ націй обусловливаетъ и различіе въ характерѣ соціалистическаго движенія. Во Франціи представителемъ гуманизма является пролетаріатъ, а въ Германіи—духовная аристократія" [1]).

Съ такимъ же нравственнымъ негодованіемъ встрѣтилъ замѣчательную книгу Штейна и другой виднѣйшій представитель нѣмецкаго истиннаго соціализма — Карлъ Грюнъ. Для Штейна, писалъ Грюнъ, „пролетаріатъ, видите ли, представляетъ особый классъ общества! Вотъ какъ! Орудіе исторіи смѣшивается съ идеей исторіи... Пролетаріатъ, какъ выраженіе матеріальной нужды, какъ выраженіе ненормальнаго положенія низшихъ классовъ народа, какъ выраженіе несоотвѣтствія между потребностями и средствами къ ихъ удовлетворенію, этотъ вопросъ голода долженъ служить мотивомъ, истиннымъ историческимъ мотивомъ соціализма?! Нѣтъ, голодъ есть лишь орудіе, которымъ теперь

1) Ibid. 221, 226.

пользуется человѣческое развитіе, какъ въ 1789 г. такимъ орудіемъ служило безправіе обширнѣйшей и лучшей части народа“ [1]).

Мы привели слова Гесса и Грюна, самыхъ видныхъ представителей „нѣмецкаго истиннаго соціализма“, для того, чтобы охарактеризовать сущность того утопическаго соціалистическаго ученія, которое до второй половины сороковыхъ годовъ господствовало среди нѣмецкой интеллигенціи. Сущность этого соціализма заключалась въ томъ, что нѣмецкіе интеллигенты *отсталость* соціальнаго развитія Германіи принимали за ея *особенность*. Соціальная отсталость Германіи вела къ тому, что въ ней классовая группировка общества была еще очень неясна, не отграненa. Малочисленный и связанный еще съ землею и мелкими формами предпринимательства, пролетаріатъ еще не игралъ сколько-нибудь крупной роли, еще не сознавалъ обособленность своихъ цѣлей и стремленій. А между тѣмъ мысль нѣмецкой интеллигенціи сильно обогнала, находясь надъ воздѣйствіемъ Франціи, медленный ходъ соціальнаго развитія Германіи. Отсюда въ ея головахъ родилась наивная, но увлекательная иллюзія, что Германія—обѣтованная страна интеллигенціи, что она теоретически лишь передумаетъ тѣ стадіи соціальнаго развитія, которыя „западныя страны“ должны были практически пережить. Такъ какъ въ Германіи, думали истинные соціалисты, новый, гуманитарный строй человѣческихъ отношеній родится не на полѣ соціальной брани, а будетъ придуманъ ея народолюбивою интеллигенціей, то вся задача заключалась въ томъ, чтобы придумать и построить по возможности наилучшій соціальный строй, а затѣмъ увлечь имъ весь народъ. Благодаря этому Германія будетъ избавлена отъ капиталистическаго чистилища, отъ тяжкаго мытарства по промежуточнымъ ступенямъ соціальнаго развитія и сразу отъ убогаго разбитаго корыта нѣмецкой дореволюціонной дѣйствительности перейдетъ къ лучезарному царству соціализма.

Такова была иллюзія истинныхъ соціалистовъ. Гуманистическая философія Фейербаха служила какъ бы величественнымъ апофеозомъ ученія истинныхъ соціалистовъ. И истинные соціалисты относились къ ученію Фейербаха съ безграничнымъ увлеченіемъ, будучи твердо убѣждены, что въ философіи Фейербаха уже заключаются всѣ данныя, необходимыя для разрѣшенія соціальнаго вопроса. Уже знакомый намъ главный представитель истиннаго соціализма, Карлъ Грюнъ, говорилъ о Фейербахѣ: „Назвать Фейербаха—значитъ назвать всю работу философіи, начиная отъ Бэкона Веруламскаго и кончая нашими днями; это значитъ ска-

---

[1]) См. рецензію К. Грюна на книгу Штейна въ сборникѣ „Neue Anekdota“ Herausg. von K. Grün. Darmstadt. 1844. Стр. 262—263. Мы не имѣемъ возможности останавливаться здѣсь на подробной характеристикѣ ученія истинныхъ соціалистовъ. Такая характеристика сдѣлана нами въ книгѣ „Германія наканунѣ революціи 1848 г.“ Спб. 1906 г.

зать, чего въ концѣ концовъ хочетъ философія, это значитъ увидѣть въ человѣкѣ конечный результатъ мировой исторіи. Этимъ путемъ мы надежнѣе—потому что основательнѣе—сумѣемъ разрѣшить всѣ вопросы, чѣмъ въ томъ случаѣ, если станемъ толковать о заработной платѣ, о конкурренціи, о недостаткахъ конституціи“ [1]).

Когда Карлъ Марксъ, закончивъ въ Парижѣ выработку своего міросозерцанія, приступилъ къ критикѣ нѣмецкаго соціальнаго утопизма во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ, то, конечно, онъ долженъ былъ подвергнуть—и дѣйствительно подвергнулъ—рѣшительной критикѣ и ученіе истинныхъ соціалистовъ. Но въ какомъ отношеніи стоялъ къ этому истинному соціализму Марксъ въ первые годы своей литературной дѣятельности? Этотъ вопросъ является спорнымъ и разные біографы Маркса даютъ на него противоположные отвѣты. Какъ мы покажемъ ниже, Марксъ никогда не раздѣлялъ ученія истинныхъ соціалистовъ во всей его полнотѣ и никогда не былъ его безусловнымъ сторонникомъ, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что было время, когда Марксъ раздѣлялъ многія изъ основныхъ идей „истиннаго соціализма“. Мы не говоримъ уже о томъ, что у Маркса былъ общій съ „истинными“ соціалистами философскій источникъ—гуманистическая философія Фейербаха и что подобно „истиннымъ“ соціалистамъ Марксъ въ начальный періодъ своей литературной дѣятельности „выводилъ“ рѣшеніе соціальныхъ вопросовъ изъ философіи Фейербаха. Но и помимо этого, Марксъ нѣкогда раздѣлялъ иныя изъ основоположеній „истиннаго соціализма“.

Вчитайтесь внимательно въ статью К. Маркса „Къ критикѣ гегелевской философіи права“, напечатанную въ 1844 г. въ „Нѣмецко-Французскихъ Ежегодникахъ“, и вы на каждой страницѣ натолкнетесь на внутреннюю борьбу между впервые провозглашаемымъ соціальнымъ реализмомъ и умирающимъ утопизмомъ.

„Даже и исторически,—говоритъ въ этой статьѣ Карлъ Марксъ,—теоретическая эмансипація имѣетъ специфически-практическое значеніе для Германіи. Революціонное прошлое Германіи носитъ теоретическій характеръ: оно заключается въ реформаціи. Какъ тогда революція началась съ головѣ монаха, такъ теперь она начинается въ мозгу философа“ [2]). Одною изъ основныхъ идей „истиннаго соціализма“ было утвержденіе, что въ Германіи невозможна частичная политическая революція, что въ ней сразу произойдетъ глубокій соціальный переворотъ, который положитъ основаніе „гуманистическому“ строю. Въ статьѣ Маркса мы

---

[1]) Ср. статью К. Грюна „Feuerbach und die Socialisten“ въ „Deutsches Bürgerbuch“ fur 1845 Herausg. von Püttmann. Darmstadt. 1845. Стр. 74.

[2]) Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx. Bd. I. Стр. 392.

находимъ ясный отзвукъ этой идеи истинныхъ соціалистовъ. „Не радикальная революція является утопическою мечтою для Германіи,—говоритъ, напр., Марксъ по отношенію къ тогдашней Германіи,—не общечеловѣческая эмансипація, а, наоборотъ, утопической является мечта о частичной, политической революціи, революціи, которая бы оставила въ цѣлости устои всего строя... Въ Германіи ни одинъ классъ не обладаетъ достаточною послѣдовательностью, рѣзкостью, мужествомъ для того, чтобы сдѣлаться отрицательнымъ представителемъ общества: ему не достаетъ для этого той душевной широты, которая хотя бы на минуту заставила его отожествить себя со всѣмъ народомъ. Взаимоотношенія различныхъ сферъ нѣмецкаго общества носятъ по этому не драматическій, а эпическій характеръ“ [1]).

Резюмируя смыслъ этой статьи, Марксъ пишетъ: „Единственнымъ практически-возможнымъ освобожденіемъ Германіи является ея теоретическое освобожденіе, которое превозгласило бы самого человѣка глубочайшею сущностью человѣка. Въ Германіи эмансипація отъ средневѣковья возможна только какъ эмансипація отъ всякаго частичнаго устраненія средневѣковья. Въ Германіи нельзя сломить ни одно изъ видовъ рабства, не сломивъ всякое, все рабство“ [2]).

Такимъ образомъ Марксъ въ началѣ сороковыхъ годовъ еще раздѣлялъ по отношенію къ Германіи основной предразсудокъ истинныхъ соціалистовъ, вѣрившихъ въ особенные пути соціальнаго развитія Германіи и утверждавшихъ, что особенность Германіи заключается въ томъ, что въ ней невозможна частичная политическая революція, что въ ней въ ближайшемъ будущемъ сразу совершится соціальный переворотъ, переходъ къ гуманистическому строю. Иначе ее обосновывая, Марксъ, однако, какъ показываютъ вышеприведенныя цитаты, раздѣлялъ эту иллюзію и считалъ Германію 1844 г. созрѣвшей и готовой для коренного соціальнаго переворота, который бы провозгласилъ „самого человѣка глубочайшею сущностью человѣка“.

Именно здѣсь, въ этой вѣрѣ, что Германія минуетъ долгое мытарство по капиталистическому чистилищу, и было соприкосновеніе между Марксомъ 1844 года и „истинными“ соціалистами. Энгельсъ шелъ дальше и краснорѣчиво доказывалъ, что въ Германіи капитализмъ осужденъ на жалкое прозябаніе.

Въ 1845 г. Энгельсъ произнесъ въ Элберфельдѣ рѣчь, въ которой доказывалъ безвыходность положенія нѣмецкаго капитализма. „Если мы объявимъ свободу торговли и уничтожимъ таможенныя пошлины,—говорилъ Энгельсъ,—то тогда вся наша промышленность, за исключеніемъ развѣ немногихъ отраслей, бу-

---

[1]) Ibid. Стр. 398.
[2]) Ib. Стр. 396.

детъ разорена. Тогда уже не можетъ быть никакой рѣчи ни о прядильной, ни о ткацкой, ни о главнѣйшихъ отрасляхъ шелковой промышленности, ни о почти всей желѣзодобывающей и желѣзодѣлательной промышленности. Внезапно оставшіеся безъ хлѣба, рабочіе этихъ отраслей промышленности массою хлынутъ въ сельское хозяйство и уцѣлѣвшіе обломки промышленности, повсюду появится пауперизмъ; концентрація имущества въ рукахъ немногихъ вызоветъ такой кризисъ, который, судя по событіямъ въ Силезіи, наизбѣжно приведетъ къ соціальной революціи.

„Но предположимъ, что мы создадимъ для промышленности охранительныя пошлины. Эти охранительныя пошлины въ послѣднее время сдѣлались излюбленнымъ дѣтищемъ нашихъ промышленниковъ, въ виду чего мы остановимся на нихъ нѣсколько подробнѣе. Господинъ Листъ привелъ въ систему вожделѣнія нашихъ капиталистовъ и я буду опираться на эту систему, признаваемую промышленниками своимъ credo. Господинъ Листъ предлагаетъ постепенно повышать пошлины до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, онѣ не будутъ въ состояніи гарантировать нашимъ фабрикантамъ внутренній рынокъ; тогда эти пошлины, удержавшись нѣкоторое время на достигнутой высотѣ, должны будутъ постепенно понижаться, пока, наконецъ, черезъ рядъ годовъ исчезнетъ всякая таможенная охрана. Предположимъ, что планъ этотъ будетъ осуществленъ и таможенныя пошлины будутъ введены. Промышленность розовьется, свободные капиталы приливаютъ къ промышленнымъ предпріятіямъ, спросъ на рабочія руки, а вмѣстѣ съ этимъ и заработная плата повысятся; повидимому, наступитъ цвѣтущее состояніе. Но это будетъ продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока для промышленнаго сбыта будетъ достаточенъ внутренній рынокъ. За предѣлы же послѣдняго промышленность не можетъ развиться, такъ какъ если даже и на внутреннемъ рынкѣ она не можетъ существовать безъ охранительныхъ пошлинъ, то на нейтральныхъ рынкахъ она тѣмъ менѣе сумѣетъ бороться съ иностранной конкурренціей“ [1]).

Какъ только, говоритъ далѣе Энгельсъ, Германія попытается освободиться отъ пошлинъ, англійскіе товары запруднятъ нѣмецкій внутренній рынокъ и погубятъ нѣмецкую промышленность. Но даже если пошлины не будутъ отмѣнены или понижены, говоритъ дальше Энгельсъ, то и тогда „англичане благодаря прогрессу своей промышленности будутъ въ состояніи конкуррировать съ нашей отсталою промышленностью на нашемъ внутреннемъ рынкѣ, несмотря на всѣ охранительныя пошлины. Такъ какъ въ этой конкурренціи, какъ и во всякой другой борьбѣ, побѣда останется за болѣе сильнымъ, то наше пораженіе не

1) Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx. Stuttgart. 1902. Bd. II Стр. 396.

подлежитъ никакому сомнѣнію. А тогда наступитъ тотъ же случай, о которомъ мы говорили выше: искусственно созданный пролетаріатъ потребуетъ отъ имущихъ классовъ то, чего, оставаясь имущими классами, они ему дать не могутъ, и тогда наступитъ соціальная революція" [1]).

„Предположимъ еще одинъ случай, очень, однако, невѣроятный, предположимъ, что Германіи удастся съ помощью охранительныхъ пошлинъ конкуррировать съ англичанами. Предположимъ, что это случится. Каковы же будутъ послѣдствія? Если мы начнемъ конкуррировать съ англичанами на внѣшнихъ рынкахъ, то возгорится борьба не на жизнь, а на смерть между нашей и англійской промышленностью. Англичане употребятъ всѣ силы, чтобы вытѣснить насъ съ рынковъ, которыми они прежде владѣли: они вынуждены будутъ такъ поступить, потому что окажется затронутымъ ихъ жизненный источникъ. И при посредствѣ всѣхъ находящихся въ ихъ распоряженіи средствъ, опираясь на всѣ преимущества столѣтней промышленности, они сумѣютъ нанести намъ пораженіе. Они заставятъ нѣмецкую промышленность ограничиться внутреннимъ рынкомъ и, благодаря этому, вызовутъ въ ней застой, и здѣсь такимъ образомъ тоже наступитъ упомянутый случай: мы останемся на мѣстѣ въ то время, какъ англичане будутъ прогрессировать, и наша промышленность, въ силу ея неизбѣжнаго упадка, будетъ не въ состояніи прокормить искусственно созданный ею пролетаріатъ—наступитъ соціальная революція" [2]).

Достаточно хотя сколько-нибудь внимательно вчитаться въ эту рѣчь Энгельса, чтобы сразу бросилась въ глаза ея чисто „народническая" точка зрѣнія. Перебирая всѣ возможные случаи, Энгельсъ доказываетъ безысходность нѣмецкаго капитализма, доказываетъ, что нѣмецкій капитализмъ не можетъ сколько-нибудь прочно и широко развиться, и что всякія попытки къ его широкому развитію должны очень скоро завершиться соціальной революціей. Такого взгляда придерживался Энгельсъ въ 1844 году, когда нѣмецкій капитализмъ еще лежалъ въ пеленкахъ протекціонизма и когда только начиналась его блестящая историческая карьера. А Энгельсъ уже пѣлъ ему отходную.

Эта рѣчь не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ 1844 году Энгельсъ смотрѣлъ на соціальное положеніе Германіи глазами утописта-народника. А та обстановка, въ которой онъ произнесъ эту рѣчь, показываетъ, что и его „коммунизмъ" былъ тогда сильно окрашенъ въ утопическій цвѣтъ. Нѣмецкіе коммунисты устроили тогда въ Эльберфельдѣ цѣлый рядъ лекцій по соціальнымъ вопросамъ, надѣлавшихъ довольно большого шума.

[1]) Ibid. Стр. 397.
[2]) Ср. Ibid. Стр. 398.

Энгельсъ былъ чрезвычайно доволенъ результатами этихъ лекцій. Онъ писалъ о нихъ Марксу: „Вчера въ самомъ большомъ залѣ въ лучшемъ отелѣ города происходило наше третье коммунистическое собраніе; на первомъ было 40, на второмъ 130 и на третьемъ по меньшей мѣрѣ 200 человѣкъ. Весь Эльберфельдъ и Барменъ, начиная отъ денежной аристократіи и кончая мелкими торговцами и только исключая пролетаріатъ, были представлены на этомъ собраніи... Успѣхъ необыкновенный. Ни о чемъ, кромѣ коммунизма, не говорятъ и каждый день приноситъ намъ новыхъ послѣдователей. Вуннертальскій коммунизмъ есть истина, даже уже почти сила. Какая для него здѣсь благопріятная почва, ты и представить себѣ не можешь. Самый тупой, лѣнивый и филистерскій народъ, до сихъ поръ ничѣмъ на свѣтѣ не интересовавшійся, начинаетъ теперь почти восторгаться коммунизмомъ“ [1]).

Это письмо Энгельса къ Марксу показываетъ, что въ самомъ началѣ 1845 года Энгельсъ еще способенъ былъ восторгаться „коммунизмомъ“, которымъ, какъ острой, пряной модой увлекалось тогда нѣмецкое „общество“ [2]). Чрезвычайно характерно, что Энгельсъ въ этомъ письмѣ къ Марксу съ восторгомъ отзывается о результатахъ своихъ коммунистическихъ рѣчей въ собраніяхъ, на которыхъ присутствовали „всѣ“ классы общества, за исключеніемъ „только“ рабочаго класса! И эти условія Энгельсъ считалъ „необычайно благопріятными“ для проповѣди коммунизма.

Приведенныя цитаты и соображенія достаточно показали, что вплоть до начала 1845 года Марксъ и Энгельсъ еще въ значительной степени стояли на народнически-утопической точкѣ зрѣнія. Правда, они никогда вполнѣ не раздѣляли ученія „истинныхъ“ соціалистовъ. Прежде всего, уже съ 1844 года („Нѣмецко-Французскіе Ежегодники“) у Маркса начинаютъ звучать сильные реалистическія ноты, рѣзко отдѣляющія его отъ утопистовъ

[1]) Ср. Ibid. 356 стр.

[2]) Литература тогдашней Германіи переполнена была сообщеніями объ эпидемическомъ увлеченіи нѣмецкаго „общества“ соціалистическими ученіями. „Едва десять лѣтъ тому назадъ,—пишетъ Шейдтманъ,—коммунизмъ былъ пустымъ словомъ,—даже Роттекъ и Велкеръ совершенно не упоминаютъ о немъ въ своемъ „государственномъ словарѣ“, а теперь мы находимъ статью о немъ во второй семейной библіи Германіи, въ почтенномъ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза. Въ немъ говорится о коммунизмѣ, какъ о „фактическомъ протестѣ противъ суевѣрія, долго считавшагося неприкосновеннымъ“ (G Scheidtmann. Der Communismus und das Proletariat. Leipzig. 1848. 10 стр.). „Стало моднымъ,—говоритъ Дронке,—разыгрывать изъ себя друзей народа“ (E. Dronke. „Berlin“. 3 w. Band. Frankfurt am Main. 1846. Стр. 3). „Скоро дѣло дойдетъ до того,—пишетъ Гейнценъ,—что нельзя будетъ ни ѣсть, ни пить, не получивъ названія коммуниста. Всякій разумный человѣкъ, свободно разсуждающій о какомъ-либо человѣческомъ вопросѣ, получаетъ названіе коммуниста или соціалиста“.

„истиннаго" соціализма. Кромѣ того, надо еще отмѣтить, что Марксъ никогда не раздѣлялъ одного изъ самыхъ главныхъ предразсудковъ нѣмецкихъ „истинныхъ соціалистовъ"—отрицаніе политической дѣятельности. Отрицаніе политики было основнымъ символомъ вѣры „истинныхъ" соціалистовъ. Это отрицаніе было логически законорожденнымъ продуктомъ того утопически-народническаго воззрѣнія, на точкѣ зрѣнія котораго стояли „истинные" нѣмецкіе соціалисты сороковыхъ годовъ. Разъ они считали, что все „образованное общество" Германіи способно беззавѣтно увлечься соціализмомъ, разъ они были убѣждены, что въ Германіи соціализмъ наступитъ не сегодня—завтра путемъ просвѣтлѣнія умовъ и сердецъ, то политическая дѣятельность была, конечно, лишь вредной проволочкой. Но Марксъ никогда не раздѣлялъ всѣхъ иллюзій „истинныхъ" соціалистовъ и онъ всегда отстаивалъ необходимость политической дѣятельности. Какъ мы увидимъ ниже, своеобразное пониманіе задачъ именно политической дѣятельности уже очень скоро обособило ученіе Маркса отъ всѣхъ другихъ и поставило его во враждебное отношеніе и къ истиннымъ соціалистамъ, и къ радикаламъ.

Мы сейчасъ обратимся къ характеристикѣ политической позиціи, занятой Марксомъ въ 1845—1846 гг., а пока отмѣтимъ, что ни Марксъ, ни Энгельсъ никогда не отрицали, что они лишь постепенно пришли къ „марксизму", что марксизмъ не былъ у нихъ какою-то чуть ли не врожденною теоріей, какъ это думаютъ иные наивные люди.

Въ предисловіи ко второму изданію своей книги „Положеніе рабочаго класса въ Англіи", вышедшей впервые въ 1845 г., Энгельсъ писалъ: „Въ 1844 г. не существовало еще современнаго научнаго соціализма, который съ того времени—и прежде почти исключительно благодаря трудамъ Маркса—развился въ науку. Моя книга представляетъ лишь одну изъ фазъ его эмбріональнаго развитія. И подобно тому, какъ человѣческій зародышъ на самыхъ раннихъ ступеняхъ своего развитія проходитъ органическую стадію, представляемую нашими предками—рыбами, такъ и эта книга обнаруживаетъ вездѣ слѣды происхожденія современнаго соціализма отъ одного изъ своихъ предковъ—нѣмецкой классической философіи" [1]).

Еще болѣе характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее признаніе Энгельса, дѣлаемое имъ въ статьѣ „Ein Fragment Fouriers uber den Handel": „То, что французы и англичане,—говоритъ здѣсь Энгельсъ, характеризуя нѣмецкій утопическій соціализмъ,—высказали уже десять, двадцать, даже сорокъ лѣтъ тому назадъ и высказали притомъ очень хорошимъ, очень яснымъ,

---

[1]) Ср. Ф. Энгельсъ, „Положеніе рабочаго класса въ Англіи". Пер. съ нѣм. Спб. 1905. Стр. 7.

прекраснымъ языкомъ, съ тѣмъ только теперь ознакомились нѣмцы и лишь придали всему гегельянскую форму или, въ лучшемъ случаѣ, вновь открыли открытое и, выразивъ его въ несравненно болѣе скверной, абстрактной формѣ, стали выдавать за новое открытіе. *Я не дѣлаю въ этомъ отношеніи исключенія и для своихъ собственныхъ работъ*" [1]).

Столь же опредѣленно высказался объ этомъ и Карлъ Марксъ. Въ полемической статьѣ, направленной противъ Криге, онъ писалъ: „Если внимательный читатель замѣтитъ, что отдѣльныя части этой статьи представляютъ собою въ извѣстной степени *самокритику* „Dampfboot"'а [2]), то это отнюдь не повергнетъ насъ въ смущеніе. *Мы никогда не считали свое развитіе завершеннымъ;* мы всегда стремились учиться, черпая наблюденія изъ текущей эпохи, изъ фактическихъ условій и изъ дѣятельности живыхъ людей" [3]).

Мы можемъ, такимъ образомъ, считать установленнымъ, что до начала 1845 года Марксъ и Энгельсъ еще раздѣляли иные народническо-утопическіе предразсудки нѣмецкихъ „истинныхъ" соціалистовъ и лишь въ 1845—1846 г. они окончательно отдѣлались отъ этихъ предразсудковъ и твердо установили свою особую, марксистскую точку зрѣнія. Обрывая въ 1845—1846 г. духовныя узы, нѣкогда связывавшія ихъ съ нѣмецкими утопистами, Марксъ и Энгельсъ, какъ мы уже отмѣтили, подвергли рѣзкой и насмѣшливой критикѣ всѣ виды нѣмецкаго утопизма, въ томъ числѣ и истинный соціализмъ. Марксъ написалъ очень пренебрежительную статью о Карлѣ Грюнѣ, одномъ изъ виднѣйшихъ представителей „истиннаго соціализма". Статью эту Марксъ напечаталъ, но онъ не напечаталъ свою большую критическую работу о нѣмецкихъ соціалистахъ. Онъ писалъ эти работы не только для другихъ, но и для самого себя, чтобы уяснить самому себѣ свое новое міровоззрѣніе и разрывъ со старымъ. Въ предисловіи „Къ критикѣ политической экономіи" Марксъ самъ указываетъ на это. Въ Брюсселѣ, говоритъ Марксъ, весною 1845 г. „мы рѣшили заняться сообща разработкой противорѣчій нашихъ взглядовъ съ идеологическими взглядами нѣмецкой философіи, чтобы на дѣлѣ *покончить счеты съ нашей прежней философской совѣстью* (курсивъ нашъ). Этотъ планъ былъ выполненъ въ формѣ критики послѣгегелевской философіи. Рукопись въ видѣ двухъ толстыхъ томовъ in octavo уже была отправлена въ Вестфалію для изданія, когда мы получили извѣстіе, что перемѣна обстоятельствъ дѣлаетъ невозможнымъ ея печатаніе. Мы предоставили

---

[1]) Ср. Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx. Stuttgart. 1902. Bd. II. Стр. 408. Курсивъ мой.

[2]) „West hh. Dampfboot"—органъ, въ которомъ Марксъ и Энгельсъ работали вмѣстѣ съ „истинными" соціалистами.

[3]) Ср. Aus dem literarischen Nachlass etc. 2 Bd. Стр. 428.

рукопись грызущей критикѣ мышей тѣмъ охотнѣе, что *мы достигли главной цѣли,—уясненія вопроса самимъ себѣ*" [1]). (Курсивъ мой).

Нѣсколько позже во время пребыванія въ томъ же Брюсселѣ Марксу пришлось заняться выясненіемъ своего отношенія къ радикальной буржуазіи и политическимъ отмежеваніемъ отъ нея. Мы знаемъ, что Марксъ въ 1843 году редактировалъ органъ крупной буржуазіи „Рейнскую Газету", и въ ту эпоху между нимъ и радикальной буржуазіей еще не происходило политическихъ треній и столкновеній. Объяснялось это, съ одной стороны, тѣмъ, что въ ту эпоху соціально-политическое положеніе и взаимныя отношенія различныхъ группъ нѣмецкаго населенія отличались большою путанностью, чрезвычайною черезполосицею; съ другой же стороны, Марксъ въ то время еще не примкнулъ къ соціализму. Но уже въ слѣдующемъ году, когда Марксъ, переселившись въ Парижъ, перешелъ въ лагерь соціалистовъ, между нимъ и самымъ выдающимся представителемъ нѣмецкаго буржуазнаго радикализма, Арнольдомъ Руге, личнымъ его другомъ и литературнымъ соратникомъ, вспыхнула принципіальная вражда. Марксъ опубликовалъ въ знакомой намъ парижской газетѣ „Впередъ" полемическую статью противъ Руге. Въ этой статьѣ Марксъ даетъ въ двухъ словахъ превосходное опредѣленіе „соціальной" и „политической" революціи, противопоставленіемъ которыхъ тогда очень усердно и охотно занимались нѣмецкіе писатели, „Всякая революція,—говоритъ Марксъ,—разрушаетъ старое общество, и въ этомъ смыслѣ она соціальна. Всякая революція низвергаетъ старую власть, и въ этомъ смыслѣ она носитъ политическій характеръ" [2]).

Въ этой статьѣ Маркса, написанной въ 1844 году, еще звучатъ отголоски соціальнаго утопизма. Марксъ еще продолжаетъ въ ней утверждать, что „Германія обладаетъ столь же классическимъ призваніемъ къ соціальной революціи, насколько она неспособна къ политической революціи" [3]). При этомъ Марксъ еще сохранилъ вѣру въ особый народолюбивый характеръ нѣмецкой буржуазіи. Онъ отмѣчаетъ у этой буржуазіи и пониманіе, и сочувствіе соціальнымъ вопросамъ, онъ отмѣчаетъ „слабую реакцію нѣмецкой буржуазіи противъ соціализма" [4]) и т. д.

---

[1]) Ср. К. Марксъ. „Къ критикѣ политической экономіи". Пер. съ нѣм. П. Румянцева. Спб. 1907. Стр. XII. Статья К. Маркса противъ Грюна не вошла въ собраніе его сочиненій. Она была напечатана Э. Бернштейномъ въ „Neue Zeit" за 1899 и 1900 г. №№ 1 и 2. Толстая рукопись, о которой говорилъ Марксъ, до сихъ поръ не напечатана. Бернштейнъ напечаталъ изъ нея лишь главу о М. Штирнерѣ (Ср. „Dokumente des Socialismus". 1903. №№ 7, 8. 1904 г. № 5.).

[2]) Aus dem literarischen Nachlass. 2 Bd. Стр. 59.

[3]) Aus dem literarischen Nachlass. Bd. II. Стр. 55.

[4]) Ibid., стр. 55.

При такихъ условіяхъ первое теоретическое столкновеніе К. Маркса съ радикальной буржуазіей не могло носить острый и рѣзкій характеръ. Но когда, переселившись изъ Парижа въ Брюссель, Марксъ окончательно отдѣлался отъ всѣхъ пережитковъ народничества, между нимъ и радикальной буржуазіей въ лицѣ Карла Гейнтцена вспыхнула рѣзкая принципіальная полемика, представляющая и по сейчасъ—особенно для Россіи — живѣйшій интересъ.

Карлъ Гейнтценъ началъ свою публицистическую дѣятельность въ роли мирнаго и умѣреннаго либерала, но тупое упорство нѣмецкаго абсолютизма, остававшагося глухонѣмымъ ко всѣмъ урокамъ исторіи, очень скоро превратило Гейнтцена въ яростнаго революціонера и республиканца.

Еще въ 1845 году Гейнтценъ упорно боролся съ революціонерами и доказывалъ все превосходство мирной, легальной борьбы съ абсолютизмомъ. „Мы считаемъ,—писалъ онъ,—возлаганіе надеждъ на революціонную развязку не только вреднымъ, но и мало надежнымъ... Сдѣлать революцію ненужной — для этого необходимо больше мужества и силы, и это представляетъ болѣе достойную задачу, чѣмъ содѣйствовать революціи.

„Сдѣлать революцію ненужной? Да, по нашему убѣжденію, еще существуетъ для этого средство, которое до сихъ поръ крайне рѣдко примѣнялось въ Германіи. Это—мечъ духа въ рукахъ нравственной силы. Таково, по нашему мнѣнію, простѣйшее орудіе, съ помощью котораго должна и можетъ быть завоевана истинная свобода. Лучшее средство сохранить свободу должно быть въ то же время и лучшимъ средствомъ пріобрѣсти ее. Сохранить же свободу можно не путемъ интригъ, физической силы и крови, а моральною силою, твердостью убѣжденій, силою права и справедливости".

„Это очень удобно и не требуетъ притомъ никакой активной дѣятельности—возлагать всѣ свои надежды на революцію. Быть можетъ, мы бы достигли въ Германіи гораздо большихъ успѣховъ, чѣмъ теперь, если бы многіе не прекратили свою личную дѣятельность въ надеждѣ на скорую помощь со стороны внутренней революціи. Если бы мы обладали извѣстнымъ числомъ тѣхъ республиканскихъ характеровъ, у которыхъ строгое правовое чувство сочеталось бы съ мужественною твердостью, настроенія которыхъ были бы столь же чисты, какъ тверда ихъ воля, то мы бы достигли въ Германіи совсѣмъ иныхъ успѣховъ, чѣмъ теперь... И всего можно достигнуть путемъ мирнаго и легальнаго сопротивленія" [1]). Гейнтценъ при этомъ былъ убѣжденъ, что нѣмецкій абсолютизмъ можно будетъ взять изморомъ. Для этого абсолю-

---

[1]) Ср. K. Heintzen. „Ein Wort über erlaubten Widerstand" въ сборникѣ „Mehr als zwanzig Bogen". Darmstadt. 1845. Стр. 156, 157, 158.

тизму надо противопоставить двоякаго рода сопротивленіе—активное или положительное и пассивное или отрицательное, причемъ рѣшающее значеніе имѣетъ пассивное сопротивленіе, которое, „будучи послѣдовательно проведено, есть, быть можетъ, самый могущественный союзникъ свободы. Въ общемъ, это сопротивленіе должно состоять въ томъ, чтобы отказать въ своемъ содѣйствіи всѣмъ планамъ и дѣйствіямъ, которые затѣваются и проводятся въ интересахъ устарѣвшей политики и правительственной реакціи" [1]).

Но уже черезъ два года, подъ вліяніемъ правительственной реакціи, Гейнтценъ заговорилъ рѣзкимъ языкомъ революціонера.

„Когда я еще жилъ въ Пруссіи,—разсказываетъ Гейнтценъ,— даже еще тогда, когда я уже полгода былъ за границей, я еще придерживался принципа такъ называемой законности. Я при этомъ исходилъ изъ той ошибочной идеи, что, гдѣ существуютъ такъ называемые законы, тамъ существуетъ „законность". Но теперь, продолжаетъ Гейнтценъ, я пришелъ къ убѣжденію, что „тотъ строй, при которомъ прогрессъ можетъ быть осуществленъ мирнымъ путемъ, не можетъ быть завоеванъ иначе, какъ революціонной силой, ибо насильники добровольно не откажутся отъ своей власти. Въ Германіи подобнаго строя еще не существуетъ, и Германія поэтому еще должна совершить революцію, и она совершитъ ее: никакія силы небесныя не избавятъ ее отъ этого. Я пришелъ къ этому убѣжденію, и къ нему всѣ должны прійти. И послѣ того, какъ я убѣдился въ правомѣрности и необходимости революціи, я столь же открыто проповѣдую теперь революцію, какъ прежде проповѣдывалъ миръ" [2]). „Тамъ,—продолжаетъ Гейнтценъ,—гдѣ дѣйствительно господствуетъ законность, тамъ было бы преступленіемъ и по отношенію къ праву, и по отношенію къ разуму, да и было бы совершенно безнадежно прибѣгать къ противозаконнымъ средствамъ, но тамъ, гдѣ царитъ насиліе, тамъ всегда насиліе угнетаемыхъ должно сперва уничтожить насиліе господствующихъ для того, чтобы положить начало законности".

Гейнтценъ призываетъ къ „незаконной", нелегальной борьбѣ и смѣется надъ либералами, все еще вѣрящими въ возможность „пользоваться для оппозиціонныхъ цѣлей только тѣмъ путемъ, который открытъ и разрѣшенъ имъ самими деспотами".

Таково было политическое міровоззрѣніе самаго виднаго изъ нѣмецкихъ радикаловъ сороковыхъ годовъ. Когда дѣло шло о томъ, чтобы „отдѣлать" нѣмецкое правительство, Гейнтценъ былъ на своемъ мѣстѣ. Онъ писалъ очень хлестко, не безъ остроумія, съ сильнымъ полемическимъ задоромъ. За словомъ въ карманъ онъ не лѣзъ и часто запускалъ въ правительство рѣзкія и мѣткія слова. Но за его революціонною, зачастую до грубости рѣзкою

[1]) Ibid., стр. 164.

[2]) Heintzen. Deutsche Revolution. Gesammelte Flogschriften. Bern. 1847. Стр. 216.

фразеологіей почти всегда скрывалось тощее и маловразумительное соціальное содержаніе, и сверхъ того у Гейнтцена поражала безпочвенность,—онъ не зналъ, да и какъ-то не интересовался этимъ, на кого ему опереться. Онъ яростно проповѣдовалъ республику, не давая себѣ труда вдуматься, каковъ будетъ соціальный характеръ этой республики.

Когда въ Германіи стала усиливаться соціалистическая пропаганда и раздался мощный голосъ Карла Маркса, Гейнтценъ былъ до крайности раздраженъ и выступилъ съ рѣзкой критикой коммунизма вообще и Карла Маркса въ частности.

Въ своемъ журналѣ „Оппозиція" Гейнтценъ выступилъ со статьею „Противъ коммунистовъ". Здѣсь вождь радикаловъ яростно нападалъ на соціалистовъ за изъ „культъ пролетаріата". „Эти господа,—говоритъ онъ,—совершенно влюблены въ пролетаріатъ... Коммунисты говорятъ о пролетаріатѣ такимъ тономъ, какъ будто бы пролетаріатъ самъ по себѣ обладаетъ какимъ-то оправданіемъ, какимъ-то преимуществомъ, какъ будто пролетаріатъ не представляетъ собою чисто отрицательнаго состоянія, по отношенію къ которому возможно лишь одно стремленіе— превратить его въ положительное... Коммунисты говорятъ о пролетаріатѣ такимъ тономъ, какъ будто въ немъ скрыто самое цѣнное ядро человѣчества... Они настолько односторонне и исключительно стали на сторону пролетаріата, что игнорируютъ все остальное человѣчество и его интересы. Можно подумать, что духъ человѣчества ретировался въ пустые карманы, и только тогда можно считать себя человѣкомъ и заявить человѣческія права, когда предварительно одѣнешь продранныя брюки и поголодаешь. А развѣ милліоны нынѣшнихъ буржуа не были прежде пролетаріями? Развѣ ежедневно тысячи пролетаріевъ не обращаются въ буржуа и наоборотъ? Въ чемъ же тогда специфическое различіе между ними? Если удастся достигнуть, чтобы каждый гражданинъ могъ требовать отъ государства защиты отъ нужды, чтобы каждый получалъ одинаковое даровое обученіе и пользовался одинаковыми политическими правами, то я не понимаю, какой тогда можетъ быть разговоръ о соціальномъ различіи между пролетаріатомъ и буржуазіей" [1]).

Какъ ярко показываютъ эти слова, вождь нѣмецкихъ радикаловъ страдалъ абсолютнымъ непониманіемъ классоваго строенія общества и расхожденія классовыхъ интересовъ. Толки коммунистовъ о классовой борьбѣ приводили Гейнтцена въ негодованіе и вызывали у него развитіе чернильной желчи. Онъ считалъ классовую борьбу злостною выдумкою коммунистовъ и проповѣдь этой борьбы рабочимъ находилъ измѣной революціи. „Если мы

[1]) Ср. „Opposition". Herausg. von Karl Heintzen. Mannheim. 1846. Стр. 56-57.

дадимъ пролетаріату возможность образованія,—говорилъ онъ,—постепенно пріучимъ его къ участію въ политической жизни, покажемъ ему, какіе плоды приноситъ это ученіе, то мы принесемъ ему большую пользу, чѣмъ если въ прозѣ и стихахъ станемъ ему расписывать его бѣдность, съ которою онъ и безъ насъ хорошо знакомъ или будемъ кокетничать съ нимъ, называя и себя пролетаріями... Пролетаріатъ внутренне перестаетъ быть пролетаріатомъ, какъ только мы внѣдримъ въ его грудь гордость и смѣлость сознанія человѣческихъ правъ. А это можно сдѣлать въ качествѣ политика, а не коммуниста, съ помощью трибуны, а не кухни" [1]).

Классовая точка зрѣнія, проповѣдуемая Марксомъ и его учениками, запальчиво говоритъ Гейнтценъ, ведетъ къ нравственной разнузданности и къ оправданію всякаго насилія. Если коммунисты аппелируютъ къ классовымъ интересамъ, то тогда, говоритъ Гейнтценъ, и всѣ насильники морально вправѣ ссылаться на свои интересы. Морально это равноцѣнно. По адресу Гесса, перешедшаго отъ „истиннаго соціализма" къ ученію Маркса, Гейнтценъ писалъ: если стать на точку зрѣнія классовыхъ интересовъ, то тогда и „прусскаго короля нельзя обвинить за то, что онъ примѣняетъ цензуру, казни и казематы, ибо и этотъ высочайшій господинъ соблюдаетъ при этомъ свои интересы и, подобно господину Гессу, ни мало не заботится при этомъ о принципахъ права, разума или человѣчества" [2]).

Такъ глубокомысленно понялъ классовую доктрину Маркса вождь радикаловъ сороковыхъ годовъ. Между нимъ и Марксомъ вспыхнула острая полемика и въ своемъ превосходномъ отвѣтѣ Гейнтцену Марксъ исчерпывающе опредѣлилъ свое отношеніе къ политической борьбѣ и радикальной буржуазіи. Полемика между Марксомъ и Гейнтценомъ велась на страницахъ „Нѣмецкой Брюссельской Газеты" (о которой намъ придется говорить въ слѣдующихъ очеркахъ).

Гейнтценъ запальчиво доказывалъ коммунистамъ, что они слѣпо направляютъ свою борьбу противъ буржуазіи, вмѣсто того, чтобы направить ее противъ монархической власти, которая творитъ

---

[1]) Ср. K. Heintzen. Gegen die Kommunisten. Въ „Die Opposition". Mannheim. 1846. Стр. 57-58.

[2]) Черезъ полвѣка послѣ Гейнтцена совершенно аналогичныя возраженія противъ классовой доктрины марксистовъ придумалъ у насъ І. Покровскій: „Одностороннее выставленіе классоваго интереса,—писалъ онъ,—въ связи съ отрицаніемъ какихъ-либо надклассовыхъ критеріевъ... развязываетъ руки всѣмъ противникамъ трудящихся массъ. Каждый изъ нихъ получаетъ право разсуждать такъ: если ихъ интересъ законенъ для нихъ, то мой интересъ не менѣе законенъ для меня... Если они въ борьбѣ готовы идти на крайнія средства, даже на смерть, то вправѣ быть тикимъ же твердымъ и я". (Ср. І. Покровскій. „Этическія основы политики". „Полярная Звѣзда". № 4. 1906).

насиліе надъ всѣмъ народомъ и своимъ насиліемъ мѣшаетъ и установленію справедливости въ распредѣленіи продуктовъ.

Въ своей отвѣтной статьѣ Марксъ превосходно выясняетъ политическую позицію пролетаріата по отношенію къ политической власти и буржуазіи. „Обусловленная современнымъ раздѣленіемъ труда, современной формой обмѣна, конкурренціей, концентраціей и т. д., „несправедливость въ распредѣленіи собственности“ вовсе не вытекаетъ изъ политическаго господства буржуазіи; наоборотъ, политическое господство буржуазіи вытекаетъ изъ нынѣшнихъ, провозглашенныхъ буржуазными экономистами вѣчными и необходимыми, законовъ производства“.

„Вы дѣлаете,—писалъ Гейнтценъ по адресу Маркса,—удареніе на соціальномъ вопросѣ и вы не видите, что нѣтъ болѣе важнаго соціальнаго вопроса, чѣмъ вопросъ о монархіи и республикѣ“. И Гейнтценъ доказывалъ далѣе, что только „имперія“ съ ея „насиліемъ“ мѣшаетъ разрѣшенію соціальнаго вопроса. „Насильственная реакціонная роль,—пишетъ въ отвѣтъ Марксъ,—играемая теперь имперіей, лишь доказываетъ, что въ порахъ стараго общества образовалось новое, и послѣднее чувствуетъ и старую политическую оболочку—служившую естественнымъ прикрытіемъ стараго общества—какъ противоестественныя оковы, которыя необходимо разорвать. Чѣмъ менѣе развиты эти новые разлагающіе общественные элементы, тѣмъ консервативнѣе кажется самая яростная реакція стараго общества. Чѣмъ болѣе развиты новые разлагающіе элементы, тѣмъ реакціоннѣе кажутся даже самыя невинныя консервативныя попытки старой политической власти. Реакція монархіи вмѣсто того, чтобы доказать, что она дѣлаетъ жизненнымъ старое общество, наоборотъ, доказываетъ, что это общество умерло, поскольку матеріальныя условія его существованія пережили себя“ [1]).

Почему нѣмецкіе рабочіе, спрашиваетъ Марксъ, участвуютъ въ борьбѣ, хотя знаютъ, что сверженіе абсолютной власти приведетъ къ созданію новой власти буржуазіи? Потому что „рабочіе отлично знаютъ, что буржуазія не только въ политическомъ отношеніи представитъ имъ болѣе просторныя условія, чѣмъ абсолютная монархія, но что еще въ силу интересовъ своей торговли и промышленности она противъ воли должна будетъ создать условія для объединенія рабочаго класса, а объединеніе является для рабочихъ первымъ условіемъ ихъ побѣды. Рабочіе знаютъ, что устраненіе буржуазнаго строя не можетъ быть вызвано сохраненіемъ феодальнаго. Они знаютъ, что революціонная борьба буржуазіи съ феодальными сословіями и абсолютной монархіей будетъ только содѣйствовать революціонному движенію самихъ рабочихъ. Они знаютъ, что ихъ собственная борьба съ

---

[1]) Ср. Aus dem literarischen Nachlass. 2 Bd. Стр. 464.

буржуазіей начнется лишь тогда, когда буржуазія побѣдитъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рабочіе нисколько не раздѣляютъ буржуазныхъ иллюзій г. Гейнтцена. Они смотрятъ на буржуазную революцію— и должны такъ смотрѣть на нее—какъ на условіе рабочей революціи. И ни на одно мгновеніе они не считаютъ буржуазную революцію своею конечною цѣлью" [1]).

Боясь пролетаріата, говоритъ Марксъ, нѣмецкая буржуазія стремится мирнымъ путемъ превратить абсолютизмъ въ конституціонное государство. Но въ этотъ мирный исходъ Марксъ не вѣритъ. Помимо всякихъ личныхъ предразсудковъ, говоритъ онъ, у самодержавной монархіи „руки связаны свѣтской, военной и духовной бюрократіей, этими составными частями абсолютной монархіи, которыя отнюдь не обнаруживаютъ желанія перемѣнить свое господствующее положеніе на положеніи лицъ, служащихъ буржуазіи". Такую же реакціонную роль вынуждены играть и сохранившіяся феодальныя сословія.

Полемика между соціалистами и либералами надоумила консервативныя газеты использовать эту полемику съ цѣлью изолированія буржуазной оппозиціи. Консервативные органы начали заигрывать съ соціалистами въ надеждѣ отвлечь послѣднихъ отъ поддержки либеральной буржуазіи и, ослабивъ ее, тѣмъ легче ее разбить. Нѣмецкіе утописты-соціалисты очень легко могли попасться на эту удочку, такъ какъ они находили, что политическій переворотъ, переходъ отъ абсолютизма къ конституціонализму, полезенъ и нуженъ только для буржуазіи, а рабочему онъ не только не нуженъ, но и вреденъ, какъ миражи, сбивающіе съ правильнаго пути.

Марксъ осудилъ эту близорукую безтактную тактику нѣмецкихъ соціалистовъ-утопистовъ по отношенію къ либеральной буржуазіи. Онъ противопоставилъ этой народнически-утопической точкѣ зрѣнія „истинныхъ" соціалистовъ свою „коммунистическую" точку зрѣнія.

Если, писалъ Марксъ въ „Нѣмецкой Брюссельской Газетѣ", извѣстная фракція нѣмецкихъ соціалистовъ неустанно гремитъ противъ либеральной буржуазіи и притомъ такимъ способомъ, который приноситъ пользу только нѣмецкимъ правительствамъ, и если теперь правительственные органы, какъ, напримѣръ, „Рейнскій Наблюдатель", ссылаясь на фразы этихъ соціалистовъ, утверждаютъ, что не либеральная буржуазія, а правительство представляетъ интересы пролетаріата, то коммунисты не имѣютъ ничего общаго ни съ тѣми, ни съ другими" [2]).

Мы прекрасно знаемъ, говоритъ Марксъ, что цѣлью либе-

---

[1]) Aus dem literarischen Nachlass. 2 Bd. Стр. 470.

[2]) Ср. статью „Der Kommunismus des Rheinischen Geobachters". Aus dem literar. Nachlass. 2 Bd. Стр. 433.

ральной буржуазіи является завоеваніе государственной власти, а не какое-либо „благо народа“.

„Но народы, или, замѣняя это расплывчатое, неопредѣленное выраженіе болѣе яснымъ, пролетаріатъ разсуждаетъ совершенно иначе, чѣмъ это воображаютъ себѣ въ духовномъ вѣдомствѣ. Пролетаріатъ вовсе не задается вопросомъ о томъ, является ли для буржуазіи народное благо главною или второстепенною вещью, стремится она или нѣтъ воспользоваться пролетаріатомъ, какъ пушечнымъ мясомъ. Пролетаріатъ спрашиваетъ не о томъ, чего буржуазія *хочетъ*, а о томъ, что она *вынуждена* дѣлать Пролетаріатъ лишь спрашиваетъ, когда онъ лучше можетъ достигнуть своихъ цѣлей, при теперешнемъ ли строѣ съ господствомъ бюрократіи, или при господствѣ буржуазіи, котораго добиваются либералы. Для отвѣта на этотъ вопросъ пролетаріату достаточно сравнить политическое положеніе въ Англіи, Франціи и Америкѣ съ соотвѣтствующимъ положеніемъ въ Германіи. Тогда онъ убѣдится, что господство буржуазіи не только доставляетъ новыя орудія для борьбы *противъ* буржуазіи, но и ставитъ его въ совершенно новое положеніе, положеніе признанной партіи [1]).

Такимъ образомъ, въ періодъ 1845—1847 гг. марксизмъ уже вполнѣ сложился въ опредѣленное и обособленное теченіе соціально-политической мысли и дѣятельности. Порвавъ съ утопическимъ соціализмомъ, разоблачивъ его теоретическую несостоятельность и практическую безпомощность, марксизмъ занялся пересмотромъ отношенія соціалистовъ къ буржуазной демократіи и въ этой области сказалъ свое новое и вѣское слово. Марксъ ясно показывалъ, что буржуазія ведетъ политическую борьбу съ абсолютизмомъ, повинуясь своимъ опредѣленнымъ классовымъ интересамъ, но онъ въ то же время показалъ, что пролетаріатъ, въ силу своихъ классовыхъ интересовъ, долженъ поддержать буржуазію въ ея борьбѣ съ абсолютизмомъ, долженъ помочь буржуазіи возможно скорѣе и возможно полнѣе разбить и похоронить старый самодержавный строй.

П. Берлинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Ibid., стр. 436

Коллективный договоръ

и тарифныя соглашенія между предпринимателями и рабочими въ Европѣ, Америкѣ и Австраліи.

(Окончаніе).

Австралія.

Въ то время, какъ на континентѣ Европы и Америки соглашенія между предпринимателями и рабочими носятъ частный характеръ и къ постановленіямъ примирительныхъ учрежденій не примѣняются нормы даже гражданскаго права, въ пятой части свѣта, Австраліи, мы встрѣчаемъ попытку придать имъ публично правовой характеръ. Ранѣе всѣхъ колоній выступила на путь смѣлыхъ экспериментовъ Новая Зеландія. Агитація въ пользу третейскаго суда началась здѣсь съ 1890 г., когда вспыхнула общеавстралійская стачка моряковъ, носившая очень острый характеръ и раздѣлившая общество материка на два враждебныхъ лагеря.

Чтобы избѣжать въ будущемъ подобныхъ явленій, министръ труда Ривсъ занялся изученіемъ попытокъ, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи во Франціи, Англіи, Германіи и Соедененныхъ Штатахъ, и пришелъ къ заключенію, что ни посредничество, ни добровольный третейскій судъ не достигаютъ желанной цѣли: только принудительное воздѣйствіе государства можетъ дать дѣйствительные результаты. Однако, верхняя палата парламента два раза (въ 1892 и 1893 гг.) вычеркивала статьи объ обязательномъ третейскомъ судѣ и лишь 31-го августа 1894 г. законъ былъ принятъ окончательно, согласно съ предложеніями своего духовнаго творца.

Этотъ актъ испыталъ цѣлый рядъ измѣненій въ многочисленныхъ новеллахъ, пока не былъ замѣненъ въ 1900 г. новымъ закономъ, который въ свою очередь четыре раза исправлялся, и, наконецъ, 8-го ноября 1904 г. принялъ послѣднюю форму. Высшій надзоръ за примѣненіемъ закона принадлежитъ министру труда. Законъ различаетъ два рода учрежденій: камеры соглашеній, которыя основываются въ каждомъ промышленномъ округѣ, и

государственный третейскій судъ—одинъ на всю колонію Новой Зеландіи. Каждая камера соглашенія состоитъ изъ 4—6 членовъ, выбирающихъ себѣ предсѣдателя изъ лицъ безпартійныхъ. Эти члены, поровну отъ рабочихъ и предпринимателей, выбираются на три года рабочими и предпринимательскими союзами, занесенными въ регистръ.

Третейскій судъ состоитъ изъ президента, каковымъ является судья высшаго государственнаго суда, и 2 членовъ—по одному отъ рабочихъ и предпринимателей, которые назначаются губернаторомъ по предложенію соотвѣтствующихъ организацій. Въ затруднительныхъ случаяхъ каждая сторона имѣетъ право выставить экспертовъ, которые даютъ свои заключенія по техническимъ вопросамъ.

Рѣшеніе третейскаго суда имѣетъ обязательную силу и не подлежитъ обжалованію ни въ какомъ другомъ судебномъ учрежденіи. Право возбуждать дѣло не принадлежитъ ни той, ни другой изъ этихъ двухъ инстанцій, и отъ нихъ разбираютъ дѣло лишь по ходатайству сторонъ, каковою можетъ явиться каждый рабочій, считающій себя обиженнымъ. Расходы при этомъ беретъ на себя государство, исходя изъ того необычнаго у насъ соображенія, что безполезныя тяжбы менѣе опасны, чѣмъ лишеніе бѣдныхъ членовъ общества возможности осуществлять свои права; только въ тѣхъ случаяхъ, когда подаются совершенно неосновательныя жалобы, расходы взыскиваются съ жалобщиковъ.

Первоначально, до 1901 г., каждый споръ долженъ былъ разсматриваться сначала въ камерѣ соглашенія, прежде чѣмъ поступить на разрѣшеніе третейскаго суда. Однако, опытъ показалъ, что камеры соглашенія только въ очень немногихъ случаяхъ приводятъ враждующія стороны къ примиренію. Въ среднемъ за пять лѣтъ (1896—1901 гг.) это имъ удалось въ 27, 6% всѣхъ случаевъ, въ то время, какъ 72, 4% восходили на разрѣшеніе третейскаго суда.

Въ виду этого, съ 1901 г. сторонамъ разрѣшается прямо обращаться къ этому послѣднему, минуя камеру соглашенія. Разъ спорный случай заявленъ суду, то во все время разбирательства дѣла стачки и локаутъ запрещаются подъ угрозой высокаго денежнаго штрафа; не дозволяется также увольненіе за принадлежность къ организаціи. Если дѣло поступаетъ въ камеру, то послѣдняя старается привести стороны къ соглашенію. Въ случаѣ удачи результаты этого соглашенія закрѣпляются въ формѣ тарифнаго договора, который имѣетъ такую же обязательную силу, какъ и постановленіе третейскаго суда. Если же соглашеніе не достигается, то камера дѣлаетъ сторонамъ свое предложеніе, такъ называемую „рекомендацію“, которая также пріобрѣтаетъ, по истеченіи извѣстнаго срока, принудительную силу, если стороны не обратятся къ третейскому суду или не вступятъ сами потомъ въ

соглашеніе. Тарифный договоръ или рѣшеніе суда сохраняютъ свое значеніе до тѣхъ поръ, пока не вступитъ въ силу новый договоръ или рѣшеніе. Надзоръ за исполненіемъ принадлежалъ первоначально самимъ сторонамъ, но съ 1901 г. возложенъ на фабричную инспекцію; за нарушеніе постановленія полагается штрафъ до 10,000 марокъ или 500 ф. ст. (т. е. до 4,600 р.). Разрѣшенію въ камерахъ соглашенія или третейскомъ судѣ подлежатъ всѣ промышленныя столкновенія во всѣхъ отрасляхъ, причемъ приговоръ, постановленный по отношенію къ данной отрасли промышленности, можетъ быть распространенъ и на другія, родственныя ей.

Одно только ограниченіе знаетъ новозеландская система относительно сферы примѣненія третейскаго суда: послѣдній распространяется только на зарегистрированные союзы. Организація рабочихъ есть необходимая предпосылка всей системы. Занесеніе въ регистръ не обязательно, но оно влечетъ за собою значительныя выгоды, которыя имѣютъ цѣлью побудить союзы къ зарегистрированію. Что касается предпринимателей, то они подлежатъ третейскому суду даже въ томъ случаѣ, если ихъ союзы не занесены въ регистръ... Рѣшенія суда относительно условій труда обязательны не только для самихъ тяжущихся, но и для всѣхъ тѣхъ, кто позднѣе вступитъ въ данную отрасль промышленности въ качествѣ предпринимателя или рабочаго. Они распространяются также и на всѣхъ неорганизованныхъ рабочихъ, если послѣдніе работаютъ у хозяина, который связанъ постановленіемъ третейскаго суда. Новелла 1903 г. еще болѣе расширила полномочія послѣдняго. Онъ можетъ при разсмотрѣніи спора въ какой нибудь отрасли производства, по просьбѣ одной изъ сторонъ, распространить обязательную силу рѣшенія на всю промышленность колоніи, и не разъ уже пользовался этимъ своимъ правомъ. Относительно камеръ соглашенія нужно замѣтить, что въ общемъ онѣ не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. При обсужденіи закона въ парламентѣ предполагали, что процентовъ 90 всѣхъ споровъ будетъ улажено посредствомъ соглашенія, но на дѣлѣ оказалось противное, и во избѣжаніе потери времени при разсмотрѣніи дѣла въ двухъ инстанціяхъ впослѣдствіи сторонамъ было предоставлено право прямо обращаться къ третейскому суду. Относительно же дѣятельности этого послѣдняго мнѣнія высказываются въ общемъ благопріятныя какъ новозеландскими государственными дѣятелями, такъ и иностранными экспертами и комиссіями, изслѣдовавшими вопросъ по порученію своихъ правительствъ; указывается только на чрезвычайное обремененіе дѣлами, вслѣдствіе чего до произнесенія приговора проходитъ нерѣдко 9—12 мѣсяцевъ.

Первоначально рабочіе относились очень недовѣрчиво къ предсѣдателю верховнаго суда, извѣстному своими консервативными

убѣжденіями, однако, онъ успѣлъ на дѣлѣ доказать свое безпристрастіе. По свидѣтельству Ллойда, въ 9 случаяхъ изъ 10 онъ рѣшалъ дѣло въ пользу рабочихъ, такъ какъ видѣлъ, что требованія ихъ справедливы. Такимъ образомъ, до сихъ поръ рѣшенія третейскаго суда были благопріятны преимущественно для рабочихъ, но это объясняется, конечно, вовсе не однимъ безпристрастіемъ судей, а благопріятными условіями рынка въ промышленности, когда заработная плата легко поддается повышенію. Какъ же будетъ обстоять дѣло при кризисахъ—еще неизвѣстно. Судъ имѣетъ право—и очень часто пользуется имъ—постановлять, что при наймѣ рабочихъ должно быть отдаваемо предпочтеніе членамъ профессіональныхъ союзовъ.

Такимъ образомъ законъ явно стремится къ тому, чтобы побудить рабочихъ вступать въ союзы, содѣйствовать ихъ организаціи. Особенныя трудности представляются при опредѣленіи размѣра заработной платы, и именно въ двоякомъ отношеніи: во первыхъ, при установленіи „справедливой платы“, подъ которой судъ разумѣетъ вознагражденіе среднему рабочему, должны быть приняты во вниманіе и болѣе слабыя силы; а во-вторыхъ, нельзя упускать изъ виду конкурренціи другихъ округовъ, въ которыхъ условія труда не урегулированы. По мѣрѣ того, какъ расширяется примѣненіе новыхъ законовъ, возрастаетъ и количество жалобъ на нарушеніе обязательныхъ постановленій: въ 1900 г. ихъ было всего 12, а въ 1903—1904 г. уже 121, такъ что на долю фабричной инспекціи приходится немало работы. До сихъ поръ, однако, нарушенія исходили преимущественно со стороны предпринимателей.

Подводя итоги, можно признать въ общемъ, что законъ не остался мертвой буквой, и цѣль, къ которой онъ стремился—устраненіе стачекъ и локаутовъ—въ общихъ чертахъ достигнута. Стачки не исчезли совсѣмъ, ибо рабочіе, неорганизованные или объединенные въ союзахъ, не занесенныхъ въ регистръ, не обязаны обращаться къ третейскому суду, но все же онѣ очень сократились, и тѣ, которыя случались, очень незначительны по своему характеру. Вопросъ же о томъ, насколько это препятствовало развитію промышленности, остается пока открытымъ, ибо дѣйствіе новыхъ законовъ совпало со временемъ благопріятныхъ коньюнктуръ. Однако, и теперь уже выяснилось, что крики о „разрушеніи“ промышленности, какъ это дѣлали нѣкоторые изъ хозяевъ, совершенно не основательны.

Только въ промышленности по изготовленію обуви замѣчается регрессъ, который находитъ себѣ объясненіе въ технической отсталости сравнительно съ американской конкурренціей. Въ такихъ случаяхъ, гдѣ существуетъ подобная конкурренція, возможность устанавливать уровень заработной платы ограничивается для третейскаго суда тѣми условіями труда, которыя существуютъ въ

конкуррирующихъ странахъ. Предприниматели продолжаютъ еще относиться неблагопріятно къ закону и добиваются его измѣненія, но въ общемъ, какъ замѣчаетъ американскій изслѣдователь Кларкъ, ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не желаетъ здѣсь возвращенія къ прежнему состоянію свободы стачекъ и локаутовъ. Другія австралійскія колоніи, въ числѣ четырехъ, тоже послѣдовали примѣру Новой Зеландіи, въ томъ или иномъ видѣ, и въ 1904 г. и австралійская республика положила основаніе союзному законодательству о соглашеніи и обязательномъ третейскомъ судѣ. Новаго онѣ даютъ мало по сравненію съ Новой Зеландіей; по этому опуская ихъ, мы остановимся лишь на опытѣ колоніи Викторія, имѣющемъ цѣлью установленіе минимума заработной платы.

Фабричный законъ 1896 г. устанавливаетъ для этого спеціальныя учрежденія, которыя по способу своей дѣятельности родственны обязательнымъ третейскимъ судамъ, хотя при созданіи ихъ вовсе не преслѣдовалась цѣль разрѣшенія промышленныхъ столкновеній. По опредѣленію закона, полномочія новыхъ учрежденій заключаются въ томъ, чтобы, во-первыхъ, устанавливать минимумъ заработной платы въ той или иной отрасли промышленности и, во-вторыхъ, опредѣлять число учениковъ, которое можетъ держать хозяинъ. Такъ какъ право установленія минимума заработной платы заключаетъ въ себѣ право опредѣлять вознагражденіе за сверхурочные часы, то эти же учрежденія регулируютъ косвеннымъ образомъ продолжительность рабочаго дня; тѣ отрасли промышленности, на которыя распространяется власть этихъ „спеціальныхъ учрежденій" по установленію минимума заработной платы, указываются парламентомъ. Право вмѣшиваться въ стачку или налагать штрафы за объявленіе локаута или стачки, однако, совершенно отсутствуетъ у нихъ. Первоначально этотъ институтъ возникъ, какъ результатъ агитаціи, направленной противъ „потогонной" системы, и полномочія новыхъ учрежденій распространялись прежде всего на тѣ именно отрасли промышленности, которыя болѣе всего страдали отъ этого зла: мастерскія по изготовленію одежды, булочныя, столярное дѣло, мясныя и т. д. Ихъ главной задачей было установить плату, которая соотвѣтствовала бы стоимости жизни и давала возможность приличнаго существованія для каждой семьи.

Въ 1900 г. новелла къ фабричному закону 1896 г. расширила полномочія „спеціальныхъ учрежденій", а въ 1903 г. были произведены еще нѣкоторыя измѣненія. Число членовъ колеблется отъ 4 до 10,—поровну отъ рабочихъ и предпринимателей; сверхъ того, предсѣдатель, который выбирается самими членами, но не изъ своей среды. Для каждой отрасли промышленности существуетъ свой такой совѣтъ, и въ настоящее время Викторія насчитываетъ ихъ 38. Закономъ 1903 г., кромѣ того, создана новая инстанція для аппелляціи.

При установленіи уровня заработной платы принимается во вниманіе родъ промышленности, полъ и возрастъ рабочихъ. Главный фабричный инспекторъ можетъ выдать для престарѣлыхъ, слабыхъ или неспособныхъ къ быстрой работѣ особое удостовѣреніе въ томъ, что имъ разрѣшается работать за низшую плату, подъ тѣмъ условіемъ, однако, что число такихъ рабочихъ не превышаетъ $^1/_5$ общаго ихъ числа. Но предприниматели съ своей стороны не изъявляютъ большой охоты къ пріему такихъ рабочихъ, которые вырабатываютъ менѣе установленнаго минимума, изъ боязни получить дурную славу въ глазахъ общественнаго мнѣнія.

Что же касается рабочихъ, обладающихъ полной дѣеспособностью, то ихъ заработная плата, подъ вліяніемъ закона, значительно возросла.

Германія.

Еще лѣтъ 10 тому назадъ въ широкихъ кругахъ Германіи едва ли было извѣстно понятіе тарифныхъ соглашеній, теперь же ихъ насчитывается до 3000—4000; изъ 2 милліоновъ организованныхъ въ профессіональные союзы нѣмецкихъ рабочихъ 700,000—800,000 человѣкъ опредѣляютъ условія своего труда путемъ коллективнаго договора, причемъ дѣйствіе послѣдняго несомнѣнно распространяется также, въ большей или меньшей мѣрѣ, и на неорганизованныхъ рабочихъ [1]).

При первомъ же изслѣдованіи вопроса невольно бросается въ глаза то обстоятельство, что въ Германіи ранѣе всего возникли и получили наибольшее распространеніе тарифныя соглашенія въ тѣхъ отрасляхъ, которыя носятъ болѣе или менѣе рѣзко выраженный характеръ ремесла, тогда какъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ на первый планъ выступаютъ въ этомъ отношеніи главнѣйшія отрасли крупной индустріи: хлопчатобумажная, желѣзодѣлательная, машиностроительная и угольная. Наибольшей извѣстностью въ Германіи пользуются тарифныя соглашенія въ типографскомъ дѣлѣ; начало ихъ относится къ 1848 г., и, постепенно распространяясь за время почти 60-лѣтняго существованія, они включаютъ теперь въ кругъ своего дѣйствія всю имперію: 66% всѣхъ типографскихъ предпріятій и около 90% всѣхъ рабочихъ признаютъ въ настоящее время тарифъ. Общая картина движенія за послѣднія 10 лѣтъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Въ	1897	г.	признавали	тарифъ	1631	фирмъ съ	18,340	рабоч.
»	1898	»	»	»	2030	»	22,468	»
»	1899	»	»	»	2740	»	27,449	»
»	1900	»	»	»	3105	«	30,630	»

[1]) Въ Англіи, по словамъ Вебба, условія коллективнаго договора распространяются почти на 90% общаго числа квалифицированныхъ рабочихъ.

Въ 1901 г.	признавали тарифъ	3372	фирмъ съ	34,307	рабоч.
» 1902	» » »	3464	»	36,527	»
» 1903	» » »	4250	»	39,464	»
» 1904	» » »	4559	»	41,483	»
» 1905	» » »	5134	»	45,868	»
» 1906	» » »	5583	»	49,497	»

Послѣдняя стачка типографскихъ рабочихъ была въ 1891 г., она обошлась стачечникамъ болѣе милліона рублей, затраченныхъ на пособія, ибо продолжалась 10 недѣль. На этотъ разъ рабочіе потерпѣли пораженіе и должны были стать на работу на старыхъ условіяхъ, т. е. согласно тарифу, заключенному въ 1890 г. Но въ 1896 г. союзъ типографскихъ рабочихъ былъ снова готовъ къ борьбѣ; желая предотвратить ее, хозяева согласились на пересмотръ тарифа: былъ введенъ 9-часовой рабочій день и установлено нѣкоторое повышеніе заработной платы, срокомъ на 5 лѣтъ, начиная съ 1-го мая 1896 г. Этотъ договоръ былъ опять возобновленъ въ 1901 г. съ нѣкоторыми измѣненіями еще на 5 лѣтъ. Въ немъ предусматривались всѣ условія труда: рабочее время, сдѣльная и поденная плата, сверхурочная работа, допустимое количество учениковъ и т. д.

Органами для установленія и проведенія въ жизнь тарифа являются, во-первыхъ, главное тарифное управленіе нѣмецкихъ печатниковъ, состоящее изъ трехъ предпринимателей и трехъ рабочихъ, и, во-вторыхъ, тарифный комитетъ. Главное тарифное управленіе учреждаетъ съ своей стороны: окружныя правленія, третейскіе суды и бюро для посредничества.

Эти послѣднія предоставляютъ рабочія руки только тѣмъ предпринимателямъ, которые исполняютъ всѣ пункты тарифнаго соглашенія, а равно даютъ мѣсто только тѣмъ рабочимъ, которые ранѣе работали въ типографіи, вѣрной тарифу. Число третейскихъ судовъ въ 1897 г. равнялось 9, къ 1901 г. возросло до 21, а еще черезъ 5 лѣтъ достигло 45. По рѣшенію тарифнаго комитета, этимъ судамъ было предоставлено въ 1904 г. право постановлять рѣшенія относительно даже такихъ спорныхъ вопросовъ, которые не предусмотрѣны въ тарифѣ, если стороны согласятся на ихъ обсужденіе. Что касается бюро для пріисканія занятій, то за пятилѣтіе 1901—1906 гг. при помощи его нашли себѣ мѣсто 40,644 наборщика и 8194 печатника. Въ истекшемъ 1906 г. оканчивался срокъ соглашенія; предстояло рѣшить, будетъ ли продолжаться миръ между рабочими и владѣльцами типографій, или возгорится война послѣ пятнадцатилѣтняго затишья..

Вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу мира; былъ заключенъ новый договоръ, срокомъ на 10 лѣтъ, именно съ 1-го января 1907 г. по 1916 г., съ тѣмъ, однако, условіемъ, что по истеченіи пяти лѣтъ тарифъ подвергнется пересмотру, при которомъ должны быть приняты во вниманіе законныя требованія рабочихъ. При этомъ

подъ исполненіемъ законныхъ требованій, при пересмотрѣ тарифа черезъ 5 лѣтъ, понимается: обязательство брать въ разсчетъ вздорожаніе жизни, техническія измѣненія, большее или меньшее количество безработныхъ, измѣненіе школы учениковъ и т. д. Ни сокращенія рабочаго времени, кромѣ получаса по субботамъ, ни повышенія заработной платы (сверхъ вызваннаго вздорожаніемъ предметовъ первой необходимости) нѣмецкіе типографщики себѣ не выговорили. Относительно же учениковъ было установлено слѣдующее правило: при пересмотрѣ тарифа тарифная комиссія обязана регулировать число учениковъ данной типографіи въ зависимости отъ безработицы. Пока число безработныхъ не превышаетъ трехъ %, пропорція учениковъ остается прежней. Владѣльцы, у которыхъ не работаетъ постоянно хоть одинъ наборщикъ, или которые сами не работаютъ при печатной машинѣ, не имѣютъ права держать учениковъ.

Изъ другихъ отраслей, въ которыхъ развито примѣненіе коллективнаго договора, нужно отмѣтить строительное дѣло рейнско-вестфальской промышленной области. Въ договорѣ, вступившемъ въ силу 31-го августа 1905 г., содержится всестороннее урегулированіе условій труда въ строительномъ дѣлѣ для самыхъ крупныхъ нѣмецкихъ округовъ: условія соглашенія распространяются на 350 пунктовъ страны. Съ своей стороны центральный союзъ каменщиковъ опубликовалъ недавно таблицу, изъ которой видно быстрое распространеніе тарифныхъ соглашеній въ этой отрасли промышленности: въ 1895 г. ихъ насчитывалось всего 13, въ 1898 г. было уже 37, въ 1900 г.—117, въ 1903 г.—176 и, наконецъ, въ 1905 г.—367. Эти 367 договоровъ распространяются на 4610 пунктовъ (Orte) съ $122^1/_2$ тысячами каменщиковъ и другихъ спеціалистовъ-рабочихъ данной промышленности [1]).

Что касается оффиціальныхъ учрежденій, то въ Германіи это дѣло находится еще въ самомъ зародышѣ. По закону 1890 г., промысловые суды, которые состоятъ изъ предсѣдателя, назначаемаго мэромъ общины, и четырехъ членовъ поровну отъ рабочихъ и предпринимателей, и главная задача которыхъ заключается въ разборѣ пререканій по поводу *исполненія* существующаго договора,—могутъ, между прочимъ, высказаться и по поводу коллективныхъ столкновеній, возникающихъ на почвѣ установленія новаго договора. Въ этомъ случаѣ обращеніе должно исходить отъ обѣихъ сторонъ, которыя и назначаютъ своихъ уполномоченныхъ. Судъ имѣетъ право производить обслѣдованіе; при состоявшемся примиреніи онъ составляетъ протоколъ, въ противномъ же случаѣ дѣлаетъ третейское постановленіе, которое имѣетъ лишь одно моральное значеніе—гласность.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ ближайшемъ будущемъ коллективному

---

1) „Socialistische Monatshefte", № 2 за 1907 г.

договору въ Германіи предстоитъ завоевать и главнѣйшія отрасли крупной индустріи... Главнымъ препятствіемъ служитъ въ настоящее время упорство крупныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ, не желающихъ разстаться съ „патріархальной" точкой зрѣнія, согласно которой они—неограниченные самодержцы въ своемъ царствѣ. На общемъ собраніи Общества соціальной реформы, происходившемъ въ декабрѣ 1906 г, референтъ Шифферъ прямо указываетъ, что большинство крупныхъ промышленниковъ не хотятъ ничего и слышать о коллективныхъ договорахъ и третейскомъ разбирательствѣ своихъ разногласій съ рабочими при помощи тѣхъ или иныхъ учрежденій, составленныхъ на началахъ равноправности и руководствующихся опредѣленными правилами. Точно также другой референтъ Гартманъ отмѣчаетъ, что рабочіе и мастера или завѣдующіе живутъ другъ съ другомъ, „какъ кошки съ собаками"... Какъ въ желѣзной, такъ и въ текстильной промышленности Германіи не можетъ быть, по его словамъ, и рѣчи пока о „соглашеніи": если кое-гдѣ и находятся осмотрительные хозяева, которые вступаютъ въ сношенія съ правленіями рабочихъ организацій, то большинство нѣмецкихъ предпринимателей въ крупной индустріи высокомѣрно отвергаетъ всякую мысль о возможности имѣть дѣло съ этими „подстрекателями" и „агитаторами", какъ они называютъ вождей рабочихъ союзовъ!..[1]) Однако, едва ли такое положеніе дѣлъ долго продлится, и быстрый ростъ профессіональныхъ организацій въ Германіи за послѣднее время, надо думать, скоро заставитъ промышленныхъ королей пойти на уступки и заговорить о „дружественныхъ чувствахъ" и о „гармоніи" интересовъ труда и капитала, подъ чѣмъ скрывается признаніе могущества противника, вмѣстѣ съ желаніемъ его обойти... Но рабочія организаціи не дадутъ теперь провести себя подобной перемѣной фронта, и въ ихъ рукахъ коллективный договоръ станетъ не средствомъ распространенія иллюзій о пресловутомъ „соціальномъ мирѣ", а могучимъ орудіемъ борьбы пролетаріата за свое освобожденіе.

Франція.

Во Франціи методъ коллективнаго договора далеко не пріобрѣлъ еще такого значенія и распространенія, какъ въ Англіи или Америкѣ. До 1864 г. профессіональные союзы подвергались еще здѣсь уголовнымъ преслѣдованіямъ, а между тѣмъ они являются главнымъ носителемъ идеи коллективнаго договора. И даже послѣ изданія закона 25-го мая 1864 г., уничтожившаго эти запрещенія, нѣкоторыя препятствія для свободнаго роста рабочихъ

---

[1]) Schriften der Gesellschaft für sociale Reform. Methoden des gewerblichen Einigungswesens. Jena. 1907. S. 56, 63.

организацій продолжали существовать. Въ 1884 г. вышелъ новый законъ, который хотя прямо и не касался вопроса о тарифныхъ соглашеніяхъ, но зато установилъ признаніе правъ юридической личности за профессіональными союзами; съ этого времени и начинается главнымъ образомъ развитіе коллективнаго договора во Франціи. Наиболѣе совершеннымъ его типомъ является здѣсь такъ назыв. Арасское соглашеніе, заключенное между каменноугольными компаніями области Па-де-Калэ и союзами горнорабочихъ. Это соглашеніе состоялось въ 1891 г. и увеличило первоначально заработную плату 1888 г. на 20%; потомъ оно было возобновлено въ 1898, 1899 и 1900 гг., и плата постепенно возросла на 40%. Но что этимъ нисколько не исключается возможность стачекъ—доказываетъ опытъ 1902 г., когда вспыхнула всеобщая стачка углекоповъ, распространившаяся съ сѣвера Франціи на большинство и другихъ бассейновъ. Изъ другихъ образцовъ коллективнаго договора, распространеннаго на цѣлую область, можно отмѣтить тотъ, который заключили аннонейскіе скорняки со своими хозяевами; въ немъ содержались пункты о 10-часовомъ рабочемъ днѣ, уничтоженіи сверхурочныхъ работъ, воскресномъ отдыхѣ и минимумѣ заработной платы въ 4 франка, т. е. $1^1/_2$ руб.

Что касается оффиціальныхъ учрежденій, создаваемыхъ съ цѣлью урегулированія коллективныхъ столкновеній, то съ 1887 г. въ палату вносился цѣлый рядъ проектовъ и предложеній, въ результатѣ которыхъ и явился законъ 27-го декабря 1892 г., вводящій необязательныя камеры соглашенія и третейскіе суды. Съ 1893 по 1901 г. было разрѣшено съ ихъ помощью въ общемъ 478 конфликтовъ, что составляетъ 10% всего количества стачекъ. При этомъ въ 19,7% случаевъ новыя учрежденія принесли побѣду рабочимъ, въ 18,8%—пораженіе и въ 61,5%—мировую сдѣлку.

Въ 1902 же году было разрѣшено прямо или косвенно только 47 тяжбъ изъ 512 бывшихъ въ этомъ году стачекъ, что составляетъ даже менѣе 10%. Въ виду столь слабаго успѣха закона 1892 г., въ парламентъ опять стали вноситься многочисленныя предложенія относительно обязательнаго третейскаго суда, учрежденія постоянныхъ камеръ соглашенія и т. п. Подъ вліяніемъ ихъ 17-го сентября 1900 г. былъ изданъ декретъ, учреждающій совѣты труда, раздѣленные на секціи и составленные изъ равнаго числа хозяевъ и рабочихъ, избранныхъ профессіональными синдикатами Кромѣ прочихъ полномочій, они надѣлялись правомъ разрѣшать промышленные конфликты путемъ соглашенія или третейскаго суда. Гораздо болѣе важнымъ является проектъ Мильерана отъ 15-го ноября 1900 г., на которомъ замѣтны слѣды вліянія Новой Зеландіи. Согласно этому проекту, во всякомъ промышленномъ и торговомъ заведеніи, насчитывающемъ не менѣе 50 рабочихъ, должно быть вывѣшено особое печатное объявленіе съ указаніемъ, подчиняются или нѣтъ стороны новому порядку, и

въ случаѣ согласія — онъ становится уже обязательнымъ. Чтобы побудить къ этому предпринимателей, проектъ обязываетъ отдавать государственные подряды только тѣмъ изъ нихъ, кто соглашается на новый порядокъ; точно также департаменты и коммуны могутъ вносить въ свои договоры о подрядахъ соотвѣтствующіе пункты. Въ тѣхъ предпріятіяхъ, на которыя распространяется законъ, рабочіе выбираютъ для представительства своихъ интересовъ постоянныхъ делегатовъ. Эти делегаты въ надлежащихъ случаяхъ предъявляютъ хозяевамъ требованія отъ имени своихъ избирателей. Если требованія, предъявляемыя первоначально устно, не будутъ приняты, то они воспроизводятся письменно Предприниматель обязанъ отвѣтить на это заявленіе въ 48 часовъ и въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на выставленныя требованія, указываетъ одновременно своихъ представителей въ третейскій судъ. Если же такого указанія не сдѣлано, то дозволяется прибѣгнуть къ стачкѣ. Но при состоявшемся назначеніи рабочіе съ своей стороны выбираютъ судей. Если въ теченіе 6 дней судъ не выноситъ никакого рѣшенія, то разрѣшается прекратить работу при соблюденіи извѣстныхъ правилъ—именно, чтобы за это высказалось большинство при участіи въ голосованіи свыше $^1/_3$ всѣхъ членовъ. Если большинство высказывается за стачку, она немедленно объявляется и становится обязательной для всѣхъ, но голосованіе возобновляется каждые семь дней, и работы снова начинаются, если этого пожелаетъ большинство. Разъ стачка объявлена, то соотвѣтствующія секціи совѣтовъ труда должны выступить въ качествѣ третейскаго суда, и постановленныя ими рѣшенія сохраняютъ силу въ теченіе 6 мѣсяцевъ. Однако, неподчиненіе приговору суда не влечетъ за собой никакихъ гражданско-правовыхъ послѣдствій, въ видѣ, напр., возмѣщенія убытковъ, а только потерю избирательныхъ правъ на извѣстный срокъ Такимъ образомъ проектъ Милльерана не идетъ такъ далеко, какъ австралійское законодательство: онъ вовсе не стремится устранить стачки, а только организовать ихъ. Три пункта составляютъ его сущность. Во-первыхъ, проектъ стремится расширить кругъ дѣйствія третейскаго суда, побудить враждующія стороны къ передачѣ спора на его разрѣшеніе, поэтому онъ устанавливаетъ особыя выгоды для тѣхъ, кто переходитъ къ новому порядку. Во-вторыхъ, поощряется дѣло организаціи рабочихъ, ибо послѣдніе въ каждомъ предпріятіи разсматриваются, какъ одно цѣлое, и рѣшенія большинства становятся обязательными для всѣхъ.

Наконецъ, въ немъ содержится принужденіе къ стачкѣ, такъ какъ разъ большинство провозгласитъ ее, то и меньшинство обязано примкнуть къ ней. Пусть оно и не желаетъ бастовать, но не имѣетъ права становиться на работы: подобное штрейкбрехерство запрещается закономъ. Однако, проектъ Милльерана не

встрѣтилъ поддержки ни въ рабочихъ синдикатахъ, ни среди предпринимателей, и парламентъ отклонилъ его.

Такимъ образомъ мысль о публично-правовомъ урегулированіи вопроса не находитъ, повидимому, себѣ почвы во Франціи, и теперь на сцену выступаютъ проекты, построенные на частноправовыхъ принципахъ. Предварительныя работы въ этомъ направленіи были возложены на комиссію, занятую выработкой общаго „рабочаго кодекса“ (code du travail). На основаніи работъ этой комиссіи и нѣкоторыхъ парламентскихъ проектовъ министръ труда Думергъ внесъ 7-го іюля 1906 г. въ палату депутатовъ законопроектъ относительно рабочаго договора, который въ статьяхъ 12—21 касается также заключенія коллективныхъ соглашеній и вытекающихъ отсюда юридическихъ послѣдствій. Согласно статьѣ 12-й, заключенію индивидуальнаго договора можетъ предшествовать составленіе договора коллективнаго, который заключается между однимъ или многими предпринимателями и синдикатомъ или группой рабочихъ или же между уполномоченными представителями обѣихъ сторонъ. Подобный договоръ, регулирующій условія труда, долженъ быть письменнымъ и заявленъ въ секретаріатѣ промысловаго суда или, въ случаѣ отсутствія такового, въ канцеляріи мирового судьи даннаго участка. Срокъ дѣйствія коллективнаго договора не можетъ превышать 5 лѣтъ; если же при заключеніи его срокъ не былъ обусловленъ, то онъ считается годовымъ.

Что касается обязательствъ, которыя берутся синдикатами, заключающими договоръ, то они опредѣляются этимъ послѣднимъ. Вступая въ договоръ въ качествѣ стороны, синдикаты могутъ въ своихъ интересахъ или въ интересахъ своихъ членовъ (съ ихъ согласія) осуществлять всѣ принадлежащія имъ права. Въ частности, они могутъ приносить въ судъ жалобы по поводу исполненія договора или требовать возмѣщенія убытковъ въ случаѣ его неисполненія—какъ отъ отдѣльныхъ лицъ и союзовъ, съ которыми заключенъ договоръ, такъ и отъ тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые не соблюдаютъ условій договора. Важное значеніе имѣетъ ст. 18: если существуетъ только одинъ договоръ, который регулируетъ условія труда для всего даннаго округа или области, то пока не будетъ доказано противное, предполагается, что всѣ предприниматели и рабочіе принимаютъ тѣ нормы, которыя установлены этимъ договоромъ. Въ общемъ весь проектъ представляетъ собою попытку чисто гражданско-правового урегулированія отношеній между сторонами, и только одна 18-ая ст. идетъ нѣсколько дальше. Судьба проекта пока неизвѣстна, такъ какъ палата депутатовъ еще не высказалась относительно него.

Заключеніе.

Вопросъ о коллективномъ договорѣ у насъ, въ Россіи, поставленъ на очередь лишь за самое послѣднее время, т. е. лишь *послѣ* того, какъ революція потрясла основы стараго порядка, при которомъ самыя мирныя рабочія организаціи считались несовмѣстимыми съ особенностями нашего политическаго строя и потому подлежали уничтоженію во имя сохраненія самодержавія. Послѣ паденія крѣпостного права въ 1861 г. отношенія между трудомъ и капиталомъ стали опредѣляться такъ назыв. *свободнымъ договоромъ*. Наши предприниматели широко воспользовались предоставленной имъ свободой эксплоатаціи и тѣмъ, что рабочіе лишены были возможности сопротивляться подъ гнетомъ полицейскихъ и уголовныхъ репрессій... Рабочій сталъ свободнымъ лишь номинально, на дѣлѣ же—попалъ въ новую кабалу. Договоръ найма устанавливался, собственно говоря, односторонней волей хозяина, и, не чувствуя на себѣ никакой узды, предприниматели не только довели эксплоатацію труда до невѣроятныхъ на первый взглядъ размѣровъ, но и перестали считаться съ дѣйствующими гражданскими законами; вмѣсто того, чтобы быть лишь одной изъ сторонъ въ договорѣ, они превратились въ законодателей по отношенію къ своимъ рабочимъ. Такъ, напр., ст. 54 устава о промышленности заводск. и фабричн. требовала обязательнаго предупрежденія работника объ расчетѣ за 2 недѣли до отпуска, но фабриканты, нимало не смущаясь этимъ, составляли свои правила, въ которыхъ обыкновенно говорилось: „никто отъ работы отказаться не можетъ ранѣе условленнаго срока, контора же имѣетъ право отказать во всякое время“... Вопреки закону, въ правила вносился иногда такой пунктъ: „хозяинъ имѣетъ право во всякое время цѣну за работу повысить или понизить“, и столь же противозаконными были, далѣе, вычеты за оказаніе медицинской помощи, расплата товарами или особыми марками, вмѣсто денегъ, и многое другое. Однимъ словомъ, хозяинъ являлся неограниченнымъ властителемъ и законодателемъ, а *рабочіе обязаны ему безпрекословнымъ повиновеніемъ*, какъ откровенно гласили правила нѣкоторыхъ московскихъ фабрикъ! Дѣло доходило даже до того, что на золотыхъ пріискахъ заключались слѣдующіе контракты: пріисковому управленію предоставляется полное право во всякое время года всѣхъ вмѣстѣ или каждаго порознь или изъ нанявшихся *передавать для работъ въ другія компаніи* или же вовсе отъ работъ увольнять, на что претензій и жалобъ приносить не должны и объясненій о причинѣ расчета требовать ни отъ кого права не имѣютъ... А англичанинъ Юзъ установилъ на своемъ заводѣ особые, неизвѣстные русскому праву, сроки давности (именно одну недѣлю) для тѣхъ рабочихъ, которые недовольны произвольными

штрафами и хотѣли бы жаловаться мировому судьѣ: по истеченіи недѣли никакая жалоба—буквально такъ говорится въ правилахъ—не принимается!

Съ половины 80-хъ годовъ и у насъ въ Россіи появляется фабричное законодательство: прежней неограниченной свободѣ эксплоатаціи государственная власть ставитъ теперь извѣстные предѣлы и вмѣстѣ съ тѣмъ вводится особый контроль въ лицѣ фабричныхъ инспекторовъ. Однако, всѣ сдѣланныя въ этомъ направленіи попытки оказались очень робкими и неудовлетворительными; существенныхъ измѣненій въ рабочемъ договорѣ и въ положеніи рабочаго класса онѣ произвести не могли. Переработать и вдохнуть новый духъ въ договоръ найма можно только при помощи профессіональныхъ союзовъ; подъ ихъ воздѣйствіемъ этотъ договоръ изъ индивидуальнаго или единоличнаго долженъ превратиться въ совмѣстный, или коллективный. Профессіональные союзы возникаютъ у насъ лишь съ осени 1905 г., и въ виду ихъ крайней молодости подобныя попытки только что намѣчаются... [1])

Но имъ принадлежитъ будущее, и притомъ не отдаленное, а очень близкое; поэтому будетъ вполнѣ своевременнымъ ознакомиться съ тѣми выгодами и вредными послѣдствіями, которыя свойственны этому методу борьбы. Для рабочихъ онъ приноситъ улучшеніе условій ихъ труда, ибо при единоличномъ договорѣ гораздо труднѣе добиться уступокъ отъ хозяевъ, чѣмъ при соглашеніяхъ, вырабатываемыхъ сообща отъ лица всѣхъ или большинства рабочихъ. Да и у предпринимателя больше возможности платить лучшую заработную плату, разъ онъ имѣетъ обезпеченіе въ томъ, что у него не будетъ стачка и что ему не угрожаетъ недобросовѣстная конкурренція. Рабочій, далѣе, можетъ разсчитывать на большее постоянство своего заработка, ибо онъ теперь гарантированъ въ значительной мѣрѣ отъ всякихъ случайностей какъ извнѣ, такъ и внутри фабрики. Не подлежитъ также сомнѣнію, что договоры и соглашенія между рабочими и предпринимателями расчищаютъ почву для дальнѣйшаго развитія законодательства по охранѣ труда, создаютъ для него благопріятныя условія и подготовляютъ матеріалъ. Это, конечно, нисколько не исключаетъ возможности нѣкоторыхъ вредныхъ послѣдствій для отдѣльныхъ лицъ. Такъ, напр., соглашенія относительно заработной платы и продолжительности рабочаго дня, приспособленныя къ среднему уровню рабочихъ, могутъ ока-

---

[1]) Такъ выработкой тарифа занятъ въ настоящее время союзъ типографскихъ рабочихъ; точно также на недавней конференціи представителей профессіон. союзовъ текстильной промышленности рекомендовано повести усиленную агитацію за то, чтобы предприниматели не нанимали рабочихъ помимо союзовъ и противно тѣмъ условіямъ, какія выработаны послѣдними.

заться стѣснительными для болѣе способныхъ лицъ, затруднить полное развитіе ихъ производительной силы. Точно также может пострадать отъ постановленій тарифа и рабочій ниже средняго уровня. Но все это суть неудобства для отдѣльныхъ лицъ, а не для класса; цѣлое же безусловно выигрываетъ, и коллективный договоръ поэтому со стороны рабочихъ встрѣчаетъ теперь мало противниковъ.

Какъ же онъ отражается на интересахъ предпринимателей?— вотъ интересный вопросъ, ибо наибольшая сила сопротивленія оказывается именно здѣсь. Выгадываютъ они въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, застраховываются, такъ сказать, отъ стачекъ, а, во-вторыхъ, пріобрѣтаютъ увѣренность, — если тарифъ получаетъ болѣе или менѣе широкое распространеніе, — что ихъ конкурренты выпускаютъ товары при одинаковыхъ условіяхъ производства. И то, и другое позволяетъ поставить дѣло на болѣе прочную почву, обезпечить себя отъ разныхъ случайностей и неожиданностей. Но, съ другой стороны, заключеніе договора на болѣе или менѣе продолжительный срокъ ограничиваетъ свободу распоряженія, уменьшаетъ способность приспособленія къ неблагопріятнымъ условіямъ рынка, ибо, напр., повышенная плата должна платиться и во время кризиса. Способность конкурренціи на международномъ рынкѣ тоже ослабляется, разъ не во всѣхъ странахъ существуютъ подобныя тарифныя соглашенія. Но не трудно видѣть, что для Россіи подобное возраженіе безусловно уже не можетъ имѣть значенія, ибо у насъ эти соглашенія только начинаютъ вводиться, а въ другихъ странахъ существуютъ уже давно.

Кромѣ того, со стороны предпринимателей выдвигается еще слѣдующій аргументъ. Въ основѣ коллективнаго договора, говорятъ они, лежитъ мысль о возможно болѣе общемъ опредѣленіи какъ заработной платы, такъ и другихъ условій труда для цѣлыхъ категорій рабочихъ. Отсюда возникаетъ тенденція къ нивеллировкѣ, къ тому, чтобы подогнать массу лицъ съ разнообразными способностями и наклонностями подъ одинъ общій шаблонъ. Между тѣмъ, чтобы получить наивысшій результатъ, безусловно необходимо стремиться къ индивидуализаціи: за лучшую работу нужно платить высшую плату, а за худшую—низшую. Такимъ образомъ выходитъ, какъ будто бы, что тарифныя соглашенія, стремящіяся подвести условія труда отдѣльныхъ лицъ къ одному общему уровню, вступаютъ въ противорѣчіе съ *идеей справедливаго вознагражденія*, которая заключается въ томъ, чтобы каждому платить смотря по его работѣ. Однако, это возраженіе встрѣчаетъ опроверженіе со стороны рабочихъ. Индивидуализація возможна до нѣкоторой степени и при методѣ коллективнаго договора, но въ широкихъ размѣрахъ она вообще немыслима при современныхъ условіяхъ производства. Невозможно въ предпрія-

тіи съ нѣсколькими тысячами рабочихъ заключать особыя условія съ каждымъ изъ нихъ. Здѣсь возможно только установить извѣстныя категоріи, по которымъ должны распредѣляться всѣ вновь вступающіе рабочіе, и для каждой изъ нихъ выработать опредѣленныя правила вознагражденія, продолжительность рабочаго дня и т. д. Такимъ образомъ не коллективный договоръ, а самое развитіе крупнаго производства препятствуетъ индивидуализаціи въ широкихъ размѣрахъ; въ извѣстныхъ же предѣлахъ и при немъ возможно за особую работу платить особое вознагражденіе.

Какъ бы то ни было, жизнь разрѣшаетъ всѣ эти противорѣчія и именно въ пользу коллективнаго договора. Но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы можно было одобрить всѣ его формы и виды. Такъ, напр., въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ Америки ранѣе широко была распространена система „скользящей скáлы", и лишь за послѣднія 10 лѣтъ ее стали оттѣснять на задній планъ такъ назыв. joint agreements, т. е. соглашенія, соотвѣтствующія нѣмецкимъ тарифамъ.

Въ рабочей средѣ все болѣе и болѣе укоренялось убѣжденіе, что цѣна товаровъ, даже въ соединеніи съ минимумомъ заработной платы, не можетъ быть правильнымъ масштабомъ для измѣренія вознагражденія, и это привело къ тому, что теперь на первый планъ выступаютъ другіе методы коллективнаго опредѣленія условій труда и прежде всего—соглашенія, устанавливающія или неизмѣнныя ставки заработной платы, или же съ указаніемъ максимума и минимума. Русскіе рабочіе должны безусловно воспользоваться опытомъ своихъ западныхъ товарищей и не повторять ихъ ошибокъ. Ибо система „скользящей скáлы" противорѣчитъ принципу классовой борьбы пролетаріата, и при ней рабочимъ приходится бороться и улучшать свое положеніе не за счетъ предпринимателей, а за счетъ потребителей, т. е. всего общества или же своихъ товарищей въ другихъ отрасляхъ производства. Такимъ образомъ рабочіе должны будутъ становиться защитниками высокихъ цѣнъ на продукты, и ихъ вниманіе отвлекается въ ту сторону, которая болѣе всего на руку капиталистамъ..

Но точно также нужно признать вредными и такія соглашенія, которыя иногда встрѣчаются въ Америкѣ и обязываютъ рабочія организаціи объявлять бойкотъ тѣмъ или инымъ фабрикантамъ только за то, что они не примыкаютъ къ синдикату хозяевъ и продаютъ свои издѣлія по болѣе низкимъ цѣнамъ.

Какъ мы уже говорили ранѣе, союзъ типографскихъ рабочихъ въ Германіи давно уже устанавливаетъ условія труда путемъ коллективнаго договора, и недавно тарифное соглашеніе вновь заключено. Несмотря, однако, на такой продолжительный опытъ, въ послѣднемъ договорѣ встрѣчаются пункты, которые возбуждаютъ

большія сомнѣнія съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго класса. Такъ, срокъ соглашенія установленъ очень продолжительный (10 лѣтъ), и это можетъ связать рабочихъ по рукамъ и ногамъ. Затѣмъ рабочіе обязываются бойкотировать тѣ фирмы, которыя не входятъ въ союзъ предпринимателей, хотя бы условія труда въ нихъ вполнѣ соотвѣтствовали требованіямъ тарифа или были даже лучше...

Но не является ли всякое соглашеніе между рабочими и капиталистами само по себѣ, т. е. независимо отъ той или иной формы, противорѣчіемъ идеѣ классовой борьбы?

Не влечетъ ли оно за собою, въ качествѣ неизбѣжнаго послѣдствія, распространенія иллюзій соціальнаго мира и затемненія соціалистическаго сознанія рабочихъ? На этотъ вопросъ можно дать отрицательный отвѣтъ, съ той лишь оговоркой, что не всѣ формы коллективнаго договора могутъ быть при этомъ рекомендованы...

Классовая борьба вытекаетъ изъ коренной противоположности интересовъ предпринимателей и рабочихъ, и этой противоположности коллективный договоръ, къ счастью или къ несчастью, не можетъ уничтожить; не можетъ онъ уничтожить также и гегемоніи капитала надъ трудомъ при современныхъ условіяхъ... Поэтому никакими соглашеніями нельзя примирить принципіально рабочій классъ въ его цѣломъ съ существующимъ строемъ, основаннымъ на эксплоатаціи человѣкъ человѣкомъ и одного класса другимъ.

Коллективный договоръ отнюдь не означаетъ отказъ отъ стачекъ, но упорядочиваетъ ихъ и нерѣдко предохраняетъ отъ напрасной траты силъ и средствъ.

Мелкія и случайныя столкновенія могутъ быть успѣшно разрѣшаемы одними переговорами въ смѣшанныхъ комитетахъ, составленныхъ изъ представителей обѣихъ сторонъ; стачка же остается послѣднимъ оружіемъ для разрѣшенія принципіальныхъ споровъ. Поэтому заключенію коллективнаго договора предшествуетъ обыкновенно упорная борьба.

Такъ, тарифу нѣмецкихъ типографщиковъ предшествовала въ 1891 году $2^1/_2$ мѣсячная стачка, а англійскіе машиностроительные рабочіе пользовались имъ въ теченіе 25 лѣтъ, и это не помѣшало имъ въ 1897 г. принять вызовъ со стороны хозяевъ и вступить въ борьбу, продолжавшуюся почти полгода.

Точно также американскимъ углекопамъ пришлось въ 1902 г. выдержать 163-хдневную забастовку, въ которой принимало участіе 150,000 человѣкъ, для того, чтобы заставить предпринимателей признать ихъ профессіональный союзъ и отказаться отъ своего высокомѣрнаго заявленія, что „однимъ дѣломъ не могутъ управлять двое хозяевъ“...

Къ этому нужно добавить, что развитіе профессіональныхъ

союзовъ и примѣненіе коллективнаго договора отнимаетъ у стачекъ ихъ мѣстный и случайный характеръ, расширяетъ и обобщаетъ ихъ, возводя на степень столкновенія двухъ противоположныхъ общественныхъ силъ, т. е. другими словами, не только не затемняетъ идею классовой борьбы, но, наоборотъ, разъясняетъ ее малосознательнымъ рабочимъ и обществу.

Но коллективный договоръ въ свою очередь допускаетъ двоякаго рода урегулированіе: частно-правовое и публично-правовое. Послѣднее имѣетъ мѣсто въ колоніяхъ Австраліи, гдѣ существуетъ обязательный третейскій судъ. Какъ мы уже видѣли, этотъ институтъ существуетъ болѣе 10 лѣтъ, выдержалъ рядъ измѣненій и въ общемъ привился здѣсь, такъ что едва ли теперь можетъ быть вычеркнутъ изъ жизни. Однако, отсюда нельзя еще выводить заключенія, что этотъ опытъ легко можетъ быть перенесенъ и на другія страны Европы или Америки.. Во-первыхъ, австралійская промышленность имѣетъ своей цѣлью удовлетвореніе потребностей главнымъ образомъ лишь внутренняго рынка и потому не испытываетъ такой обостренной конкурренціи сторонъ, какой подвергаются главнѣйшія отрасли, напр., англійской, американской или нѣмецкой индустріи. „Австралія,—замѣчаетъ американскій изслѣдователь Кларкъ,—не экспортируетъ сколько-нибудь важныхъ промышленныхъ продуктовъ. Расширеніе рынка сбыта охраняется ея собственнымъ таможеннымъ тарифомъ. Если она регулируетъ заработную плату своихъ рабочихъ, то она въ состояніи регулировать также и условія конкурренціи.

Америка же этого не можетъ: продуктамъ ея приходится выдерживать конкурренцію при такихъ условіяхъ, которыя въ значительной степени опредѣляются условіями труда въ другихъ странахъ". На этомъ обстоятельствѣ основывается враждебное отношеніе къ обязательному третейскому суду со стороны предпринимателей, но, съ другой стороны, и рабочіе далеки отъ сочувствія ему. Оно и понятно. При обязательномъ судѣ рѣшающая роль выпадаетъ на долю представителя государственной власти—судьѣ, ибо голосъ рабочихъ уравновѣшивается голосомъ капиталистовъ. Но вручить судьбу своихъ интересовъ въ руки судей рабочій классъ можетъ болѣе или менѣе спокойно лишь при дѣйствительной и полной демократизаціи общественнаго и государственнаго строя. Въ Австраліи это предварительное условіе имѣлось на-лицо, но не такъ обстоитъ дѣло даже, напр., въ Америкѣ. Здѣсь de jure существуетъ демократическій строй, но фактически государственная власть попала въ зависимость отъ капитала, что объясняется, конечно, тѣмъ, что рабочій классъ вслѣдствіе разныхъ причинъ не создалъ еще соотвѣтствующей его значенію самостоятельной политической партіи... „Судебныя учрежденія при выборномъ началѣ большею частью служатъ интересамъ капиталистовъ" — такъ рисуетъ положеніе дѣлъ въ своей странѣ

Дж. Митчель, авторъ книги объ американскихъ профессіональныхъ союзахъ. Что касается нашей Россіи, то здѣсь нѣтъ ни демократическихъ учрежденій, ни независимаго суда; остальныя же европейскія страны занимаютъ промежуточное положеніе между Россіей и Соедин. Штатами. Въ виду этого рабочій классъ вполнѣ основательно болѣе полагается на силу своихъ организацій, чѣмъ на безпристрастіе судей или доброжелательство государственной власти. Во Франціи рабочіе синдикаты въ свое время единодушно высказались противъ мильерановскаго проекта 1900 г. Точно также въ Канадѣ, когда правительство внесло въ 1902 г. проектъ обязательнаго третейскаго суда для конфликтовъ, возникающихъ въ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ, большинство рабочихъ союзовъ возстало противъ этого принципа. Поэтому, законъ 10-го іюня 1903 г. предусматриваетъ только обязательность разслѣдованія, и если имъ предписывается примирительное разбирательство, то постановленіямъ обязательной силы не присвояется. Наконецъ, на ежегодныхъ конгрессахъ англійскихъ трэдъ-юніоновъ, начиная съ 1903 г., постоянно вносится соотвѣтствующее предложеніе, но каждый разъ отклоняется. Такъ и въ 1906 г. конгрессъ отвергнулъ проектъ учрежденія примирительныхъ камеръ и третейскихъ судовъ въ качествѣ *единственно законныхъ* (т. е. обязательныхъ) средствъ разрѣшенія споровъ и столкновеній между трудомъ и капиталомъ.

Что же касается гражданско-правового урегулированія коллективнаго договора, то оно стоитъ въ самой тѣсной связи съ вопросомъ о предоставленіи профессіональнымъ союзамъ правъ юридическаго лица. Однако, нужно замѣтить, что союзы до недавняго времени возставали и противъ этого, ибо всякую неясность закона судьи обыкновенно истолковывали во вредъ интересамъ рабочихъ. Такъ, напр., во Франціи законъ 1884 г. признаетъ за синдикатами право выступать на судѣ, но судьи постоянно давали этому положенію ограничительное толкованіе, т. е. признавали за синдикатами право стороны на судѣ, когда предприниматели или рабочіе предъявляли къ нимъ искъ, и, наоборотъ, не признавали за ними этого права, когда дѣло шло объ ихъ выгодѣ и они сами предъявляли искъ къ предпринимателямъ.

Наоборотъ, англійскій законъ вообще не признаетъ профессіональные союзы юридическимъ лицомъ, и рабочіе были вполнѣ довольны такимъ положеніемъ, ибо оно давало имъ возможность объявить стачку, бойкотировать фабрику, запрещать работу тѣмъ, кто не состоитъ членомъ союза, не подвергаясь отвѣтственности и возмѣщенію убытковъ, причиненныхъ этими дѣйствіями. Тѣмъ болѣе страннымъ долженъ показаться тотъ поворотъ въ судебной практикѣ, который произошелъ въ началѣ нашего столѣтія. Въ 1901 г. судья Фаруэль, по жалобѣ желѣзнодорожной компаніи Taff Vale, возбудилъ преслѣдованіе противъ Amalgamated So-

ciety of Railway servants, за незаконное противодѣйствіе штрейкбрехерству. Апелляціонный судъ въ жалобѣ отказалъ на томъ основаніи, что трэдъ-юніоны, какъ добровольные союзы, по англійскимъ законамъ не могутъ быть отвѣтчиками на судѣ. Но палата лордовъ отмѣнила это рѣшеніе, выставивъ совершенно новое положеніе, что союзъ рабочихъ, зарегистрированный или нѣтъ, подходитъ подъ дѣйствіе законовъ о корпораціяхъ и отвѣчаетъ всѣмъ своимъ имуществомъ за тѣ убытки, которые могутъ произойти отъ дѣйствій его членовъ. На этомъ основаніи то одинъ, то другой союзъ стали присуждаться къ возмѣщенію убытковъ въ пользу предпринимателей, не только за незаконное штрейкбрехерство, но и за вполнѣ *законную* стачку... Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что рабочіе союзы всюду относились враждебно къ надѣленію ихъ правами юридическихъ лицъ, ибо оно влекло за собой лишь обязанность отвѣчать за причиненные убытки, безъ права въ свою очередь возбуждать искъ объ убыткахъ, ими понесенныхъ. Мало того, союзы должны были отвѣчать въ гражданскомъ порядкѣ за убытки, которые происходили отъ ихъ дѣйствій, независимо отъ того — законны или нѣтъ эти самыя дѣйствія, лишь бы былъ на-лицо фактъ, что они имѣли своимъ послѣдствіемъ убытки другихъ лицъ.... Точка зрѣнія явно безсмысленная и совершенно не юридическая!

Конечно, англійскіе рабочіе не могли оставаться равнодушными къ столь вопіющему нарушенію ихъ правъ и интересовъ, и въ результатѣ предпринятой ими агитаціи парламентъ установилъ неприкосновенность союзныхъ фондовъ. Недавно и германское правительство вносило въ рейхстагъ проектъ о „правоспособности“ профессіональныхъ союзовъ, но въ немъ рядомъ съ положительными чертами имѣется и цѣлый рядъ отрицательныхъ, почему онъ и встрѣтилъ суровое осужденіе со стороны соціалъ-демократіи.

Вообще же говоря, разъ въ законѣ и судебной практикѣ твердо проведенъ тотъ принципъ, что дѣйствія, дозволенныя одному лицу, не становятся преступными, когда ихъ совершаетъ группа лицъ, и что союзъ не отвѣчаетъ имуществомъ за дѣйствія своихъ членовъ или секретарей, поскольку они законсмѣрны, то предоставленіе правъ юридическаго лица профессіональнымъ союзамъ является вполнѣ желательнымъ. Это даетъ имъ возможность взыскивать, напр., членскіе взносы, пріобрѣтать на свое имя имущества, требовать возмѣщенія убытковъ за нарушеніе постановленій коллективнаго договора какъ со стороны предпринимателей, такъ и со стороны отдѣльныхъ своихъ членовъ.

К. Пажитновъ.

Строители будущаго.

VII.

Русская соціалъ-демократія, какъ извѣстно, самая ортодоксальная въ мірѣ. Тов. Плехановъ заявилъ на Амстердамскомъ конгрессѣ, что среди русскихъ марксистовъ совсѣмъ нѣтъ принципіальныхъ разногласій. Тов. Адлеръ возразилъ было, что если бы германская соціалъ-демократическая партія выбрасывала изъ своихъ рядовъ всѣхъ несогласномыслящихъ, то и въ ней не было бы разногласій. Это замѣчаніе показалось, повидимому, обиднымъ тов. Плеханову, и онъ спросилъ, знаетъ ли Адлеръ хотя одного человѣка, который бы былъ исключенъ изъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи. Адлеръ не могъ назвать ни одного такого человѣка и такимъ образомъ оказалось, что среди соціалъ-демократовъ Россіи царитъ трогательное единеніе.

Между тѣмъ дѣло обстояло далеко не такъ. „Выбрасываніе за бортъ", „вышибанье" были „обыкновенной исторіей" въ нашей партіи. Наши ортодоксальные товарищи поставили себѣ за правило: „прежде чѣмъ объединяться, надо размежеваться"; размежеванье не кончилось еще и до сихъ поръ. Когда же наступитъ объединенье и какимъ образомъ его достигнуть?

На второмъ съѣздѣ Партіи были „выброшены" „рабочедѣльцы", „южнорабочинцы", „бундовцы" и „бундофилы"; на „третьемъ" съѣздѣ „выбросили" и „искровцевъ"... Принято думать, что все это дѣлали „заграничники", но это ошибочно; „заграничники" были только яркими и сознательными выразителями того, что совершалось повсюду въ Россіи. Мало-по-малу этихъ „выброшенныхъ" людей, именъ которыхъ не зналъ Адлеръ, набралось очень много и, можетъ быть, это были не худшіе среди русскихъ соціалъ-демократовъ, но такъ какъ побѣдителями были „ортодоксы", то несогласно съ ними мыслящимъ пришлось молчаливо выслушать немало самыхъ рѣзкихъ осужденій. Думается, что слово теперь должно принадлежать „отверженнымъ".

Процессъ выдѣленія въ средѣ соціалъ-демократовъ особаго анти-ортодоксальнаго теченія происходилъ на всемъ пространствѣ

Россіи и можетъ быть прослѣженъ въ каждомъ крупномъ центрѣ движенія; то же было и въ Харьковѣ и хотя это уже событія давнопрошедшаго времени, однако, ихъ необходимо вспомнить для того, чтобы объяснить себѣ событія послѣднихъ лѣтъ и ближайшаго будущаго.

Первый Соціалъ-демократическій Кружокъ возникъ въ Харьковѣ еще въ 1888 году и носилъ полу заговорщицкій, полу-моралистическій характеръ. Книжка Нежданова „О нравственности" является выраженіемъ взглядовъ этого кружка, впослѣдствіи назвавшагося Харьковской Соціалъ-демократической Организаціей". Но, само собою разумѣется, эта Группа была лишь организованною крупинкою среди неорганизованнаго и гораздо болѣе широкаго общественнаго движенія въ духѣ соціалъ-демократическихъ идей. Въ 1898 году въ этомъ движеніи стали намѣчаться два теченія, которыя нормально намѣчались на двѣ послѣдовательныя стадіи въ развитіи, пережитыя повсемѣстно въ Россіи, но которыя несомнѣнно отличались и по существу основныхъ своихъ принциповъ. Правда, товарищи не сознавали, что позиціи ихъ принципіально различны и объясняли обособленность работы двухъ группъ лишь русскими политическими условіями; но теперь, оглядываясь назадъ, нельзя не замѣтить, что различная тактика этихъ двухъ теченій опредѣлялась различными принципами.

Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ существовала въ то время замкнутая группа рабочихъ соціалъ-демократовъ съ кружкомъ интеллигентовъ во главѣ; ихъ было человѣкъ 60—70. Это была типично заговорщицкая организація. Она стремилась включить въ себя всѣ тѣ элементы, которые считала достойными носить имя соціалъ-демократовъ, все же, что стояло за ея узкими предѣлами, считала безсознательной массой. Поэтому всѣ усилія группы были направлены на саморазвитіе ея членовъ—это единственное средство борьбы съ существующимъ строемъ, какое заговорщики-соціалъ-демократы признавали дѣйствительнымъ („обличенія", самую агитацію они разсматривали лишь, какъ особый видъ пропаганды своихъ идей) и такъ какъ для саморазвитія требовалось не мало времени, то самосохраненіе было почти самоцѣлью группы. Группа не выпускала прокламацій, отказалась принять участіе въ первомъ съѣздѣ партіи и вступить въ сношенія съ заграничнымъ Союзомъ, отклонила предложеніе объединиться съ другими соціалъ-демократическими группами Харькова; все это было не случайными рѣшеніями, все это вытекало со строгою послѣдовательностью изъ цѣльнаго міросозерцанія, опредѣлявшаго тактику „кружковщины", но отнюдь не исчерпывавшагося этой формой своего проявленія.

Не случайно эта тактика кружковщины нашла себѣ пріютъ среди рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, большинство изъ нихъ —коренные харьковскіе жители, связанные съ мѣстомъ

своей работы всѣмъ укладомъ осѣдлой жизни и системою премій за выслугу лѣтъ.

Полную противоположность этой группѣ представлялъ паровозостроительный заводъ. Открытый въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ, разсчитанный на широкіе правительственные заказы, онъ стремится сравнительно высокими расцѣнками привлечь къ себѣ со всѣхъ концовъ Россіи болѣе способныхъ и умѣлыхъ рабочихъ. Но способнымъ рабочимъ можетъ быть только интеллигентный рабочій, и вотъ въ Харьковъ потянулись затронутые пропагандой рабочіе; многіе изъ нихъ были вышиблены изъ своей старой колеи политическими преслѣдованіями: изъ Москвы, съ Брянскихъ заводовъ, изъ Иваново-Вознесенска, изъ Воронежа пріѣхали только что выпущенные изъ тюрьмы поднадзорные рабочіе. Они тотчасъ же принялись за пропаганду своихъ идей, и хотя у нихъ не было организаціи, они чувствовали себя товарищами по общему дѣлу. Отъ кружка харьковскихъ студентовъ они получали литературу, легальную и нелегальную, и распространяли ее широко въ массѣ; они довольно открыто высказывали свои взгляды и такимъ образомъ, не обособляясь отъ массы, скоро создали на паровозостроительномъ заводѣ атмосферу вольнодумства. Рабочіе пытались организоваться, но только по иному, чѣмъ это рекомендовали интеллигенты. Стремясь воспитать не отдѣльныхъ лицъ, а рабочую массу, товарищи организовали рядъ собраній, политическій „клубъ". „Но ничего изъ этого не вышло: не давалась рабочимъ иниціатива!"—съ грустью замѣтилъ разсказчикъ-рабочій, у котораго я разспрашивалъ объ этомъ дѣлѣ.

А духъ иниціативы былъ у рабочихъ. Не умѣя формулировать свои разногласія съ соціалъ-демократами изъ интеллигенціи, эти рабочіе соціалъ-демократы инстинктивно сознавали свою неудовлетворенность тактикой интеллигентовъ и стремились повести дѣло иначе, по-своему. Съ этою цѣлью сорганизовалась даже особая группа человѣкъ изъ десяти рабочихъ и работницъ, назвавшаяся „Группой Рабочей Иниціативы". Группа была недовольна тактикой, теоретическимъ выраженіемъ которой была брошюра „Объ агитаціи". Ей казалось, что при новой тактикѣ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, рабочіе будутъ лишь исполнителями рѣшеній, принятыхъ интеллигентами „на тайномъ совѣтѣ" въ заговорщицкой организаціи; не нравилась имъ новая тактика еще и потому, что она отодвигала на задній планъ политическую пропаганду, по крайней мѣрѣ, для того момента. Однако же, тактика Гр. Рабочаго Знамени тоже не удовлетворила Гр. Р. И., потому что Р. З. пыталось построить организацію сверху, безъ выборнаго начала и такимъ образомъ—по крайней мѣрѣ, первое время—должна была противопоставлять себя рабочей массѣ, быть отъ нея отгороженной. „Credo" не встрѣтило сочувствія среди сознательныхъ

рабочихъ—имъ казалась ошибочной мысль „Credo“, что рабочій классъ не можетъ начать политической борьбы и будетъ ограничиваться борьбою экономическою. Точно также въ „Рабочей Мысли“ считали недостаткомъ отсутствіе политическихъ статей; однако же, идея „Рабочей Мысли“ создать чисто-рабочій органъ очень нравилась и газетой живо интересовались. „Рабочее Дѣло“ нравилось, но, повидимому, оно служило лишь матеріаломъ для чтенія и не отвѣчало на „проклятые вопросы“ рабочихъ въ ихъ спорахъ съ интеллигентами. Такимъ образомъ, мысль харьковскихъ рабочихъ напряженно работала и искала выхода инстинктивнымъ сремленіямъ, но не находила его. Харьковская Соціалъ-демократическая Организація, а впослѣдствіи Харьковскій Комитетъ нашей партіи [1]) оказали услуги этой работѣ, доставляя литературу, но борьба мнѣній шла, внѣ ихъ, въ рабочей средѣ.

Эта умственная работа передовыхъ харьковскихъ рабочихъ была лишь отраженіемъ того возбужденія, которое охватило въ это время весь рабочій классъ въ Харьковѣ, да и не въ одномъ только Харьковѣ. Зимою 98—99 г. въ Харьковѣ быстро развилось ремесленное, по преимуществу еврейское рабочее движеніе, шли стачки, носившія чисто-экономическій характеръ, но обнаружившія приподнятое настроеніе рабочихъ. Работа велась на табачныхъ и конфектныхъ фабрикахъ, въ портняжныхъ и сапожныхъ мастерскихъ, въ типографіяхъ, въ коробочныхъ мастерскихъ и проч.

Вотъ каково было настроеніе въ рабочей средѣ, когда наступила весна 1900 года. Оно вылилось въ грандіозныхъ событіяхъ перваго мая, подробно описанныхъ въ русскихъ заграничныхъ изданіяхъ. Отсюда видно, насколько ошибочна мысль, будто бы маевка 1900 года въ Харьковѣ была явленіемъ случайнымъ. Да, дѣйствительно, въ послѣдующіе годы Харьковъ не видалъ ничего подобнаго, но причины этого гораздо болѣе, чѣмъ случайность, обидны для насъ, сознательныхъ революціонеровъ.

Актъ перваго мая 1900 года не удовлетворилъ рабочихъ; напротивъ, онъ оставилъ послѣ себя тяжелое, горькое чувство. Маевка прошла бурно и удачно, но силы были разбиты: желѣзно-

---

[1]) Когда міровоззрѣніе „Искры“ стало господствующимъ въ Россіи ко времени второго съѣзда партіи, Харьковскій Комитетъ Партіи измѣнилъ и этой своей задачѣ—доставлять матеріалъ для освѣдомленія рабочихъ о различныхъ теченіяхъ въ соціалъ-демократической мысли. „Я былъ тогда „рабочедѣльцемъ“,—разсказывалъ мнѣ одинъ рабочій, товарищъ М.,—но впослѣдствіи согласился съ „Искрою“; впрочемъ, послѣднихъ номеровъ „Раб. Д.“ не читалъ и судилъ о нихъ по „Искрѣ“. Когда я предложилъ выписать №№ 9 и 10 „Р. Д“, чтобы рабочіе могли сознательно разобраться въ спорѣ, представитель ком. громко разсмѣялся. „Вы, очевидно, тоже стоите за свободу критики“,—сказалъ онъ иронически, намекая на лозунгъ „Раб. Дѣла“.

дорожная организація была разрушена арестами, и такъ какъ она была оторвана отъ массы, то работа прекратилась,—новая организація не выросла органически взамѣнъ старой. Немногіе уцѣлѣвшіе товарищи пытались было „снова построить разрушенный корабль“, какъ говорили они, но аресты въ октябрѣ 1900 г. снова остановили работу. Это — неизбѣжная судьба замкнутыхъ организацій: рано или поздно заговорщики выхватываются правительствомъ, а масса не можетъ продолжать ихъ дѣло, ибо у нихъ и у массы было не одно и то же дѣло; положеніе массы не только не было улучшено работою соц.-дем., но даже ухудшилось послѣ маевки, потому что начались репрессіи, и масса отшатнулась отъ соц.-дем.

Рабочіе паровозостроительнаго завода устроили рядъ собраній въ лѣсу, обсуждая значеніе маевки и сознавая необходимость отдать въ руки рабочихъ веденіе всего дѣла соціалъ-демократіи; но у нихъ не хватало силъ и средствъ для пропаганды. Осенью пріѣхало еще нѣсколько соціалъ-демократовъ рабочихъ съ верхняго Поволжья,—силы увеличились, и такъ какъ интеллигенты потеряли всѣ связи съ заводомъ, то вся работа лежала на рабочихъ. Но тутъ-то и обнаружилось, какую важную часть работы можетъ и должна выполнить интеллигенція въ соціалъ-демократической организаціи. Рабочіе не смогли обойтись безъ ея услугъ. Они отыскали интеллигентовъ и просили прислать къ нимъ члена комитета для переговоровъ. Рабочій, ведшій эти переговоры, тов. М., сообщилъ мнѣ о нихъ слѣдующее:—„Когда мы встрѣтились, онъ сказалъ мнѣ: я пришелъ узнать, на какой точкѣ зрѣнія вы стоите?—А я пришелъ отъ васъ узнать, —отвѣтилъ я ему,—есть ли у васъ литература и пропагандисты. Интеллигентъ возразилъ: мы не можемъ давать вамъ ни литературы, ни пропагандистовъ, пока не будемъ знать, на какой точкѣ зрѣнія вы стоите.—Но я прошу васъ отъ имени большой группы рабочихъ паровозостроительнаго завода дать намъ литературу и пропагандистовъ, пока вы будете себѣ выяснять нашу точку зрѣнія.—Мнѣ все равно, отъ чьего бы имени вы ни просили,—былъ отвѣтъ интеллигента“.

Этотъ разсказъ можно бы было принять за анекдотъ, если бы свидѣтели изъ разныхъ городовъ не подтверждали этого возмутительнаго чисто-филистерскаго доктринерства соціалъ-демократическихъ интеллигентовъ.

Чтобы провѣрить разсказъ тов. М., я обратился къ другому рабочему, тов. А.—„Почему же они относились къ вамъ такъ недовѣрчиво?“—спросилъ я его.—„Они считали насъ трэдъ-юніонистами“,—отвѣтилъ онъ.—„А вы сами, вы тоже считали себя трэдъ-юніонистами?“—„Мы не разбирались въ этихъ вопросахъ; шутъ его знаетъ, кто мы такіе!“—онъ развелъ руками, и въ его глазахъ виднѣлось недоумѣніе: чего отъ него хотятъ? Это

были, однако, умные глаза; они располагали вѣрить этому человѣку и полагаться на него, но зачѣмъ отъ него требовали того, чего онъ не могъ дать!

Филистерство „ортодоксовъ", считающихъ себя единственными истинными соціалъ-демократами, доходитъ буквально до сказочнаго. Въ Воронежѣ „твердокаменные" потребовали отъ своего кружка рабочихъ, чтобы онъ призналъ „Впередъ" своимъ руководящимъ органомъ. Очевидно, кружокъ былъ подобранъ изъ людей послушныхъ, такъ какъ они приняли соотвѣтствующую резолюцію, не читая и не видя ни одного номера „Впередъ". Послѣ такой присяги, очевидно, „Впередовцы" считаютъ этихъ рабочихъ вполнѣ надежными соціалъ-демократами! Куда же до нихъ товарищу А. изъ Харькова!

И однакоже я не только обязанъ, но и радъ отмѣтить здѣсь, что эти грустныя ошибки были именно только ошибками, что эти дѣйствія диктовались побужденіями глубоко симпатичными Товарищи М. и А. выражали запросы и интересы широкихъ круговъ рабочаго класса, а эти круги были еще очень мало сознательными и товарищъ А. былъ ихъ эхомъ, когда говорилъ: „шутъ его знаетъ, кто мы такіе!" Но если сами рабочія массы, будучи уже „классомъ въ себѣ", an sich, еще не были „классомъ для себя" въ своемъ сознаніи, für sich, если они еще не имѣли своей классовой точки зрѣнія, еще не видѣли своего пролетарскаго идеала, то „сознательные идіологи пролетаріата", соціалъ-демократы, должны были знать, „кто они такіе", всѣ эти товарищи М. и А. За будничною прозаическою дѣйствительностью соціалъ-демократы должны были видѣть первые проблески зари пролетарскаго движенія; они этого не видѣли и въ этомъ была ихъ ошибка; они *противополагали* этой сѣрой дѣйствительности свой свѣтлый идеалъ. Формально—это было пережиткомъ кружовщины, и новыя стадіи движенія формально разрѣшили это противорѣчіе, но по существу вещей осталось и навсегда останется непримиренной эта противоположность идеальнаго и реальнаго и будетъ всегда составлять основу внутрипартійной борьбы, стимулъ для перехода къ новымъ стадіямъ въ развитіи движенія къ болѣе и болѣе совершеннымъ формамъ его. Въ харьковскомъ движеніи это проявилось особенно наглядно, потому что во-первыхъ, въ этомъ еще недавно только торговомъ центрѣ особенно быстро возникло и развилось массовое, стихійное рабочее движеніе, не имѣвшее таких корней, какъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Иваново Вознесенскѣ или Одессѣ, и потому, во-вторыхъ, что „Харьковская Соціалъ-демократическая Организація" наложила на харьковскій Комитетъ свою печать высоко идеалистическаго настроенія [1]).

---

[1]) Тенденціи Харьковской организаціи еще будутъ учтены развитіемъ нашей партіи. Только по чисто-формальному сходству этотъ циклъ идей

Такимъ образомъ, рабочимъ оказалось не подъ силу вести самостоятельно свою дѣятельность во всемъ объемѣ задачъ пролетарской борьбы безъ помощи профессіональныхъ революціонеровъ, соціалъ-демократовъ, и ихъ лучшія силы отдались профессіональному движенію. Они пытались организоваться въ „Лигу для защиты экономическихъ интересовъ рабочаго класса“ и устроили рядъ нелегальныхъ профессіональныхъ союзовъ—портныхъ, типографщиковъ, строительныхъ рабочихъ. Выпустили Манифестъ Лиги, который былъ тотчасъ же рѣзко раскритикованъ въ „Южномъ Рабочемъ“. Издали два номера „Листка Рабочихъ Кассъ“; устроили нѣсколько собраній, но силъ не хватало, интеллигенція легко раскритиковывала ихъ изданія и ихъ рѣчи.

Тогда эти живыя силы, рабочая интеллигенція, отстранились отъ нелегальной дѣятельности. Соціалъ-демократія сыграла, такимъ образомъ, по отношенію къ нимъ реакціонную роль. Они примкнули къ легальному профессіональному союзу.

„Общество взаимопомощи лицъ, занимающихся ремесленнымъ трудомъ“ возникло въ 97 году. Основателемъ его былъ Алексѣй Филипповичъ Кондратенко, теперь умершій. Старый народникъ, не могшій найти себѣ пристанища въ соціалъ-демократическихъ организаціяхъ,—а другихъ революціонныхъ организацій тогда не было,—онъ, чтобы приложить свои силы, рѣшилъ заняться устройствомъ легальнаго общества рабочихъ. Соціалъ-демократы отнеслись очень враждебно къ этой затѣѣ, такъ какъ считали, что она отвлечетъ силы отъ нелегальной работы. Вражда доходила до крайнихъ рѣзкостей. Кондратенко называли измѣнникомъ рабочему дѣлу, отступникомъ отъ старыхъ революціонныхъ взглядовъ... Въ одномъ были правы соціалъ-демократы: наиболѣе способные рабочіе отстранились отъ нихъ и примкнули къ обществу. Только кто былъ виноватъ въ томъ, что они оставили нелегальную работу?

Нелегальная дѣятельность замерла въ Харьковѣ. Ни одинъ изъ разсказчиковъ не отмѣтилъ ни одного крупнаго событія за 902—904 годы. Не говорю о разсказчикахъ изъ комитета: для нихъ исторія вообще началась съ января прошлаго года!

Но значитъ ли это, что въ Харьковѣ замерло рабочее движеніе, что старые сознательные рабочіе больше уже не могутъ служить рабочему дѣлу? Нѣтъ, конечно, нѣтъ! Событія послѣднихъ дней, ко времени моего пріѣзда въ Харьковъ, наоборотъ, пока-

---

примкнулъ къ идейному теченію Петербургской группы соціалъ-демократовъ, создавшей „Искру“, а затѣмъ и большевизму и тѣмъ, временно, стушевался. Теперешнія фракціи нашей партіи не выражаютъ тѣхъ противорѣчій, которыя уже создались въ нашихъ рядахъ. Между теперешнимъ большевикомъ, харьковцемъ Богдановымъ, теперешнимъ большевикомъ, петербуржцемъ Старовѣромъ, гораздо болѣе общаго, чѣмъ между большевикомъ Богдановымъ и Ленинымъ или меньшевикомъ Старовѣромъ-Даномъ.

зывали, что масса настроена очень революціонно, что лозунги освободительной борьбы стали очень популярны, что старые сознательные рабочіе могутъ и хотятъ служить дѣлу борьбы рабочаго класса. Все обѣщало, поэтому, въ ближайшемъ будущемъ не ослабленіе, а торжество рабочаго дѣла. Но наша партія и ея мѣстный комитетъ, къ несчастію, стояли совершенно въ сторонѣ отъ этой разыгрывавшейся революціонной бури.

Въ этотъ пріѣздъ я пробылъ въ Харьковѣ не болѣе недѣли. Полученныя мною письма заставляли меня ѣхать въ деревню и я отправился туда съ твердымъ рѣшеніемъ снова вернуться въ Харьковъ, что мнѣ и удалось сдѣлать въ августѣ.

VIII.

Отъ станціи желѣзной дороги мнѣ приходилось ѣхать на лошадяхъ верстъ тридцать въ одномъ изъ южныхъ уѣздовъ Воронежской губерніи. Я ѣхалъ къ товарищу-медичкѣ. Она писала мнѣ, что послѣ того, какъ были закрыты медицинскіе курсы, она и многія изъ ея коллегъ отправились по деревнямъ фельдшерицами при земскихъ временныхъ отрядахъ для борьбы съ ожидаемой холерой. Мнѣ хотѣлось узнать отъ нея, что же нашли въ деревнѣ эти „сѣятельницы знанія на ниву народную", и какъ онѣ сѣютъ „разумное, доброе, вѣчное".

Ночь была чудная, свѣтлая, лунная. Поля, какъ золотистая скатерть, тянулись ровною пеленою; легко и свободно дышалось въ этомъ просторѣ, и хотѣлось отогнать отъ себя мысль, что здѣсь еще тяжелѣе живется народу, чѣмъ въ тѣхъ пыльныхъ, грязныхъ, дымныхъ предмѣстьяхъ Екатеринослава, гдѣ мнѣ казалось всегда невыносимо душно. Но мысль эта о неописуемой нищетѣ крестьянства лѣзла неотвязно, потому, быть можетъ, что она казалось безысходною. Тамъ, въ тѣхъ душныхъ кварталахъ, я зналъ твердо, что мнѣ надо дѣлать, я зналъ также, что сотни и тысячи моихъ товарищей неустанно изъ года въ годъ работаютъ въ такихъ же кварталахъ и учатъ рабочихъ тому, какъ могутъ они, борьбою улучшая свою судьбу, въ то же время и тѣмъ самымъ прокладывать „въ царство свободы дорогу". Но крестьянскій вопросъ стоитъ мучительной проблемой передъ каждымъ соціалъ-демократомъ, который не хочетъ закрывать глаза на всю его сложность и неудовлетворительность нашей аграрной программы.

Мѣстность, по которой я ѣхалъ, мнѣ была уже знакома. Лѣтъ десять тому назадъ я изъѣздилъ ее по всѣмъ направленіямъ въ качествѣ статистика. Мнѣ вспомнилось, какъ однажды я заѣхалъ въ одномъ большомъ селѣ къ кабатчику, просилъ дать мнѣ поѣсть и разговорился съ нимъ.

— Это ты, стало быть, контору описываешь?—спросилъ онъ.

Я, дѣйствительно, послѣдніе дни работалъ надъ статистическими записями въ конторѣ сосѣдняго огромнаго помѣстья.

— То-то, сказываютъ, статистики наѣхали! Сказываютъ, перепись скоро будетъ...

Я подтвердилъ его свѣдѣнія о переписи.

— Можетъ, и прирѣзка земли будетъ по этому случаю?

— Нѣтъ, никакой прирѣзки не будетъ! Не ждите. Начальство объ этомъ и не думаетъ: ему и безъ прирѣзки не плохо живется!

— Намъ-то дюже плохо!—вспылилъ мой собесѣдникъ.—Прямо такъ сказать: курицу некуда стало выгнать!

— Ужъ сами думайте, какъ быть; отъ начальства ничего не будетъ.

— Мы и то удумали: у безземельныхъ надо-ть отобрать усадебную землю; мы подати плотимъ, намъ и земля вся должна быть дадена въ пользованіе.

— Какъ же такъ? А куда же имъ дѣваться? Вѣдь они такіе же N-скіе крестьяне, какъ и вы!

— Ну, такъ, а намъ какъ же быть? Пусть они у царя требуютъ землю!

Меня возмутили эти слова; я забылъ, что передо мною изголодавшійся человѣкъ; онъ, какъ звѣрь, хотѣлъ вырвать кусокъ пищи у другого такого же голоднаго затравленнаго звѣря, и это коробило меня, сытаго человѣка, размышлявшаго по книжному объ аграрныхъ отношеніяхъ.

— Вы же знаете, что царь не дастъ имъ земли!—закричалъ я на него.

Мы сидѣли вдвоемъ на дворѣ за столикомъ у самовара,—молодой студентъ и старый крестьянинъ, и оба громко, страстно спорили, мы кричали другъ на друга, точно намъ тамъ предстояло разрѣшить этотъ вѣковой споръ между „пахатникомъ и бархатникомъ“, и мы были враждебными сторонами.

— Вы же знаете, что царь отвѣтитъ на ихъ просьбу солдатскими пулями и казацкими нагайками; а вы, отобравши ихъ усадебную землю, за нихъ уже не заступитесь!

— А и заступимся!—крикнулъ онъ, ударивши огромнымъ кулакомъ по столу.—Помяни мое слово: зачнется бунтомъ по всей странѣ, тады не удержишь! Дюже отощалъ народъ! Ты, къ примѣру, то возьми: вишь ты—собака. Пойди ка, ее поймай здѣсь на дворѣ! Она убѣгетъ,—куда тамъ! на коню не догонишь! А ты сунься-ка ее ловить въ катухѣ, и гдѣ ей выскочить некуды—она тебѣ руки огрызетъ!.. Такъ и народъ: дюже отощалъ! Некуда ему податься!

Тогда я сталъ говорить ему, что это дѣйствительно единственный путь къ счастью крестьянина. Какъ именно бунтъ приведетъ къ счастью—я не зналъ и не думалъ тогда объ этомъ; мнѣ

хотѣлось только, чтобы „началось бунтомъ по всей странѣ", и я инстинктивно угадывалъ, что уже тогда разрѣшатся всѣ вопросы. Я разсказалъ своему собесѣднику о томъ, что въ городахъ давно уже рабочій людъ ведетъ борьбу за лучшую долю и обѣщалъ прислать къ нему человѣка, который бы научилъ крестьянъ, какъ начать дѣло.

Я имѣлъ въ виду моего товарища по университету и убѣжденіямъ, который жилъ въ имѣніи своего отца, неподалеку отъ села. Я былъ молодъ и до нѣкоторой степени считалъ себя ученикомъ его; онъ же былъ старый соціалъ-демократъ и, какъ мнѣ казалось, долженъ былъ знать, что посовѣтовать N-скимъ крестьянамъ.

Я поѣхалъ къ нему и разсказалъ о моей встрѣчѣ. Онъ выслушалъ меня съ дѣловою сухостью и, отряхнувъ пепелъ съ папироски, замѣтилъ, что онъ тоже встрѣчалъ крестьянъ съ мятущейся душой и, какъ примѣръ, разсказалъ мнѣ о вопросахъ одного симпатичнаго парня, который приходилъ къ нему со своими думами.

— Что же вы ему посовѣтовали?—перебилъ я нетерпѣливо его разсказъ.

— Да сказалъ ему, чтобы онъ шелъ въ городъ. Пусть нанимается рабочимъ. Тамъ встрѣтитъ онъ себѣ товарищей, которые поймутъ его, и онъ сможетъ приложить свои силы...

— Но какъ же здѣсь-то быть?—снова перебилъ я его.—Вѣдь нельзя же всѣмъ уйти въ городъ. Что же мы можемъ посовѣтовать дѣлать здѣсь, въ деревнѣ, сознательнымъ крестьянамъ?

Онъ посмотрѣлъ на меня немного презрительно, но снисходительно, какъ на человѣка, который не успѣлъ еще по молодости лѣтъ усвоить элементарнѣйшія истины. Потомъ онъ началъ долго, сухо и подробно объяснять мнѣ, что въ земледѣліи, какъ и въ обрабатывающей промышленности, идетъ процессъ концентраціи средствъ производства; что въ силу этого процесса идетъ обезземеленіе крестьянства, и стремиться помѣшать этому—значило бы брать на себя реакціонную задачу...

Нѣсколько лѣтъ спустя я прочиталъ въ швейцарскихъ газетахъ о бунтѣ N-скихъ крестьянъ. Они дѣйствовали дружно и смѣло, но очень неумѣло, безтолково, наивно. Ихъ избили, перепороли, разорили постоемъ, выхватили изъ ихъ среды лучшихъ людей и бросили въ тюрьму. Я сознавалъ свою вину въ томъ, что случилось: я не умѣлъ помочь имъ совѣтомъ; я, интеллигентъ-революціонеръ, ничему не могъ научить ихъ.

И вотъ теперь, черезъ десять лѣтъ, я снова ѣхалъ по этимъ полямъ и снова думалъ все ту же думу. Я боялся, чтобы мой ямщикъ не заговорилъ со мной о землѣ, потому что я не зналъ, что ему отвѣтить. Правда, у меня уже слагался взглядъ на этотъ счетъ, но онъ рѣзко расходился съ общепринятой въ на-

шей партіи теоріей, и я не рѣшался его высказывать, не провѣривъ еще и еще разъ свои соображенія.

Моя знакомая прожила уже полгода въ этой деревнѣ. Каждый день около сотни больныхъ пріѣзжало въ больницу со всѣхъ концовъ округи, и она всматривалась въ ихъ лица, разспрашивала по поводу ихъ болѣзни, объ ихъ жизни, объ ихъ нуждахъ; по вечерамъ она отправлялась по избамъ и проводила тамъ цѣлые часы. Мнѣ вдвойнѣ было интересно говорить съ нею: я могъ узнать отъ нея о настроеніи крестьянъ, но еще болѣе хотѣлось мнѣ видѣть, какъ реагируетъ на запросы и горе крестьянства вдумчивая, чуткая, интеллигентная соціалъ-демократка, заброшенная одиноко въ деревню послѣ революціонныхъ петербургскихъ событій.

— Знаете ли,—отвѣтила она на мои разспросы,—я чувствую себя здѣсь до того безсильной, неспособной, что часто мнѣ хочется бѣжать отсюда.

Такъ, впрочемъ, и сдѣлали ея коллеги. Жить безъ общественной дѣятельности, точнѣе—безъ революціонной работы, онѣ не могли, а приложить свои силы въ деревнѣ не умѣли.

Крестьяне здѣсь „дарственники". Въ 61 году они получили по одной десятинѣ на ревизскую душу и теперь у нихъ приходится „по три сажени" въ клину, т. е. меньше четверти десятины на живую душу. Кругомъ села на много верстъ тянется огромная латифундія помѣщика, и крестьяне находятся въ полной кабалѣ отъ него: кому не дастъ онъ землю въ аренду, тотъ долженъ неминуемо разориться.

Познакомился я съ докторомъ. Это еще молодой и симпатичный человѣкъ, но когда впослѣдствіи меня спросилъ его товарищъ, не сошелъ ли онъ уже съ ума, я ничуть не удивился: дѣйствительно, его, видимо, угнетала какая-то тяжелая дума.

— Что тутъ медицина!—говорилъ онъ.—Въ день приходится принять сотню, а иногда и полторы сотни человѣкъ; на каждаго я могу удѣлить въ среднемъ самое большее—три минуты! Что можно сдѣлать въ три минуты? Это одно шарлатанство! И потомъ, чѣмъ я могу помочь? Приходитъ больной желудкомъ; говорю: квасу не пей, чернаго хлѣба не ѣшь... А что же, говоритъ, мнѣ ѣсть? И на самомъ дѣлѣ, что ему ѣсть? Приходитъ простуженный,—ну, что я ему дамъ, когда у него изба курная, и спитъ онъ на полу около дверей, а тулупа у него нѣтъ? Дать ему порошокъ, чтобы отвязаться, а онъ выйдетъ изъ больницы и тутъ же на улицѣ его высыпетъ: самъ онъ не вѣритъ въ порошокъ. Единственно только, въ чемъ можно помочь,—это при родахъ, и при операціяхъ, да и то... Вчера зашиваю ухо мальчишкѣ—лошадь его ударила,—вбѣгаетъ отецъ, кричитъ: отдай мальчишку! что тебѣ его ухо-то, сапогъ что ли, что ты его зашивать будешь! Дикій народъ! Живутъ грязно, беззаботно; кругомъ хаты—ни

кола, ни былинки. Говорю одному крестьянину: ты хоть липки-то посади около избы! Заводу, говоритъ, у насъ этого нѣту. Да ты, говорю, заведи, вотъ и будетъ заводъ!—Все равно изломаютъ,—отвѣчаетъ онъ. И правда! Я посадилъ около больницы березки—красивыя, изящныя такія, какъ на картинкѣ... и что же? Черезъ недѣлю ужъ не было ни одной! ту сломали, ту выкопали и украли, ту согнули для забавы въ три кольца... Говорятъ, мужикъ бѣденъ, земли у него мало. Конечно, бѣденъ, но не только отъ того, что земли у него нѣтъ: дикій онъ! Ѣду я въ сосѣднюю деревню, ямщикъ объѣзжаетъ оврагъ. Вы бы,—говорю,—оврагъ-то обсадили и плетнемъ бы край укрѣпили, вѣдь тутъ вамъ на день работы! — Приказу не вышло,—отвѣчаетъ ямщикъ.—Да отъ кого же вамъ приказу ждать? Вѣдь поле-то ваше! если не огородить оврагъ, его размоетъ, дорогу-то придется прокладывать на полъ-версты вокругъ!..—Вѣстимо, размоетъ! А то нешто не размоетъ! Оно, конечно, што надо-ть бы... а только что, какъ не вышло приказу...“—Бѣденъ мужикъ! Вѣрно, что бѣденъ. А сколько онъ пропиваетъ? Тутъ у насъ весною въ одной деревнѣ мужики пропили въ нѣсколько дней три тысячи общественныхъ денегъ! Одинъ даже умеръ съ похмѣлья! Вызвали меня; смотрю—мертвый. Спрашиваю: какъ же такъ?—Что же, говорятъ, всѣ пили, всѣмъ селомъ пропивали по приговору! Я сталъ ихъ стыдить, что пропили такія большія деньги, когда нужда такъ велика. Мужики слушали, казалось, съ виноватымъ видомъ, молчали. Наконецъ, одинъ заговорилъ протестующимъ голосомъ:—Я тебѣ скажу, никто тутъ виноватъ, какъ земскій.—Причемъ же земскій-то? Чай, вы пропивали? Онъ, небось, не былъ съ вами?—А потому какъ, если бы земскій настоящій былъ начальникъ, взялъ бы онъ изъ трехъ тысячъ пятьсотъ рублей, сказалъ бы: на, ребята, пропивай, а остальное... отнюдь!—Что вы подѣлаете съ этимъ народомъ?..

Чѣмъ-то грустнымъ, далекимъ, знакомымъ повѣяло на меня отъ этой рѣчи. Я вспомнилъ, что точь-въ-точь то же самое говорилъ мнѣ когда-то въ юности мой отецъ, бывшій нѣкоторое время земскимъ врачомъ. И акушерка Анна Павловна, старый другъ нашего дома, подтверждала его слова: „Ты еще молодъ, мой другъ, и не знаешь этого народа; а когда узнаешь—самъ увидишь, каковъ онъ есть! Тогда вотъ вспомянешь меня. Меня ужъ въ живыхъ не будетъ, стара ужъ я, а тогда скажешь: баба была необразованная, а правду говорила!“

Тогда меня очень мало убѣждали ихъ слова. Они казались мнѣ очень нелогичными: если народъ такъ плохъ, какъ они говорятъ, то тѣмъ болѣе мы, интеллигентные люди, обязаны идти къ нему и просвѣщать его: „чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ звѣзды ярче!“—отвѣчалъ я имъ; и въ глубинѣ души крѣпло горделивое сознанье, что я могу и долженъ быть свѣточемъ въ этомъ „тем-

номъ царствѣ“. Но вотъ теперь мнѣ говорилъ то самое, что мой отецъ, уже человѣкъ совсѣмъ иного склада. Онъ былъ далекъ отъ мысли вооружить меня противъ народа; напротивъ, терпѣливо, мужественно служилъ онъ ему, какъ умѣлъ, безъ иллюзій, безъ свидѣтелей, въ глухой, безвѣстной деревенькѣ; можетъ быть, онъ сойдетъ съ ума, но онъ не броситъ своего труднаго поста! Я знаю такихъ людей, какъ онъ: въ нихъ мало блеска, но много духовной силы.

Мы сидѣли молча, въ раздумьѣ: докторъ, его молодая и симпатичная жена—акушерка, моя знакомая и я. Моя знакомая поглядывала на меня исподлобья: не то хотѣла она поставить мнѣ на видъ, что и докторъ такъ же думаетъ, какъ она и какъ ея подруги, не то она ждала, чтобы я возразилъ доктору, а, слѣдовательно, и ей.

— Дикій народъ!—вздохнулъ докторъ, чтобы прервать молчаніе.

— А школа есть у васъ?—спросилъ я.

— Что, школа! Есть школа. Учительница плохая, безыдейная, какъ и большинство учительницъ; да если бы и хорошая была, тоже ничего не могла бы сдѣлать. Ребятъ у нея 80 душъ; ходятъ они въ школу неаккуратно, во 1-хъ, потому, что тулуповъ нѣтъ и валенокъ, во 2-хъ, потому, что и охоты нѣтъ: въ школѣ тѣсно, сыро и холодно; кончаютъ школу каждый годъ только нѣсколько человѣкъ, и тѣ не знаютъ, для чего учились; читать имъ нечего, да и не охота...

Тутъ получался какой-то заколдованный кругъ: нищета народныхъ массъ дѣлала ихъ невѣжественными, а невѣжество не позволяло выйти изъ нищеты!

— Какъ же быть?—спросилъ я. Но докторъ самъ не зналъ, какъ быть.

На другой день, и еще на другой мы ходили съ моей знакомой-землячкой по полямъ и все говорили, говорили о томъ, какъ же быть. Невозможно, чтобы не было выхода!

— „Послѣ январскихъ дней,—говорила моя землячка,—передо мною стояли вопросы: что думаетъ, что чувствуетъ, какъ относится къ переживаемымъ событіямъ деревня? какое можетъ она принять участіе въ освободительномъ движеніи? Я старалась на основаніи непосредственнаго наблюденія отвѣтить на эти вопросы. Но общее движеніе почти не коснулось деревни; сюда доходятъ лишь слабые слухи о событіяхъ, да и то въ совершенно извращенномъ видѣ. Газетъ почти не читаютъ,—отговариваются неимѣніемъ времени. Я предлагала многимъ брать у меня „Сынъ Отечества“—второе изданіе, но рѣдко кто приходилъ за нимъ въ праздничный день, о будняхъ же нечего и говорить. Первымъ дѣломъ читаютъ о войнѣ, и даже можно сказать, почти только о войнѣ и читаютъ. Кстати, если бы устроить здѣсь плебисцитъ,

то думаю, что большинство было бы за продолженіе войны. Опасеніе контрибуціи и увеличеніе налоговъ—вотъ главная причина, а затѣмъ—національное самолюбіе. Понятія о народномъ представительствѣ при управленіи государствомъ совсѣмъ нѣтъ: подавляющее большинство не знаетъ даже о готовящейся реформѣ. Манифесты и указы, которые должны бы были читаться по волостямъ, тщательно скрываются отъ народа. Они сознаютъ всю тяжесть своего безправія, но, забитые вѣковымъ гнетомъ, они не думаютъ, какъ бы отъ него избавиться. Мои разсказы о народномъ представительствѣ встрѣчали большое сочувствіе; но дальше сочувствія никто не идетъ. Съ крестьянами нельзя и заговорить объ ихъ нуждѣ, не касаясь ихъ главнаго бѣдствія: здѣсь стономъ стоитъ одинъ и тотъ же напѣвъ: земли, земли, земли!...“

А мой товарищъ-землячка, какъ ортодоксальная соціалъ-демократка, твердо помнила, что сулить переходъ земли „отъ капитала къ труду“—это значитъ стремиться „повернуть назадъ колесо исторіи“, и она болѣла душою, что не можетъ своимъ совѣтомъ помочь истрадавшейся деревнѣ.

Черезъ нѣсколько дней я былъ уже въ другомъ уѣздѣ Воронежской губ., тоже у земскаго доктора. Онъ очень охотно согласился познакомить меня со своею работою среди крестьянъ. „Но только,—добавилъ онъ,—вамъ, какъ человѣку умѣренныхъ взглядовъ, конечно, наша агитація должна казаться ошибочной!“ Онъ былъ соціалистъ-революціонеръ, и мои взгляды казались ему умѣренными, потому что я—соціалъ-демократъ.

— Ну, какъ у васъ въ деревнѣ? Каково настроеніе?—спросилъ я.

— Отличное!—былъ отвѣтъ. Я увидѣлъ, что онъ настроенъ далеко не такъ пессимистически, какъ моя землячка.

— У насъ здѣсь стоятъ теперь войска, потому что были маленькіе безпорядки. Но это ничего! Это дастъ намъ возможность занести пропаганду и въ войска.

— Какимъ же способомъ вы распространяете ваши взгляды?

— Всѣми способами! Начиная съ бесѣды на пріемѣ. Какъ попадется больной, подающій съ виду надежды, начинаю разспрашивать, какъ живетъ, что ѣстъ и пьетъ, тепло ли одѣвается, чисто ли да просторно въ избѣ. Ну, онъ и пойдетъ на свою худобу жаловаться; оказывается, жить-то ему совсѣмъ плохо. При мнѣ тутъ двѣ фельдшерицы-курсистки; онѣ какъ увидятъ, что я „этимъ дѣломъ“ занялся, сейчасъ маршъ изъ пріемной и болтаютъ тамъ съ народомъ у крылечка; этимъ два зайца убиваются: и не такъ замѣтно народу, что время долго тянется, и рѣчи-то полезныя онъ послушаетъ; тамъ идетъ подготовительная работа, а тутъ отдѣлка начисто. Поговоришь съ нимъ $^1/_4$ часа, пропишешь микстурку и велишь, чтобы черезъ три дня опять

пріѣхалъ, не то помереть можетъ! Черезъ три дня ему вторую порцію пропаганды, еще черезъ три дня—третью. А тамъ, если вижу, что человѣкъ подходящій—литературки ему! У меня тутъ и складецъ есть, въ лѣсу... пусть-ка отыщутъ!

— Но развѣ не рискованно давать литературу малоизвѣстнымъ людямъ?

— Э, нѣтъ! Крестьянина видно сразу, тутъ ужъ не подошлютъ провокатора. Да если бы проговорился кто изъ нихъ, такъ вѣдь—съ глазу на глазъ даешь! какія же улики?

— Да развѣ правительству нужны улики? Что ему стоитъ на всякій случай удалить подозрительнаго человѣка?

— Ну, теперь ужъ не тѣ времена! Вотъ въ *-скомъ уѣздѣ выслали врача, сейчасъ же всѣ врачи подали въ отставку и никто на ихъ мѣсто идти не хочетъ!.. Нѣтъ, позиція доктора очень удобна... А если узнаю, что въ такомъ-то селѣ есть интересный человѣкъ, пишу туда бумагу за номеромъ и печатью: такого-то числа прибуду въ ваше село для провѣрки оспенныхъ прививокъ; ну, и иду по избамъ, разыскиваю, кого надо...

Мы сидѣли на крылечкѣ и пили чай; вдругъ послышался конскій топотъ, изъ-за угла вылетѣло нѣсколько десятковъ уланъ—они промчались мимо насъ. Я невольно вздрогнулъ отъ неожиданности. — „Это они демонстрацію устраиваютъ, — замѣтилъ докторъ спокойно, подкладывая себѣ на блюдечко варенья.—Каждый день тутъ скачутъ... а вечеромъ солдаты бесѣдуютъ съ крестьянами, читаютъ наши прокламаціи. Когда уланы ѣхали въ **-ское, то въ сосѣднемъ селѣ ихъ встрѣтили крестьяне и просили не обижать **-скихъ мужиковъ, потому что тѣ стояли за правое дѣло, и потому еще, что вѣдь солдаты тоже мужики, и у нихъ вѣдь тоже есть въ деревнѣ свои нуждишки... Все-таки это дѣйствуетъ на солдатъ.

— На какой же почвѣ вы ведете агитацію?—спросилъ я

— Основнымъ нашимъ лозунгомъ является надѣленіе крестьянъ землею. Мысль эта очень близка и понятна крестьянамъ. Здѣсь много крупныхъ помѣстій, и каждый отлично понимаетъ, что земли хватитъ на всѣхъ, если ее справедливо подѣлить.

— Считаютъ ли крестьяне сосѣднія помѣстья будущимъ достояніемъ мѣстныхъ крестьянъ, или у нихъ есть идея объ общесословныхъ крестьянскихъ интересахъ, и они хотятъ передать землю вообще въ руки крестьянства?..

— Да, у нихъ есть представленіе объ общерусскомъ крестьянскомъ дѣлѣ. Многіе изъ нихъ побывали на низовьяхъ Дона, въ Поволжьѣ, ходили за поисками земли по Сибири, бывали въ отхожихъ промыслахъ и за Кавказомъ, и на сѣверѣ Россіи, поэтому на сходкахъ мы постоянно говоримъ, что землю надо подѣлить поровну всѣмъ, чтобы никто безъ земли не остался; даже о помѣщикахъ всегда говорятъ, что и имъ по 12 десятинъ оста-

вять, чтобы и они имѣли, чѣмъ питаться. Однажды даже кто-то крикнулъ: „усадьбы тоже имъ оставимъ, потому они къ нимъ привыкли!“

— Значитъ, вы не пропагандируете идеи коллективной обработки земли? Земля, по-вашему, должна стать частною собственностью мелкихъ владѣльцевъ?

— Нѣтъ, предполагается, что земля будетъ мірская. Волостные сходы будутъ распредѣлять землю общинникамъ; представители всего уѣзда будутъ распоряжаться всею землею въ уѣздѣ, выдѣлять въ распоряженіе волостей необходимую имъ часть земли и охранять другую часть для переселенія изъ болѣе населенныхъ мѣстъ; въ послѣднемъ счетѣ вся земля должна принадлежать всему народу и лишь находиться въ пользованіи отдѣльныхъ гражданъ, обрабатывающихъ ее своею собственною силою безъ найма батраковъ. Что же касается принципа коллективной обработки земли, то, дѣйствительно, я не вижу возможности сейчасъ его пропагандировать: слишкомъ не развито у крестьянъ уваженіе къ общественной собственности; къ общественному дѣлу они относятся слишкомъ небрежно...

Въ это время къ крыльцу подошелъ старикъ—высокій, худой, со строгими, суровыми чертами лица. Онъ поклонился намъ и сталъ молча.

— Здравствуй, старшина!—сказалъ докторъ.—Иди, садись къ намъ; чай пить будемъ!

— Я къ вамъ, было! — отвѣтилъ старикъ, не двигаясь съ мѣста.

— Что жъ, заходи!

Старшина вошелъ, снялъ шапку, перекрестился и сѣлъ на лавку.

— Въ чемъ дѣло? Говори!—сказалъ мой пріятель, наливая гостю чаю.—Говори! Это—свой человѣкъ, мой товарищъ.

Старикъ повелъ разсказъ о своемъ горѣ и просилъ доктора дать ему совѣтъ. Къ сожалѣнію, я не записалъ тогда его рѣчи и затрудняюсь теперь передать ее тѣмъ сильнымъ, выразительнымъ и симпатичнымъ нарѣчіемъ, какимъ онъ говорилъ; но суть дѣла была, вотъ въ чемъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ деревнѣ стало неспокойно, земскій начальникъ сталъ все чаще и чаще къ нему придираться. Передъ послѣднимъ сходомъ онъ даже грозилъ, что не утвердитъ его старшиною на новый срокъ, но, очевидно, не рѣшился сдѣлать это, зная, что народъ дружно стоитъ за старика. Когда въ деревню были присланы уланы, земскій начальникъ потребовалъ, чтобы старшина доставилъ имъ провіантъ и фуражъ или выдалъ изъ общественныхъ суммъ деньги на покупку ихъ; тотъ отказался. Земскій сталъ кричать и топать ногами.—„Я, ваше благородіе, уже не мальчикъ,—замѣтилъ ему старшина,—что Вы

на меня кричите? А ежели я не по закону поступаю, то долженъ я подъ судъ идти; только что нѣту такого закона, чтобы мнѣ общественныя деньги на солдатъ давать".—Такъ земскій тогда ничего и не добился. Теперь онъ явился снова, принесъ какую-то бумагу и потребовалъ, чтобъ старшина утвердилъ ее своею печатью. Это былъ списокъ цѣнъ на продукты довольства солдатъ и лошадей, но только цѣны всѣ были двойныя. Полковникъ, начальникъ надъ уланами, очевидно, хотѣлъ сдѣлать выгодное дѣло изъ этой командировки, и земскій начальникъ оказывалъ ему помощь. Но по закону расцѣнки продуктовъ должны быть утверждаемы мѣстными сельскими властями, и безъ соучастія старшины полковнику и земскому нельзя было обойтись.—„Помилуйте, ваше благородіе,—говорю я ему,—разсказывалъ старикъ,—да овесъ-то вчера-сь Григорій по 45 коп. въ городѣ продалъ, а тутъ значится 95 коп.!"—„Не разсуждать!"—закричалъ земскій.—„По-твоему, полковникъ долженъ бѣгать по селу, Григорія искать, чтобы подешевле купить?"—„Да за полтинникъ-то, ваше благородіе, господину полковнику сколько хошь на дворъ овса навезутъ, да еще рады будутъ!"—„Не разсуждать!"—снова закричалъ земскій.—„Ты у меня вольнодумничать вздумалъ! И народъ весь распустилъ! Житья не стало на селѣ!.. Чтобъ было это утверждено!!"—Земскій ушелъ. Старикъ переписалъ списокъ и, поставивъ вездѣ половинныя цѣны, утвердилъ ихъ своею печатью; но прежде, чѣмъ отнести ихъ земскому, зашелъ посовѣтоваться съ докторомъ. Мой пріятелъ увѣрилъ старика, что онъ поступилъ правильно.

— Вотъ видите,—сказалъ я, когда старшина ушелъ,—значитъ, все же есть у насъ „мірскіе люди", которые умѣютъ настоять на своемъ!

— Да, да! есть, конечно. Этотъ сектантъ—упорный человѣкъ, его очень уважаютъ во всей волости, и народъ слѣдитъ за всѣми перепетіями его борьбы съ земскимъ. Волостной сходъ превратился въ политическое собраніе. Если земскій его отстранитъ отъ должности, то его снова выберутъ!

— А земскій снова не утвердитъ! Вѣдь безъ утвержденія земскаго нельзя быть старшиной?

— Да, но и безъ выбора волостного схода нельзя назначить старшины! Крестьяне у насъ теперь готовятся дать отпоръ земскому, и это ихъ пріучаетъ къ мысли о борьбѣ. Впрочемъ, не думайте, что они занимаются только самовоспитаніемъ. Тутъ намѣчается цѣлая система непосредственныхъ экономическихъ завоеваній. Прежде всего—пониженіе арендной платы. Здѣсь въ обычаѣ вносить часть платы весною, при арендѣ, въ видѣ задатка; другая часть выплачивается, когда хлѣбъ уже сложенъ въ копны, но еще не свезенъ съ поля. Крестьяне сговорились нынѣшній годъ свезти хлѣбъ, не внося никакихъ доплатъ къ во-

сеннимъ платежамъ. Вотъ посмотримъ, что будетъ черезъ мѣсяцъ!

Въ послѣдующихъ разговорахъ мы снова вернулись къ главному требованію крестьянъ—надѣленію землею.

— Думаютъ ли крестьяне силою отобрать землю у помѣщиковъ, или считаютъ нужнымъ выкупить ее?—спросилъ я.

— Крестьяне хотятъ отобрать землю безъ всякаго выкупа, но я думаю, что, въ концѣ концовъ, едва ли это удастся осуществить. Но если бы даже и пришлось выкупать землю, все-таки раздѣлъ крестьянамъ всей частновладѣльческой и государственной земли былъ бы величайшей реформой.

— Но вѣдь тогда на каждую десятину палъ бы налогъ въ 5—6 руб. въ годъ. Это составитъ больше половины современной арендной платы.

— Ну, что же, крестьянское хозяйство легко вынесетъ этотъ налогъ, если въ его распоряженіи будетъ земля.

— Слѣдовательно, эта реформа, въ сущности, равносильна обезпеченію за крестьянами дешевой аренды! Вообще она будетъ имѣть только палліативный характеръ. Вѣдь въ Россіи земель, годныхъ съ обработкѣ, у частныхъ владѣльцевъ, государства, удѣловъ и монастырей приблизительно столько, сколько у крестьянъ; значитъ, эта реформа, даже въ лучшемъ случаѣ, лишь менѣе, чѣмъ удвоитъ крестьянское землепользованіе, оставляя его попрежнему частновладѣльческимъ, мелкимъ товарнымъ производствомъ; пройдетъ 25—40 лѣтъ, и положеніе дѣлъ снова станетъ такимъ, какъ теперь.

— Да, но за 40 лѣтъ много воды утечетъ: крестьянство будетъ жить культурной жизнью и, такъ или иначе, разрѣшитъ аграрный вопросъ!...

Мнѣ хотѣлось еще побесѣдовать съ однимъ товарищемъ соціалъ-демократомъ, который, какъ я зналъ, успѣшно ведетъ работу въ деревнѣ, и я поѣхалъ въ другую губернію.

Къ слову сказать, мой докторъ жестоко ошибается, считая свою аграрную программу соціалистической и болѣе революціонной, чѣмъ соціалъ-демократическая, она только радикально-демократическая...

Я отправился въ область Войска Донского Мой товарищъ М. былъ крестьяниномъ деревни К., но съ дѣтства его готовили быть „бариномъ“, и теперь онъ принадлежитъ къ разночинной интеллигенціи. Закинутый „независящими обстоятельствами“ къ себѣ на родину, онъ поневолѣ долженъ былъ рѣшить для себя такъ или иначе аграрный вопросъ. Я просилъ его изложить мнѣ то, къ чему онъ пришелъ въ теоріи и на практикѣ. Оказалось, что его взгляды сильно расходятся съ аграрной программой нашей Партіи. Я сказалъ ему объ этомъ. „Ну, что же!“—отвѣ-

тилъ онъ.—Не могъ же я сидѣть „на отрѣзкахъ“ нашей программы!“

Къ нему цѣлый день приходили крестьяне за совѣтами. У нихъ готовилось важное событіе: на волостномъ сходѣ они провели очень радикальный приговоръ, но атаманъ приказалъ снова пересмотрѣть его и послалъ непремѣннаго члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ быть на этомъ сходѣ. Сходъ долженъ былъ состояться на другой день, въ воскресенье, и мнѣ предложили поѣхать туда. Само собою разумѣется, я очень охотно воспользовался этимъ случаемъ. Привожу здѣсь сужденія схода, какъ я успѣлъ ихъ записать тамъ же.

Народу собралось человѣкъ пятьсотъ, потому что многіе пріѣхали изъ ближнихъ и дальнихъ деревень. Слухъ о небываломъ приговорѣ К—ской волости распространился далеко по округѣ, и изъ девяти волостей пришли ходоки, узнавъ, что „членъ“ пріѣдетъ на этотъ сходъ. Всѣ ждали, что онъ объявитъ приговоръ противозаконнымъ, а всѣмъ подписавшимъ его, и моему товарищу, прежде всего—„влетитъ“. Ждали „члена“. Наконецъ, часа въ два дня и онъ пріѣхалъ. Толпа стояла около крыльца волостного правленія, на которомъ былъ поставленъ столикъ и стулъ для начальства. Непремѣнный членъ открылъ сходъ коротенькою вступительною рѣчью. Вотъ она.

Н. членъ. Господа! Указъ Государя императора отъ 18-го февраля нынѣшняго года требуетъ, чтобы каждый гражданинъ обдумалъ свои нужды и довелъ ихъ до свѣдѣнія государя. Каждый долженъ говорить о томъ, что онъ знаетъ и понимаетъ; а о томъ, чего мы не знаемъ и не понимаемъ, незачѣмъ намъ и говорить [1]). Я пріѣхалъ сюда для того, чтобы обсудить здѣсь вмѣстѣ съ вами ваши нужды.

Мой товарищъ. Господа старики! Господинъ начальникъ совершенно вѣрно сказалъ, что мы должны заявлять о своихъ нуждахъ только то, что намъ извѣстно и понятно. Мы это и сдѣлали уже въ нашемъ приговорѣ. Теперь, по приказанію атамана, мы должны снова пересмотрѣть нашъ приговоръ, и, если понадобится, измѣнить его, отмѣнить совсѣмъ или снова утвердить...

Н. членъ. Я пріѣхалъ сюда совсѣмъ не для этого. Я хотѣлъ бы выслушать заявленія о *мѣстныхъ* нуждахъ; въ приговорѣ же, о которомъ вы говорите, рѣчь идетъ о чемъ угодно, только не о мѣстныхъ нуждахъ.

Мой тов. Господа старики! Хотите ли вы обсуждать всѣ ваши нужды, какъ на это намъ даетъ право манифестъ 18-го февраля, или же только мѣстныя нужды, какъ того хочетъ начальникъ?

---

1) Очевидно, намекъ на приговоръ К—ской волости.

Голоса изъ толпы. Всѣ! Всѣ нужды!

Мой тов. Ну, такъ будемъ говорить обо всѣхъ нашихъ нуждахъ: но такъ какъ и мѣстныя нужды указаны въ нашемъ приговорѣ, то чтобы доставить удовольствіе г-ну начальнику, начнемъ съ нихъ. Какая же у насъ мѣстная нужда самая что ни на есть главная?

Голоса изъ толпы. Земли мало! Земли нѣту-ти! Земли надо-ть!

Мой тов. Вотъ объ этой-то главной мѣстной нуждѣ и говоримъ мы въ концѣ нашего приговора. Мы говоримъ, что вся земля помѣщичья, государственная, удѣльная должна принадлежать всему народу и должна быть раздѣлена для обработки всѣмъ тѣмъ, кто пожелаетъ ее обрабатывать самъ и въ такомъ количествѣ, въ какомъ онъ можетъ обработать ее своими руками, безъ батраковъ.

Голоса изъ толпы. Это вѣрно! Правильно! Такъ!!

Непр. чл Значитъ, вы говорите объ экспропріаціи частной собственности?

Мой тов. Да!

Непр. чл. Но вы же знаете, что это совсѣмъ неосуществимо! Это—утопія! Земли на всѣхъ все равно не хватитъ, да и на выкупъ ее отъ частныхъ владѣльцевъ понадобится пять милліардовъ рублей!

Мой тов. Мы тутъ заявляемъ только о нашихъ нуждахъ и нашихъ желаніяхъ; а о томъ, какъ это дѣло сдѣлать,—объ этомъ ужъ подумаютъ наши выборные, о которыхъ тоже говорится въ нашемъ приговорѣ. А только невѣрно, будто бы въ Россіи земли на всѣхъ не хватитъ...

Мой товарищъ покосился на начальника и, видя, что тотъ разсѣянно смотритъ на народъ, потихоньку вытащилъ изъ-за пазухи нелегальную брошюрку и сталъ приводить цифры.

Непр. чл. Но какъ же вы всю эту землю добудете для крестьянъ?

Голосъ изъ толпы. Это уже выборные наши обсудятъ и рѣшатъ!

Непр. чл. Но какъ же они могутъ рѣшить?

Голосъ изъ толпы. Да ужъ они найдутъ тамъ, какъ!

Непр. чл. А я все же таки думаю, что это далекое дѣло. Въ принципѣ я не противъ эмансипаціи крестьянства, но надо помнить, что всякія желанія остаются фикціей, пока не получатъ санкціи закона [1])... А вотъ о мѣстныхъ нуждахъ мы замалчи-

[1]) Можетъ показаться баснословнымъ, чтобы человѣкъ, не сошедшій съ ума, могъ говорить съ крестьянами такимъ языкомъ, но это фактъ! Впрочемъ, для меня это не было ново; я уже зналъ по опыту, что чиновникамъ нѣтъ дѣла, понимаютъ ли ихъ. Они говорятъ для своей забавы; здѣсь г-нъ непремѣнный членъ кокетничалъ съ моимъ товарищемъ.

ваемъ. Всю-то землю отъ помѣщиковъ не скупишь, а вотъ по мѣстнымъ условіямъ здѣсь можно купить; а мы 44 года молчимъ объ этомъ! Что намъ мѣшаетъ купить землю?

Голосъ изъ толпы. А денегъ откуда взять?

Непр. чл. Вотъ это-то и нужно обсудить, гдѣ денегъ достать!

Голосъ изъ толпы. Да! Гдѣ жъ ихъ взять-то?

Непр. чл. Какъ гдѣ? Да въ банкѣ! Этому мѣшаетъ только общинный способъ землепользованія, при которомъ нельзя ни заложить, ни продать землю.

Голосъ изъ толпы. Нечего и продавать-то!

Непр. чл. У насъ безземельныхъ мало...

Голосъ изъ толпы. Всѣ мы—безземельные!

Непр. чл. Насколько мнѣ извѣстно, у насъ мало безземельныхъ! Перепись была въ 59-мъ году, а надѣлили крестьянъ по ревизскимъ душамъ въ 61-мъ году; стало быть, безземельными остались только тѣ, кто родился между 59 и 61 годами. Много ли такихъ?

Голосъ изъ толпы. Всѣ безземельные! У насъ и по четверти десятины не выйдетъ, если разложить по наличнымъ душамъ!

Непр. чл. Да вѣдь потому, что крестьянство жило при исключительныхъ законахъ! Наши правительственныя сферы обуреваетъ іудейскій страхъ въ дѣлѣ крестьянской реформы [1]), но если мы добьемся у себя чисто-мѣстной реформы, то мы послужимъ примѣромъ и для всей Россіи; а если мы займемся общими вопросами, то этимъ только помѣшаемъ чисто-мѣстному дѣлу.

Мой тов. Какое же это такое „чисто-мѣстное" дѣло?

Голосъ изъ толпы. У насъ колодезь совсѣмъ мало воды сталъ давать! (Хохотъ).

Непр. чл. Въ нашей округѣ мы легко бы могли прикупить земли, если бы не наши общинные порядки. Община намъ навязана со стороны, и мы должны поднять вопросъ объ ея отмѣнѣ...

Дальше г-нъ непремѣнный членъ пускается въ долгія разсужденія о недостаткахъ общиннаго хозяйства.

Мой тов. Г нъ начальникъ самъ же сказалъ, что мы уже 44 года жили въ нуждѣ, и, однако, начальство не заботилась о насъ. Трудно думать, чтобы оно теперь, наконецъ, насъ послушало! Поэтому намъ незачѣмъ болѣе къ нему обращаться, и мы должны только хлопотать, чтобы скорѣе собрались выборные отъ народа; къ нимъ ужъ мы обратимся съ нашими нуждами. Объ этомъ мы и заявляемъ въ нашемъ приговорѣ, вотъ что...

Непр. чл. Какое можетъ имѣть значеніе приговоръ о созывѣ народныхъ представителей, когда это дѣло ужъ и безъ того на мази!

---

[1]) Все это подлинныя выраженія г-на непр. члена; я ихъ записалъ, въ точности въ тотъ моментъ, какъ онъ ихъ произносилъ.

Мой тов. Тѣ правила, которыя теперь вырабатываются чиновниками для созыва народныхъ представителей, будутъ еще пересматриваться первыми выборными, такъ вотъ пусть они знаютъ и наши мысли объ этомъ дѣлѣ.

Затѣмъ мой товарищъ произноситъ получасовую рѣчь, цѣлый рефератъ о демократическомъ политическомъ строѣ со всеобщимъ, равнымъ, прямымъ, тайнымъ избирательнымъ правомъ. Онъ говорилъ, какъ ловкій агитаторъ. на чисто-народномъ малороссійскомъ нарѣчіи, приводя примѣры негодности самодержавнаго строя изъ повседневнаго опыта крестьянъ.

Непремѣнный членъ какъ-то особенно робко, опасливо поглядываетъ на него и, кажется, бормочетъ: „Въ принципѣ... эмансипація... но безъ санкціи... фикція!...“

— Вотъ эти-то наши думы и записали мы въ нашемъ приговорѣ,—закончилъ свою рѣчь мой товарищъ, глядя на непремѣннаго члена. Все это такія нужды, которыя мы знаемъ и хорошо понимаемъ. Намъ теперь остается только просить г-на начальника, чтобы онъ самъ прочиталъ нашъ приговоръ и самъ сказалъ бы намъ, что онъ въ немъ считаетъ непонятнымъ?

Непр. чл. Да я... ничего! Мнѣ что же?

Голосъ изъ толпы. Читайте, ваше благородіе! Сдѣлайте милость! Нужда у насъ большая, а что дѣлать—неизвѣстно! Вотъ онъ объясняетъ намъ (мужикъ кивнулъ на моего товарища), а иные баютъ—народъ только бунтуетъ! Намъ батюшка намедни-сь сказывалъ: „морду ему побить слѣдуетъ!“ Мы въ своей волостѣ сходъ собрать хотѣли—старшина не созываетъ: народъ вы, говоритъ, бунтуете... Вы, ваше благородіе, читайте!

Непр. чл. Да я что? Я согласенъ! Мнѣ что? По указу его величества отъ 18-го февраля вы имѣете право...

Многіе голоса. Отъ 18-го февраля! Отъ 18-го февраля! Слышь! А чего же намъ до сихъ поръ ничего не говорили? Чего же прятали-то? А коли онъ намъ объясняетъ, говорятъ: морду побить... бунтуютъ...

Непр. чл. Указъ былъ напечатанъ въ газетахъ!

Голосъ изъ толпы. Да мы нешто читаемъ газеты-то?

Непр. чл. Писарь долженъ былъ прочитать, староста объяснилъ бы, старшина...

Голосъ изъ толпы. Его, старшину-то, и сейчасъ уволить грозятся, что печать свою далъ къ приговору! Не то, чтобы объяснить...

Непр. чл. Да кто жъ вамъ объяснять долженъ?!

Голоса. Вотъ то-то вотъ и есть-то вотъ! Начальство ѣздитъ, а чтобы объяснить...

Мой тов. Значитъ, на себя только надѣяться надо! Пусть тѣ, кто тутъ есть изъ другихъ волостей, созываютъ у себя сходы и вездѣ этотъ же приговоръ принимаютъ. Дѣло это вели-

кое и трудное, силъ на него много надо, пускай же каждый для него потрудится. Посылайте по всѣмъ волостямъ ходоковъ, чтобы крестьянство со всѣхъ мѣстъ о своей нуждѣ заявляло, чтобы были мы, крестьяне, вродѣ какъ въ одномъ союзѣ и отъ всего крестьянства во всей странѣ одинъ бы приговоръ постановили о свободѣ и о землѣ...

Я получилъ также свѣдѣнія отъ другихъ моихъ товарищей, работавшихъ въ разныхъ концахъ Россіи, и убѣдился, что повсюду было то же: соціалъ-демократы или были безсильны принять участіе въ жизни деревни, или вынуждены были радикально разойтись съ аграрною программою своей партіи.

Программа партіи Соц.-Рев-овъ оказалась гораздо болѣе приложимой на практикѣ и цѣльной въ теоріи. Она рисовала передъ крестьяниномъ широкія перспективы соціалистическаго строя и указывала конкретныя дѣйствія, которыя должно совершить, чтобы сдѣлать первый шагъ на пути къ этой цѣли. Теорія соціалистовъ-революціонеровъ, какъ и всякая гипотеза, должна подвергнуться испытанію жизни; но огромное значеніе ихъ гипотезы заключается въ томъ, что она, если даже ошибочна, ведетъ къ опытамъ, ведетъ къ дѣятельности, къ исканію и, слѣдовательно, прямо или косвенно служитъ выясненію истины. Наша же соціалъ-демократическая теорія въ аграрномъ вопросѣ приводила соціалъ-демократію къ бездѣйствію въ деревнѣ, и многіе соціалъ-демократы, вопреки своей теоріи, стали дѣйствовать въ деревнѣ, какъ соціалисты-революціонеры.

Послѣ уборки хлѣбовъ крестьянское движеніе стало, видимо, принимать массовый характеръ, идея Всероссійскаго Крестьянскаго Союза стала извѣстною и популярной во всѣхъ концахъ Россіи и, уѣхавши изъ деревни, я слѣдилъ за нею тревожно, какъ за грознымъ незнакомцемъ.

Въ началѣ ноября состоялся въ Москвѣ второй Всероссійскій съѣздъ Крестьянскаго Союза, имѣвшій огромное значеніе для крестьянскаго движенія. Въ числѣ его организаторовъ и глашатаевъ былъ мой пріятель, Мазуренко, соціалъ-демократъ. Но наша партія не смогла учесть это крупное явленіе нашей общественной жизни, и ея делегаты ушли со съѣзда. Снова жизнь разошлась съ нашей теоріей; послѣдователи научнаго соціализма признали жизнь ошибающеюся и торжественно удалились отъ нея.

Нѣсколько соціалъ-демократовъ не послѣдовали за делегатами своей партіи и заслужили горькіе упреки со стороны „ортодоксовъ“. Одинъ изъ теоретиковъ аграрной программы нашей партіи, тов. Румянцевъ, возвелъ даже въ принципъ нашу неспособность дѣйствовать въ крестьянствѣ и заявилъ впослѣдствіи (въ октябрьской книжкѣ „Образованія“ за 1906 г.), что мы, какъ соціалъ-демократы, можемъ лишь „поддерживать“ крестьянскія требованія

„вплоть до...“, но отнюдь не пытаться принимать участіе въ крестьянскомъ движеніи.

И опять передъ каждымъ соціалъ-демократомъ становился вопросъ, являемся ли мы самою передовою партіей въ мірѣ, выражаемъ ли мы самыя рѣшительныя требованія всего человѣчества, или наша партія есть „партія класса“ въ томъ узкомъ смыслѣ этого слова, въ которомъ насъ такъ называютъ наши противники? Значитъ, наша теорія не дѣлаетъ насъ передовыми и активными всюду, куда бы насъ ни закинула судьба? Развѣ мы должны въ деревнѣ оставить себѣ далемму: *или* дѣйствовать, *или* быть соціалъ-демократомъ?

Еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ удалось присутствовать на Стокгольмскомъ съѣздѣ нашей партіи. По аграрному вопросу тамъ было выражено пять различныхъ направленій; это уже показывало, что у партіи нѣтъ базы для рѣшенія этой проблемы. Съѣздъ отступилъ кореннымъ образомъ отъ старой своей программы и въ двухъ существенно важныхъ пунктахъ сталъ на точку зрѣнія соціалистовъ-революціонеровъ: 1) вся земля должна быть взята у землевладѣльцевъ и передана крестьянству, 2) отобранная у частныхъ владѣльцевъ земля навсегда перестанетъ быть частною собственностью и будетъ передана въ пользованіе тѣмъ, кто самъ на ней можетъ и хочетъ трудиться.

Такимъ образомъ на съѣздѣ въ Стокгольмѣ я услыхалъ санкцію со стороны партіи тѣхъ взглядовъ, возникновеніе которыхъ наблюдалъ почти годъ тому назадъ въ глухихъ деревняхъ дальнихъ уѣздовъ Воронежской губерніи и Области Войска Донского. Но эта побѣда жизни надъ доктринами не можетъ радовать. Теорія должна побѣдить жизнь въ томъ смыслѣ, что она должна овладѣть ею: познать ее, ея развитіе и, согласуясь съ ея законами, найти средства осуществить свои цѣли. А въ нашей партіи безсильное доктринерство уступило мѣсто безпринципности.

Въ самомъ дѣлѣ. По нашей теоріи, въ деревнѣ давно уже шла дифференціація крестьянства и, несмотря на закрѣпощеніе производителя государствомъ и общиною, „земля переходила отъ труда къ капиталу“. Діаграмма въ книжкѣ Ильина, подтверждающая эту мысль,—красива, какъ картина. Наши противники ее оспаривали, но для нашей партіи она была планомъ строительства, планомъ работы партіи. Процессъ концентраціи земли выдѣлялъ сельскій пролетаріатъ, на который партія смотрѣла, какъ на носителя ея идей. Для ускоренія этого процесса партія стремилась добиваться такихъ реформъ, которыя бы раскрѣпостили крестьянина, мобилизировали бы собственность и облегчили ея концентрацію. Партія отвергала всякія мѣры, которыя затормазили бы это развитіе и поддерживали бы мелкаго собственника. Теперь партія отступила отъ этихъ взглядовъ.

Если осуществится то, что принялъ, какъ свою программу,

Стокгольмскій съѣздъ, то концентрація земли станетъ невозможною, или по крайней мѣрѣ очень затормазится. Когда соціалисты революціонеры добиваются этого, они поступаютъ вполнѣ послѣдовательно: съ точки зрѣнія ихъ теоріи капитализація сельскаго хозяйства вовсе не неизбѣжна и не необходима, соціалистическій строй можетъ быть созданъ „трудовымъ крестьянствомъ" и не нуждается для своего водворенія въ пролетаризаціи земледѣльческаго населенія. Наша же теорія признавала черепъ крестьянина „антиколлективистическимъ" и этого-то крестьянина теперь стремится сдѣлатъ безсмертнымъ наша новая программа!

Собственно въ резолюціи не сказано, что земля, ставшая собственностью муниципій, будетъ передаваться только трудящимся на ней; на какихъ началахъ муниципіи будутъ передавать гражданамъ землю въ пользованіе,—это формально предоставляется рѣшать самимъ муниципалитетамъ; но въ этомъ смыслѣ коммертировали нашу новую аграрную программу ея сторонники и фактически эти толкованія вытекаетъ неизбѣжно изъ проекта муниципализаціи—безъ него вся программа передачи права собственности на землю изъ рукъ частныхъ владѣльцевъ въ руки общественнаго самоуправленія становится изъ аграрной фискальною, она не исключаетъ въ такомъ случаѣ возможности, что землепользованіе послѣ реформы останется совершенно такимъ, какъ въ настоящее время; это было бы въ томъ случаѣ. если бы наши земства, въ распоряженіе которыхъ поступитъ земля, остались бы такими, какъ теперь, такими, какъ прусскій ландтагъ—помѣщичьими; если же земства будутъ реформированными на началахъ всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права,—что, очевидно, подразумѣваетъ резолюція—то въ нихъ господиномъ положенія станетъ „трудовое крестьянство" и проведетъ въ жизнь принципъ уравнительнаго землепользованія. Въ первомъ предположеніи наша программа перестаетъ быть аграрной, во второмъ она является анти-пролетарекой, т. е. не только отказывается отъ союзника—сельскаго пролетаріата, появленіе котораго на общественной сценѣ ею предусматривалось, но покидаетъ и тотъ многочисленный классъ сельскихъ пролетаріевъ, который уже создался въ Россіи—даже въ Великороссіи, не говоря уже объ окраинахъ, гдѣ господствуетъ подворное владѣніе. Приблизительно треть крестьянства въ Россіи—бездомовные и безлошадные—не сможетъ воспользоваться землею, если будетъ произведенъ „Черный Передѣлъ", но лишается возможности, какъ теперь, существовать батрачествомъ, если земля—вся или въ большей своей части—перейдетъ къ трудовому крестьянству. Объ интересахъ сельскаго пролетаріата ничего не говоритъ—въ вопросѣ о надѣленіи крестьянства землею—„партія пролетаріата" и принимаетъ программу, осуществленіе которой поставило бы въ безвыходное положеніе сельскихъ рабочихъ!

Недоговоренность и страшное противорѣчіе нашей новой аграрной программы уже вызвали въ нашей партійной литературѣ горячіе споры. Однако же, новая программа имѣетъ то важное преимущество надъ старою, что вводитъ партію въ кругъ интересовъ крестьянства, позволяетъ ея членамъ приступить къ опыту борьбы въ деревнѣ и такимъ образомъ кладетъ начало своей новой работѣ...

Эту работу уже давно начала и вела партія соціалистовъ-революціонеровъ. Она создала цѣлый рядъ организацій въ крестьянствѣ, она создала довольно обширную литературу о деревнѣ и для деревни; ея опытомъ мы могли бы и должны бы были широко воспользоваться. Но наша партія заняла самую враждебную позицію по отношенію къ этой другой въ Россіи, соціалистической и революціонной партіи. Вмѣсто того, чтобы идти рука объ руку съ нею и всячески помогать ей, соціалъ-демократы объявили ее „и не соціалистической и не революціонной", и всѣми правдами и неправдами бросали ей камни подъ колеса. Это была реакціонная сторона ихъ аграрной тактики.

И въ этой области, какъ и по отношенію къ интеллигенціи, какъ и по отношенію къ наукѣ и изслѣдованію партійные интересы пришли въ противорѣчіе съ интересами дѣла, борьбы, самого знанія.

IX.

Въ началѣ іюля я пріѣхалъ въ Екатеринославъ. По степени развитія рабочаго движенія Екатеринославъ является, быть можетъ, главнѣйшимъ послѣ Петербурга центромъ въ Россіи. Всѣ стадіи развитія движенія прошли здѣсь почти такъ же ярко, какъ и въ столицѣ и мнѣ хотѣлось бы теперь отмѣтить полный параллелизмъ настроеній, которыя господствовали въ то время въ Петербургѣ, съ ходомъ событій въ Екатеринославѣ. Но прежде—нѣсколько словъ о фракціонной борьбѣ.

Когда, послѣ второго съѣзда партіи, искризмъ окончательно одолѣлъ старую рабочедѣльческую организацію въ Екатеринославѣ, работа цѣликомъ перешла въ руки большевиковъ. Но очень скоро, 17-го января 904 г., были арестованы 23 человѣка, въ томъ числѣ весь Комитетъ. Вновь пріѣхавшіе „твердые" въ 2—3 мѣсяца окончательно обострила отношенія между комитетомъ и рабочими. Уже давно было замѣтно, что масса только терпитъ Комитетъ, но не уважаетъ его. Оппозиція естественно возникла. Она стала искать себѣ поддержки у заграничнаго „меньшинства". Въ маѣ 1904 г. она сложилась въ группу, и съ этого времени начинается открытая борьба между „большинствомъ" и „меньшинствомъ" въ въ Екатеринославѣ.

Какъ все это отразилось на работѣ соціалъ-демократіи, показы-

ваютъ слѣдующія цифры. Лѣтомъ 1903 года, при старой рабочедѣльческой организаціи, на заводахъ было сгруппировано около 800 рабочихъ, а въ предмѣстьѣ города, на Амурѣ, около 200. Когда появился искристскій комитетъ, Амуръ былъ потерянъ для организаціи: на заводахъ же осталось не больше 200 человѣкъ въ кружкахъ. Къ январю 1905 г. для „твердыхъ" былъ потерянъ и Амуръ, и городъ и лишь на заводахъ сохранилось чел. 60 организованныхъ рабочихъ. Это было полнымъ пораженіемъ принциповъ старой „Искры". У сторонниковъ новой „Искры", у меньшевиковъ, на заводахъ было организовано около 150 чел., на Амурѣ 30 и нѣсколько сотъ человѣкъ въ городѣ.

Между тѣмъ, этотъ застой въ дѣлахъ организацій отнюдь не былъ слѣдствіемъ застоя въ рабочемъ движеніи. Какъ разъ наоборотъ: одна за другой возникаютъ стачки рабочихъ въ теченіе зимы 1904—905 гг., и возбужденіе рабочаго класса достигаетъ небывалыхъ размѣровъ. Въ періодъ промышленнаго расцвѣта здѣшніе рабочіе добились очень высокихъ расцѣнокъ, и съ весны 1903 г. заводы и мастерскія стали увольнять холостыхъ и безпокойныхъ рабочихъ, замѣняя ихъ новыми съ пониженнымъ заработкомъ. Это очень раздражало и безпокоило рабочихъ; они не рѣшались на мелкія столкновенія съ начальствомъ, потому что это приводило бы къ новымъ увольненіямъ, но тѣмъ болѣе росло напряженіе, революціонизировалось настроеніе рабочихъ, и контрастъ между этимъ подъемомъ массъ и упадкомъ вліянія организацій становился все болѣе и болѣе тягостнымъ.

Пришелъ январь. Откликъ на петербургскія событія получился въ Екатеринославѣ чрезвычайно слабый. „Меньшевики" выпустили печатную прокламацію и организовали стачку, которая прошла чрезвычайно вяло и почти безслѣдно; „большевики" же совсѣмъ не были въ силахъ отозваться на 9-ое января. Это было уже грознымъ memento mori для „плохихъ пастырей", но они не прекращали фракціонной борьбы. На 11-ое февраля была назначена дискуссія для выясненія позиціи „большинства" и „меньшинства"; на нее явились 33 человѣка, которые и были всѣ арестованы. Это окончательно разбило силы „твердыхъ"; только черезъ мѣсяцъ они снова сгруппировались, назвались „Группою большинства", которая со времени апрѣльскаго съѣзда „твердыхъ" переименовалась въ „Комитетъ большинства"; меньшевистская же организація извѣстна подъ именемъ Комитета.

Въ февралѣ и мартѣ заводы буквально кипѣли; рабочіе рвались на борьбу, ждали только сигнала отъ Комитета, какъ единственнаго центра, который, худо ли, хорошо ли, могъ объединить движеніе; послѣ массовыхъ увольненій рабочіе требовали листковъ, агитаторовъ,—Комитетъ не могъ ихъ удовлетворить и медлилъ съ призывомъ къ общей забастовкѣ, желая оттянуть дѣло до 1-го мая. Но 1-го апрѣля, въ 11 час. дня, весь Комитетъ былъ

арестованъ на собраніи съ поличнымъ. Нѣкоторые товарищи предлагали, чтобы новый Комитетъ былъ избранъ на районныхъ собраніяхъ, но эта мысль была отклонена, и новый „меньшевистскій“ комитетъ въ составѣ двухъ лицъ былъ назначенъ изъ тюрьмы, причемъ выборомъ руководили соображенія фракціонной борьбы.

Первое мая было „вторымъ предупрежденіемъ“ для комитетовъ. Оно прошло совершенно безцвѣтно, и отвѣтственность за это рабочіе возлагали на Комитеты, не сумѣвшіе организовать дѣло. Съ весны, когда улицы стали доступны для собраній, движеніе вышло на улицу, стало открытымъ и широкимъ. На „биржу“ собирались ежедневно сотни рабочихъ, сторонниковъ всѣхъ революціонныхъ группъ Екатеринослава, стачки охватили почти всѣ цехи—столяровъ, сапожниковъ, портныхъ, маляровъ, парикмахеровъ и Комитеты не были въ силахъ не только руководить всѣмъ этимъ движеніемъ, но хотя бы откликаться на событія.

А событія не ждали. 12-го іюня началось въ Одессѣ возстаніе, и хотя вѣсти о немъ получились въ Екатеринославѣ лишь черезъ посредство легальныхъ газетъ, но онѣ тотчасъ же вызвали откликъ въ накаленной атмосферѣ. 18-го Комитетъ получилъ письмо о событіяхъ въ Одессѣ и обсуждалъ вопросъ о томъ, какъ на нихъ реагировать. Рѣшено было предложить рабочимъ каждаго завода выработать свои требованія и вызвать сразу повсемѣстную стачку на почвѣ экономическихъ требованій и придать ей впослѣдствіи политическій характеръ. 19-го стали призывать къ стачкамъ на заводахъ; 20-го появились прокламаціи одновременно „большевиковъ“ и „меньшевиковъ“. Но движеніе уже и безъ того охватило городъ, предмѣстья и заводы. Починъ сдѣлали желѣзнодорожныя мастерскія. Въ 3 часа дня рабочіе уже собрались на сходку, и въ 5 часовъ уже отправились „снимать“ съ работы товарищей. Они направились къ депо; ихъ не пускали, затворивъ ворота; ворота были выломаны. Начальникъ мастерскихъ подбѣжалъ къ телефону, заявилъ, что „начинается революція“ и требовалъ изъ города защиты. Тѣмъ временемъ рабочіе остановили дачный поѣздъ, высадили публику, сняли стрѣлочниковъ, отобрали красные флаги и устроили съ ними шествіе.

Въ этотъ же день забастовали на Брянскомъ заводѣ по призыву Комитета. Въ нижнеднѣпровскихъ жел.-дор. мастерскихъ само управленіе распорядилось съ обѣда прекратить работы, боясь безпорядковъ; на штампажномъ и на машиностроительномъ заводахъ рабочихъ „сняли“; у Шедуара, на Амурѣ, директоръ настоялъ на томъ, чтобы рабочіе удалились; такимъ образомъ ко вторнику, 20-го іюня, забастовка стала всеобщею: трамваи не двигались, хлѣба не было; заводы, фабрики, мастерскія не работали, магазины были закрыты, извозчики не ѣздили, на постройкахъ работа остановилась. Забастовка носила ярко-выраженный политическій характеръ: въ городѣ и въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ

даже не было выставлено никакихъ требованій хозяевамъ; на заводахъ же, хотя и были выставлены требованія, но скорѣе принципіальнаго характера, чѣмъ практическаго. Тридцатитысячная армія труда вышла на улицу для борьбы, но у нея не было общаго плана дѣйствія, не было руководительства, она не знала, что ей дѣлать!

Молва называла цѣлыхъ четыре пункта для митинга—на Провіантской улицѣ, на Приозерномъ базарѣ, на Чечеловкѣ и около Брянскихъ заводовъ. Во вторникъ утромъ митинги состоялись на всѣхъ четырехъ пунктахъ; всюду явились также казаки, конная полиція и войска, всюду произошли столкновенія. На Провіантской ул. казаки въѣхали въ толпу; въ нихъ было произведено нѣсколько выстрѣловъ, и началась нагаечная расправа. На Чечеловкѣ казаки также разсѣяли собраніе; на Озерномъ базарѣ послѣ перестрѣлки было много раненыхъ; у Брянскихъ заводовъ, когда подъѣхали казаки, толпа стала разсѣиваться, остались только 30 человѣкъ, вооруженныхъ револьверами; они сомкнулись и дали 9 залповъ—всего 180 выстрѣловъ изъ револьверовъ, однако, ранили только двухъ казаковъ и нѣсколько городовыхъ. Казаки спѣшились и подъ прикрытіемъ лошадей открыли огонь. 14 рабочихъ были ранены, изъ нихъ трое смертельно; выпустивши всѣ патроны, рабочіе бросились бѣжать и были жестоко избиты.

Всѣ митинги начинались рѣчами комитетскихъ ораторовъ, но и тутъ вражда между „большинствомъ“ и „меньшинствомъ“, къ несчастью, разстраивала дѣло: каждая группа дѣйствовала на свой страхъ, безъ предварительнаго уговора. Были выпущены каждою группою по двѣ прокламаціи—призывъ къ стачкѣ 20-го числа и отбойная—21-го. Обѣ группы призывали закончить стачку всюду, кромѣ тѣхъ заводовъ, гдѣ выставлены мѣстныя требованія. Еще нѣсколько дней городъ охранялся войсками, но движеніе въ немъ сразу прекратилось.

Прокламаціи призывали рабочихъ прекратить стачку, потому что толпѣ нечего было дѣлать, потому что толпа не знала, что ей дѣлать; не знали этого и соціалъ-демократическія группы. Имъ казалось утѣшительнымъ уже и то, что одесскія событія нашли себѣ откликъ въ Екатеринославѣ. Не такъ были настроены рабочіе: долго сдерживавшееся движеніе, наконецъ, прорвалось, и отъ этой всеобщей стачки рабочіе ждали многаго, но чувствовали себя совершенно неподготовленными ни въ техническомъ, ни въ организаціонномъ отношеніи. Масса ждала отвѣта на свои ожиданія отъ Комитета и возмущалась его бездѣятельностью. Между тѣмъ, что же могла дать тридцатитысячной революціонной толпѣ горсточка „профессіональныхъ революціонеровъ“, связанная съ рабочимъ классомъ всего нѣсколькими десятками членовъ районныхъ организацій? Для того, чтобы явиться руководителемъ движенія, Комитетъ долженъ быть выразителемъ воли и

взглядовъ всей сознательной части екатеринославскаго пролетаріата; ропотъ массы противъ Комитета былъ поэтому ропотомъ противъ своей собственной неорганизованности. Существующая форма соціалъ-демократической организаціи есть признакъ неорганизованности рабочихъ массъ; инстинктивный же протестъ противъ неорганизованности рабочаго класса сознавался рабочими, какъ протестъ противъ дѣйствующихъ организацій; поэтому-то безрезультатный исходъ іюньскихъ дней вылился въ чувство негодованія рабочихъ противъ Комитетовъ. Это было третье и послѣднее предупрежденіе „большевикамъ“ и „меньшевикамъ“, послѣ котораго они уже не могутъ считать себя представителями мѣстнаго рабочаго движенія.

Большевистскій комитетъ, какъ „организація профессіональныхъ революціонеровъ“, замкнутый въ свою организаціонную ячейку, конечно, можетъ существовать очень долго, не обращая вниманія на отношенія къ нему массы, но зато не имѣя на нее никакого вліянія. Но Комитетъ „меньшинства“, стремящійся стать выразителемъ воли и сознанія рабочаго класса, не могъ не почувствовать на себѣ результатовъ этого приговора исторіи, приговора на смерть; онъ началъ борьбу за свое существованіе, это было началомъ его агоніи. Но, когда онъ умретъ,—онъ возродится; новая его форма будетъ имѣть новое содержаніе. Комитетъ созвалъ на общее собраніе членовъ всѣхъ районовъ—42 человѣка, призналъ его „учредительнымъ собраніемъ“ и сложилъ съ себя званіе Комитета. Собраніе стало вырабатывать новую конституцію. Дебаты длились цѣлый день съ утра до ночи и черезъ недѣлю опять повторились. Въ результатѣ была принята резолюція—свидѣтельство о бѣдности собранія. Она объявляетъ „Руководящимъ Коллективомъ“ рабочаго движенія въ Екатеринославѣ собраніе районовъ и Комитетъ, который къ этому времени былъ уже упраздненъ. „Р. К.“ долженъ выбрать, согласно этой резолюціи, „исполнительную комиссію“, которая будетъ дѣйствовать согласно съ Комитетомъ (?). Эти трудно объяснимыя, бьющія въ глаза противорѣчія резолюціи 17-го іюля показываютъ, что у собранія не было никакой руководящей идеи въ дѣлѣ реформы старой организаціи. Уже на другой день члены собранія сами съ недоумѣніемъ перечитывали свою собственную резолюцію и обдумывали, какъ ее измѣнить.

А въ это время среди сознательныхъ элементовъ рабочаго класса, „выброшенныхъ за бортъ“ существующихъ организацій, зрѣла и крѣпла мысль объ устройствѣ новой рабочей партіи. Съ ненавистью и злобой вспоминали они, какъ съ 1901 года соціалъ-демократическіе Комитеты выбрасывали изъ себя всѣхъ несогласномыслящихъ, т. е. всѣхъ критически-настроенныхъ, т. е. всѣхъ сознательныхъ товарищей. „Теперь въ партійныхъ организаціяхъ остались только безусые люди,—сказалъ мнѣ одинъ

изъ недовольныхъ,—но и они придутъ къ намъ, какъ только у нихъ вырастутъ усы".

Однако, очень ошибаются тѣ, кто считаетъ это новое движеніе анти-соціалъ-демократическимъ. Напротивъ, соціалъ-демократія наложила несомнѣнно печать свою на міровоззрѣніе рабочихъ, такъ или иначе проявляющихъ себя въ настоящее время. Борьба сознательныхъ рабочихъ противъ современныхъ Комитетовъ нашей партіи, это—борьба за новую стадію въ развитіи соціалъ-демократическаго движенія въ Россіи.

Кромѣ этихъ свѣдѣній, которыя я собралъ въ Екатеринославѣ, кромѣ этихъ впечатлѣній, которыя я могъ формулировать, тамъ у меня впервые мелькнула мысль о томъ, „что же теперь дѣлать?"

Я былъ на митингѣ, организованномъ меньшевистскимъ Комитетомъ на дворѣ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ послѣ оффиціальнаго молебна въ день праздника, спеціально чтимаго почему-то въ этихъ мастерскихъ.

Невозможно прослѣдить, какъ и почему происходитъ вліяніе настроенія толпы на мышленіе наблюдателя; оно передается какимъ-то особеннымъ путемъ, иначе, чѣмъ логическіе доводы: вдругъ почувствовалось, въ чемъ именно была ошибка, и что именно надо измѣнить въ нашихъ отношеніяхъ къ массѣ рабочаго люда. Создалось смутное, неясное настроеніе, съ которымъ я носился потомъ долго, анализируя его и пытаясь формулировать.

Когда окончился молебенъ, рабочіе стали требовать, чтобы священникъ отслужилъ панихиду по товарищамъ, убитымъ войсками. Священникъ не хотѣлъ. Толпа волновалась.

— Я не могу служить панихиду,—сказалъ священникъ,—потому, что вы хотите, вмѣсто молитвы, устроить демонстрацію.

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ! — кричала толпа; и кто узнаетъ, кто скажетъ, насколько были неискренни ея крики? Конечно, мы пришли не для молитвы, а для демонстраціи, и неужели же толпѣ это не было ясно? Но, съ другой стороны, неужели же эти голоса были обманомъ?

— Товарищи! — раздался голосъ агитатора изъ толпы. — Когда умретъ какой-нибудь богачъ, умретъ, можетъ быть, отъ постыдной болѣзни или отъ обжорства, то попы собираются со всего города и торжественно служатъ по немъ панихиду за панихидою. Когда же солдаты убиваютъ нашихъ лучшихъ товарищей, то попы...

Толпа волновалась и двигалась. — Панихиду, батюшка! панихиду по убіеннымъ!

— Я не могу служить панихиду, не зная, о комъ! — опять заявилъ священникъ.—Я могу служить только объ опредѣленномъ лицѣ, упоминая на молитвѣ его имя.

— Батюшка! послушайте, батюшка! А какъ же на войнѣ?

Тамъ нешто знаютъ имена? Все же тамъ служатъ панихиды по убіеннымъ: имена имъ ты, Господи, вѣси!

Что думалъ агитаторъ, когда говорилъ о нежеланіи попа служить панихиду,—это я хорошо знаю; но что думаетъ это волнующееся море головъ? Что думаютъ эти люди, которые тѣснятся около меня, толкаютъ меня, тянутся вверхъ, впередъ, чтобы увидѣть, что тамъ дѣлается?

Священникъ надѣлъ черную рясу и сталъ служить панихиду; и я видѣлъ, какъ многіе истово крестились, вздыхали и шептали что-то тихо и сосредоточенно.

Когда панихида отошла, членъ комитета началъ свою рѣчь; это былъ мой старый товарищъ, А. Онъ говоритъ о всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ избирательномъ правѣ. Все, что онъ говорилъ, было совершенно правильно, и я ничего не могъ бы возразить ему. Но какъ мнѣ объяснить, почему мнѣ показалась его рѣчь никуда негодной? Я не говорю, что ею были недовольны слушатели! Нѣтъ, они слушали его сочувственно; когда онъ кончилъ, они пѣли или подтягивали революціонныя пѣсни, расходились, оживленно бесѣдуя и разсуждая о томъ, какъ и на будущій годъ въ этотъ день надо будетъ устроить дѣло... и все-таки я чувствовалъ, что между ораторомъ и толпою нѣтъ той интимной близости, которая дѣлаетъ агитатора душою толпы.

Я просилъ Комитетъ позволить мнѣ говорить на этомъ митингѣ; Комитетъ не принялъ моего предложенія. Но хотя я и не говорилъ здѣсь, а можетъ быть именно потому, что не говорилъ и стоялъ въ толпѣ какъ ея однородная частица, мнѣ казалось, что я жилъ въ тѣ минуты какою-то особенною коллективною жизнью толпы, и настроеніе, точно въ морѣ волна, передаваясь отъ капельки къ капелькѣ, налетало на меня и какимъ то способомъ черезъ меня передавалось дальше и охватывало всѣхъ, потомъ ослабѣвало, опять крѣпчало, интонировало, жило...

Оставаясь сознательнымъ человѣкомъ, пріобрѣсти способность жить этою жизнью толпы; выражая свои убѣжденія, въ то же время и тѣмъ самымъ выражать настроенія, чувства, душу этой толпы рабочихъ—вотъ что значитъ быть соціалъ-демократомъ. Тогда только соціалъ-демократія станетъ душою рабочаго класса и тогда только эта революціонная стихія станетъ одухотворенной, когда мы—сознательные соціалъ-демократы—такъ поймемъ свою роль и свое значеніе. Какъ мы организуемся для этой цѣли—это вопросъ уже второстепенный, почти техническій.

Вотъ та перемѣна, которая произошла во мнѣ за эти полгода моихъ наблюденій и переживаній. Она подготовлялась во мнѣ въ теченіе всей моей поѣздки, намѣтилась болѣе или менѣе ясно для меня самого въ Екатеринославѣ и потомъ окрѣпла въ Харьковѣ. Думаю, что она является лишь дальнѣйшимъ развитіемъ

прежнихъ взглядовъ всего того теченія русской соціалъ-демократіи, къ которому я принадлежалъ.

Я просилъ Комитетъ позволить мнѣ присутствовать на собраніи „коллектива“, объединенныхъ районовъ организаціи, обсуждавшаго какъ разъ въ это время планъ новой организаціи; мнѣ хотѣлось изложить передъ екатеринославскими товарищами свои соображенія и выслушать ихъ возраженія. Къ сожалѣнію, Комитетъ не счелъ возможнымъ это сдѣлать. Тогда я предложилъ прочитать рефератъ по организаціонному вопросу; Комитетъ отвѣтилъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ этого, но самъ за устройство реферата не берется, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ долженъ бы былъ выставить оффиціальнаго оппонента, онъ же затрудняется это сдѣлать.

Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось прочитать въ Екатеринославѣ четыре реферата. На „Амурѣ“, за Днѣпромъ, подолгу ночью бесѣдовалъ я съ рабочими; мнѣ хотѣлось ихъ научить тому, что самому мнѣ удалось узнать за двѣнадцать лѣтъ моей работы. Можетъ быть, я и научилъ ихъ чему-нибудь; но навѣрное могу сказать, что я и самъ многому научился въ бесѣдахъ съ ними.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ибсенъ и мѣщанство.

Въ самый моментъ пролога къ великой драмѣ русской революціи, когда вопросы тактики заполнили умы всѣхъ мало-мальски близко стоявшихъ къ соціалъ-демократіи, Г. В. Плехановъ издалъ въ то время еще нелегально чисто философскую работу Ф. Энгельса о Фейербахѣ, снабдивъ ее чисто-философскими примѣчаніями и предисловіемъ. Предвидя упрекъ въ духѣ: „теперь не время философствовать", нашъ высокодаровитый писатель высказалъ нѣсколько важныхъ соображеній о цѣнности философіи для революціонной практики.

Г. В. Плехановъ писалъ: „Фихте говоритъ: философствовать—значитъ не дѣйствовать, дѣйствовать—значитъ не философствовать,—это совершенно справедливо. Однако, не менѣе справедливо и то, что только послѣдовательно мыслящій человѣкъ способенъ быть послѣдовательнымъ въ своей дѣятельности. А для насъ, претендующихъ на честь быть представителями самаго революціоннаго класса, какой выступалъ когда-либо на историческую сцену,—послѣдовательность мысли обязательна подъ страхомъ измѣны своему собственному дѣлу".

Плехановъ энергично напомнилъ объ огромной важности наивозможно большей стройности, законченности чистоты философскаго міросозерцанія для великой партіи, думающей дѣлать великое дѣло. Въ томъ же предисловіи говорится много непріятностей по адресу „махистовъ", однимъ изъ коихъ является и пишущій эти строки. Каково должно быть это стройное, глубокое и многообъемлющее ученіе—въ этомъ мы съ высокочтимымъ учителемъ рѣзко расходимся. Кто правъ и идетъ впередъ, кто неправъ и занимаетъ окаменѣлую, старообрядческую позицію, кто выдвинулъ живые элементы міровоззрѣнія Энгельса и старался развить ихъ дальше, опираясь на новыя завоеванія безустанно работающей научной мысли, а кто ухватился какъ разъ за остатки, тѣни стараго метафизическаго міровоззрѣнія у великаго, но небез-

грѣшнаго и невсевѣдущаго учителя,—разсудитъ исторія. Намъ лично кажется, что всякій безпристрастный и неневѣжественный философски человѣкъ, прочтя предисловіе т. Плеханова къ его третьему тому „Эмпиріомонизма“ и превосходную статью т. Бермана „Марксизмъ или махизмъ“, напечатанную въ нашемъ журналѣ, не сможетъ не признать, что тутъ, по крайней мѣрѣ, есть надъ чѣмъ задуматься, что отъ новой философіи нельзя отмахнуться парой остротъ и парой цитатъ. Въ этомъ еще болѣе укрѣпится всякій, кто прочтетъ содержательную статью, напечатанную Адлеромъ въ „Neue Zeit“ (№ 19 за этотъ годъ). Но зато мы вполнѣ сходимся съ т. Плехановымъ относительно необходимости для соціалъ-демократіи высоко держать знамя философіи, быть широкой культурной партіей, нести съ собой свѣточъ мысли, бросающій новый свѣтъ на всѣ важнѣйшіе вопросы дѣйствительности. Мы не можемъ ни предоставить буржуазной и оффиціальной наукѣ мыслить за насъ, ни закрывать глаза на все, кромѣ борьбы рабочаго класса за кусокъ хлѣба. Это значило бы низвести себя съ той высоты, на которую поставили партію ея великіе основатели.

И еще разъ съ силою подтверждая это, т. Плехановъ въ самый разгаръ полемики по тактическимъ вопросамъ издалъ прекрасную книжечку, посвященную характеристикѣ *Ибсена*. Работѣ этой не предпослано никакого предисловія въ защиту необходимости для соціалъ-демократіи по-*своему* освѣтить всѣ крупныя явленія культурной жизни человѣчества, въ томъ числѣ и искусства, но сама брошюра служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Кто прочтетъ ее, тотъ пойметъ, какъ полезна можетъ быть подобная работа. Четыре печатныхъ листа Г. В. Плеханова на мой взглядъ стоятъ больше, какъ глубокая характеристика культурнаго значенія Ибсена, чѣмъ тома, написанные на ту же тему и съ тою же цѣлью буржуазными критиками.

Несмотря, однако, на блестящія свои достоинства, книжка Г. В. Плеханова не удовлетворила меня вполнѣ. Какъ не удовлетворила меня и статья талантливой соціалъ-демократической писательницы Роландъ Гольстъ.

Соціалъ-демократическая мысль должна проливать новый свѣтъ на всѣ вопросы жизни, сказалъ я. Значитъ ли это, что соціалъ-демократія обладаетъ готовымъ сужденіемъ по каждому такому вопросу, шаблономъ или чудотворнымъ философскимъ камнемъ, одно прикосновеніе котораго сразу уясняетъ дѣло?

Конечно, въ матеріалистической точкѣ зрѣнія и въ соціалъ-демократическомъ идеалѣ соціалъ демократы имѣютъ орудіе, гораздо болѣе мощное, чѣмъ тѣ, коими располагаютъ буржуазные мыслители, и потому талантливый соціалъ-демократъ всегда выскажетъ нѣчто болѣе важное и интересное, но охватить все-

сторонне сколько нибудь сложный культурный вопросъ можетъ лишь коллективная работа. Въ этой работѣ возможны разногласія, борьба мнѣній; соціалъ-демократическія истины тоже порождаются, въ большинствѣ случаевъ, какъ искры, изъ столкновенія взглядовъ; и это ничуть не мѣшаетъ тому, что идеологія рабочаго класса въ корнѣ своемъ едина и стремится быть единой и въ своемъ завершеніи, въ грядущемъ куполѣ своего всеобъемлющаго, еще строющагося міровоззрѣнія.

Ибсеновская драматургія и ея поражающій успѣхъ среди интеллигенціи всѣхъ народовъ кажутся мнѣ еще болѣе значительными, чѣмъ т. т. Плеханову и Роландъ-Гольстъ, и я считаю нелишнимъ сдѣлать попытку новаго освѣщенія этого большого факта. Браться за такую задачу послѣ Г. В. Плеханова рискованно, но мнѣ придаетъ смѣлости то обстоятельство, что настоящая работа въ первоначальномъ своемъ видѣ была неоднократно читана въ многолюдныхъ кружкахъ въ Россіи и за границей и всюду вызывала къ себѣ значительный интересъ, выразившійся, между прочимъ, въ десяткахъ устныхъ и письменныхъ запросовъ на счетъ того: будетъ ли эта работа напечатана и когда именно. Въ настоящее время работа эта и появляется въ значительно обновленномъ видѣ.

Соціалъ-демократы объ Ибсенѣ.

Прежде всего выяснимъ, почему насъ не вполнѣ удовлетворяютъ тѣ разъясненія творчества Ибсена и его идеаловъ, которыя даны Г. В. Плехановымъ. И для этой цѣли и, вообще, для уясненія культурнаго мѣста Ибсена, полезно остановиться сначала на взглядахъ Генріеты Роландъ-Гольстъ [1]).

Роландъ-Гольстъ характеризуетъ Ибсена съ подкупающей простотой и историко-матеріалистической прямолинейностью. Центромъ ея характеристики служитъ слѣдующее опредѣленіе:

„Мелкій буржуа, желающій стать крупнымъ и жить въ крупно-буржуазныхъ условіяхъ—таковы правда и свобода, къ которымъ стремятся герои Ибсена. Ибсенъ—поэтъ мелкобуржуазной тоски по развитомъ капитализмѣ“.

Это очень просто и удивительно какъ укладывается въ обычныя рамки привычной марксистской фразеологіи. Но, если, „гдѣ тонко, тамъ и рвется“, то и излишняя простота „хуже воровства“. Простые переводы культурныхъ явленій на марксистскій жаргонъ обыкновенно бываютъ неинтересны по своимъ ре-

---

1) Статья ея объ Ибсенѣ напечатана въ № 7 и 9 журнала „Вѣстникъ Жизни“ за 1906 годъ.

зультатамъ. Но еще хуже то, что они часто стоятъ въ растущемъ противорѣчіи съ дѣйствительностью. Отъ высокодаровитаго автора такихъ превосходныхъ марксистскихъ литературно-критическихъ этюдовъ, какъ „Мистицизмъ въ современной литературѣ“ и „М. Метерлинкъ“, мы вправѣ были ожидать большей тонкости анализа и осторожности опредѣленій.

Какія доказательства приводитъ многоуважаемый авторъ въ подкрѣпленіе своему смѣлому положенію? Доказательства эти сводятся къ слѣдующему: „Съ молодостью Ибсена совпадаетъ преобразованіе норвежскаго общества подъ вліяніемъ вторгающагося капитализма; мы говоримъ *вторгающагося*, такъ какъ для развитія такихъ экономически-отсталыхъ, замкнутыхъ странъ характерно, что капитализмъ не столько развивается въ нихъ благодаря потребностямъ общества, сколько вносится извнѣ. Вліяніе этого переворота на мышленіе и дѣятельность людей, на ихъ нравы и воззрѣнія составляетъ тему наиболѣе извѣстныхъ драмъ Ибсена. И во всѣхъ произведеніяхъ Ибсена, даже въ тѣхъ, содержаніе которыхъ составляютъ явленія и характеры далекаго прошлаго, временъ героическихъ, сказывается этотъ переворотъ во всѣхъ жизненныхъ цѣнностяхъ, требующій ихъ переоцѣнки, отражается на всѣхъ его чувствахъ и взглядахъ. Его взгляды и чувства отражаютъ *вліяніе вторгающагося капиталимза на человѣка изъ до-капиталистическаго крестьянскаго мелкобуржуазнаго общества*“.

Это совершенно правильное положеніе авторъ правильно развиваетъ довольно долго, но... гдѣ же обѣщанное доказательство? Ну да, Ибсенъ отразилъ „вторженіе капитализма“. Но, вѣдь, доказать надо, что онъ *восторженно* относился къ нему, что онъ выразилъ желаніе „жить въ крупно-буржуазныхъ условіяхъ“? Ничего подобнаго у Ибсена нѣтъ. Въ двухъ его драмахъ, наиболѣе непосредственно относящихся къ „вторженію капитализма, а именно „Столпахъ общества“ и „Дж. Габр. Боркманѣ“ мы находимъ самую рѣзкую критику „стремленія къ первоначальному положенію“. Основная идея этихъ пьесъ та, что преступно и ведетъ къ гибели стремленіе принести любовь и правдивость въ жертву основному двигателю зарождающагося капитализма—жаждѣ наживы. И консула, и банкира, героевъ обоихъ драмъ, Ибсенъ низвергаетъ съ ихъ капиталистически-индивидуалистическаго пьедестала и, такъ сказать, силкомъ заставляетъ ихъ преклониться предъ... моралью! Ибо что же такое, какъ не мораль, даже ходячая, прописная мораль—предписанія искренности, вложенныя въ уста Лоты, и ученіе о преступности приносить живую сердечную любовь въ жертву самообогащенію и честолюбію?

И вотъ, сама т. Роландъ-Гольстъ вынуждена сознаться, что творчество Ибсена отразило главнымъ образомъ разлагающее

вліяніе капитализма; что его идеалъ (очевидно, капиталистическій) остался... недоноскомъ.

Къ сожалѣнію, и въ этомъ недоноскѣ я не могу усмотрѣть ни одной черточки капитализма. Ибсенъ—*индувидуалистъ*. Это не подлежитъ, конечно ни малѣйшему сомнѣнію. Роландъ Гольстъ старается отожествить индивидуализмъ Ибсена съ его капиталистическимъ идеаломъ, доказывая, что индивидуализмъ этотъ аристократическій.

„Но какъ человѣкъ освобождается отъ неправды и несвободы?

Ибсенъ отвѣчаетъ: личной энергіей, презрѣніемъ къ массѣ и ея мнѣнію.

А гдѣ благо, гдѣ избавленіе?

Тамъ же, отвѣчаетъ Ибсенъ, въ индивидуализмѣ; въ поднятіи собственной личности надъ всеобщимъ, въ дѣятельности, разсматривающей индивидуальность, какъ самоцѣль.

Поднятіе отдѣльной личности надъ массой (въ дѣйствительности неотдѣлимое отъ использованія массы въ качествѣ средства для личныхъ цѣлей) составляетъ крупное различіе между *крупно-капиталистическимъ* и мелко-капиталистическимъ обществомъ. И то, что Ибсенъ превозноситъ, рисуетъ, какъ идеалъ для мелкой буржуазіи, захваченной потокомъ общественнаго развитія, есть капиталистическая дѣйствительность экономически развитыхъ странъ“.

Положеніе, будто „поднятіе отдѣльной личности надъ массой“—„неотдѣлимо отъ использованія массы въ личныхъ цѣляхъ“ болѣе, чѣмъ спорно. Не говоря объ анархистахъ—возьмемъ хоть Толстого, у котораго проповѣдь личнаго совершенства соединяется какъ разъ съ требованіемъ самаго скрупулезнаго отрѣшенія отъ всякой эксплоатаціи ближняго. Намъ, которымъ въ свое время набили оскомину теоріями „субъективной соціологической школы“ и ея „критически-мыслящими“ носителями прогресса, ея формулой прогресса, заключающейся въ развитіи совершенно независимой себѣдовлѣющей личности (дифференціація способностей личности при полномъ соціальномъ равенствѣ и отсутствіи раздѣленія труда) и ея народничествомъ, намъ слишкомъ очевидно, что далеко не каждый индивидуалистъ—скрытый или невольный эксплоататоръ. Аристократизмъ Ибсена относится къ области моральной, это простое констатированіе несомнѣннаго факта неравенства „нравственныхъ силъ“ отдѣльныхъ людей. Ибсенъ пессимистически относится къ „толпѣ“ и потому противопоставляетъ ей „*героя*“, но неужели Брандъ хоть крошечку эксплоататоръ? Онъ гораздо болѣе напоминаетъ собою нашихъ революціонеровъ 70 годовъ и вмѣстѣ съ ними можетъ законно назвать себя „servus servorum“. Несмотря на свой пессимизмъ и смѣхотворныя тирады о дворняшкахъ своего Стокмана, у Ибсена остается достаточно демократизма, который

отдѣляетъ его пропастью отъ настоящаго аристократа Ницше. Надо же помнить, что тотъ же сердитый адептъ теоріи дворняшекъ и пуделей, Стокманъ, рисуетъ себѣ свою будущую дѣятельность слѣдующимъ образомъ:

„Д. Ст. Я сдѣлаю изъ моихъ дѣтей свободныхъ, благородныхъ людей. А школой у насъ будетъ та зала, гдѣ они объявили меня врагомъ народа. Но намъ нужно побольше ребятъ, мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, дюжину мальчиковъ для начала.

Ф. Ст. Гдѣ же тебѣ ихъ найти тутъ въ городѣ?

Д. Ст. А вотъ посмотримъ (мальчикамъ). Не знаете ли вы тутъ какихъ-нибудь уличныхъ малышей — настоящихъ оборвышей?...

Мартынъ. О папа! знаемъ много!

Д. Ст. Отлично, приведите мнѣ парочку, другую—попробую разокъ взяться за простыхъ псовъ. *Между ними попадаются такія головы!*"

Новое неожиданное признаніе. И какъ все это далеко отъ „возвышенія личности за счетъ массъ". И дальше:

Мартынъ. А что же мы будемъ дѣлать, когда станемъ свободными и благородными?

Д. Ст. Прогоните всѣхъ сѣрыхъ волковъ далеко на западъ за море, дѣти!

Развѣ это не похоже на языкъ революціонера? Но только твердо вѣрящаго въ единоспасающее дѣйствіе „критически-мыслящаго" героя. Еще яснѣе характеризуется демократическій аристократизмъ Ибсена въ „Росмергольмѣ". Объ идеалахъ Росмера Роландъ Гольстъ говоритъ слѣдующее:

„Росмеръ хочетъ *сдѣлать всѣхъ людей* въ странѣ „благородными людьми" (Adelsmenschen), „освободить ихъ духъ и укрѣпить волю". Эта свобода, это благородство взглядовъ должны разорвать со всѣми традиціонными воззрѣніями; ихъ должны замѣнить индивидуализмъ, человѣкъ долженъ считаться только съ самимъ собою".

Замѣтьте: „всѣхъ людей". Это ли возвышеніе героя на плечахъ массъ? Это скорѣе служеніе героя массамъ. Но совершенно неточно и то, что, будто, согласно идеалу Росмера будущіе Adelsmensch и должны считаться только съ самими собой. Идеалъ Росмера иной; вотъ, что онъ говоритъ о немъ: „Я не пріобщаюсь ни къ одной изъ борющихся партій. Я хочу собрать людей по возможности со всѣхъ сторонъ... и побольше. Я хочу посвятить всю свою жизнь, всѣ свои силы на то, чтобы создать въ странѣ настоящее народовластіе... Я хочу пробудить стремленіе всѣхъ къ освобожденію ума и очищенію воли. А сдѣлать это они должны ужъ сами, собственными силами, ибо другихъ не существуетъ... О, какъ радостно будетъ тогда жить. Никакой вражды, ожесточенной борьбы. Только благородное соревнованіе. *Всѣ взоры на-*

правлены на одну цѣль. Воли всѣхъ, умы всѣхъ направлены впередъ... въ высь... Каждый идетъ своимъ естественнымъ непреложнымъ путемъ. *Счастье для всѣхъ, создаваемое всѣми*".

Это высокій идеалъ почти соціалистическаго характера, соціалъ-анархическаго, во всякомъ случаѣ. Въ высшей степени странно, что въ виду всѣхъ этихъ данныхъ Р.-Гольстъ могла приписать эксплоататорскіе идеалы, хотя бы въ видѣ недоноска, великому норвежцу. Самъ критикъ противопоставляетъ Ибсену Ницше, какъ настоящаго смѣлаго выразителя господскихъ тенденцій, поднимающихъ голову вмѣстѣ съ новымъ имперіалистическимъ милліардерскимъ капитализмомъ „капиталовъ индустріи и биржи".

Это признаніе писательницы значительно запутываетъ простоту ея первоначальнаго утвержденія и даже лишаетъ его попросту всякаго содержанія.

Но въ статьѣ Роландъ-Гольстъ имѣются и важныя положительныя мысли. Совершенно ясно уловила и выразила она отрицательный характеръ проповѣди Ибсена, ея крайнюю неопредѣленность: „Какъ Грегерсъ въ „Дикой уткѣ", желающій открыть глаза супругамъ Экдаль на жалкій характеръ ихъ супружеской жизни, чтобы помочь имъ основать новый „истинный бракъ", достигаетъ лишь разрушенія ихъ жалкаго призрачнаго счастья, такъ и Ибсенъ показываетъ буржуазному обществу пропасть пустоты и низменности отношеній, въ которыхъ оно живетъ, но онъ не указываетъ пути отсюда. Въ его произведеніяхъ нѣтъ ни одного лица, исполненнаго свѣтлой надежды; ни одинъ ростокъ новой жизни не расцвѣтаетъ на этихъ руинахъ. Повсюду лишь запустѣніе, трупный запахъ". Конечно, Ибсенъ иногда „указывалъ пути", но такъ туманно, что удовлетвориться этими указаніями могутъ развѣ только... г-да мистики. Старанія критиковъ найти свѣтлыя стороны у Ибсена тщетны. Въ общемъ, Ибсенъ въ своей драматургіи—послѣдовательный пессимистъ. И въ то же время онъ мессіанистъ. Это причудливо сливается въ немъ и имѣетъ свою внутреннюю причину, свою логику. Отмѣтимъ еще и то, что Гольстъ, въ согласіи съ большинствомъ критиковъ, считаетъ Ибсена типическимъ представителемъ норвежской демократіи. Она прекрасно формулируетъ это положеніе, и намъ важно отмѣтить его. „Норвегія,—говоритъ Роландъ-Гольстъ,—еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ была страной крестьянской демократіи. Крѣпкое крестьянство было разсѣяно по странѣ, какъ рѣдкія ели на широкой равнинѣ. Производство въ деревнѣ разсчитано было главнымъ образомъ на личное потребленіе; въ немногочисленныхъ городахъ преобладали ремесло и простое товарное производство, капитализмъ переживалъ начало своего развитія, крупное производство почти не существовало вовсе, классовыя противорѣчія были незначительны.

Нетрудно понять нравы и взгляды народа, живущаго въ такой средѣ. Это состояніе общества порождаетъ сильные характеры, но тяжелые умы. Индивидуальность развивается, но не выходитъ изъ узкихъ границъ; растетъ чувство собственнаго достоинства, гордость; каждый свободенъ въ своемъ домѣ, на своей землѣ; человѣкъ независимъ, чувствуетъ твердую почву подъ ногами, но горизонтъ его остается ограниченнымъ и его чувство солидарности не развитымъ".

Что касается Г. В. Плеханова, то какъ разъ отсюда онъ не согласенъ съ этимъ положеніемъ Роландъ-Гольстъ, положеніемъ на нашъ взглядъ очень виднымъ. Для Роландъ-Гольстъ Ибсенъ—типичный мелкій буржуа, того немного дѣловитаго типа, который свойственъ „мужицкой" странѣ, странѣ мужицкаго обособленнаго двора, кокою является Норвегія. Это—фонъ души Ибсена, изъ этой почвы выросъ его индивидуализъ, она же не дала его идеаламъ дорасти до положительной цѣнности и полной ясности. Роландъ-Гольстъ отмѣтила все это и очень близко подошла, такимъ образомъ, къ истинному на нашъ взглядъ пониманію, особенное когда она говоритъ: „Антисоціально чувствующая мелкая буржуазія не можетъ добиться ни своего избавленія, ни тѣмъ менѣе освобожденія общества. Она не проводитъ въ жизнь новаго экономическаго принципа, она не имѣетъ общественной будущности; она не можетъ побороть капиталистическій міръ. Будущее для нея безнадежно; познать истину—значитъ для нея познать безысходность ея нищеты. Свобода, о которой она мечтаетъ, неопредѣленна и недостижима. Такова свобода, которую превозноситъ Ибсенъ".

Правда, исходя отсюда, Роландъ-Гольстъ сбилась потомъ съ правильнаго пути анализа, стараясь навязать Ибсену капиталистическіе и аристократическіе идеалы, которыхъ у него не было.

Для Плеханова Ибсенъ вовсе не выразитель мелкобуржуазнаго духа. Къ этому положенію естественно приводитъ его явная враждебность Ибсена къ мѣщанскому міру и его устоямъ. Плехановъ настойчиво подчеркиваетъ ту войну со средой Гримстеда, а потомъ Христіаніи, въ которую отъ юныхъ ногтей вступилъ Ибсенъ. Затѣмъ нашъ критикъ продолжаетъ:

„Я прошу читателя помнить, что вліяніе всякой данной общественной среды испытываетъ на себѣ не только тотъ, кто уживается съ нею, но также и тотъ, кто объявляетъ ей войну.

Мнѣ могутъ возразить: „Однако же, вотъ Ибсенъ не ужился съ той самой средой, съ которой прекрасно уживалось огромнѣйшее большинство его сообщественниковъ". На это я отвѣчу, что воевали съ этой средой довольно многіе норвежскіе писатели, но что, разумѣется, Ибсенъ велъ съ нею войну на свой особый личный ладъ. Но я вѣдь и не отрицаю значенія личности въ исторіи вообще и въ исторіи литературы въ частности. Вѣдь безъ личностей не было бы и общества, а, значитъ, не было бы

и исторіи. Когда данная личность протестуетъ противъ окружающей пошлости и неправды, тутъ непремѣнно сказываются ея умственныя и нравственныя особенности: ея проницательность, ея чуткость, ея отзывчивость и т. п. Каждая личность своей особой походкой идетъ по дорогѣ протеста. Но куда ведетъ эта дорога, это зависитъ отъ общественной среды, окружающей протестующую личность. *Характеръ отрицанія опредѣляется характеромъ того, что подвергается отрицанію.* Ибсенъ родился, выросъ и возмужалъ въ мелкобуржуазной средѣ, и характеръ его отрицанія былъ, такъ сказать, предопредѣленъ характеромъ этой среды".

Итакъ, мы имѣемъ здѣсь образчикъ довольно обычнаго у Г. В. Плеханова пріема примѣненія *закона контраста.* Читатель, хорошо знакомый съ книгой Бельтова, помнитъ важность, которую т. Плехановъ придаетъ этому закону. Итакъ, Ибсенъ вовсе не выразитель мѣщанства, а его отрицатель: онъ дитя этой среды, но это—ея enfant terrible; онъ находится въ зависимости отъ среды, но лишь въ томъ смыслѣ, что поставилъ минусъ всюду, гдѣ его среда ставила плюсъ.

Какъ же, какимъ именемъ опредѣлить этихъ внѣкласовыхъ или надклассовыхъ отрицателей? Вотъ что говоритъ объ этомъ Плехановъ:

„Въ мелкобуржуазномъ обществѣ лица, „духъ" которыхъ склоненъ къ „бунту", не могутъ не быть рѣдкими исключеніями изъ общаго правила. Такія лица часто горделиво называютъ себя аристократами, и они *дѣйствительно похожи* на аристократовъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, они выше другихъ въ духовномъ отношеніи, какъ настоящіе аристократы выше другихъ по своему привилегированному общественному положенію; во-вторыхъ, они такъ же, какъ настоящіе аристократы, стоятъ уединенно, потому что ихъ интересы не могутъ быть интересами большинства, а чаще всего враждебно сталкиваются съ этими послѣдними. Но разница въ томъ, что настоящая, историческая аристократія, въ лучшую пору своего развитія господствовала надъ всѣмъ тогдашнимъ обществомъ, между тѣмъ какъ *духовные аристократы* мелкобуржуазной общественной среды не пользуются почти никакимъ вліяніемъ на нее. Эти „аристократы" не представляютъ собою *общественной силы:* они остаются *отдѣльными личностями.* Зато тѣмъ усерднѣе предаются они культу *личности*".

Итакъ, Ибсенъ—аристократъ духа. Съ этой точки зрѣнія мы и должны дать соціологическую, матеріалистическую оцѣнку драматургіи Ибсена. Это гораздо менѣе просто, чѣмъ пріемъ Роландъ-Гольстъ, но зато мы попадаемъ сразу въ область чисто идеологическую, теряемъ сразу подъ ногами матеріалистическую почву, и въ рукахъ нашихъ остается только въ качествѣ нити

Аріадны законъ контрастовъ. Плехановъ ставитъ въ центръ своей характеристики черту, отмѣченную и Роландъ-Гольстъ, а именно пустоту, безсодержательный формализмъ ибсеновскихъ идеаловъ! Въ этомъ пунктѣ я совершенно схожусь съ обоими уважаемыми авторами и съ удовольствіемъ воспользуюсь прекрасными строками Плеханова, чтобы разъ навсегда установить этотъ важный для насъ пунктъ.

„Проповѣдь „бунта человѣческаго духа“ внесла въ творчество Ибсена элементъ величія и привлекательности. Но когда онъ проповѣдывалъ этотъ „бунтъ“, то онъ самъ хорошенько не зналъ, къ чему онъ долженъ привести. Поэтому онъ, — какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, — дорожитъ „бунтомъ“ ради „бунта“. А когда человѣкъ дорожитъ „бунтомъ“ ради „бунта“; когда онъ самъ не понимаетъ, къ чему бунтъ долженъ привести, тогда его проповѣдь по необходимости становится *туманной*.

Возьмемъ хоть „Бранда“. Думикъ называетъ мораль Бранда революціонной. И она несомнѣнно является таковой, поскольку она „бунтуетъ“ противъ буржуазной пошлости и половинчатости. Брандъ—непримиримый врагъ всякаго оппортюнизма, и съ этой стороны онъ очень похожъ на революціонера, но только похожъ и только съ одной стороны. Прислушайтесь къ его рѣчамъ. Всякій революціонеръ будетъ охотно рукоплескать имъ. Но гдѣ тотъ врагъ, на котораго Брандъ призываетъ „ударить всей силой“? За что именно нужно, по его словамъ, биться съ нимъ, не на животъ, а на смерть? Въ чемъ состоитъ „все“, которому въ горячей проповѣди Брандъ противопоставляетъ „ничего“? Брандъ и самъ этого не знаетъ. Брандъ предлагаетъ своимъ слушателямъ порвать цѣпь компромиссовъ и энергично взяться за дѣло. Но въ чемъ будетъ состоять дѣло? Въ обновленіи и очищеніи душъ, попавшихъ въ плѣнъ, въ стираніи съ нихъ всѣхъ слѣдовъ дряблости и лѣни, т. е. въ томъ, чтобы научить всѣхъ людей порвать цѣпь компромиссовъ. А что будетъ, когда они порвутъ эту цѣпь? Это неизвѣстно ни Бранду, ни самому Ибсену. Вслѣдствіе этого борьба съ компромиссами становится сама себѣ цѣлью, т. е. оказывается безцѣльной, а изображеніе этой борьбы въ драмѣ, — путешествіе Бранда и слѣдующей за нимъ толпы „въ высь, по застывшимъ волнамъ ледниковъ“,—выходитъ не художественнымъ, а, пожалуй, даже и антихудожественнымъ“.

Итакъ, въ этомъ отношеніи между Плехановымъ и Роландъ-Гольстъ царитъ полное согласіе. Я могу лишь присоединиться къ ихъ мнѣнію. Но чѣмъ объяснить эту „пустоту“ ибсеновскаго героизма? Очевидно, Плехановъ не можетъ воспользоваться объясненіемъ Гольстъ. Для нея отсутствіе положительнаго идеала, творческаго плана у Ибсена находится въ полномъ соотвѣтствіи съ роковымъ отсутствіемъ таковаго у мелкой буржуазіи, вообще, у этого класса, который подъ гнетомъ нужды и регресса можетъ

быть революціоннымъ, но у котораго нѣтъ будущаго. Для Плеханова же Ибсенъ — аристократъ духа, возвысившійся надъ своимъ классомъ, развернувшійся въ ширь и въ высь по закону контраста къ узости и тупости мизернаго, затхлаго мѣщанства.

Дѣйствительно, въ объясненіе „пустого идеализма" Ибсена Плехановъ создаетъ свою собственную теорію. Согласно ей, Ибсенъ не могъ добраться до яркаго, сочнаго, реалистическаго идеала потому, что онъ мыслилъ *аполитически*. „Мораль Ибсена не нашла себѣ выхода въ политику". Итакъ, Плехановъ приступаетъ къ соціологическому объясненію этой бѣды норвежскаго моралиста.

„Ибсенъ вообще былъ равнодушенъ къ политикѣ, а политиковъ онъ, по его собственному признанію, просто ненавидѣлъ. Его мышленіе было *аполитическимъ*. И это, можно сказать, — главная отличительная черта его мышленія, въ свою очередь хорошо объясняющаяся вліяніемъ на него общественной среды, но приводящая его къ цѣлому ряду самыхъ мучительныхъ и самыхъ безвыходныхъ противорѣчій.

Какую политику, какихъ политиковъ наблюдалъ и зналъ нашъ авторъ? Политику и политиковъ того же мелко-буржуазнаго общества, въ которомъ онъ чуть не задохнулся, и которое онъ такъ жестоко бичевалъ въ своихъ произведеніяхъ. А что такое мелкобуржуазная политика? Это жалкое крохоборство. Что такое мелкобуржуазный политикъ? Это жалкій крохоборъ.

Передовые люди мелкой буржуазіи выдвигаютъ иногда широкія политическія программы, но они отстаиваютъ ихъ вяло и холодно. Они никогда не торопятся; они держатся золотого правила: „поспѣшай съ медленностью". Въ ихъ сердцахъ совсѣмъ нѣтъ мѣста для той благородной страсти, безъ которой, по прекрасному замѣчанію Гегеля, не дѣлается ничего великаго во всемірной исторіи. У мелкобуржуазнаго филистера здѣсь, какъ и вездѣ, слово расходится съ дѣломъ. Короче — мелкобуржуазная политическая свобода нисколько не похожа на могучую и неукротимую красавицу, нѣкогда воспѣтую Барбье въ его „*Ямбахъ*". Это скорѣе—спокойная, ограниченная и мелочная *Hausfrau*".

Все это, конечно, превосходно. Но читатель замѣтилъ уже, что мы все еще находимся подъ созвѣздіемъ закона контраста. Политика соотечественниковъ была похожа на мелочную „Hausfrau", Ибсенъ ударился въ противоположность и рѣшилъ обходиться безъ всякой политики. Но почему, однако, по такому же контрасту онъ не бросился въ объятія „неукротимой красавицы?" Вѣдь, вотъ же товарищъ Плехановъ, какъ самъ онъ любезно сообщилъ въ одномъ полемическомъ фельетонѣ, происходитъ изъ среды тамбовскихъ помѣщиковъ, политика которыхъ тоже не могла не внушить ему, какъ и „аристократу духа", величайшаго

отвращенія, однако, онъ не презрѣлъ вслѣдствіе этого всякую политику? По крайней мѣрѣ, не на всю жизнь. Правда, въ первые годы своей дѣятельности высокоуважаемый нашъ учитель былъ землевольцемъ и черноцередѣльцемъ, и съ ограниченіями (и большими) можно еще было сказать, что онъ мыслилъ аполитически, но потомъ онъ вышелъ на большую дорогу политики и насъ грѣшныхъ вывелъ. Онъ показалъ русской интеллигенціи и русскому пролетарію „неукротимую красавицу", и вмѣстѣ съ нимъ мы всѣ пошли за ея краснымъ знаменемъ. Можетъ быть, и тутъ дѣйствовалъ законъ контраста, ибо вождь соціалъ-демократіи, Плехановъ, довольно рѣзко контрастируетъ съ почтеннымъ сословіемъ тамбовскихъ помѣщиковъ; но законъ этотъ работалъ тутъ совершенно иначе. По контрасту съ католицизмомъ можно стать протестантомъ, деистомъ, атеистомъ. По контрасту съ мелкимъ мѣщанствомъ — Донъ-Кихотомъ, крупнымъ хищникомъ, забулдыгой. Жизнь — не математика, въ ней нѣтъ простыхъ плюсовъ и минусовъ, и „соціологическое объясненіе" т. Плеханова насъ лично весьма мало удовлетворяетъ. Т. Плехановъ замѣчаетъ:

„Поскольку Ибсенъ обращается со своими упреками къ мелко-буржуазнымъ политикамъ,—постольку онъ вполнѣ правъ, и постольку его равнодушіе къ политикамъ свидѣтельствуетъ лишь о благородствѣ его собственныхъ стремленій и о цѣльности его собственной натуры. Но онъ полагаетъ, что и не можетъ быть на свѣтѣ политиковъ, не похожихъ на тѣхъ, которые дѣйствовали въ его мелкобуржуазной странѣ въ ту пору, когда складывались его воззрѣнія. И тутъ онъ, конечно, заблуждается; тутъ его ненависть къ политикамъ свидѣтельствуетъ только объ ограниченности его собственнаго кругозора. Онъ забываетъ, что вѣдь и дѣятели великой революціи тоже были политиками, что вѣдь и ихъ богатырскіе подвиги совершались въ области политики".

Но вѣдь и Григорій Валентиновичъ забываетъ кое-что! Онъ забываетъ, что богатырскіе подвиги, о которыхъ онъ говоритъ, были совершены не только политиками, но какъ разъ... мелкобуржуазными политиками!

И какъ много долженъ былъ забыть этотъ бѣдняга Ибсенъ! Не только богатырей французской революціи, которыхъ онъ высоко цѣнилъ, долженъ онъ былъ изгнать по Плеханову изъ своей памяти, но въ отличіе отъ своего критика, покинувъ родину, онъ долженъ былъ закрыть глаза на болѣе широкій европейскій размахъ политической жизни. Онъ долженъ былъ не знать или забыть и то рабочее движеніе, ту соціалъ-демократію, которая открыла глаза самому Г. В. А, между тѣмъ, самъ Ибсенъ сказалъ въ своей Дронтгеймской рѣчи: „Преобразованіе общественныхъ отношеній, подготовляющееся теперь тамъ, въ

Европѣ, занимается главнымъ образомъ вопросомъ о будущемъ положеніи рабочаго и женщины. Я жду этого преобразованія и уповаю на него, и я хочу и буду дѣйствовать на его пользу всѣми силами въ теченіе всей моей жизни". Итакъ, европейскій опытъ не прошелъ для него даромъ. Ибсенъ заявилъ также, что „старался изучить соціалъ-демократическіе вопросы" и соціалистическую литературу называлъ „великой". И, однако.... однако, онъ продолжаетъ вращаться въ предѣлахъ морали и *не желалъ* выйти въ политику. По Плеханову это объясняется единственно отвращеніемъ къ той Hausfrau, съ которой Ибсенъ познакомился въ ранней юности. Давно уже стояла передъ нимъ въ той же мантіи политики, „соціалистическая красавица", но память о Hausfrau была столь сильна, что Ибсенъ смѣло отвергалъ ее за то только, что она носитъ ту же оболочку, то же имя!

Нѣтъ! Мы позволяемъ себѣ думать, что это объясненіе далеко отъ того, чтобы быть соціологическимъ, оно психологично, да къ тому же еще и натянуто. Аристократъ духа можетъ быть и не быть политикомъ, онъ можетъ пойти по тысячѣ путей, лишь бы прочь отъ среды, противъ которой онъ протестуетъ. И Ибсенъ могъ протестовать противъ норвежскаго мѣщанства соціализмомъ, революціонной политикой, яркимъ, яснымъ, опредѣленнымъ идеаломъ, рѣзко контрастирующимъ именно съ неопредѣленностью идеаловъ мѣщанства. Но Ибсенъ былъ индивидуалистомъ, символистомъ и пессимистомъ. Все потому, что не нашелъ выхода въ политику? А въ политику выходъ загородила ему разъ навсегда видѣнная имъ въ дѣтствѣ норвежская Hausfrau?

Все это чистѣйшая психологія, а не соціализмъ, не связывающая „героевъ духа" самыми глубокими нитями съ нѣдрами души породившихъ ихъ классовъ, выразителями которыхъ они являются и заставляющая ихъ отскакивать отъ нихъ, какъ мячъ отскакиваетъ отъ стѣны. Неужели можно объяснить цвѣтъ мяча и его свойства законами отраженія эластичныхъ тѣлъ?

Пріемъ Плеханова приблизительно таковъ. Аристократъ духа— явленіе внѣклассовое, но его полеты опредѣляются толчкомъ, которымъ онъ отброшенъ отъ общества. Жизнь сложнѣе, и мы несомнѣнно глубже проникаемъ въ душу людей, когда не забываемъ, что они кость отъ кости и плоть отъ плоти своего общества, своего класса, и остаются таковыми даже тогда, когда съ внѣшней стороны будто бы отвергаютъ свой классъ.

Мы знаемъ, что Іеремія, громившій іудеевъ, былъ воистину іудей. Почему мы знаемъ это? Потому что рѣчи, которыми онъ бичевалъ народъ свой, включены въ его священныя книги. Драматургія Ибсена стала священной книгой передовыхъ слоевъ мелкой буржуазіи—декадентовъ, мистиковъ, демократовъ, ради-

каловъ, анархистовъ, ницшеніанцевъ и пр. и пр. сектъ и секцій той части „промежуточныхъ классовъ“, которая способна мыслить. Это доказываетъ, что онъ былъ Іеремiей мѣщанства, былъ воистину великій мѣщанинъ, великій мужикъ-однодворецъ!

А. Луначарскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Предпосылки «революціоннаго синдикализма».

I.

Русскій читатель знакомится съ теоріей „революціоннаго синдикализма“ главнымъ образомъ по общимъ, популярнымъ изложеніямъ этой доктрины въ брошюрахъ и статьяхъ русскихъ послѣдователей этой „новой школы“. Такой же популяризаторскій, пропагандистскій характеръ носятъ и переведенныя на русскій языкъ произведенія французскихъ синдикалистовъ: Лягарделя, Пуже, Пеллютье, Пьерро и итальянца Артуро Лабріолы. Нечего и говорить, что эти источники чрезвычайно скудны для тѣхъ читателей, которые не довольствуются ролью слушателя и стремятся къ критическому усвоенію новоявленной доктрины. Они вправѣ желать ознакомленія съ первоисточниками. Мы и беремъ здѣсь на себя трудъ удовлетворить этой потребности, хотя бы только въ самыхъ общихъ чертахъ и чрезвычайно бѣгломъ изложеніи [1]).

При современномъ развитіи науки творческое вдохновеніе богаче всего оплодотворяетъ не тѣ головы, которыя располагаютъ только запасомъ личнаго опыта, а тѣ, которыя богаты знаніями въ литературѣ изучаемой ими области науки. Шедевры научнаго творчества такъ же основаны на переработкѣ сырого матеріала, какъ и продукты матеріальнаго производства. Притязанія на пріоритетъ въ научномъ творчествѣ въ наше время звучатъ, какъ пустая претенціозность. Всякій „магистрантъ“ и „докторантъ“ долженъ умѣть отвѣтить прямо на вопросъ объ источникахъ его „открытій“, иначе его притязаніе на самобытность своего творчества можетъ быть сочтено за укрывательство плагіата.

Такой же вопросъ слѣдуетъ поставить и теоретикамъ „революціоннаго

---

[1]) Предлагаемые читателямъ критическіе очерки доктрины „революціоннаго синдикализма“ являются этюдами автора къ книгѣ *„Новая секта въ рядахъ соціалистовъ“*, которая готовится къ печати въ изданіи „Петровской библіотеки“ въ Москвѣ. *П. С.*

синдикализма“, тѣмъ болѣе, что доктрина эта, проповѣдующая такія далеко не новыя вещи, какъ отрицаніе политики въ рабочемъ движеніи, отрицаніе принципа власти, государства, демократическаго народнаго представительства, принципа большинства и т. д.,—претендуетъ на названіе „новой школы“, „новой доктрины“ и т. п.

Каковы же ея историческіе корни?

У Жоржа Сореля, этого главы школы, у его вѣрнаго ученика, Артуро Лабріолы и у другихъ „синдикалистовъ“ можно встрѣтить частыя ссылки на самые разнообразные, подчасъ непримиримые источники. Марксъ и Прудонъ, Прудонъ Ж. Ж. Руссо одновременно служатъ авторитетами, долженствующими подтвердить правильность мыслей этого „новаго“ эклектизма. Напрасно Марксъ писалъ свою „Нищету философіи“, тщетно Прудонъ аттестовалъ Ж. Ж. Руссо именемъ „женевскаго шарлатана“,— Ж. Сорель съ учениками сумѣли безъ критическаго анализа синтетизировать мудрость этихъ антиподовъ соціологической литературы.

Особенно старательно „синдикалисты“ выводятъ свою теорію „по К. Марксу“. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ послѣ выхода въ свѣтъ „Коммунистическаго Манифеста“ и „Капитала“ теоретикамъ классовой борьбы трудно обходиться безъ поклоновъ въ сторону К. Маркса и такъ какъ синдикалистамъ приходится вести свою пропаганду въ средѣ, гдѣ авторитетъ Маркса стоитъ высоко.

Ссылки на Прудона носятъ у „новой школы“ болѣе случайный характеръ. Но по мѣрѣ того, какъ раскрывается схоластическій характеръ упомянутыхъ ссылокъ на Маркса, вопросъ о дѣйствительномъ историческомъ корнѣ теоретическаго синдикализма становится еще интереснѣе. Не чистые ли прудонисты они, эти „нео-марксисты“?

Для того, чтобы рѣшить здѣсь съ читателемъ этотъ вопросъ, мы предлагаемъ познакомиться съ характерными чертами сочиненія П. Ж. Прудона: „О политической зрѣлости трудящихся классовъ [1]“. Это одна изъ наиболѣе позднихъ и зрѣлыхъ его вещей по теоріи классовой борьбы. Она писана Прудономъ въ послѣдніе годы его жизни, и заключеніе ея продиктовано писателемъ незадолго до его смерти. Въ ней ясно выступаетъ знакомый уже читателю изъ „Нищеты Философіи“ методъ Прудона, и она же даетъ законченное представленіе о міровоззрѣніи этого писателя, которое, какъ мы покажемъ, „синдикалисты“ дѣйствительно стремятся примѣнить къ изученію „сорока лѣтъ рабочаго движенія“, къ оцѣнкѣ современныхъ формъ классовой борьбы и къ разрѣшенію соціальныхъ проблемъ современности.

---

[1]) „De la capacité politique des classes ouvriéres“ par P. J. Proudhon. Paris. 1873. Это послѣднее посмертное изданіе въ данное время отсутствуетъ въ продажѣ.

II.

„О политической зрѣлости трудящихся классовъ" П. Ж. Прудона.

Въ посвященіи своего сочиненія, предпосланномъ книгѣ этого названія, Прудонъ говоритъ своимъ корреспондентамъ-рабочимъ: „Не судите объ этомъ томѣ по его размѣрамъ, которые я могъ бы сократить до сорока страницъ (вмѣсто существующихъ 356-ти. *П. С.*): вы здѣсь найдете только одну идею—идею новой Демократіи". И онъ совершенно правъ въ такой характеристикѣ литературныхъ достоинствъ своего труда. Изложеніе книги дѣйствительно стройное и ясное. Новая демократія это—сотрудничество „трудящихся классовъ", которымъ надлежитъ, по его мнѣнію, обособиться отъ промышленной и торговой, капиталистической буржуазіи. „Идея новой демократіи" это идея взаимопомощи, — „мютюэлизмъ". Этой идеѣ, по мнѣнію Прудона, надлежитъ безболѣзненно и мирно установить гармонію на мѣстѣ современнаго „новаго феодализма", т. е. разгула деспотической государственной власти, съ одной стороны, и „анархическаго меркантилизма", „промышленнаго ажіотажа", съ другой стороны.

Въ интересахъ анализа и сопоставленія ученія Прудона съ доктриной „синдикализма" отступимъ отъ хода изложенія его книги и прежде всего передадимъ въ общихъ чертахъ картину капиталистическаго строя въ томъ видѣ, какъ она изображена Прудономъ.

Онъ характеризуетъ современное положеніе вещей, какъ „вакханалію меркантилизма", говоритъ, что общество отдано „анархическому меркантилизму", что „въ существующемъ строѣ общества торговля, предоставленная полной анархіи, лишенная управленія, освѣдомленности, возможности оріентировки и принципа, является, по существу своему, ажіотажной; она даже не можетъ не быть таковой" [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ отмѣчаетъ такія тенденціи современности: „Нѣкоторые партизаны экономической анархіи, насадители промышленнаго и торговаго феодализма, яростные противники эмансипаціи рабочихъ, настоятельно добиваются того, что они называютъ свободой банковъ и децентрализаціей кредита; подобно тому, какъ они домогались и достигли свободы обмѣна, они теперь готовы просить свободы процентовъ [2]).

Эту картину „экономической анархіи" Прудонъ дополняетъ своими нападками на стачки. Взаимную для буржуазіи и пролетаріата свободу коалицій онъ считаетъ величайшимъ зломъ современности. Высказываясь по поводу стачки углекоповъ въ департаментѣ Луары (въ сороковыхъ годахъ), онъ оправдываетъ дѣйствія властей, которыя подвергли стачечниковъ разстрѣлу. Законъ о свободѣ коалицій, вотированный палатой депутатовъ въ

1) „De la capacité politique" и т. д., стр. 99, 100.

2) Id., стр. 125., примѣч.

1864 году, охарактиризованъ слѣдующимъ образомъ: „Новый законъ, разрѣшающій съ нѣкоторыми оговорками коалиціи какъ со стороны хозяевъ, такъ и со стороны рабочихъ, плохъ, такъ какъ всякая коалиція по своей природѣ есть дѣло вредное, безнравственное и слѣдовательно незаконное“ [1]. Свобода коалицій вмѣстѣ съ свободой обмѣна составляютъ, по его мнѣнію, „новый феодализмъ“ [2]. И этотъ новый феодализмъ дополняется произволомъ государственной власти, эксплоатаціей народа правительствомъ.

Что же такое власть и государство? Власть, по утвержденію Прудона, есть вѣчно одинаковое содержаніе имперіи, монархіи, республики, коммунизма. И какъ таковая, она подвергается категорическому осужденію со стороны Прудона [3]. Власть для него всегда и вездѣ—синонимъ произвола и насилія. Въ лучшемъ случаѣ власть можетъ проявляться въ формѣ благотворительности. Прудонъ отвергаетъ благотворительность словами избирательнаго манифеста „шестидесяти“ рабочихъ въ 1864 г. [4]. Не менѣе отрицательно онъ относится къ правительству, какъ къ власти въ лицахъ и къ государству, какъ формѣ властвованія [5]. Правительство есть прирожденный эксплоататоръ. Централизованное государство есть рабство демократіи. Коммунизмъ есть одна изъ формъ централизованной государственности и, какъ таковая, эта форма государственности должна быть отвергнута. Къ этой же категоріи соціальнаго зла Прудонъ относитъ и ученіе соціалистовъ 48-го года, которое онъ называетъ „Люксембургской школой“.

Но мы повременимъ съ критикой личныхъ взглядовъ Прудона на современную ему государственность и классовую борьбу. Обратимся сначала къ изображенной имъ дѣйствительности. Картина, нарисованная имъ, кажется намъ въ общемъ вѣрной. Капиталистическій строй представлялъ собой въ прошломъ столѣтіи—и теперь представляетъ еще больше прежняго—борьбу взаимно враждебныхъ, раздробленныхъ силъ общества. Сама государственная власть въ изображеніи Прудона можетъ быть охарактеризована нами, какъ частно-правовое притязаніе группы правящихъ,—въ лучшемъ случаѣ класса—на господство надъ массами. Вообще Прудонъ въ описательной части своихъ сочиненій являлся только выразителемъ общепризнанныхъ взглядовъ современной ему соціалистической литературы. Позднѣйшіе соціалистическіе писатели только дополнили эту картину по мѣрѣ развитія соотвѣтственныхъ отношеній.

Самимъ же собой Прудонъ становится только тогда, когда онъ примѣняетъ къ пониманію исторической дѣйствительности „свой методъ“. Этотъ

1) Id., стр. 332.
2) Id., стр. 291.
3) Id., стр. 58.
4) l. c., стр. 69.
5) Стр. 58, 265, 266.

злополучный „методъ“, по достоинству оцѣненный К. Марксомъ въ „Нищетѣ философіи“, долженъ былъ привести его къ тому, къ чему привелъ,—къ высокомѣрному третированію непреложныхъ законовъ историческаго развитія, къ напыщенному рекламированію спасительной идеи „взаимопомощи“—идеи своего собственнаго производства. И этотъ методъ былъ оставленъ Прудономъ въ наслѣдство соціологамъ и соціалистамъ французской націи. Мы скоро увидимъ, что претендентами на это печальное наслѣдство въ наше время заявили себя основатели и послѣдователи „новой школы“ такъ называемаго „революціоннаго синдикализма“. Правда, намъ предстоитъ убѣдиться, что, вступивъ во владѣніе научнымъ наслѣдствомъ Прудона, господа „синдикалисты“ перекрасили нѣсколько „прудонизмъ“ подъ „марксизмъ“ и въ приложеніи этого орудія къ современнымъ формамъ классовой борьбы получили нѣсколько иные логическіе выводы. Но это было только результатомъ измѣнившихся обстоятельствъ: новой соціалистической „моды“, новыхъ исходныхъ данныхъ анализа. И все же они, несмотря на грозное названіе „революціонныхъ синдикалистовъ“, остались вѣрными потомками кроткаго духа этого жреца справедливости, поборниками его идеи „взаимопомощи“. Для того, чтобы установить эту ихъ родословную, на которой они не слишкомъ-то настаиваютъ, мы и обратимся къ ихъ родоначальнику—Прудону, его методу и его умозаключеніямъ по поводу обнаруженной имъ въ „Манифестѣ 60-ти“ политической зрѣлости трудящихся классовъ.

На зарѣ своей литературно-научной дѣятельности Прудонъ писалъ въ заключительныхъ строкахъ своего трактата о томъ, „Что такое собственность“: „Богъ свободы, Богъ равенства! Богъ, вложившій въ мое сердце чувство справедливости, прежде чѣмъ разумъ мой постигъ ее, услышь мою пламенную мольбу!.. Утопи гордость въ равенствѣ; уничтожь идолопоклонство славѣ, благодаря которому мы живемъ въ униженіи, убѣди этихъ бѣдныхъ дѣтей, что передъ лицомъ свободы нѣтъ ни героевъ, ни великихъ людей. Внуши могущественному, богатому... отвращеніе къ грабежу; пусть онъ первый потребуетъ возвращенія взятаго, пусть готовность къ раскаянію является для него единственнымъ условіемъ прощенія. Тогда великіе и малые, ученые и невѣжды, богатые и бѣдные сольются въ одинъ ненарушимый братскій союзъ и съ пѣніемъ новаго гимна воздвигнутъ алтарь Тебѣ, Богу свободы и равенства!“ [1])

Но Богъ свободы и равенства не услышалъ Прудона и ничего не внушилъ могущественному и знатному: богатые продолжали грабить бѣдныхъ, не помышляя о братскомъ союзѣ. Зато въ зрѣлые годы Прудонъ самъ постигъ идею справедливости, придумалъ ея осуществленіе по фор-

[1]) Цит. по русскому изд. „Е. и И. Леонтьевыхъ“, Спб., 1907 г. стр. 267.

мулѣ „взаимопомощи“ и принялся самолично топить и уничтожать „дурную сторону исторіи“ съ настойчивостью, которая приличествуетъ развѣ только Богу, съ увѣренностью, которая не считается съ непреложностью историческихъ законовъ развитія общественныхъ отношеній и идей.

„Идея новой демократіи“ только призвана въ будущемъ управлять міромъ. Но въ современной дѣйствительности міръ, по мысли Прудона, управляется идеями и принципами. Такъ, напримѣръ, „двумя устоями общества и государства“ являются: „съ одной стороны, принципъ политической централизаціи, съ другой—принципъ экономической несолидарности, иными словами: принципъ промышленной и торговой анархіи, который, составляя противовѣсъ первому, неизбѣжно приводитъ къ капиталистическому феодализму“ [1]). Соціальныя противорѣчія у Прудона являются противорѣчіями между принципами, и разрѣшеніе соціальной проблемы сводится къ побѣдѣ одного принципа и идеи надъ другимъ принципомъ и идеей. „Двѣ вещи,—я имѣю въ виду Свободу и Справедливость,—переносятъ насъ далеко впередъ за идею власти, какъ коллективной, такъ и божескаго происхожденія, на которую, какъ мы видѣли, опирается люксембургская система“ [2]). „Для осуществленія этой новой, вѣчной гармоніи (омніархіи Фурье, коммунистической анархіи, которая соотвѣтствуетъ „автархіи“ синдикалистовъ. *П. С.*) нуженъ принципъ необходимый, универсальный, абсолютный, имманентный, предсуществующій и стоящій выше всякой соціальной конституціи... Этотъ принципъ мы находимъ въ идеѣ взаимопомощи“ [3]).

Итакъ, у Прудона идеи господствуютъ надъ міромъ и реализуются въ дѣйствіяхъ людей и народныхъ движеніяхъ. „Въ народныхъ движеніяхъ важно отмѣтить ихъ вполнѣ волевой характеръ... Конечно, идеи, во всѣ эпохи волновавшія массы, первоначально зарождались въ мозгу какого-нибудь мыслителя... Но, конечно, не всякая идея, овладѣвшая индивидуумомъ, впослѣдствіи овладѣваетъ народами; между идеями, увлекающими массы, далеко не всѣ справедливы и полезны..., и для философа-историка особенно важно наблюдать то, какъ народъ хватается за нѣкоторыя идеи болѣе, нежели за другія“ [4]). Иными словами, идеи осуществляются только *по волѣ* массъ. Но зато масса со своими „вполнѣ волевыми“ движеніями является истиннымъ субъектомъ исторіи. Дальше этого признанія свободной воли народной массы идти некуда. Прудонъ прямо отрицаетъ обратную зависимость людей отъ объективныхъ законовъ историческаго процесса, т. е, какой бы то ни было историческій детерминизмъ, называя его „экономическимъ фатализмомъ“. Таковъ методъ Прудона, при помощи

---

[1]) „De la capacité politique“, стр. 227.

[2]) Ibid., стр. 64.

[3]) l. c., стр. 72.

[4]) Ibid., стр. 353.

котораго онъ вступаетъ въ смертный бой съ „дурной стороной исторіи“. И этотъ же методъ, какъ мы увидимъ, служитъ впослѣдствіи хорошимъ орудіемъ въ рукахъ „синдикалистовъ“ для обоснованія такъ называемой „теоріи прямого воздѣйствія“ свободнаго субъекта исторіи, пролетаріата, на производственныя отношенія.

Какъ же поступаетъ благородный мозгъ Прудона для реализаціи врожденнаго ему чувства справедливости и пріобрѣтенной имъ идеи взаимопомощи? Передъ нимъ „экономическая анархія“, господство всяческаго произвола, какъ въ лицѣ государственной власти, такъ и въ лицѣ рабочихъ коалицій; передъ нимъ жестокое столкновеніе частныхъ интересовъ, борьба классовъ. Гдѣ же рѣшеніе соціальныхъ проблемъ современности? Замѣтимъ, что Прудонъ не только не признаетъ историческаго детерминизма, но даже не довѣряетъ идеологіи трудящихся массъ. Онъ говоритъ по этому поводу: „Трудящіеся классы еще раздѣляютъ почти всѣ заблужденія эпохи“ [1]). Естественно, что при такихъ предпосылкахъ только методъ его является для него спасительнымъ якоремъ, при помощи котораго онъ спасаетъ себя отъ полнаго банкротства передъ соціальными задачами. Засучивъ рукава своей жреческой мантіи, онъ самолично принимается за сортировку добра и зла въ мірѣ, предавая анафемѣ и немедленному гоненію зло, рекомендуя добро и тщательно стараясь перелицевать въ добро то видимое зло, которое, по его мнѣнію, оказывается не вполнѣ безнадежнымъ для благого употребленія.

Работа этой сортировки у него спорится. Мы уже видѣли въ общей характеристикѣ буржуазнаго строя, какую именно сторону его Прудонъ объявляетъ *дурной* стороной современной исторіи. Нараду съ анафемой власти и государству онъ клеймитъ и менѣе дурныя вещи. Онъ осуждаетъ самый принципъ народнаго представительства, делегированья народомъ своихъ представителей (стр. 25); отвергаетъ и принципъ законодательства— по *большинству* голосовъ (стр. 60) и противополагаетъ ему *аристократію способностей.*

Все положительное въ современной дѣйствительности онъ сортируетъ особо. Но замѣчательное обстоятельство! Безусловно положительными явленіями современности у него являются только: *синдикаты*, долженствующіе осуществить „реорганизацію промышленности, сообразно сужденіямъ всѣхъ ея участниковъ“, а затѣмъ *„новое право“*, основанное на принципахъ прудоновской взаимопомощи. Первому явленію Прудонъ вмѣстѣ съ пресловутыми „шестидесятью рабочими“ придаетъ настолько важное значеніе, что даже *всеобщее избирательное право* онъ цѣнитъ главнымъ образомъ потому, что „однимъ изъ первыхъ и наиболѣе значительныхъ его результатовъ должно быть возстановленіе на новыхъ началахъ естествен-

[1]) Ibid., стр. 63.

ныхъ группъ труда, т. е. *рабочихъ корпорацій* [1])". А его „новое право"—это „свобода, кредитъ, солидарность" [2]).

Такимъ образомъ все то положительное, за что Прудонъ могъ ухватиться въ окружающей его дѣйствительности, спустя сорокъ лѣтъ сдѣлалось прочной основой теоріи „синдикализма". Но самъ Прудонъ еще не имѣлъ сладкой возможности строить свои преобразовательные планы на чистой почвѣ абсолютнаго добра. Это счастье предстояло „чистымъ синдикалистамъ". При Прудонѣ же синдикаты существовали только въ зачаточной формѣ и онъ, отвергавшій свободу коалицій, не могъ, конечно, предвидѣть быстраго развитія синдикатовъ среди стачечныхъ бурь. А „новое право" существовало пока только въ его собственной головѣ. Но зато, если эти возможности были невелики для его времени, велика казалась ему возможность преградить дальнѣйшій путь развитію „отрицательной стороны" капитализма, и на это дѣло было направлено все литературное ратоборство Прудона и расходовалась изобрѣтательность его утопическаго ума. Во всѣхъ рѣшительно проявленіяхъ капиталистическаго развитія капиталистически отсталой Франціи онъ подмѣчалъ хорошую и дурную сторону и силился при помощи своего рецепта „взаимопомощи" соорудить гармонію изъ элементовъ существующаго строя. И повторяемъ, только въ силу условій эпохи результаты, къ которымъ пришелъ Прудонъ, существенно отличны отъ выводовъ современнаго намъ „революціоннаго синдикализма". Въ этомъ мы будемъ имѣть возможность еще не разъ убѣдиться.

Передъ глазами Прудона избирательный манифестъ 60-ти рабочихъ 1864 г. и классовая рабочая кандидатура, выставленная ими противъ кандидатуръ буржуазной демократіи,—это первая ласточка послѣдующаго періода острой классовой борьбы французскаго пролетаріата. И Прудонъ на моментъ воздаетъ должное этому положительному проявленію исторіи. Онъ является въ роли сторонника классовой самостоятельности пролетаріата. Но далеко въ этой „классовой непримиримости" онъ не заходитъ, а только предлагаетъ независимымъ рабочимъ осуществить свою идею „взаимопомощи", а буржуазію уговариваетъ не волноваться изъ-за пустяковъ, такъ какъ это раздѣленіе классовъ „есть простая революціонная случайность". „Оба класса,—говоритъ онъ",—должны взаимно поглотить другъ друга въ высшемъ самосознаніи [3]). Дальше онъ заявляетъ: „Подобно тому, какъ общая цѣль связываетъ городскихъ и деревенскихъ рабочихъ, такой же является связь между рабочей демократіей и среднимъ классомъ: пусть бы та и другая сторона могли понять, что ихъ спасенье—въ союзѣ между собой [4])".

---

[1]) Ibid., стр. 67.
[2]) Ibid., стр. 65.
[3]) Ibid., стр. 51.
[4]) Ibid., стр. 179.

Онъ затѣмъ успокаиваетъ буржуазію и указаніемъ но то, что его принципъ взаимопомощи основанъ на нуждахъ производства и подчиняется только имъ, а не отвлеченной системѣ, или духу партійности: словомъ, это-профессіонализмъ. Этимъ, по его мнѣнію, „новой демократіи обезпечены живѣйшія симпатіи мелкихъ буржуа, мелкихъ промышленниковъ и мелкихъ коммерсантовъ"[1]). Равнымъ образомъ пресловутый „манифестъ" обѣщаетъ рабочимъ въ системѣ взаимопомощи положеніе „свободныхъ коммерсантовъ", а мелкую буржуазію призываетъ отъ имени пролетаріата: „соединимся для общей цѣли, ради тріумфа истинной демократіи[2])". И тутъ же онъ поясняетъ, что все это предлагается не съ цѣлью сдачи занятыхъ позицій, а лишь для того, чтобы „положить конецъ всѣмъ тѣмъ аномаліямъ и пертурбаціямъ, которыя здравая критика всегда считала причинами нищеты и пролетаріата[3])". Словомъ, Прудонъ логически послѣдовательно въ свое время приходитъ къ идеѣ соціальнаго примиренія только благодаря методу устраненія „дурной стороны исторіи". Прудонистъ начала слѣдующаго столѣтія долженъ будетъ, практикуя тотъ же методъ, притти къ идеѣ пролетарской изолированности и къ идеализаціи замкнутыхъ синдикатовъ во имя сохраненія „хорошей стороны исторіи". Онъ будетъ вынужденъ при томъ же методѣ придти къ инымъ выводамъ потому именно, что развитіе классовой борьбы не обѣщаетъ ему ничего „хорошаго" въ попыткахъ ослабить классовую борьбу. И тѣмъ не менѣе этотъ „новый" доктринеръ будетъ все тѣмъ же старымъ, добрымъ прудонистомъ.

Мы уже говорили, что въ виду скудости капиталистическаго строя по части хорошихъ качествъ Прудонъ занимается старательной чинкой двусторонних и двусмысленныхъ качествъ этого строя. Централизованное государство признано зломъ, такъ какъ оно служитъ орудіемъ господства буржуазіи. Но Прудонъ находитъ возможнымъ, абсолютно благимъ принципомъ федералистическій строй государства. Онъ дѣлаетъ это исключительно на томъ основаніи, что „федерализмъ" является успѣшнымъ средствомъ борьбы съ произволомъ централизованной власти. И здѣсь панацеей объявляется то, что способно теперь же умертвить „дурную сторону исторіи". Но у духовныхъ чадъ Прудона скоро исчезнетъ эта вѣра въ хорошія свойства федералистическаго государства, и они принуждены будутъ по тому же методу отвергнуть совершенно всякую государственность, къ которой Прудонъ все еще совѣтуетъ прибѣгать.

Даже конкурренцію онъ, непримирный врагъ „экономической анархіи", не рѣшается отбросить въ своемъ штопаніи прорѣхъ существующаго строя. Конкурренція даже оказывается для него чрезвычайно удобной основой

---

1) Ibid., стр. 135.
2) l. c., стр. 137.
3) l. c., стр. 137.

„взаимопомощи“. И онъ вмѣстѣ съ „шестьюдесятью“ учениками „провозглашаютъ *свободу труда*“ и „допускаютъ конкурренцію“ [1]). Принципъ взаимопомощи долженъ смягчить горечь конкурренціи [2]).

Наконецъ, послѣ всей этой генеральной чинки обветшавшаго общественнаго строя передъ нами волей Прудона предстаетъ совершенный образъ строя „взаимопомощи“. Онъ описываетъ его на многихъ страницахъ своей книги, но наиболѣе выразительнымъ намъ кажется слѣдующее его изображеніе:

Взаимопомощь есть „формула справедливости..., въ силу которой члены общества всякаго ранга, состоянія и происхожденія, корпораціи или индивидуумы, семьи или населенные центры, промышленники, земледѣльцы или общественные агенты, взаимно обѣщаютъ и гарантируютъ другъ другу: услугу за услугу, кредитъ за кредитъ, выгоду за выгоду, обезпеченіе за обезпеченіе, стоимость за стоимость, освѣдомленіе за освѣдомленіе, добросовѣстность за добросовѣстность, правду за правду, свободу за свободу, собственность за собственность“ [3])...

Въ общихъ чертахъ этотъ соціальный проектъ является довольно идеальнымъ, несмотря на то, что рисунокъ его расшитъ на реальной канвѣ современной дѣйствительности. Но въ болѣе подробномъ изложеніи онъ уже въ книжкѣ Прудона обнаруживаетъ передъ нами свои прозаическія свойства. Къ чему, напримѣръ, онъ приводитъ рабочихъ, какъ таковыхъ? Прудонъ, характеризуя этотъ идеальный, по его мнѣнію строй, говоритъ: „Рабочія ассоціаціи призваны играть здѣсь важную роль. Поставленныя въ связь съ системой общественнаго образованія, онѣ становятся одновременно очагами производства и воспитанія... Договоръ объ ученичествѣ, составляемый подъ покровительствомъ воспитательныхъ учрежденій..., превращается въ актъ взаимопомощи между всѣми отцами семействъ различныхъ профессій, причемъ происходитъ, такъ сказать, только обмѣнъ дѣтьми“ [4]). Словомъ, устанавливаются патріархальныя отношенія, близкія къ натуральному хозяйству. И таковы всѣ „гарантіи“ прудонизма противъ золъ и бѣдъ капиталистическаго развитія.

Наконецъ, въ качествѣ преміи къ своему строю взаимопомощи Прудонъ обѣщаетъ французамъ ненарушимый внутренній миръ. „Порядокъ въ вашей средѣ никогда не будетъ нарушаться“ [5]).

И не даромъ Прудонъ такъ ярко рекламируетъ свои соціальные проекты. Для прудонизма вообще характерна неувѣренность въ томъ, что его соціологическія построенія будутъ осуществлены. О Прудонѣ лично-

---

1) Ibid., стр. 67.
2) Ibid. стр. 334.
3) Ibid., стр. 151.
4) Ibid. стр. 288.
5) Ibid., стр. 329.

можно даже сказать, что онъ не столько отрицалъ историческій детерминизмъ, сколько, слѣдуя своей отвлеченной идеѣ, объявлялъ войну естественному ходу исторіи. Онъ даже больше сознавалъ близость осуществленія коммунизма, чѣмъ своего строя взаимопомощи. Онъ говоритъ: „мы отстоимъ отъ чистаго, политическаго и экономическаго коммунизма только на толщину конституціи, т. е. листа бумаги“ [1]). Но онъ не высоко ставитъ самый идеалъ коммунизма, а потому предпочитаетъ *„вѣрить“* въ свою „Идею новой демократіи“,—черта, свойственная всякому идеалистическому міровоззрѣнію.

Въ набросанныхъ нами штрихахъ безполезно было бы искать критическій портретъ экономиста и философа П. Ж. Прудона. Но это уже и сдѣлано К. Марксомъ въ „Нищетѣ философіи“. Здѣсь же читатель найдетъ только бѣглую характеристику той дурной наслѣдственности, которая осталась отъ Прудона его преемникамъ, французскимъ „синдикалистамъ“. Предлагаемъ читателю фиксировать въ памяти этотъ набросокъ, и затѣмъ предоставляемъ уже ему самому судить при чтеніи нашихъ очерковъ теоріи такъ называемаго „революціоннаго синдикализма“: имѣемъ ли мы въ лицѣ этой доктрины дѣло съ *марксистомъ*, или съ противоположнымъ полюсомъ исторической мысли,—*прудонизмомъ*? Сами же мы не будемъ постоянно возвращаться къ этому сопоставленію.

III.

Ж. Сорель. „Соціалистическое будущее синдикатовъ“.

Для того, чтобы сколько-нибудь основательно познакомиться съ теоріей такъ называемаго „революціоннаго синдикализма“, необходимо начать съ изученія сочиненій главы этой „новой школы“, французскаго инженера и критика марксизма, *Жоржа Сореля* (*George Sorel*). Безъ знакомства съ его статьями немыслимо не только критическое отношеніе къ этому новому виду соціалистическаго ревизіонизма, но и удовлетворительное знаніе предпосылокъ, метода и выводовъ этой доктрины.

Ж. Сорель,—очень популярный писатель соціологической литературы во Франціи и Италіи. Его статьи напечатаны въ рядѣ французскихъ revues, какъ-то: Devenir Social, l'Humanité nouvelle, Revue politique et parlementaire и др., а равно и въ итальянскихъ журналахъ и прежде всего въ „Divenire sociale“, органѣ итальянскихъ соціалистовъ-синдикалистовъ. У насъ въ Россіи имя Сореля связано съ именемъ итальянца Антоніо Лабріолы, и извѣстно было до послѣдняго времени главнымъ образомъ по письмамъ Лабріолы къ Сорелю, изданнымъ и въ русскомъ переводѣ.

---

[1]) Ibid., стр. 237.

Нѣкоторыя изъ журнальныхъ статей Сореля уже сгруппированы въ сборники и въ этомъ видѣ пополняютъ рядъ его книгъ по вопросамъ критики марксизма, экономической политикѣ и теоріи профессіональнаго (синдикальнаго) рабочаго движенія. Но наиболѣе авторитетной и популярной у учениковъ „новой школы“ является небольшая, въ 86 страницъ малаго формата, книжка Сореля: „L'avenir socialiste des syndicats“—„Соціалистическое будущее синдикатовъ“. Ядро этой книги состоитъ изъ текста статьи, написанной въ 1898 г. въ журналѣ: „L'humanité nouvelle“, а затѣмъ переизданной съ новыми подстрочными и заключительными примѣчаніями и предисловіемъ [1]). Книжка играетъ роль Vade mecum'a „синдикалистовъ“, несмотря на то, что въ полнотѣ обоснованія своихъ положеній далеко уступаетъ позднѣйшимъ статьямъ Сореля и не можетъ служить исчерпывающимъ изложеніемъ основъ этой быстро измѣняющейся доктрины. Поэтому успѣхъ ея слѣдуетъ объяснить, во-1-хъ, стройностью и ясностью ея изложенія, чѣмъ она выгодно отличается отъ многихъ другихъ статей того же автора, и во-2-хъ, тѣмъ, что зачаточная форма синдикалистской доктрины здѣсь еще достаточно прочно примыкаетъ къ революціонному марксизму. Поэтому положенія книжки служатъ удобнымъ и пріятнымъ обоснованіемъ дальнѣйшихъ выводовъ для нѣкоторыхъ теоретиковъ „синдикализма“, не желающихъ (какъ, напр., Артуро Лабріола) отказываться отъ эксплоатаціи авторитета К. Маркса и марксизма для нуждъ своей школы.

Эта книжка Сореля, вѣроятно, вскорѣ появится и на русскомъ языкѣ въ ряду другихъ прозведеній синдикалистской литературы. И весьма возможно, будетъ встрѣчена у насъ съ обычнымъ славянскимъ гостепріимствомъ. Марксистская терминологія, многочисленныя и почтительныя ссылки на „Капиталъ“ и „Коммунистическій Манифестъ“, немножко французскаго соціалистическаго паѳоса и много умѣлой демагогіи—всего этого достаточно для того, чтобы книжка этого „нео-марксиста“, теперешняго открытаго врага революціоннаго марксизма, встрѣтила довѣрчивый пріемъ у русскаго читателя соціалистической литературы. Но „по одежкѣ встрѣчаютъ, по уму провожаютъ“.

Самъ Сорель не признается въ произвольности своего толкованія марксизма. Онъ говоритъ: „Прежде всего слѣдуетъ опасаться смѣшенія *теорій* Маркса съ программами партій, которыя рекламируютъ себя именемъ автора „Капитала“ [2]). Предоставимъ читателю самому въ дальнѣйшемъ судить, насколько Ж. Сорель чистъ отъ обвиненія именно въ этомъ грѣхѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, кого мы встрѣчаемъ въ лицѣ г-на Ж. Сореля? Онъ называетъ себя „марксистомъ“. Но что скрывается подъ этимъ эпитетомъ,

---

[1]) „Bibliothèque d'études socialiste“. Paris, libr. Jacques. 1901 г.

[2]) „L'avenir socialiste des syndicats“, G. Sorel. Paris 1901, стр. 2.

который уже полвѣка служитъ своего рода литературнымъ „псевдонимомъ" писателей, поставляющихъ продуктъ своего умственнаго труда читающему пролетаріату? Постараемся рѣшить это при изученіи названной книжки его.

Прежде всего необходимо отмѣтить одно обстоятельство. Обособленное изученіе этого сочиненія Ж. Сореля представляетъ для нашей цѣли свои выгоды и неудобства. Неудобства заключаются въ томъ, что въ данной статьѣ Сорель не приводитъ своихъ основныхъ предпосылокъ [1]) и намъ самимъ придется дѣлать заключеніе какъ о нихъ, такъ и о методѣ автора. Выгода же ознакомленія съ этимъ трудомъ Сореля въ отдѣльности отъ остальныхъ зависитъ отъ одной особенности міровоззрѣнія этого писателя. Дѣло въ томъ, что для него источникомъ соціальной мудрости является *сознаніе пролетаріата*, а стало быть „мудрость" его собственныхъ отдѣльныхъ твореній отражаетъ въ себѣ только одинъ данный моментъ развитія пролетарской идеологіи. И дѣйствительно мысли его отъ одного труда до другого претерпѣваютъ эволюцію, соотвѣтствующую быстрой текучести самосознанія массъ нашей эпохи.

Въ книжкѣ „Соціалистическое будущее синдикатовъ" мы видимъ одну изъ попытокъ Сореля разрѣшить проблему соціальнаго прогресса путемъ изученія интеллектуальныхъ силъ современнаго пролетаріата. Соціальная проблема современности устанавливается въ ней такъ: „Предметомъ изслѣдованія является уже не то, *чѣмъ должно быть общество*, но то, *что можетъ осуществить пролетаріатъ* въ современной борьбѣ классовъ".

Сорель правъ, когда онъ ставитъ отвергаемую имъ постановку проблемы въ упрекъ утопистамъ, которые рѣшали съ этической и утилитарной точекъ зрѣнія, чѣмъ *должно быть* общество. Но позволительно усомниться въ правильности его собственной постановки проблемы. Прежде всего возникаетъ вопросъ о томъ, что въ этомъ взглядѣ общаго съ марксизмомъ. Вѣдь матеріализмъ автора „Капитала" опредѣляетъ всѣ возможности субъективнаго характера одной только *объективной* возможностью, которая, какъ таковая, является исторической необходимостью.

Но даже, не входя въ обсужденіе того, насколько опредѣленіе Сореля *противорѣчитъ* марксизму, необходимо признать, что его постановка громадной соціальной проблемы не можетъ быть сочтена полной и исчерпывающей съ точки зрѣнія предпосылокъ марксизма. Дѣйствительно, она исчерпывала бы проблему, если бы пролетаріатъ былъ—какъ это заявлялъ Прудонъ—свободнымъ субъектомъ исторіи. Въ этомъ случаѣ исто-

[1]) Общее обоснованіе было сдѣлано писателемъ въ первоначальномъ текстѣ статьи, но при переизданіи ея въ видѣ брошюры опущено авторомъ. *П. С.*

рическій ходъ „современной борьбы классовъ“ исходилъ бы отъ этого „субъекта исторіи“ и изученіе соціальныхъ законовъ базировало бы прежде всего на изученіи жизни, дѣятельности, идеологіи и этики пролетаріата. Но разъ самъ пролетаріатъ и всѣ проявленія его существованія являются производными экономическихъ факторовъ общественнаго развитія, то базой проблемы должна быть область развитія экономическихъ факторовъ, а не способности—capacité juridique et politique—пролетаріата, къ которымъ Сорель сводитъ все дѣло. Стало быть, одно изъ двухъ: или Сорель долженъ признать свою постановку проблемы частной, или же, если онъ считаетъ ее основной, то его методъ пониманія исторіи не монистиченъ, и въ основу изученія историческаго процесса имъ кладется противоположеніе субъекта и объекта.

Сорель, какъ мы увидимъ, стоитъ именно на этой второй точкѣ зрѣнія. При этомъ все ученіе объ исторической необходимости законовъ развитія производства и общества онъ сводитъ къ односторонней формулѣ, приписываемой имъ К. Марксу: „развитіе каждой изъ системъ создаетъ матеріальныя условія для осуществленія существенныхъ и длительныхъ измѣненій въ соціальныхъ отношеніяхъ, внутри которыхъ это развитіе совершилось... Это положеніе... сильно ограничиваетъ область воли—даже тогда, когда матеріальная сила находится въ распоряженіи сознательной воли“ [1]). Такой формулировкой исторической необходимости Сорель все-таки оставляетъ за „субъектомъ“ способность воздѣйствовать непосредственно на соціальныя отношенія, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями. По его представленію, „объектъ“ развивается по имманентнымъ законамъ, но отсюда проистекаетъ только *ограниченность* сознательной воли. Онъ, стало быть, не признаетъ абсолютной подчиненности человѣческой воли и сознанія—въ дѣлѣ воздѣйствія на соціальныя отношенія—экономическимъ условіямъ. Въ противоположность этому, К. Марксъ видитъ эту подчиненность: 1) въ томъ, что экономическій строй опредѣляется тѣмъ, какими орудіями человѣкъ пользуется въ данную эпоху [2]) и 2) въ томъ, что, дѣйствуя въ процессѣ производства на внѣшнюю природу, человѣкъ въ то же время измѣняетъ и свою собственную природу [3])“. Поэтому у Маркса существующія соціальныя отношенія съ необходимостью вытекаютъ изъ даннаго способа производства и ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть постепенно преобразуемы сознательной волей пролетаріата, прежде чѣмъ не будетъ установленъ новый коммунистическій *способъ производства*, для чего должна быть сначала осуществлена „экспропріація экспропріаторовъ“. И только тогда, по смыслу научнаго соціализма, смогутъ установиться совершенно иныя „социалистическія“, „коммунистическія“ соціальныя отношенія.

---

[1]) Ibid., стр. 3, 4.

[2]) К. Марксъ. „Капиталъ“, т. I. Спб. 1899 г. стр., 128.

[3]) l. c., стр. 126.

Будь Сорелемъ признана эта обратная зависимость человѣка—а стало быть и класса—отъ процесса производства, то ему не было бы надобности въ „субъектахъ" и „объектахъ" для объясненія историческаго процесса; не оказались бы „объектомъ" воли соціальныя—производственныя—отношенія, которыя на дѣлѣ являются *необходимымъ* результатомъ даннаго способа воздѣйствія человѣка на природу и природы на человѣка; не было бы его теоріи „прямого воздѣйствія" на эти соціальныя отношенія, т. е. пресловутой „action directe", не было бы доктрины „революціоннаго синдикализма" и, наконецъ, Сорель не былъ бы „отцомъ синдикализма", а оставался бы скорѣе всего, просто инженеромъ, мозгъ котораго съ большей пользой изощрялся бы въ „прямомъ воздѣйствіи" на матеріальную природу.

Разъ въ объясненіе историческаго процесса введены понятія субъекта и объекта, современный пролетаріатъ становится „субъектомъ исторіи". Въ дальнѣйшемъ развитіи доктрины „революціоннаго синдикализма", которое происходитъ одновременно съ обостреніемъ классовой борьбы во Франціи, пролетаріату будетъ приписана уже роль могучаго деміурга исторіи, шагъ за шагомъ—morceau par morceau, lambeau par lambeau—овладѣвающаго производственными и вообще соціальными отношеніями. Но еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ при учетѣ рабочаго движенія прошлыхъ десятилѣтій Сорель въ разсматриваемой нами книжкѣ тщательно соблюдалъ связь своей доктрины съ экономическимъ матеріализмомъ К. Маркса.

Поэтому онъ въ книжкѣ: „L'avenir socialiste des syndicats" еще не доходитъ до полнаго развитія идеалистической теоріи „прямого воздѣйствія" и „пролетарскаго насилія", а, наоборотъ, старается найти „гарантіи" того, что пролетаріатъ будетъ воспитываться въ духѣ синдикалистскаго права и морали. Но и тутъ ему не удается быть „марксистомъ".

И онъ подмѣняетъ объективную логику классовой борьбы рецептурой воспитательныхъ средствъ и классовую „непримиримость"—соціальнымъ самоограниченіемъ пролетаріата, своеобразнымъ „бойкотированьемъ" буржуазнаго строя.

Съ точки зрѣнія научнаго соціализма хаосъ безсознательнаго историческаго процесса долженъ освѣщаться свѣтомъ научнаго обобщенія и прогноза, но съ этой же точки зрѣнія смѣшна хлопотливая заботливость субъективиста о судьбѣ *всего* общества, о ходѣ *всего* процесса исторіи, готоваго якобы на каждомъ шагу запнуться о препоны, чинимыя ему злокозненными продѣлками Мильерановъ, Жорэсовъ и прочей „политической интеллигенціи". Но Сорелю не до смѣха. Дитя капиталистическаго режима, *пролетаріатъ*, нуждается въ самомъ нѣжномъ уходѣ, въ самомъ раціональномъ воспитаніи. Не досмотришь—сглазятъ. И тогда кто, спрашивается, будетъ осуществлять желанный соціализмъ? Кто перевоспитаетъ развращеннаго ребенка? Не *добрый ли деспотъ*, изображенный

Платономъ?—le *bon despote* imaginé par Platon?—съ ироніей спрашиваетъ насъ Ж. Сорель. Ему, конечно, невдомекъ, что желая иронизировать, онъ сказалъ мудрое слово, и что матеріальная природа, бывшая въ одну эпоху борьбы человѣка съ нею его *злымъ деспотомъ*, должна, повидимому, стать въ грядущую эпоху обобществленнаго производства его *добрымъ деспотомъ*. Но Сорель не знаетъ утѣшеній экономическаго матеріализма и продолжаетъ трепетать за судьбу прогресса. Ему чудится грозная опасность со стороны соціалистической „интеллигенціи". Она опасна потому, что посягаетъ на власть, на „*представительную диктатуру*" отъ имени пролетаріата, тогда какъ она уже скомпрометирована своей современной ролью. Сорель утверждаетъ, что существованіе ея, иначе сказать, „раздѣленіе рабочихъ на интеллектуальныхъ и ручныхъ", „является главной основой современной іерархіи" [1]). Такъ какъ „іерархія" здѣсь отождествляется съ наличностью соціальнаго гнета и считается его прямой причиной, а не обратно, то обвиненіе, падающее на интеллигенцію, представляется нешуточнымъ. Она—корень зла. Но гдѣ же обоснованіе этого тяжкаго обвиненія интеллигенціи въ установленіи „іерархіи"? Вмѣсто этого обоснованія мы съ изумленіемъ получаемъ (l. c.) такой текстъ изъ „Капитала": „Отдѣленіе духовныхъ силъ процесса производства отъ ручного труда и превращеніе ихъ въ силы, посредствомъ которыхъ капиталъ правитъ трудомъ, окончательно завершается, какъ мы это уже и раньше указывали, въ крупной промышленности, покоющейся на машинномъ фундаментѣ. Спеціальное искусство отдѣльнаго, лишеннаго всякаго содержанія, машиннаго рабочаго исчезаетъ, какъ жалкая и мелкая подробность, передъ наукой, передъ огромными силами природы и передъ общественнымъ массовымъ трудомъ, воплощенными въ машинной системѣ и составляющими вмѣстѣ съ ней могущество „хозяина" (master [2]).

Мы видимъ здѣсь и въ контекстѣ указаніе на ростъ, раздѣленіе и концентрацію такихъ производительныхъ силъ, какъ „духовныя силы", т. е. наука,—машинизмъ, и, наконецъ, пролетаріатъ, въ видѣ концентрированнаго цѣлаго — въ противоположность эксплоатируемой людской особи. Марксъ здѣсь указываетъ на поглощеніе капиталомъ этихъ духовныхъ силъ и превращеніе ихъ въ силы, посредствомъ которыхъ капиталъ правитъ трудомъ. Но значитъ ли это, что „духовныя силы",—или, что то же, „наука", а у Сореля „интеллигенція" являются „*основой* современной іерархіи"?—Конечно, нѣтъ! А значитъ ли это, что онѣ способны только порабощать? Сорель безъ колебаній отвѣчаетъ на это утвердительно и даетъ своей „школѣ" пароль всячески предотвращать „предста-

---

[1]) „L'avenir socialiste des syndicats", G. Sorel, стр. 14.

[2]) „Капиталъ", К. Марксъ, т. I Цитир. по русск. перев. Спб. 1899 г., стр. 346.

вительную диктатуру“ соціалистовъ-политиковъ. Но совсѣмъ не такъ смотритъ К. Марксъ на роль производительныхъ силъ, созданныхъ капиталомъ. Онъ говоритъ: „Капиталъ производителенъ... какъ поглотитель и присвоитель, а равно и какъ воплощеніе производительныхъ силъ общественнаго труда и общественныхъ производительныхъ силъ вообще, какова, напримѣръ, „наука“ [1]).

Стало быть, у Маркса наука и „интеллигенція“ такъ же, какъ и самъ пролетаріатъ, являются *общественными* производительными силами. И въ ихъ лицѣ капиталъ порождаетъ своихъ собственныхъ могильщиковъ. Впрочемъ, для пониманія этого внутренняго противорѣчія капитализма необходимо въ теоріи слѣдовать по пути діалектическаго развитія историческаго процесса, а у насъ нѣтъ основаній предъявлять Сорелю требованія такихъ чуждыхъ ему законовъ мышленія.

И вотъ, доказавши „по Марксу“, что „интеллигенція“ неспособна быть орудіемъ пролетарскаго освобожденія, Сорель дополняетъ это доказательство своими собственными доводами. Онъ дѣлаетъ „интеллигенцію“ вторымъ субъектомъ исторіи и надѣляетъ ее, въ силу этого, свойствомъ вліять непосредственно на соціальныя отношенія. Отсюда истекаетъ его опасеніе, что „интеллигенція“ сможетъ на другой день послѣ соціальной революціи, безъ всякой базы капиталистическихъ производственныхъ отношеній, создать новое господство. „Къ этому ее, по его мнѣнію, побудитъ соціальная революція, которая для нея явится „гигантскимъ локаутомъ“.

Этотъ локаутъ ожидаетъ интеллигенцію за то, что интеллектуальный трудъ, даже и эксплоатируемый капиталомъ, есть *„занятіе лже-пролетаріевъ“* и потому будетъ уничтоженъ при „соціализаціи средствъ производства.“ Надо сознаться, что убѣдительнаго въ этомъ доводѣ Сореля чрезвычайно мало. Но еще менѣе убѣдительно его указаніе на сокращеніе функцій интеллектуальнаго труда въ организованномъ производствѣ, такъ какъ это сокращеніе вполнѣ аналогично сокращенію функцій всякаго труда въ процессѣ концентраціи и организаціи производства и такъ же мало, какъ и это послѣднее, ведетъ къ „грандіозному локауту“ даннаго вида труда въ коммунистическомъ обществѣ. Но Сорель непоколебимъ въ своей враждѣ къ „интеллигенціи“ и изгоняетъ ее бичомъ изъ соціалистическаго рая.

Казалось бы, Сорель могъ остановиться на этомъ отверженіи *интеллигентнаго пролетаріата*. Но онъ идетъ дальше и отрицаетъ *пролетарскую интеллигенцію*. Онъ заимствуетъ у Платона [2]) такое предостереженіе: „Развѣ возникновеніе въ тѣлѣ пролетаріата отношеній *политической подчиненности*, порожденной его организаціей, не мо-

---

[1]) „Теоріи прибавочной стоимости“, К. Маркса. Цит. по русск. изд. Спб. 1906 г., вып. I, стр. 320.

[2]) „L'avenir socialiste des syndicats“, G. Sorel., стр. 23.

жетъ поставить въ опасное положеніе самое существованіе пролетаріата, какъ единаго тѣла и вызвать... возстановленіе несправедливости и экономической эксплоатаціи въ скрытой формѣ? [1]) Дѣйствительно, *всѣ диктатуры* демократическія и пролетарскія всегда приводили только къ возстановленію соціальныхъ неравенствъ" [2]).

Итакъ, Сорель соглашается съ г-номъ Платономъ, что недопустимо даже возвышеніе самихъ пролетаріевъ до ролей исполнителей „пролетарской диктатуры". Наконецъ, на послѣднихъ страницахъ книжки онъ договаривается до того, что закрываетъ пролетаріямъ вообще доступъ въ интеллигенцію. Онъ говоритъ: „Предоставимъ суету идеологическаго образованія интеллигентности пролетаріата и возьмемся за истинно-соціалистическую задачу,—за производство производителей, умѣющихъ вести себя въ мастерской" [3]).

Мы уже объяснили, почему Сорель долженъ такъ трепетать за участь прогресса и своеобразную „чистоту" пролетарской психологіи. Вѣдь эта психологія является *единственнымъ* источникомъ двигательной энергіи пролетаріата по пути прогресса, и самый этотъ источникъ ничѣмъ не гарантированъ. Сорель такъ и говоритъ: „Члены синдикатовъ... прекрасно сознаютъ, что если рабочій согласится на подчиненіе руководству *лицъ, чужихъ* его *производственной корпораціи*, то онъ всегда останется неспособнымъ къ самоуправленію...: *эксплоатація рабочихъ будетъ продолжаться*" [4]). И тутъ же онъ указываетъ на описаніе у Маркса „этого состоянія недоразвитія пролетаріата". Слушайте, читатель, еще одну цитату, выдернутую изъ Маркса, и удивляйтесь той непринужденности, съ которой „духъ романскихъ народовъ" толкуетъ порожденія „нѣмецкаго духа". Марксъ въ концѣ главы о коопераціи характеризуетъ идеологію пролетаріата въ томъ ея видѣ, какъ она выростаетъ въ условіяхъ капиталистическаго способа производства: „Сочетаніе ихъ (наемныхъ рабочихъ) функцій и ихъ единство въ качествѣ совокупнаго производительнаго организма, такъ сказать лежатъ внѣ самихъ рабочихъ... Взаимная связь ихъ индивидуальныхъ работъ является для нихъ поэтому въ идеѣ—планомъ капиталиста, а на практикѣ—авторитетомъ капиталиста, властью чужой воли, подчиняющей ихъ дѣятельность своей цѣли" [5]). Здѣсь Марксъ рисуетъ намъ картину того, какъ при эксплоатаціи капиталомъ „общественнаго процесса труда" (l. c.) рабочіе не сознаютъ ни того, что ихъ гнетутъ непосредственно объективныя условія капиталистическаго произ-

---

1) Г-нъ Платонъ, однофамилецъ греческаго философа, состоитъ сотрудникомъ журн. „Devenir social."

2) Ibidem., стр. 11.

3) Ibid., стр. 86.

4) Ibid., стр. 24. Курсивъ нашъ.

5) „Капиталъ", т. I. Цитир. по русск. перев. Спб. 1898 г., стр. 263.

водства, ни того, что трудъ ихъ носитъ общественный характеръ. Поэтому, заключаетъ Марксъ, гнетъ капитала олицетворяется для рабочихъ въ умѣ и волѣ капиталиста. Но развѣ отсюда слѣдуетъ, будто бы *это сознаніе* пролетарскихъ и полупролетарскихъ массъ необходимо должно переродиться еще до обобществленія орудій производства и установленія новыхъ производственныхъ отношеній? Нѣтъ. Разсчеты соціальной революціи строятся исключительно на томъ, что массы посочувствуютъ „экспропріаціи экспропріаторовъ", т. е. реализуютъ именно это, только что указанное, сознаніе, направляющее ихъ ненависть противъ капиталистовъ. А. Сорель считаетъ эту степень сознательности „состояніемъ недоразвитія пролетаріата".

Теперь передъ нимъ возникаетъ не малый вопросъ о томъ, какъ гарантировать массамъ необходимую, по его мнѣнію, высокую мораль. „Существуетъ ли механизмъ, способный гарантировать развитіе морали [1])?" И онъ пускается въ поиски тѣхъ гарантій, которыя указаны экономическимъ матеріализмомъ Маркса въ одномъ уже процессѣ развитія соціальныхъ противорѣчій. При этомъ въ разсматриваемой книжкѣ, т. е. въ періодъ нѣсколько запоздалаго увлеченія заурядньмъ трэдъ-юніонизмомъ, Сорель находитъ искомую гарантію въ синдикатахъ и коопераціяхъ, а позднѣе эта гарантія усматривается имъ въ томъ, что пролетаріатъ постепенно овладѣваетъ производственными отношеніями путемъ своей „action directe" и затѣмъ уже морально перерождается въ оазисахъ обобществленнаго производства.

Впрочемъ, и въ разсматриваемой книжкѣ Сорель уже намѣчаетъ весь воображаемый имъ путь развитія пролетаріата вплоть до „юридической и политической зрѣлости", подъ которой Сорель разумѣетъ вполнѣ зрѣлую соціалистическую идеологію, правосознаніе и мораль. Иными словами, въ концѣ пути капиталистическаго развитія, но до осуществленія соціальнаго переворота, онъ видитъ индивида-пролетарія въ совершенномъ обликѣ человѣка будущаго строя. Такое перерожденіе пролетарія является, по его мнѣнію, необходимымъ условіемъ осуществленія соціальной революціи и въ развитіи этого совершеннаго типа онъ видитъ „соціалистическое будущее синдикатовъ".

Эволюція пролетарскаго интеллекта совершается у Сореля главнымъ образомъ въ области правосознанія. Въ основѣ пролетарской эмансипаціи лежитъ „новое право". „Мысль Маркса не можетъ порождать сомнѣнія: превращеніе должно совершиться при посредствѣ внутренняго механизма; новое право должно быть создано въ нѣдрахъ пролетаріата, его собственными усиліями" [2]). Развѣ коалиціи не порождаютъ юридическихъ принциповъ, которые противорѣчатъ принципамъ, освященнымъ тра-

---

[1]) „L'avenir socialiste des syndicats", стр. 54.

[2]) Ibid., стр. 27.

дицiей [1]). Что же это за „новое право". Сорель указываетъ намъ двѣ главныя нормы его: солидарность и взаимопомощь. „Интересы всѣхъ (пролетаріевъ) солидарны" [2]). И вотъ примѣръ этой солидарности: „рабочіе считаютъ, что всѣ стачечники должны быть принимаемы обратно и они не колеблются приносить самыя тяжелыя жертвы для того, чтобы добиться возвращенія своихъ уволенныхъ товарищей" [3]). Увѣнчаніе этой солидарности и новыхъ правоотношеній Сорель видитъ въ слѣдующемъ: „тамъ, гдѣ синдикаты хорошо организованы, переговоры относительно примѣненія тарифовъ уже болѣе не ведутся между рабочими и приказчиками, но между должностными лицами рабочихъ союзовъ и хозяевами" [4]). „Такова,—прибавляетъ Сорель,—система новыхъ правъ". Школой новой морали — солидарности — Сорель считаетъ англійскій трэдъ-юніонизмъ, свѣдѣнія о которомъ онъ черпаетъ и предлагаетъ читателю изъ книжки реакціоннаго писателя de Rouners: „De trade-unionisme en Angleterre" (Paris, 1897 г.). Отъ него Сорель узнаетъ, что „трэдъ-юніоны были превосходной школой для рабочихъ".

Мы уже указывали, что для „революціоннаго синдикализма" источникомъ соціальной мудрости является практическій разумъ рабочихъ въ ихъ повседневной борьбѣ. Теоретики синдикализма прямо отсылаютъ „идеологовъ" учиться этой мудрости у пролетаріевъ. И Сорель въ данномъ случаѣ поступаетъ какъ разъ по этому рецепту. Онъ не изучаетъ критически правосознанія, выработаннаго въ англійскихъ массахъ старымъ трэдъ-юніонизмомъ, а просто воспроизводитъ его въ натуральномъ видѣ. Поэтому онъ критикуетъ только тѣ методы рабочаго движенія, которые уже дискредитированы самой практикой и сознаніемъ трэдъ-юніонистовъ. Онъ отвергаетъ: уставы старыхъ союзовъ, ихъ систему обложенія, но зато возводитъ въ идеалъ профессіональную замкнутость союзовъ. „Опытъ показалъ,—говоритъ онъ,—что не выгодно умножать количество приверженцевъ въ ущербъ качеству". Подтвержденіе этому онъ видитъ въ словахъ де-Рузье: „Поглощеніе слабыхъ элементовъ ослабляетъ" [5]).

Наряду съ одобреніемъ трэдъ-юніонистской замкнутости у Сореля стоитъ отрицаніе „союзовъ сопротивленія". Онъ говоритъ: „Низводить синдикаты до уровня простыхъ союзовъ сопротивленія—это значитъ создавать серьезную преграду развитію пролетаріата!.. это значитъ препятствовать ему вырабатывать, сообразно своему образу жизни, новые принципы права" [6]).

---

1) l. c., стр. 27.
2) l. c., стр. 28.
3) l. c., стр. 29.
4) l. c., стр. 30.
5) l. c., стр. 33.
6) l. c., стр. 35, 36.

Такое превозношеніе тредъ-юніонистской замкнутости и отрицаніе „союзовъ сопротивленія“ чрезвычайно характерно для того, что Сорель называетъ „новымъ правомъ“. Становится очевидно, что „солидарность“, эта первая норма синдикалистскаго „новаго права“, *не есть просто* стачечная солидарность пролетаріевъ. Это есть специфическая *трэдъ-юніонистская* солидарность. Отсюда уже не трудно понять, что собственно Сорель называетъ именемъ „новаго права“. Но для полноты этого пониманія познакомимся съ сорелевской характеристикой второй нормы синдикалистскаго права—*взаимопомощи.*

Сореля чрезвычайно удивляетъ „отвращеніе, которое многіе марксисты питаютъ къ коопераціи“ [1]). Онъ лично полагаетъ, что „кооперативы въ рабочемъ классѣ развиваютъ новыя юридическія представленія“... а именно „представленія, вытекающія изъ взаимопомощи и солидарности“ [2]). Но онъ и тутъ—надо отдать ему эту справедливость — подвергаетъ критикѣ тѣ формы коопераціи, которыя успѣли уже скомпрометтировать себя на практикѣ. Онъ признаетъ только формы замкнутыхъ кооперативовъ, во-первыхъ, артельнаго типа, во-вторыхъ, такихъ, которые распредѣляютъ доходъ, раздавая жетоны на право полученія продукта (платья и другихъ товаровъ) изъ магазиновъ кооператива (напр., бельгійскій Vooruit). Система найма допустима, но кооперативы, даже становясь изъ потребительныхъ производительными, не должны поставлять товаровъ на рынокъ. Въ этомъ случаѣ они рискуютъ потерять свой „соціалистическій“ характеръ.

Итакъ, потребительный и замкнутый производительный кооперативы являются лабораторіями „соціалистическаго“ правосознанія. Какимъ же образомъ? Въ нихъ, говоритъ Сорель, исчезаютъ „представленія продавца—покупателя, заимодавца—заемщика“, которые „наполняютъ все существованіе рабочихъ въ ихъ сношеніяхъ съ лавочникомъ“ [3]). „Въ соціалистической коопераціи,—говоритъ онъ въ одномъ изъ заключительныхъ примѣчаній книжки,—характерно то, что юридическое представленіе о прибыляхъ стремится исчезнуть“ [4]). „Членъ союза, получающій отъ этого послѣдняго квартиру, не стоитъ съ своими товарищами въ буржуазномъ юридическомъ отношеніи квартиронанимателя къ хозяину. Такое положеніе, въ самомъ дѣлѣ, не подходитъ ни подъ одну изъ существующихъ юридическимъ категорій и его важно развивать: извѣстно, что представленія соціальныхъ отношеній въ жилищномъ вопросѣ имѣютъ громадное вліяніе на умъ“ [5]). Наконецъ, Сорель заключаетъ характеристику замкнутыхъ

---

1) L. c., стр. 37.
2) L. c., стр. 40.
3) L. c., стр. 41.
4) L. c., стр. 71.
5) L. c., стр. 71.

производительныхъ кооперативовъ выводомъ: *„такимъ образомъ мы совершенно выходимъ изъ сферы найма"*. Такъ, по теоріи „революціоннаго синдикализма" вырабатываются въ синдикатахъ и кооперативахъ *солидарность* и *взаимопомощь*, двѣ главныя нормы *„новаго права"*.

Прежде всего спрашивается, какое основаніе имѣетъ Сорель называть „новымъ правомъ" правопритязанія рабочихъ коллективовъ въ ихъ отношеніяхъ къ предпринимателямъ? Дѣйствительно, то обстоятельство, что соціальная практика устанавливаетъ правомочіе *коллективнаго* субъекта права, не представляетъ собой ничего новаго. Коллективное „юридическое лицо", дѣйствующее черезъ своихъ довѣрителей, — вещь не новая и не заслуживающая сентиментальнаго паѳоса со стороны соціолога. Столь же мало можно назвать *„новымъ"* правосознаніе организованныхъ рабочихъ въ обиходѣ ихъ синдикальнаго общенія. *Солидарность*, *взаимопомощь* въ рамкахъ группъ, товариществъ и свободныхъ корпорацій съ такимъ же успѣхомъ процвѣтаютъ въ средѣ эксплоатирующихъ, какъ и эксплоатируемыхъ и одинаково, какъ тутъ, такъ и тамъ, опираются на старое правовое представленія согласованія интересовъ и взаимной выгоды. Не *ново* и то, что объединеніе въ ассоціаціи имѣетъ цѣлью уничтожить—и фактически, въ извѣстныхъ предѣлахъ уничтожаетъ—конкурренцію между рабочими. Предпринимательскіе „синдикаты" имѣютъ ту же цѣль и тѣ же послѣдствія. Но мы не можемъ предположить и того, что Сорель называетъ рабочее право *новымъ* только потому, что правомочнымъ здѣсь становится новый субъектъ правовыхъ отношеній: *пролетарскій* коллективъ— вмѣсто *буржуазнаго*. Мы не можемъ такъ узко толковать правовую теорію „революціоннаго синдикализма" потому, что Сорель самъ старается внушить намъ гораздо большее уваженіе къ синдикальнымъ: морали и правосознанію. Онъ говоритъ: „Въ нѣдрахъ капиталистическаго общества должны развиться не только новыя производительныя силы, но и отношенія новаго общественнаго порядка, то, что можно назвать моральными силами будущаго" [1]). Далѣе онъ изображаетъ дѣло такъ: пока „моральныя силы будущаго" не достигли зрѣлости, люди живутъ по старымъ правиламъ и вконецъ изнашиваютъ ихъ, и этимъ разрушается старый строй.

Вотъ о какомъ новомъ правѣ и новой морали идетъ рѣчь у Ж. Сореля. Соціалистическій строй растетъ тутъ же около насъ въ рабочемъ кооперативѣ, рядомъ съ публичнымъ домомъ и полицейскимъ участкомъ. А капитализмъ тѣмъ временемъ изнашивается. Въ концѣ концовъ капитализмъ износится, а соціализмъ останется. И это говоритъ человѣкъ, называющій себя „марксистомъ"! Но заглянемъ хотя бы въ „Критику Готской программы" (К. Маркса), которую Сорель самъ цитируетъ въ своей книжкѣ.

Здѣсь мы видимъ, что Марксъ, критикуя лассальянскую формулу

---

1) L. c., стр. 39.

„справедливаго распредѣленія продукта труда", гипотетически изображаетъ первоначальную фазу коммунистическаго общества, формулируетъ ея „равное право" распредѣленія продуктовъ и говоритъ: *„равное право* въ принципѣ остается еще все тѣмъ же *„буржуазнымъ правомъ"* [1]). Итакъ, „по Марксу", *буржуазныя* правовыя нормы должны пережить даже соціальную революцію, т.-е. коренной переворотъ въ способѣ производства. А Сорель беретъ ихъ авансомъ для синдикатовъ у соціалистическаго общества.

Но намъ нѣтъ надобности опровергать Сореля ссылками на Маркса. Разсмотримъ самое содержаніе воспѣваемыхъ имъ синдикалистскихъ правовыхъ нормъ: солидарности и взаимопомощи. Дѣйствительно, что соціалистическаго въ синдикалистскихъ: солидарности и взаимопомощи? Въ реальности имъ соотвѣтствуетъ такое правоотношеніе: общность интересовъ въ предѣлахъ данной ассоціаціи, а затѣмъ — „свободная конкурренція" этой ассоціаціи съ другими, ей подобными, какъ мы это видимъ на нѣкоторыхъ примѣрахъ исторіи англійскаго трэдъ-юніонизма, и жесточайшая конкурренція ея съ неорганизованными, неквалифицированными рабочими, какъ о томъ насъ поучаетъ вся вообще исторія старыхъ, замкнутыхъ трэдъ-юніоновъ. А Сорель въ данной книжкѣ защищаетъ именно эту форму трэдъ-юніонизма.

Такія правоотношенія, конечно, не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ соціалистическими. Ограниченное проявленіе солидарности является лишь скрытой формой организованной конкурренціи и правосознаніе, опредѣляющее это отношеніе, какъ новую норму права, есть чистѣйшее заблужденіе. Но Сорель, какъ и слѣдовало ожидать, является,—поучаясь трэдъ-юніонистской мудрости,—рьянымъ апологетомъ этого иллюзорнаго правосознанія.

Курьезнѣе всего собственныя попытки Сореля точнѣе охарактеризовать „новое право". Онъ, напримѣръ, оправдываетъ „прискорбные поступки" синдикатовъ въ области такъ называемой „тиранніи синдикатовъ" тѣмъ, что синдикаты „отдаютъ... свое время и деньги; а, слѣдовательно, они пріобрѣли неоспоримое право управлять своей группой" [2]). Вотъ вамъ образчикъ „новаго права", и притомъ *права на управленіе,* которое *покупается* деньгами и временемъ! А какъ опредѣляются высоко-моральные интересы синдикатовъ? Magister dixit: „старыя группировки были по преимуществу политическими... Новыя группировки—профессіональныя: *онѣ имѣютъ въ виду... промышленные* (!) *интересы..."* [3]) Сомнѣвайтесь послѣ этого въ ихъ высокой морали!

Мы уже указывали, что Сорель, восхваляя замкнутыя производительныя коопераціи, съ паѳосомъ говоритъ: „такимъ образомъ мы совер-

---

[1]) Критика Готской программы, К. Маркса, цит. по русск. переводу. „Нов. Книгоизд.", СПБ. 1906 г.

[2]) L. с., стр. 44.

[3]) L. с., стр. 46. Курсивъ нашъ.

шенно выходимъ изъ сферы найма". Это совершенно правильно: въ общественномъ хозяйствѣ замкнутыхъ кооперативовъ съ натуральной системой расплаты за трудъ общинниковъ *наемъ* можно видѣть развѣ только въ томъ смыслѣ, въ какомъ его можно усмотрѣть въ любомъ натуральномъ хозяйствѣ крестьянской семьи или общины. Но что здѣсь соціалистическаго? Сорель, впрочемъ, и самъ, повидимому, недалекъ отъ проводимой нами параллели и уже на слѣдующей страницѣ проводитъ ее самъ, причемъ заходитъ еще дальше насъ. Онъ сравниваетъ свои „соціалистическіе синдикаты" съ современными сельско-хозяйственными производительными товариществами для поставки молочныхъ скоповъ на рынокъ и съ товариществами городскихъ ремесленниковъ [1]).

Впрочемъ, выраженія эти, странныя въ устахъ того, кто называетъ себя „марксистомъ", вполнѣ естественны для прудониста, и Сорель становится болѣе понятенъ намъ съ того момента, какъ онъ начинаетъ излагать свою эволюцію открыто „по Прудону". Такъ, онъ цитируетъ [2]) изъ „Iustisse dans la Révolution et dans l'Eglise (sixième étude) Proudhon'а слѣдующія строки: „Политическое обученіе и прохожденіе всѣхъ ступеней,—вотъ, въ чемъ состоитъ эмансипація рабочаго. Подмастерье, компаніонъ, мастеръ: таково наше общее призваніе. Все помимо этого—ложь и болтовня."—„Въ соціалистической мастерской, какъ и въ франкъ-массонствѣ господствуетъ прогрессивное равенство,—говоритъ Сорель и продолжаетъ цитировать Прудона:—всѣ призваны быть мастерами, такъ какъ всѣ—братья". Такова утопія, намѣченная Прудономъ и повторенная Сорелемъ.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что самъ Сорель вовсе не утопистъ. Его скорѣе можно обвинить въ неспособности къ *научной абстракціи*. Поэтому мелко-буржуазная мечтательность Прудона не воспринимается имъ всецѣло. Идея аристократизаціи рабочаго класса съ сохраненіемъ франкъ-массонскаго братства не развивается имъ дальше, такъ какъ и сама жизнь позднѣйшаго времени не оставляетъ мѣста для подобныхъ иллюзій. Періодъ роста крупной промышленности со всѣми послѣдствіями машинизма, съ раздѣленіемъ рабочихъ массъ на обученныхъ и необученныхъ заставляетъ его сдѣлать своимъ идеаломъ замкнутый трэдъ-юніонизмъ и замкнутую производительную кооперацію.

При этомъ Сорель оказывается неспособенъ возвыситься до пониманія того, что борьба трэдъ-юніоновъ съ вынужденной конкурренціей въ средѣ самихъ пролетаріевъ не ведетъ ни къ чему; что разрѣшеніе задачи остается все тамъ же, гдѣ его указываетъ научный соціализмъ: въ измѣненіи способа производства, въ экспропріаціи экспропріаторовъ. И такъ какъ практическій разсудокъ пролетаріевъ влечетъ ихъ къ осуществленію

---

1) L. c., стр. 73.
2) Ibid. стр. 78.

частичной солидарности въ профессіональныхъ союзахъ, Сорель, вѣрный своему методу, принимаетъ эту степень сознанія рабочихъ за выраженіе исторической истины, и только разукрашиваетъ будничные факты повседневной классовой борьбы праздничными эпитетами „силъ будущаго", „новаго права" и т. п. Но когда онъ подходитъ къ болѣе детальной обстановкѣ организаціи массъ, онъ наталкивается на неопредолимость конкурренціи. Гдѣ выходъ изъ этого положенія? И на этотъ разъ Сорель находитъ этотъ выходъ тамъ же, гдѣ его нашелъ и трэдъ-юніонизмъ, а именно въ признаніи неизбѣжности этой самой конкурренціи внѣ предѣловъ ассоціаціи. Однако, для соблюденія этическаго приличія, законъ конкурренціи, руководящій процессомъ организаціи массъ, у него облекается въ звучное дарвинистское словечко „*отбора*—sélection". „Отборъ" звучитъ нѣсколько мягче, чѣмъ „конкурренція".

Такъ у Сореля прудонистскій *идеалъ* суженъ до практической „мудрости" профессіонализма, а эта „мудрость" идеализирована красивой фразой. Словомъ, есть, чѣмъ вдохновляться рядовому рабочему, который, входя въ синдикатъ, до поры до времени можетъ сохранить иллюзіи братской солидарности. Но дальнѣйшей ступенью развитія его самосознанія—особенно, если онъ очутится въ роли должностного лица союза—будетъ *сознаніе необходимости конкурренціи*. Вѣдь онъ же „отдавалъ свое время и свои деньги"—такова окажется вскорѣ мораль всякаго послѣдовательнаго трэдъ-юніониста. И какъ ни жестка эта мораль, она все же выше лицемѣрной морали Сореля.

Итакъ, синдикаты надѣлены Сорелемъ *новой нравственностью* и *новымъ правомъ*. Но синдикатъ—это организація „отборныхъ" рабочихъ, а за предѣлами его остаются массы, не возвысившіяся до уровня синдикалистовъ. Спрашивается, какъ же Сорелю быть съ главной проблемой эмансипаціи всего пролетаріата? Приличнаго выхода нѣтъ: приходится ввести заклейменный его же собственнымъ краснорѣчіемъ принципъ іерархіи. И что же? Сорель смѣло шагаетъ черезъ это логическое противорѣчіе и даетъ намъ новую теорію „управленія".

Отличительныя черты этого управленія таковы: 1. Оно создается указаннымъ „отборомъ". 2. Оно вѣдаетъ чисто-экономическія функціи. Сорель неоднократно съ большимъ достоинствомъ подчеркивалъ эти отличія „новаго" управленія отъ „старыхъ политическихъ формулъ" буржуазіи. „Управленіе совокупности гражданъ,—говоритъ онъ,—всегда было только фикціей" [1]). „Общей волѣ" Ж.-Ж. Руссо и всеобщей подачѣ голосовъ онъ противополагаетъ свой „отборъ". Подходя къ вопросу о томъ, что лучше, представительство ли отъ рабочихъ по числу голосовъ, или пред-

---

[1]) L. c., стр. 45.

ставительство отъ синдикатовъ, онъ отдаетъ предпочтеніе этому второму типу голосованія.

Второе отличіе власти синдикатовъ отъ буржуазной политической власти онъ формулируетъ такъ: синдикаты „имѣютъ въ виду промышленные интересы“ [1]). Соціализмъ „этихъ синдикатовъ“ стремится обезпечить управленіе общими интересами при посредствѣ лучшихъ производителей и „стремится реформировать политику, создавъ управленіе обществомъ черезъ ассоціаціи, созданныя для производства“ [2]).

Коротко говоря, Сорель рисуетъ намъ принципъ управленія экономическими функціями общества черезъ коллективы, компетентные въ руководствѣ экономическими интересами.

Всѣ подобныя логическія построенія были бы вполнѣ умѣстны, какъ голыя, гипотетическія абстракціи въ изображеніи грядущаго коммунистическаго строя. Они даже не представляютъ собой ничего *новаго* въ коммунистической литературѣ. Но Сорель намѣчаетъ эту организацію власти въ „соціалистическомъ будущемъ синдикатовъ“. Это уже совсѣмъ иное дѣло. Это, конечно, нѣчто „новое“ и можетъ быть отнесено къ числу прочихъ „новыхъ“ опредѣленій теоріи синдикализма: „новаго права“, „новой морали“ и т. п.

Сорель говоритъ объ управленіи *„обществомъ“* черезъ синдикаты. Однако, нѣтъ никакого сомнѣнія, что это управленіе не будетъ вовсе носить *общественнаго* характера. Власть ихъ не будетъ распространяться на „общество“, а только на рабочій классъ, такъ какъ Сорель со своимъ отоминизмомъ ставитъ этотъ рабочій классъ въ чрезвычайно изолированное положеніе. Онъ создаетъ для него истинное гетто: „Необходимо,—говоритъ онъ,—чтобы рабочіе сами несли обязанности своей инспекціи и своей полиціи“ [3]). „Все будущее соціализма заключается въ автономномъ развитіи рабочихъ синдикатовъ“ [4]). „Рабочіе могутъ гордиться тѣмъ, что въ нѣдрахъ неорганизованнаго пролетаріата они создали организацію новую и независимую отъ какой бы то ни было буржуазной организаціи“ [5]). Конечно, „независимость“ рабочей организаціи „отъ какой бы то ни было буржуазной организаціи“—вздоръ. Рабочій классъ и его организаціи всегда вплоть до великаго переворота останутся подчинены грандіозной организаціи буржуазнаго государства. Но несомнѣнно то, что изолированность пролетаріата, отстаиваемая Сорелемъ, лишила бы массы всякаго вліянія на общество. Такъ, напримѣръ, мы видимъ, что Сорель проповѣдуетъ бойкотистское отношеніе ко всѣмъ буржуазнымъ учрежденіямъ. Особенно

---

[1]) L. с. стр. 46.
[2]) Ibid., стр. 77.
[3]) Ibid., стр. 56.
[4]) L. с., стр. 60.
[5]) Ibid., стр. 31.

рѣзко онъ дѣлаетъ это въ позднѣйшихъ прибавленіяхъ къ книжкѣ, гдѣ принципъ воздержанія пролетаріата отъ политики проведенъ довольно ясно. Такъ онъ требуетъ отъ соціалистовъ, чтобы они *„тормазили функціонированье совѣтовъ труда"* и т. п.

При такой изолированности пролетаріата останется только экономическое самоуправленіе. И вотъ это-то самоуправленіе Сорель представляетъ, какъ управленіе синдикатовъ надъ массами, управленіе экономически сильныхъ надъ болѣе слабыми, организованныхъ надъ неорганизованными, возвысившихся въ процессѣ конкурренціи надъ приниженными. И онъ рѣшается превозносить такое „управленіе" не только относительно, по сравненію съ демократической представительной системой, но и абсолютно!

Но оригинальнѣе всего то, что Сорель называетъ это управленіе массами „соціалистическимъ" по своей природѣ. Мы думаемъ, что все соціалистическое должно быть во всякомъ случаѣ широко-соціальнымъ, общественнымъ, публичнымъ. Системы же управленія въ предѣлахъ пролетарскаго „гетто", создаваемаго синдикалистской изолированностью, несомнѣнно являются институтами частно-правового, а не публичнаго характера,— иными словами, не простираютъ своего вліянія на *общество*. Сорель, положимъ, пытается заполнить этотъ пробѣлъ въ схемѣ нарисованной имъ эволюціи. Онъ намѣчаетъ привлеченіе общественнаго мнѣнія на сторону синдикатовъ и опредѣляетъ его въ такихъ выраженіяхъ: „Борьба между враждебными группами за привлеченіе общественнаго мнѣнія на свою сторону есть поистинѣ политическая борьба; это — политическая борьба, часто болѣе значущая, нежели борьба, которая ведется въ парламентскихъ собраніяхъ"... [1]). Таковъ „синдикалистскій суррогатъ дѣйствительной политической борьбы, т. е. борьбы за власть и вліяніе въ обществѣ и государствѣ. Конечно, „управленіе обществомъ" не можетъ быть основано на такой слабой связи рабочаго класса съ остальнымъ населеніемъ.

Вообще вся теорія синдикалистскаго „управленія" является, въ сущности, только очень тощей схемой организаціи класса, порабощеннаго капиталистическимъ способомъ производства. При этой схемѣ „управленія" классомъ „будущее синдикатовъ" и вообще будущее рабочаго класса рисуется въ довольно безотрадномъ свѣтѣ. Ничего „соціалистическаго" въ немъ нѣтъ. Этого не могъ не чувствовать и самъ Сорель. Въ нарисованной имъ схемѣ развитія пролетаріата необходимо было выдвинуть на первый планъ вопросъ о реорганизаціи самаго процесса производства. Теоретическій синдикализмъ—а, между прочимъ, и самъ Сорель—теперь заполняетъ этотъ пробѣлъ старательной разработкой теоріи „action directe", т. е. прямого воздѣйствія рабочихъ на производственныя отношенія. Затѣмъ зданіе теоріи увѣнчивается заимствованной у анархистовъ всеобщей стачкой. Послѣ чего синдикализмъ гордо принимаетъ титулъ „революціон-

[1]) Ibid., стр. 31.

наго синдикализма". Но въ 1898 г. все это было еще впереди. Въ книжкѣ „L'avenir socialiste des syndicats" Сорель только въ нѣскольких словахъ упоминаетъ о „всеобщей стачкѣ" и притомъ дѣлаетъ это не въ 1898 г. или 1900 г., а въ предисловіи къ книжкѣ, которое прибавлено въ 1901 г. Въ самомъ же текстѣ книжки онъ только старается вывести „будущее синдикатовъ" на пути къ соціализму.

Проблема того, *„что можетъ осуществить пролетаріатъ"*, разрѣшена имъ, какъ онъ на это претендуетъ—въ указаніи на правовое и моральное перерожденіе рабочаго класса. Но и послѣ этого остается неразрѣшеннымъ вопросъ о томъ, *какъ именно* можетъ осуществить соціализмъ этотъ вооруженный „новымъ правомъ" и „новой моралью" пролетаріатъ. Отвѣтъ на вторую постановку соціальной проблемы въ разсматриваемой книжкѣ Сореля дается только въ зачаточной и двойственной формѣ. Здѣсь, во-первыхъ, только намѣчается будущая теорія „action directe", осуществляемая *властью синдикатовъ*. „Если бы они, — говоритъ Сорель, — могли захватить въ свои руки управленіе дѣломъ найма (l'administration des placement т. е. дѣломъ назначенія и увольненія служащихъ и рабочихъ), эта побѣда имѣла бы для нихъ чрезвычайно важное значеніе... такъ какъ они вырвали бы у традиціонныхъ политическихъ властей клочокъ ихъ власти [1]). Вотъ эта-то попытка захватить въ свои руки дѣло назначенія и увольненія служащихъ является первой попыткой пролетаріата вмѣшаться въ производственныя отношенія. Это—action directe, осуществляемое синдикатами.

Вторымъ путемъ разрѣшенія проблемы у Сореля, еще не порвавшаго связь съ соціалистической партіей, является дѣйствительная политическая борьба. Наряду съ его указаннымъ нами опредѣленіемъ политической борьбы онъ опредѣляетъ отношеніе пролетаріата къ государству еще и такъ: „Онъ (т. е. пролетаріатъ) долженъ принять участье въ борьбѣ при существующихъ условіяхъ политической организаціи съ цѣлью добиться соціальнаго законодательства, благопріятнаго для его собственнаго развитія" [2]). Въ дальнѣйшемъ зачатки теоріи „action directe" берутъ верхъ надъ остатками политицизма, и прудонистскій складъ ума Сореля и его единомышленниковъ служитъ имъ въ обоснованіи этой „новой теоріи" хорошую службу.

Соціалистическое будущее синдикатовъ въ концѣ концовъ сводится къ тому, что *субъектъ* исторіи, пролетаріатъ, въ лицѣ своихъ выросшихъ въ естественномъ отборѣ организацій, клочокъ за клочкомъ захватываетъ и мало-по-малу реорганизуетъ производственныя отношенія.

П. Стрѣльскій.

———∘⟡∘———

1) Ibid., стр. 49.
2) Ibid., стр. 59.

„Тревожные“ признаки.

Письмо изъ Франціи.

Классъ противъ класса...

Чѣмъ больше всматриваешься въ здѣшнюю жизнь, тѣмъ яснѣе видишь это, тѣмъ острѣе чувствуешь. Всѣ многообразные вопросы и вопросики заслоняются однимъ основнымъ вопросомъ. Всѣ реформы отступаютъ на второй планъ передъ одной огромной реформой, если только можно назвать этимъ именемъ великое дѣло замѣны капиталистическаго общества—коллективистическимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ днемъ становится всего слышнѣе недовольный ропотъ подавленнаго пролетаріата; подпочвенныя струи выбиваются наружу, сливаются въ могучіе потоки и своимъ неожиданнымъ появленіемъ приводятъ въ ужасъ владыкъ нашей жизни.

Нужно остановить начавшееся движеніе воды, задержать, преградить путь. Нужно успокоить недовольныхъ, отвести глаза начинающимъ видѣть, обезоружить возставшихъ. Съ этой цѣлью вырабатывается цѣлый рядъ проектовъ реформъ... Окончательное отдѣленіе церкви отъ государства, пенсіи престарѣлымъ рабочимъ, уничтоженіе военныхъ судовъ и африканскихъ дисциплинарныхъ батальоновъ, налогъ на доходы, введеніе еженедѣльнаго отдыха, чтобы не упоминать второстепенныхъ...

Эти проекты реформъ и составили тотъ багажъ, съ которымъ годъ тому назадъ предстали передъ избирателями французскіе радикалы и радикалъ-соціалисты—представители просвѣщенной буржуазіи. Этотъ почтенный багажъ соблазнилъ избирателей, въ числѣ которыхъ, увы, оказалось и много тысячъ рабочихъ, и они послали въ парламентъ свыше 300 „республиканцевъ“, т. е. именно представителей просвѣщенной буржуазіи.

Клерикальная и монархическая реакція была разбита на голову. Жорэсъ возвѣстилъ о началѣ новой эры. Передъ глазами изумленнаго міра появился прекрасный, бѣлоснѣжный, незапятнанный кровью образъ легальной революціи.

Тотъ же Жорэсъ сообщилъ въ газетахъ о томъ, что онъ намѣренъ внести въ парламентъ цѣлую серію проектовъ законовъ, которые постепенно и незамѣтно превратятъ буржуазный строй въ соціалистическій.

Въ сердцахъ угнетенныхъ стали распускаться цвѣты надежды. Ставшее у власти министерство своимъ составомъ только способствовало росту этого деликатнаго растенія.

Въ самомъ дѣлѣ, во главѣ министерства стоялъ вождь крайняго радикализма—Клемансо, ближайшими сотрудниками были апостолъ всеобщей стачки ех-соціалистъ Бріанъ и защитникъ синдикатовъ чиновниковъ—ех-соціалистъ Вивіани. Очевидно было, что оно дастъ *все*, что можетъ дать *въ данный моментъ* самое радикальное буржуазное правительство.

Прошло всего десять мѣсяцевъ, и нѣтъ больше надеждъ. Жорэсъ не спѣшитъ вносить свою серію законопроектовъ. Новая эра оказалась продолженіемъ старой. Легальная революція превратилась въ радикальную реакцію, являющуюся какъ разъ во-время послѣ крушенія монархической и клерикальной реакціи. Я знаю, новый терминъ неуклюжъ—радикальная реакція—и немного двусмысленъ, но что дѣлать?—онъ правильно выражаетъ теперешнее положеніе дѣлъ, и къ нему придется привыкнуть.

Судите сами: отдѣленіе церкви отъ государства превратилось въ отдѣленіе государства отъ церкви, причемъ при этой операціи значительно пострадало отдѣляемое государство; такъ, напримѣръ, попы „безданно, беспошлинно“ будутъ служить въ церквахъ, и города и коммуны оказываются лишенными своихъ лучшихъ зданій... Далѣе, уничтоженіе военныхъ судовъ превратилось въ реформу ихъ, выражающуюся въ введеніи въ ихъ составъ штатскаго элемента въ видѣ члена суда; африканскіе дисциплинарные батальоны будутъ замѣнены... дисциплинарными же батальонами, только расположенными во Франціи, а не въ колоніи. Законъ объ еженедѣльномъ отдыхѣ, благодаря ряду исключеній и рекомендаціи министру со стороны палаты примѣнять его „самымъ либеральнымъ (по отношенію къ хозяевамъ) образомъ“, превратился въ собственную противоположность. Наконецъ, законопроекты о пенсіяхъ престарѣлымъ рабочимъ и о налогѣ на доходы ждутъ своей очереди, чтобы быть изуродованными или отвергнутыми.

Таково положеніе дѣлъ. Чѣмъ же оно объясняется? Измѣна, предательство, обманъ? Не думаю. Дѣло объясняется проще. Въ *данный историческій моментъ*—потому я и подчеркнулъ эти слова выше—*буржуазное* министерство не можетъ дать больше того, что оно теперь „даетъ“. Правда, всѣ вышеприведенныя обѣщанія были даны во время предвыборной кампаніи; правда, ни одно изъ этихъ обѣщаній не сдержали дававшіе ихъ. Но нельзя было забывать, что эти обѣщанія давали партіи буржуазіи, организаціи буржуазіи. И *само собой подразумѣвалось*

при этомъ, что всѣ эти обѣщанія будутъ выполнены, если не явится нѣчто болѣе важное, чѣмъ пенсіи рабочихъ, нѣчто болѣе существенное, чѣмъ еженедѣльный отдыхъ для трудящихся. Это нѣчто явилось, и пусть винятъ только себя тѣ пролетаріи, которые забыли, что они сами поставили у власти своихъ классовыхъ враговъ.

Это нѣчто—необходимость защищать буржуазный порядокъ отъ покушеній на него со стороны рабочаго класса. Такая необходимость, такая задача соціальнаго консерватизма обща всѣмъ группамъ и слоямъ буржуазіи. Когда буржуазія чувствуетъ колебаніе почвы подъ своими ногами, въ рядахъ ея нѣтъ разногласія и раздоровъ, и чѣмъ просвѣщеннѣе и умнѣе стоящая въ такой моментъ у власти фракція ея, тѣмъ рѣшительнѣе будутъ попытки и старанія укрѣпить свое положеніе.

Обѣщанія давались, чтобы успокоить рабочихъ, но когда выяснилось, что этотъ предлагаемый буржуазіей maximum является minimum'омъ, отправнымъ пунктомъ для рабочихъ; что рабочіе намѣрены взять неизмѣримо больше того, что ихъ хозяева, внутренне удивляясь собственной щедрости, собирались имъ дать; что обѣщанія вызываютъ уже не благодарность, а нетерпѣливыя требованія поскорѣе исполнить ихъ и идти дальше, все дальше вплоть до чернаго провала, именуемаго „врагами порядка“ соціалистическимъ строемъ,—всѣ группы буржуазіи соединились для рѣшительной борьбы за самосохраненіе.

Здѣсь я долженъ сдѣлать весьма существенную оговорку. Выяснились безспорно максимальныя желанія рабочихъ. Но вовсе не выяснилось, что пролетаріатъ имѣетъ уже достаточно силъ, чтобы осуществить свои желанія. Между тѣмъ правительство принимаетъ такія мѣры, какъ будто и это послѣднее обстоятельство не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній, какъ будто начинается та lutte finale, которую предсказываетъ боевая пѣсня международнаго пролетаріата. Я думаю, что моментъ этой борьбы еще не наступилъ, и потому дѣйствія правительства мнѣ кажутся необоснованными и невыгодными для самой же буржуазіи. Вѣдь тѣ боевыя средства, которыя полезны во время войны, только дискредитируютъ пускающихъ ихъ въ ходъ въ мирное время, и, поражая не столько немногочисленныхъ враговъ, сколько массу индифферентныхъ, сами увеличиваютъ ряды недовольныхъ.

Именно поэтому распоряженія Клемансо, несомнѣнно рѣшительныя, достигаютъ эффекта, почти противоположнаго тому, ради котораго они были отданы.

Но нужно сказать правду—есть много признаковъ, заставляющихъ предусмотрительную буржуазію настороживаться. Послѣ нѣкотораго затишья, послѣдовавшаго за крупнымъ напряженіемъ пролетарской энергіи въ маѣ прошлаго года, французскіе рабочіе снова рѣшительно выступаютъ на борьбу за улучшеніе своего положенія.

Роль застрѣльщиковъ выпала на этотъ разъ на долю рабочихъ бретонскаго городка Фужера. Чуть ли не впервые раздался вопль протеста въ этомъ отдаленномъ уголкѣ Франціи, жители котораго издавна отличались своей покорностью всякой власти. Короли, феодалы, попы, помѣщики... передъ всѣми этими распорядителями земной и небесной жизни покорно склоняло голову наивное, почти первобытное населеніе Бретани. Казалось, нѣтъ силы, способной порвать цѣпи гнета, сковывавшія этихъ людей, нѣтъ способовъ пробудить ихъ отъ духовнаго рабства. Проходили вѣка, мѣнялись формы эксплоатаціи, несчастные люди надрывались надъ непосильной работой, но всегда, при всякихъ обстоятельствахъ, готовы были они отдать остатки силъ, отдать, если нужно, послѣднія капли крови на защиту *своего* короля, *своего* барина, *своего* бога.

И все-таки чудо совершилось—чудо превращенія покорныхъ и молчаливыхъ людей въ рѣшительныхъ и энергичныхъ борцовъ. И сдѣлало это чудо—ради Бога, не рассердитесь на меня за мое „узкое сектантство"—капиталистическое производство.

Много лѣтъ тому назадъ въ Фужерѣ появились мастерскія обуви. Производство это стало быстро расти, и скоро весь городокъ превратился, можно сказать, въ одну огромную фабрику. Этотъ образъ, впрочемъ, не далекъ отъ истины, потому что количество хозяевъ, занимающихъ вмѣстѣ свыше десяти тысячъ рабочихъ, едва превышаетъ три десятка. Насколько выгодно (для хозяевъ, разумѣется) это производство, видно изъ того, что огромныя состоянія составлялись тамъ со сказочной быстротой, за послѣднія 20 лѣтъ въ Фужерѣ было всего четыре случая банкротства среди фабрикантовъ обуви, и это, несмотря на то, что за 20 лѣтъ бывали и кризисы и моменты депрессіи, несмотря на то, что во многихъ мѣстахъ Франціи возникли конкуррирующія съ фужерскими предпріятія. Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что производство продолжается каждый годъ не больше 7, 8 мѣсяцевъ. Это обстоятельство должно дать представленіе объ огромности выручаемыхъ за это время прибылей и о размѣрахъ эксплоатаціи рабочихъ.

Что же сказать объ условіяхъ работы и жизни рабочихъ?

Конечно, заработная плата совершенно ничтожна: для всѣхъ категорій рабочихъ, чтобы не перечислять ихъ детально, она колеблется между 500 и 1200 франковъ въ годъ. Конечно, рабочій день чудовищно великъ и доходитъ иногда до 18 часовъ въ сутки, благодаря штучной платѣ. Конечно, напряженность труда достигаетъ крайнихъ предѣловъ, благодаря той же формѣ оплаты труда и сезонному характеру работы. Конечно, семьи изъ 6—7—8 человѣкъ ютятся въ двухъ сырыхъ и темныхъ клѣткахъ и питаются хлѣбомъ съ кускомъ свиного сала; не даромъ же за 11 мѣсяцевъ прошлаго года въ Фужерѣ на 497 *рожденій* пришлось 543 *смерти* [1].

[1]) l'Humanité, 29 Nov. 1906.

Конечно, хозяева и ихъ лакеи всячески мучаютъ рабочихъ, преслѣдуютъ, штрафуютъ и заставляютъ женщинъ и дѣвушекъ отбывать для нихъ „натуральную повинность“, отдавать имъ на поруганіе свое тѣло подъ страхомъ расчета, т. е. голодной смерти... Конечно, конечно, конечно!...

Но если по внѣшнимъ своимъ признакамъ современное рабство рабочаго мало, чѣмъ отличается отъ средневѣковаго рабства крѣпостного или даже отъ древняго рабства (право жизни и смерти хозяинъ имѣетъ почти въ той же мѣрѣ, если не въ той же формѣ, что и господинъ; jus primae noctis почти въ той же мѣрѣ, что и помѣщикъ), то по существу разница велика: современные рабы живутъ, трудятся и страдаютъ массами на одномъ и томъ же клочкѣ земли; самое производство говоритъ имъ объ ихъ роли въ обществѣ; бьющее въ глаза несоотвѣтствіе ихъ численности съ численностью хозяевъ, условій ихъ жизни и хозяйской, ихъ положенія и правъ съ положеніемъ и правами ихъ господъ заставляетъ работать ихъ умъ, рождаетъ гнѣвъ, толкаетъ на борьбу; наконецъ, кровавыя усилія ихъ отцовъ указали способы борьбы, намѣтили путь, установили цѣль. Современные рабы имѣютъ возможность сплотиться, и они сплачиваются, организуются, борются и еще болѣе готовятся къ борьбѣ.

Пролетаріатъ Фужера въ послѣднія двадцать лѣтъ повторилъ въ миніатюрѣ, какъ это всегда бываетъ, исторію рабочаго класса въ цѣломъ и, сознавъ себя, сталъ въ свою очередь готовиться къ борьбѣ. Принявъ это во вниманіе, не трудно рѣшить, что вызвало фужерскую стачку или, вѣрнѣе, фужерскій локаутъ—въ высшей степени скромныя требованія рабочихъ *одной* фабрики или то обстоятельство, что фабриканты замѣтили растущую сознательность фужерскихъ рабочихъ, увеличивающееся значеніе синдиката, стремленіе рабочихъ къ самостоятельной организаціи. Несомнѣнно, причина конфликта—въ послѣднемъ, тѣмъ болѣе, что удовлетвореніе требованія рабочихъ фабрики Питуа повысить плату въ виду введенія новой американской машины—непосредственный поводъ столкновенія—увеличило бы расходы фабриканта всего на 900 фр. въ годъ. Само собой разумѣется, что, какъ ни солидарны гг. хозяева, они не рискнули бы затѣять серьезную борьбу изъ-за такого пустяка, даже не попытавшись „поторговаться“. Дѣло просто въ томъ, что хозяева надѣялись раздавить молодой синдикатъ обувныхъ рабочихъ (800 чел.), устрашающе повліять на остальныхъ, остановить постройку независимой отъ муниципалитета Биржи Труда, которая должна была сдѣлаться народнымъ домомъ фужерскаго пролетаріата. Это желаніе было настоящей причиной конфликта. Вотъ почему завязавшаяся борьба имѣла высоко принципіальное значеніе и привлекла къ себѣ вниманіе всего рабочаго класса Франціи. Это была не столько борьба за повышеніе заработной платы, сколько стремленіе „сократить зазнавшихся“ рабочихъ, съ одной стороны, и желаніе отстоять

во что бы то ни стало свою организацію—необходимѣйшее орудіе борьбы,—съ другой.

Начало конфликта, разсматриваемаго съ такой точки зрѣнія, нужно искать, какъ оказывается, еще въ 1902 г. Въ этомъ году, несмотря на союзъ республиканцевъ съ реакціонерами, рабочимъ удалось провести въ муниципалитетъ четырехъ своихъ представителей. Представители буржуазіи, въ данномъ случаѣ хозяева, которымъ пришлось засѣдать рядомъ со „своими“, рабочими, рѣшили воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы отмстить за такое „оскорбленіе“. Случай скоро представился, или, быть можетъ, былъ созданъ.

Биржа Труда въ Фужерѣ помѣщалась съ 1900 г. въ зданіи, предоставленномъ рабочимъ организаціямъ муниципалитетомъ, какъ это имѣетъ мѣсто почти повсюду во Франціи, гдѣ есть Биржи Труда. Кромѣ того, муниципалитетъ выдавалъ синдикатамъ 2500 франковъ ежегоднаго пособія, что также сдѣлалось здѣсь обычнымъ явленіемъ. Правда, эти дары данайцевъ приносятъ больше вреда рабочимъ организаціямъ, чѣмъ пользы. Муниципалитеты, какъ бы въ обмѣнъ за свои „одолженія“, позволяютъ себѣ вмѣшиваться въ дѣла Биржъ Труда, а въ случаѣ протеста лишаютъ эти послѣднія пособій и изгоняютъ ихъ изъ городскихъ зданій. Нерѣдко такой неожиданный ударъ разрушаетъ надолго молодыя организаціи, тормазитъ развитіе старыхъ, иногда вызываетъ даже губительный расколъ среди рабочихъ по вопросу объ отношеніи къ требованіямъ муниципалитета (какъ это было и есть до сихъ поръ въ Ліонѣ). Разумѣется, по мѣрѣ роста сознательности французскіе синдикаты спѣшатъ отказаться отъ всякихъ услугъ муниципалитетовъ, чтобы тѣмъ самымъ избавить себя и отъ ихъ опеки.

Подобная же исторія и при томъ въ самой типичной формѣ произошла въ Фужерѣ. Тамъ образовался такъ называемый *желтый* синдикатъ. Это—организація отчасти католическая, отчасти примиренческая, т. е. смѣшанная—изъ хозяевъ и рабочихъ, но прежде всего и больше всего штрейкбрехерская. Разумѣется, съ организаціей борющагося пролетаріата она не имѣетъ ничего общаго.

Итакъ, въ Фужерѣ образовался или былъ образованъ желтый синдикатъ. Муниципалитетъ, т. е. его буржуазное большинство, постановило, чтобы и этому синдикату была выдана Биржей Труда часть получаемаго ею пособія; „кстати“ было предъявлено этой послѣдней требованіе представить муниципалитету для контроля (?) списки членовъ синдикатовъ. Въ отвѣтъ на это Биржа Труда сейчасъ же отказалась вовсе отъ пособія, а въ іюлѣ 1903 г. фужерскіе синдикаты рѣшили построить собственный домъ, который былъ бы одновременно и Биржей Труда, и Народнымъ Домомъ [1]). Вотъ эти-то

[1]) Для постройки дома нужны были средства. Члены всѣхъ синдикатовъ рѣшили увеличить свой ежемѣсячный взносъ на 10 сантимовъ.

„тревожные“ признаки пробуждающагося сознанія и заставили хозяевъ придраться къ первому попавшемуся поводу, чтобы помѣряться силами съ непокорными рабочими.

31-го октября прошлаго года забастовали на фабрикѣ Питуа рабочіе въ отдѣленіи новыхъ американскихъ машинъ, отказываясь принять тарифъ, выработанный совмѣстно хозяевами и представителями *желтаго* синдиката. Тогда хозяева сообщили всѣмъ рабочимъ, что если 5-го ноября не будутъ возобновлены работы у Питуа, 12-го будутъ закрыты всѣ фабрики.

Не дожидаясь этого срока, фужерскіе рабочіе прекратили работу 7-го ноября.

Борьба началась. Съ одной стороны, небольшая группа богатѣйшихъ фабрикантовъ, обезпеченныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, сытыхъ, увѣренныхъ въ побѣдѣ и могущихъ спокойно ждать ея,—съ другой, масса въ 14.000 человѣкъ, лишенная какихъ бы то ни было средствъ, обреченная на голодъ, не имѣющая за собой ничего... кромѣ съ каждымъ днемъ растущей сознательности, чувства самопожертвованія и пролетарской солидарности. Съ одной стороны, капиталъ, физическая сила, власть, съ другой—сдержанная сила накопленнаго гнѣва, выносливость и упорство безмѣрно страдавшихъ людей. Мѣрялись силами достойные другъ друга противники. Если за хозяевами стояла буржуазія со всѣми своими силами—деньгами, полиціей, судомъ, печатью, то за спиной фужерскихъ рабочихъ сталъ весь рабочій классъ Франціи, показавшій въ этомъ конфликтѣ всю огромную силу солидарнаго дѣйствія.

Хозяева пустили въ ходъ во время этого столкновенія обычныя мѣры покоренія „своихъ“ рабочихъ. Прежде всего, несмотря на поражающее спокойствіе рабочихъ, городъ былъ *наполненъ полиціей и жандармами*; это Клеменсо выполнялъ обѣщаніе, данное соціалистамъ-депутатамъ не

Черезъ годъ можно было уже купить въ разсрочку на 4 года за 17.000 франковъ большое и удобное мѣсто. Первый шагъ былъ сдѣланъ. Теперь нуженъ былъ строительный матеріалъ. Его особенно дешево доставилъ случай: на разстояніи сотни сажень отъ купленнаго мѣста сгорѣла огромная фабрика; синдикаты купили оставшійся камень и на общемъ собраніи своемъ рѣшили собственными силами перенести его. Въ ближайшее воскресенье и затѣмъ во всѣ слѣдующія съ 4 часовъ утра *сотни* фужерскихъ рабочихъ, не думая объ отдыхѣ послѣ недѣли каторжнаго труда, становились длинной цѣпью отъ мѣста пожара до купленнаго для дома мѣста и передавали изъ рукъ въ руки кирпичъ и камни. Такъ было перенесено 178 кубическихъ метровъ камня. Вслѣдъ затѣмъ приступили къ постройкѣ. Синдикатъ каменщиковъ постановилъ, что каждое воскресенье 20 членовъ синдиката поочереди будутъ безплатно работать надъ постройкой дома. Короче, конфликтъ прервалъ работу, когда было построено уже два этажа дома съ гранитнымъ фасадомъ, дома, занимающаго 400 квадратныхъ метровъ. Вся постройка обошлась до сихъ поръ въ 2600 франковъ. Понятно, что хозяевамъ нужно было торопиться.

посылать *войскъ* въ Фужеръ, если тамъ не будетъ безпорядковъ. Онъ войскъ и не послалъ; что же касается жандармовъ и полиція, свезенныхъ изъ всѣхъ ближайшихъ городовъ, такъ вѣдь онъ не обѣщалъ не посылать ихъ. Видимо, онъ думалъ, что ходатайство депутатовъ вызвано было единственно желаніемъ избавить нѣсколько полковъ отъ излишней усталости, неизбѣжной при сторожевой службѣ.

Когда одного присутствія необычнаго количества жандармовъ, дѣйствовавшихъ съ обычной наглостью, оказалось недостаточно для того, чтобы вызвать рабочихъ на столкновеніе и затѣмъ залить пожаръ стачки кровью стачечниковъ,—хозяева попытались продолжать производство при помощи „*желтыхъ*", работавшихъ подъ охраной полиціи. Разумѣется, это опять-таки было вызвано стремленіемъ провоцировать рабочихъ на столкновеніе, ибо нечего было и думать дѣйствительно замѣнить восемь тысячъ рабочихъ, прогнанныхъ съ фабрикъ, нѣсколькими десятками ренегатовъ.

Когда и это не удалось, хозяева попробовали просто открыть фабрики, приглашая работать всѣхъ желающихъ на старыхъ условіяхъ, опять-таки подъ охраной полиціи. И этотъ опытъ не удался: изъ 8000 человѣкъ явилось около 200 въ первый день и 82 во второй! Попробовали вооружить *желтыхъ* револьверами и порекомендовали имъ держаться вызывающе,—сорвалось и это.

Выписали изъ Ліона трехъ провокаторовъ-спеціалистовъ по „безпорядкамъ рабочихъ", явившихся подъ видомъ анархистовъ. Ліонскіе товарищи предупредили во-время, и, по настоянію представителей фужерской Биржи Труда и бывшихъ въ то время въ Фужерѣ соціалистическихъ депутатовъ, реакціонный мэръ принужденъ былъ самъ во имя безопасности города изгнать выписанныхъ на гастроли негодяевъ.

Это не все. Разсчитывая на утомленіе рабочихъ, на исключительную тягостность стачки, хозяева черезъ посредство торговой палаты добились референдума рабочихъ по вопросу о продолженіи стачки. Закрытая баллотировка дала подавляющее большинство за продолженіе.

Чтобы повліять на общественное мнѣніе, въ палату отправлено было заявленіе фужерскихъ купцовъ, протестующее противъ непримиримости рабочихъ (?!), которая, дескать, повлечетъ за собой непоправимое разореніе фужерскихъ торговцевъ.

Наконецъ, реакціонный мэръ Фужера сложилъ съ себя полномочія, объявивъ въ спеціальной афишѣ, что безъ войскъ онъ не можетъ отвѣчать за безопасность города, которой, разумѣется, ничто не угрожало. Въ этомъ глупомъ актѣ сказалась уже клокочущая злоба хозяевъ и ихъ слугъ, видѣвшихъ, что ихъ планы не удались и понимавшихъ уже неизбѣжность пораженія.

Что же противопоставили всему этому фужерскіе рабочіе? Общее

количество пострадавшихъ отъ закрытія фабрикъ достигало 14000 человѣкъ. Прежде всего нужно было позаботиться о простомъ поддержаніи существованія наиболѣе нуждающихся, которымъ грозила буквально голодная смерть.

Повсюду, по всей Франціи, во всѣхъ соціалистическихъ и корпоративныхъ газетахъ, во всѣхъ рабочихъ организаціяхъ, на массѣ фабрикъ и заводовъ, на сотняхъ собраній была открыта подписка въ пользу фужерскихъ стачечниковъ. Эта подписка дала свыше 60 тысячъ франковъ. Какъ только въ Фужеръ стали стекаться пожертвованія, Биржа Труда начала устраивать общіе обѣды, такъ называемые Soupes communistes. Организація этихъ обѣдовъ наладилась очень быстро. Каждый день очередная группа рабочихъ отправлялась въ лѣсъ собирать сухіе сучья, другая мыла собранную со всего города посуду, третья, отъ 80 до 400 человѣкъ, занималась собственно варкой обѣда; разумѣется, въ этой последней группѣ главную роль играли женщины [1]).

Въ среднемъ каждый день приготовлялось до 4500 обѣдовъ, состоявшихъ изъ хлѣба, супа и мяса (175 гр.); для дѣтей выдавались порціи молока; наконецъ, не имѣвшимъ возможности явиться къ общему обѣду или за своей порціей выдавалось соотвѣтствующее количество денегъ, такимъ образомъ общее количество лицъ, поддерживавшихся организаціей Soupes communistes, доходило до 7000. Этой-то организаціи въ большой степени обязаны фужерскіе рабочіе своей побѣдой.

Но въ этой стачкѣ былъ еще разъ испытанъ другой пріемъ, которому, на мой взглядъ, суждено впредь играть значительную роль въ пролетарской борьбѣ. Рабочіе и всѣ тѣ, кто участвовалъ въ рабочемъ движеніи или просто присматривался къ нему, знаютъ, какую роль играетъ въ стачечной борьбѣ *настроеніе* участниковъ стачки и, главное, какъ вліяетъ на это настроеніе созерцаніе мукъ самыхъ близкихъ, самыхъ дорогихъ людей, страдающихъ отъ добровольной безработницы стачечника. У наиболѣе энергичныхъ нерѣдко опускаются руки, когда борьба затягивается, а передъ глазами—медленно чахнущія жена и дѣти. На этотъ разъ жены, какъ вѣрные товарищи, шли въ бой рука объ руку со своими мужьями, но дѣти, дѣти!... Измученныя постояннымъ недоѣданіемъ, жизнью въ сырыхъ и темныхъ квартирахъ, несчастныя дѣти, половина которыхъ съ самаго ранняго возраста уже работаютъ на фабрикахъ, и *80% которыхъ поражены туберкулезомъ*, своимъ видомъ, своей возрастающей слабостью терзали сердца родителей. У многихъ рабочихъ другихъ городовъ возникла

[1]) Кстати отмѣчу, что во время этой стачки женщины соперничали въ мужествѣ и энергіи съ мужчинами. Число бастовавшихъ женщинъ почти равнялось числу мужчинъ-стачечниковъ. Я отмѣчаю это потому, что движеніе среди женскаго пролетаріата находится во Франціи на самой первоначальной ступени развитія.

тогда идея взять къ себѣ дѣтей стачечниковъ, какъ это незадолго до того сдѣлали бельгійскіе рабочіе во время стачки въ Verviers.

Съ какой готовностью, я скажу, радостью ухватились рабочіе за возможность еще чѣмъ-нибудь помочь своимъ борющимся братьямъ, еще какъ-нибудь выразить свою солидарность съ ними, видно изъ того, что въ Реннѣ, напримѣръ, черезъ 48 часовъ послѣ того, какъ Биржа Труда предложила рабочимъ пріютить нѣсколько десятковъ дѣтей фужерскихъ стачечниковъ, къ секретарю ея поступили соотвѣтствующія предложенія отъ 1200 рабочихъ семействъ. Изъ цѣлаго ряда городовъ посланы были въ Фужеръ длинные списки рабочихъ, желающихъ взять къ себѣ на все время конфликта фужерскихъ дѣтей. Къ сожалѣнію, воспользоваться можно было только немногими изъ этихъ предложеній. Прежде всего отправка дѣтей въ слишкомъ отдаленные города должна была дорого стоить, съ другой же стороны, у огромнаго большинства фужерскихъ дѣтей не оказалось не только теплой одежды, пригодной для далекаго путешествія, но не оказалось почти никакой одежды. Нужно было разразиться рѣдкому по силѣ и остротѣ конфликту, послѣ десятковъ лѣтъ молчаливаго и мучительнаго труда, чтобы общество узнало, что рабочимъ, не разгибающимъ спины по 12, 15 и 18 часовъ въ день, не во что одѣть своихъ дѣтей!

Все-таки изъ Фужера удалось отправить *нѣсколько сотъ дѣтей* въ Rennes (300), Laval, Morlaix, Rouen, St.-Nazaire, Nantes и Парижъ. Съ смѣшаннымъ чувствомъ радости и горя провожали родители на фужерскій вокзалъ своихъ дѣтишекъ. Неизмѣнно десятитысячная толпа сопровождала до вокзала маленькихъ изгнанниковъ, которыхъ грубая жадность капиталистовъ безпощадно оторвала отъ ихъ семей. Но деликатное участіе всей пролетарской семьи смягчало горечь этой разлуки. Трудно передать, сколько ласки, любви и заботливости проявляли тѣ, которые брали къ себѣ маленькихъ фужерскихъ изгнанниковъ. Можно быть увѣренными, что ихъ ласкали и баловали больше, чѣмъ собственныхъ дѣтей. Встрѣчи дѣтей во всѣхъ перечисленныхъ выше городахъ пріобрѣтали характеръ настоящихъ событій. Повсюду тысячи людей на вокзалахъ, глубокое, плохо-скрываемое волненіе на лицахъ и слезы у женщинъ, у мужчинъ, у молодыхъ, у старыхъ, когда изъ поѣзда появляются немного испуганныя, робкія и блѣдныя дѣти отъ *5-лѣтняго возраста*, внезапно перенесенныя въ чужую обстановку, въ среду чужихъ, незнакомыхъ людей.

Соціальное значеніе этого новаго пріема борьбы прекрасно отмѣтилъ Эмиль Пуже въ Voix du Peuple [1]). „Этотъ пріемъ является живой матеріализаціей солидарности. Благодаря ему, экономическая битва не

[1]) Voix du Peuple, № 323.

ограничивается узкимъ полемъ стачки—она переносится во всѣ тѣ мѣста гдѣ находятъ прiютъ дѣти стачечниковъ!

Когда эти малыши прiѣзжаютъ въ какой-нибудь городъ, они измѣняютъ его соцiальную атмосферу; въ минуту энтузiазма, вызваннаго встрѣчей дѣтей, для самыхъ несознательныхъ, для самыхъ тупыхъ становится очевиднымъ преступленiе капитала; рвутся цѣпи пассивнаго подчиненiя, опутывающiя ихъ, они пробуждаются къ пониманiю классовой борьбы. Духъ революцiи является вмѣстѣ съ дѣтьми въ тѣ дома, гдѣ они поселяются. Обычныя занятiя, повседневныя заботы забываются, уходятъ на заднiй планъ; думаютъ только объ интересахъ и дальнѣйшей участи бѣднаго малыша, котораго прiютили. Стачкой живутъ, къ ней относятся съ страстнымъ интересомъ! Семья, которая вчера ограничивалась посылкой нѣсколькихъ су въ пользу стачечниковъ, сегодня вся захвачена ихъ борьбой. Эта семья счастлива придти на помочь сыну товарища, неизвѣстнаго вчера; помочь отцу ребенка въ его борьбѣ съ хозяиномъ; она живетъ тѣми же надеждами, что и онъ; чувствуетъ, что его борьба не чужда для нея“...

Повторяю, описанные два прiема борьбы рѣшили, можно сказать, исходъ стачки. Передъ мужествомъ, выдержкой и рѣшительностью рабочихъ хозяева должны были уступить. Послѣ *трехъ мѣсяцевъ* стачки 10-го февраля конфликтъ кончился. Тарифы на всѣхъ заводахъ были повышены, хотя и незначительно. Но, что важнѣе всего, всѣ переговоры со стороны рабочихъ велись представителями синдиката. *Желтые* же, несмотря на всѣ усилiя хозяевъ и ихъ собственныя, не имѣли своихъ представителей при переговорахъ. Синдикатъ не только не былъ раздавленъ, но вышелъ изъ борьбы во много разъ сильнѣе, чѣмъ вступилъ въ нее.

Но не только это придаетъ большое значенiе фужерской стачкѣ, какъ и не то, что тысячи фужерскихъ рабочихъ за три мѣсяца борьбы получили прекрасное политическое и синдикалистское воспитанiе. Вѣдь въ теченiе 3 мѣсяцевъ *каждый день* устраивались собранiя, на которыхъ присутствовало всегда отъ 5 до 10 тысячъ человѣкъ. Каждый день передъ этой аудиторiей развивали соцiалистическiя и синдикалистическiя теорiи лучшiе ораторы Соцiалистической партiи и Конфедерацiи труда, которыя, между прочимъ, показали, быть можетъ, противъ своей воли, какую силу представляютъ онѣ при совмѣстныхъ дѣйствiяхъ. Но главное, повторяю, не въ этомъ.

Главное въ томъ, что фужерская борьба явилась серьезной аванпостной схваткой. Двѣ армiи стоятъ другъ противъ друга. Одна напала на слабѣйшую, какъ ей казалось, позицiю другой, но встрѣтила неожиданное и серьезное сопротивленiе. Чувствуя серьезность этого на первый взглядъ незначительнаго столкновенiя, враждующiя армiи посылали все новые и новые отряды на помощь своимъ вовлеченнымъ въ бой частямъ. Только

послѣ трехмѣсячной борьбы хозяева отступили. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ случаѣ побѣды мы увидѣли бы цѣлую боевую кампанію противъ рабочихъ организацій. И съ этой точки зрѣнія можно сказать, что фужерскіе рабочіе отбили нападеніе не только на свою организацію, но и на всѣ рабочія организаціи Франціи.

Почти одновременно съ фужерскимъ локаутомъ началась и одновременно съ нимъ кончилась стачка на границѣ Франціи и Бельгіи, во французскихъ городкахъ Jeumont и Stenay и въ бельгійскомъ городкѣ Marchiennes. Эта стачка опять-таки интересна и замѣчательна не тѣмъ, что рабочіе добились какихъ-нибудь серьезныхъ матеріальныхъ уступокъ, наоборотъ, послѣ трехнедѣльной стачки рабочіе отказались отъ своихъ требованій; она замѣчательна проявленной во время конфликта высотой развитія чувства человѣческаго достоинства, замѣчательна активной интернаціональной солидарностью.

Рабочіе сталелитейнаго и вагоностроительнаго завода въ Жемонѣ, бельгійцы въ огромномъ большинствѣ, отказались отъ своихъ экономическихъ требованій и приступили къ работѣ послѣ трехнедѣльной стачки, но хозяевамъ показалось это недостаточнымъ, и они выгнали съ завода 41 человѣка, почти исключительно французовъ.

Такое рѣшеніе объясняется не только желаніемъ отмстить, желаніемъ показать свою власть и проучить голодомъ ненавистныхъ „вожаковъ"; нѣтъ, здѣсь, кромѣ горячей ненависти, былъ и холодный разсчетъ. Выгоняя изъ 1200 рабочихъ почти исключительно *бельгійцевъ* нѣсколько десятковъ *французовъ*, хозяева надѣялись избѣгнуть всякаго протеста; съ другой стороны, такъ какъ по французскому закону 1884 г. о синдикатахъ должностными лицами синдиката могутъ быть только французскіе подданные, изгоняя французовъ, хозяева надѣялись покончить съ синдикатомъ, лишивъ его руководителей.

Планъ, какъ видите, былъ недуренъ, но хозяева не учли все той же классовой сознательности и солидарности, переступающей при своемъ проявленіи границы „отечества" и національности.

Въ отвѣтъ на изгнаніе французовъ не только забастовали въ тотъ же вечеръ *всѣ* рабочіе на заводѣ въ Жемонѣ, но и рабочіе на заводахъ въ Stenay (Франція) и Marchiennes (Бельгія), принадлежащихъ той же компаніи, немедленно предложили также забастовать. Ихъ предложеніе было отклонено жемонскими рабочими, не желавшими втягивать своихъ братьевъ въ опасный конфликтъ. Но когда, въ отвѣтъ на письмо федераціи литейщиковъ по поводу грубой репрессіи полиціи, управляющій всѣми тремя заводами нагло отвѣтилъ: „Принятыя мѣры, которыя вы называете безпощадной и жестокой репрессіей, вопреки вашему предположенію, исхо-

дять не отъ дирекціи компаніи. Онѣ рѣшены мною и выполняются по моему приказу. На здѣшнихъ заводахъ одинъ отвѣтственный начальникъ—я"; дальше, конечно, слѣдовало приглашеніе приниматься за работу—когда, говорю я, было получено это письмо, на заводахъ въ Stenay и Marchiennes, отстающихъ на 50 и 200 километровъ отъ Жемона, была сейчасъ же прекращена работа.

Чтобы разъединить своихъ рабочихъ, компанія предложила рабочимъ двухъ послѣднихъ городовъ повысить плату на 10%; рабочимъ Маршіенна предлагали деньгами 30000 франковъ. Но рабочіе не только отвергли съ презрѣніемъ эти грязныя по мотивамъ, руководившимъ хозяевами, предложенія, но вовсе отказались отъ переговоровъ, предоставивъ вести ихъ жемонскимъ товарищамъ и заявивъ, что станутъ на работу, когда имъ предложатъ сдѣлать это рабочіе Жемона.

Въ результатѣ—18-го февраля послѣ двухмѣсячной стачки всѣ расчитанные рабочіе были приняты, и работы возобновились. Хотя дѣло шло о принципѣ хозяйской власти, о правѣ казнить... — на правѣ миловать хозяева не настаиваютъ — пришлось уступить передъ интернаціональной солидарностью рабочихъ.

Нужно и здѣсь воздать должное буржуазія — примѣръ международной солидарности и въ данномъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, дала она и ея слуги: французскіе и бельгійскій жандармы вмѣстѣ охраняли *желтыхъ;* французскій судъ охранялъ интересы бельгійскихъ капиталистовъ противъ французскихъ рабочихъ; французская полиція выдавала бельгійскимъ жандармамъ непокорныхъ бельгійскихъ рабочихъ. Словомъ, буржуазная солидарность тоже не признаетъ пограничныхъ столбовъ.

Отъ далекихъ, заброшенныхъ, малоизвѣстныхъ уголковъ Франціи стачечная волна приноситъ насъ къ самому сердцу страны, къ ея столицѣ. Дѣйствительно, разсказывая о типичныхъ стачкахъ, нельзя не остановиться на стачкѣ рабочихъ парижскихъ заводовъ электрической энергіи.

9-го марта, въ 5 часовъ вечера, какъ будто по приказу какого-то могучаго владыки въ Парижѣ потухли всѣ электрическіе огни. Погасли и закрылись магазинныя выставки, закрылись двери театровъ, потухли роскошныя, залитыя обычно свѣтомъ террасы богатыхъ кафе и ресторановъ, потухли фонари на улицахъ, остановились тысячи машинъ, приводимыхъ въ движеніе электричествомъ. На Парижъ упала черная пелена мрака, и ее не могли, конечно, разсѣять ни вставленныя въ бутылки свѣчи, ни наскоро развѣшиваемые бумажные фонарики, ни чадныя, гаснущія на вѣтру керосиновыя лампы. Утромъ большинство газетъ не могло появиться въ обычный часъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ оказались залитыми водой работы метрополитена. Въ однѣ сутки Парижъ былъ выбитъ изъ колеи. Продолженіе такого положенія грозило самыми серьезными послѣдствіями.

Причины всего этого? Синдикатъ рабочихъ, занятыхъ на заводахъ Парижа, вырабатывающихъ электрическую энергію, забастовали. Они забастовали въ видѣ протеста противъ проекта парижскаго муниципалитета сдать на 26 лѣтъ монополію выработки электрической энергіи тресту капиталистовъ, не потребовавъ отъ этихъ послѣднихъ гарантій, обезпечивающихъ интересы рабочихъ. Рабочіе въ своей афишѣ указывали, что члены муниципалитета предали и интересы населенія, но я не могу здѣсь распространяться объ этомъ; главнымъ же образомъ они настаивали на обезпеченіи имъ пенсіи на случай старости, принятіи обратно возвращающихся послѣ военной службы рабочихъ, въ чемъ имъ отказывали буржуазные патріоты, столько болтающіе о „святой миссіи солдата"; оставленіи новой компаніей всего персонала; на введеніи третейскаго суда и коллективнаго договора.

Скажу тутъ же, что послѣ 24-часовой стачки сенскій префектъ и предсѣдатель муниципальной комиссіи по вопросу объ электричествѣ дали формальное обѣщаніе добиться удовлетворенія первыхъ трехъ требованій рабочихъ. Тогда стачка была прекращена такъ же стройно, какъ была начата. Рабочіе показали свою силу, показали необходимость своихъ услугъ обществу, показали обществу до нѣкоторой степени его зависимость отъ нихъ и сказали своей стачкой: „Если мы дѣлаемъ столь необходимую для общества работу, если мы трудимся для него дни и ночи, мы вправѣ требовать, чтобы оно взамѣнъ удѣлило бы намъ хоть минимумъ вниманія, доставило бы намъ сколько-нибудь человѣческое положеніе, обезпечило бы нашу старость и оградило бы отъ возможныхъ покушеній со стороны кучки хищныхъ капиталистовъ".

Какъ отвѣтила на это буржуазія перьями своей рептильной прессы и заявленіями и дѣйствіями своихъ министровъ, увидимъ дальше.

Конечно, не слѣдуетъ думать, что всѣ стачки, происходившія въ послѣднее время во Франціи, оканчивались побѣдой рабочихъ. Организаціи французскихъ рабочихъ еще слишкомъ слабы, и, только благодаря исключительному напряженію силъ или внезапности стачки, удавалось рабочимъ выходить съ честью изъ конфликтовъ. Но самое крайнее напряженіе силъ не всегда можетъ замѣнить долгую и трудную подготовительную работу пропаганды и агитаціи, не всегда можетъ уравновѣсить вредъ отсутствія прочной организаціи.

Справедливость этой извѣстной истины сказалась въ неудачномъ исходѣ двухъ большихъ стачекъ—рабочихъ на фабрикѣ курительныхъ трубокъ въ Сенъ-Клодѣ и рабочихъ бумажныхъ фабрикъ въ Эссонѣ. Въ обоихъ случаяхъ хозяева мѣтили въ самое слабое мѣсто рабочихъ—ихъ организацію, и, если имъ не удалось разрушить ее, они нанесли ей чувствительный ударъ, удаливъ лучшихъ ея членовъ.

Въ Эссонѣ рабочимъ удалось добиться кое-какихъ уступокъ и свыше 70 тысячъ франковъ въ видѣ вознагражденія удаленнымъ товарищамъ, отстоять которыхъ не хватило силы. Въ Сенъ-Клодѣ же пришлось стать на работу безъ всякихъ условій.

Особенно чувствительной оказалась слабость рабочихъ организацій въ кампаніи въ пользу еженедѣльнаго отдыха.

Русскимъ читателямъ, знающимъ, что еще 13-го іюля 1906 г. былъ вотированъ законъ о еженедѣльномъ отдыхѣ, можетъ показаться страннымъ сообщеніе о какой-то кампаніи въ пользу уже проведенной законодательнымъ путемъ реформы. Но дѣло въ томъ, что законъ не коснулся цѣлой массы „деталей", урегулировать которыя предоставлено было административной власти. Понятно, эта власть не оказалась слишкомъ строгой по отношенію къ хозяевамъ и слишкомъ заботливой по отношенію къ рабочимъ. Всякія исключенія цѣлыхъ категорій торговыхъ предпріятій сдѣлались настоящимъ правиломъ [1]).

Но если оставить въ сторонѣ это чисто-классовое *примѣненіе* закона, надо признать, что самъ законъ составленъ такъ, что охраняетъ, въ сущности, больше хозяевъ отъ воскреснаго отдыха служащихъ, чѣмъ гарантируетъ этимъ послѣднимъ необходимый для нихъ отдыхъ. Изъ подсчета, сдѣланнаго въ № 955 „Humanité" Груссье, соціалистическимъ депутатомъ, для Парижа, видно, что 332.210 рабочихъ, т. е. *28% всѣхъ рабочихъ Парижа*, вовсе не имѣютъ права на какой бы то ни было отдыхъ по этому закону; 131.429 должны пользоваться отдыхомъ по очереди, чтобы не прерывать торговли или производства (сюда относятся и булочники); легко понять, насколько возможны и неизбѣжны здѣсь злоупотребленія хозяевъ, особенно въ виду почти полнаго отсутствія фабричной инспекціи; наконецъ, 658,238 рабочихъ должны пользоваться полнымъ воскреснымъ отдыхомъ. Если принять во вниманіе, что эта статистика охватываетъ всѣхъ рабочихъ, включая сюда и рабочихъ крупныхъ производствъ и ранѣе пользовавшихся воскреснымъ отдыхомъ, если принять во вниманіе, съ другой стороны, что въ числѣ совершенно исключенныхъ изъ права пользованія благами закона находятся желѣзнодорожные служащіе и рабочіе (42.500), прислуга (201.000), государственные, департаментскіе и коммунальные служащіе (70 тысячъ); что въ числѣ косвенно исключенныхъ находятся булочники (10.600), служащіе въ кафе, ресторанахъ и гостиницахъ (38.600), т. е. какъ разъ тѣ, которые и до сихъ поръ не пользовались отдыхомъ, то мы согласимся, что смыслъ закона сводится къ

[1]) Въ рѣчи, произнесенной въ палатѣ 23-го марта этого года, министръ труда Вивіани самъ заявилъ, что за 4 мѣсяца къ нему обратились 13.955 хозяевъ съ просьбою о непримѣненіи въ ихъ заведеніяхъ закона о еженедѣльномъ отдыхѣ; причемъ удовлетворены были ходатайства 10.412 и отказано 3.547.

слѣдующему: „тѣ рабочіе, которые до 13-го іюля 1906 г. пользовались еженедѣльнымъ отдыхомъ, пусть пользуются имъ и впредь, тѣ же, которые до этой даты названнымъ отдыхомъ не пользовались, пусть и впредь имъ не пользуются“.

Я думаю, что послѣ этихъ разъясненій станетъ ясно, почему понадобилась кампанія въ пользу еженедѣльнаго отдыха, тѣмъ болѣе, что стоитъ посмотрѣть только на составъ категоріи „исключенныхъ“, чтобы убѣдиться, что въ нее попали какъ разъ наиболѣе нуждающіеся въ отдыхѣ рабочіе.

Подробности о жизни и работѣ нѣкоторыхъ группъ рабочихъ, выяснившіяся во время этой бурной кампаніи, способны привести въ ужасъ даже насъ, русскихъ, видавшихъ всякіе виды. Напримѣръ, служащіе въ гостиницахъ работаютъ отъ 15 до 19 часовъ въ сутки и зарабатываютъ въ среднемъ отъ 80 до 90 франковъ въ мѣсяцъ; повара работаютъ въ 50 градусной температурѣ 14 часовъ и зарабатываютъ отъ 40 до 75 фр. (я имѣю въ виду, конечно, не главныхъ поваровъ); гарсоновъ хозяева заставляютъ платить за право служить, облагаютъ особымъ налогомъ въ свою пользу вырученную гарсонами отъ *„pour boir'овъ“* сумму, заставляютъ ихъ платить за бумагу, чернила, зубочистки, спички, газеты, предоставляемыя посѣтителямъ, заставляютъ платить за всю разбитую посуду и работать отъ 18 до 20 часовъ, *отъ восемнадцати до двадцати часовъ въ сутки!*

Несмотря на все это, кампанія въ пользу еженедѣльнаго отдыха окончилась пораженіемъ рабочихъ и на политической, и на экономической почвѣ.

Въ парламентѣ въ отвѣтъ на запросъ соціалистовъ „хозяйское большинство“ депутатовъ пригласило правительство примѣнять законъ самымъ либеральнымъ для хозяевъ образомъ. Въ непосредственной борьбѣ съ хозяевами рабочіе также наткнулись на самый рѣзкій отпоръ. Классъ противъ класса!

Кампанія велась всѣми возможными способами: газетныя статьи, афиши, безчисленныя собранія, манифестаціи, наконецъ, стачки—все было пущено въ ходъ. Но на этотъ разъ всего этого оказалось недостаточнымъ. Самыя сильныя средства—стачки—кончались полупобѣдой, полупораженіемъ именно благодаря отсутствію прочной организаціи. Начинались онѣ недружно; когда одна какая-нибудь профессія, изнемогши, прекращала стачку, на сцену выступала другая, чтобы въ свою очередь покончить борьбу на какихъ-нибудь частичныхъ уступкахъ. Въ стачки не удавалось вовлечь большинства рабочихъ профессій, и поэтому шли онѣ какъ-то неувѣренно. Сказывалось порывистое, нестойкое настроеніе, столь характерное для сильно эксплоатируемыхъ, но мало организованныхъ рабочихъ.

Хозяева дѣйствовали гораздо организованнѣе и энергичнѣе. Такъ, несмотря на стачку трехъ тысячъ булочниковъ, въ Парижѣ совершенно не

чувствовалось недостатка въ хлѣбѣ. Хозяева успѣли замѣстить большую часть ихъ рядовыми резервной арміи и выписанными изъ провинціи булочниками.

Содержатели кафе и ресторановъ растерялись тоже только въ первую минуту: они не ждали стачки, они не могли представить себѣ, чтобы ихъ столь покорный персоналъ внезапно оставилъ работу. Но и они черезъ два-три дня пришли въ себя и заполнили образовавшіяся въ рядахъ ихъ рабочихъ пустоты гарсонами изъ Германіи, Швейцаріи и юга Франціи. Насколько они были склонны къ примиренію сначала и какъ становились все смѣлѣе и безпощаднѣе по мѣрѣ прибытія изъ-за границы выписанныхъ ими гарсоновъ, видно изъ сравненія двухъ ихъ засѣданій: перваго, сейчасъ послѣ объявленія стачки, и второго, происходившаго нѣсколькими днями позже. На первомъ собраніи нѣкоторые хозяева говорили даже о „безнравственности поборовъ съ гарсоновъ“, объ отвратительной пищѣ, которою гарсоновъ кормятъ, о необходимости ничего не взимать со служащихъ. Самая постановка вопроса о поборахъ со служащихъ говоритъ о примирительномъ настроеніи хозяевъ. Вопросъ былъ проредактированъ такъ—частичное или полное уничтоженіе поборовъ. Объ оставленіи ихъ въ прежнемъ видѣ никто и не думалъ. Изъ 194 хозяевъ 40 высказалось за полное уничтоженіе и 54 за частичное; остальные, видимо, предпочитали выждать. О томъ же настроеніи свидѣтельствуетъ и поведеніе представителя извѣстнаго ресторана Максима; онъ былъ горячимъ сторонникомъ полнаго уничтоженія поборовъ и послѣ вота заявилъ: „Остается только кричать: да здравствуетъ стачка!“

На второмъ собраніи картина рѣзко измѣнилась: удалось найти замѣстителей забастовщиковъ, „защитники“ рабочихъ невѣдомо куда исчезли, и хозяева уже въ полномъ согласіи провотировали резолюцію, отвергающую всѣ требованія гарсоновъ, за исключеніемъ права носить усы. Рѣшительнѣе же всего хозяева отвергали какіе бы то ни было переговоры съ синдикатомъ. Противъ всего, что имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ коллективному договору, хозяева борются самымъ отчаяннымъ образомъ.

Совершенно такъ же, какъ владѣльцы ресторановъ, держались въ завязавшейся борьбѣ хозяева булочники, владѣльцы магазиновъ и пр. Какъ я сказалъ вначалѣ, буржуазія замѣтила, что еженедѣльный отдыхъ долженъ стать отправнымъ пунктомъ дальнѣйшей борьбы и рѣшительно забила отбой. Немедленно на помощь ей явились всѣ ея слуги: печать, „обрабатывающая“ общественное мнѣніе, правительство, пускающее въ ходъ грубую силу, судъ, добивающій взятыхъ въ плѣнъ враговъ, и т. д.

Можно сказать, что вмѣшательство въ борьбу этихъ элементовъ въ большой мѣрѣ способствовало пораженію рабочихъ.

Первой выступила печать всѣхъ оттѣнковъ отъ реакціонной до радикальной. Съ истинно-классовымъ чутьемъ она отказывалась разбирать от-

дѣльно тѣ или иныя требованія, тѣ или иныя выступленія рабочихъ. Какъ въ прошломъ году передъ 1-мъ мая Echo de Paris напечатала рядъ статей подъ названіемъ la Revolution qui vient, въ которыхъ старалась обобщить всѣ факты, скомбинировать всѣ признаки грядущей опасности, такъ и теперь газеты всѣхъ направленій въ *ежедневныхъ* статьяхъ пугали буржуазію, толкуя каждое движеніе рабочаго класса, какъ подготовительный моментъ, какъ прологъ, какъ начало конца. Шло ли дѣло о манифестаціи 20-го января въ пользу еженедѣльнаго отдыха, или о стачкѣ рабочихъ на заводахъ электрической энергіи, или о подготовленіяхъ къ 1-му мая, со всѣхъ газетныхъ столбцовъ несся одинъ предостерегающій вопль: „дѣйствуйте, пока не поздно!"

Фигаро, взывая къ правительству и обществу, пишетъ [1]): „Несчастные! Домъ горитъ. Передъ нами не призракъ, а живая, грозная дѣйствительность, передъ нами чудовище изъ плоти и крови, нѣчто подобное взбѣшенному Квазимодо... Мы всегда требовали энергичнаго вмѣшательства властей противъ циклона, грозящаго унести все, включая сюда и республику".

Если у редакторовъ *Фигаро* отъ полноты чувствъ уста глаголятъ не совсѣмъ вразумительно, Temps со всей возможной ясностью заявляетъ [2]): „Нужно покончить съ этимъ!"—покончить со стачками, съ синдикатами чиновниковъ, съ Конфедераціей труда.

Echo de Paris пишетъ: „Публика должна отвѣтить, позволитъ ли она играть собою, и не пора ли всѣмъ честнымъ и разсудительнымъ людямъ объединиться, чтобы скрутить комедіантовъ изъ Конфедераціи труда" [3]).

République française: „Страшно многозначительный урокъ далъ революціонный синдикализмъ (стачкой электротехниковъ) парижскому населенію, Франціи, властямъ".

Gaulois [4]): „Когда пролетаріи-соціалисты имѣютъ то, чего они хотятъ, они хотятъ того, чего не имѣютъ, и, покуда они не разорятъ тѣхъ, кто имъ даетъ работу, они не удовлетворятся".

Aurore [4]): стачка электротехниковъ—*актъ настоящаго вандализма*, актъ, поражающій всю работу и самое существованіе Парижа".

Les Débats констатируютъ, что „почти всѣ наши собратья приглашаютъ правительство принять мѣры. Намъ кажется, что его роль—заставить весьма энергичными мѣрами уважать *свободу* труда".

Въ томъ же духѣ, по-іезуитски двусмысленно высказывается Жеро-

---

1) 26 Avril.

2) 20 Avril.

3) 11 Mars.

4) 11 Avril.

5) Французскіе к.-д. тоже всегда говорятъ и „дѣйствуютъ" во имя цивилизаціи и культуры.

Ришаръ въ *Messidor*'ѣ и, наконецъ, *Le Radical* [1]), наиболѣе авторитетный органъ стоящей у власти партіи, заявляетъ: „Мы боремся не съ отдѣльными людьми, даже не съ группами и не съ партіями; мы ведемъ борьбу—и будемъ вести ее безпощадно — съ идеями, готовящими гибель *отечеству* и *цивилизаціи*“.

Послѣ такихъ напутствій правительство засучило рукава и взялось за работу. Заявленія его по отношенію къ организованному пролетаріату перестали чѣмъ-либо отличаться отъ выходокъ бульварныхъ листковъ самаго низкаго разбора.

Характерной въ этомъ отношеніи является рѣчь, сказанная въ Ліонѣ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ Сарро; въ ней мы находимъ такое мѣсто: „Я нисколько не негодую на оскорбленія, которыми Конфедерація труда, эта насильническая организація, за которой мы не признаемъ права говорить отъ имени пролетаріата, осыпаетъ правительство. Наоборотъ, я радъ имъ, ибо зрѣлище, представляемое этой организаціей, производитъ такое же впечатлѣніе, какое въ древности производилъ пьяный илотъ, и оно даетъ намъ представленіе, какой отвратительно тупой была бы для несчастнаго будущаго ея случайная диктатура“ [2]).

Заявленія президента министровъ Клемансо, если по необходимости не являются столь наглыми, — онъ ихъ дѣлалъ въ Палатѣ, и здѣсь не по-русски относятся къ народному представительству—остаются все же глубоко реакціонными. Здѣсь я ограничусь указаніемъ на его отвѣтъ Жорэсу, когда этотъ послѣдній спросилъ его въ Палатѣ, на какомъ основаніи рабочіе-электротехники были замѣнены солдатами. Клемансо, увѣренный въ поддержкѣ всѣхъ фракцій буржуазіи, заявилъ, что такъ какъ общество имѣетъ право на жизнь, то онъ и впредь будетъ замѣщать стачечниковъ солдатами, если стачка будетъ нарушать интересы общества.

Само собой разумѣется, что доводъ этотъ, построенный на софистическомъ противопоставленіи общества стачечникамъ, не выдерживаетъ критики. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ самый выгодный для правительственнаго тезиса случай—огромную, всеобщую стачку рабочихъ; въ этомъ случаѣ, столь грозномъ для „общества“, правительство будетъ считать себя, навѣрно, вправѣ не только замѣнить стачечниковъ солдатами, но и вообще „пустить въ ходъ“ войска; и мы этого права не оспариваемъ. Мы только скажемъ, что не слѣдуетъ обманывать публику словомъ „общество“: подъ этимъ словомъ понимается совокупность всѣхъ гражданъ даннаго государства, и если вы изъ этой совокупности исключаете десятки милліоновъ рабочихъ и членовъ ихъ семей, интересъ которыхъ въ успѣхѣ стачки, а не въ ея подавленіи, то остатокъ не можетъ называться обществомъ. Назовите его буржуазіей городской и сельской, чиновничествомъ,

---

[1]) 16 Avril.

[2]) l'Humanité, № 1100.

войскомъ, и тогда всѣмъ станетъ ясно, что передъ нами соціальная война, что вы защищаете одну группу, одинъ классъ противъ другого, а общество здѣсь не при чемъ. Если же дѣло идетъ о частичныхъ стачкахъ, то и тутъ защита интересовъ „общества" скрываетъ за собой лишь борьбу съ рабочимъ классомъ или группами его, требующими улучшенія своего положенія.

Ограниченія или самоограниченія Клемансо, заявившаго, что онъ считаетъ себя вправѣ замѣщать стачечниковъ войсками только въ случаѣ стачекъ въ наиболѣе необходимыхъ для жизни общества производствахъ, никакого значенія не имѣютъ. Если оказались безусловно необходимыми для жизни общества электротехники, то таковыми же являются и сельскохозяйственные рабочіе, и булочники, и желѣзнодорожники, и углекопы, и водопроводчики, и рабочіе газовыхъ заводовъ и т. д., т. е. огромное большинство рабочихъ.

Таковы типичныя для правительства заявленія, дѣйствія его находятся съ ними въ полной гармоніи.

Неизмѣнно во время всѣхъ происходившихъ здѣсь стачекъ въ „угрожаемыя" мѣстности посылались массами жандармы; въ Парижѣ въ частности мы такъ уже привыкли къ коннымъ и пѣшимъ патрулямъ, что почти не находимъ страннымъ ихъ появленіе на улицахъ [1]).

Манифестаціи запрещены самымъ безусловнымъ образомъ. Дни манифестацій—это дни военно-полицейскихъ маневровъ. Въ такіе дни площадь Республики, близъ которой находится Биржа Труда, представляетъ собою оригинальное зрѣлище. Вокругъ нея въ теченіе цѣлаго дня скачутъ шеренги драгунъ на разстояніи 20 метровъ одна отъ другой. Получается нѣчто вродѣ большой мельницы, безпрерывно заметающей площадь своими крыльями. Въ близлежащихъ улицахъ „дѣйствуютъ" муниципальные гвардейцы и полицейскіе. Маневрами руководитъ „самъ" Лепинъ (префектъ полиціи).

Бунтовщиками (за неимѣніемъ настоящихъ) считаются тѣ, кто не-

---

[1]) На случай стачекъ въ Парижѣ выработанъ цѣлый планъ мобилизаціи, что обнаружилось совершенно случайно. 3-го апрѣля безъ всякихъ видимыхъ причинъ былъ залитъ войсками цѣлый рядъ аррондисмановъ праваго берега Сены. Публика была очень заинтересована. Черезъ нѣсколько дней выяснилось, что правительство разослало начальникамъ гарнизоновъ сосѣднихъ съ Парижемъ городковъ секретные приказы о мобилизаціи въ запечатанныхъ конвертахъ. На конвертахъ было указано, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ распечатать ихъ и выполнить приказъ. Подполковникъ Венсенскаго гарнизона Бонъ, получивъ пакетъ, поспѣшилъ его распечатать и въ *сорокъ пять минутъ* выполнилъ приказъ. За разоблаченіе плановъ правительства усердный подполковникъ отправленъ въ отставку.

Но какъ буржуазія готовится!

достаточно быстро, предупредительно и весело повинуется приказамъ полицейскихъ: avancez! circulez! Къ концу „боевого" дня въ ближайшемъ участкѣ набирается нѣсколько сотъ такихъ бунтовщиковъ. Тамъ ихъ всѣхъ избиваютъ (не по-русски, но чувствительно все-таки) и въ огромномъ большинствѣ случаевъ отпускаютъ съ міромъ. Такъ было 1-го мая прошлаго года и въ этомъ году 20-го января (манифестація въ пользу еженедѣльнаго отдыха) и 1-го мая [1]).

Послѣ такихъ дней правительство провозглашается спасителемъ Франціи. Обходится такое „спасеніе" всякій разъ не очень дешево; такъ, только передвиженіе войскъ къ 1-му мая въ прошломъ году обошлось въ 433.140 франковъ.

Но это не все. Правительство нерѣдко фактически лишаетъ рабочихъ права собраній, закрывая Биржу Труда, или не пропуская въ нее рабочихъ. Парижскіе рабочіе имѣютъ право собираться въ залахъ Биржи Труда (когда она не закрыта), но не имѣютъ права пройти въ нее.

Не останавливается правительство Клемансо и передъ предупредительными арестами. Министръ внутреннихъ дѣлъ приказываетъ арестовать неудобныхъ лицъ. Его коллега, завѣдующій юстиціей, приказываетъ возбудить противъ нихъ какое-нибудь дѣло, не останавливаясь передъ примѣненіемъ „преступныхъ законовъ". Затѣмъ, если удается засадить по суду надолго арестованныхъ,—засаживаютъ; если нѣтъ,—выпускаютъ. Послѣдняя часть программы выполняется равнодушно, безъ увлеченія и злобы. Нужно было въ опредѣленный моментъ извлечь изъ обращенія вредныхъ людей; когда эта цѣль достигнута, дальнѣйшая ихъ участь не интересуетъ правящихъ. Такъ въ прошломъ году передъ 1-мъ мая Клемансо арестовалъ виднѣйшихъ членовъ Конфедераціи и утверждалъ съ трибуны, что у него въ рукахъ имѣются неопровержимыя доказательства участія арестованныхъ въ монархическомъ заговорѣ. 1-е мая прошло, и арестованные были освобождены за полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо уликъ противъ нихъ.

То, что на общеупотребительномъ языкѣ называется клеветой и ложью, на языкѣ государственныхъ людей называется—дипломатическимъ ходомъ. Такіе дипломатическіе ходы совершаются почти ежедневно виднѣйшими членами теперешняго кабинета. Каждое распоряженіе Клемансо, Вивіани, Бріана является отрицаніемъ всей ихъ предыдущей дѣятельности; каждое ихъ заявленіе—циничнымъ опроверженіемъ прежнихъ, послѣднія изъ которыхъ сдѣланы всего годъ тому назадъ.

Я не могу говорить здѣсь подробно [2]) объ этомъ вызывающемъ от-

---

[1]) Изъ 760 арестованныхъ 1-го мая освобождено было въ тотъ же день и слѣдующій 750 человѣкъ.

[2]) Я не могу говорить объ этомъ подробно, но не могу и не привести нѣсколькихъ образчиковъ прежнихъ заявленій:

вращеніе поведеніи безпринципныхъ, безсовѣстныхъ людей (да и стоитъ-ли?!), но долженъ коснуться этого предмета, чтобы разсказать о преслѣдованіяхъ кабинетомъ синдикатовъ чиновниковъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ всѣ названные члены кабинета самымъ рѣшительнымъ образомъ рекомендовали чиновникамъ образовывать синдикаты. Въ законѣ 1884 года о синдикатахъ не упоминается о чиновникахъ и поэтому Клемансо, Бріанъ и Вивіани совершенно резонно говорили: „Если не запрещено, значитъ разрѣшено". Клемансо, любившій казаться анархистомъ, сказалъ даже однажды учителямъ департамента Варъ по поводу того же закона 1884 г.: „Когда васъ какой-нибудь законъ стѣсняетъ, переступите черезъ него".

Но теперь времена измѣнились: съ одной стороны, бывшіе бунтари стали у власти—это очень мѣняетъ точку зрѣнія, съ другой—движеніе низшихъ чиновниковъ приняло пугающіе начальство размѣры. Перейти отъ теоретическихъ споровъ о правѣ чиновниковъ устраивать синдикаты къ борьбѣ съ ними пришлось, по ироніи судьбы, самымъ горячимъ защитникамъ этихъ синдикатовъ въ прошломъ. Сперва пытались было опредѣлить понятіе „чиновникъ", чтобы „законно" лишить ихъ права образовывать синдикаты.

Человѣкъ, занятый на службѣ у государства—въ такомъ случаѣ чиновниками оказывались не только желѣзнодорожные рабочіе государственныхъ дорогъ, но и рабочіе на спичечныхъ фабрикахъ, больничные служащіе, подметальщики улицъ и т. д.

Клемансо о посылкѣ войскъ на мѣста стачекъ: „Г. Бриссонъ наполнилъ улицы солдатами противъ отсутствующихъ враговъ... Помните ли вы то время, когда Гамбетта проповѣдовалъ, что никогда не слѣдуетъ посылать войска въ видѣ предупредительной мѣры?—потому что при появленіи солдатъ хозяинъ чувствуетъ себя защищеннымъ, и рабочій видитъ направленными противъ себя острія штыковъ. Помните ли вы это, г. Бриссонъ? Въ какомъ вѣкѣ это было сказано? Какъ измѣнилась республиканская партія!" *Aurore,* 19 oct. 1898.

Клемансо о государственныхъ интересахъ, во имя которыхъ теперь онъ подавляетъ стачки и запрещаетъ синдикаты чиновниковъ: „Длинная исторія государства состоитъ изъ убійствъ и крови. Всѣ совершавшіеся въ мірѣ преступленія, убійства, войны, пытки, костры, клятвопреступленія оправдывались государственными интересами, государственными соображеніями" (рѣчь, произнесенная въ Сенатѣ 17-го ноября 1903 г.).

Вивіани о синдикатахъ чиновниковъ: „мы, соціалисты, можемъ гордиться тѣмъ, что всегда направляли въ сторону синдикальной борьбы всѣхъ, спрашивавшихъ у насъ указанія или совѣта" (*Petit Provençal,* 5 Avr. 1906. Цитирую по l'Humanité, № 1103).

Бріанъ о синдикальномъ движеніи: „Наступитъ день, когда рабочіе тѣсно сплотившись на синдикальной почвѣ, противопоставятъ хозяевамъ непреодолимую силу" (La grève générale et la révolution, p. 6).

Лица, назначенныя спеціальнымъ постановленіемъ, но мнѣ самому пришлось прочесть въ *Journal Officiel* отъ 30-го апрѣля слѣдующее: „постановленіемъ отъ 27-го марта 1907 назначается Мальторъ (Пierръ) на мѣсто судомойки въ Національный пріютъ для выздоравливающихъ“.

Лица, получающія пенсію отъ государства (опредѣленіе министра Жюля Роша),—но тогда чиновниками сдѣлаются всѣ рабочіе Франціи, какъ только будетъ принятъ законъ о пенсіяхъ рабочимъ.

Государственные служащіе, облеченные хоть какой-либо частицей власти,—но тогда, наоборотъ, не будутъ считаться чиновниками учителя, низшіе почтово-телеграфные служащіе и пр., которымъ придется разрѣшить устраивать синдикаты.

Наконецъ, эта теоретическая работа надоѣла правительству. Министръ юстиціи Гюйо-Дессэнь (бывшій прокуроръ имперіи) въ законопроектѣ о синдикатахъ чиновниковъ такъ опредѣлилъ трудно опредѣлимое понятіе, что стало совершенно ясно, что дѣло не въ принципѣ, не въ теоріи, а въ необходимости создать законъ, который бы „досталъ“ всѣхъ, кого понадобится.—1-ая статья законопроекта гласитъ: „Считаются чиновниками *для примѣненія даннаго закона* (буквально!) всѣ тѣ, кто въ качествѣ делегатовъ власти, служащихъ, высшихъ и низшихъ агентовъ входятъ въ постоянные кадры, организованные для отправленія какой-либо общественной функціи, находящейся въ вѣдѣніи государства“.

Но, не дожидаясь принятія этого „закона“, правительство обрушилось на непокорныхъ цѣлымъ рядомъ репрессій: выговоры, предостереженія, временное лишеніе должности и, наконецъ, окончательное изгнаніе,—все это было примѣнено для обузданія наиболѣе энергичныхъ дѣятелей покуда двухъ синдикатовъ: синдиката учителей и синдиката низшихъ служащихъ почты, телеграфовъ и телефоновъ.

Въ отвѣтъ на это растетъ и ширится движеніе среди „чиновниковъ“, принимая размѣры крупнаго соціальнаго явленія. Можно сказать, что въ быстротѣ развитія движенія правительство сыграло огромную роль.

Я не могу, къ сожалѣнію, сообщить здѣсь о всѣхъ перипетіяхъ этой поучительной борьбы—мое письмо слишкомъ затянулось, а я хочу еще отмѣтить два факта, которые лучше всякихъ разсужденій и доказательствъ говорятъ о признакахъ недалекой, быть можетъ, и серьезной соціальной войны. Предчувствуя ее, буржуазія готовится... пока она посылаетъ войска на мѣста стачекъ, но она учитываетъ вліяніе на войско сокращенія срока службы, учитываетъ вліянія антимилитаристской пропаганды, учитываетъ всякія далекія еще возможности... Короче, министерство внесло въ Палату законопроектъ о созданіи спеціальнаго подвижного корпуса жандармовъ „для поддержанія порядка и выполненія законовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда понадобятся для этого *крупныя силы*“ (1-ая статья законопроекта).

Второй фактъ: въ номерѣ *Figaro* 15-го апрѣля этого года напечатано воззваніе доктора правъ Леандри съ самымъ сочувственнымъ введеніемъ редакціи. Воззваніе это своимъ появленіемъ говоритъ о томъ, что реакціонныя группы буржуазіи не удовлетворяются самоорганизаціей, организаціей *желтыхъ* синдикатовъ штрейкбрехеровъ, не удовлетворяются всей *желтой* дѣятельностью своего министерства, но не прочь организовать на всякій случай и настоящую черную сотню.

Воззваніе это, какъ будто взятое изъ „Русскаго Знамени", обѣщаетъ отъ имени образующихся контръ-революціонныхъ группъ поддержку правительству, если оно будетъ бороться съ анархіей, въ противномъ же случаѣ „на насилія революціонеровъ мы отвѣтимъ насиліемъ, на войну войной". „Мы не партія... подъ широкими складками трехцвѣтнаго знамени соберутся всѣ члены общества, желающаго защищаться, всѣ дѣти отечества, желающаго прежде всего жить" (совсѣмъ языкъ министра внутреннихъ дѣлъ Клемансо)... „Тогда увидятъ, что негодяи, смѣлые только благодаря нашему долготерпѣнію, не смогутъ устоять передъ честными людьми, рѣшившимися, наконецъ, напасть на нихъ съ здоровой дубиной и занесеннымъ для удара сапогомъ... насъ найдутъ повсюду... гдѣ нужно будетъ развернуть славное знамя Вальми, Аустерлица и Іены противъ *красной тряпки* Интернаціонала!" (плагіатъ или les beaux esprits se rancontrent?).

Я прочелъ свое письмо и думаю теперь, не вызоветъ ли оно въ читателѣ вопроса—стоило ли французскому пролетаріату въ рядѣ революцій проливать рѣки крови для того, чтобы прійти къ теперешнему положенію.

Я считаю возможнымъ такой вопросъ, потому что здѣсь нетерпѣливые товарищи готовы кричать вмѣстѣ съ Эрве „à bas la Rèpublique!", считаю возможнымъ, потому что видѣлъ, какъ на площади Республики въ „боевые" дни товарищи, заброшенные сюда изъ Россіи, превращались изъ соціалистовъ въ анархистовъ въ 24 секунды, какъ грустно шутили мы.

А между тѣмъ, какое въ сущности это доказательство непрочности соціалистическихъ взглядовъ! Вѣдь не могли же мы отъ буржуазной республики ждать освобожденія пролетаріата; она должна была дать свободы, должна была дать возможность рабочему классу сорганизоваться и эти свободы и эту возможность дала. Если насъ теперь печалитъ разгулъ буржуазнаго произвола, то нужно понять, что онъ — результатъ слабой организаціи рабочаго класса Франціи, что французскій пролетаріатъ недостаточно воспользовался имѣвшейся у него возможностью организоваться для неизбѣжныхъ битвъ. Мы стремимся къ новому строю, но въ предѣлахъ стараго не сумѣли приготовиться къ завоеванію его. И не строй виноватъ въ этомъ, не онъ виноватъ въ томъ, что изъ десяти милліоновъ французскихъ рабочихъ объединено въ боевые синдикаты всего около

400 тысячъ, а за соціалистическую партію голосовало немногимъ больше 900 тысячъ человѣкъ; не строй виноватъ въ томъ, что единственная соціалистическая газета Парижа *l'Humanité* съ трудомъ влачитъ существованіе и принуждена прибѣгать къ общественной благотворительности, такъ какъ имѣетъ всего 10 тысячъ подписчиковъ; что боевой органъ Конфедераціи труда *la Voix du peuple* вотъ уже *шесть* лѣтъ не можетъ превратиться изъ еженедѣльнаго органа въ ежедневный, несмотря на всѣ усилія.

Конечно, всѣми благами буржуазной республики рабочіе могутъ пользоваться только въ періодъ мира; въ періодъ соціальной войны недѣйствительны бумажные законы, правила и пр., какъ во время войнъ между государствами оказываются забытыми пункты женевской конвенціи и постановленія гаагскихъ конференцій.

Влад. Шахъ.

Новый финляндскій парламентъ.

(Продолженіе).

---

2. Законъ о выборахъ.

Сеймовый Уставъ, устанавливающій компетенцію финляндскаго парламента и регулирующій взаимоотношенія между верховной властью и народнымъ представительствомъ, какъ мы видѣли, оставляетъ желать весьма и весьма многаго [1]). Иначе обстоитъ дѣло съ той частью финляндской конституціи, которая опредѣляетъ основы новаго избирательнаго закона [2]). Прежняя, обветшалая система народнаго представительства, не отвѣчавшая болѣе сложнымъ соціальнымъ группировкамъ современности, отошла, наконецъ, со введеніемъ новыхъ основныхъ законоположеній Финляндіи, въ область преданій.

Новый законъ безповоротно покончилъ съ прошлымъ, замѣнивъ четырехкамерный, сословный Сеймъ представительствомъ съ *одной палатой*. Это былъ крупный и рѣшительный шагъ. Лозунгъ одной палаты, брошенный въ массы рабочей партіей, долгое время подвергался рѣзкому гоненію со стороны буржуазіи. Во времена особенно упорной борьбы за реформу избирательной системы въ Финляндіи, зимою 1905—1906 гг., принципъ этотъ много разъ казался безповоротно отвергнутымъ вершителями судебъ народа; много разъ соціалъ-демократіи приходилось съ упорствомъ отстаивать эту демократическую основу, подымая въ пользу нея шумную, „назойливую", съ точки зрѣнія буржуазіи, агитацію. Если принципъ одной палаты и восторжествовалъ въ концѣ-концовъ въ Финляндіи, то въ значительной мѣрѣ благодаря успокоительной увѣренности

---

[1]) Въ прошлой главѣ статьи (Апрѣльская книжка „Образованія", стр. 72) вкралась опечатка: при указаніи числа соціалъ-демократическихъ депутатовъ, избранныхъ въ Сеймъ, вмѣсто 80 поставлено 72. *А. К.*

[2]) Основы эти, указанныя въ самомъ „Сеймовомъ Уставѣ", дополнены и развиты въ особой части конституціоннаго уложенія Финляндіи, подъ названіемъ „Законъ о выборахъ" (Вторая часть основныхъ законовъ).

буржуазіи въ томъ, что при широкихъ полномочіяхъ, оставляемыхъ новой конституціей исполнительной власти, даже и однопалатная система не сможетъ оказаться для интересовъ буржуазіи особенно опасной. Заботливо сохранивъ въ Сеймовомъ Уставѣ все то, что ограничивало компетенцію народнаго представительства, творцы новой Финляндской конституціи великодушно включили требованія „низовъ“, признавъ въ § 2 Сеймоваго Устава, что сеймъ „образуетъ одну палату въ составѣ 200 сеймовыхъ депутатовъ“.

Столь-же вынужденной уступкой домогательству демократіи является и признаніе, какъ активнаго, такъ и пассивнаго избирательныхъ правъ за всѣми, „безъ различія пола“, гражданами, которымъ исполнилось 24 года. Распространеніе избирательныхъ правъ на женщинъ пріобщаетъ финляндское представительство къ наиболѣе демократичнымъ въ мірѣ и ставитъ его въ ряду европейскихъ странъ на первое мѣсто. Этотъ смѣлый для буржуазнаго государства шагъ вызываетъ чувство естественнаго недоумѣнія и желаніе вникнуть въ причины, сдѣлавшія возможнымъ подобный экспериментъ. Сами творцы новаго избирательнаго закона еще весьма и весьма недавно говорили о такомъ шагѣ, какъ о „сумасбродной“ и „фантастической“ идеѣ, могущей исходить развѣ изъ лагеря буйныхъ мечтателей-соціалъ-демократовъ.

Оставляя въ сторонѣ болѣе глубокія соціально-экономическія причины, сдѣлавшія возможнымъ такого рода явленіе, отмѣтимъ лишь, что *активнымъ* факторомъ проведенія въ жизнь принципа женскаго политическаго равноправія являлась рабочая партія въ лицѣ ея десятковъ тысячъ организованныхъ рабочихъ и работницъ. Съ момента образованія самостоятельной рабочей партіи, съ момента провозглашенія пролетаріатомъ его соціалъ-демократическаго credo, борьба за демократизацію народнаго представительства велась подъ лозунгомъ четырехчленной формулы съ прибавкой „безъ различія пола“. Ни одна манифестація въ пользу реформы выборной системы (а ихъ устраивалось по нѣсколько ежегодно) не проходила безъ активнаго участія женщинъ-работницъ; рядомъ съ знаменами, напоминавшими объ однопалатной системѣ, о прямомъ и тайномъ голосованіи, развѣвались и такія, на которыхъ ярко красовалось требованіе работницъ: „политическія права труженицамъ-женщинамъ!“ Въ бурные октябрьскіе дни, когда финляндскій пролетаріатъ выдерживалъ двойной бой съ русскими властями и отечественной буржуазіей,—вся атмосфера казалась насыщенной однимъ крикомъ: политическія права для всѣхъ гражданъ безъ различія пола. Нескончаемая вереница ораторовъ рабочей партіи, выступавшихъ на 30-тысячныхъ митингахъ, съ одинаковымъ энтузіазмомъ защищала, какъ однопалатную систему, такъ и распространеніе избирательныхъ правъ на всѣхъ безъ изъятія гражданъ страны.

Буржуазныя женскія организаціи кичатся теперь побѣдой женщины на

политическомъ поприщѣ и охотно приписываютъ ее себѣ, провозглашая ее результатомъ феминистской агитаціи; но при этомъ совершенно замалчивается, что еще года два тому назадъ тѣ же самыя организаціи выставляли своимъ лозунгомъ женское избирательное право, основанное на имущественномъ цензѣ, и ни въ коемъ случаѣ не являлись сторонницами реформы всей представительной системы Финляндіи, безъ чего, разумѣется, распространеніе политическихъ правъ на женщинъ оставалось бы не болѣе, какъ платоническимъ пожеланіемъ. Потребовался грозный взрывъ народнаго неудовольствія, нужно было, чтобы революціонная волна широко раскатилась по странѣ, чтобы выдвинуть иной, болѣе широкій политическій лозунгъ, затрогивающій интересы рабочаго класса. Если бы въ свое время рабочій классъ не сказалъ своего рѣшительнаго слова по вопросу политическаго равноправія женщинъ, принципъ этотъ, конечно, и до сихъ поръ не прошелъ бы въ жизнь.

Усиліями рабочей партіи удалось также включить въ Сеймовый Уставъ такіе важные параграфы, какъ 4 и 5, которыми устанавливаются *пропорціональное* представительство и *всеобщее*, *равное* и *прямое* голосованіе. Лишенными избирательныхъ правъ оказываются лишь: лица, находящіяся на дѣйствительной военной службѣ, состоящія подъ опекой, не числившіяся за послѣдніе три года въ мантальныхъ (податныхъ) спискахъ края (если причиной тому не послужила удостовѣренная несостоятельность), пользующіяся пособіемъ отъ учрежденій общественнаго призрѣнія, приговоренныя за бродяжничество къ общественнымъ работамъ—до исхода третьяго года послѣ освобожденія изъ работнаго дома, лица, уступившія свое имущество удовлетворенію кредиторовъ, лишенныя по суду непорочнаго имени и, наконецъ, уличенныя въ покушеніи на продажу или покупку голосовъ или въ насиліяхъ, нарушающихъ свободу выборовъ.

Демократическое начало, положенное въ основу избирательной системы Финляндіи, выдержано весьма строго и соблюдено даже во многихъ частностяхъ; такъ, напр., множественность голосовъ избирателя, составлявшая характерную черту прежней финляндской избирательной системы и существующая въ другихъ странахъ, напр., въ Бельгіи, даже при пропорціональномъ представительствѣ, совершенно устранена. Лозунгъ „одинъ человѣкъ — одинъ голосъ“, въ Финляндіи впервые провозглашенный на рабочихъ съѣздахъ, осуществленъ въ полной мѣрѣ. Другое распространенное нарушеніе демократическаго принципа—признаніе ценза, прямого или замаскированнаго, имѣющее мѣсто, напр., во Франціи (срокъ приписки къ опредѣленной мѣстности) или Англіи (наемъ помѣщенія), также совершенно отсутствуетъ въ новой финляндской конституціи. Избиратель можетъ подавать голосъ независимо отъ мѣста приписки, и въ депутаты могутъ быть избираемы всѣ полноправные граждане, независимо отъ ихъ мѣстожительства (§ 6).

Лишь два пункта § 5 противорѣчатъ общему демократическому духу, проникающему собою новую выборную систему Финляндіи: это—пункты 5 и 7, опредѣляющіе границы политическаго полноправія гражданъ на основаніи чисто экономическаго критерія: лицо, впавшее въ нищету, вычеркивается изъ списка активнаго гражданства. Существующая эксплоатаціонная система можетъ довести человѣка до нищеты; но, какъ только этотъ человѣкъ окажется вынужденнымъ искать поддержки у общества, онъ теряетъ, вслѣдствіе одного этого факта, свои гражданскія права, въ то время какъ лица, доведшія его до подобнаго зависимаго состоянія, преблагополучно продолжаютъ пользоваться преимуществами своего положенія — своими политическими правами. Еще отчетливѣе сказывается реакціонный духъ съ его лицемѣрными традиціями во второмъ изъ указанныхъ пунктовъ — въ пунктѣ 7 § 5: выборнымъ правомъ не пользуется тотъ, „кто приговоренъ за бродяжничество къ общественнымъ работамъ— до исхода третьяго года, послѣ того, въ которомъ онъ былъ освобожденъ изъ работнаго дома“. Не переноситъ ли насъ этотъ пунктъ въ блаженныя времена прошлыхъ столѣтій, когда за бродяжничество клеймили каленымъ желѣзомъ, и не является ли онъ косвенной гарантіей обильнаго предложенія рабочихъ рукъ, готовыхъ на любыя условія, лишь бы избѣжать работнаго дома?

Нельзя не указать еще на одинъ недостатокъ, нарушающій чистоту демократическаго принципа избирательной системы Финляндіи, а именно: на установленіе 24-лѣтняго возраста въ качествѣ минимума политическаго совершеннолѣтія. Напрасными оказались всѣ усилія рабочей партіи понизить избирательный возрастъ до 21-го года; буржуазія цѣпко держалась за „частности“ новаго закона, помогавшія ей хоть сколько-нибудь удержать въ своихъ рукахъ ускользающую власть. Само собой разумѣется, что демократическіе элементы финляндскаго общества не складываютъ оружія и что на ближайшемъ Сеймѣ, открытіе котораго предстоитъ въ маѣ мѣсяцѣ, поднятъ будетъ вопросъ о необходимости пониженія избирательнаго возраста. Предложеніе это внесено будетъ въ видѣ петиціи, такъ какъ моціи не могутъ касаться измѣненія основныхъ законовъ. Однако, судьбу даннаго предложенія, принимая во вниманіе настроеніе „верховной власти“, нетрудно предугадать: петицію не „признаютъ для края полезной“ и, вслѣдствіе этого, она не будетъ принята „во уваженіе“ Великимъ Княземъ Финляндскимъ.

Большимъ неудобствомъ для всего трудящагося населенія Финляндіи является еще тотъ фактъ, что законъ не устанавливаетъ обязательнаго праздничнаго отдыха въ день выборовъ. Параграфъ 7 лишь предписываетъ предпринимателямъ по возможности допускать служащаго у него избирателя къ осуществленію его избирательнаго права, грозя въ противномъ случаѣ подвергнуть хозяина денежному взысканію. Но предписаніе

это теряетъ всю свою категоричность отъ внесенія въ него растяжимаго понятія „*по возможности*“, грозящаго, что это, столь важное для рабочаго класса, постановленіе практически не получитъ желательнаго примѣненія. Мало того, § этотъ ставитъ рабочаго въ новую зависимость отъ хозяина и будетъ, конечно, не разъ служитъ поводомъ къ непріятнымъ столкновеніямъ. Несомнѣнно, что настаивать на прекращеніи работъ въ день выборовъ будутъ лишь наиболѣе сознательные рабочіе, тогда какъ сѣрыя массы, какъ это показала и практика недавнихъ выборовъ, не пожелаютъ лишиться заработка и предпочтутъ уклониться отъ исполненія своего гражданскаго долга. Что же касается г-дъ предпринимателей, то много-ли найдется среди нихъ людей, готовыхъ по добровольному почину отпустить своихъ „наемныхъ рабовъ“ къ избирательнымъ урнамъ, несмотря на растущій классовый антагонизмъ и несмотря на сознаніе того, что этимъ они могутъ лишь увеличить армію своихъ непосредственныхъ политическихъ противниковъ. Единственнымъ исходомъ для рабочихъ является планомѣрно-проведенная забастовка въ день выборовъ, что и было, напр., въ этомъ году осуществлено во многихъ мѣстахъ Финляндіи.

Для обезпеченія свободы выборовъ и огражденія избирателя отъ внѣшняго давленія, въ сеймовый Уставъ введенъ особый пунктъ (въ § 7): Должностное лицо, „посягающее повліять своею служебною властью на сеймовые выборы“, карается лишеніемъ должности. Вмѣстѣ съ тѣмъ *каждое лицо*, нарушающее свободу выборовъ „подговорами“ или „обѣщаніями“ подвергается тюремному заключенію срокомъ не свыше трехъ мѣсяцевъ. Если, кромѣ „подговоровъ“, лицами этими еще будутъ пущены въ ходъ насилія или угрозы, то имъ грозитъ тюремное заключеніе до одного года. Этими суровыми предписаніями законъ разсчитываетъ предупредить извращенія народной воли, проявляющейся въ свободномъ избраніи своихъ представителей.

Таковы главнѣйшія начала, положенныя въ основу представительной системы Финляндіи. Остановимся теперь нѣсколько болѣе подробно на способѣ обезпеченія представительства меньшинства и на распредѣленіи депутатскихъ мѣстъ при сохраненіи принципа пропорціональности.

Въ томъ, что составители новаго сеймоваго устава рѣшились примѣнить въ Финляндіи еще мало-распространенную систему пропорціональнаго представительства, усматриваютъ логически-послѣдовательный и „безстрашный“ радикализмъ почтенныхъ финляндскихъ сенаторовъ. Однако, стоитъ нѣсколько ближе приглядѣться къ соціально-политическимъ условіямъ, установившимся въ Финляндіи, чтобы замѣтить ошибочность такого поспѣшнаго умозаключенія. Не идеальная приверженность къ радикальнымъ экспериментамъ, а узко-практическій, чисто-классовый интересъ заставлялъ шведоманскихъ сенаторовъ отстаивать принципъ представительства меньшинствъ. Шведоманская часть финляндскаго сената прекрасно сознавала,

что при относительной малочисленности шведскаго населенія въ Финляндіи мажоритарная система грозитъ подорвать привычное господство шведской партіи. Надо было, во что-бы то ни стало, изыскать способъ для обезпеченія шведамъ обычнаго вліянія въ новомъ реформированномъ парламентѣ. Лучшимъ средствомъ для этого являлось введеніе пропорціональнаго представительства. Только оно одно и могло обезопасить шведовъ отъ окончательнаго поглощенія ихъ „полу-варварами" — суометаріанцами и „истинными варварами" — соціалъ-демократами... Картина получилась поистинѣ умилительная: въ высокой степени осторожные и благоразумные государственные мужи ломали копья за возможно болѣе совершенную и демократическую форму избирательной системы! „Общество" восторгалось и изумлялось. Суометаріанцы попробовали было хмуриться и протестовать, но растущая мощь рабочей партіи заставила ихъ во-время одуматься: благоразуміе подсказывало, что отъ пропорціональнаго представительства при современномъ настроеніи „низовъ" буржуазные элементы только выиграютъ. Къ тому же, разъ демократическій принципъ осуществленъ будетъ въ полной мѣрѣ, никто ужъ не посмѣетъ упрекнуть финляндскую буржуазію въ томъ, что она не оказалась на высотѣ положенія!...

Избирательная процедура въ Финляндіи происходитъ на слѣдующихъ основаніяхъ.

Страна подраздѣляется на избирательные округа (не менѣе двѣнадцати и не болѣе восемнадцати). Въ настоящее время установлено 16 округовъ, изъ которыхъ 15 избираютъ 199 депутатовъ (распредѣленныхъ соразмѣрно численности населенія) и 1 округъ (Лаппмаркенскій) посылаетъ одного депутата. Въ среднемъ въ Финляндіи на каждые 14000 жителей приходится одинъ представитель въ Сеймѣ; это соотношеніе относительно благопріятное—въ Швейцаріи на одного депутата приходится около 20 тысячъ, въ Англіи даже около 53 тысячъ жителей, и лишь въ такихъ небольшихъ странахъ, какъ, напр., Данія,—16 тысячъ жителей.

Распредѣленіе числа кандидатовъ по округамъ на основаніи мантальной переписи производится Сенатомъ каждый десятый годъ и публикуется въ „Сборникѣ постановленій Великаго Княжества". За сорокъ дней до выборовъ въ каждомъ избирательномъ округѣ учреждается офиціальная центральная избирательная комиссія (на подобіе избирательныхъ бюро въ Бельгіи и Швейцарскихъ кантонахъ съ пропорціональнымъ представительствомъ), въ составѣ 5 членовъ и двухъ кандидатовъ къ нимъ, изъ которыхъ три члена (въ томъ числѣ—предсѣдатель) и одинъ кандидатъ назначаются Сенатомъ, а остальные два члена и кандидатъ — городскими уполномоченными. Засѣдаетъ центральная комиссія въ губернскомъ городѣ своего округа [1]). Каждый избирательный округъ распадается на общины;

[1]) Городъ причисляется къ тому округу, къ которому принадлежитъ прилегающая мѣстность.

если въ какой-либо изъ общинъ числится болѣе $1^1/_2$ тысячъ жителей, то она въ свою очередь подраздѣляется на избирательные участки. Отступленіе отъ такого мелкаго дробленія допускается въ томъ случаѣ, если оно является неудобнымъ по условіямъ мѣстности или путей сообщенія. Города, съ населеніемъ свыше 3000 жителей, также подраздѣляются на участки. Помимо центральной комиссіи даннаго округа, учреждается еще рядъ мѣстныхъ комиссій, вѣдающихъ также выборной техникой. Въ каждой сельской общинѣ въ годъ истеченія срока полномочій депутатовъ заблаговременно назначается общинной управой мѣстная избирательная комиссія изъ 4 членовъ и предсѣдателя; если община подраздѣлена еще на участки, то подобныя-же комиссіи назначаются и въ каждомъ изъ послѣднихъ. Членами мѣстныхъ избирательныхъ комиссій состоятъ лица, пользующіяся избирательнымъ правомъ и проживающія въ данномъ округѣ. Въ городахъ обязанности избирательной комиссіи исполняетъ городской магистратъ, но въ участковыхъ комиссіяхъ могутъ участвовать и избиратели, приглашаемые магистратомъ въ качествѣ членовъ.

Списки избирателей составляются по участкамъ на основаніи мантальной переписи прошлаго года (§ 6 закона о выборахъ). Полный списокъ избирателей даннаго участка долженъ быть доступенъ всѣмъ, интересующимся нмъ, въ теченіе срока отъ 1 до 15 марта въ годъ выборовъ. Если со стороны избирателей поступятъ заявленія о неправильностяхъ или неполнотѣ списковъ, то такого рода заявленія пересылаются избирательной комиссіей губернатору, который и постановляетъ свою окончательную резолюцію. Если-же въ установленный срокъ никакихъ заявленій объ измѣненіяхъ избирательныхъ списковъ не поступитъ, то послѣдніе считаются вступившими въ законную силу (§ 14).

Чтобы облегчить проведеніе въ Сеймъ кандидатовъ различныхъ общественныхъ группъ или партій, законъ намѣчаетъ слѣдующія правила: въ каждомъ округѣ группа избирателей, числомъ не менѣе 50-ти (въ Женевѣ требуется всего 10 избирателей, въ Бельгіи—100), образуетъ свое офиціально-признаваемое избирательное общество, которое и намѣчаетъ кандидатовъ въ числѣ не болѣе трехъ, составляя собственный кандидатскій списокъ. Списокъ кандидатовъ, вмѣстѣ съ заявленіемъ объ образованіи избирательнаго общества, пересылается въ центральную избирательную комиссію, гдѣ нумеруется въ порядкѣ поступленія. По провѣркѣ всѣхъ поступившихъ заявленій, списки избирателей различныхъ обществъ „безотлагательно“ отпечатываются на одномъ сводномъ листѣ и разсылаются всѣмъ обществамъ избирателей, магистратамъ и т. д. (§ 33). Каждое общество имѣетъ право выставлять особый лозунгъ, характеризующій его задачу; этотъ лозунгъ, вмѣстѣ съ нумеромъ общества, обозначается въ заголовкѣ депутатскаго списка. Выставленіе одного и того-же депутата въ спискахъ различныхъ обществъ закономъ не запрещается, но обществамъ „раз-

рѣшается исключать такого общаго кандидата изъ списка и замѣнять его другимъ (§ 23 закона о выборахъ).

Избирательныя общества, желающія дѣйствовать сообща, имѣютъ право объединяться и образовать такъ называемый *избирательный союзъ*, о чемъ требуется лишь заявить центральной комиссіи округа. Число кандидатовъ, выставляемыхъ всѣмъ союзомъ, не ограничено, лишь-бы оно не превышало общаго числа всѣхъ депутатовъ даннаго округа (§ 25). Однако, союзу съ союзомъ объединяться воспрещается, и общество избирателей, вошедшее въ какой-либо одинъ союзъ, не имѣетъ уже права присоединяться къ другому (§ 27).

Фактически въ Финляндіи, какъ и въ другихъ странахъ съ аналогичной выборной системой, не избирательныя общества объединяются въ избирательные союзы, а существующія политическія партіи дробятся на избирательныя общества, чтобы помощью бо̀льшаго числа различно-комбинированныхъ партійныхъ списковъ дать просторъ проявленію индивидуальныхъ склонностей избирателей. Такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ, любая партія выставляетъ въ данномъ округѣ не 3-хъ, а значительно больше кандидатовъ, намѣчая своихъ представителей на всѣ причитающіяся въ данномъ округѣ мѣста.

Само собою разумѣется, что, рядомъ съ хорошо организованнымъ избирательнымъ союзомъ со многими списками, встрѣчаются и отдѣльныя избирательныя общества со списками одиночными. Это—„дикіе", не имѣющіе почти никакихъ шансовъ на успѣхъ. Иногда такого рода списки выставляются со спеціальной цѣлью разбить голоса какой-либо партіи, отвлечь отъ нея часть сочувствующихъ избирателей. Въ такомъ случаѣ, обыкновенно намѣчаются популярныя личности, по духу близкія къ какой-либо партіи, но не состоящія въ ея рядахъ. Въ Нюландскомъ избирательномъ округѣ подобныхъ „дикихъ" списковъ было выставлено нѣсколько; въ нихъ фигурировали такія извѣстныя въ Финляндіи имена, какъ Матти Куррика—бывшій с.-д-ъ, Арвидъ Мёркэ, радикалъ-соціалистъ, видный дѣятель октябрьской забастовки, фабрикантъ Врикть—одинъ изъ основателей рабочихъ союзовъ въ Финляндіи и т. д.

Техника подачи голосовъ такова: на каждомъ избирательномъ бюллетенѣ опубликовываются центральной комиссіей всѣ кандидатскіе списки, отдѣленные другъ отъ друга ясными чертами; кромѣ того, оставляется еще свободное мѣсто для внесенія кандидатовъ въ томъ случаѣ, если ни одинъ изъ приведенныхъ на листѣ списковъ не удовлетворяетъ избирателя. Каждый избиратель голосуетъ не за одно лицо, а за весь списокъ того или иного избирательнаго общества, т. е. за *трехъ* кандидатовъ; съ этою цѣлью онъ отмѣчаетъ красною чертою тотъ списокъ, за который желаетъ подать голосъ. Если порядокъ кандидатовъ, выставленныхъ избирательнымъ обществомъ, не удовлетворяетъ избирателя, ему предоставляется право пере-

ставлять кандидатовъ по своему произволенію. Въ такомъ случаѣ, передъ каждымъ кандидатомъ выставляются въ соотвѣтствующемъ порядкѣ нумера—1, 2 и 3.

Заполненіе бюллетеней производится въ самомъ помѣщеніи избирательнаго участка, въ особо отгороженномъ отъ публики, для соблюденія полной тайны голосованія, мѣстѣ. Подача голосовъ продолжается два дня сряду, отъ 9 час. утра до 8 час. вечера. Въ дни выборовъ вблизи помѣщенія избирательныхъ участковъ запрещается произносить рѣчи, вывѣшивать агитаціонныя объявленія и раздавать избирателямъ партійныя воззванія (§ 39).

Такова внѣшняя сторона избирательной процедуры. Перейдемъ теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію той системы, которой руководствуются въ Финляндіи при пропорціональномъ распредѣленіи депутатскихъ мѣстъ между различными партіями. Въ своихъ основахъ финляндская система выборовъ сходна съ бельгійскою и такъ же, какъ эта послѣдняя, руководствуется методомъ пропорціональнаго исчисленія, предложеннымъ д'Онтомъ.

Какъ было указано, каждый избиратель голосуетъ за списокъ, содержащій имена трехъ кандидатовъ, при чемъ кандидатъ, признаваемый имъ первымъ, считается получившимъ цѣльную единицу голоса, второй кандидатъ—половину и третій—$1/_3$ голоса. Этими количествами опредѣляется, кому изъ кандидатовъ даннаго списка должно принадлежать по окончаніи голосованія первое мѣсто, кому 2-ое и кому 3-ье. Для поясненія такого подсчета приведемъ примѣръ: Предположимъ, что за списокъ избирательнаго общества соціалъ-демократической партіи, взявшей себѣ лозунгъ „Впередъ" и намѣчающей кандидатами лицъ *a*, *в* и *c*, подано всего 4800 голосовъ, причемъ порядокъ кандидатовъ въ поданныхъ бюллетеняхъ оказался слѣдующимъ:

1800 бюлл.	1200 бюлл.	1200 бюлл.	600 бюлл.
1 — a 2 — в 3 — c	3 — a 1 — в 2 — c	2 — a 1 — в 3 — c	3 — a 2 — в 1 — c

(Цифры, стоящія передъ именами кандидатовъ, опредѣляютъ, какъ уже было сказано, ихъ порядокъ). Такимъ образомъ, кандидаты *a*, *в* и *c* по бюллетенямъ избирательнаго общества „Впередъ" получили слѣдующее число голосовъ:

	1-ый голосъ	2-ой голосъ	3-ій голосъ
а	1800	1200	1200+600
в	1200+1200	1800+600	—
с	600	1200	1800+1200

Подсчетъ числа голосовъ, для опредѣленія относительнаго порядка этихъ кандидатовъ въ окончательномъ спискѣ избирательнаго общества „Впередъ", произведется при этомъ такъ:

Расчетное число голосовъ:

кандидата a: $1800+\frac{1200}{2}+\frac{1800}{3}=3000$ . . . . 2 мѣсто

» в: $2400+\frac{2400}{2}=3600$ . . . . 1 »

» c: $600+\frac{1200}{2}+\frac{3000}{3}=2200$ . . . . 3 »

Слѣдовательно, первое мѣсто въ спискѣ принадлежитъ кандидату *в* (3600 голосовъ), второе—кандидату *a* (3000 гол.) и третье—канд. *c* (2200 гол.).

Для дальнѣйшаго объединенія даннаго списка съ кандидатскими списками другихъ избирательныхъ обществъ того-же союза (партіи), кандидатамъ этимъ присваивается теперь уже новое число голосовъ, а именно: занимающему первое мѣсто въ спискѣ, кандидату *в* отдается полное число голосовъ, поданныхъ за весь списокъ, т. е. 4800, кандидату *a* (2-ое мѣсто) половина всѣхъ поданныхъ голосовъ, т. е. 2400 и кандидату *c* (3-ье мѣсто), треть голосовъ, т. е. 1600.

Положимъ, напр., что, кромѣ группы „Впередъ", къ соціалъ-демократическому избирательному союзу принадлежатъ еще три избирательныхъ общества и что причитающіяся ихъ кандидатамъ числа голосовъ таковы:

«Впередъ» 4800 избир.	«Новый аграрный законъ» 6000 избир.	«Долой спиртные напитки» 3000 избир.	«Освобожденіе рабочаго класса» 1200 избир.	
в—4800	d—6000	k—3000	m—1200	всего за партію подано 15.000
a—2400	f—3000	l—1500	в—600	
c—1600	e—2000	a—1000	п—400	

Кандидаты всѣхъ этихъ избирательныхъ обществъ одного и того-же союза сводятся въ одинъ общій списокъ по числу имѣющихся за ними голосовъ, причемъ для кандидатовъ, встрѣчающихся въ нѣсколькихъ спискахъ, голоса суммируются. Такимъ путемъ въ данномъ примѣрѣ опредѣлится слѣдующій порядокъ кандидатовъ:

„Соціалъ-демократическій избирательный союзъ".

«Впередъ» «Новый аграрный законъ» «Долой спиртные напитки» «Освобожд. рабоч. класса»

кандидаты d—6000 голосовъ
в—4800+600=5400 голосовъ
a—2400+1000=3400 »
k—
f— } по 3000 голосовъ (порядокъ по жребію)

e—2000
c—1600
l—1500
m—1200
n—400

Когда такимъ образомъ общій порядокъ кандидатовъ даннаго избирательнаго союза (партіи) установленъ, каждому изъ кандидатовъ присваивается опять уже новое, окончательное число голосовъ, съ которымъ онъ и выступаетъ въ конкуренцію съ кандидатами другихъ партій, а именно: первому въ спискѣ кандидату приписывается *полное число* голосовъ, по числу всѣхъ поданныхъ за данный избирательный *союзъ* (партію) бюллетеней, въ данномъ случаѣ 15000, второму половина, т. е. 7500, третьему $^1/_3$ и т. д. Стало быть, голоса кандидатовъ для даннаго примѣра явятся такими:

Канд.: d—15000
в — 7500
a — 5000
к — 3750
f — 3000 и т. д.

Чтобы познакомиться съ дальнѣйшимъ, окончательнымъ выборомъ депутатовъ по кандидатскимъ спискамъ различныхъ партій, воспользуемся дѣйствительными числами, имѣвшими мѣсто въ одномъ изъ избирательныхъ округовъ Финляндіи, а именно—въ Выборскомъ западномъ избирательномъ округѣ. Здѣсь подано было за кандидатовъ шведской партіи 3207 голосовъ, за младо-финновъ 18263, за суометаріанцевъ 19064, за соціалъ-демократовъ—30164, за христіанскій рабочій союзъ—1366 и за союзъ аграрный—4751. Обозначая кандидатовъ шведской партіи буквами $Ш_1$, $Ш_2$ и $Ш_3$ и т. д., по ихъ порядку въ спискѣ партіи, кандидатовъ младофинновъ буквами $М_1$, $М_2$ и т. д., кандидатовъ суометаріанцевъ —$С_1$, $С_2$ и т. д, кандидатовъ соціалъ-демократовъ—буквами $Сд_1$, $Сд_2$ и т. д., кандидатовъ христіанскаго рабочаго союза—$Х_1$, $Х_2$ и т. д., аграрнаго союза—$А_1$, $А_2$ и т. д., и дикихъ—буквою Д, получимъ такую картину:

$Ш_1$—3207, $Ш_2$—1604, $Ш_3$—1069, $Ш_4$—802, $Ш_5$—641, $Ш_6$—535, и т. д.
$М_1$—18263, $М_2$—9132, $М_3$—6088, $М_4$—4566, $М_5$—3653, $М_6$—3044 и т. д.
$С_1$—19064, $С_2$—9532, $С_3$—6355, $С_4$—4766, $С_5$—3813, $С_6$—3178 и т. д.
$Сд_1$—30164, Cd_2—15082, Cd_3—10055, Cd_4—7541, Cd_5—6033, Cd_6—5028 и т. д.
$Х_1$—1366, $Х_2$—683 и. т.
$А_1$—4751, $А_2$—2376 и т. д.
Д—915

Итакъ, по Выборгскому округу общій порядокъ депутатовъ получился такимъ:

1—$Сд_1$—30164
2—$С_1$ —19064
3—$М_1$ —18263
4—$Сд_2$—15082
5—$Сд_3$—10055
6—$С_2$ — 9532
7—$М_2$ 9132
8—$Сд_4$ — 7541
9—$С_3$ — 6355
10—$М_3$ — 6088
11—$Сд_5$— 6933
12—$Сд_6$— 5028
13—$С_4$ — 4766

Обрисовавъ въ общихъ чертахъ принятый въ Финляндіи методъ подсчета избирательныхъ голосовъ, приходится предвидѣть естественный вопросъ читателя: почему при исчисленіи порядка кандидатовъ въ предѣлахъ каждаго союзнаго списка и порядка предоставленія депутатскихъ мѣстъ отдѣльнымъ союзамъ не руководствуются числомъ голосовъ, въ дѣйствительности собранныхъ кандидатами, а за исходную цифру принимають все количество голосовъ, поданныхъ въ одномъ случаѣ—за списокъ даннаго избирательнаго общества, въ другомъ—за партію (за союзъ). Цѣль такого перечисленія голосовъ кандидата заключается въ предоставленіи избирателю возможно большей свободы проявленія его индивидуальной выборной воли, при условіи огражденія интересовъ всей партіи отъ того ущерба, который могъ бы быть ей причиненъ разбивкой голосовъ между кандидатами партійнаго списка. Пропорціональной системѣ выборовъ вообще ставится упрекъ въ томъ, что она способствуетъ усиленію партійнаго деспотизма; поэтому, при введеніи ея, весьма важное значеніе имѣетъ всякій коррективъ, охраняющій возможную свободу выраженія индивидуальныхъ склонностей избирателей. Въ Финляндіи новый законъ, хотя и не вводитъ чисто индивидуальнаго вотума, однако, какъ мы видѣли, обезпечиваетъ нѣкоторый просторъ проявленію личныхъ склонностей избирателя, предоставляя ему право намѣчать порядокъ кандидатовъ выбраннаго имъ списка. Но, именно вслѣдствіе этого, возможна значительная разбивка голосовъ, которая могла бы, при сопоставленіи кандидатовъ данной партіи съ кандидатами другихъ, болѣе дисциплинированныхъ, союзовъ, умалять значеніе партіи, какъ цѣлаго, и не обезпечила-бы за ней того количества депутатскихъ мѣстъ, которое соотвѣтствуетъ ея дѣйствительной численности. Въ самомъ дѣлѣ, если при распредѣленіи мѣстъ между кандидатами различныхъ партій руководствоваться не суммой голосовъ, подаваемыхъ за всю партію, а дѣйствительнымъ ихъ количествомъ, собраннымъ каждымъ

изъ ея кандидатовъ, то легко могло-бы оказаться, что кандидаты наиболѣе-многолюдной партіи, вслѣдствіе равномѣрной разбивки между ними голосовъ, попали-бы въ такую отдаленную очередь, что имѣли бы мало шансовъ на полученіе депутатскаго кресла. Введеніемъ указаннаго перечисленія голосовъ такая возможность, конечно, почти совершенно устраняется.

Однако все-же, несмотря на всѣ старанія составителей финляндскаго избирательнаго закона охранить права меньшинства, пропорціональность избранія получается далеко не идеальною. Такъ, въ приведенномъ выше примѣрѣ Выборгскаго западнаго района аграрный союзъ, обладавшій 4751 голосомъ, не провелъ въ Сеймъ ни одного депутата, между тѣмъ, какъ послѣдній изъ прошедшихъ депутатовъ—четвертый изъ суометаріанской партіи—получилъ всего 15-ью голосами больше этого числа (4766 гол.). Этотъ дефектъ—неполная пропорціональность—присущъ впрочемъ не одной лишь финляндской системѣ и проистекаетъ изъ цѣлаго ряда привходящихъ условій, вліяющихъ на результаты выборовъ,—каковы: размѣръ избирательныхъ округовъ, преобладаніе той или иной партіи въ данномъ районѣ и т. п. Непропорціональности этой не можетъ, конечно, вполнѣ сгладить и компенсація условій въ различныхъ районахъ страны; чаще, напротивъ, въ общей сложности по всѣмъ районамъ неравномѣрность получается еще нѣсколько болѣе ощутительною.

Нельзя не замѣтить, кромѣ всего сказаннаго, что принятая въ Финляндіи система подсчета голосовъ особенно благопріятствуетъ группировкѣ „избирателей“ въ крупныя политическія партіи, лишая кандидатовъ отдѣльныхъ списковъ почти всякихъ шансовъ на успѣхъ.

Для общей характеристики финляндскаго избирательнаго закона приводимъ здѣсь сводную таблицу, указывающую распредѣленіе избирательныхъ голосовъ и получаемыхъ депутатскихъ мѣстъ по округамъ и по партіямъ при только-что состоявшихся выборахъ. Къ сожалѣнію, въ таблицѣ этой сведены лишь результаты подсчета за день до окончательной ихъ повѣрки, такъ что дѣйствительныя конечныя цифры голосовъ разнятся отъ приведенныхъ. (Данныя для Лаппмаркенскаго округа въ таблицѣ еще совсѣмъ отсутствуютъ). Ради восполненія этихъ пробѣловъ пришлось помѣстить вторую строку итоговъ, воспроизводящую обнародованный окончательный результатъ. Однако, для нашей цѣли—сопоставленія числа партійныхъ голосовъ въ каждомъ округѣ съ числомъ полученныхъ партіей сеймовыхъ представителей, эта таблица можетъ все же служить достаточной иллюстраціей.

О соотношеніи между дѣйствительнымъ числомъ голосовъ, собираемыхъ кандидатами, и той суммой, какая причитается всей партіи и лишь переносится на ея представителя, могутъ дать нѣкоторое понятіе нижеприводимыя данныя: въ Нюландской губерніи, при состоявшихся выборахъ, 23

Таблица числовыхъ данныхъ о результатахъ выборовъ 1907 г.

Названія округовъ.	Числа голосовъ, полученныхъ партіями:										Числа депутатовъ:						
	Шведская.	Младо-финская.	Суометаріанская.	Соціалъ-демократич.	Христіан. союзъ.	Христіан. рабочій союзъ.	Аграрный союзъ.	Союзъ мирнаго общ. развитія.	Евангел.-лютеранск.	Дикіе.	Шведск.	Младо-фин.	Суомет.	Соц.дем.	Христ. раб. союзъ.	Агр. союзъ.	Общее.
Нюландскій	43456	6570	20448	39155	3081	—	—	—	2203	358 [1]	10	1	4	8	—	—	23
Абоскій, южный	22070	7294	28020	20664	1672	5491	—	—	—	135	4	1	6	5	1	—	17
Абоскій, сѣверный . . .	231	7557	20742	41683	—	3897	—	311	—	1557 [3]	—	1	5	10	1	—	17
Тавастгусскій, южный . .	—	5208	14265	29810	—	—	—	798	1283	—	—	1	3	7	—	—	11
Тавастгусскій, сѣверный .	—	4717	14543	29961	—	2980	—	1066	183	—	—	1	3	7	—	—	11
Выборгскій, западный .	3207	18263	19064	30164	—	1366	4751	—	—	915	—	3	4	6	—	—	13
Выборгскій, восточный .	—	13757	20958	17783	—	—	16726	—	1569	—	—	3	5	5	—	4	17
Сентъ Михельскій	—	8150	19264	25160	—	—	2953	—	736	1083	—	2	5	7	—	—	14
Куопіоскій, западный . .		15597	3314	23352	—	—	5637	—	—	210	—	4	1	7	—	1	13
Куопіоскій, восточный . .	—	11244	6626	18554	—	—	—	—	—	—	—	3	2	6	—	—	11
Вазаскій, восточный . . .	—	8059	13702	21912	—	—	—	—	—	920	6	1	4	1	—	—	12
Вазаскій, южный	23086	4117	18440	6065	—	—	—	—	—	—	4	—	5	1	—	—	10
Вазаскій, сѣверный	17922	2752	18720	4538	—	—	—	—	—	—	—	2	3	6	—	—	11
Улеаборгскій, южный . .	337	6168	14717	11539	—	—	13589	—	—	—	—	2	4	4	—	3	13
Улеаборгскій, сѣверный . .	—	2582	8337	5017	—	—	3135	—	—	1530	—	1	3	1	—	1	6
Лаппмаркенскій	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
	110309	121930	241160	325357	4753	13734	46791	2609	5971		24	26	58	81	2	9	200 [3]
	102800	121703	240899	327388	—	—	42921	—	—	—							

[1]) Изъ нихъ 217 голосовъ было подано за списокъ партіи соціалистовъ-реформистовъ и 141 голосъ за союзъ радикаловъ.

[2]) Изъ нихъ 1246 голосовъ подано было за союзъ Nuupala.

[3]) Въ томъ числѣ 19 депутатокъ: 9 соціалъ-демократокъ, 6 суометаріан., 2 младо-фин., 1 шведск. парт., 1 аграрн. союза.

депутатскихъ мѣста распредѣлились на основаніи приведеннаго способа подсчета слѣд. образомъ:

	ЧИСЛА ГОЛОСОВЪ—	
	дѣйствительно полученныхъ кандидатомъ.	при счетѣ по голосамъ партій.
Шюбергсонъ, шведск.	8,121	43,456
Вальпасъ, соц.-дем.	11,367	39,115
Седергольмъ, шведск.	6,753	21,728
Хильда Каликоски, суомет. .	6,815	20,448
Минна Силланпэ, соц.-дем. .	8,544	19,578
Ольгемаркъ, шведск..	6,555	14,485
Сиренъ, соц -дем.	7,294	13,052
Ф. Розенквистъ, шведск.. . . .	5,000	10,864
Г. Розенквистъ, шведск. . .	6,481	10,328
Пальменъ, суомет.	4,228	10,224
Гелле, соц.-дем.	6,663	9,789
Альроосъ, шведск..	5,917	8,691
Е. Пертиллэ, соц.-дем. . . .	6,137	7,831
О. Лайнэ, суом.	3,318	6,816
Эркко, младоф.		6,570
В. Пертиллэ, соц.-дем.	6,040	6,526
Е. Эренроотъ, шведск.	4,522	6,350
Марія Лайне, соц.-дем.. . . .	4,963	5,593
Рейма, суом..	3,297	5,112
Ингманъ, соц.-дем..	4,288	4,894
Альфтанъ, шведск.	3,619	4,828
Сольбергъ, шведск.	3,442	4,567

Въ Нюландской губерніи прошло такимъ образомъ 10 кандидатовъ шведской партіи, 8 соціалъ-демократовъ, 4 суометаріанца, 1 младо-финнъ. Какъ легко видѣть изъ таблички, результатъ получился бы иной, если бы распредѣленіе кандидатовъ происходило по числу дѣйствительно - полученныхъ каждымъ изъ кандидатовъ голосовъ.

Выборы въ Финляндіи происходили въ мартѣ мѣсяцѣ ($^2/_{15}$ и $^3/_{16}$). Побѣда осталась за соціалъ-демократами. Только въ двухъ округахъ, Нюландскомъ и южномъ Вазаскомъ, густозаселенныхъ шведами, шведская партія восторжествовала и надъ рабочей, и надъ суометаріанской. Суометаріанцы получили абсолютное большинство въ восточномъ Выборгскомъ округѣ, изобилующемъ помѣщичьими усадьбами, въ южной части Абоской и сѣверной части Вазаской губерній, заселенныхъ по преимуществу хозяйственными мужичками, далеко не расположенными къ аграрнымъ реформамъ, выдвигаемымъ соціалъ-демократами. Въ общемъ, суометаріанцы получили почти во всѣхъ округахъ довольно ровное число голосовъ и лишь въ Куопіоской губерніи, при обиліи ея безземельнаго сельскаго населенія, они смогли собрать лишь относительно небольшое число голосовъ. Для

соціалъ-демократовъ наиболѣе благопріятными оказались округа Вазаскій и сѣверный Улеаборгскій. Что касается младо-финновъ, то они нигдѣ не собрали абсолютнаго большинства и оказались представленными въ Сеймѣ лишь благодаря пропорціональной системѣ.

Открытіе обновленнаго финляндскаго парламента назначено на $^{9}/_{22}$ число настоящаго мѣсяца. Впервые придется представителямъ демократическихъ элементовъ финляндскаго народа скрестить въ стѣнахъ Сейма оружіе съ хранителями старыхъ традицій, классовыхъ привиллегій и деспотизма меньшинства... Сейму предстоитъ громадная по своей важности работа, одновременно созидательная и разрушительная. Сложныя соціально-экономическія отношенія, выросшія изъ установленныхъ для нихъ узкихъ рамокъ, громко вопіютъ о реформахъ: почти милліонное безземельное населеніе Финляндіи безпокойно твердитъ о землѣ; организованная, дисциплинированная рабочая масса твердо выдвигаетъ свои классовыя требованія. Буржуазія на-сторожѣ; съ вожделѣніемъ поглядываетъ она въ сторону Имперіи, разсчитывая, въ случаѣ чего, на ту силу, которая является для нея и ближайшимъ противникомъ, и единственнымъ союзникомъ въ трудную минуту борьбы съ отечественнымъ пролетаріатомъ.

Что скажетъ новый финляндскій парламентъ, осуществитъ ли онъ возлагаемыя на него народомъ надежды — покажетъ ближайшее будущее. Пока же можно сказать одно, что если вся буржуазная часть парламента съ нѣкоторой тревогой глядитъ на предстоящую ей коренную ломку привычныхъ „устоевъ", то пролетарски-настроенный элементъ новаго Сейма съ горячимъ энтузіазмомъ рвется къ открывшемуся передъ нимъ полю законодательной дѣятельности. Поддерживаемая народомъ, соціалъ-демократія непоколебимо вѣритъ, что въ предстоящихъ битвахъ конечная побѣда останется за ней. Ей не страшны даже временныя пораженія; въ наступательномъ движеніи все впередъ и впередъ она, конечно, не только сумѣетъ перешагнуть черезъ всѣ предстоящія ей препятствія, но и въ каждомъ фактѣ случайнаго пораженія будетъ черпать лишь новыя силы для болѣе стойкой и упорной дальнѣйшей борьбы.

Въ этомъ неизсякаемомъ источникѣ энтузіазма рабочей партіи кроется одна изъ причинъ, способствовавшихъ столь блестящей побѣдѣ соціалъ-демократіи при выборахъ въ настоящій Сеймъ.

Объ остальныхъ, болѣе глубокихъ, причинахъ поговоримъ въ слѣдующій разъ.

Май, 1907 г.

А. Коллонтай.

На Западѣ.

Двѣ выставки въ Парижѣ.

(„Société des Artistes indépendants" и „Salon de 1907").

Здѣсь, въ Парижѣ, весенній сезонъ уже начался. Сыплетъ цвѣтами весна не только на бульварахъ, кипящихъ нарядной, оживленной толпой, не только въ цвѣтныхъ кіоскахъ, переполненныхъ голубыми фіалками, бѣлыми нарцисами, розами и сиренью, но и въ дворцахъ искусства, гдѣ художникъ, какъ бы конкуррируетъ съ природой, съ богатствомъ ея красокъ и формъ, съ неизсякаемымъ источникомъ ея творчества.

Съ 20-го марта по 30 апрѣля здѣсь открылась выставка „независимыхъ художниковъ" (Serres du Cours-la Reine).

Съ 14 апрѣля по 30 іюня „Національное общество изящныхъ искусствъ" открыло XVII-ю выставку своихъ картинъ и скульптурныхъ произведеній: „Salon de 1907" (Grand Palais).

Наконецъ, съ 1 мая откроется уже настоящій „весенній салонъ" — гвоздь весенняго сезона.

Для того, чтобы судить о богатствѣ художественныхъ дарованій, стекающихся въ Парижъ отовсюду, достаточно побывать на этихъ выставкахъ, подводящихъ итоги годовой работы.

Въ двухъ громадныхъ павильонахъ общество „Независимыхъ художниковъ" дало мѣсто 5404 номерамъ картинъ и скульптурныхъ произведеній; болѣе 1 000 художниковъ и скульпторовъ представили свои работы „на судъ публики".

Въ Салонѣ только однихъ скульптурныхъ произведеній отмѣчено 376 номеровъ, а всего, вмѣстѣ съ картинами, 2642, прошедшихъ сквозь чистилище „Жюри".

Здѣсь тоже вы насчитаете болѣе 1000 художниковъ и скульпторовъ, причемъ нужно замѣтить, что очень немногія имена встрѣчаются на обѣихъ выставкахъ.

Какой только національности не найдете вы здѣсь среди художниковъ, представившихъ свои работы: и норвежцы, и нѣмцы, и англичане!.. Разумѣется, преобладаютъ французы, а изъ иностранцевъ — далеко не послѣднее мѣсто занимаютъ русскіе.

Въ скульптурномъ отдѣлѣ у „Независимыхъ художниковъ“, правда, отдѣлѣ крайне слабомъ, по сравненію съ Салономъ, русскіе скульпторы, молодые, еще начинающіе, буквально заполняютъ отдѣлъ: Гродзянскій, Издебскій, Перельманъ (всѣ трое выставили свои произведенія и въ Салонѣ), Іосифъ Ясинскій изъ Варшавы...

Въ своемъ обозрѣніи мы остановимъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на выставкѣ „Независимыхъ художниковъ“, которая здѣсь открыта уже около мѣсяца; о произведеніяхъ Салона, только что открытаго, мы будемъ говорить при сопоставленіяхъ.

„La société des Artistes Independants“, этотъ ангелъ, отпавшій отъ своего Господа, существуетъ уже съ 1884 года, и его теперешняя выставка — уже 23-я по счету.

Въ то время какъ за стѣнами Салона чувствуется поле, усѣянное костями отвергнутыхъ, забракованныхъ произведеній, девизъ „Независимыхъ художниковъ“: „ни жюри, ни наградъ“.

Цѣль общества независимыхъ художниковъ дать возможность художникамъ свободно выставлять ихъ работы „на судъ публики“.

Здѣсь, подъ сѣнью этого общества, „оскорбленному есть чувству уголокъ“, здѣсь будущій мастеръ пробуетъ свои силы, здѣсь художникъ искатель объявляетъ академической рутинѣ войну не на жизнь, а на смерть, но и здѣсь же, увы, тысячи бездарнѣйшихъ полотенъ буквально затопляютъ десятки, дѣйствительно, продуманныхъ и прочувствованныхъ произведеній, отмѣченныхъ печатью истиннаго дарованія.

Уплатите 20 франковъ за мѣсто и вѣшайте подъ вашей фамиліей въ алфавитномъ порядкѣ, подъ номеромъ такимъ-то, что вамъ угодно, хотя бы лоскутъ полотна съ лиловымъ пятномъ.

Нужно правду сказать, такихъ лиловыхъ пятенъ много, даже слишкомъ много выставлено въ этомъ году „на судъ публики“.

Если въ розовой комнаткѣ „Человѣка“ у Леонида Андреева необузданная фантазія влюбленной молодости изъ пятенъ сырости создавала колоннады дворцовъ и даль морей, и уступы горъ, то здѣсь, въ самомъ храмѣ фантазіи, зачастую дворцы, моря и горы кажутся какими-то сырыми пятнами.

Лиловый художникъ своей бездарной мазней, заполнившій всѣ стѣны и простѣнки двухъ громадныхъ помѣщеній, никого не привлекаетъ; „судъ

публики“, какъ и судъ жюри, выноситъ многимъ изъ независимыхъ художниковъ свой суровый обвинительный приговоръ.

Лиловому художнику остается сказать себѣ въ утѣшеніе: „въ моихъ зрачкахъ — лишь мнѣ понятный сонъ“.

Погоня за символомъ тамъ, гдѣ художникъ хочетъ что-то сказать, но не знаетъ, *что* сказать, а наряду съ этимъ, поражающее отсутствіе идеи, кричащія краски, крикливыя позы, манерность глядятъ изъ каждаго угла, глядятъ во всѣ глаза на зрителя, который не хочетъ на нихъ глядѣть.

Вотъ вамъ нѣсколько образчиковъ этого рода произведеній: громадное полотно, занимающее всю стѣну. На длинной веревкѣ развѣшено только что выстиранное бѣлье, главнымъ образомъ, дамскія панталоны; прачки на вашихъ глазахъ продолжаютъ развѣшивать остальныя принадлежности дамскаго и мужского ночного туалета. Вѣтеръ надуваетъ панталоны, и онѣ превращаются въ голубовато-фіолетовые огромные пузыри. Вотъ тѣ новыя крылья, на которыхъ современные Икары совершаютъ свои воздушные полеты.

Нужно правду сказать, на эту картину было обращено вниманіе публики; какой-то французъ, къ общему удовольствію зрителей, обѣщалъ своей спутницѣ преподнести ей эту картину, нарисованную точками и поражающую рельефностью очертаній...

„Femme qui s'habille“, читаете вы на полотнѣ художника Vaury подъ номеромъ 4898.

На спинѣ лежитъ голая, довольно некрасивая женщина. Одну ногу она поднимаетъ къ самому носу зрителя: она одѣваетъ чулокъ, который долженъ оттѣнить красоту и нѣжность человѣческаго тѣла и пробудить лучшія чувства.

Есть здѣсь художники, которые воспроизводятъ одну и ту же некрасивую голую натурщицу съ рыжими волосами (это въ модѣ!) на пяти полотнахъ съ очень незначительными измѣненіями.

А вотъ вамъ и бытовая сценка: художникъ Svarstad, по происхожденію норвежецъ, вздумалъ изобразить предмѣстье Парижа; свою картину онъ такъ и озаглавилъ „Faubourg“ (Paris), № 4661.

Что же вы видите на этомъ полотнѣ? На первомъ планѣ одно изъ учрежденій Парижа, попадающееся здѣсь на каждомъ шагу, а возлѣ этого учрежденія „кабинета тихой задумчивости“ остановилась собака по своей надобности. Вотъ и все!

Впрочемъ, достоинство этихъ картинъ заключается въ томъ, это зрителю понятно, что хочетъ сказать художникъ; на очень многихъ полотнахъ вы видите какой то хаосъ красокъ и линій. Тутъ и точки, и мозаика, и волнистыя линіи, тутъ все, кромѣ дарованія!.. Тутъ даже новые пріемы, новыя сочетанія красокъ сразу пріобрѣтаютъ характеръ рутины.

Какимъ-то свѣтлымъ лучемъ въ лиловомъ царствѣ являются на этой

выставкѣ пейзажи Ancelme'a (90, 91, 92), отъ которыхъ вѣетъ прохладой лѣсовъ, темная и сочная зелень которыхъ такъ и манитъ подъ свою сѣнь; цѣлый рядъ картинъ Cariot'a (872—875). благоухающихъ роскошными клумбами голубыхъ и лиловыхъ цвѣтовъ, картинъ съ тающею лазурью, убраннымъ хлѣбомъ и тепломъ уходящаго лѣта; блестящая по техникѣ и проникнутая глубокою нѣжностью жанровая картина уроженца Женевы Collet'a (2445) „Chaise d'enfant", картина, гдѣ краски переходятъ въ какую-то мелодію материнской любви; прядь волосъ у ребенка, пронизанная солнечнымъ лучемъ, приковываетъ вашъ взглядъ, васъ трогаетъ эта ласка солнца. Тихой грустью проникнута изящная картина Chartier'a „Eglise de campagne" (990): заходитъ солнце; вокругъ маленькой старой сельской церкви жмутся кресты и могилки прихожанъ. Среди этихъ могилъ тихо бредетъ одинокая старуха, скоро и она здѣсь же найдетъ свое „тихое пристанище"... Художникъ Couly-Roymond въ своей картинѣ „Le boulevard des Italiens au crépuscule" (2225) передалъ безконечную игру разноцвѣтныхъ огней на одной изъ самыхъ оживленныхъ частей „Большихъ бульваровъ": двигаются экипажи съ красными, зелеными и ярко-желтыми фонарями; каменныя громады домовъ зажигаются сотнями пылающихъ рекламъ на темномъ фонѣ надвигающейся ночи, идетъ толпа, блестятъ окна магазиновъ, чувствуется шумный, поющій, танцующій, прожигающій жизнь Парижъ—„море звуковъ и море огней!..."

Среди портретовъ обращаетъ на себя вниманіе сильно написанный портретъ покойнаго Стасова и цѣля серія портретовъ польской художницы Kaniowa-Kraszewska, родившейся въ Варшавѣ.

Мы не будемъ останавливаться на множествѣ набросковъ и намековъ, говорящихъ о возможности, о томъ, чѣмъ произведеніе художника сможетъ быть, если онъ поработаетъ надъ матеріаломъ и изъ ученика станетъ мастеромъ; намъ-бы хотѣлось отмѣтить ту печать, которую наложилъ бурный историческій моментъ на творчество современнаго художника, въ особенности русскаго художника, на тѣ черты парижскаго разгула, которыя ярко сказываются въ произведеніяхъ французскаго художника по преимуществу.

Здѣсь кисть и рѣзецъ художника ученика невольно, стихійно отразили и „Жизнь человѣка" во всемъ ея трагизмѣ, и борьбу „двухъ мыслей"— старой и новой, съ героическимъ страданіемъ и позорной пыткой, и господство грубой опьяняющей чувственности, которою пропитана жизнь Парижа.

Три картины особенно ярко отразили наше время съ его проклятыми вопросами и вѣковѣчными загадками.

Почти при входѣ, въ одномъ изъ первыхъ отдѣловъ выставки васъ встрѣчаетъ огромное полотно Dalbanne'a „Les Parques", съ эпигра-

фомъ„ Amour et douleur, l'homme ne connait vraiment que deux soupirs“.

На каменныхъ плитахъ, подъ сѣнью полуразрушенныхъ стройныхъ колоннъ древняго міра, расположилась цѣлая группа. Въ центрѣ античная фигура человѣка съ печатью глубокой мысли и угасающей жизни на благородномъ челѣ. Три Парки рѣшаютъ его судьбу. Одна только распускаетъ нить, она съ улыбкой указываетъ пальцемъ на счастливую пару, которая предается чарамъ любви подъ сѣнью деревьевъ, вблизи колоннады. Двѣ другія Парки, не касаясь земли ногами, какъ бы рѣютъ надъ человѣкомъ. Онѣ закрыли глаза. Онѣ ничего не видятъ; въ рукахъ одной ножницы. Сейчасъ нить жизни прервется. Въ рукахъ человѣка пергаментъ съ прерваннымъ латинскимъ изреченіемъ „pendent opera interrupta“, онъ поникъ головой... По другую сторону колоннады, вдали, чья-то могила и бѣлѣетъ памятникъ, а у ногъ человѣка изъ-подъ тяжелыхъ каменныхъ плитъ пробиваются молодая травка и стройная вѣтка, усыпанная бѣлыми цвѣтами вишни. На самой колоннадѣ цѣлуются бѣлые голуби.

Несмотря на античную обстановку, вы узнаете тему, затронутую Леонидомъ Андреевымъ. Передъ вами „Жизнь человѣка“ съ ея скорбями и радостями на фонѣ жизни неумирающей природы.

И чудится, что мы слышимъ слова нашего великаго поэта: „и пусть у гробового входа младая будетъ жизнь играть, и равнодушная природа красою вѣчною сіять“.

Къ сожалѣнію, стиль этой содержательной картины недостаточно выдержанъ: у одной Парки жестъ носитъ нѣсколько игривый характеръ, голубки—слишкомъ сентиментальны, а бѣлѣющій памятникъ слишкомъ напоминаетъ лавку гробовщика съ неизящными, грубовытесанными камнями...

Въ „Паркахъ“ отразился трагизмъ человѣческой жизни, здѣсь прахъ поставленъ лицомъ къ лицу съ „красою вѣчной“.

Картина „Deux Pensées“ изображаетъ казнь анархиста. Въ скобкахъ написано авторомъ „Amerique Centrale“.

Часть двора, обнесеннаго непроницаемой глухой стѣной, на стѣнѣ стоятъ хранители стараго міра: два служителя Бога съ молитвенниками и съ печатью смиренія и благочестія на іезуитскихъ бритыхъ лицахъ. Внизу два столба, около одного свѣжая кровь человѣка, но трупъ уже убранъ, а къ другому столбу привязанъ скорчившійся, повисшій на веревкахъ, только что казненный человѣкъ—носитель новой мысли... Стѣны цѣлы, новая мысль убита, старая мысль бормочетъ слова молитвы, а надъ стѣной носится крикливая стая отвратительнаго воронья, почуявшаго кровь человѣка... Сейчасъ придутъ люди и дрожащими руками скроютъ позорное дѣло палача—защитника старой мысли...

А кровь останется и будетъ вопіять къ небу...

Наконецъ третья небольшая картина, которою какъ бы обмолвился художникъ Hanriot (№ 2255): „Dominatrice“ очень интересна по замыслу, хотя и слаба по выполненію.

Читателю, вѣроятно, извѣстно, что на кровлѣ собора парижской Богоматери геніальные строители-художники помѣстили цѣлую стаю химеръ.

Эти безобразныя, страшно живыя чудовища, полузвѣри, полулюди, полудемоны, какъ-бы царятъ „надъ городомъ безумья“ и странно привлекаютъ къ себѣ и поэта, и художника.

Глаза этихъ безобразныхъ химеръ глядѣли въ душу Виктора Гюго, когда онъ обдумывалъ свой романъ: „Соборъ Парижской Богоматери“, своего Квазимодо—уродливаго горбуна и прекраснаго въ своей любви къ Эсмеральдѣ.

Нашъ поэтъ К. Бальмонтъ въ своемъ оригинальномъ и красивомъ стихотвореніи „Химеры“ писалъ о нихъ.

„Высоко на парижской Notre-Dame
Красуются жестокія химеры.
Онѣ умно усѣлись по мѣстамъ,
Въ безпутствѣ соблюдая чувство мѣры.
И, гнусность доводя до красоты,
Онѣ могли бы намъ являть примѣры.
Лазурный фонъ небесной пустоты
Обогащенъ красою ихъ несходной,
Господствомъ въ каждой—собственной черты.
Святыхъ легко смѣшаешь, а уродство
Всегда фигурно, личность въ немъ видна,
Въ чемъ явное пороковъ превосходство...
Но общность между ними есть одна:
Какъ крючья вопросительнаго знака,
У всѣхъ химеръ изогнута спина“ [1])...

Вотъ эти-то химеры, воспѣтыя поэтомъ, фигурируютъ теперь на обѣихъ выставкахъ, съ „красою ихъ несходной“, на двухъ полотнахъ, странно противорѣчащихъ другъ-другу и странно отвѣчающихъ характеру выставокъ.

Прежде чѣмъ говорить о вышеупомянутой картинѣ Hanriot'a, я вкратцѣ передамъ содержаніе интереснаго полотна художника Howkins'a, выступившаго въ Салонѣ съ попыткой истолковать „глубокій смыслъ чудовищъ тѣхъ“.

Химера „съ изогнутой“ какъ у кошки спиной глядитъ своимъ острымъ взоромъ внизъ, готовясь къ страшному прыжку... Въ глазахъ уродливой химеры горятъ угроза и гибель: она безпощадна!

И въ то же время, какъ-бы сплетаясь съ ней, какъ бы выростая изъ

---

[1]) См. т. II, стр. 368—373.

этой „шпіонски выжидательной спины“, едва блѣднѣетъ прекраснѣйшее женское лицо съ глазами, устремленными на радугу.

Названіе картины—„Symbole“.

На выставкѣ „Независимыхъ художниковъ“ другая химера взята художникомъ, и въ иномъ толкованіи.

Вы видите тоже край кровли собора; вдали подернутыя дымкой тумана сѣрыя громады Парижа, а надъ нимъ какъ бы господствуетъ одна изъ химеръ, безобразная, неумолимая и спокойно увѣренная. Это не сѣрый камень, о который вѣка ломали свои зубы,—это застывшій, окаменѣвшій порохъ, не вѣдающій отдыха.

И, прислонясь къ этому окаменѣлому уродству, стоитъ рыжеволосая голая красавица-властительница. Она одной рукой обнимаетъ шею химеры и глядитъ внизъ, чаруя и отталкивая...

Гнусность, доходящая до красоты, и красота, доходящая до гнусности, заключили странный союзъ: онѣ глядятъ въ мракъ ночи, „какъ мародеры возлѣ бивуака“, онѣ „чуждые голубоглазья вѣры“ съ какой-то циничной откровенностью „вѣнчаютъ Божій домъ“.

Онѣ—это разгульный Парижъ! Это его красота, гдѣ „Богъ съ дьяволомъ борется“, это его настоящее—на святомъ мѣстѣ революціоннаго прошлаго...

Парижъ съ его 200.000 содержателей кафе, Парижъ, гдѣ для сотенъ тысячъ французовъ жизнь въ кафе является суррогатомъ общественной жизни, Парижъ съ десятками тысячъ кокотокъ, заполняющихъ бульвары, Парижъ, гдѣ сто изданій выдерживаютъ романъ Vllly „Clodine en ménage“ съ подробнѣйшими описаніями половой жизни—глядитъ на васъ на выставкѣ сотнями полотенъ съ уродливыми голыми женщинами, во всѣхъ позахъ, самыхъ неестественныхъ и со всѣми подробностями...

Я былъ въ день открытія выставки въ этихъ огромныхъ павильонахъ на берегу Сены... Сплошная рѣка человѣческихъ лицъ катила свои волны и буквально заливала огромные отдѣлы.

На лицахъ живыхъ людей было больше красокъ, чѣмъ на мертвыхъ картинахъ. Казалось, властительница сошла съ карниза Notre-dame и неумолимая, голая, прекрасная и уродливая идетъ за добычей.

На пути этой властительницы не цвѣты, а страшныя жертвы.

Я былъ въ огромномъ кафе, гдѣ веселится студенческая молодежь, Франціи со своими „petite femme“...

Тамъ ежедневные студенческіе балы. Танцуютъ канканъ, знаменитую мачичу, воспроизводящую въ движеніяхъ половыя сношенія, но не въ этомъ дѣло! Тамъ были сотни кокотокъ, и среди нихъ я самъ своими глазами видѣлъ двухъ кокотокъ-матерей, пришедшихъ сюда съ дѣтьми. Мать съ раскрашеннымъ, каменномертвымъ лицомъ и мертвой улыбкой стояла въ кругу и держала за ручонку семилѣтнюю дѣвочку. Было почти

12 часовъ. Дѣвочка не хотѣла спать, она вся ушла въ разглядываніе танцующихъ.

А въ центрѣ круга плясала канканъ уже старая кокотка, задиравшая ногу выше головы...

Маленькая дѣвочка смѣялась и топала ножками...

Тутъ же ходилъ съ „мамой" маленькій мальчикъ съ грустными, грустными глазами...

„Властительница" улыбалась, а за ея плечами скалилъ свои проклятые острые зубы ненавистный строй, который торгуетъ человѣческимъ тѣломъ и грязнитъ святую душу ребенка, и выдвигаетъ, какъ лозунгъ обновленія міра, уничтоженіе „плодовитости".

Здѣсь недавно было большое собраніе съ участіемъ французскихъ ораторовъ.

Говорили о русской революціи, о задачахъ успѣшной борьбы, говорили много и краснорѣчиво. Неожиданно поднялся одинъ ораторъ, какъ говорятъ, изъ сотрудниковъ „Regeneration".

По мнѣнію М—е Робена успѣху русской революціи мѣшаютъ дѣти. По мнѣнію почтеннаго оратора, это зло можно предотвратить, если помнить, что хорошей бомбы стоитъ „Un petit morceau cautchouck".

Если когда-нибудь въ Парижѣ будетъ поставленъ памятникъ „Властительницѣ", то пусть на камнѣ высѣкутъ въ назиданіе матерямъ и дѣтямъ гнилого буржуазнаго строя эти драгоцѣнныя слова.

Для добродѣтельныхъ буржуа, клеймящихъ соціализмъ за уничтоженіе семьи, такая крылатая фраза—прекрасное свидѣтельство благонадежности...

Да проститъ намъ читатель за то, что мы отъ картины „Властительницы" отошли въ сторону, но развѣ сейчасъ мы не заглянули на одинъ моментъ въ ея владѣнія, гдѣ „Властительница" въ одно и то же время и палачъ и жертва.

Пора, однако, вернуться на выставку и къ безконечнымъ рядамъ большихъ и малыхъ полотенъ.

„Парки", „Двѣ мысли", „Властительница" —вотъ произведенія громадной обобщающей силы, въ которыхъ какъ бы подводятся итоги обѣихъ выставокъ.

Къ тому же вопросу о „жизни человѣка", намѣченному въ „Паркахъ", подходитъ цѣлый рядъ художниковъ и скульпторовъ и выставки „Независимыхъ художниковъ", и признанныхъ мастеровъ Салона; надъ одними изъ нихъ господствуютъ, даже болѣе, тяготѣютъ, какъ кошмаръ, настроенія, переживаемыя теперь Л. Андреевымъ, а прежде Метерлинкомъ; другіе какъ бы сливаютъ трагическую жизнь человѣка съ ясной и свѣтлой улыбкой природы.

Вотъ посмотрите на громадную гипсовую фигуру, созданную геніальнымъ M. Rodin'омъ: „l'Homme, qui marche".

Творецъ „Мыслителя“ [1]), „Данаидъ“, „Мысли“ и т. д. теперь своимъ гипсомъ, трепещущимъ жизнію, поднимаетъ новый проклятый вопросъ. Тутъ нѣтъ Рока, нѣтъ Елеазара, и отсутствуютъ „Парки“, и въ то же время странное лицо *неизвѣстнаго* стоитъ надъ вами.

„Человѣкъ, который идетъ“—это не только символъ, это живое тѣло, это напряженнѣйшее стремленіе впередъ. Страшная напряженность нашего времени, какая-то *судорога* двадцатаго вѣка, сковавшая всѣ образы великаго скульптора, здѣсь, въ фигурѣ идущаго человѣка, достигаетъ своего апогея.

Человѣкъ, съ огромными ногами, берущими съ бою каждую пядь земли, и со спиной, страшно напрягшей всѣ мускулы и нервы, идетъ. У этого человѣка нѣтъ ни головы, ни рукъ.

Онъ не сознаетъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ съ такимъ страшнымъ упорствомъ. Ему не на что и не на кого опереться.

Какъ въ своемъ кускѣ мрамора: „Мысль“ Роденъ создалъ мыслящую голову дѣвушки безъ туловища, голову, какъ божественную искру, высѣченную изъ грубаго куска мрамора, служащаго ей пьедесталомъ, такъ теперь онъ создалъ туловище безъ головы, безъ мысли, увѣковѣчилъ стихійность человѣческаго движенія „въ ночи, которую теперь мы доживаемъ боязливо“.

Тутъ же рядомъ, лицомъ къ лицу, другой скульпторъ „Saint-Morceaux“ подошелъ къ „Жизни Человѣка“ въ своемъ мраморѣ съ другой стороны.

Его статуя „Sur le chemin de la vie“ изображаетъ какъ бы колеблющуюся фигуру женщины. Она—олицетвореніе нерѣшительности и боязливаго смятенія. Съ ногъ до головы покрытая плащемъ, ниспадающимъ на голову и скрывающимъ свѣтъ, приросшимъ къ ея тѣлу, какъ крылья летучей мыши. Она „на дорогѣ жизни“, едва видитъ всего „три аршина земли“, она вотъ, вотъ упадетъ, и вся задрожитъ, „прижавшись къ праху, въ сознаніи своего безсилія“. Зачѣмъ ей идти, зачѣмъ ей ноги, когда глаза не видятъ, гдѣ дорога, куда идти?!.

Дополненіемъ къ этимъ двумъ фигурамъ, поставленнымъ другъ противъ друга, является цѣлая группа бельгійца Charlier'а „Aveugles“.

Эти четыре слѣпца, два пожилыхъ мужчины и двѣ измученныя женщины въ отрепьяхъ, держась другъ за друга въ два ряда, куда-то тоже идутъ. Ихъ ведетъ мальчикъ, и они надѣются на него, какъ на каменную гору, въ немъ ихъ спасеніе. А знаетъ ли свою трудную миссію ихъ вожакъ?

Отъ этой группы, напоминающей метерлинковскихъ слѣпцовъ, въ мертвыя очи которыхъ заглянулъ ужасъ передъ неизвѣстнымъ, перейдемъ на минуту къ четыремъ панно изящнаго художника Ла-Туша (La Touche), опять-таки рисующимъ „Жизнь Человѣка“.

---

[1]) Фигура „Мыслителя“ поставлена передъ Пантеономъ и недавно, во время національныхъ похоронъ знаменитаго химика, была облечена въ трауръ, что производило огромное впечатлѣніе.

Всѣ четыре картины, какъ картины Леонида Андреева въ его „Представленіи“, связаны общностью развиваемой мысли. На всѣхъ четырехъ панно изображена одна и та же прекрасная женщина съ золотыми волосами, въ разные моменты ея жизни. И во всѣ эти моменты: радостнаго любованья собой, любви, отзывчивости на чужое страданье, материнства, по пятамъ рыжеволосой красавицы слѣдуетъ маленькая обезьяна, подражающая человѣку во всѣхъ его движеніяхъ. Всѣ четыре картины залиты нѣжнымъ и радостнымъ свѣтомъ, за этимъ небомъ и деревьями чувствуется праздникъ, ликованье природы. Особенно граціозны и глубоки по композиціи третье и четвертое панно.

Лежитъ раненый Панъ. Ему пришлось столкнуться съ культурой, и ему, богу природы, не поздоровилось. Неподалеку стоитъ автомобиль, уже опустѣвшій, очевидно, только что сбившій козлоногаго. Съ величайшей нѣжностью, на которую способенъ человѣкъ, склонилась къ раненому рыжеволосая женщина. Она забинтовываетъ ему руку, а обезьяна держитъ бинты.

Эта же женщина, окруженная дѣтьми, вся отдается материнской ласкѣ.

У воды, куда еще недавно, какъ въ зеркало, глядѣла рыжеволосая красавица и роняла свои розы на потѣху обезьянѣ, теперь сидитъ эта самая обезьяна, спокойная и сосредоточенная, съ удочкой въ рукахъ, и внимательно слѣдитъ за поплавкомъ.

А надъ всей этой группой изъ-за зеленой листвы смотритъ античный бюстъ Пана.

Смотритъ и улыбается... Ему весело!

Весело и зрителю, отдыхающему отъ плача и скрежета зубовъ..

Но недолго свѣтлое античное настроеніе владѣетъ вашей душой. „Двѣ мысли“, ихъ страшная борьба на каждомъ шагу встаютъ передъ вами и, въ особенности, на выставкѣ „Независимыхъ художниковъ“.

Одна изъ картинъ: „Lutte russo-japonaise“, посвященная русско-японской войнѣ, была удалена со стѣны на другой же день послѣ открытія выставки. Я видѣлъ эту картину. Передъ ней толпилось много публики, и раздавались веселыя замѣчанія...

Художникъ Boleslas-Biegas, уроженецъ русской Польши, изобразилъ королей, большихъ и малыхъ, совершенно голыми, въ чемъ мать родила, даже съ утрированнымъ подчеркиваніемъ нѣкоторыхъ частей тѣла. Всѣ они стоятъ тѣснымъ кольцомъ, и съ громаднымъ радостнымъ оживленіемъ слѣдятъ за поединкомъ двухъ борцовъ. За плечами каждаго тѣнь женщины, вѣроятно, судьбы, вся арена борьбы усѣяна черепами и мертвыми костями, вдали виднѣются ворота въ спорную страну.

Фигуры и физіономіи всѣхъ дѣйствующихъ лицъ тутъ же безъ труда узнавали зрители и острили...

Эта картина носила характеръ скандала и привлекала зрителей, за-

бывавшихъ о ея техническихъ недостаткахъ; никто не обращалъ вниманія на другія вещи того же художника, гораздо болѣе талантливыя.

Французскій художникъ Rostan, уроженецъ Прованса, выставилъ небольшую картину „En Russie“ (cour martiale), къ сожалѣнію, написанную слишкомъ грубо... Пытаютъ оголенную русскую дѣвушку въ какомъ-то застѣнкѣ. Льется кровь. Сидятъ военные чины, увѣшенные орденами, покуриваютъ папиросы, нѣкоторые развлекаются зрѣлищемъ. Два полицейскихъ хлещутъ кнутами приподнятую на ремняхъ „преступницу“.

Эпиграфомъ взяты слова „Боже“...... и т. д., написанныя на кроваво-красномъ фонѣ...

Большое вниманіе публики, а въ особенности русскихъ посѣтителей, привлекла картина русскаго художника Праотцева, уроженца Рязани, и много лѣтъ пробывшаго (послѣдній годъ во Владикавказскомъ кадетскомъ корпусѣ) учителемъ рисованія: „Portrait de M-lle Spiridonoff“.

Какъ объяснялъ самъ авторъ, онъ „хотѣлъ своимъ портретомъ-символомъ изобразить два поцѣлуя: поцѣлуй палача-звѣря и поцѣлуй Христа“.

Нельзя сказать, чтобы картина удалась художнику, несомнѣнно, человѣку мыслящему и проникнутому глубокимъ революціоннымъ настроеніемъ. Для своей картины онъ пользовался двумя фотографіями Маріи Спиридоновой: на одной карточкѣ она снята вскорѣ террористическаго акта, на другой послѣ звѣрскихъ надругательствъ надъ ней. Вторая фотографія, являющаяся поразительнымъ контрастомъ къ первой, со свѣтлымъ лицомъ дѣвушки, послужила матеріаломъ картины. Картина написана въ мрачно сѣрыхъ тонахъ,—это не краски, а тѣни.

Надъ головой дѣвушки, въ глазахъ которой великая скорбь, склонился свѣтлый ликъ Распятаго Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ. Онъ едва прикасается къ волосамъ М. Спиридоновой—это одинъ поцѣлуй. О другомъ вы догадываетесь по двумъ краснымъ слѣдамъ кистей рукъ, оставшимся по обѣ стороны лица на сѣромъ фонѣ. Кто-то, опершись обагренными кровью руками о крестъ, надругался надъ жертвой и ожегъ ея лицо мерзкимъ поцѣлуемъ.

Художникъ назвалъ свою картину „Портретомъ“. Къ сожалѣнію, этотъ портретъ портитъ слишкомъ натянутая символика.

Получилось нѣчто среднее: не то это увеличенная фотографія, похожая на картину, не то это картина похожая на увеличенную фотографію съ двумя красными пятнами...

Молодой скульпторъ Гродзенскій, родившійся въ Гродно, выставилъ четыре вещи, изъ которыхъ одна посвящена „Смертной казни“ („Execution“).

Во весь человѣческій ростъ стоитъ дѣвушка, съ повязкой на лицѣ. Она привязана къ столбу. Вы чувствуете, что противъ нея уже наведены ружья. Сейчасъ раздастся команда и все будетъ кончено. Еще нѣсколько

секундъ жизни. Дѣвушка видитъ смерть, она ея не боится, она молодая, сильная, быть можетъ—любящая, подалась всей грудью впередъ, навстрѣчу смерти...

Что-жъ вы остановились... Кончайте... Дѣлайте скорѣй ваше позорное дѣло!

Странно, когда вы смотрите на эту дѣвушку-курсистку, вы видите каменныя лица солдатъ, чувствуете, что *у нихъ* на глазахъ повязка, чувствуете, что глаза дѣвушки жгутъ платокъ и шлютъ проклятья старой мысли...

Нужно правду сказать, вопросъ о казни выдвинутъ на первый планъ у *насъ* въ Россіи. „Русское правительство заставило вспомнить далекіе вѣка", „дѣла давно минувшихъ дней".

На выставкѣ „Независимыхъ художниковъ" можно найти цѣлую серію картинъ-фрагментовъ подъ общимъ названіемъ „Les Religions des hommes". Тутъ и костры инквизиціи, и черное духовенство, и новая смѣлая мысль въ лицѣ Джордано Бруно и Мишеля Серве, сжигаемыхъ на кострахъ.

Послѣдняя картина—это торжество XX-го вѣка съ изгнаніемъ темной силы католицизма въ пустынную даль.

Скорѣй-бы!... Темныя силы еще борятся, еще душатъ, еще горятъ костры, еще не побѣдилъ Галлилеянинъ!

Интересно отмѣтить, что въ этомъ году при входѣ въ Салонъ передъ Grand Palais, на первомъ планѣ-скульптура, посвященная тѣмъ же кострамъ средневѣковья.

Любимый герой французовъ „Michel Servet", которому памятникъ поставленъ на Мормартрѣ, противъ знаменитой церкви „Saere Coer", казненный 29 октября 1553 года по приказу Кальвина за то, что не хотѣлъ обнажить голову передъ религіозной процессіей, стоитъ на кострѣ во весь ростъ, съ выраженіемъ величайшей рѣшимости на благородномъ лицѣ.

Скульпторъ Gean Raffier приготовилъ эту статую для публичнаго монумента для одной изъ площадей Парижа.

На обѣихъ выставкахъ вы найдете вещи, которыя и безъ крови и безъ костровъ прекрасно освѣщаютъ борьбу „двухъ мыслей" и всю глубину человѣческихъ страданій.

„Les oiseaux de passage" гласитъ заглавіе одной изъ такихъ картинъ. Авторъ этой картины, Ройзманъ, русскій еврей изъ Екатеринослава. Въ свою картину онъ вложилъ великую муку скитальчества, оторванности отъ родины.

Въ маленькой комнаткѣ сидятъ двое: дѣвушка на первомъ планѣ, а въ глубинѣ ея знакомый. На стѣнѣ едва, едва блѣднѣютъ портреты Маркса, М. Горькаго... Виситъ полка съ любимыми книгами. Дѣвушка читала только, что „l'Humanité", газету, излюбленную у всѣхъ русскихъ эми-

грантовъ. Она читала, конечно, рубрику: „Изъ Россіи“, „Дума“,—она прочла, конечно, „дурныя вѣсти“... Товарищи на чужбинѣ молчатъ и уносятся мыслями въ край родной... къ своимъ...

Въ картинѣ много погрѣшностей... Лицо дѣвушки слишкомъ напоминаетъ лицо добродушной швеи, въ глазахъ нѣтъ знакомаго огня „святой ненависти“. Одна сторона лица непропорціонально велика... Художникъ не совсѣмъ удобно посадилъ дѣвушку и т. д., но всѣ эти недостатки отходятъ въ сторону передъ настроеніемъ глубокой грусти, которая сообщается не только эмигранту... Не даромъ „l'Humanité“ посвятило этой картинѣ цѣлую статью.

Молодой скульпторъ Издебскій (Кіевъ) выставилъ довольно интересную по замыслу, но далеко незаконченную вещь „La lutte une idèe“.

Вы видите бюстъ человѣка, упавшаго навзничъ... На голову его навалилась тяжелая груда и закрываетъ отъ него свѣтъ и воздухъ, грудь давятъ чьи-то тяжелыя руки. Человѣкъ дѣлаетъ одной рукой громадное усиліе сбросить тяжесть, другой—освободиться изъ желѣзныхъ объятій... Лица почти не видно... Вы только чувствуете, что мышцы лица и груди напряжены до послѣдней степени...

Идея художника выражена грубо, неотдѣланно... Зритель, при первомъ взглядѣ на работу, думаетъ, что передъ нимъ шахтеръ, заваленный углемъ въ шахтѣ.

Чувствуется вліяніе Родена.

Изъ другихъ пяти вещей обращаетъ на себя вниманіе бюстъ поэта; этотъ мыслящій кусокъ съ открытымъ лбомъ и глубокимъ взглядомъ—лучшая вещь художника. Той же русской грустью, которую мы встрѣчаемъ здѣсь во всѣхъ произведеніяхъ русскихъ художниковъ, вѣетъ и отъ этого бюста.

Въ бюстѣ скульптора Ясинскаго (Варшава) эта грусть переходитъ въ безнадежность.

Произведенія Ясинскаго поражаютъ своею духовностью.

Это не пластика человѣческаго тѣла, а человѣческой души. Матеріальныя формы едва намѣчены, какъ у великаго художника Карръера на его картинахъ... Но Карръеръ, прежде чѣмъ сталъ великимъ мастеромъ и устроилъ огромную выставку своихъ картинъ, написалъ въ своей мастерской тысячи полотенъ... Множество работъ на обѣихъ выставкахъ посвящены соціальному вопросу, русская революція и рабочій вопросъ привлекаютъ художника и скульптора, какъ и нашихъ беллетристовъ и поэтовъ, но объ этихъ произведеніяхъ мы поговоримъ въ другой разъ, когда откроется главный весенній Салонъ.

Покидая обѣ выставки—никто не скажетъ „Наше время—не время широкихъ задачъ“.

И въ области техники и въ области идеи совершаются великія искания, разрѣшаются величайшія задачи.

Художникъ, который живетъ „не скорбя и не любя“, отходитъ въ сторону, завоевываетъ сердца художникъ-мыслитель, художникъ-борецъ,— онъ бросаетъ въ міръ свои произведенія, какъ бомбы, и взрываетъ спокойствіе равнодушныхъ.

Только-бы побольше такихъ художниковъ!

В. Львовъ.

Журнальное обозрѣніе.

(„Современный Міръ“ — мартъ, „Трудовой Путь“ — мартъ и „Русское Богатство“—февраль).

Въ мартовской кн. „Современнаго Міра“ продолжаетъ печататься романъ М. Арцыбашева „Санинъ“.

Въ отношеніяхъ людей между собою много условнаго.

Встрѣчаясь, люди въ большинствѣ случаевъ привѣтствуютъ другъ друга веселой улыбкой, не только не испытывая при этомъ никакой взаимной симпатіи, но, наоборотъ, относясь другъ къ другу совершенно равнодушно или даже пренебрежительно.

Ихъ веселыя улыбки, крѣпкія рукопожатія и бойкая болтовня предназначаются только для того, чтобы можно было удобнѣе и скорѣе разойтись въ разныя стороны, не причиняя взаимно другъ-другу никакой тревоги. И, однако, это случайное и условное выраженіе радости, которой на самомъ дѣлѣ нѣтъ и быть не можетъ, съ теченіемъ времени начинаетъ признаваться при взаимныхъ встрѣчахъ необходимымъ условіемъ—правиломъ, игнорировать которое уже невозможно безъ того, чтобы не вызывать въ средѣ окружающихъ недоумѣнія, раздраженія или недовольства. А между тѣмъ никакія условно-радостныя привѣтствія нисколько не скрываютъ ни пренебреженія, ни равнодушія большинства сталкивающихся людей, и, какъ бы чувства эти при случаѣ ни казались оскорбительными, они никого не удивляютъ и не оскорбляютъ, пока выступаютъ подъ покровомъ общепринятыхъ формъ взаимныхъ отношеній.

И нерѣдко та самая маска, которая вначалѣ бываетъ нужна въ качествѣ преграды, раздѣляющей людей между собою, — впослѣдствіи принимается за главную основу общенія ихъ; самыя же простыя и естественныя переживанія человѣка признаются неумѣстными при возникновеніи общенія людей, и тратится немало искусства и времени только на то, чтобы скрыть и замаскировать все, въ чемъ выражаются наиболѣе яркія стороны всякой индивидуальной человѣческой личности.

Романомъ „Санинъ“ М. Арцыбашевъ положилъ начало художественной

разработки человѣческой личности со стороны тѣхъ внутреннихъ переживаній, присущихъ всякому, относительно которыхъ у огромнаго большинства людей сложилось твердое убѣжденіе, что переживанія эти сами по себѣ слишкомъ уродливы и отталкивающи для того, чтобы, не скрывая ихъ, можно было бы свободно вступать въ общеніе съ людьми. Санинъ,—главное дѣйствующее лицо романа,—является человѣкомъ, совершенно отрѣшившимся отъ всего, что онъ самъ признаетъ въ жизни людей условнымъ,—и въ этомъ заключается главный интересъ, какъ къ личности самого героя, такъ и ко всему роману въ его цѣломъ.

Чужое горе — не горе. Этого не могутъ усвоить многіе разсказчики, берущіе на себя роль печальниковъ народныхъ бѣдъ.

Небольшой разсказъ г. Н. Осиповича изъ народнаго быта „Манифестъ", помѣщенный въ мартовской кн. „Современнаго Міра", можетъ служить яркой иллюстраціей, насколько бываютъ безплодны попытки художника рисовать жизнь общими штрихами, по наслышкѣ, наблюдая происходящее со стороны, издалека.

Написанъ разсказъ хорошо. Языкъ мягкій, выдержанный, въ духѣ народнаго говора. Надъ жизнью авторъ не мудритъ; онъ передаетъ то, что дѣйствительно было, и быль не облекаетъ въ надуманные образы. Художника нельзя упрекнуть ни въ одномъ невѣрномъ словѣ. Все, о чемъ онъ говоритъ,—сущая правда, и, пробѣгая одну за другою страницы разсказа, всегда можно сказать:—„Да, все это, дѣйствительно, было. И было именно такъ, какъ передаетъ авторъ". И, думая такимъ образомъ, въ то же время нельзя не сознаться, что чувство подсказываетъ иной отвѣтъ, и вслѣдъ за каждымъ—да,—какъ глухое, далекое, но чуткое эхо, повторяетъ—„нѣтъ. Было не такъ".

„Когда на станціи Крутой Яръ забастовали подвижной составъ и желѣзнодорожное депо, ближняя деревня Разуевка была недовольна".

Въ этихъ строкахъ исчерпывается все содержаніе разсказа.

Авторъ далѣе говоритъ о томъ, что по поводу забастовки „говорили разное"; что управляющій княжескимъ имѣніемъ объяснялъ всѣ событія происками „враговъ нашихъ—японцевъ и англичанъ, японскихъ союзниковъ"; что ему поддакивали сидѣлецъ винной лавки и урядникъ; что отецъ благочинный „обличалъ ученыхъ, докторовъ, евреевъ-нехристей, и студентовъ".

„Не повѣрилъ народъ попу". И вправду,—можетъ ли народъ вѣрить всѣмъ этимъ туманнымъ и сбивчивымъ объясненіямъ, когда каждый знаетъ ближайшую правду, которая ничѣмъ и никогда не можетъ быть ни прикрыта, ни скрашена. Правда эта—нужда. Разсуждая о бастующихъ желѣзно-

дорожникахъ, крестьяне говорили о нихъ то же самое, что они всегда могутъ сказать и о самихъ себѣ: „Не то, чтобъ, примѣромъ, гулянки или пьянство тамъ. Какое! Хлѣба куска—нѣту. Чисто“.

Все это не болѣе, какъ общіе штрихи, рисующіе оттѣнки жизни въ памятные дни желѣзнодорожной забастовки. Такими же штрихами художникъ очерчиваетъ личность мірского человѣка, дѣда Егора Затыкина; школьнаго учителя, читавшаго и объяснявшаго крестьянамъ октябрьскій манифестъ; надежды на какія-то льготы и смутные слухи о томъ, что „осилила господская сторона, взяла верхъ“, пока, наконецъ, не сбылись тревожныя ожиданія: „на третій день съ грохотомъ и трескомъ прилетѣлъ товарный съ солдатами“.

„Ночь. Гудятъ выстрѣлы, рѣдкіе, частые. Свѣтло и тихо... Не мычатъ коровы, конь не ржетъ: чуетъ скотина—напасть близка. Изрѣдка, когда на станціи прерывается пальба, оттуда на село заглушенный лай доносится. Воетъ песъ по покойнику. Жутко“.

Гибель жизни вызываетъ у животныхъ чувство ужаса и отвращенія. Собака, зачуявъ смерть, тоскливо воетъ. Лошадь при видѣ трупа бросается въ сторону. Быкъ, наткнувшись на сырую, окровавленную кость, реветъ и бѣшенно роетъ копытами землю,—и только человѣкъ среди разумныхъ дѣлъ своихъ доходитъ до того, что самъ, идя навстрѣчу смерти, съ холоднымъ сознаніемъ убиваетъ другого, не потому, что ему нуженъ трупъ врага, а только потому, что человѣку извѣстна возможность насильственной смерти, и онъ знаетъ, что лицо живого послѣ убійства станетъ мертвымъ и отнятой жизни возврата не будетъ.

„Утромъ не досчитались учителя, Савелія Игнатьича, дѣда Егора“.

И авторъ заканчиваетъ свой разсказъ двумя строками:

„Старуха плакала.

Ѳедоръ Гусевъ слушалъ, скрипѣлъ зубами“.

Все, что далъ г. Осиповичъ въ разсказѣ „Манифестъ“, не составляетъ никакой картины. Это—далекій фонъ, на которомъ всѣ контуры сливаются, гдѣ уже трудно отличить отдѣльныя живыя лица людей, и невозможно разсмотрѣть, чѣмъ бѣдна и богата ихъ жизнь. Хотя г. Осиповичъ выводитъ въ своемъ разсказѣ немало разнообразныхъ лицъ—ни одно изъ нихъ не привлекаетъ вниманія, и все, что нарисовано авторомъ, производитъ такое же впечатлѣніе, какое произвела бы на зрителя любая картина толпы людей издали.

Ждутъ ли начала крестнаго хода, сошлись ли въ праздничный день на площадь къ качелямъ, собирается ли многолюдная ярмарка,—толпа съ ея ритмическимъ говоромъ и движеніемъ всегда имѣетъ нарядно-пестрый, праздничный видъ. И безразлично, чѣмъ озабоченъ всякій, кто самъ вошелъ въ толпу; безразлично, о чемъ онъ говоритъ своимъ встрѣчнымъ

безразлично, найдетъ ли онъ то, зачѣмъ пришелъ вмѣстѣ съ другими. Его говоръ увеличитъ общій многоголосый шумъ, его движенія утонутъ въ общемъ движеніи, и самый убогій и сѣрый нарядъ его сплетется съ пестрымъ узоромъ убора толпы. И то, съ чѣмъ онъ придетъ и уйдетъ, издалека не будетъ замѣтно, и его жизнь останется такъ же неизвѣстна, чужда и непонятна, какъ и въ томъ случаѣ, когда онъ не пришелъ бы совсѣмъ.

Такое же впечатлѣніе производитъ и разсказъ г. Осиповича.

Была забастовка—галдѣли. Пришелъ манифестъ—чего-то ждали и тоже галдѣли. Наѣхали солдаты, стрѣляли,—„у чистыхъ, невинныхъ стволовъ молодыхъ березъ" оставили трупы убитыхъ,—все это было, это знаютъ всѣ, и даже больше этого знаютъ.

Но знаютъ ли, что пережилъ человѣкъ на мѣстѣ, гдѣ настигла его нежданная бѣда? Знаютъ ли то, что передумали люди тогда, когда они „всю ночь просидѣли одѣтыми, не спали, не зажигая огня",—на это едва ли можно отвѣтить утвердительно. И вправѣ ли художникъ рисовать пестрыя картины, повторяя и перечисляя только то, что уже давно стало извѣстнымъ, и не раскрывать при этомъ иныхъ сторонъ жизни, значеніе которыхъ еще не многимъ понятно.

Мечомъ владѣть будетъ только тотъ, кто отточитъ его и сдѣлаетъ оружіе свое опаснымъ и острымъ. Тотъ же, кто, взявши мечъ, украситъ его роскошной гирляндой живыхъ цвѣтовъ, сдѣлаетъ оружіе блестящей и звонкой игрушкой, забавной только до той поры, пока сталь не покроется ржавчиной.

И какъ художникъ нарисуетъ общую картину жизни, когда ему не извѣстны детали ея?

Въ селѣ Разуевкѣ г. Осиповичъ не нашелъ ни одного человѣка, чья жизнь была бы ему извѣстна вся отъ ея начала и до конца. Онъ очертилъ тревожныя волненія, изъ которыхъ слагалась жизнь людей въ годину ихъ бѣдъ и не далъ при этомъ ни одного индивидуальнаго живого лица, и весь разсказъ его—не болѣе, какъ отрывокъ изъ повѣсти бытового характера, оказавшейся не по силамъ художнику.

Такіе очерки скучны и ненужны. Какія бы стороны жизни въ нихъ ни разрабатывались, все одинаково вызоветъ въ душѣ одно и то же, привычное человѣку, чувство—глубокое равнодушіе къ невѣдомой радости жизни и къ чужому горю.

Совершенно къ другому роду художественнаго творчества долженъ быть отнесенъ разсказъ г. Семенова „Проклятіе", напечатанный въ мартовской книжкѣ „Трудового Пути".

Авторъ не силенъ въ словѣ, но онъ вѣритъ въ его могущество.

Разсказъ состоитъ изъ трехъ очерковъ,—Острогъ, Этапъ и Тюрьма.

Разсказъ составленъ, главнымъ образомъ, изъ цѣлаго ряда эпизодовъ и образовъ, которые сами по себѣ могли бы быть разработаны отдѣльно другъ отъ друга и вылиться въ форму отдѣльныхъ разсказовъ. Запасъ впечатлѣній автора великъ, и онъ торопится говорить обо всемъ, что наболѣло въ душѣ; и, едва очертивъ какое-либо одно яркое явленіе жизни, художникъ спѣшитъ перейти къ обрисовкѣ новыхъ образовъ и пересказать другіе эпизоды жизни, не вдаваясь въ ихъ глубокій анализъ, а лишь стремясь къ тому, чтобы передать все, что онъ видѣлъ и чтобы все, что запечатлѣлось въ сознаніи, было передано безъ пробѣловъ.

Авторъ становится лицомъ къ лицу со всѣми ужасами неволи, и не столько стремится нарисовать міръ возможныхъ переживаній, рождающихся на почвѣ всякаго рода насилія, сколько старается дать возможно полную и подробную картину всего того, что можетъ сложиться въ стѣнахъ остроговъ и тюремъ.

Первый очеркъ — острогъ.

Нормальная жизнь остановилась и яркое представленіе о ней рождается только во снѣ. „Въ тюрьмѣ всегда странные сны“, и авторъ передаетъ этотъ сонъ,—весь разсказъ ведется отъ имени разсказчика, пробывшаго въ тюрьмѣ 11 мѣсяцевъ;—онъ видитъ себя въ кругу близкихъ ему людей; всѣ готовятся къ свадьбѣ. Невѣста —Серафима.—„Блѣдная, съ черными волосами, съ флеръ д'оранжемъ, она такой красоты, что я пораженъ“. Но она—невѣста другого. — „Серафима присаживается передо мной и я гляжу на нее. Она еще въ свадебномъ уборѣ и смотритъ въ сторону. У меня въ душѣ покорность. Протеста противъ свадьбы никакого“.

Почему въ душѣ родилась покорность, почему предстоящая свадьба не вызвала протеста,—во снѣ забыто. Онъ не помнитъ того, что онъ лишенъ свободы, и только испытываетъ „въ душѣ возрастающій ужасъ“ предъ чѣмъ-то непонятнымъ, но страшнымъ и неотвратимымъ. И это страшное—необходимость покорно подчиниться тому, что въ дѣйствительности не можетъ быть пережито безъ борьбы и протеста.

Сонъ этотъ не страненъ, онъ скорѣе ужасенъ. Это отголосокъ всего совершившагося.—Человѣкъ оторванъ отъ своей обычной жизни; лишенъ самаго главнаго, что онъ считалъ для себя важнымъ и нужнымъ; лишенъ своей свободы,—и все это онъ пережилъ и принялъ. Онъ уже ступилъ по пути лишеній и перешагнулъ границу, за которой уже вовсе не существуетъ предѣловъ въ стороны возможныхъ въ жизни лишеній. И тяжкіе, кошмарные сны рисуютъ образы такихъ лишеній и такой покорности, какія врядъ ли могутъ быть перенесены и тѣми, чья болѣзненно-раздраженная, усыпленная фантазія вызвала эти отталкивающіе образы къ жизни.— Разсказчикъ только потому могъ переживать во снѣ чувство мучительной покорности, что былъ оторванъ отъ жизни, при условіяхъ которой онъ былъ воленъ въ выборѣ своихъ дѣйствій; вся его жизнь была замѣнена другою.

„...Корридоръ кажется мнѣ безконечнымъ. По бокамъ черныя, желѣзныя двери. За ними люди: убійцы, воры, мошенники, погромщики. Они глядятъ на меня странно-равнодушнымъ взглядомъ, точно это такъ и должно быть, точно въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго—въ томъ, что они заперты въ клѣткахъ, и мнѣ это страшно. .“

„На меня глядятъ въ прозорку мертвые паучьи глаза человѣка. Въ нихъ тина родившей и засосавшей его жизни. Это надзиратель, мой тюремщикъ“.

Но кромѣ заключенія въ самой тюрьмѣ, есть еще и другая жизнь въ этомъ же мірѣ—этапъ.

Стѣны и рѣшетки тюрьмы, ея камень и желѣзо, помогаютъ заставить однихъ подчиниться другимъ, и, въ то же время, раздѣляя арестанта отъ тюремщика, этимъ самымъ смягчаютъ постоянную угрозу — смирить убійствомъ непокорнаго, и самое оружіе тюремной стражи имѣетъ менѣе зловѣщій видъ, чѣмъ оружіе этапнаго конвоя.

На этапѣ людей ничто не раздѣляетъ. Они встрѣчаются лицомъ къ лицу, и то, что въ тюрьмѣ достигается ея стѣнами, рѣшетками и замками,—то во время этапа достигается только одними патронами и ружьями.

„...Солдаты насъ при отправкѣ обыскивали, залѣзали въ карманы, щупали тѣло и сказали намъ, что будутъ въ насъ стрѣлять, если мы попытаемся бѣжать... бѣжать изъ-подъ власти владѣющихъ нами и ими бумагъ. При насъ раздѣлили между собой патроны и такъ страшно, страшно холодно было это, точно не люди, а бумаги насъ трогали, брали...“

„Солдаты идутъ просто, обыкновенно. Смѣются, заговариваютъ, курятъ“.

Далекая дорога сближаетъ людей между собою; вынужденные проводить длинные, скучные часы рука объ руку, люди ближе сходятся, и многіе обнажаютъ свои наболѣвшія язвы предъ другими; каждый говоритъ о томъ, что ярче запечатлѣлось въ его сознаніи изъ той жизни, путемъ которой онъ шелъ навстрѣчу своей неволи. Воръ разсказываетъ о грабежахъ, бродяга—о побѣгахъ, разбойникъ—объ убійствахъ. Партія политическихъ — о пережитыхъ истязаніяхъ и пыткахъ, слухи о которыхъ изъ застѣнковъ проникли всюду, и ужасъ которыхъ сталъ общеизвѣстенъ. Говорили и о казняхъ.

„Я бы хотѣла умереть разстрѣлянной... — мечтаетъ дѣвушка, откидываясь назадъ, и жмуритъ глаза. —Это совсѣмъ просто и мнѣ кажется совсѣмъ не страшнымъ. Такъ станешь передъ ними и будешь смотрѣть, какъ они цѣлятъ... утромъ, хорошо...“

Это, конечно, только мечты. Поручиться, насколько въ дѣйствительности хорошо или не хорошо быть разстрѣляннымъ, утромъ или въ иную пору дня,—очень трудно. И притомъ мечты, вообще, сбываются рѣдко:

когда греза становится дѣйствительностью, она тотчасъ теряетъ всю свою увлекательную и заманчивую таинственность, и, наоборотъ, неожиданно облекается въ простѣйшія, и часто самыя непріятныя формы обыденной жизни.

Но вопросъ, впрочемъ, не въ томъ, пріятно или непріятно быть въ самомъ дѣлѣ разстрѣляннымъ на утренней зарѣ, — а важно то, что обиліе разстрѣловъ и всѣхъ другихъ видовъ казней и вправду можетъ навести на серьезныя размышленія о преимуществахъ одной смерти передъ другою; и возможно и то, что мысль, пріученная къ представленію о насильственной смерти вообще, станетъ рисовать красивые образы той именно смерти, которая, сравнительно съ другими, покажется самою легкой. А какою цѣною человѣкъ пріобрѣтаетъ способность мечтать и грезить о разстрѣляніи, какъ объ одномъ изъ наиболѣе пріятныхъ и радостныхъ явленій, возможныхъ въ жизни,—на это отвѣчаетъ сама жизнь.—Цѣною многихъ убійствъ и неисчислимыхъ страданій.

Мечты и грезы о разстрѣляніи или о какомъ-либо иномъ видѣ насильственной смерти вполнѣ возможны. Онѣ вытекаютъ прямо изъ присущаго людямъ стремленія облекать въ красивые образы все то, что уже вполнѣ усвоено сознаніемъ, какъ обыденное явленіе жизни, но что еще не пережито и не испытано. Теперь найдется много людей, которые не только не видѣли сами никакой насильственной смерти, но даже не переживали и сознанія того, что въ опредѣленное время и въ опредѣленно-близкомъ отъ нихъ разстояніи совершается актъ насильственной смерти,— и въ то же время врядъ ли найдется хотя одинъ человѣкъ, для котораго представленіе о томъ или иномъ видѣ убійства было бы ново. Никакою смертью никто въ наше время не можетъ быть удивленъ. Всякій ежедневно привыкъ узнавать о томъ или иномъ количествѣ убійствъ, и, въ большинствѣ случаевъ, встрѣчаетъ это извѣстіе такъ же просто и съ такимъ же притупленно-спокойнымъ чувствомъ, какъ и обычное извѣстіе о постигшей человѣка естественной смерти. Человѣкъ, обладающій желѣзнымъ здоровьемъ, не знающій болѣзней ни легкихъ, ни сердца и не видѣвшій ни разу въ своей жизни смерти ни отъ чахотки, ни отъ разрыва сердца,—все же можетъ составить себѣ то или иное представленіе, какъ о первой, такъ и о второй смерти, и при случаѣ можетъ, какъ будто даже и резонно, разсуждать о томъ, какая изъ этихъ двухъ смертей желательна преимущественно предъ другою.

„Я бы и глаза просилъ не завязывать!“ — говоритъ одинъ. „Я бы плюнулъ на нихъ“,—дѣловито сообщаетъ другой. „Да, быть разстрѣляннымъ, пожалуй, пріятнѣе, чѣмъ быть на висѣлицѣ“,—соглашается третій. „А я бы секунды считала передъ солдатиками...“ — грезитъ дѣвушка. И разсказчикъ-авторъ, подъ впечатлѣніемъ этого разговора самъ начинаетъ грезить, и въ его сознаніи возникаютъ и смѣняются образы, рисующіе

разстрѣляніе—то его самого, то кого-либо изъ присутствующихъ, и его особенно занимаетъ и радуетъ то, что „на бѣломъ выступитъ красная кровь"...

— „Серафима, Серафима!—вотъ она съ ясными, ласковыми глазами передо мной!"

Ясные глаза Серафимы еще могутъ разсѣять мрачный взглядъ очей насильственной смерти. Но смерть эта—не идея. Не мечтами и грезами она рождена, — это живая дѣйствительность. И всякій разъ, когда она совершается, то бываетъ и тотъ, кто платится жизнью своею, а въ числѣ поплатившихся можетъ быть и сама Серафима.

Въ третьей и послѣдней главѣ разсказа г. Семеновъ рисуетъ интересы и радости тюремной жизни.

Тюремная коммуна, раздѣленіе на оппозицію и центръ, состязанія въ кулачныхъ бояхъ, игра въ снѣжки, и вся та шумная и подчасъ веселая суета, которая проникаетъ во всякую среду соединенныхъ вмѣстѣ людей, изъ какихъ бы непріятныхъ и тягостныхъ условій ни складывалось все ихъ существованіе.

Заканчиваетъ авторъ свой разсказъ тѣмъ, что онъ встрѣтилъ, когда, наконецъ, былъ выпущенъ на свободу.

„...Серафимы уже нѣтъ между нами. Она умерла.

„Послѣдніе дни ея были ужасны. Ее арестовали. Ее возили жандармы изъ города въ городъ. Ее ни на шагъ не отпускали отъ себя.

Ее!... Она металась. Она бредила... Ей снились палачи, висѣлицы.

Ее преслѣдовали галлюцинаціи. Солдаты, которые *всѣхъ* [1]) разстрѣливаютъ".

„Въ одинъ день 16 казней..."

И авторъ проклинаетъ палачей и убійцъ.

Напрасно.

И палачей, и убійцъ проклинали слишкомъ много, и эти проклятія уже утратили надъ ними свою силу, ибо встрѣчаются всѣми слишкомъ равнодушно, и такъ же скоро и равнодушно забываются, какъ и всякое мимолетное осужденіе близко-знакомыхъ людей, съ которыми встрѣчаются одинаково равнодушно-привѣтливо, говорятъ ли о нихъ хорошо или дурно,—безразлично.

16 казней въ одинъ день?—Но, вѣдь, въ этотъ же самый день тысячи тысячъ людей, оставшихся въ живыхъ, знавшихъ о совершившемся, не только не мѣняли ни въ чемъ своей личной собственной жизни, но даже и не думали о томъ, чтобы 16 загубленныхъ жизней могли бы измѣнить ихъ собственное существованіе. Каждый успѣлъ узнать, что день

---

[1]) *Всѣхъ*—курсивъ автора.

своей можно прожить одинаково успѣшно и пріятно, какъ въ то время, когда не происходить вовсе казней, такъ точно и тогда, когда онѣ совершаются.—И это знають всѣ.

А если это такъ, то не лучше ли было бы просто и открыто признать тотъ фактъ, что всѣ, совершаемыя въ человѣческой жизни насилія, какъ бы велики они ни были и кѣмъ бы они ни совершались, не возбуждають въ душѣ человѣка чувства глубокаго возмущенія; и что многое, что зарядъ принято высказывать по отношенію къ насильственной смерти, противорѣчить тому, что человѣкъ вчужѣ переживаетъ по отношенію къ ней. Такое признаніе, конечно, не послужить къ возвеличенію достоинства человѣческой личности, и, главное, отыметъ у людей простѣйшій способъ реагировать на всевозможныя событія отталкивающаго характера общепризнаннымъ осужденіемъ и порицаніемъ; но—кто знаетъ?—быть можетъ, взамѣнъ проклятій и осужденій возникнетъ глумленіе и смѣхъ, и самое убійство, утративъ ореолъ своей грандіозной преступности, станетъ дѣломъ безсмысленно-срамнымъ и неловкимъ даже для самихъ палачей; и самое слово палачъ, кромѣ присущаго ему зловѣщаго смысла, пріобрѣтетъ и другой смыслъ, обогатившись понятіемъ, заложеннымъ въ словѣ—идіотъ.

Разсказъ г. Семенова „Проклятіе" интересенъ, главнымъ образомъ, потому, что вся густая, чисто эпизодическаго характера, ткань этого разсказа составлена изъ обрисовки дѣятельности людей въ тѣ моменты ихъ переживаній, когда главнымъ двигателемъ въ жизни является злоба и глупость убогой человѣческой личности.

Эпоха тюрьмы и казни налагаетъ свою тяжелую печать и на искусство.

Въ февральской кн. „Русскаго Богатства" помѣщенъ разсказъ С. А. Савинковой „Послѣднее Свиданіе".

> „Рѣка была не въ духѣ... Ея бѣленькіе гребешки, поминутно появлявшіеся на поверхности, быстро уходили вглубь, какъ бы стыдясь того, что видѣли на земной поверхности...
>
> А стыдиться было чего: среди бурыхъ водъ поднималась гранитная, сѣрая масса—краснорѣчиво-молчаливая".
>
> Гранитная, сѣрая масса—крѣпость.
>
> „Особенно выразительна была угрюмая масса по вечерамъ, когда въ ея квадратныхъ окошечкахъ свѣтились огоньки"...

Этотъ рядъ освѣщенныхъ оконъ просто и холодно говоритъ о томъ, что тамъ жизнь и смерть взглянули въ глаза другъ другу, и что жизнь тѣхъ, которые уже стоятъ на границѣ смерти — тайна для всякаго, кто еще не знаетъ своего конца. Этотъ свѣтъ въ окошкахъ говоритъ о томъ, что камеры крѣпости переполнены.

„Кругомъ — ложь, неправда, произволъ, насиліе... Для однихъ: счастье, благосостояніе, наслажденіе жизнью, и рядомъ—нищета, голодъ, побои и рабство!“

Люди видятъ и знаютъ совершающуюся насильственную смерть, и какъ ни ужасенъ актъ ея, они все-таки допускаютъ возможность его въ своей жизни. И допускаютъ только потому, что всѣ одинаково стремятся сохранить свое „счастье, благосостояніе, наслажденіе жизнью“. Они создали „право“ на счастье, и отстаивая это право, жертвуютъ всѣмъ, лишь бы сохранить то, что создано ими.

И если бы была возможность не только убить человѣка, но, убивая,—раздѣлить между собою дни и часы его жизни, то убивали бы и дѣлили бы недожитое время и считали бы такой дѣлежъ священнымъ правомъ своимъ.

И всякій, кому удалось бы къ своей жизни прибавить нѣсколько десятковъ лѣтъ чужой жизни, уже считалъ бы свои собственные дни слишкомъ короткимъ и убогимъ даромъ природы, который надо было бы продлить и увеличить, чтобы можно было признать свою жизнь счастливою.

И если бы кто-нибудь сказалъ тогда людямъ, что ими нарушаются естественные законы существованія,—тѣ, кто былъ бы властенъ пользоваться временемъ жизни другихъ людей, возстали бы на защиту своего „права“, какъ самаго священнаго и неотъемлемаго права людей на жизнь, хотя право это было бы нарушено ими въ самыхъ основахъ своихъ.

И убивали бы, и жадно дѣлили бы чужую жизнь, и жили бы иные по нѣсколько сотъ лѣтъ, оставляя другимъ самыя ничтожныя доли ихъ жизни, какъ остаются теперь тысячи тысячъ людей въ самой убогой нищетѣ.

„Кончено! Двадцать лѣтъ и... кончено!“—эта мысль вывела изъ задумчивости того, для кого „угасъ уже смыслъ жизни“, и онъ „всталъ, чтобы размять свое уставшее отъ неподвижнаго сидѣнія тѣло“.

Долго старики, отецъ и мать приговореннаго, всюду добивались свиданія съ сыномъ. Много разъ имъ отказывали, пока, наконецъ, было разрѣшено имъ свиданіе,—послѣднее свиданіе,—въ ночь, наканунѣ казни. Старики пріѣхали въ крѣпость вмѣстѣ съ жандармомъ, съ изысканною вѣжливостью проводившимъ ихъ къ сыну, надъ которымъ уже былъ произнесенъ смертный приговоръ.

Авторъ, рисуя силуэты неподвижныхъ часовыхъ и угрюмыхъ каменныхъ зданій, говоритъ о томъ чувствѣ порабощенія, которое овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ неожиданно попадаетъ въ мрачныя стѣны тюрьмы.

„Неизбѣжное влекло ихъ впередъ, и не было силы на землѣ, могущей измѣнить совершавшееся... И они шли за своимъ провожатымъ, притихшіе и пугливо настороженные: что-то висѣло въ воздухѣ, надъ ихъ головами, что-то невыразимое словами, но чув-

ствуемое всѣмъ существомъ. И это что-то было сильнѣе ихъ, и они были рабами его...“

Приговоренный къ смерти, его отецъ и мать, и жандармъ—эти четыре человѣка вмѣстѣ сошлись въ одинокой комнатѣ.

О предстоящей казни не знала одна старуха и все время непродолжительнаго свиданія безъ умолку болтала обо всемъ, что въ послѣдніе дни причиняло ей вмѣстѣ съ мужемъ столько хлопотъ и заботъ. И странно-томительно звучала ея простая болтовня, неумолкающая тамъ, гдѣ уже чувствуется дыханіе быстро приближающейся смерти, гдѣ неотвратимость ея уже сознали трое, а она—четвертая между ними—все еще ничего не знаетъ и не предвидитъ..

Такъ, когда пройдетъ время, и не станетъ никого изъ тѣхъ, кому суждено было пережить пору торжества насильственной смерти, многимъ будетъ казаться страннымъ не то, что ежедневно происходили убійства,—а то, что, зная о совершавшемся, люди вели самый обыденный образъ жизни и умѣли сохранять способность радоваться и проводить дни въ беззаботномъ весельи.

Г. Савинкова заканчиваетъ свой разсказъ тѣмъ, что старикъ-отецъ, переживъ казнь своего Владиміра и смерть жены, не перенесшей удара,—узналъ и понялъ тогда, въ чемъ былъ онъ самъ прежде неправъ, когда не одобрялъ сына, стремившагося къ благу и за него отдавшаго жизнь свою.

„Въ это время пришли нѣкоторые и разсказали Ему о Галилеянахъ, которыхъ кровь Пилатъ смѣшалъ съ жертвами ихъ. Іисусъ сказалъ имъ на это: думаете ли вы, что эти Галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ Галилеянъ, что такъ пострадали?—Нѣтъ, говорю вамъ; но если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете“.

(Лук. XIII, 1, 2, 3).

П. Дмитріевъ.

Отклики русской жизни.

Государственная Дума и безработица.

I.

Рядомъ съ вопросомъ о голодѣ, наслѣдіи старой крѣпостнической Россіи, передъ Думой стоялъ вопросъ, критическій и для буржуазныхъ отношеній—вопросъ о безработицѣ. Кличъ, раздавшійся въ пролетарской средѣ, обращенный къ народнымъ избранникамъ, раздался такъ громко въ пролетарскихъ массахъ, въ такой степени сталъ группировать ихъ около себя, что отсрочка самой постановки вопроса имѣла бы не менѣе смысла, чѣмъ отсрочка вопроса о голодѣ.

Совѣтъ безработныхъ, правда не входившій въ партію въ качествѣ ея составной части, но тѣсно съ нею связанный, пытался связать себя еще съ первой Думой. Констатируя страшныя бѣдствія безработицы, онъ обращался еще къ ней: „доводя обо всемъ этомъ до свѣдѣнія рабочихъ депутатовъ Государственной Думы,—читали мы въ заявленіи, поданномъ въ соціалъ-демократическую фракцію—Петербургскій Совѣтъ безработныхъ поручаетъ имъ съ высоты парламентской трибуны протестовать противъ отношенія правительства и призываетъ ихъ словомъ и дѣломъ помочь возникающимъ во всѣхъ городахъ Россіи Совѣтамъ безработныхъ въ предпринятой ими борьбѣ съ безработицей, столь тяжко гнетущей въ настоящее время россійскій рабочій классъ“. Такое же заявленіе было передано трудовой группѣ; прося „у крестьянскихъ депутатовъ поддержки требованіямъ рабочихъ, поддержки, которой рабочіе не могутъ ожидать отъ трусливой буржуазной партіи конституціоналистовъ-демократовъ“, онъ съ своей стороны, какъ организація петербургскихъ рабочихъ, предлагалъ крестьянскимъ депутатамъ „свою поддержку на случай ихъ рѣзко революціоннаго конфликта съ противонароднымъ правительствомъ“ [1]). Но пролетарская фракція просуществовала 22 дня. Правда, трудовая группа образовалась

[1]) Л. Клейнбортъ. «Безработица и движеніе безработныхъ». Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Спб. 1906 г., стр. 55.

нѣсколько раньше соціалъ-демократической, но заявленія такъ и заглохли, не успѣвъ даже пробиться наружу—и просто потому, что не успѣли, и потому, что есть интересы, болѣе близкіе гг. трудовикамъ, чѣмъ интересы безработнаго пролетаріата.

Тѣмъ рѣзче вопросъ сталъ сейчасъ. Среди множества наказовъ, обращенныхъ къ новой думѣ, требованія безработныхъ еще до ея открытія занимали солидное мѣсто. Такъ, въ Петербургѣ готовилась особая петиція о выработкѣ мѣръ для борьбы съ безработицей, подъ которой имѣлась масса подписей, не говоря о цѣломъ рядѣ наказовъ отдѣльныхъ заводовъ, въ родѣ Путиловскаго, рабочихъ типографіи Яблонскаго и пр. Съ такой же петиціей обращались къ своимъ избранникамъ 500 уволенныхъ съ патроннаго завода въ Тулѣ рабочихъ, готовилась петиція отъ профессіональныхъ союзовъ. Если же такъ было уже тогда, то къ тому времени, когда деп. Церетели вынужденъ былъ заявить Государственной Думѣ, что, „если бы даже и были формальныя основанія отложить обсужденіе вопроса, то откладывать все равно не слѣдуетъ, ибо есть дѣйствительныя, существенныя основанія его обсуждать немедленно [1]), обращеніе къ Думѣ вылилось въ одинъ могучій кличъ.

Конечно, безработные не имѣли своихъ голосовъ въ Думѣ. Какъ лишенные работы, они, по старому избирательному праву, не имѣли никакихъ избирательныхъ правъ. Въ рабочей куріи они не могли участвовать. Что же касается квартирнаго ценза, то о немъ еще менѣе могла быть рѣчь, чѣмъ объ участіи въ рабочей куріи, такъ какъ рѣдко-рѣдко безработный въ состояніи оплачивать уголъ—не то, что комнату. Огромное большинство ютится гдѣ-нибудь по ночлежкамъ. Между тѣмъ ни комната, ни уголъ избирательнаго ценза не даютъ... Но дѣло безработныхъ есть дѣло всего пролетаріата. Не успѣетъ рабочій поступить на мѣсто, какъ уже носятся слухи о новыхъ расчетахъ, новыхъ увольненіяхъ, стирающихъ, наконецъ, всякую линію, отдѣляющую работающаго отъ безработнаго. Естественно, безработные знали, что ихъ замѣнятъ тѣ депутаты, которыхъ послалъ въ Думу работающій пролетаріатъ, которые тамъ и говорили не о безработныхъ въ частности, а о рабочихъ вообще. „У насъ голодаетъ сейчасъ тотъ *классъ* [2]),—говорилъ деп. Петровъ,—работой котораго питается все государство“. То же звучало въ словахъ рабочаго Бѣлановскаго, начавшаго свою рѣчь съ того, что онъ самъ—рабочій и потому не можетъ говорить такъ кротко, какъ о. Платонъ: „я скажу, голодъ не терпитъ, обратите великое вниманіе на рабочихъ—предостерегалъ онъ.—Они сила большая, въ ихъ рукахъ находится застой и расцвѣтъ всего производства, и если вы этого не сдѣлаете, то вы поведете къ кровопролитію“...

---

[1]) «Рѣчь», отъ 16 марта. «Госуд. Дума».
[2]) Ibid. Курсивъ нашъ.

Дѣло безработныхъ есть дѣло всего способнаго къ политической дѣятельности пролетаріата, и безработные, обращаясь съ своими наказами, расчитывали на то давленіе, которое окажетъ на Думу вся фракція пролетарская.

Далеки были они и отъ иллювій вродѣ тѣхъ, что Дума *уничтожитъ* причины безработицы; отъ той *вѣры*, которая еще недавно была такъ характерна для рабочаго человѣка...

Едва ли найдется рабочій, который бы до сихъ поръ задавался необычными надеждами, подписывая наказъ депутатамъ, который бы не зналъ, что Государственная Дума не болѣе способна положить *конецъ* дѣйствіямъ голода, чѣмъ тѣ городскія Думы, къ которымъ онъ шелъ до сихъ поръ. Но онъ понимаетъ и то, какую огромную роль въ настоящемъ бѣдствіи играютъ крѣпостническіе аппетиты гг. Столыпиныхъ, тѣ самые, борьба съ которыми въ такой степени въ интересахъ *всѣхъ* оппозиціонныхъ партій вообще; насколько съ этой точки зрѣнія борьба съ безработицей, безъ сомнѣнія, общее дѣло, какія бы перегородки ни раздѣляли общественные классы Россіи и партіи, выражающія ихъ интересы, дѣло всѣхъ, кому ненавистенъ старый режимъ, кому, наоборотъ, дорого развитіе всѣхъ силъ страны...

И если агитація и организація, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, являются главнымъ орудіемъ Думы, то, разумѣется, рабочій не можетъ не ждать прежде всего отъ Думы толчка къ цѣлому ряду практическихъ попытокъ *облегчить* его нужду, но, вмѣстѣ, съ тѣмъ, цѣль его показать, „передъ лицомъ всей Россіи, всего міра, кто истинный виновникъ народнаго бѣдствія“, показать, какъ говорилъ Джапаридве въ своей рѣчи, „что правительство хочетъ, чтобы люди умирали съ голоду, и что поэтому толкаетъ ихъ на эту дорогу“ [1])... Таковъ смыслъ большинства безработныхъ наказовъ...

Такъ подошелъ къ Думѣ безработный, наученный горькимъ опытомъ, истощенный холодомъ и голодомъ... Что же отвѣтила, въ свою очередь, Дума безработному?

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу, я долженъ сказать: *настроеніе*, царившее на этомъ засѣданіи было далеко не тѣмъ, которое создали т. н. большіе думскіе дни. Даже задоръ, съ которымъ ораторы выступали за нѣсколько дней до того, по вопросу о помощи голодающимъ, проявлялся въ такой степени умѣренно, что г. Философову, готовившемуся, очевидно, въ своей рѣчи ставить тѣ же знаки препинанія, какіе въ рѣчи о голодающихъ ставилъ самъ премьеръ, осталось лишь... декламировать ее...

Газета „Рѣчь“, неизмѣнно развивающая въ своихъ передовицахъ ту мысль, что всѣ партіи, кромѣ партіи к. д., занимаются одними разгово-

---

[1]) Ibid.

рами, недостойными Государственной Думы, которая призвана къ „положительной работѣ, а не митинговымъ разговорамъ", объясняетъ это тѣмъ, что нить была брошена кадетами и „брошенная ими, волочилась въ этотъ день, не поднятая никѣмъ", въ то время какъ парламентскій опытъ—несмотря на всю его кратковременность успѣлъ уже оказать „сильнѣйшее давленіе на ораторовъ лѣвыхъ", надломивъ остріе лѣвой тактики первыми неудачами [1]). Безспорно, если кадетскій передовикъ имѣлъ въ виду подъ парламентскимъ опытомъ лѣвыхъ поведеніе к. д. вообще, г. Головина, какъ предсѣдателя Думы, въ частности, стремленіе возможно скорѣе сдать вопросъ въ комиссію, прекративъ запись ораторовъ и ограничивъ рѣчи остальныхъ минутами, то онъ не ошибался: такого рода давленіе въ состояніи надломить всякое „остріе". Но дѣло не въ этомъ, а въ той нити, которая будто бы была брошена кадетами въ виду того, что тема была дана лѣвыми. Такъ ли ужъ въ самомъ дѣлѣ? Не была ли она ими не только поднята, но передана въ твердыя прямыя руки?

Перейдемъ къ самымъ преніямъ...

II.

Да, какъ бы мы ни желали продолжить линію созданія тѣхъ или иныхъ лѣвыхъ группировокъ въ Думѣ возможно дальше, нельзя не признать на этотъ разъ: въ вопросѣ о безработицѣ это возможно было менѣе всего.

Здѣсь Дума съ самаго начала раскололась на *два* лагеря, изъ которыхъ правый мы должны назвать его настоящимъ именемъ—черносотенно-кадетскимъ. Конечно, кадеты не предложили подобно г. Шидловскому, „не слышавшему ни одной свѣтлой мысли отъ лѣвыхъ" „всѣмъ здѣсь сидящимъ" пожертвовать съ разрѣшенія г. предсѣдателя Думы хотя бы по 50 руб., такъ какъ тогда безработный пролетаріатъ будетъ облагодѣтельствованъ, не стали и срывать вопроса прямо, подобно г. Стаховичу, по мнѣнію котораго вопросъ о безработныхъ надо было снять съ очереди, „ради успѣха работы Государственной Думы", но принципіальная близость г. Кутлера и г. Философова въ вопросѣ о безработицѣ не ясна съ перваго взгляда [2]).

Чтобы положеніе вопроса выступило изъ рамокъ внѣшняго благоправія, которымъ такъ любятъ окутывать себя кадетскіе мудрецы, вспом-

---

[1]) „Рѣчь", отъ 16 марта.

[2]) Не даромъ на страницахъ кадетскаго органа по этому вопросу было такъ мало единства.

нимъ, что собственно раздѣляло въ Думѣ гг. кадетовъ, поддерживаемыхъ правыми, отъ соціалъ-демократовъ и народниковъ.

Какъ извѣстно, вопросъ, выдвинутый лѣвыми, былъ поставленъ соціалъ-демократической фракціей. „Мы, соціалъ-демократы, — сказалъ Джапаридзе,—хорошо знаемъ, что безработица есть неизбѣжная спутница капиталистическаго производства“. Анализируя причины безработицы, онъ и не думалъ отрицать тѣхъ экономическихъ корней, которыми обусловлена она у насъ. Но тѣмъ рѣзче подчеркивалъ онъ тотъ фактъ, насколько безработица, угнетающая русскій пролетаріатъ, не есть всецѣло результатъ обстоятельствъ капиталистическаго производства: „Дѣло въ томъ, что невозможное положеніе, созданное авантюристской политикой внутри и внѣ страны, заставило населеніе Россіи, какъ одного человѣка, возстать противъ своихъ вымогателей и стремиться пересоздать Россію на новыхъ началахъ, болѣе соотвѣтствующихъ интересамъ народа. Но правительство, защищая интересы бюрократіи, землевладѣльцевъ и дворянъ, объявило самую жесточайшую войну новымъ силамъ и всему русскому народу. Послѣ единодушнаго натиска 17 октября, когда правительство должно было уступить, чтобы не быть раздавленнымъ, — констатировалъ ораторъ,—оно, пользуясь временнымъ затишьемъ, временнымъ отливомъ революціи, старалось всѣми силами раздавить и разъединить народъ: тутъ начинается кровавая месть за сдѣланныя правительствомъ по необходимости уступки. Удары правительства были, главнымъ образомъ, направлены на рабочихъ и крестьянъ, идущихъ въ первыхъ рядахъ. Правительство стремилось спеціально создать такія условія, которыя дезорганизовали бы рабочихъ, „искусственно вызвать голодъ, чтобы при помощи голода выбить изъ головъ рабочихъ всѣ соціалистическія увлеченія“ [1]).

Очевидно, что необходимо въ интересахъ борьбы съ безработицей съ точки зрѣнія соціалъ-демократіи. Необходимо разслѣдованіе на мѣстахъ, самымъ фактомъ котораго уже „до нѣкоторой степени будетъ положенъ предѣлъ наиболѣе дикимъ направленіямъ преслѣдованія рабочихъ со стороны государства, общественныхъ самоуправленій и частныхъ предпринимателей, которые теперь, пользуясь мракомъ, окутывающимъ ихъ дѣйствія, не знаютъ удержу, не знаютъ стѣсненія“. Затѣмъ рядъ мѣръ для непосредственной помощи безработнымъ, *вынесшимъ на своихъ плечахъ всю страшную тяжесть освободительной борьбы.*

Такъ стоялъ вопросъ у соціалъ-демократовъ. Теперь сопоставимъ съ этимъ то, что отвѣтилъ имъ съ одной стороны г. Философовъ, съ другой—гг. Кутлеръ и Струве, посмотримъ, чѣмъ отличались эти отвѣты.

Г. Философовъ взглянулъ не съ „отвлеченной“, а „съ точки зрѣнія цѣлесообразности“, находя, что гораздо легче „высокому собранію“ докла-

---

[1]) „Рѣчь“ отъ 16 марта.

дывать „непровѣренныя“ цифры, чѣмъ оцѣнить всю ту готовность, съ которой правительство идетъ навстрѣчу безработнымъ. Что касается разслѣдованія на мѣстахъ, то онъ даже не сталъ тратить „лишнихъ словъ“ для доказательства „незаконности“ этого предложенія, замѣтивъ лишь, что правительство убѣждено, что Государственная Дума, сумѣвшая доказать своимъ голосованіемъ по вопросу о продовольственной помощи, что она не идетъ на такого рода вызовы, и на этотъ разъ останется на высотѣ. Еще откровеннѣе то различіе, которое министръ провелъ между одними, страдающими отъ промышленнаго кризиса, и потому достойными его вниманія, и другими, голодающими „по собственной волѣ“ и потому вниманія не заслуживающими. „Господа—звучалъ голосъ министра—правительство можетъ итти на помощь безработнымъ, когда идетъ вопросъ о помощи безработнымъ, не имѣющимъ работы вслѣдствіе промышленнаго кризиса или стихійныхъ причинъ. Но когда поднимается вопросъ о томъ, чтобы правительство, чтобы государство приходило на помощь безработнымъ, страдающимъ отъ безработицы не вслѣдствіе непреодолимыхъ условій, а по собственной волѣ,—отъ забастовокъ, то я долженъ заявить, что правительство на такого рода ассигновки не пойдетъ никогда“...

Кажется, достаточно и откровенности, и твердости, и опредѣленности послѣ... вышецитированной рѣчи деп. Джапаридзе... Какую же позицію заняли кадеты, которые, какъ извѣстно, даже теперь, послѣ поворота отъ „проблематическаго содѣйствія народа“, обычно стараются занять среднюю позицію, третью. Даже въ бюджетномъ вопросѣ, каково бы ни было самое рѣшеніе, къ которому они склоняются, постановку, какую они дали вопросу, отнюдь нельзя назвать черносотенной. Совершенно иное здѣсь—въ вопросѣ о борьбѣ съ безработицей.

Какъ и г. Философовъ, г. Кутлеръ съ самаго начала заявилъ, что партія народной свободы отказывается отъ фантазій, стремясь избѣгнуть „длинныхъ и неопредѣленныхъ преній, вродѣ происходившихъ по однородному вопросу о продовольственной помощи“. Неудивительно еще, что партія оправдала ожиданіе министра въ вопросѣ о разслѣдованіи на мѣстахъ, что и г. Кутлеръ, и г. Струве „сомнѣваются“ въ томъ, имѣетъ ли Государственная Дума право производить анкету, посылая членовъ Думы на мѣста: Дума, молъ, не можетъ ни одному своему члену „сообщить тѣхъ правъ, которыя ей самой не принадлежатъ, или принадлежность которыхъ болѣе, чѣмъ сомнительна“. Если мнѣніе кадетовъ чѣмъ-нибудь отличалось отъ мнѣнія г. Философова въ этомъ отношеніи, то развѣ тѣмъ, что министръ аргументировалъ, основываясь исключительно на мѣрахъ пресѣченія, между тѣмъ какъ г. Кутлеръ это право считалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и „практически безполезнымъ“. Но суть дѣла, побудившая министра признаться, что правительство такъ же не возражаетъ противъ предложенія, внесеннаго „партіей народной свободы“, по вопросу о безработицѣ, какъ

не выражала она против г. Родичева въ вопросѣ о продовольственной помощи, не здѣсь. Она въ томъ самомъ дѣленіи, которое также провели кадеты, какъ проводилъ министръ. Предостерегши тѣхъ, кто высказывалъ опасенія, какъ бы, оказывая помощь безработнымъ, Дума не стала на путь политики, что „вопросъ объ ассигнованіи денегъ на помощь безработнымъ совершенно не имѣетъ въ ихъ глазахъ какой-либо политической окраски“, что онъ „не радикаленъ, не либераленъ, не консервативенъ“ г. Кутлеръ заявилъ, что для того, чтобы поставить комиссію на „практическую“ почву, нужно „сузить“ ея задачу. Надо точно, молъ, указать группы лицъ, пострадавшихъ отъ безработицы, точнѣе говоря, „если имѣть въ виду помощь всѣмъ безработнымъ, то мы будемъ имѣть передъ собой задачу необъятную“. Чтобы этого не случилось, государство должно имѣть въ виду лишь „помощь безработнымъ, пострадавшимъ отъ промышленнаго кризиса“ [1]).

Итакъ съ одной стороны, безработные, пострадавшіе отъ промышленнаго кризиса, съ другой—рабочіе, голодающіе „по собственной волѣ“— партія „народной свободы“ такъ же рѣзко отказала въ помощи тѣмъ пролетаріямъ, которые завоевали манифестъ 17 октября, какъ министры. Въ вопросѣ о безработицѣ Дума раскололась не на три части, а на двѣ—черносотенно-кадетскую и лѣвую...

III.

Точка зрѣнія гг. Струве и Кутлера въ любой европейской странѣ не была бы черносотенной. Поднимать вопросъ объ облегченіи резервной арміи, того запаса, который то падаетъ, то поднимается, смотря по тому растетъ или падаетъ производство, о томъ, что рабочій, продающій свою рабочую силу капиталисту, имѣетъ такія же физическія и духовныя потребности, какъ и всякій другой человѣкъ, въ Германіи или Англіи — что можетъ быть либеральнѣе для нѣмецкаго или англійскаго либерала...

Но въ томъ то и дѣло, что одно—„рабочіе, пострадавшіе отъ промышленнаго кризиса“ въ Германіи или Англіи, другое—у насъ въ переживаемый нами моментъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что, при такой постановкѣ, гг. Струве и Кутлеръ были бы послѣдовательны до конца, если бы стали отказывать въ помощи безработнымъ вообще... Для того, чтобы показать, насколько позиція, занятая партіей к.-д., была по существу приблизительно такова, бросимъ взглядъ на этотъ самый промышленный кризисъ, который такъ трогательно объединилъ ее съ правыми. Насколько онъ являлся причиной безработицы раньше, насколько яв-

---

[1]) Ibid.

ляется ею теперь? Какая часть рабочаго класса страдаетъ по „собственной волѣ“?

Послѣднее время нерѣдко констатируются признаки того, будто кризисъ, вотъ уже 7—8 лѣтъ потрясающій молодую русскую индустрію, начинаетъ уже проходить, что вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается въ ней уже то оживленіе, которымъ сопровождается всякій промышленный переходъ отъ кризиса къ подъему. Такой взглядъ, безъ сомнѣнія, лишенъ реальнаго основанія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію существованіе остраго денежнаго кризиса— недаромъ учетный процентъ, поднявшійся въ 1905 г. съ 5,38 до 5,63, теперь составляетъ 7,27%. Внѣ сомнѣнія также и рядъ сокращеній въ производствѣ, который вызывается до сихъ поръ чисто экономическими причинами. Одно лишь невозможно отрицать, именно—*промышленный подъемъ тѣхъ отраслей производства, въ которыхъ число безработныхъ составляетъ самый значительный процентъ*. Фактъ этотъ настолько очевиденъ, что бросается въ глаза съ перваго взгляда.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, процентъ безработныхъ особенно великъ въ предпріятіяхъ металлической и текстильной промышленности. Что же мы видимъ?

Въ какой степени начала „процвѣтать“ текстильная промышленность, мы видѣли еще въ прошломъ году. Такъ, въ Москвѣ „цѣны на товары повысились на 1—2 коп. на аршинъ, причемъ конъюнктура рынка въ смыслѣ спроса и предложенія имѣла свое значеніе. Несмотря на усиленное производство и на сверхурочныя работы, фабрики, очевидно, не могли догнать упущеннаго забастовками времени“ [1]). То же писали изъ Бѣлостока, гдѣ сдѣлки въ суммѣ оборота были ниже, чѣмъ въ предыдущемъ году, но тѣмъ не менѣе имѣли для здѣшней промышленности „болѣе серіозное значеніе“. Это подняло настроеніе фабрикантовъ. „Судя по спросу, фабриканты, молъ, держатся того убѣжденія, что, явись увѣренность въ прочности наступающаго успокоенія, на долю бѣлостокскаго рынка выпали бы блестящіе по цифрѣ обороты“ [2]). Если же такъ было въ прошломъ году, то сейчасъ эта тенденція еще болѣе замѣтна. Она засвидѣтельствована во 2 № „Вѣстника рабочихъ и работницъ волокнистыхъ производствъ“,— особенно въ центральномъ районѣ, въ производствѣ хлопчато-бумажныхъ тканей. Можно даже указать и причину оживленія: ожиданіе урожая, такъ какъ едва ли можно отрицать, что хлопчатобумажная промышленность въ Россіи стоитъ въ самой тѣсной связи со сборомъ хлѣба...

Еще замѣтнѣе признаки металлическаго благополучія. Еще въ 1905 г. въ сущности чувствовалась не столько „гибель“ этой промышленности, сколько простая задержка. Правда, за 8 мѣсяцевъ производство чугуна

---

1) Торгово-Промышленная газета, апрѣль 1906 г.
2) Ibid. февраль 1906 г.

во всей Россіи составляло тысячъ пудовъ въ 1903 г.—87, 1904 г.— 119,343, въ 1905 г.—113,951; за весь годъ на югѣ Россіи выплавлено было тысячъ пудовъ въ 1904 г. 110,905, въ 1905 г. 101,909, но за то, что касается добычи каменнаго угля, то въ 1905 г. вывезено было на 26% больше 1902 г. и на 4%—1903 г. Но если такъ было тогда, то сейчасъ увеличеніе производства внѣ сомнѣнія. Это замѣтно даже по отдѣльнымъ заводамъ. Такъ, отчетъ путиловскаго завода за 1906 годъ показываетъ, что въ отчетномъ году изготовлено и отправлено было издѣлій на 21.758,775 рублей противъ 16.122,029 руб. 1905 года, т. е. больше противъ него на 5.636,746 руб. Прибыль опять-таки поднялась съ 938,296 руб. до 2 милл. Изъ отчета сормовскаго завода явствуетъ, что производство въ 1906 г. увеличилось на 376 тыс., и акціонеры, вопреки пониженію цѣнъ на акціи, получатъ 14½% дивиденда. Металлургическіе заводы юга вывезли тысячъ пудовъ чугуна въ 1905 г.— 30,121, въ 1906 г. — 34,130, на 13 проц. больше противъ прошлаго года. Потребленіе желѣза и стали, нѣсколько сократившееся въ 1905 году опять-таки въ 1906 г. болѣе чѣмъ на 2 милліона пудовъ [1]).

Казалось бы, если такъ, если лишь отдѣльные рабочіе „попали въ руки горячей молодежи — по выраженію о. Платона — и обработаны въ тѣхъ сознательныхъ товарищей, которые стали голодать и заставили голодать свои семьи“, то, главнымъ образомъ, благополучіе и должно быть въ этихъ производствахъ...

На самомъ же дѣлѣ мы видимъ совершенно противоположное.

Количество безработныхъ, конечно, растетъ съ каждымъ днемъ въ высшей степени вообще. Для этого достаточно обратить вниманіе на самыя выраженія, которыми корреспонденты стали описывать безработицу. Вотъ образчики. Въ Самарѣ довольно часто можно наблюдать такія потрясающія картины: въ нетопленной нѣсколько дней хатѣ семейнаго безработнаго лежатъ въ повалку отъ тифа 3—4 члена семьи заразъ, взрослыхъ и дѣтей [2]). Въ Саратовѣ наравнѣ съ большими переживаютъ голодъ и дѣти безработныхъ, среди которыхъ давно свирѣпствуетъ эпидемія тифа, скарлатины и дифтерита. Больничные пріемные покои буквально переполнены. Армія безработныхъ разрослась „до небывалыхъ размѣровъ“. Въ Лодзи „могилы растутъ, какъ грибы послѣ дождя [3]). Количество безработныхъ въ Варшавѣ по самымъ скромнымъ подсчетамъ достигаетъ 10,000,

---

[1]) Данные см. въ ст. г. Гольдберга „Промышленный кризисъ или борьба съ рабочими“ „Товарищъ“, отъ 5 мая и ст. Пилецкаго въ 4-й кн. „Образованія“ за прошлый годъ.

[2]) «Русскій Экономистъ», № 1.

[3]) «Общественное Дѣло», № 2.

не считая пригородовъ [1]). Въ Оренбургѣ „нужда страшная“ [2]). Въ Москвѣ „число безработныхъ растетъ съ каждымъ днемъ“ [3]). Въ Приволжскихъ губерніяхъ до 200,000 безработныхъ. „Весь Крымъ буквально наводненъ безработными“ [4]). Корреспондентъ „Сибирской Мысли“ пишетъ, что всѣ поѣзда идутъ въ Сибирь, переполненные безработными. Что ужъ говорить о Петербургѣ, гдѣ за одинъ январь и февраль этого года было расчитано до 3,000 человѣкъ... О томъ же говорятъ и изумительно участившіяся случаи рабочихъ самоубійствъ. Не проходитъ дня, чтобы въ газетахъ не оказалось одного—двухъ случаевъ самоубійствъ или просто смертей вслѣдствіе истощенія рабочихъ или „видимо“ рабочихъ. „Народная Дума“ какъ то попыталась свести воедино нѣсколько дней этого „мелкаго петита“, и вотъ что оказалось. 25 марта: утромъ на площадкѣ дома № 46 третьей Рождественской найденъ трупъ безработнаго Андреева, того же дня въ Волковомъ лѣсу былъ найденъ трупъ неизвѣстнаго, судя по костюму, безработнаго. 26 марта: на Горячемъ полѣ найденъ трупъ неизвѣстнаго,—судя по крайне истощенному виду, полагаютъ, что смерть послѣдовала отъ голода, того же дня повѣсился конторщикъ табачной фабрики Колобова-Боброва Дубейковскій, расчитанный за рѣзкія объясненія съ начальствомъ; того же дня по Панфиловой ул. былъ поднятъ трупъ неизвѣстнаго, судя по костюму, безработнаго. Жертвы безработицы такъ и стали писать передъ тѣмъ, какъ наложить на себя руки: „Адресъ мой такой-то. Жизнь кончилъ изъ-за безработицы. Прошу никого не винить“. Когда одного рабочаго, бросившагося въ Неву удалось спасти, онъ даже не поблагодарилъ: „напрасно спасли, все равно жрать нечего утромъ...“

Значительное увеличеніе числа безработныхъ, вообще, даже по сравненію съ тѣмъ, что было прошлымъ лѣтомъ, не подлежитъ сомнѣнію. Обостреніе безработицы зависѣло и отъ того, что наступила зима, которая особенно тяжела для безработныхъ, и отъ того вздорожанія предметовъ первой необходимости, которое и раньше съ каждымъ годомъ прогрессировало въ Россіи, въ настоящее же время достигло крайней степени. Такъ, напр., за короткое время цѣна хлѣба поднялась съ 1 р. 20 к. до 1 р. 50—60 к. на пудъ. Но оставимъ вопросъ о безработныхъ вообще, а сравнимъ числа ихъ именно въ металлическомъ и текстильномъ производствахъ. Въ этихъ производствахъ числа эти увеличились или упали, какъ произошло бы въ любой европейской странѣ, вотъ вопросъ.

Отвѣтъ на это даютъ намъ — данныя, имѣющіяся для Петербурга. Вотъ они. По карточкамъ комиссіи о безработныхъ, относящимся къ маю

---

1) «Товарищъ», № 242.
2) «Наше Эхо», № 7.
3) «Русскій Экономистъ», № 11.
4) «Товарищъ», № 217.

прошлаго года, общее число безработныхъ по райнамъ и производствамъ было таково [1]):

Районы.	Невскій.	Московскій.	Нарвскій.	Городской.	Вас.-Остр.	Петербург.	Выборгск.	Колпино.	Общ. число.
По обработкѣ металла	1075	547	1410	1257	994	438	833	462	7016
Текстил. производство	121	8	27	36	9	34	585	—	820
Чернорабочіе .	324	79	272	428	659	199	680	127	2768

Такимъ образомъ, всего въ маѣ было зарегистрировано 12,938 безработныхъ. Уже нѣчто иное мы видимъ два мѣсяца спустя. Вотъ, что мы видимъ въ іюлѣ:

Районы.	Невскій.	Московскій.	Нарвскій.	Городской.	Вас.-Остр.	Петербург.	Выборгск.	Колпино.	Сестрорѣц.	Общ. число.
По обработкѣ металла	1242	650	1692	1434	1145	440	946	513	90	8152
Текстил. производство	232	81	45	42	11	36	707	—	—	1154
Чернорабочіе .	400	170	412	505	828	207	823	150	21	3516

Черезъ 2 мѣсяца, оказывается, уже 15,766 безработныхъ, въ частности, въ металлической промышленности увеличеніе на 1,136 безработныхъ, въ текстильной на 334. Развѣ не Путиловскій заводъ уволилъ за одинъ годъ около 5,000 человѣкъ, тотъ самый, прибыль котораго поднялась за это время почти на милліонъ, не сормовскій, акціонеры котораго получатъ $14^1/_2\%$ дивидендовъ? Въ концѣ прошлаго года были произведены новые расчеты среди рабочихъ по металлу на Металлическомъ заводѣ, у Лесснера, на Гильзовомъ, на Снаряжательномъ, Гвоздильномъ въ Петербургѣ, на заводахъ Чирихиной, Бари въ Саратовѣ, на Брянскомъ заводѣ. То же—въ текстильномъ производствѣ.

IV.

Кажется, не требуется разъясненія, кого эти цифры обозначаютъ, голодающихъ Джанаридзе или голодающихъ господина Кутлера... Но для того, чтобы убѣдиться, насколько кадеты съ своей точки зрѣнія,—изъ

---

[1]) «Хлѣбъ и Работа», № 3. «Положеніе безработныхъ въ Петербургѣ».

боязни, какъ бы не сдѣлать все, что бы облегчило бѣдствія безработныхъ, не вывести безработныхъ изъ состоянія изолированности, дать имъ возможность слиться съ общимъ движеніемъ, какъ бы „не обидѣть" министра, — въ сущности, отказывались отъ всякой помощи имъ, даже незачѣмъ прибѣгать къ косвеннымъ указаніямъ. Для этого достаточно посмотрѣть тѣ непосредственные импульсы, которые служатъ поводомъ увольненія рабочихъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ, на ту позицію, какую занимаютъ правительство и имущіе классы каждый разъ по отношенію къ бѣдствующимъ.

Не буду останавливаться на тѣхъ причинахъ увольненій, которыя приводятся въ моей книжкѣ о безработицѣ, выпущенной въ прошломъ году. „Если принять во вниманіе—писалъ я тогда—что забастовки послѣдняго времени всегда носятъ политическій характеръ, то на „политику" придется значительное большинство (63%). Весьма интересны также и самые мотивы по двумъ послѣднимъ рубрикамъ; въ записи сохранены такія характерныя выраженія: „требовалъ денегъ за увѣчье", „вывозка на тачкѣ нехорошаго мастера", „за непочтеніе къ высшему начальству", „за самовольное введеніе восьмичасового рабочаго дня", „за политическія убѣжденія", „за политику", „за агитацію", „за экономическія требованія", „арестованъ 2½ мѣсяца", „забастовщикъ социалъ-демократъ", „самовольнымъ увольненіемъ избѣжалъ ареста" [1]). Вотъ образчики, относящіеся къ послѣднимъ днямъ: „на мѣстныхъ фабрикахъ—писали во „Владимірцѣ" –о какихъ-либо уступкахъ не можетъ быть и рѣчи. Блеснулъ было и для нашихъ рабочихъ лучъ новой зари. Но не надолго... Сознательныхъ рабочихъ уволили... все пошло по-старому" [2]). Въ Архангельскѣ массовой расчетъ изъ-за того, что заводчики „не милуютъ рабочихъ, проявившихъ во время забастовки энергію и сознательность" [3]). Отовсюду сейчасъ, какъ и въ прошломъ году—идутъ вѣсти, что администрація старается избавиться лишь отъ наиболѣе сознательныхъ". Не буду останавливаться на этихъ фактахъ потому, что ихъ достаточно привелъ уже въ цитируемой книжкѣ.

Перейдемъ прямо къ тѣмъ пріемамъ, которыми обострилась безработица самаго послѣдняго времени. Вѣдь каковы бы ни были отдѣльные расчеты и увольненія, капиталисты должны, въ концѣ-концовъ, понять, что отдѣлить такимъ образомъ болѣе упорную, болѣе сознательную часть пролетаріата отъ менѣе сознательной невозможно — по той простой причинѣ, что движеніе на самомъ дѣлѣ диктуется не кучкой злоумышленниковъ и агитаторовъ, а болѣе глубокими причинами. Желая во что бы то ни стало продолжать эту тактику, буржуазія и правительство должны выдумывать все

---

1) Л. Клейнбортъ „Безработица и движеніе безработныхъ", стр. 22.
2) „Рабочій Союзъ", № 4.
3) „Ibid., № 7.

новыя и новыя средства, которыя бы обрушивались на рабочихъ еще большей тяжестью, чѣмъ предыдущія. И такое средство еще одно придумано; это—локаутъ.

Всѣмъ памятенъ локаутъ лодзинскихъ фабрикантовъ, принявшій столь грандіозные размѣры, начавшійся на фабрикѣ Познанскаго, правленіе которой, опираясь на союзъ лодзинскихъ фабрикантовъ, объявило, что работы могутъ быть начаты только въ томъ случаѣ, если за послѣдніе проступки рабочихъ, которые какъ извѣстно, состояли въ непочтеніи къ администраціи, „послѣдуетъ соотвѣтствующее взысканіе", заключающееся въ непріемѣ на работу виновныхъ. „Въ виду же того, что вожаки и участники не открыты, не остается иного выхода, какъ отказать въ обратномъ принятіи на работу каждому пятому рабочему по порядку общаго списка". Когда же рабочіе отказались покориться, то Познанскіе сказали: если такъ, то не только мы, но и другія шесть фабрикъ союза выбросятъ рабочихъ на улицу. И дѣйствительно: 2 декабря на шести фабрикахъ союза было объявлено: „такъ какъ условія правленія общества Познанскаго не приняты рабочими, то союзъ, ссылаясь на взаимную солидарность, находитъ нужнымъ сегодня объявить рабочимъ объ увольненіи ихъ черезъ двѣ недѣли". Къ 15 декабря всѣ 20000 рабочихъ Шлейблера, Познанскаго, Гейнцеля и Куницера, Громана, Штейнертъ и Биндермана были расчитаны, и началась та братоубійственная война, извѣстіями о которой такъ пестрили телеграфные столбцы газетъ. Бѣдствіе приняло неслыханные размѣры, ибо въ виду закрытія лодзинскихъ фабрикъ долженъ былъ прекратить работать еще цѣлый рядъ мелкихъ фабрикъ, работающихъ на нихъ; — по самымъ скромнымъ даннымъ, число безработныхъ дошло, считая и семьи ихъ, лишенныя куска хлѣба, до 150000 человѣкъ... Но локаутъ не ограничился одной Лодзью. Цѣлая война локаутовъ прокатилась по всему Царству Польскому, отсюда перешла въ Литву и Бѣлоруссію и затѣмъ прошлась по всей Россіи. Въ Варшавѣ эпидемія локаутовъ все расширяется. Началось съ ленточныхъ фабрикъ и портняжныхъ мастерскихъ. Ихъ примѣру послѣдовали владѣльцы сапожныхъ и перчаточныхъ мастерскихъ. Затѣмъ къ локауту прибѣгли сувалкскіе кожевники, нѣкоторыя лѣсопильни Двинска, портные въ Пружанахъ. Въ Вильнѣ хозяевами портными объявленъ локаутъ рабочимъ: хозяева требовали перехода на штучную работу [1]), въ Минскѣ— табачными фабрикантами, въ Саратовѣ — приказчикамъ и портнымъ объявленъ былъ локаутъ. Въ Москвѣ начался типографскій локаутъ съ крупнѣйшей типографіи Яковлева изъ-за девятичасовой точной смѣны. Прибѣгнувъ къ испытанному средству своихъ лодзинскихъ собратьевъ—добиться увеличенія рабочаго дня путемъ натравливанія одной части пролетаріата на дру-

[1]) „Новый Лучъ", отъ 13 февр.

гую—и потерпѣвъ фіаско, союзъ типографскихъ хозяевъ рѣшилъ прибѣгнуть къ тому же средству—локауту...

Вотъ что значитъ голодъ десятокъ тысячъ рабочихъ „по своей волѣ"...

Насколько исключительна политическая подкладка безработицы, видно даже по тѣмъ мѣрамъ, которыя принимаютъ буржуазія и администрація—разумѣется, не мѣрамъ борьбы съ безработицей, а мѣрамъ еще большаго ея обостренія. „Нашихъ рабочихъ можно заставить образумиться—сказалъ Познанскій корреспонденту „Биржевыхъ Вѣдомостей" — только единственнымъ, хотя и страшнымъ средствомъ — голодомъ" [1]). Не менѣе откровенно мнѣніе бухгалтера одной лодзинской фабрики. По его признанію, локаутъ вызванъ тѣмъ, что фабриканты не могли „простить рабочимъ того, что они за послѣднее время добились кое-какихъ уступокъ и умѣютъ отстаивать свое человѣческое достоинство. Локаутъ вызванъ единственно желаніемъ фабрикантовъ заставить рабочихъ быть покорными" [2]). Насколько это дѣйствительно такъ, показываетъ та стойкая борьба, какую велъ до сихъ поръ польскій пролетаріатъ, заставившій польскихъ фабрикантовъ сдѣлать столько уступокъ. Такъ въ городахъ и фабричныхъ центрахъ Царства Польскаго, такъ и во всей Россіи.

Конечно, удары пролетаріата были, главнымъ образомъ, направлены противъ тѣхъ цѣпей, которыя связываютъ не только рабочую самодѣятельность, борьбу рабочаго класса за свое освобожденіе, сколько политическія проявленія всѣхъ классовъ населенія. Это-то обстоятельство и должно было бы диктовать имущимъ классамъ и ихъ идеологамъ болѣе или менѣе бережное, болѣе или менѣе внимательное отношеніе къ такому острому, можно сказать, такому роковому вопросу, какъ настоящая безработица въ Россіи. Но въ томъ-то и дѣло, что — какъ ни противится принципіально всякій капиталистъ бюрократическому хищничеству, какъ ни стремится онъ наложить свою руку на народное благосостояніе въ европейскомъ смыслѣ этого слова — на дѣлѣ онъ *всегда* охотнѣе идетъ рука объ руку съ самодержавіемъ противъ рабочаго движенія, чѣмъ съ рабочимъ движеніемъ противъ самодержавія, даже проводящимъ свои цѣли лишь въ границахъ программы minimum. Пока что онъ пользуется благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ для того, чтобы вернуть себѣ тѣ необходимыя для мало-мальски европейскаго существованія уступки, которыя успѣлъ отвоевать рабочій у него лично, безъ которыхъ рабочій не могъ бы итти впереди и освободительной борьбы, самъ вызываетъ теперь рабочихъ на забастовки, чтобы только можно было придраться, назначить расчетъ и—съ высоты своихъ наступательныхъ союзовъ

---

1) Цит. по „Профессіональному Вѣстнику" № 1.

2) „Товарищъ", цит. по „Народно-соціалистическому обозрѣнію", сборникъ X, стр. 80.

борьбы съ рабочими—объявить о новыхъ и новыхъ своихъ побѣдахъ надъ голодающими...

Еще острѣе по своей откровенности политика правительства. Вопреки заявленію г. Философова о томъ, какъ отечески правительство печется о безработныхъ, трудно указать случай, когда оно хоть задумалось бы надъ вопросомъ, если не считать развѣ тѣхъ своеобразныхъ тюремъ г. Щегловитова, которыя имѣютъ служить цѣлямъ „борьбы съ развивающимися за послѣднее время, особенно въ крупныхъ городскихъ центрахъ, явленіями тунеядства и праздношатанія"... Такъ называютъ въ министерствѣ безработныхъ. Эти тунеядцы и праздношатающіеся сами желаютъ себѣ помочь? Отвѣтъ простъ. „Вчера—разсказывалъ во время думскихъ преній членъ думы Петровъ—ко мнѣ явились представители отъ рабочихъ города Нарвы, сообщили наказъ, который они просили передать Государственной Думѣ. Они хотѣли оказать помощь безработнымъ, которыхъ тамъ около 1500 человѣкъ, и обратились къ губернатору, прося разрѣшить общество взаимопомощи безработнымъ, чтобы поддержать ихъ. Губернаторъ отвѣтилъ, что онъ не находитъ нужнымъ дать разрѣшеніе для такой организаціи [1]). Мало того—рабочіе желаютъ подѣлиться трудовыми крохами съ безработными собратьями, имъ и это запрещаютъ подъ страхомъ высылки. Вотъ циркуляръ министерства путей сообщенія начальникамъ, управляющимъ и директорамъ частныхъ жел. д. „По имѣющимся въ управленіи желѣзныхъ дорогъ свѣдѣніямъ на многихъ желѣзныхъ дорогахъ, между служащими производятся сборы пожертвованій въ различныя благотворительныя общества и, между прочимъ, въ комитетъ безработныхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ. Вслѣдствіе сего управленіе желѣзныхъ дорогъ проситъ васъ, милостивый государь, разъяснить служащимъ на ввѣренной вамъ дорогѣ, что сборы пожертвованій, производимые какими бы то ни было комитетами обществъ, уставы которыхъ не утверждены и не опубликованы установленнымъ порядкомъ, должны считаться незаконными [2]). Можетъ быть профессіональные союзы готовы оказать поддержку безработнымъ? Вѣдь въ Западной Европѣ роль профессіональныхъ союзовъ въ такихъ случаяхъ такъ велика. Администрація опять таки, подъ страхомъ тюрьмы и высылокъ [3]), запрещаетъ имъ сколько-нибудь реальные шаги въ этомъ отношеніи, а чтобы поменьше было поползновеній, союзы вовсе закрываются. Трогательно одно—единеніе правительства съ фабрикантами. Немедленно по объявленіи локаута полиція приступаетъ къ массовой высылкѣ безработныхъ на родину или въ мѣста не столь отдаленныя, наиболѣе сознательныхъ разсаживаютъ по тюрьмамъ, провоцируютъ уличныя выступленія

---

[1]) «Рѣчь», отъ 16 марта.

[2]) «Рѣчь», отъ 15 марта.

[3]) 4 апрѣля объявлена высылка нѣсколькимъ участникамъ профес. движенія, 5 апрѣля—тоже—все это «чистка».

и пр. Были случаи арестовъ и фабрикантовъ, но въ одномъ исключительномъ случаѣ, когда нѣкоторые изъ нихъ отказались присоединиться къ локауту...

Но—довольно. Не ясно ли, что говорить о помощи рабочимъ, пострадавшимъ отъ стихійныхъ причинъ, повторять г. Философова такъ, какъ повторяли его гг. Кутлеръ и Струве, а вмѣстѣ съ ними вся партія к. д., значило отвернуться отъ безработныхъ, вообще, ибо безработные въ настоящій моментъ суть тѣ, которые вынесли всю тяжесть освободительной борьбы на своихъ плечахъ...

V.

Такова позиція, которую мы назвали черносотенно-кадетской. Но Дума разбилась на двѣ части въ вопросѣ о безработицѣ не только потому, что кадеты на этотъ разъ такъ испугались, „какъ бы чего не вышло", но и потому, что, въ свою очередь, предложеніе соціалистовъ-революціонеровъ мало отличалось отъ предложенія соціалъ-демократовъ. Декларація соціалистовъ-революціонеровъ гласила слѣдующее: „принимая во вниманіе необходимость немедленной помощи, направленной къ устройству общественныхъ работъ, рабочимъ и всю сложность этой помощи безработнымъ, мы члены думской группы соціалистовъ-революціонеровъ, настаиваемъ на немедленномъ образованіи особой думской комиссіи изъ 11 членовъ Думы, которой необходимо поручить всестороннее разсмотрѣніе вопроса о безработицѣ и изысканіе мѣръ борьбы съ ней".

Конечно, общее міровоззрѣніе не можетъ не отражаться въ самыхъ невинныхъ, повидимому, сужденіяхъ людей; и на *разсужденіяхъ* соціалистовъ-революціонеровъ по вопросу о безработицѣ лежала яркая печать того мелкобуржуазнаго утопизма, который такъ характеренъ для нихъ вообще.

Такъ, указавъ на то, въ какой степени наплывъ рабочихъ рукъ изъ деревни, обремененной налогами, испытывающей такую огромную нужду, въ города сбиваетъ цѣну и обостряетъ этимъ рѣшеніе вопроса о безработицѣ, г. Архангельскій отъ лица фракціи говорилъ: „намъ кажется, что рѣшеніе вопроса о безработицѣ находится въ связи съ вопросомъ земельнымъ, съ тяжелымъ положеніемъ крестьянства. Настоящее тяжелое положеніе крестьянства и всего трудового народа происходитъ отъ того, что земля находится въ распоряженіи отдѣльныхъ лицъ. Единственное и радикальное рѣшеніе земельнаго вопроса невозможно до тѣхъ поръ, пока земля не перейдетъ въ распоряженіе трудящагося народа, до тѣхъ поръ безработица будетъ всегда естественнымъ слѣдствіемъ экономическаго строя. То же самое должно сказать относительно общихъ причинъ, порождающихъ безработицу среди рабочаго городского населенія", т. е. „полное разрѣшеніе вопроса о безработицѣ возможно только съ рѣшеніемъ земельнаго крест-

янскаго вопроса"[1]). Нельзя не отмѣтить весь вредъ подобной точки зрѣнія—одного изъ тѣхъ предразсудковъ добраго стараго времени, къ которымъ экономическое развитіе Россіи послѣднихъ лѣтъ было въ такой степени безпощадно. Такая постановка не только фантастична, она затемняетъ тѣ причины безработицы, лишь основываясь на которыхъ только и возможно давать ему то или иное рѣшеніе. Что безработица фабричныхъ центровъ стоитъ въ тѣсной связи съ мужицкимъ голодомъ, что тифъ, цынга, злая корча отъ спорыньи—обычныя послѣдствія голодовки—являются лучшими союзниками промышленнаго кризиса, противъ этого едва ли можно спорить. Нигдѣ бѣдствія безработицы не дошли до такой степени, какъ тамъ, гдѣ они соединяются съ бѣдствіями голода, какъ, напримѣръ, въ приволжскихъ губерніяхъ, гдѣ встрѣчаются—одни, возвращающіеся назадъ, ничего не добившись, другіе, исхудалые, полураздѣтые, начинающіе только свои поиски. Но это еще не значитъ, что разрѣшеніе вопроса о безработицѣ „возможно только съ разрѣшеніемъ земельнаго крестьянскаго вопроса". Если бы сейчасъ и былъ сколько-нибудь разрѣшенъ радикально земельный вопросъ, въ смыслѣ солиднаго надѣленія крестьянъ землей, поднятія техническаго уровня и пр., то единственно, что изъ этого для города произошло бы—это отвлеченіе *части* безработныхъ, той именно, которая до того была избыточнымъ населеніемъ деревни. Число безработныхъ, безъ сомнѣнія, сократилось бы, но, чтобы это обстоятельство имѣло рѣшающее значеніе для царящей сейчасъ безработицы, не можетъ быть и рѣчи. Мы не говоримъ уже о самой „соціализаціи земли", которая, если и допустить ея осуществимость, не только не уничтожила бы, но, быть можетъ, еще обострила бы безработицу, такъ какъ „соціализація земли" вовсе не явилась бы сколько-нибудь радикальнымъ средствомъ. Можно сколько угодно говорить объ уравнительномъ землепользованіи, о правѣ каждаго на землю, объ уничтоженіи наемнаго труда, но это еще не значитъ, что земельный дѣлежъ—хотя бы и на соціалистическихъ началахъ—сколько-нибудь вывелъ бы страну изъ того экономическаго тупика, въ который завели ее долгіе годы безвременья, что достаточно „уничтожить" наемный трудъ въ деревнѣ, чтобы онъ уничтожился въ городахъ. Разумѣется—мы не разъ это уже подчеркивали—русская безработица послѣднихъ лѣтъ всецѣло можно сказать, окрашена политическими цвѣтами. Но въ основѣ ея вмѣстѣ съ тѣмъ лежитъ и будетъ лежать промышленное неустройство, тотъ циклъ промышленнаго возбужденія и упадка, который неизбѣженъ для каждой капиталистической страны. Все таки это та самая армія, безъ которой не обходится капиталъ даже въ обычное время, и, какія бы реформы вы не вводили въ деревнѣ, положеніе вещей на фабрикѣ останется незыблемымъ до тѣхъ поръ, пока не поколеблются начала,

[1]) «Рѣчь», отъ 16 марта.

лежащія въ основѣ развитія самого капиталистическаго производства. Нѣтъ ничего вреднѣе, какъ сѣять въ массахъ надежды на возможность скораго уничтоженія безработицы въ корнѣ...

Но все это относится къ *аргументаціи* гг. соц.-революціонеровъ. Что же касается самаго предложенія, то, повторяю, ничего нельзя было имѣть противъ. Они не пытались, подобно кадетамъ, ни возможно скорѣе сдать вопросъ въ комиссію, заранѣе ограничивъ ея задачи и подорвавъ ея значеніе, ни строить какія-то перегородки между рабочими, которые одинаково ѣсть хотятъ. Наоборотъ, они совершенно вѣрно указали путь, выдвинувъ на первую очередь организацію общественныхъ работъ.

Какъ извѣстно, цѣной долгихъ усилій безработные добились при поддержкѣ работающихъ общественныхъ работъ для нѣкоторой части голодающихъ. Чѣмъ кончилась эта попытка, можно судить по Петербургу. Со скрежетомъ зубовнымъ уступили отцы города, но все-таки уступили, и, вмѣсто благотворительныхъ подачекъ, которыми буржуазія въ лучшемъ случаѣ стремится затыкать ротъ голоднымъ, рабочіе получили частицу того, изъ-за чего шла борьба. Кромѣ работъ въ Галерной гавани, рабочіе получили слѣдующія постройки: мосты Пантелеймоновскій, Михайловскій, Введенскій, Аларчинъ, Силинъ, Строгановскій и Каменоостровскій, стоимость которыхъ превышаетъ 70000 руб., лоцманскій рынокъ, биржу труда, мостки и спуски на рѣкѣ Невѣ и пр., опять таки тысячъ на полтораста. Такимъ образомъ, къ сентябрю на общественныхъ работахъ было зарегистрировано 1700 безработныхъ, къ октябрю 2700, далѣе 3500. Была, конечно, полная возможность дать работу всѣмъ безработнымъ, такъ какъ вскорѣ предстояли постройки новыхъ 12 мостовъ, новыя земляныя работы и пр. [1]). Но городская дума разсудила иначе. Во-первыхъ, когда начались забастовки, дума всѣ свои взоры обратила на безработныхъ, надѣясь склонить ихъ къ штрейкбрехерству. Но безработные не оправдали этихъ ожиданій. Во-вторыхъ, общественныя работы по постройкѣ мостовъ и засыпкѣ Галерной гавани оказались не совсѣмъ удачными. Заботясь о томъ, чтобы дать заработокъ безработнымъ, исполнительная комиссія, съ одной стороны, не приняла достаточныхъ мѣръ, чтобы выполнить работы съ достаточной экономіей смѣты—принятая организація технической стороны дѣла удорожала стоимость дѣла; съ другой не было принято мѣръ, чтобы распредѣлить рабочихъ соотвѣтственно ихъ спеціальности. Изъ этого, естественно, вытекалъ тотъ выводъ, что организація общественныхъ работъ требуетъ лишь устраненія этихъ недостатковъ. Но иначе взглянули отцы города: вѣдь на этихъ работахъ находили себѣ кусокъ хлѣба тѣ, кого лодзинскіе и иные творцы локаутовъ заносили въ свои черные списки, здѣсь вводился

---

[1]) Не говоримъ уже о томъ, что всѣ городскія столовыя къ этому времени были закрыты.

столь ненавистный имъ восьмичасовой рабочій день, пріемъ не иначе, какъ черезъ рабочую организацію. По сравненію съ этимъ дѣйствительные дефекты общественныхъ работъ едва ли и безпокоили думу. И вотъ работы рѣшено было закрыть. Когда наступила зима, и положеніе безработныхъ стало болѣе критическимъ, чѣмъ когда бы то ни было, сперва были прикрыты работы въ Галерной гавани, гдѣ было занято не менѣе 1500 безработныхъ, а затѣмъ стали прикрываться и остальныя работы [1]). То же произошло въ Москвѣ, гдѣ управа такъ рѣзко обвиняла безработныхъ въ небрежномъ отношеніи къ дѣлу, между тѣмъ какъ была виновата сама управа, такъ какъ все время уходило на борьбу съ разными ея придирками. Дѣло и здѣсь было, конечно, въ томъ, что безработные держали себя на высотѣ пролетарскаго достоинства, напр., участвовали въ іюльской забастовкѣ. Работы отчасти прекратились, отчасти находятся наканунѣ закрытія, какъ и вездѣ, гдѣ они возникали.

Въ виду такого положенія вопросъ объ общественныхъ работахъ, выдвинутый соціалистами-революціонерами, пріобрѣтаетъ особую живучесть. Правда они не указываютъ самыхъ *способовъ*, какими общественныхъ работъ можно добиться, предоставляя это сдѣлать комиссіи, но зато они рисуютъ тѣ начала, на которыхъ работы, безъ сомнѣнія, могутъ быть построены для того, чтобы онѣ были достаточно демократичны.

Вотъ главныя ихъ основанія, какъ они изложены въ рѣчи деп. Архангельскаго:

§ 1. Изъ средствъ государственнаго казначейства отпускается, на основаніи имѣющихся данныхъ о безработицѣ, опредѣленная сумма, распредѣляется въ законодательномъ порядкѣ между отдѣльными городами, въ зависимости отъ требованій городскихъ думъ, отъ числа рабочихъ, оставшихся безъ работъ, и отъ другихъ мѣстныхъ условій. Примѣчаніе первое: размѣръ необходимой суммы опредѣляется Государственной Думой по представленіи особой думской комиссіи. Примѣчаніе второе: дальнѣйшіе кредиты также опредѣляются Государственной Думой по представленіямъ особой думской комиссіи и подлежатъ истребованію по мѣрѣ надобности.

§ 2. Ассигнуемыя суммы поступаютъ на организацію общественно-полезныхъ работъ для безработныхъ.

§ 3. Завѣдываніе на мѣстахъ общественными работами, составленіе соотвѣтствующихъ смѣтъ и расходованіе ассигнованныхъ по этимъ смѣтамъ суммъ находятся въ рукахъ спеціально создаваемыхъ для этой цѣли комиссій, составляющихся наполовину изъ лицъ по избранію городскихъ общественныхъ управленій и наполовину по избранію мѣстныхъ рабочихъ профессіональныхъ союзовъ.

---

[1]) Къ началу декабря число работающихъ сокращено до 3000, января—до 2500, февраля—до 800—900, а въ настоящее время занятъ на общественныхъ работахъ самый незначительный процентъ безработныхъ.

§ 4. Членами комиссій по избранію городскихъ самоуправленій и профессіональныхъ союзовъ могутъ быть и лица, не входящія въ составъ этихъ учрежденій.

§ 5. По организаціи на мѣстѣ общественныхъ работъ и не позднѣе 5 дней съ начала наличный составъ работающихъ выбираетъ изъ своей среды въ комиссіи число членовъ, равное половинѣ прежняго состава комиссій. Примѣчаніе: въ полномъ своемъ составѣ комиссія, слѣдовательно, состоитъ изъ одной трети членовъ по избранію городского общественнаго управленія, одна треть по избранію мѣстныхъ профессіональныхъ союзовъ и одной трети по избранію рабочихъ, занятыхъ въ общественныхъ работахъ.

§ 6. Внутренній распорядокъ общественныхъ работъ опредѣляется и находится въ вѣдѣніи особыхъ подкомиссій, избираемыхъ исключительно изъ среды рабочихъ, занятыхъ въ общественныхъ работахъ.

§ 7. Общій надзоръ за дѣятельностью мѣстныхъ комиссій для помощи безработнымъ и фактическій контроль надъ ними осуществляется Государственной Думой, въ случаѣ необходимости, путемъ посылки ея членовъ на мѣста въ районъ существующей безработицы и дѣятельности комиссій о безработныхъ [1]).

Въ сущности говоря, такъ и были организованы общественныя работы, поскольку это допустимо сколько-нибудь въ условіяхъ переживаемаго момента. Хозяиномъ работъ являлась комиссія, въ которой половина представителей—рабочіе. Рабочіе поставлялись и увольнялись рабочей организаціей. Рабочимъ днемъ считалось восемь часовъ. Было проведено страхованіе рабочихъ отъ смерти, увѣчья и болѣзни. Но, во-первыхъ, все это не могло не быть въ высшей степени случайнымъ, непрочнымъ; во-вторыхъ, самыя особенности организаціи общественныхъ работъ имѣли не меньшее значеніе для ихъ закрытія, — того, что представители петербургскихъ безработныхъ, пришедшіе въ городскую думу требовать ассигнованія новыхъ средствъ на общественныя работы, были даже не допущены въ залъ думскихъ засѣданій и удалены изъ думы при призванныхъ гг. гласными чинахъ полиціи,—чѣмъ самое поведеніе безработныхъ.

Недостаткомъ народнической деклараціи является неясность и неопредѣленность тѣхъ задачъ, которыя они ставятъ комиссіи, посвященной вопросу о безработицѣ. Если, выдвигая въ первую голову путь общественныхъ работъ, они въ то же время должны были подчеркнуть необходимость и продовольственной, и квартирной помощи, которою городская управа пренебрегла, какъ только было приступлено къ организаціи работъ, то, говоря о „всестороннемъ разсмотрѣніи вопроса о безработицѣ“, они забыли, какое важное революціонизирующее значеніе имѣетъ разслѣдованіе на мѣстахъ въ этомъ отношеніи, о томъ, что, пока у общественнаго пирога

---

1) «Рѣчь», отъ 16 марта.

сидятъ гг. Гурко и Фредериксы, это, можетъ быть, единственный путь, которымъ это разсмотрѣніе можетъ притти къ извѣстному результату.

V.

Если предложеніе соціалъ-демократической фракціи чѣмъ-нибудь отличалось отъ предложенія народниковъ, то развѣ еще большей формальностью, чѣмъ то. Оно гласило: „соціалъ-демократическая фракція предлагаетъ Государственной Думѣ образовать комиссію при Государственной Думѣ изъ 33 лицъ, которой поручить: сосредоточить всѣ свѣдѣнія о безработицѣ и повышеніи цѣнъ на жизненные припасы для доставленія Государственной Думѣ всѣхъ матеріаловъ, нужныхъ для сужденія о наилучшихъ формахъ оказанія помощи безработнымъ и мѣрахъ борьбы съ бѣдствіями безработицы. Собираніе этихъ свѣдѣній производить не только путемъ использованія имѣющихся печатныхъ источниковъ, но и путемъ разслѣдованія на мѣстахъ [1]). Въ этомъ его, несомнѣнно, слабая сторона.

Конечно, отъ такого признанія еще далеко до той критики, которой подвергли фракціонную формулировку соціалъ-демократическіе большевики. Чтобы увидѣть, насколько эта критика малообъективна, достаточно хотя бы бѣглаго анализа тѣхъ аргументовъ, которыми, напр., С. Петровъ пытается убѣдить читателей „Вѣстника Жизни“, что въ вопросѣ о безработицѣ соціалъ-демократы оказались не на высотѣ, что освѣщеніе, которое придаютъ этому вопросу меньшевики, цѣликомъ „списано съ фритредерскихъ воплей“, „типично либерально“ и пр. [2]).

Прежде всего его не удовлетворяетъ „сосредоточеніе всѣхъ свѣдѣній“. „А что,—восклицаетъ онъ,—если кто-нибудь изъ правыхъ или изъ кадетовъ задалъ бы с.-д. вопросъ: „А у васъ, господа, во фракціи еще не сосредоточены свѣдѣнія? Еще не собраны матеріалы? Еще нѣтъ собственныхъ сужденій? На свои то силы, господа, не полагаетесь? Безъ „черненькихъ“ да безъ кадетовъ ни свѣдѣній, ни матеріаловъ собрать, ни законопроекта подготовить не надѣетесь?“ Что отвѣтили бы с.-д. на такіе вопросы?“ — вопрошаетъ авторъ, повидимому, совершенно не подозрѣвая, что, вмѣсто того, чтобы производить должный эффектъ, онъ повторяетъ лишь тотъ бойкотистскій методъ, отъ котораго его товарищи такъ „тонко“ отреклись передъ второй Думой. Онъ совершенно не считается съ тѣмъ, какія огромныя трудности представляетъ вопросъ въ виду полнаго отсутствія почти подготовительныхъ работъ. Вѣдь для того, чтобы выяснить его, нужно знакомство не только съ бытомъ безработнаго, но и съ бытомъ рабочаго. А что сдѣлано въ этомъ направленіи? Если что-нибудь и есть, то развѣ можно сравнить съ тѣмъ, что, напр., сдѣлано у насъ по

---

[1]) Ibid.

[2]) «Вѣстникъ Жизни», № 5. «Вопросъ о безработицѣ въ Государственной Думѣ».

отношенію къ крестьянству, ну хотя бы съ тридцатилѣтними земско-статистическими изслѣдованіями? Теперь представьте, что за это взялась фракція, та самая, которая была обыскана два раза въ квартирѣ деп. Озоля. Неужели она въ состояніи была сколько-нибудь поставить вопросъ сама, внѣ той компетенціи, которая ей сообщаетъ Дума? Неужели, если она въ состояніи была предпринять нѣкоторые шаги, то это не значило, что ту же задачу должна была ставить себѣ и думская комиссія? Неужели ей ставить такую задачу значило подчеркивать, что безъ правыхъ и кадетовъ невозможны ни матеріалы, ни законопроекты? Только тѣмъ нигилистическимъ отношеніемъ къ Думѣ, той привычкой кивать на „самаго сѣраго мужика“, которыя такъ характерны для большевика-соціалъ-демократа, продиктованы эти строки. Да стоило самому автору подойти къ дѣлу объективнѣе, чтобы понять, что никто, въ сущности, такихъ вопросовъ соціалъ-демократамъ и не задастъ...

Не менѣе характерна оцѣнка, которую даетъ авторъ „пресловутому разслѣдованію на мѣстахъ“. Допустимъ,—говоритъ онъ,—что Дума послала бы г. Кизеветтера собрать необходимыя свѣдѣнія о безработицѣ въ Москвѣ, поручила бы г. Струве, какъ опытному регистратору, собрать необходимыя данныя по Петербургу, возложила бы, наконецъ, на г. Кутлера изслѣдованіе вопроса объ усилившейся послѣ ноябрьскихъ забастовокъ безработицѣ среди банковскихъ служащихъ и лѣсничихъ... „Допустимъ, что Дума согласилась бы на все это!.. Но гдѣ же тутъ пресловутая организація общественныхъ силъ? Можно было, какъ о чемъ-то серьезномъ, говорить о „посылкѣ эмиссаровъ на мѣста“ въ первой Думѣ, которая умѣла и встрѣчать, и провожать по заслугамъ тѣхъ, въ комъ видѣли палачей и убійцъ. Можно будетъ, б. м., снова поднять вопросъ объ этомъ способѣ закрѣпленія связей съ населеніемъ въ третьей Думѣ. Но... говорить въ *этой* Думѣ объ организаціи общественныхъ силъ путемъ разсылки эмиссаровъ просто наивно“ [1]). Опять... демонстрація безсилія. Во-первыхъ, почему Дума послала бы *только* гг. Струве, Кутлера, Кизеветтера, почему она *вмѣстѣ съ тѣмъ* отказалась бы отъ Алексинскаго, Петрова, вообще, тѣхъ, кто получилъ представительство отъ рабочихъ? Во-вторыхъ, соціалъ-демократы и не мотивировали разслѣдованіе на мѣстахъ интересами организаціи общественныхъ силъ. Отстаивая это разслѣдованіе, Джапаридзе мотивировалъ его съ одной стороны тѣмъ, что научное изслѣдованіе произведено быть не можетъ, что если возможно собрать дѣйствительно богатый матеріалъ, то лишь путемъ обращенія комиссіи къ оффиціальнымъ лицамъ и учрежденіямъ, представителямъ земствъ и городовъ, печати и т. п.; съ другой стороны, тѣмъ, что уже самымъ фактомъ разслѣдованія будетъ положенъ, въ извѣстной степени, предѣлъ тому произволу, тому хищничеству, которые лежатъ въ основѣ цѣлаго ряда пролетарскихъ

[1]) „Вѣстникъ Жизни“, 5, стр. 101—102.

катастрофъ. Вынося на свѣтъ подобныя дѣянія, „комиссія, молъ, этимъ самымъ будетъ отдавать ихъ на судъ общественнаго мнѣнія и до нѣкоторой степени ослабитъ ту разнузданность, которая проявляется теперь по отношенію къ рабочимъ“. Конечно, связь съ идеей организаціи общественныхъ силъ несомнѣнна. Но если, по мнѣнію автора статьи, говорить объ организаціи общественныхъ силъ въ *этой* Думѣ наивно, то почему наивно то, о чемъ говорилъ Джапаридзе? Отвѣтъ въ статьѣ читатель напрасно сталъ бы искать.

Слабая сторона соціалъ-демократической позиціи, внѣ сомнѣнія, въ томъ, что ораторы не указали никакихъ конкретныхъ мѣръ. Правда, они заявили, что эти мѣры будутъ разработаны фракціей и внесены въ комиссію, но отъ этого ихъ рѣчи и самое предложеніе очень много потеряли—конечно, не столько въ интересахъ думскихъ коллегъ, сколько въ интересахъ пролетаріата, который съ столь понятнымъ возбужденіемъ прислушивался ко всему тому, что происходило въ этотъ день въ Думѣ. Быть можетъ, послѣ всего того, что уже говорилось по этому вопросу, той участи, которая неизмѣнно постигала эти рѣшенія и попытки, какъ то естественно не хватило духу, чтобы съ тѣмъ же пыломъ 101-й разъ повторить то, что уже 100 разъ было сказано. Въ западной Европѣ въ тяжелыя минуты жизни, аналогичныя тѣмъ, какія сейчасъ переживаетъ пролетаріатъ въ Россіи, огромную энергію проявляютъ профессіональные союзы, но на какіе профессіональные союзы можно было опереться меньшевикамъ. Въ матеріальныхъ расходахъ, требующихся для поддержки безработныхъ, принимаютъ тамъ участіе и органы самоуправленія и государство; но не въ гг.-ли Рѣзцовыхъ, не въ г.-ли Философовѣ слѣдовало ораторамъ черпать источникъ вдохновенія. Вѣдь все это старо, какъ сами бѣдствія безработныхъ. Спеціальные органы помощи безработнымъ? Но Дума, какъ учрежденіе законодательное, такъ сказать, не можетъ о нихъ и мечтать при существующемъ положеніи вещей. Въ лучшемъ случаѣ она можетъ воспользоваться существующимъ продовольственнымъ уставомъ, предусматривающимъ организацію общественныхъ работъ органами самоуправленія, но вѣдь это та же сказка про бѣлаго бычка. Все это такъ, все это не могло не влiять на настроеніе, создавая атмосферу того „дѣлового“ обсужденія, которое не дало, кажется, еще ни одного большого думскаго дня, но фактъ на лицо: агитаціонное значеніе преній о безработицѣ не велико.

Объ этомъ, конечно, нельзя не пожалѣть, такъ какъ, во-первыхъ, вообще, необходимо было стремиться къ тому, чтобы побольше посвящать вниманіе вопросамъ на думскихъ засѣданіяхъ, чѣмъ на засѣданіяхъ комиссій; во-вторыхъ ораторы-меньшевики, судя по тому, что фракція готовилась внести въ комиссію, могла сказать много важнаго и необходимаго въ самомъ конкретномъ значеніи этого слова.

С. Петровъ въ вышецитированной мною статьѣ высказывается за законопроектъ объ обязанности мѣстныхъ самоуправленій организовывать помощь безработнымъ. Такой законопроектъ, извѣстнымъ образомъ мотивированный, соціалъ-демократы могли бы, по его мнѣнію, выдвинуть, „какъ призывъ, обращенный къ безработнымъ и широкимъ рабочимъ массамъ, къ немедленному натиску на твердыни органовъ буржуазнаго мѣстнаго самоуправленія". Повидимому, этотъ лозунгъ пользуется популярностью и въ нѣкоторыхъ слояхъ пролетаріата. По крайней мѣрѣ вотъ, что собраніе уполномоченныхъ 42 петербургскихъ фабрикъ и заводовъ, состоявшееся 10 марта, постановило: „такъ какъ у Государственной Думы нѣтъ силы и власти, чтобы передать деньги въ руки демократически избранной комиссіи, то она должна *законодательнымъ* путемъ возложить на мѣстныя управленія обязанность борьбы съ дороговизной хлѣба и бѣдствіями безработицы. Не дожидаясь, пока этотъ вопросъ пройдетъ всѣ законодательныя стадіи, такъ какъ голодъ и нужда не ждутъ, Государственная Дума должна особой резолюціей закрѣпить за пролетаріатомъ право требовать отъ мѣстныхъ самоуправленій хлѣба голоднымъ, работы безработнымъ и призвать пролетаріатъ къ неуклонной борьбѣ за это требованіе" [1]).

„Безспорно, противъ натиска на отцовъ города,—всѣхъ этихъ домовладѣльцевъ, купцовъ, фабрикантовъ, заводчиковъ, тѣхъ самыхъ, которые другой рукой собственно и расчитываютъ рабочихъ,—какъ средства, которое всегда въ той или иной формѣ дѣйствительно, мы возражать не будемъ. Но въ то же время соціалъ-демократы-меньшевики отнюдь не возлагаютъ надеждъ на законы, на вмѣшательство центральной власти, которое могло бы имѣть одинъ результатъ, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Д. К. въ „Народной Думѣ" [2]), а именно, что рабочіе, воспринявъ принципъ вмѣшательства сверху, ожидая отъ дѣятельности мѣстныхъ самоуправленій большихъ или меньшихъ результатовъ, стали бы терпѣливѣе, пассивнѣе, давъ этимъ еще большую возможность гг. Гучковымъ и Рѣзцовымъ отдѣлываться ничтожными подачками. Что всего характернѣе, такъ это то, что С. Петровъ, по мнѣнію котораго сторонники нашего взгляда потому именно и придерживаются его, что упускаютъ изъ виду реальныя силы, могущіе претворить въ жизнь благое пожеланіе Государственной Думы — силы рабочаго движенія, все время говоря о давленіи на мѣстныя самоуправленія, самъ же и забываетъ вопросъ о рабочихъ организаціяхъ, въ частности профессіональныхъ союзахъ. Между тѣмъ, не будь ихъ, какіе бы законы ни „издавала" Государственная Дума или государственный совѣтъ, никакое давленіе не было бы возможно,

---

[1]) „Народная Дума", № 4. Курсивъ нашъ.
[2]) Ibid. № 6.

такъ какъ лишь рабочія организаціи въ состояніи сдѣлать для безработныхъ въ предѣлѣ земномъ все земное.

Вотъ почему право рабочимъ организаціямъ, въ частности профессіональнымъ союзамъ, свободно развивать свою дѣятельность является, по мнѣнію меньшевиковъ, однимъ изъ главныхъ, какое Государственная Дума должна была требовать у правительства. Рядомъ съ этимъ стоитъ реформа органовъ общественнаго самоуправленія по возможности на болѣе европейскихъ началахъ. Дѣло въ томъ, что основнымъ требованіемъ было и будетъ, конечно, открытіе Государственной Думой кредита на организацію общественныхъ работъ. Но кому должны быть переданы эти средства? Само собой не гг. Гурко и Лидвалямъ, какъ и не самой Думѣ, которая не можетъ заниматься организаціей работъ да и не должна брать на себя какъ бы отвѣтственность за то настроеніе, которое царитъ въ странѣ. Значитъ, деньги должны быть переданы комиссіи, по настоящему, избранной всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ всего городского населенія. А пока такой быть не можетъ, они могутъ быть переданы лишь комиссіи, составленной изъ равнаго числа представителей буржуазно-городского самоуправленія и рабочихъ организацій. Вотъ почему такъ важны и свобода союзовъ, и мѣстная реформа.

Затѣмъ слѣдуетъ рядъ такихъ средствъ, какъ восьмичасовой рабочій день, одно изъ важнѣйшихъ средствъ борьбы съ безработицей, тѣмъ болѣе важное, что именно въ моментъ безработицы капиталъ имѣетъ склонность больше всего удлинять рабочій день; уничтоженіе сверхурочныхъ работъ, получившихъ столь широкое распространеніе опять таки благодаря возможности для рабочихъ бороться съ эксплоатаціей фабрикантовъ, запрещеніе ночной работы—все то, что лежитъ въ основѣ охраны труда.

Для борьбы съ хлѣбной дороговизной, о которой мы говорили выше, должна быть учреждена—какъ справедливо указывали представители 42 петербургскихъ фабрикъ и заводовъ—комиссія, которая во-первыхъ обслѣдовала бы состояніе петербургскаго хлѣбнаго рынка и во-вторыхъ организовала бы путемъ открытій хлѣбныхъ магазиновъ и хлѣбопекаренъ продажу хлѣба по нормальнымъ цѣнамъ.

Всѣ эти средства не могутъ практически разрѣшить вопросъ Они могутъ лишь смягчить положеніе при томъ условіи, если рабочій вопросъ вообще, частью котораго является безработица, получитъ сколько-нибудь коренную постановку. Но для того, чтобы рабочій вопросъ получилъ не узко-практическую, а принципіальную постановку въ сферахъ, *вся* политическая конъюнктура должна рѣзко измѣниться, долженъ рѣзко измѣниться даже... принципъ думскаго представительства... разумѣется, въ направленіи, обратномъ тому, въ какомъ измѣненіе уже произошло.

Л. Клейнбортъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

„Библіотека Юнаго Читателя“

М. Сабинина. (по Грантъ-Аллену, Беклей, Брему и др.). Война и миръ въ царствѣ животныхъ. Ц. 15 к.

Э. Пименова. Страна великихъ озеръ. (Канада). Ц. 25 к.

Сборникъ разсказовъ для дѣтей Ц. 25 к.

Изданія И. Горбунова-Посадова.

В. Лонгъ. Маленькіе строители. Ц. 30 к.

Его же. Богатырь лѣсовъ. Ц. 40 к.

Л. Н. Толстой. О просвѣщеніи—воспитаніи и объ образованіи—обученіи. Избранныя мысли. Ц. 35 к.

Изданія „Посредника“

I) Можно ли человѣку безъ работы жить? Быль В. Ф.

II) Послѣдній день. Сказаніе про князя, купца, музыканта и простого мужика. Ц. 2 к.

С. Т. Семеновъ. Призывной. Ц. 2 к.

Е. Милицына. Не по закону. Ц. 3 к.

Октавъ Мирбо. На войнѣ. Пер. съ франц Ширмонъ-Коганъ. Ц. 3 к.

Ад. Шиманскій. Тоска по родинѣ. Пер. съ польск. М. Троповской. Ц. 2 к.

Викторъ Гюго. Осужденный на смертную казнь. Ц. 15 к.

Л. Н. Толстой. За что? Разсказъ изъ польскихъ возстаній. Ц. 8 к.

Его же. I) О жизни. II) О новомъ жизнепониманіи. Ц. 35 к.

Его же. Въ чемъ моя вѣра? Ц. 40 к.

Его же. Что-же дѣлать? Ц. 3. к.

Валерій Брюсовъ. Земная ось. Изд. к-ва „Скорпіонъ“. Ц. 1 р. 50 к.

А. Мицкевичъ. Панъ Тадеушъ. Поэма. Пер. съ польск. Н. В. Берга. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Ц. 1 р.

Г. В. Доброскокъ. Крамольникъ. Разсказъ.

Ѳедоръ Сологубъ. Стихи. Книга шестая. Змій. Ц. 40 к.

Даріенъ и Лора. Французская каторга. „Бириби“. Пьеса въ 4-хъ актахъ. Пер. Экъ. Ц. 50 к.

И. Тимковскій-Костинъ. Городъ пролетаріевъ (Лодзь). Ц. 15 к.

Юрій Слезкинъ. Въ волнахъ прибоя. Вып. I дешевой библіотеки „Грядущаго дня“. Ц. 20 к.

Студенческій Сборникъ. Изд. Харьковск. Студ. Литературн. кружка. Ц. 75 к.

Шарль Бодлеръ. „Мое обнаженное сердце“. Дневникъ. Пер. Элисъ. Кн-во „Дилетантъ“. Ц. 50 к.

Н. А. Флеровъ. Жизнь и борьба за существованіе. Изд. А. С. Панафидиной. Ц. 30 к.

Е. П. Пашинская и Е. П. Де-Турже-Туржанская. Безправные. (Очерки и разсказы). Ц. 50 к.

Танъ. Красное и черное. Очерки. Изд. В. М. Саблина. Ц. 1 р.

Е. Чіріков. Евреі. (Пьеса на 4 дii). В перекладі Леонида Пахаревскаго. З передмовою Сім. Петмори. Ціна 25 к.

М. Драгоманов. Про українських козаків, татар та турків. Т-во Просвіта. Ціна 8 к.

Гергартъ Гауптманъ. Ткачи. Драма въ 5-ти дѣйств. Пер. съ нѣм. Д. Гальперина. Изд. Ф. Павленкова. Ц. 25 к.

М. И. Успенскій. Юный гражданинъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Ц. 25. к.

Изданія Кн-ва „Трудовой Союзъ“.

И. В. Майоровъ. Трудовое товарищество. (Кооперація). Ц. 6 к.

А. Б—ичъ. Крестьянская Дума въ тюрьмѣ. Ц. 7 к.

Вал. Вовчокъ. Какъ земля обогатитъ народъ. Ц. 12 к.

А. Микульчикъ. Стихотворенія рабочаго. Ц. 12 к.

Изданія Кн-ва „Освобожденіе Труда“.

Атлантикусъ. Производство и потребленіе въ будущемъ соціалистическомъ государствѣ. Со статьей Каутскаго. Ц. 25 к.

Анисимъ Кругляковъ. Націонализмъ въ маскѣ марксизма. Ц. 15 к.

Э. Адлеръ. Знаменитыя женщины великой французской революціи. Пер. съ нѣмецк. Ц. 85 к.

Дѣло 1-го марта 1881 г. Процессъ Желябова, Перовской, Михайлова, Кибальчича, Гельфманъ и Рысакова. Ц. 40 к.

Военно-полевые Суды. (Отчетъ Государственной Думы). Изд. Вятскаго Т-ва. Ц. 12 к.

Отзывы наиболѣе распространенныхъ финляндскихъ газетъ по по-

воду преступнаго распространенія нелѣпыхъ слуховъ „о вооруженіи Финляндіи".

Государственная Дума. Указатель къ стенографическимъ отчетамъ. 1906 г. Сессія 1-я. Редакт. Ал. Пиленко. Изд. юрид. кн. магаз. „Право". Ц. 40 к.

Платонъ Лебедевъ. Библіотека соціалъ-демократа. Дополненіе ко 2-му изд. Ц. 8 к.

Н. Троцкій. Въ защиту партіи. Ц. 60 к.

Д. А. Деворъ. Выборная кампанія. I. Блокъ. Ц. 30 к.

А. М. I) Усмирили. II) За что? Кн-во „Сила" Ц. 2 к.

Ѳ. Тищенко. Кормилецъ въ тюрьмѣ. Изд. К-ва „Новое Товарищество". Ц. 5 к.

Я. Лещинскій. Марксъ и Каутскій о еврейскомъ вопросѣ. Изд. Кн-ва „Перевалъ". Ц. 15 к.

Ю. Лавриновичъ. Итоги россійской конституціи. Изд. Кн-ва „Свобода и Право". Ц. 25 к.

Гастонъ Мокъ. Армія въ демократическомъ государствѣ. Изд. Е. П. Горской. Ц. 70 к.

Ф. Паульсенъ. Шопенгауеръ, какъ человѣкъ, философъ и учитель. Пер. Т. Богдановичъ. Изд. Кн-ва „Просвѣтъ". Ц. 25 к.

Д-ръ Гаазе. Судъ въ классовомъ государствѣ. Пер. съ нѣм. П. Демьянова. Изд. Кн-ва „Движеніе". Ц. 15 к.

Книгоиздательство „Парма".

К. Ѳ. Жаковъ. Принципъ эволюціи въ гносеологіи, метафизикѣ и морали. Ц. 75 к.

Его же. Изъ жизни и фантазіи. Ц. 50 к.

Г. В. Плехановъ. Генрихъ Ибсенъ. Перевелъ отъ оригинала Я. С. Хлѣбаровъ. Изд. литер.—крит. б-ки. „Буревѣстникъ". Ц. 70 к.

В. В. Святловскій. Указатель литературы по профессіональному рабочему движенію (вышедшей на русскомъ языкѣ по 9 января 1907 г.). Изд. Кн-ва „Начало". Ц. 15 к.

Библіотека „Просвѣщенія".

Карлъ Марксъ. Восемнадцатое брюмера Люд. Наполеона. Пер. съ нѣм. Р. С. Аснесъ. Ц. 30 к.

Фр. Энгельсъ. Анти-Дюрингъ. Пер. съ нѣм. Н. Я. Брука. Ц. 1 р.

Роза Люксембургъ. Соціальная реформа или революція? Пер. съ нѣм. М. Б. Розенберга. Ц. 30 к.

Г. Іеккъ. Интернаціоналъ. Пер. съ нѣм. А. А. Полянскаго. Ц. 80 к.

С. Харизоменовъ. Грѣхи интеллигенціи. Ц. 20 к.

Наше мѣсто въ вѣчности. Ц. 50 к.

Проф. Р. Випперъ. Съ Востока свѣтъ. Ц. 20 к.

Карлъ Шурцъ. Изъ воспоминаній нѣмецкаго революціонера. Пер. съ нѣм. А. Н. Анненской. Изд. ред. журн. „Русское Богатство". Ц. 30 к.

В. Бельше. Происхожденіе человѣка. Пер. съ нѣм. подъ ред. С. Г. Займовскаго. Изд. Т-ва Міръ. Ц. 50 к.

Изданія Ф. Павленкова „Основа".

А. И. Герценъ. Старый міръ и Россія. Ц. 10 к.

Его же. Императоръ Александръ I и В. Н. Каразинъ. Ц. 12 к.

Его же. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Ц. 20 к.

Его же. Робертъ Оуэнъ. Ц. 12 к.

Альфредъ Уоллесъ. Научныя и соціальныя изслѣдованія. Т. II. Пер. съ англ. Л. Лакіера. Ц. 80 к.

Изданія Т-ва „Знаніе".

XV Сборникъ. Т-ва Знаніе за 1907 г. Ц. 1 р.

Шелли. Полное собраніе сочиненій, въ перев. К. Д. Бальмонта. Т. III. Ц. 2 р.

А. А. Золотаревъ. Опасный врагъ юности. Популярно-научный очеркъ. Ц. 35 к.

Д-ръ мед. В. А. Молчановъ. Краткій курсъ гигіены. Пособіе для учащихся. Ц. 60 к.

Врачъ А. И Макушинъ. Популярная гигіена для среднихъ учебныхъ заведеній. Ц. 1 р. 25 к.

Д-ръ А. Ф. Никитинъ. Изслѣдованіе учебныхъ книгъ въ гигіеническомъ отношеніи и его методика.

Д-ръ В. Д. Ревеліоти. Учебникъ гигіены для среднихъ учебныхъ заведеній и профессіональныхъ школъ. Ц. 75 к.

Е. В. Ельцовъ. Записки по анатоміи человѣка. Ц. 30 к.

М. М. Пэттисонъ Мюръ. Разсказы о химическихъ элементахъ. Пер. съ англ. подъ ред. С. Г. Крапивина. Изд. М. М. Сидорова. Ц. 50 к.

Н. Яковлевъ. Учебникъ химіи. (Начальный курсъ). Ц. 40 к.

Проф. Шейдъ. Химическіе опыты для юношества. Пер. съ нѣм. подъ ред. Е. С. Ельчанинова. Ц. 1 р. 20 к.

В. Чернышевъ. Забытые труды К. Д. Ушинскаго. Ц. 20 к.

С. А. Ершовъ. Справочная книга земледѣльца. Часть I. Ц. 50 к.

Н. Денисюкъ. Критическая литерату-

ра о произведеніяхъ А. Н. Островскаго. Вып. IV-й (1874—1892 гг.). Изд. А. С. Панафидиной. Ц. 1 р. 50 к.

Севастопольскія письма Н. И. Пирогова. 1854—1855. Подъ ред. и съ примѣч. Ю. Г. Малиса. Изд. Русск. Хирургич. О-ва Пирогова. Ц. 1 р. 50 к.

Е. В. Членовъ. Эволюція политическаго сіонизма и задачи текущаго момента

Д-ръ Цвіичъ. Замѣтки по этнографіи македонскихъ славянъ. Перев. А. О. Ц. 80 к.

А. Ф. Волковъ. Защита правъ въ Англіи путемъ арбитража.

П. Гензель. Налогъ съ наслѣдства въ Англіи. Ц. 3 р. 50 к.

Справочный листокъ біолога. № 1. 1907 г.

А. А. Сахаровъ. На пути къ братству народовъ. Сборникъ статей о международномъ языкѣ Эсперанто. Ц. 60 к.

Домашній докторъ. Ежемѣс. народн. медиц. журн. д-ра Б. А. Окса и И. Р. Тарханова. № 1. Январь 1907 г. Ц. 15 к.

Природа въ школѣ. Ежемѣс. журналъ. № 1 и 2. Ц. 25 к.

Ученическій ежемѣсячный научно-литер. журналъ «Школа и Жизнь». № 1. Январь 1907 г. Ц. 25 к.

Вѣстникъ О-ва «Самообразованіе». № 1. Февраль 1907 г. Ц. 20 к.

— Тоже № 2. Февраль 1907 г. Ц. 20 к.

Свѣдѣнія о дѣятельности Самарскаго Комитета Обществ. Помощи Голодающимъ. № 1.

Дѣятельность С.-Петербургскаго О-ва Народныхъ Университетовъ въ 1906 г.

Труды Перваго Всероссійскаго съѣзда по педагогической психологіи въ С.-Петербургѣ. Въ 1906 г. **Сост. М. И. Коноровъ.** Ц. 1 р. 20 к.

Статистическій Ежегодникъ Московской губ. за 1906 г. Часть 1-я.

Статистическій Ежегодникъ. 1906 г. Изд. Харьковской Губернской Земской Управы.

Библіотека „Свѣточа“.

„Вѣстникъ Востока“. Еженедѣльникъ соціально-политическій. № 3. Харбинъ. Ц. 15 к.

„Наша Трибуна“. Еженедѣльникъ. № 3. Вильна. Ц. 6 к.

Н. Тезяковъ. Краткій очеркъ заболѣваемости и смертности войскъ манчжурскихъ армій за время русско-японской войны 1904—1905 гг. Изъ жизни О-ва Русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. 1906 г. № 3.

Редакторъ-Издатель **А. Острогорскій.**

HALL USE
AUG 23

